

ПИТЕР СТРАУБ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДРАКОН

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А.И. Мухомов 94

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Питер Страуб

ДРАКОН

Жуковский
КЭДМЭН
1994

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 18

Peter Straub

FLOATING DRAGON

Художник А.Н.Миронов

Главный редактор Б.И.Самарханов

Питер Страуб
Дракон: роман

ISBN 5-85743-022-4

Copyright © 1982 by Peter Straub

© А.Н.Миронов, 1994, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1994, перевод

ДРАКОН

Ныне земля и небо неотличимы и навек едины.

Джон Эшбери
«Гонимый пейзаж»

*Дьявол — бессловесный дух. И все, что ему
известно, мы выбалтываем ему сами, своим
длинным языком.*

Фредерик К. Прайс

Введение СМЕРТЬ СТОУНИ ФРАЙДГУД

1

1962-1963

Для Стоуни Бакстер Фрайдгуд ее периодические любовные интрижки были приключениями — так забавно увлечь мужчину, уверенного, что это именно он завлек тебя. Это придавало ее жизни остроту, утерянную с тех пор, когда ей исполнилось двадцать и она была студенткой в Скриппс-Клермонте. Но эти интрижки не были просто приключениями — они также сохраняли ее брак. В колледже она одновременно крутила любовь с четырьмя парнями, и лишь один из них, математик, студент последнего курса по имени Лео Фрайдгуд, знал о существовании остальных. Похоже, Лео забавляла ее скрытность, так же, как забавляло данное ей в частной школе прозвище. Только несколько месяцев спустя Стоуни поняла, какие чувства он в действительности скрывал под этим внешне небрежным отношением.

Так что она вышла замуж за него сразу по окончании колледжа и дальше учиться не пошла. Да и Лео тоже. Он сбрил бороду, купил костюм и нанялся на работу в корпорацию «Телпро», контора которой располагалась в Санта-Монике.

2

1969

До пяти лет Табби Смитфилд рос в огромном каменном доме в Хэмпстеде, Коннектикут; вокруг дома лежали четыре акра любовно возделанной земли, и к воротам была подведена сигнализация. Шестнадцать домов, выстроившихся вдоль Лонг-Айленд Саунда, были достаточно живописными, чтобы привлекать туристов — не меньше шести автомобилей в день проезжали по Маунт-авеню, чтобы пассажиры могли полюбоваться роскошными особняками, еле различимыми за оградой. Маунт-авеню была «Золотой милей», хотя в действительности и тянулась вдвое дольше. Раньше это была дорога между Хиллхэвеном, Викторианским пригородом Патчина, и Хэмпстедом. Когда-то она была настоящей транспортной артерией, но уже давно потеряла былое значение. Теперь в роскошных домах жили фабриканты с заводов Бриджпорта и Вудвилла, врач — глава самой обширной в округе Патчин практики и другие люди, немолодые, не любящие вмешательства в свою частную жизнь. Туристы,

слоняющиеся по «Золотой миле», редко видели их — иногда можно было заметить заезжую кинозвезду, приехавшую подышать целебным морским воздухом, или президента колледжа, отдыхающего от утомительной кампании по выбиванию фондов, но сами владельцы домов оставались невидимыми.

Однако те, кто проезжал мимо открытых ворот большого серого каменного дома в 1969 году, могли видеть высокого темноволосого мужчину в белом теннисном костюме, играющего с маленьким мальчиком. Возможно, на ступеньках особняка в это время стояла напряженная и внимательная няня в чепце и передничке. И, возможно, мальчик тоже выглядел напряженным и внимательным, так, словно маленький Табби Смитфилд отчасти сознавал, что с отцом играть ему не полагается. Все это делало эту группу из трех человек — няни, отца и сына — странно статичной, точно они разыгрывали какую-то пьесу. Но эта сцена была неважно срежиссирована — одно действующее лицо отсутствовало.

3

1964

Первая любовная интрижка Стоуни Фрайдгуд после замужества случилась в 1964 году с мужем приятельницы, которая жила по соседству в одном из чистеньких домиков, вытянувшихся в ряд вдоль улицы. Объект ее внимания не был похож на Лео — он был жизнерадостным белокурым молодым банковским деятелем, и Лео обычно отзывался о нем презрительно. Этот роман длился лишь пару месяцев.

Нежное лицо Стоуни, обрамленное блестящими каштановыми волосами, можно было часто увидеть в художественных галереях и музеях и — в определенное время — в определенных барах. С некоторой точки зрения, на которой не стояли ни родители Лео, ни родители Стоуни, Фрайдгуды были удачной парой. Со временем Лео получил два повышения по службе и его перевели в контору «Телпро» в Нью-Йорке, а Стоуни набрала лишь один фунт сверх того, что она весила, когда была студенткой в колледже. Уехав, она оставила курсы упражнений по системе йогов, незаконченную кулинарную школу и поверхностные воспоминания о шести или семи мужчинах. Лео вообще ничего не оставил — компания оплатила перевозку на Восток его парусной лодки и восьми ящиков, которые он называл своим «погребом».

1968

Монти Смитфилд, дедушка Табби, во времена детства Табби был значительной фигурой. Именно Монти первым целовал Табби, когда тот возвращался из детского садика, и Монти вместе с матерью Табби впервые повел его в парикмахерскую. На Рождество и дни рождения Монти делал Табби роскошные подарки: игрушечные железные дороги и все виды дошкольного транспорта, начиная от детской каталки и всяческих велосипедов и кончая крохотным пони. Этот подарок был с помпой преподнесен на третий день рождения Табби в августе 1968 года. Монти устроил тогда шикарный вечер для двадцати детей, оркестр играл песни Битлов и мелодии из фильмов Диснея. Присутствовала ледяная скульптура бронтозавра, поскольку Табби тогда увлекался динозаврами, и лишь эволюция помешала Монти преподнести своему внучку живого детеныша.

— Давай, Кларк! — воззвал жизнерадостный старец к своему сыну, когда садовник вывел косматого крохотного пони. — Посади сына на эту зверюгу!

Но Кларк Смитфилд ушел в спальню и в этот момент посылал теннисный мяч при помощи потертой сполдинговской ракетки в резное изголовье кровати, стараясь сбить позолоту с причудливой резьбы.

Как и любой ребенок, Табби не имел понятия, чем его отец зарабатывает себе на жизнь, равно как и о том, что на жизнь вообще нужно зарабатывать. Кларк Смитфилд пребывал дома четыре или пять раз в неделю, проигрывая записи рок-музыки в гостиной их крыла огромного дома, или же выезжал на все теннисные матчи, на которые только мог выбраться. В возрасте трех или четырех лет, когда Табби начал спрашивать, чем занимается его папа, ему отвечали, что он играет в игры. Кларк никогда не брал его с собой в помещение компании, где он числился номинальным вице-президентом, а вот дедушка продемонстрировал его секретарям, объявив, что они видят перед собой будущего главу «Смитфилд Систем инк». Перед тем как показать Табби компьютерную, старик отворил двери и сказал:

— Имей в виду, вот это контора твоего отца.

Это была маленькая, пыльная комнатка, в которой был один лишь стол с голой столешницей и многочисленные фотографии отца Табби, получающего призы на теннисных соревнованиях, а также доска для метания стрелок, принадлежавшая раньше Ричарду Никсону, такая же пыльная, как и все остальное.

— Мой папа тут работает? — с младенческой наивностью спросил Табби и один из секретарей фыркнул.

— Он работает, — настаивал Табби. — Он действительно работает. Погляди, он тут играет в теннис.

На лице старика промелькнуло раздраженное выражение, и за все время их пребывания в конторе он больше не улыбнулся.

Когда его отец и дед сходились в комнате вместе — на семейных обедах, которых Кларк не мог избежать, и каждый раз, когда старик входил в апартаменты сына, — атмосфера неприязни почти ощутимо замораживала воздух. Табби в эти минуты казалось, что его отец — тоже ребенок, не многим старше его самого.

— Почему ты не любишь дедушку? — спросил он своего отца как-то раз, когда тот читал ему сказку на ночь.

Кларк вздохнул.

— Для тебя все это слишком сложно.

Временами, особенно часто когда ему исполнялось пять, Табби слышал, как его дед и отец ссорятся.

Они ссорились по поводу длины волос Кларка, по поводу стремления Кларка стать блестящим игроком в теннис (что Монти презирал) и из-за обязанностей Кларка. Кларк и Монти Смитфилды обычно держались друг с другом холодно и отчужденно, но каждый раз, когда Монти начинал поучать сына, между ними разыгрывались бурные сцены — в столовой, в обеих гостиных, в коридоре, на лужайке. Эти ссоры всегда кончались тем, что Кларк разворачивался и уходил прочь.

— Что ты собираешься делать, — окликнул Кларка Монти после одной из таких стычек, свидетелем которой был Табби. — Уйти из дома? Ты не можешь себе этого позволить — другой работы ты не найдешь.

Табби побледнел — он не понимал, что говорится, но презрительный тон сказанного ощущал хорошо. В этот день до обеда он ни с кем не разговаривал.

Жена и мать Кларка были тем клеем, который скреплял две семьи в одно сложное целое: Монти действительно любил Джин, мать Табби, а Джин и ее свекровь удерживали Кларка на работе. Может, если бы Кларк Смитфилд как теннисный игрок был на двадцать процентов лучше, чем он был на самом деле, или на двадцать процентов хуже, жизнь в старом доме на Маунт-авеню текла бы по-другому. Или, если бы он был меньше погружен в себя, а его отец не обладал бы таким твердым характером. Но Джин и ее свекровь полагали, что со временем Кларк все же привяжется к своему делу, а Монти — к своему сыну, и удерживали семьи вместе. Так все и шло в привычном и почти удобном антагонизме. До того, как с Табби и его семьей случилась первая по-настоящему ужасная история.

1975

Фрайдгуды, которые казались идеальной парой, въехали в дом колониального стиля в Хэмпстеде в 1975 году. В тот год Табби Смитфилду исполнилось десять лет и он жил со своим отцом и мачехой в Южной Флориде. Тогда как Лео Фрайдгуд постепенно занимал все более высокое положение в избранном им мире, Кларк Смитфилд, похоже, все дальше расходилась со своей удачей — сначала он работал буфетчиком, потом расстался с этой работой ради места торгового агента в фирме стеклянных изделий Холлинсворта; затем вылетел и оттуда после того, как напился на яхте, принадлежавшей президенту компании, и облевал роскошные ковровые тапочки Роберта Холлинсворта, опять работал буфетчиком, но уже в другом баре и, наконец, нанялся на службу охранником. Он работал ночью и во время обхода таскал с собой бутылку, к которой постоянно прикладывался. К тому времени и его первая жена, и его мать были уже мертвы. Агнес Смитфилд умерла от кровоизлияния в мозг одним теплым майским утром, когда обсуждала с садовником обустройство альпийской горки, и жизнь ее оборвалась прежде, чем тело коснулось земли. Монти Смитфилд продал большой дом и вместе с экономкой и кухаркой переехал в дом под названием «Четыре сердца» на Эрмитаж-роад, в пяти минутах езды от своего прежнего местобитания. Этот новый дом находился лишь четырьмя кварталами дальше нового дома Фрайдгудов.

Лео теперь был одним из вице-президентов «Телпро» и зарабатывал почти пятьдесят тысяч долларов в год; он покупал свои костюмы у Трипли, отрастил густые мрачные усы и носил прическу достаточно длинную, чтобы выглядеть заросшим. Всегда склонный к полноте, он набрал еще двадцать фунтов веса, невзирая на ежедневную пробежку длиной в милю, и теперь — с внимательным взглядом, густыми усами и небрежной прической — выглядел чуть-чуть бунтовщиком, пиратом — внешность, излюбленная многими процветающими бизнесменами, которые чувствуют себя волками, живущими среди волков.

В 1975 году, на первом году жизни в Хэмпстеде на Кэннон-роад, Стоуни присоединилась к Новым Соседям, Высоким Умам — книжному дискуссионному клубу, Лиге женщин — участниц голосования, кулинарным курсам, ИМКА и библиотеке. Ей нужно было бы подыскивать работу, но Лео не хотел, чтобы она работала. Она бы попыталась забеременеть, но Лео, чье детство было сагой материнской гиперопеки, терял всякую способность к логическим суждениям, когда она пыталась обсуждать это. В «Хэмпстедской газете» она

прочла о наборе в школу йогов и оставила Новых Соседей. Чуть позже она бросила посещать Высокие умы и Лигу.

«Хэмпстедская газета» выходила дважды в неделю. Этот маленький листок был основным источником информации для Стоуни о том, что творится в новом для нее городе. Из него она узнала о Лиге искусств для женщин и примкнула к ней, думая, что там иногда бывают художники — один из ее парней в Калифорнии был художником. И, разумеется, она отыскиала художника, поскольку ей этого хотелось. Пэт Доббин обладал местной известностью, хотя о нем не было ни особенно хороших, ни особенно плохих отзывов, он жил один в маленьком лесном домике и на жизнь зарабатывал, делая иллюстрации к книгам. Они удавались ему больше, чем живопись маслом. Когда Лео был в одной из своих командировок, она посетила с художником Лигу искусств, когда там устраивался обед. Стоуни знала, что рыжеволосая женщина умеренных габаритов была Сара Спрай, автор еженедельной колонки общественной хроники «Что Сара видела» в «Газете», но она не была готова к тому, что в колонке на следующей неделе появится заметка такого содержания:

Сара видела: Великолепный живописец и иллюстратор Пэт Доббин (что не скажи про этого парня, все будет мало! Неужели вы еще не сходили в галерею Палмера поглядеть на серию его абстрактных морских пейзажей?) был на приеме в Лиге искусств в элегантном черном галстуке и под руку с прелестной загадочной женщиной. Кто эта неизвестная красотка? Пэт, не таись, расскажи Саре.

Когда Лео вернулся из своей командировки, он прочел эту заметку и спросил:

— Хорошо повеселилась вечером в пятницу на этой Лиге? Жалко, что я не смог пойти с тобой.

Глаза его были понимающими и насмешливыми.

6

Ноябрь 1970

В отличие от своего мужа, Джин Смитфилд была осторожным водителем. Если она и Кларк отправлялись куда-то вечером, оставляя сына на родителей мужа, она всегда настаивала на том, что сама поведет машину, если Кларк перебирал свой обычный лимит: два бокала перед обедом и пара стаканов вина за обедом. Вечерами, когда Кларк жаловался больше, чем обычно, на своего отца или вспоминал какие-то древние теннисные матчи, она вела машину домой, слушая, как Кларк бесконечно упрекает ее в том, что она чересчур хорошо ладит с его отцом:

— Неужели тебе действительно нравится этот старый ублюдок? Ты же знаешь, что он со мной делает? Боже, иногда я думаю, что он подкупает тебя — все эти новые тряпки, которые он тебе покупает, разве нет? Ты меня до седых волос доведешь. Ты не становишься на мою сторону — позволяешь моему отцу очаровывать себя со всем эти дешевым шиком. — Если Кларку было по-настоящему паршиво, он вырубался прежде, чем она въезжала в ворота.

— Он никогда не получит Табби, — бормотал он. — Он никогда не сможет забыть, что я существую, и не сделает Табби своим сыном. Этого он никогда не сможет сделать.

Джин старалась по возможности не обращать на это нытье внимания.

Они обычно обедали во французском ресторане неподалеку от Патчина, на Пост-роад. Однажды, в конце ноября 1970 года, она, когда они вышли из ресторана, вынула из сумочки доллар и встала так, чтобы ресторанный служитель мог ее заметить.

— Я могу и сам вести машину, — пробормотал Кларк.

— Не сегодня, — ответила она и протянула деньги мальчику, который подгонял их машину к подъезду.

— Мы бы и сами справились с этим чертовым «Мерседесом», — бормотал Кларк, усаживаясь на место для пассажиров.

— Это отнимает всего лишь деньги, — сказала она.

Джин выехала на дорогу и направила автомобиль по Пиджинлейн, навстречу очередному светофору.

— Он опять за свое, — завел Кларк, — и он хочет послать Табби в Академию, точно обычная школа для него недостаточно хороша.

— Ты и сам учился в Академии, — ответила Джин.

— Потому что мой отец мог позволить себе это! — взвизгнул Кларк. — Да неужели ты не понимаешь, о чем я толкую, черт тебя побери! Я — отец Табби, и я...

Джин поглядела на него и увидела, что он запнулся. Кларк больше не выглядел пьяным или раздраженным. Он выглядел обеспокоенным.

Она нагнулась и увидела, что огромный фургон пересек разделительную полосу и скользит прямо на них. «Лед, — подумала она, — замерзший...»

— Шевелись! — заорал Кларк. И Джин вывернула руль вправо. Еще один автомобиль, который ехал от ресторана позади них, ударил их в бампер слева, да так, что у Джин руки сорвались с руля.

Фургон, который гнал со скоростью пятидесяти миль в час перед тем, как въехать на ледяное поле, врезался в дверцу с ее стороны. Джин

Смитфилд попыталась сказать: «Табби...» — перед тем, как умереть, но дверь раздавила ей грудную клетку и времени у нее не осталось.

В особняке на Маунт-авеню ее сын проснулся и заплакал.

Девятнадцатилетний водитель фургона выпал из машины и попытался убежать по скользкой дороге. На голове у него была кровоточащая рана. Кларк Смитфилд, оставшийся целым и невредимым, один лишь раз взглянул на свою жену и вывалился из машины. Он упал на колени, увидел парня, который убил его жену и крикнул ему, чтобы тот остановился. Потом с трудом поднялся на ноги. Мальчишка сел в двадцати футах от своей покореженной машины; он весь вывалился в снегу и черной грязи, которая раньше была снегом. Кровь капала у него из носа и изо рта. Кларк сразу понял, что тот был пьян.

— Животное! — заорал он.

Табби всхлипывал у себя в комнате и шарил по стене в поисках выключателя. Он знал, что в комнате ничего страшного нет — беда происходила во внешнем мире. Он вернулся в кровать, завернулся в ковровое одеяло, и его всхлипывания стали на октаву выше. Через несколько секунд его дед и няня стояли в дверях.

Через десять минут на место крушения прибыла полиция Хэмпстеда.

7

17 мая 1980

Семнадцатого мая 1980 года в округ Патчин пришел Дракон. Нет, не то, чтобы пришел, поскольку он был тут все время, но решил показаться людям. Ричард и Лаура Альби после двадцатилетнего пребывания в Лондоне как раз вернулись в дом на Фэйритэйл-лейн, который они снимали в Хэмпстеде. Они были усталые и раздраженные, их вымотали два проведенных в Нью-Йорке дня и еще больше выбила из колеи ситуация, которую они тщательно планировали на протяжении нескольких месяцев.

Кларк Смитфилд ввел жену и сына в старый колониальный особняк «Четыре сердца» на Эрмитаж-роад лишь двумя неделями раньше и уже практиковался в обмане, который со временем разрушит доверие сына. Маленькая, хорошенькая женщина по имени Пэтси Макклауд проводила большую часть времени, читая «Войну и воспоминания». А что делал Грем Вильямс, будучи бренными останками знаменитого когда-то писателя? Что делал он

каждый день апреля и мая 1980? Он поднимался с вонючей постели, натягивал дневную одежду поверх пижамы, плескал водой в направлении лица и садился за стол, обхватив руками голову. Когда он слышал, что мимо его дома проходит почтальон, он не обращал внимания, поскольку шансов, что почта упадет в его почтовый ящик, практически не было. После тридцати минут вознесения безмолвных молитв (ха, ха!) он выводил первое предложение. Еще пятнадцать минут спустя он решал, что предложение получилось банальным, и зачеркивал его. Вот так теперь и проводил обычно Грем Вильямс утренние часы.

Альби притворялись, что они счастливее, чем были на самом деле; старый Вильямс притворялся, что он еще может написать книгу, способную привлечь внимание; Пэтси Макклауд притворялась, что в любую минуту она готова подняться и что-нибудь сделать; Кларк Смитфилд притворялся особенно изысканно. Проще всего было Лео Фрайдгуду, поскольку он вообще был не в Нью-Йорке, а в двадцати минутах езды по шоссе I-95 от Хэмпстеда, на заводе «Телпро», в маленьком городке под названием Вудвилл. А его жена как раз собиралась закрутить очередную интрижку.

Стоуни нашла место для стоянки на парковочной площадке, зашла в оживленный бар под названием «У Франко», села за столик около стойки и открыла книгу. Меньше чем через пятнадцать минут какой-то мужчина спросил: «Не возражаете?» и сел рядом с ней. Она его знала, но хотя в Хэмпстеде этот мужчина был довольно уважаемым человеком, ни один из сидящих в баре мужчин не мог знать его. Его профессия удерживала его в стороне от мужского общества. Выглядевший красавцем в этот солнечный день, профессионально откровенный, он был идеальным напарником для Стоуни. Очень скоро они вышли из бара, и «Тойота» Стоуни цвета опавших листьев пересекла мост над рекой Наухэтэн и поехала вниз по зеленым, уже почти летним улицам.

8

Рождество 1970

После того как Джин Смитфилд похоронили в последний день ноября 1970 года, Кларк на целую неделю остался дома с Табби, и на этот раз отец больше не принуждал его ходить в контору. Он даже не обвинял Кларка, когда он напился так, что не смог пойти на похороны.

— Это я должен был вести машину, — повторял Кларк. — Я хотел вести машину, а она хотела защитить меня, ну как это

вынести? Она хотела защитить меня. — После похорон он до Рождества не брался за выпивку.

Для Табби мир с той ночи, когда умерла его мать, предстал вывернутым наизнанку, темным, неведомым. Дедушка повел его в похоронное бюро и дал дотронуться до гроба, и, когда он сделал это, как раз перед Монти, соседями и всеми взрослыми родственниками, что-то случилось с ним. Он *увидел*. Он увидел, как черно стало все вокруг. Он знал, что он тоже лежит в этом ящике со своей мамой. Он позволил крику слепого ужаса вырваться наружу, и дед увел его.

— Ты хороший мальчик, милый Табби, — ласково сказал дед, прижимая его лицо к мягкой голубой материи костюма, — тебе скоро станет лучше, дорогой.

Табби мигал и отворачивался от гроба. Он не издал ни звука во время похоронной церемонии, и, когда они с Монти вернулись домой, они нашли Кларка бессильно распростершимся в кресле возле телевизора. Табби свернулся калачиком на коленях отца и больше не говорил и не двигался.

После этого Кларк Смитфилд ходил со своим отцом на работу пять раз в неделю до самого Рождества. Он обжил свою контору, он подписывал бумаги, он читал отчеты. Он отдавал распоряжения и назначал собрания. В субботу и воскресенье он вел Табби вниз и посылал теннисные подачи на цементный пол, а Табби старался отбить их своей ракеткой-недоростком. Днем они гуляли вверх-вниз по промозглой Маунт-авеню.

— Мама умерла, — провозглашал Табби своим высоким детским голосом. — Мама умерла, и теперь она на небесах и никогда к нам не вернется.

Он указывал на небо своей затянутой в варежку рукой.

— Она там, папа.

Кларк начинал плакать снова, но на этот раз из-за своего сына, своего храброго маленького мальчика, который стоял в голубой парке и показывал варежкой на небо, а его теплые ботинки вязли в хрустящем снегу.

На Рождество Монти провозгласил, что у него есть еще один подарок для Табби, самый лучший из всех. Сидя во главе стола, он лучился радостью и довольством, и в то же время вид у него был очень гордый.

— Ничего на земле не может быть лучше, чем хорошее образование, — сказал он, отпил свое бургундское и продолжил: — Так что я с удовольствием говорю вам, что мистер Кэткерт, глава Гринбанкской Академии, готов принять Табби как только окончатся зимние каникулы.

Его жена сказала:

— Bravo!

Кларк попытался сказать что-то, но лишь открыл и закрыл рот, а сам Табби выглядел смущенным.

— Послушай, сынок, — сказал Монти, — разве это не здорово? Ты же будешь учиться в той же школе, что твой отец и я.

— Здорово, — сказал Табби, переводя взгляд с отца на деда.

— Ну я рада, что все улажено, — сказала мать Кларка.

— Я вовсе не хочу вмешиваться в твои дела, Кларк, — сказал Монти. — И мы потом вместе обсудим, что нам делать дальше. Но, мне кажется, я должен дать мальчику все самое лучшее.

— Тебе всегда так кажется, — пробормотал Кларк. И после обеда он начал смешивать коктейль впервые за все время после дня похорон жены.

9

17 мая 1980

Стоуни ждала в дверях, пока мужчина выбирался из автомобиля. Было без одной минуты шесть, и если бы Лео был дома, он устроился бы в своем кабинете перед телевизором, на коленях у него лежали бы бумаги, а у локтя стояла выпивка — все подготовлено для последних местных новостей штата Нью-Йорк.

Мужчина вышел из машины и поглядел на дом.

— Славно, — сказал он. Его волосы слегка шевелились под мягким южным бризом. Глаза у него были любезными и пустыми. Он застегнул дождевик, хоть было не холодно и дождя не было.

— Никого нет дома, — сказал он, подошел с Стоуни по насыпной дорожке и взял ее за руку. Они поцеловались.

10

6 января 1971

В одиннадцать часов 6 января 1971 года — за день до того, как Табби должен был отправиться в свою новую школу, — Кларк Смитфилд привел автомобиль отца и поставил его напротив ворот, вместо того чтобы подъехать к гаражу, расположенному позади дома. Он поспешил к дому, оглянулся по сторонам и перепрыгнул разом через две ступеньки.

Он услышал, как Табби и няня беседуют в комнате Табби, и мягко отворил двери. Сын увидел его и радостно улыбнулся.

— Папа! Папа! Папа! — пропел он, — мужчина и дама целовались.

— Что? — спросил он у девушки.

— Я не знаю, сэр. Он просто говорит это.

— Они *целовались*, папа! Вот так! — Табби вытянул губы и замотал своей белокурой головой. Затем разразился радостным смехом.

— Да, — сказал Кларк. — Эмили, оставьте нас ненадолго. Я хочу взять Табби с собой погулять.

— Хотите, чтобы я ушла? — сказала она, поднимаясь с пола, на котором были раскиданы игрушки.

— Да, пожалуйста, — сказал Кларк. — Мы погуляем пару часиков. Не волнуйтесь ни о чем.

— Не буду, — сказала девушка, — поцелуй Эмили на прощание, Табби.

Она наклонилась к нему.

— Вот так они целовались, папа! — прокричал Табби и потянулся губами к губам Эмили.

Когда няня ушла, Кларк взял большой зеленый портфель Табби и стал наугад бросать туда игрушки и вещи мальчика.

— Эй, не делай этого, папа! — сказал Табби.

— Мы поедем в небольшое путешествие, — сказал Кларк, — на самолете. Как тебе это нравится? Это сюрприз.

— Сюрприз для бабушки? — прокричал Табби.

— Сюрприз для нас, — из шкафа Табби он вытащил маленький синий чемоданчик и начал швырять туда нижнее белье, носки, рубашки, штаны.

— Сейчас соберем для тебя одежду и поедем.

Десять минут Табби наблюдал за тем, как его отец паковал вещи, чтобы убедиться, что тот прихватил его любимую майку. Табби надел свое пальто, варежки и спортивную шапочку. Из-под кровати Кларк вынул свой чемодан.

— Все в порядке, Табби, — сказал он, опустившись перед сыном на колени. — А теперь мы пройдем по лестнице вниз, и прямо в машину. Прямо сейчас, даже не попрощавшись с Эмили. Ты понимаешь?

— Я уже попрощался с Эмили, — сказал Табби.

— Отлично. Тихо и спокойно.

— Тихо и спокойно, — повторил Табби, и они сошли по лестнице к передней двери. Голоса Эмили и экономки тихо доносились из кухни.

Кларк открыл двери. В них тут же ворвался холодный воздух января. Земля была припорошена белым, и там и сям виднелись следы белок и енотов.

— Папа! — прошептал Табби. Кларк еще раз оглянулся на покидаемый дом, на мраморную прихожую, на толстый ковер и

плюшевую мебель, на большую картину маслом с изображением кораблей. — Папа!

— Что? — он затворил за собой двери.

— Тот дядя был нехороший.

— Какой дядя, Табби?

На какой-то миг Табби стал смущенным и растерянным — выражение, которое Кларк последнее время часто видел на лице сына.

— Ладно, Табби, — сказал он. — Не имеет значения. Тут нет никакого плохого дяди.

Он бросил чемоданы на заднее сиденье и выехал за ворота. Когда они свернули на запад, Табби закричал:

— Мы едем в Нью-Йорк!

— Мы едем в аэропорт, ты же помнишь?

— Ага, в аэропорт. Покататься на самолете. Это сюрприз.

— Ага, — сказал Кларк. И выжал из машины семьдесят миль в час.

11

17 мая 1980

Когда Стоуни бедром толкнула двери в спальню, она увидела, что мужчина уже был в постели. Он лежал, устроившись сразу на двух подушках. На фоне розовых простыней кожа его казалась очень белой, лицо и безволосая грудь были цвета брызны. Он выглядел гладким и лошеным. Она заметила:

— А ты не любишь терять время!

— Время, — ответил мужчина. — Никогда.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Его одежда была разбросана на полу около постели. Стоуни протянула ему бокал, но он, казалось, не заметил — он невыразительно глядел на нее, и она поставила выпивку на прикроватный столик.

— Со мной и правда все в порядке.

Стоуни пожала плечами, присела и сняла туфли.

— Я уже был здесь раньше, — сказал он.

Стоуни задрала юбку.

— Ты имеешь в виду, в этом доме? До того, как мы въехали? Ты знал Алленби?

Он покачал головой.

— Я был *здесь* до этого.

— О, *здесь*-то мы все бывали, — ответила Стоуни. — Это поинтересней футбола.

17 мая 1980

Долгое время ты спал, а потом — раз, и проснулся. Ты заснул в месте, о котором ничего не знал, а когда проснулся, то превратился в кого-то другого. У тебя в руке выпивка и на тебя глядит женщина, и мир снова принадлежит тебе.

6 января 1971

— Самолет, — сказал Табби голосом полным удивления и потом замолчал, а автомобиль Монти Смитфилда ехал по радиальной дороге мимо нижней оконечности Хэмпстеда, мимо полей и домов, мимо административных зданий, мимо новых мотелей Вудвилла с их неоновыми вывесками, мимо Кингспорта, в округ Вестчестер, где дорога стала грязной и разъезженной, а потом — в Куинс.

— В чем дело? — резко спросил отец, когда они выехали на развязку, ведущую к Лонг-Айленду. Какое-то время все, мимо чего они проезжали, несло смутную угрозу. С холмов и великолепных пейзажей округа Патчин они въехали на чужую землю. Табби почувствовал, что именно этот мир убил его мать. — Ты что, не хочешь попутешествовать немножко?

— Нет.

Отец чертыхнулся. Машины ехали мимо, притворно тихие.

— Я хочу домой, — сказал Табби.

— С этого времени у нас будет новый дом. Все будет по-другому, Табби.

— Все будет по-другому.

— У меня нет выбора, Табби. У меня новая работа. — Он солгал так в первый раз, но со временем подобная ложь стала привычной.

Кларк оставил машину на платной автостоянке. По бокам возвышались серые здания, похожие на надгробья. Воздух тоже был серым и отдавал гарью и копотью. Когда Табби отворил двери и вылез, он увидел яркое пятно краски на асфальте, и оно показалось ему живым. Снизу раздавался лязгающий гул — голос мира, лишенного любви и тепла.

— Шевелись, Табби. Я не могу тебе помочь, — я нервничаю.

Табби пошевелился. Он трусил рядом с отцом до лифта. Лифт поехал вниз. Там его осмотрели. Разрешили им выйти.

— В случае аварии пользуйтесь телефоном. Аварии у них обычное дело, — сказал мужчина в ковбойских сапогах и кожаном пиджаке.

Женщина с волосами, похожими на львиную гриву, засмеялась, показав заостренные зубы, испачканные губной помадой. Когда она увидела, что Табби смотрит на нее, она взбила волосы и сказала:

— Милашка.

— Не спи на ходу, — сказал Кларк и вышел на холодный воздух. Двери раздвинулись — они оказались в терминале аэропорта. Кларк положил на транспортер свой чемодан и вытащил билет.

— В салон для некурящих, — сказал он.

— Папа, — попросил Табби. — Пожалуйста, папа.

— Что? Какого черта опять стряслось?

— Мы забыли моего человека-паука.

— Мы купим тебе другого.

— Я не хочу...

Кларк схватил его за руку и потащил к эскалатору. Табби закричал от страха и отчаяния, потому что в этот самый миг он увидел, что просторный терминал был весь забит мертвецами. Тела валялись тут и там, один обнаженный человек был весь покрыт белыми язвами. Это было мгновенное озарение, оно тут же прошло, но он все еще продолжал кричать.

— Табби, — сказал отец уже мягче. — Ты получишь другого.

— Ага, — сказал Табби, не зная, что он такое увидел, но зная, что где-то на краю поля зрения он заметил мальчика в горящей одежде и что этот мальчик был самой важной частью всего, что он видел. Потому что этим мальчиком был он. В глазах у него замелькали красные и желтые огни, и он покачнулся.

Его отец склонился над ним и поддержал. Они больше не ехали по эскалатору, и люди проталкивались мимо них.

— Эй, Табби, — говорил отец. — Ты в порядке? Хочешь воды?

— Нет. Я в порядке.

— Мы уже скоро будем в этом старом самолете. Мы отлично покатаемся, а потом окажемся во Флориде. Там тепло и хорошо — во Флориде. Там будет солнце и пальмы, и много мест для купания. И мы сможем играть на теннисных кортах. Все будет просто здорово.

Табби выглянул из-за плеча отца и увидел бесконечный коридор. Люди шли по нему быстрым шагом, почти бежали, некоторые ехали на подвижной ленте.

— Точно, — прошептал отец. — Нам это очень нужно, Табби.

Мальчик кивнул.

— Ты когда-нибудь видел облака сверху? Мы сможем посмотреть вниз и увидеть верхушки облаков.

Табби глядел без проблеска интереса.

Его отец встал, они шагнули на движущуюся ленту. Табби думал о верхушках облаков, о мире вверх тормашками.

Затем перед ними возникла стена света — изогнутое окно, за которым сияло ослепительно яркое солнце. Горели огромные цифры: 43, 44, 45. Люди стояли в очередях у столиков, их очертания в солнечном свете были почти невидимы. Разбухшие чемоданы лежали в креслах у окон. В затемненном проеме стояли люди в униформе.

Табби увидел знакомую фигуру, серебряное пламя волос.

— Дедушка!

14

17 мая 1980

Ты небрежно отставляешь выпивку и она выплескивается на пол. Ты видишь, как меняется выражение лица женщины, когда ты без всякой нежности сжимаешь ей запястье.

15

6 января 1971

— Я так и думал, что ты смоешься, ничего мне не сказав, — говорил старик. — Ты что, и вправду думал, что можешь от меня избавиться?

Табби неподвижно замер между двумя мужчинами.

— Ты можешь пойти со мной, Табби, — сказал дедушка. Он протянул руку. Мы поедem домой и забудем все это.

— Черта с два, с тобой, — сказал отец. — Стой, где стоишь, Табби. Нет, иди посиди вон там, в каком-нибудь кресле.

— Останься здесь, Табби, — сказал дедушка. — Кларк, мне тебя жаль. Твой безумный план не сработает нигде — такого места просто нет в мире.

— Не называй это безумием, — сказал Кларк.

Старик пожал плечами.

— Зови как знаешь. Мальчик останется здесь. А ты можешь делать все, что тебе угодно.

— Сядь туда, Табби, — приказал Кларк. Табби вообще был не способен двинуться. — Как ты узнал, что я собрался сюда?

— Ты говоришь, как ребенок. Легче всего было догадаться, куда ты отправишься. Ну ладно, Кларк. Может, ты оставишь эти свои безумные идеи?

— Иди к черту. И не лезь к моему сыну.

— Подойди. Табби. Пусть твой папа валяет дурака сам, если ему этого хочется.

Табби принял свое собственное решение. Его влек к себе успокаивающий голос, мягкость кашемирового пальто и костюма с эластичными подтяжками. По-своему он решал за них обоих, ради настоящего, которое было неотличимо от прошлого. А больше ему было ничего не надо.

Он шагнул к Монти Смитфилду и услышал, как его отец закричал:

— Табби!

Дедушка наклонился и взял его за руки.

— Отпусти моего сына, — орал отец.

Табби почувствовал, как мир вокруг него рушится.

— Убирайся от него, ты, ничтожество! — орал дедушка, и душа Табби, или то, что казалось душой, разделилась надвое, точно попала под нож. В такой путанице не было никакого смысла. Монти крепко стиснул ему руки, настолько крепко, что он вскрикнул.

— Отпусти моего сына, — орал Кларк, — Ты, старый ублюдок!

Он потянул Табби за руку и попытался подтащить ребенка к себе.

Какое-то время, которое казалось бесконечным, никто из них не двинулся. Табби был слишком испуган, чтобы выдавить хоть один звук. Отец и дедушка тянули его за руки, точно хотели разорвать. Он смутно видел, что к ним бегут люди.

— Отпусти его, — сказал дедушка не своим голосом.

— Ты его не получишь, не можешь получить, — говорил его папа. По тону их голосов было ясно, что они и впрямь вот-вот разорвут его на части.

— Папа, я что-то вижу! — заорал он.

Он и вправду увидел. Он увидел нечто, что не произойдет еще девять лет, четыре месяца и одиннадцать дней.

16

17 мая 1980

На какой-то момент ты прерываешь свои занятия: за тобой наблюдают.

Последние признаки жизни покидают Стоуни Фрайдгуд.

17

6 января 1971

— Папа, я что-то вижу! — повторил Табби и больше ничего не мог выговорить.

Он понял, что дедушка выпустил его руку. Когда он открыл глаза, то увидел, что высокий человек в синей форме держит дедушку за плечо. Он стоял перед отцом на коленях и бессмысленно разглядывал рассерженного пилота, дедушку и остальных пассажиров, которые теснились позади. Дедушкино лицо было очень красным.

— Мы сами тут все уладим или вызывать полицию? — спросил пилот.

Табби медленно поднялся на ноги.

— С меня хватит, — сказал дедушка. — Ты совершенно безответствен. Иди. Убирайся с глаз моих.

— Как раз то, что я и собирался сделать, — хрипло сказал отец.

— Все, что с тобой случится, ты заработал. Но мой внук — нет. До чего жаль — он будет расплачиваться за твою глупость.

— По крайней мере, хоть за это будешь платить не ты.

Старик вырвался из рук пилота.

— Если ты думаешь, что это выход из всех проблем, то мне тебя жаль.

— Ну так что? — спросил пилот.

— Нет, — сказал Монти Смитфилд.

— Если он уберется отсюда, — сказал Кларк, — тогда порядок. — В его голосе слышалось торжество.

Табби попятился и прислонился к наполненной песком пепельнице. Он смотрел, как дедушка одернул рукава и пошел прочь по длинному коридору.

— Эта сука Эмили позвонила ему, — сказал Кларк.

У Табби дрожали ноги.

— Что ты там говорил насчет того, что ты что-то видишь? — спросил отец. Они оба наблюдали, как старик, гордо выпрямившись, спускался по движущейся ленте.

— Я не знаю.

Они двадцать минут сидели в зале ожидания и молчали. Люди в форме иногда обеспокоенно на них поглядывали, словно подозревая, что, может быть, разумнее было позвать полицию.

После того, как «Истерн-727» взлетел в небо, Кларк Смитфилд растегнул ремень безопасности и, усмехаясь, повернулся к своему сыну:

— Теперь мы с тобой — парочка одиноких мужчин.

Часть первая ПРИХОД

Было ли то, о чем мы тут толкуем?

Вильям Шекспир
«Макбет»

I

ЧЕГО САРА НЕ ВИДЕЛА

I

17 мая 1980 — чудный день, сказали бы вы, если бы жили в округе Патчин. Ни облаков, ни мороси, готовый испортить чей-нибудь пикник; в ту субботу было уже сухо, но трава все еще сочно зеленела. «У Франко» Пэт Доббин и его приятели пропускали по пивку перед завтраком и глядели на улицу сквозь витрину. Они разглядывали вокзал и сокрушались — в такой чудный день даже поездам не следовало бы торопиться. Доббин ушел перед тем, как появилась Стоуни Фрайдгуд — ему нужно было делать иллюстрации к книге, которая называлась «Про орлов и медведей». Бобби Фриц, садовник, обслуживающий почти все большие особняки по Грейвсендовскому побережью, уже катался взад-вперед на своей огромной косилке. Грем Вильямс наконец родил фразу, записал ее и улыбнулся. Пэтси Макклауд вышла на солнышко и присела с романом Германа Вука в шезлонге на лужайке. Когда ее муж Лес протрусил мимо в красном спортивном костюме, она наклонила голову и уткнулась в книжку, и, когда Лес увидел, как она скорчилась в кресле, наклонив шею точно какая-то диковинная птица, он сказал: — Завтракать, девочка. Давай! Готовь завтрак!

Пэтси дочитала до конца главы, потому что Лес будет бегать еще полчаса, по меньшей мере. Потом она зашла в дом, но не затем, чтобы сделать ему любимый сэндвич с бифштексом и луком, а для того, чтобы записать кое-что в своем дневнике.

Потому что мы находимся в окружении любителей вести дневники. Грем Вильямс вел журнал, Ричард Альби делал то же с тех пор, как был знаменитым мальчиком двенадцати лет, одной из звезд сериала «Папа с тобой». Эта еженедельная программа расходилась по миллионам американских домов благодаря Национальной Компании Радиовещания, мылу «Слоновая кость», зубной пасте «Ипана» и корпорации Форда. Ричард вернулся домой в десять вечера,

когда Лаура, утомленная разборкой вещей, уже лежала в постели. Он записал в своем дневнике. «Дома. Но ведь это не дом. Может, он станет им со временем». Он на мгновение замер, взглянул в окно на обнимающую их ночь и добавил: «А все же, здесь прекрасно. *Casa nueva, vida nueva**».

Если в этот день, который был последним днем Стоуни Фрайдгуд и первым — Альби, мы бы поглядели с высоты птичьего полета на Хэмпстед, Коннектикут, сначала мы заметили бы купу деревьев — Гринбанк, где теперь будут жить Альби. На восточной оконечности города располагался Саунд, вдоль которого тянулись две золотистые полосы: Саутел-бич, где располагался загородный клуб и где купались и загорали большинство горожан, и Грейвсенд-бич, который был поменьше и каменистей. Сюда в шесть утра сходились местные рыбаки, которые с июня до конца сентября удили тут пелагиду. Над берегом, на каменистой террасе, стоял дом старого Ван Хорна. Вдоль южной оконечности городка бежала река Наухтэн, тут ее ширина достигала пятидесяти футов, но у делового района, рядом с парковочной стоянкой, русло ее резко суживалось. Вообще-то город вытянулся на пару миль к югу от реки. Яхт-клуб, шикарная выставка пришвартованных лодок, красовался в устье реки — с высоты птичьего полета паруса были похожи на цветные флажки, — алые, желтые, голубые. Сам же Хэмпстед, имеющий форму трапеции, размещался между железной дорогой, хайвеем I-95 и Поуст-роад. Все они шли в Нью-Йорк, все проходили через Хиллхэвен и Патчин, через Норрингтон и Вудвилл, но, глядя на этот городок, вы никогда бы не поверили в существование Нью-Йорка. На северо-западной оконечности Хэмпстеда располагались тихое искусственное озеро и водохранилище. Лохматые головы деревьев почти скрывали дома и проходящую за ними дорогу, а заодно и «Мерседесы», «Вольво», «Датсуны», «Тойоты» и «Фольксвагены», мчащиеся по этой дороге. Дальше вы бы увидели массивное, украшенное белыми колоннами здание конгрегационной церкви на Поуст-роад, как раз перед тем, как та углубляется в деловой район города. Деловой район ограничен банком колониального стиля, крытым торговым центром с аудиотекой, театром, кафе-мороженым, магазином экологически безопасных продуктов, магазином художественных изделий, где продавались плетеные кашпо, и магазином одежды, где вы могли купить фетровые шляпы и пиджаки вдвое дороже, чем это было бы в Норрингтоне или Вудвилле.

---

* Новый дом, новая жизнь...

И когда день подошел к концу, а Ричард Альби написал: «Боже, помоги нам!» в своей бесхитростной маленькой книжке, — вы увидели бы мигалки и фары двух патрульных полицейских автомобилей, которые на полной скорости мчались от полицейского участка по Поуст-роад, потом по затененной Саутел-роад, потом вверх — по Гринбанк-роад, к дому Фрайдгутов. Там светились все окна.

За миг до того, как они остановились у дома Фрайдгутов, свет погас в редакции «Хэмпстедской газеты» на Мэйн-стрит, как раз напротив книжного магазина. Сара Спрай закончила свою колонку хроники для выпуска в среду и собиралась домой. Вновь все хэмпстедские знаменитости и почти что знаменитости будут увековечены «Газетой».

2

Вот часть того, что Сара написала для этого выпуска:

ЧТО САРА ВИДЕЛА

Тинстаун — это калейдоскоп впечатлений и настроений. Он дает нам воспоминания и радость, и ощущение ускользающей красоты... Так же, как и наши замечательные художники, писатели и музыканты... Кто из вас знает, что прославленный Скотт Фицджеральд (тот самый, который написал «Гэтсби») жил со своей семьей на расстоянии полета камня от Луфариного холма в доме мистера и миссис Ирвин Фишер в двадцатые годы? Или что Юджин О'Нил, Джон Бэрримор и Джорж Кауфман тоже бывали тут, на побережьях Лонг-Айленд Саунд? А если вы спросите Аду Хофф из этого потрясающего заведения «Книжная лавка», справа по Мэйн-стрит от здания нашей великой газеты (шутка!), она, может, расскажет вам о тех денечках, когда поэт В.Оден заскочил в лавочку Томми Бигелоу, чтобы купить кулинарную книгу, — повезло же тебе, Томми!

Вот почему я все это вспомнила, дорогие мои! На этой неделе мои бедные старые мозги наслаждались чудесами Тинстауна, нашей старой, прекрасной Мэйн-стрит, нашими великолепными церквями различных конфессий, нашим чудным побережьем и колониальным прошлым, которое сохранилось нетронутым во многих домах. А вот что сказал однажды Саре наш молодой решительный сокрушитель драконов — юрист Юлик Бирн: «Разве не здорово, что

мы живем в городе, где по меньшей мере дважды в неделю не случается абсолютно ничего?»

Но ведь вы хотите знать, что случается, правда?

Сара видела: Что Ричард Альби, этот наш милый мальчик из программы «Папа с тобой» (поглядите как-нибудь вечером показ повторных программ и увидите, каким он был милашкой) приехал к нам в город со своей женушкой, Лаурой, — до чего я люблю это имя! Увидим ли мы тебя на подмостках, Ричард? Правда, ходят слухи, что он больше не играет, увы...

У Сары выдалась тихая неделька.

3

А для Лео Фрайдгуда больше никогда не будет спокойных недель, хоть он и пребывал в счастливом неведении, когда в субботу утром ему позвонили в Яхт-клуб. Он занимался своей лодкой, как всегда, когда выпадал теплый выходной. Его восемнадцатифутовый шлюп «Джуси-Люси» класса «молния» был спущен на воду только неделю назад, и Лео хотел починить кое-что в трюме. Билл Терри, чья лодка была пришвартована к соседнему причалу, ответил на зазвеневший в доке телефонный звонок и крикнул:

— Это тебя, Лео.

— Вот черт! — сказал Лео. Он положил малярную кисть и пошел вниз по мягко покачивающемуся трапу. Он вспотел, а его рука ныла. Невзирая на свою заросшую физиономию, Лео вовсе не был физически сильным человеком. Его хлопчатая майка облегла животик, а на джинсах было целое созвездие пятен белой краски. Ему хотелось распечатать еще одну бутылочку пива из стоявшей на палубе упаковки.

— Да, — сказал он в провонявшую сигаретами телефонную трубку.

— Мистер Фрайдгуд? — спросил неизвестный женский голос.

— Да.

— Это миссис Винтроп, секретарь генерала Ходжеса, — сказала женщина, и Лео почувствовал, как холод коснулся его внутренностей. Генерал Генри Ходжес, которого Лео видел лишь один раз на общем собрании «Телпро», был глыбой в человеческом облике, а лицо его было цвета остывающего железа. Впрочем, лицо тоже походило на глыбу. Он был героем войны в Корее и выглядел так, словно это было в порядке вещей. Можно было ощутить силу, власть

и твердость, исходящие от его неподвижного красного лица и брони серого фланелевого костюма.

— О, да, — ответил Лео, жалея, что он отошел от прохладной воды.

— Генерал Ходжес просит вас немедленно прибыть на нашу фабрику в Вудвилле.

— У нас нет никакой фабрики в Вудвилле, — сказал Лео.

Миссис Винтроп ответила шелковым голосом.

— Раз генерал говорит, что есть, значит, есть. Я понимаю, что это для вас новость. Вот как туда добраться... — Она назвала ему номер строения по шоссе I-95 и надавала кучу сложных указаний, явно предназначенных для того, чтобы получше сбить со следа, а не для того, чтобы помочь отыскать дорогу.

— Генерал хочет, чтобы вы через тридцать минут были на месте, — завершила она.

— Эй, погодите, — взмолился Лео. — Я не могу этого сделать. Я на лодке. Я должен переодеться. У меня даже нет удостоверения. Я не могу...

— Ваше имя есть в списке на воротах, — сказала она, и Лео мог поклясться, что она при этом улыбалась. — Как только вы переоденетесь, генерал просит позвонить ему по этому номеру.

И она назвала неизвестный ему телефонный номер. Он повторил его, и секретарша повесила трубку.

В Вудвилле Лео потерялся. Следуя указаниям секретарши, он заехал на обширную городскую свалку, проехал между обрушившихся домов, заброшенной бензоколонки и крохотных баров, рядом с которыми на обочине сидели чернокожие люди. Лео казалось, что все они таращатся на него — на белого человека в сверкающем автомобиле. Он ездил кругами, а указания секретарши насчет правых и левых поворотов образовали в его мозгу безнадежную мешанину. Он вновь начал потеть, зная, что тридцать минут, которые выделил ему генерал, уже прошли. Какое-то время, куда бы он ни поворачивал, он все время крутился между двумя полюсами: грузовой дорогой и «Приютом Красного Дьявола», где уже приютилось достаточно перепившихся мужчин.

В третий раз проезжая по грязной улице, он увидел узкий проулок между домами. Сначала он принял его за подъездную дорогу, но наконец увидел железные ворота, зажатые между глухими серыми стенами. Проезжая мимо, он также увидел, что за воротами укрылась будочка охраны. Лео развернул автомобиль и въехал в проем, чувствуя себя землепроходцем.

На миг ему показалось, что он опять ошибся, и в нем загорелось яростное раздражение. Надпись на воротах гласила: ВУДВИЛЛ СОЛВЕНТ.

Человек, одетый в униформу, выскочил из будочки и отворил ворота. Когда он приблизился к машине, Лео опустил стекло и спросил:

— Эй, вы знаете, где тут завод «Телпро»?

— Мистер Фрайдгуд? — спросил охранник, подозрительно глядя на затрапезную одежду Лео. — Они вас ждут в лаборатории. Вы опоздали.

— А где лаборатория? — Лео подавил первый импульс и не пожелал охраннику убраться к черту.

Охранник, лицом и телом смахивающий на луну, показал на обширную, почти пустую парковочную стоянку. При этом живот его колыхнулся. Несколько машин на стоянке сгрудились около глухой металлической двери на высоком, также лишенном окон фасаде.

— Вам туда.

Лео пересек стоянку и припарковал свой «Корвет» в пустое пространство между двумя автомобилями.

4

Человек в белом халате с волосами песчаного цвета и кроличьими зубами кинулся к нему, как только он поднялся на верхнюю площадку металлической лестницы.

— Вы — человек из «Телпро»? Мистер Фрайдгуд?

Лео кивнул. Он оглядел маленькую группку женщин и мужчин, от которой только что отошел встречающий. Они тоже носили белые халаты, точно врачи. Глаза его метнулись к столу, уставленному телевизионными мониторами.

— Кто вы? — спросил он, не глядя на человека.

— Тед Вайс, директор исследовательской группы. Вас ввели в курс дела?

Лео увидел себя самого в хлопчатой майке и грязных джинсах. Один из мониторов на столе отобразил его всклокоченные волосы и прилипшую к жировым складкам на спине рубашку. Он был в ярости от того, что его заставили появиться на заводе, о котором ему не доверено было знать до тех пор, пока здесь не приключились неприятности. До него дошло, что генерал Ходжес послал за ним потому, что он был в пределах досягаемости, — как на войне посылал в атаку первого попавшегося лейтенанта.

— Послушайте, генерал хочет, чтобы я доложил ему обстановку, — сказал Лео. — Давайте не будем гадать, чего я не знаю, а что знаю, а быстро введите меня в курс дела.

Он все еще оглядывал комнату: белые стены, черно-белый кафельный пол. Телевизионные мониторы были установлены на столе, где кроме них находились электронные часы, телефон, карандаши. За столом сидела встревоженная девушка. Когда он глядел на нее, она нервно сглатывала.

Вообще-то вся эта группа, собравшаяся в этом зале на втором этаже, нервничала — больше, чем нервничала, понял Лео. Как только Тед Вайс собрался говорить, остальные трое мужчин и две женщины выразили признаки паники и страха. Они были напряжены и с тех пор, как он появился, так и не расслабились. Лео хоть и не был чересчур чувствительным, все же был умным человеком и видел, что они еле держатся. Если их отпустить, они кинутся бежать, как безумные.

К этой минуте Вайс уже достаточно разнервничался, чтобы попросить у Лео какое-нибудь удостоверение личности. Лео наконец начал понимать, что за пропасть распахнулась перед ним.

— Что вам нужно? — раздраженно спросил он Вайса.

— Это просто предосторожность, сэр.

Он прикрывал себя так же, как генерал прикрывал себя, когда посылал Лео в этот... Сумасшедший дом — вот что напоминала обстановка этой фабрики. Лео раздраженно вытащил из заднего кармана бумажник и показал Вайсу свои водительские права.

— Генерал сдернул меня с моей яхты, — сказал он внушительно, — он хотел, чтобы я позаботился обо всем по возможности быстрее. Просто объясните мне, в чем дело, а уж потом можете принимать валерьяну или в чем там вы нуждаетесь.

— Сюда, мистер Фрайдгуд, — сказал Вайс, и напряженная маленькая группа распалась, дав им пройти к двери.

— Мы на этом заводе с 1978 года, — сказал Вайс. — После того, как «Вудвилл Солвент» несколько лет назад обанкротилась, она продала помещение и имя корпорации «Телпро».

— Ну да, ну да, — сказал Лео, словно он об этом уже знал.

— Почти шесть месяцев ушло на то, чтобы сделать все необходимые приготовления. Когда мы въезжали, то перевезли сюда оборудование из Вайоминга. Все мы — все наше подразделение, которое вы тут видели, — работали здесь на «Телпро». До тех пор, пока нам не пришлось свернуть исследования.

— Что-то случилось? — спросил Лео.

Вайс отворил еще одну дверь и мигнул, услышав вопрос:

— Мы обосновались на химической фабрике, а дренажные трубы проржавели. Кое-какие стоки просочились в систему водоснабжения, в очень небольшом количестве, примерно две части на миллион. Это не было серьезной проблемой — слишком низкая концентрация.

Лео прошел в комнату за дверью. Из-за своих решеток на него уставились грустные обезьянки. В воздухе плыл густой запах зевинца.

— Это отделение приматов, — сказал Вайс. — Мы должны пройти через него, чтобы добраться до экспериментальных камер.

— Почему бы вам просто не рассказать мне, над чем вы тут работаете? — спросил Лео.

Разумеется, он знал, что «Телпро» работает по контракту с Министерством обороны. Одно из таких подразделений он курировал — завод в Трентоне, производящий приборные устройства для транспортеров, а еще один завод — в Нью-Джерси — делал какие-то детали для систем наведения противовоздушной обороны.

— Но мы занимались Особым вооружением, — сказал Вайс, когда они все вместе стояли в комнате, заставленной обезьяньими клетками. Особое вооружение было отдельной отраслью и непосредственно подчинялось только генералу Ходжесу и его штату. Здесь были два микробиолога, физиолог, химик и лаборант. Остальным лаборантам и техническому персоналу ничего известно не было. Восемнадцать месяцев они работали над одним общим проектом.

— Вообще-то он слишком сложен как химически, так и физически, но для удобства давайте будем называть это газом, — продолжил Вайс. — Он не обладает ни цветом, ни запахом, как окись углерода, и хорошо растворяется в воде. Он еще не получил названия, но кодовое его наименование ДРК. Это... трудно понять, чего от него ожидать. Мы работали над его очисткой, чтобы увеличить фактор предсказуемости.

Лео знал, что предсказуемость представляла собой серьезную проблему. Пентагон и Министерство обороны пришли в восторг от ДРК еще тогда, когда он был впервые синтезирован в начале пятидесятых немецким биохимиком по имени Отто Брюкнер. Брюкнер понятия не имел, что делать с новым веществом, и правительство с радостью изъяло его.

— Долгое время проект был в загоне, — говорил Вайс. — У правительства было полно различных более простых проектов, и оно и разрабатывало их, большей частью безуспешно. В конце семидесятых годов интерес к ДРК вновь возрос. Так он к нам и попал. Отдел Особого вооружения — все мы, тут присутствующие, —

должны были точно установить, как действует это детище Брюкнера. Мы провели его через дюжину превращений — от первоначальной формы до того, что имеем сейчас. Но до сих пор его эффект достаточно случаен. На некоторых людей этот газ вообще не действует, хотя и на очень немногих. В некоторых случаях он, если его вдохнуть, вызывает немедленную смерть. Отсутствие всяческого воздействия и немедленная гибель находятся на двух противоположных концах шкалы и составляют от восьми до пяти процентов. Хочу вас уверить, что те его составляющие, которые вызывают немедленную гибель, обладают сравнительно коротким временем распада. Население, подвергнувшееся обработке этим газом, находится в непосредственной опасности лишь первые двадцать пять минут. Нас больше всего интересовало то, что лежит в середине этой шкалы. Вы слышали об экспериментах военных над ЛСД?

Лео кивнул.

— Там все было еще более прискорбно. Мы крутились как могли, чтобы избежать подобных последствий, и наши цели не распространялись так далеко. ДРК, изначально АДК, по своему действию значительно более разнообразен, чем ЛСД, и мы старались выделить форму соединения, которое постоянно воспроизводит один и тот же эффект. — Теперь Вайс занервничал еще больше. — У нас была довольно большая возможность выбора. Некоторые самые дикие эффекты проявлялись чуть ли не спустя месяц. Кожные язвы, галлюцинации, безумие, воспалительные процессы, изменения пигментации, даже наркотическое действие — некоторый процент обработанной популяции просто будет находиться под действием транквилизатора умеренной силы. Мы даже показали, что может произойти увеличение способности к телепатии... Правду сказать, препарат настолько разнообразен по действию, что после полутора лет работы над ним мы только-только начали разбираться, что к чему.

— Ну ладно, — сказал Лео. — Давайте перейдем к делу. Что случилось?

— Барбара, — позвал Вайс, и высокая темноволосая женщина с опухшими глазами отделилась от стенки и прошла мимо клеток, чтобы отворить еще одну дверь.

Лео увидел комнату внутри комнаты, верхняя часть этой внутренней комнаты была отгорожена стеклом. Шагая за Барбарой, он увидел несколько лабораторных столов, микротомы, проекторы, газовые горелки. Внимание его привлекли три тела за стеклянной перегородкой. Два, которые были дальше, лежали, скорчившись, в нескольких метрах от загородки на черном полу. Глаза их были

открыты, рты распахнуты, точно в зевке. У них были пустые, невинные лица мертвецов.

Вайс кашлянул в ладонь, лицо у него покраснело.

— Эти люди готовили комнату перед тем, как впустить туда ДРК-16.

Он вытер лицо, руки его тряслись.

— Тот человек, который ближе всего к стенке, это Фрэнк Торогуд, а рядом с ним — Гарни Вашингтон. Они оба лаборанты — Торогуд был на последнем курсе университета Патчина, а у Вашингтона не было научной квалификации. Он выполнял для нас всех разные несложные задания. Один из них должен был подсоединить испаритель к запасам газа в хранилище. Испаритель, в свою очередь, соединен с маской, которую вы видите на полу. Вместо этого он случайно подсоединил маску к вентилю под испарителем и в камеру попал неразбавленный ДРК. Вашингтон и Торогуд погибли мгновенно.

Лео в ужасе смотрел на третье тело на полу камеры. Оно было раздутым. Поначалу Лео подумал, что оно взорвалось. Руки покрывала белая мыльная пена. Голова человека казалась белой губкой, которая точно ползла в направлении стока посреди камеры. Лишь спустя миг Лео понял, что мыло, которое раньше было кожей, двигалось. Пока он глядел и не мог отвести глаз, в сток сползла примерно треть головы.

— Третий — это Том Гай, один из наших лучших исследователей, хотя работал он с нами всего полгода.

Женщина по имени Барбара зарыдала. Один из мужчин обнял ее за плечи.

— Сами видите, какова степень повреждения. Он умер лишь за несколько минут до вашего прибытия. Мы вынуждены были наблюдать, как он умирает. Он знал, что камеру ему не открыть.

— Господи Боже! — потрясенно сказал Лео. — Поглядите, что с ним стряслось!

Вайс ничего на сказал.

— Сейчас туда можно заходить? Я имею в виду, вы можете избавиться от этой штуки? Мне все равно, что собираются делать дальше ваши люди, но я-то туда не пойду. — Лео сунул руки в карманы. Он видел, как в пене шевельнулся клоч каштановых волос и отвернулся от стекла. Его мutilовало.

— Где-то минут через пятнадцать там будет безопасно. Я имею в виду, насколько это вообще возможно.

— Тогда вы и войдете.

Вайс неожиданно резко покраснел:

— Боюсь, что это не все. Насосы более-менее избавят от следов ДРК-16.

— Это все же ваша работа, малыш.

— Я хотел сказать, что Гарни Вашингтон должен был поставить фильтры на наружную вентиляцию немедленно после того, как камера освободилась. Но Билл Пирс с этой стороны включил вентиляцию прежде, чем мы поняли, что фильтры все еще в хранилищах.

— Какого черта вы не держите постоянных фильтров?

Заговорил Билл Пирс. Он был выше Лео и сложен, как футболист; он единственный из всех ученых носил бороду.

— Мы этого не делали, потому что у них сильный запах, который очень быстро просачивается обратно в камеру. Запах может помешать ходу эксперимента. По обычной процедуре мы опечатываем камеру, проводим наблюдения, а потом Гарни Вашингтон вставляет фильтры, а мы включаем вентиляцию. — Он виновато, но с вызовом поглядел на Лео. — Но когда я увидел, что там делается с Томом Гаем, я подумал, что хорошо бы выгнать из воздуха ДРК. Я думал, если мне удастся быстро поменять воздух, Тома удастся спасти — остальные двое просто упали там, где стояли. Думаю, что обычный порядок действий просто вылетел у меня из головы.

— Так куда же пошло это вещество? — спросил Лео. — Погодите. Я сам попробую догадаться. Эти вентиляторы просто выгнали его наружу, верно? Так оно и получилось? Ваши идиоты закачали эту штуку прямо в воздух сразу после того, как она достала тут ваших ребят? Так что у нас в Вудвилле с минуты на минуту будет миллион мертвецов? Верно? — Лео тяжело вздохнул. — И мало того! Вас ждет миллион судебных процессов, и вы хотите, чтобы я прикрыл вас?

Лео спрятал лицо в ладонях.

— Мистер Фрайдгуд, — сказал Вайс. — Мы только что потеряли троих товарищей. Билл действовал в соответствии с установленной процедурой. Мы так обращались с фильтрами не один месяц.

— Вы что думаете, это оправдание? — взорвался Лео. — Вы хотите, чтобы я вас пожалел?

— Мне очень жаль, — сказал Вайс, ощерив свои кроличьи зубы. — Мы все сейчас не слишком-то владеем собой. Может, все не так плохо, как вы представляете. Позвольте, я объясню.

Тон, которым он говорил это, был довольно уверенный, но все же Вайс выглядел самым испуганным человеком, какого Лео когда-либо видел.

— Я могу написать заявление, — толковал Лео по телефону генералу тридцатью минутами позже, — но можно сделать кое-что получше. Можно вообще откреститься от всей этой истории. «Телпро» никто с этим не свяжет. Во-первых, эти придурки, которых вы там держите, говорят, что, раз ДРК был рассеян с крыши фабрики, он, перед тем как осесть, может улететь не на одну милю. У нас сейчас дует отличный ветерок. — Лео вспомнил, как лишь сегодня утром покачивались на волнах «марлины» и «молнии». — И это вещество будет *перемещаться*. Может, оно вообще унесется с Род-Айленда. Может, оно пролетит до самой Канады. Никто в мире и не подумает связать это с «Телпро», а если нам повезет, оно пролетит над Саундом и убьет всего пару рыб. А если на той неделе пройдут дожди, худшего вообще может не случиться. Вода просто фантастически нейтрализует его действие. Последствия? Ну, может, несколько человек немедленно умрет. Месяц — другой кое-кто из Патукета или Стова будет чувствовать себя немножко не в себе, — Вайс говорил, что влияние на мозг может проявляться спустя длительные сроки. Никакого взрыва заболеваний не будет, вот что для нас благоприятно.

Он какое-то время слушал, что ему говорил генерал.

— Месяцы. Вайс говорил — месяцы.

Генерал опять заговорил.

— Он гарантирует это, сэр.

Опять Лео выслушал генерала.

— Верно. Наше дело — позаботиться о положении дел именно здесь. Именно это я хотел вам сказать. Один из этих гениев подбросил мне эту идею, когда сказал, что ДРК — что-то вроде окиси углерода. Это мы и возьмем на вооружение. Насколько все знают, «Вудвилл Солвент» не имеет с нами ничего общего. Этого и будем держаться. Мы сделаем анонимные телефонные звонки в «Таймс», во все информационные агентства и на телецентр в Нью-Йорке, а сами за это время приведем это место в порядок, так что оно будет совсем как обычный завод.

Пауза.

Лео перевел взгляд на шестерых, которые таращились на него по другую сторону стола.

— Нет, они ничего не скажут. Мы объявим, что завод закрывается, пока не пройдет инспекция на предмет безопасности, а их нужно перевести куда-нибудь в другое место, пока все об этом не позабудут. А сейчас мы можем попробовать связаться с этим парнем Брюкнером

в Бостоне и выяснить, может ли он нам чем-то помочь. Он работал с этой штукой, так что он должен знать, что тут можно предпринять.

Пауза.

— Спасибо, сэр. — Он повесил телефонную трубку и обернулся к ученым. — А теперь пойдем поглядим, на что способны ваши печи. Мы должны убрать из виду все это. Потому что кое-что может появиться в одиннадцатичасовых новостях.

Через полтора часа после своего прибытия на завод Лео Фрайдгуд сидел на деревянной раме, огораживающей фундамент, и смотрел, как Тед Вайс и Билл Пирс орудуют у печи. Два зеленых грузовика без опознавательных знаков с армейской базы в Нью-Джерси расположились на парковочной стоянке, и солдаты выносили клетки с обезьянами, канистры, ящики с лабораторным оборудованием и коробки с записями. То, что осталось от тела Томаса Гая, засунули в мешок с молниями и тоже убрали.

Два часа спустя Лео стоял у окна и глядел, как за полицейским автомобилем пристраивается фургон Си-Би-Эс. В конторе температура поднялась за 80 градусов по Фаренгейту. Каждый знал свою роль. Лео вернулся к столу и вызвал Агентство по защите окружающей среды. Потом позвонил в Департамент здравоохранения округа Патчин. Начиная оба разговора, он представился как Теодор Вайс. Вернувшись к окну, он увидел, как научный руководитель и Билл Пирс выходят из здания, чтобы встретить полицию. Из фургона Си-Би-Эс вылезли высокий мужчина в синем костюме (репортер), звукооператор и человек с переносной видеокамерой. Репортер направился к Вайсу и полицейскому. Когда около калитки загудел грузовик, Лео оставил свой наблюдательный пост у окна и направился вниз по лестнице.

Барбара, лаборант и два научных сотрудника стояли у стола в прихожей. Лео улыбнулся им, спустился и вышел из здания.

Знаменитый репортер из Си-Би-Эс стоял напротив Билла Пирса и держал перед ним микрофон.

— Есть ли какие-либо доказательства того, что эта трагедия, по слухам, произошла из-за отравления моноокисью углерода?

— Насколько я знаю... — начал Пирс.

Так оно и продолжалось несколько часов. К тому времени, как полиция закончила свою работу, опустилась тихая, безветренная ночь. И к тому времени, когда пришла пора ехать домой, Лео Фрайдгуд почти забыл о том невидимом, бесцветном и не обладающем запахом облаке, которое называлось ДРК и которое медленно дрейфовало в теплом воздухе над округом Патчин.

В конце концов, когда Тед Вайс и Билл Пирс прервали свое молчание, все газеты обвинили их и облако во всем, что произошло в Хэмпстеде, и Патчине, и Старом Саруме, в Уитчли и Рэдхилле, в Кинг Джордже — во всех этих великолепных городах между Норрингтоном и Новой Гаванью, там, где много художников и журналистов, и ночных клубов, и холмов, одетых в гранит, и зданий-коробок. Начнутся исследования, судебные процессы, речи, петиции, демонстрации. И все это будет правильным, и все — бесполезным. Потому что за все, что произошло в ближайшие месяцы, облако не отвечало.

Все это для вас, уже лежащих в постели, расслабленных и удовлетворенных. Для вас, кто лишь начал задумываться о себе.

Для вашей истории, для истории Хэмпстеда...

7

Двести лет назад не было тут никакого Хэмпстеда и Гринбанка, а была кучка ферм да церковь над Грейвсенд-бич. Прибрежный тракт (теперь Маунт-авеню) соединял Гринбанк с Хиллхэвеном и Патчином. Когда генерал Трион в 1779 году отплыл из Новой Гавани, чтобы сжечь Патчин, маленькая группка солдат — десять или одиннадцать — спустилась по Прибрежному тракту, чтобы сжечь заодно и Гринбанк. Тогда мужчины заняли оборону, а женщины и дети попрятались в лесах на Фэйри-хилл. Однако нашлись люди, которые с радостью приняли участие в этом разрушении. Викарий округа Патчин писал: «Поджигатели работали с ужасающей целеустремленностью, во главе их стояли люди, родившиеся и выросшие в соседнем городе. Одной из жертв был мальчик, которого застрелили с такого расстояния, что его одежда воспламенилась. Еще восемь жертв были убиты британскими солдатами, но убийство мальчика обошлось без свидетелей и так и осталось тайной».

Это событие — убийство тринадцатилетнего мальчика посреди всеобщего хаоса — и стало историей этого места.

Десять лет спустя Джордж Вашингтон, Президент тринадцати соединенных штатов, навестил Патчин. В его дневнике упоминается, что по всему маршруту — а он следовал по Прибрежному тракту, — он видел каминные трубы, торчащие среди обгоревших руин.

В последующие двести лет в метрической книге были записаны следующие имена: Барр, Вэйкхауз, Дженнингс, Аннабил, Вильямс,

Винтер, Аллен, Кент, Мурман, Баддингтон, Смитфилд, Сэйр, Грин, Тейлор. Все эти имена восходят к четырем фермерским семействам, которые обосновались на Прибрежном тракте в 1640 году — Вильямсам, Смитам, Гринам и Тейлорам. В 1645-м к ним присоединился землевладелец по имени Гидеон Винтер (особняк Монти Смитфилда на Маунт-авеню был построен как раз на территории фермы Гидеона Винтера).

Некоторые имена появляются в записи преступлений Хэмпстеда. В 1841 году заезжий путешественник, который звал себя «Цыганом», убил в лесях, прилегающих к луковому полю Антони Дженнингса, двух детей по имени Сара Аллен и Томас Мурман. Он поджаривал тела в яме, когда его захватила группа фермеров, которую возглавлял Дженнингс. При свете факелов его спровадили на общинные земли Хэмпстеда (теперь их больше нет, поскольку они разрезаны пополам Поуст-роад) и под присмотром городского шерифа надели ему на шею веревку. Сам Тадеуш Барр, судья, прискакал по Прибрежному тракту и осудил этого человека на смерть. Он знал, что ему не удастся доставить преступника на суд графства в Норрингтоне. Преступник отказался отвечать на вопросы Барра и только сказал: «Судья, я один из ваших». Уже после смерти кто-то из толпы узнал в нем дальнего родственника семейства Тейлоров, которого еще мальчиком отослали на другую ферму.

В 1898 году Робертсон Грин (среди друзей известный как «Принц») сбежал с богословского факультета в Новой Гавани и жил в отдельных комнатах в огромном родительском доме на Грейвсэнд-авеню. В этот же год он был осужден за убийство проститутки в Вудвилле. В процессе суда всплыли подробности его жизни, да такие странные, что они появились в газетах Нью-Йорка. Выяснилось, что, когда он вернулся из Новой Гавани, его привычки несколько изменились, — он спал в дубовом гробу, который заказал у местных держателей похоронной конторы. Он никогда не отдергивал занавесок, всегда одевался в черное и пристрастился к опию, который в то время легко было достать в любой аптеке. Он посещал норрингтоновских и вудвильских проституток, и четверо из этих проституток были зверски убиты неизвестным лицом в мае — сентябре 1897 года. «Принц» Грин никогда не признался в этих убийствах, но за эти убийства его осудили так же наверняка, как и за смерть той женщины, чье тело нашли на задворках Вудвилла — на Редбон-аллее. Нью-йоркский «Американский журнал» цитировал отца молодого человека, который утверждал, что сын свихнулся после чрезмерного поглощения стихов поэтов-декадентов Доусона и Суинберна. Еще раньше Грина начали называть «Коннектикутский

потрошитель», но уже в более поздних изданиях — «Потрошитель-поэт». «Бывали такие дни, — говорил его отец репортеру, — что он вел себя так, словно не знал как зовут его мать или меня».

В 1917 году легализованные убийства происходили во Франции, и юноши по имени Барр, Мурман и Баддингтон были убиты в окопах. Их имена выбиты на монументе Первой мировой войны, который возвышается над Поуст-роад, как раз напротив ресторана «Дары моря».

Моделью изваянного солдата — красивого, высокого и стройного — был Джонни Сэйр, который в 1952 году прикончил себя из автоматического пистолета на траве возле доков за Саутельским клубом. Тогда никто не понял, что заставило пятидесятилетнего Джона Сэйра, который был юристом и важным лицом в городе и которого все уважали, покончить с собой. Он отменил все встречи, назначенные на это утро, и его секретарша говорила полиции, что Сэйр последние дни казался раздраженным и подавленным. Бонни Сэйр сказала, что она не хотела идти вечером в клуб, но Джон настоял — они еще две недели назад договорились с Гремом Вильямсом и собирались раньше времени отметить наступающий день рождения Джона. Секретарь сказала, что он не пошел на ленч и остался в конторе. Бонни Сэйр вспомнила, что на обед он заказал лишь салат. И пока все остальные выпивали, Джон извинился и вышел (должно быть, он все время таскал с собой пистолет). Несколько минут спустя они услышали выстрел, но звучал он точно выхлоп автомобиля на ближайшей парковочной стоянке или как хлопнувшая задняя дверь ресторана. Вышедший на перекур официант и нашел тело.

Ни Бонни, ни секретарша не нашли нужным сообщить полиции, что Джон Сэйр написал два имени на листке лежавшего рядом с телефоном блокнота для заметок: «Принц» Грин и Бейтс Крелл.

Секретарша, которая жила в Хэмпстеде только два года, этих имен не знала. У Бонни Сэйр сохранились лишь смутные воспоминания о преступлениях «Принца» Грина. На Грейвсенд-авеню стоял большой дом, в который запрещалось входить ей и ее сестре. Там жили два старика, которые никогда не выходили на улицу. В памяти осталась мрачная тень позора, отвращения, скандала... Что касается Бейтса Крелла... Когда Бонни Сэйр увидела это имя, четко выведенное в блокноте, спустя два дня после смерти мужа, в ней шевельнулось какое-то неясное чувство, и лишь мгновение спустя она поняла, что это тревога. Этот человек принадлежал к предыдущему поколению, которое, кстати, следовало сразу за поколением «Принца» Грина. Бейтс Крелл владел лодкой для ловли омаров,

которая швартовалась в устье Наухэтэна, — там, где теперь размещается нефтеперерабатывающий завод. У него была дурная, даже угрожающая репутация — он был крупным человеком, широкоплечим, бородатым, темноглазым. Он нанимал мальчишек, чтобы они помогали ему ставить сети, нещадно бил их за малейшие промахи. Однажды он исчез. Его лодка так и осталась на стоянке, пока ее не объявили собственностью штата и не продали. Когда Бонни еще ходила в школу, говорили о чьем-то муже или отце, который велел Бейтсу убираться из города, о дочерях или женах, побывавших на этой лодке темными ночами... Но почему ее муж нацарапал это имя, прежде чем убить себя?

«Принц» Грин. Бейтс Крелл. Перо Джона Сэйра чуть ли не прорвало бумагу.

Теперь на реке больше не стояли лодки ловцов омаров и не было рыбаков, раньше удивших здесь в изобилии. Теперь тут нефтеперегонный завод и Риверсайд Билдинг, в котором находятся приемные дантистов и страховые агентства, ресторан «Альбатрос» и бар «Чайка», в котором пьют подростки, ресторан «Дары моря» и конторы.

Теперь никто не помнит имен старых хэмпстедцев, теперь, когда покончено с местным яростным антисемитизмом двадцатых и тридцатых годов, в городе еврейское население составляет примерно четверть. Сюда едут люди из Нью-Йорка, Аризоны и Техаса, а уезжают в Вашингтон, Виржинию и Калифорнию. Издатель, который купил зеленый дом, не знает о том, что когда-то тут спал в гробу безумный юноша и ему снились полеты в небе на раскинутых крыльях, а рот его и ладони были окрашены красным.

Теперь в Хэмпстеде есть стоянка трейлеров (тщательно скрытая из виду стеной деревьев на Поуст-роад), тут каждый час происходят два ограбления, имеются пять кинотеатров, два магазина экологически безопасных продуктов, больше чем дюжина винных магазинов и каждый день от вокзала отходит двадцать одна электричка в Нью-Йорк. По крайней мере, пару сезонов тут живут целых тринадцать миллионеров. Здесь пять банков и три знаменитых артиста, а также частный психиатрический госпиталь с терапевтической программой реабилитации наркомании. В 1979 году тут произошло два изнасилования, а убийств не было совсем. До 1980 года здесь ничего не слышали об убийствах с тех пор, когда Робертсон «Принц» Грин был желанным украшением местной прессы.

Первое убийство 1980 года было обнаружено в девять сорок пять вечера семнадцатого мая, когда в спальню вошел муж жертвы. Пройдет много времени до тех пор, когда кто-то припомнит «Принца» Грина и Бейтса Крелла или даже Джона Сэйра, мимо изобра-

жения которого, каждый, кто как-либо связан с этой историей, проезжает по крайней мере четыре раза в неделю.

8

Злонамеренное облако, плывущее на высоте тысячи футов над Вудвиллом и Норрингтоном, летело впереди Лео Фрайдгуда, когда он направлялся в Хэмпстед. Оно двигалось неспешно, определенного направления у него не было. Когда ветер пригибал его крылья к земле, оно отбирало случайные жизни.

Недельный младенец, который лежал у отворенного окна в эту теплую майскую ночь, стал задыхаться и внезапно умер, пока его родители смотрели телевизор в нижней комнате. Еще через шесть кварталов (мы теперь в Норрингтоне, на участке, который называется Земли Кумберленда) четырнадцатилетний подросток, проезжавший на велосипеде мимо рядов почтовых ящиков, упал с велосипеда и умер, раскинувшись на гравийной насыпи, а его велосипед унаследовал в нескольких футах от него.

Джой Риччи — третья случайная жертва Дракона — ехал домой из Кингспорта гораздо позже, чем обычно, в Стрэдфорд из бара, расположенного рядом с конторой Левина и Левина, бухгалтерской фирмой, на которую он работал. Дорога в один конец отнимала у него около часа, но Джой Риччи вырос в Стрэдфорде и до сих пор не мог себе позволить приобрести дом в Кингспорте, который из всех городов был расположен ближе всего к Нью-Йорку и поэтому являлся самым дорогим во всем округе Патчин. Джою было двадцать восемь, и у него была жена Мари-Луиза и трехлетний сын, который унаследовал темные волосы отца и темно-голубые глаза.

Джой доехал до первого из двух шлагбаумов на платной дороге, где взимали дорожный сбор, тот находился на юго-западной оконечности Хэмпстеда, а следующий — перед выездом из города. Джой опустил стекло в окне, протянул билетную книжечку, и одетая в униформу женщина в будке отодрала билетик. Было уже десять минут девятого — он сказал Марии-Луизе, что будет дома к восьми, а ему нужно было ехать еще полчаса. Джой-младший уже будет в постели. Он жалел, что не уложит сына в постель сам, да и еще по такой неудачной причине. Его непосредственный начальник Тони Флиппо за день до этого попросил уделить ему субботний вечер для какого-то важного разговора. Когда Тони попросил его приехать в Кингспорт, Джой предположил, что его начальник и друг собирался обсудить какие-нибудь деловые идеи. Раньше они обговаривали возможность открыть свою собственную контору. Но этим вечером

Тони не хотел говорить ни о страховании имущества в округе Патчин, ни об арендной службе, что было его второй фантазией, — он хотел пожаловаться на свой брак, хотел, чтобы кто-нибудь отговорил его разводиться. Тони был слегка влюблен в Мишель Спаркс, одну из машинисток конторы.

Так что вечер выдался бессмысленный. Джой Риччи оставил окно открытым и выехал в левый ряд. Перед ним ехали еще две машины, а в зеркале заднего обзора виднелась целая шеренга машин, которые пытались продвинуться к северо-востоку. Непонятно почему, он начал вспоминать о своей девушке из колледжа.

Затем, внезапно, почти пустая сцена, которая разворачивалась перед ним, изменилась. Сначала ему показалось, что I-95 наполнилось разбитыми автомобилями и окровавленными людьми, он увидел огромный фургон, перелетевший через ограждение, мигалки полиции и «скорой помощи». Это видение возникло перед его глазами с почти физической достоверностью, и какой-то миг он не мог ни дышать, ни думать.

Он нажал на тормоз и резко вывернул руль, пытаясь объехать ужасную сцену. Он чувствовал, что голова у него странно гудит, и на какой-то миг ему показалось, что зубы заныли от вибрации. Однако, уже ощущая невыносимую головную боль, он понял, что то, что он видел впереди, не имело никакого отношения к реальности. Он снял ногу с тормоза и нажал на акселератор, мечтая лишь о том, чтобы поскорее проехать этот участок шоссе, что бы там ни было. При этом машина сильно вильнула.

Когда он увидел свои лежавшие на руле руки, он прикусил язык — так, что потекла кровь. Руки его были покрыты белыми личинками. Это все, что он смог различить на текучей шевелящейся белой поверхности, которая покрывала пальцы и тыльную сторону ладоней. Джой открыл рот, но кричать не мог. Машина его двигалась среди потоков света. В ушах у него звучали голоса призраков, неземные вопли.

Фургон, едущий за ним, который все время яростно сигнализировал, врезался в его автомобиль и кинул его на ограждение. Еще один автомобиль ударил в бампер малолитражки, и та начала тихо, словно извиняясь, гореть. Зеленый «Форд» встал на-попа, точно костяшка домино, а автомобиль, который ехал за ним, врезался в горящую малолитражку.

К тому времени, как хэмпстедский шлагбаум опустили, насчитывалось уже восемь погибших. Всего разбилось четыре машины, включая автомобиль Джоя Риччи. Полиция штата и два офицера хэмпстедской полиции беспомощно глядели, как разбрасывают ис-

кры горящие автомобили. Двадцатью минутами позже из гаража прибыл грузовик и начал растаскивать обломки катастрофы.

Один из хэмпстедских полицейских, заглянув через стекло искореженного «Ле Барона», увидел перекрученный руль, изодранное сиденье и обгоревшую мумию. Полицейский видел достаточно дорожных катастроф, чтобы понять, что сделать тут ничего было нельзя. Все это черное существо было размером не больше крупной собаки. Мари Луиза Риччи, все еще пребывающая в неведении, заснула в удобном кресле в тот момент, когда Бутч Кассиди и Санденс Кид взорвали поезд и стояли в боливийской пыли, осыпаемые дождем из бумажных денег.

9

Лео сидел в машине, чей двигатель продолжал работать, и каждые пятнадцать минут продвигался вперед на целый фут. Были открыты всего лишь две будочки дорожного сбора из пяти, и неподвижная полоса машин тянулась к Норрингтону и Выезду 16. Беззаконные автомобили проносились по двум левым полосам, которые официально были закрыты, пытаясь пробраться хоть немного вперед. Лео с удовлетворением отметил, что машины-очередники стояли практически бампер к бамперу и авантюристам никак не удавалось протиснуться. Впереди, по другую сторону шлагбаума, он увидел огни и вспышки красного пламени. Так что там, наверняка, катастрофа.

В девять часов, все еще находясь от пропускного пункта на пятьдесят первом месте, он включил радио и нашел станцию Вудвилла. Новости касались последней заварушки в Иране и судьбы находившихся там американцев. Потом речь перешла к земельным проблемам Хэмпстеда. Все это Лео слушал без всяких проблесков интереса. Затем, когда диктор произнес слова «Вудвилл Сольвент», Лео выпрямился на сиденье и увеличил громкость: «Эта ужасная трагедия привела к гибели двух человек — Фрэнка Торогуда из Патчина и Гарни Вашингтона из Вудвилла. Исследования, проведенные Департаментом здравоохранения, показали, что причиной смерти послужило отравление моноокисью углерода. Завод был немедленно закрыт для проведения профилактических мероприятий и, вероятно, последует полная смена оборудования». Затем раздался взволнованный, высокий голос Теда Вайса, лгущего сквозь свои кроличьи зубки: «Мы узнали об этом, когда... никто не чувствует большей утраты, чем я... Возможно, что владельцы примут решение

свернуть...» Это было для Лео новостью — он, должно быть, разговаривал с Пирсом, когда Вайс решил быть честным и упомянуть о «владельцах». А может, он и не был честным, просто слишком перепуганным и глупым. Но этот ляп заметил только Лео. Диктор перешел к сводке погоды и дорожных катастроф. К этому времени Лео довольно улыбался сам себе.

Все машины вытянулись в одну линию, властные полицейские помахивали сигнальными фонарями, горели огни, мигалки на крышах полицейских машин вспыхивали голубым, красным и зеленым. Обломки катастрофы уже утащили с дороги, но шестиколесный фургон все еще находился здесь, точно поверженный динозавр. Остальные перекрытые полосы были усеяны битым стеклом и мелкими обгоревшими обломками. Когда Лео, выстроившись в линию с остальными водителями, медленно проезжал мимо, он, взглянув в сторону полицейской мигалки увидел зажатую между колесами фургона машину, чью марку опознать было невозможно. Весь верх машины до уровня дверных ручек был снесен, а внутри скорчилось нечто, бывшее раньше человеческим существом. «Стоуни», — неожиданно для себя подумал Лео и вдруг с ужасающей ясностью вспомнил двух мертвых юношей за стеклянной стеной бокса — рты и глаза открыты — и вновь увидел стекающую в дренажное отверстие белую пену. Он загнал эти видения в какой-то пустой и темный уголок своего сознания и вновь поглядел вперед, на высокого полицейского, который размахивал сигнальным фонарем.

Выезд №18 был всего в трех милях отсюда, и теперь Лео изо всех сил торопился домой. Казалось, что облако несчастий закружилось вокруг него и не отпускало, словно он все время находился в его эпицентре. Вспышки лампы-мигалки отражались в зеркальце заднего обзора и металась у него по лицу. И он три мили еле плелся до выезда.

Умом Лео понимал, что с женой ничего не могло случиться. Он понимал, что все его страхи берут начало в Вудвилле, что они — последствия его визита туда и этой внезапной катастрофы на шоссе. Он был далеко не таким крутым, каким старался казаться в Вудвилле, и теперь разум его никак не мог избавиться от страхов. «От тех неприятностей ты избавился, — шептало ему его подсознание, — но есть неприятности, от которых избавиться не так уж легко». Но ведь судя по радиосводке, его план сработал? И Лео пытался уверить себя, что раз это удалось, то и все остальное будет в порядке.

Все будет хорошо, все будет хорошо, все везде будет хорошо.

Опять он увидел этих двоих, Вашингтона и Торогуда, лежащих на спине в стеклянном боксе. Он свернул к разъезду и погнал свой «Корвет», не обращая внимания на предупредительные знаки.

Он проехал по пустым улицам Хэмпстеда. В домах горели огни, и там продолжалась обычная семейная жизнь. Мужчина выгуливал собаку, полная женщина в хлопчатобумажном спортивном костюме трусила по Чарльстон-роад. На углу его улицы стоял с отсутствующим видом подросток, оглядывая небо, словно выбирал себе маршрут. На какую-то секунду Лео показалось, что он узнал этого мальчика, светловолосого, не слишком рослого для своих лет, в полосатой рубашке с подвернутыми рукавами, из которых торчали худенькие руки. Но фары метнулись дальше, подросток исчез из виду, и Лео свернул на Кэннон-роад.

На своих полутора акрах дома важно взбирались вверх по холму, словно объявляя о своей недвижимой ценности, — хоть они и не были такими шикарными, как на Эрмитаж-авеню, но солидными — без сомнения. Все дети на этой улице были блондинами, все холодильники были забиты минеральной водой, а в шкафах в прихожей валялись дорогие кроссовки, специально для бега трусцой. Подъезжая к пятому дому, Лео увидел машину Стоуни, оставленную на подъезде к дому. Затем он увидел, что во всех окнах было темно. Машина, не заведенная в гараж, пустые темные окна... Лео судорожно вздохнул при этих первых признаках того, что что-то было неладно. Он почувствовал, как холод коснулся его головы. Он выехал на дорожку и протиснулся мимо машины жены.

Перед парадной дверью он остановился и поглядел по сторонам. На углу Чарльстон-роад никого не было, деревья согласованно гудели во тьме, точно срослись в одно гигантское дерево. Наступала ночь, повсюду было тихо. Мистер Лео Фрайдгуд вернулся домой в субботу вечером после утомительной и важной работы. Мистер Лео Фрайдгуд заслужил отдых. Неожиданно сердце у него сжалось. Он резко повернулся и быстро зашагал к парадной двери.

Она была незаперта. Внутри было темнее, чем снаружи, и он включил свет в прихожей.

— Стоуни! — позвал он. Никакого ответа. — Стоуни?

Он шагнул вперед, все еще надеясь на то, что все можно как-то разумно объяснить: она вышла погулять или заскочила на коктейль в соседний дом. Но Стоуни никогда не делала ни того, ни другого, во всяком случае ночью. Лео включил свет в столовой и увидел пустой стол, окруженный массивными деревянными стульями.

— Стоуни?

Убеждение, что случилось что-то ужасное, которое на минуту овладело им на шоссе, теперь укрепилось. Он боялся зайти в кухню.

Ладно... Начнем сначала. Что же все-таки случилось?.. И они лежали там, в боксе, за рядами обезьяньих клеток.

Он резко отворил двери в кухню.

Комната, которая не была комнатой, похожая на стеклянный куб с кафельным полом...

В темной кухне тихо гудел холодильник. Здесь тоже был кафельный пол, красный, и теперь его было не разглядеть. Лео включил свет. Он увидел бутылку «Джони Уоркер» — единственную вещь, которая была не на своем месте, и она стояла рядом с кухонной раковиной. Он мягко опустил на нее пальцы и подвинул подальше, туда, где она почти соприкоснулась со стеной.

Лео медленно вышел из кухни и вернулся в столовую. Он поглядел на верхнюю площадку лестницы, ведущей на второй этаж, и проследовал в гостиную. Там были серебряные кушетки и мягкие стулья, а также столик из матового стекла — и все эти цвета, казалось, фосфоресцировали под льющимся из окна лунным светом. В углу гулко тикали напольные часы. Когда он вошел, он сразу увидел, что комната была пуста. Тем не менее он включил ближайший торшер и вернул комнату к жизни.

В маленьком алькове в дальнем конце гостиной был его «рабочий кабинет» с книжными полками и столом. Предыдущие жильцы оборудовали альков лампой дневного света, которой Лео никогда не пользовался. Он зажег настольную лампу. На него уставились дипломы в стеклянных рамках и фотография его самого, сделанная в «Телпро», в непосредственной близости от Красной Кнопки. Конечно, Стоуни в этом крохотном закутке не было.

Лео растерянно побрел обратно к двери. Он вновь глянул на лестницу и позвал жену по имени. Потом поднялся на три ступеньки, вглядываясь в темноту наверху. Вытер ладони о рубашку. Потом, хватаясь за перила, он добрался до верхней площадки и включил свет. Дверь в его спальню была закрыта.

Лео спустился в холл и положил руку на дверную ручку. Эта комната пуста, сказал он себе. Ничего не произошло, все как обычно. Когда я открою дверь, я пойму, что ничего не случилось, и Стоуни через несколько минут вернется домой. Он повернул ручку и толкнул дверь. Как только он просунул голову в спальню, он почувствовал густой запах виски. Черные туфли Стоуни без каблучков стояли на полу рядом с аккуратно сложенной стопкой одежды. Наконец Лео ощутил запах крови, который в этой комнате чувствовался довольно сильно. Он поглядел на то, что лежало на постели,

и в следующий миг осознал, что он стоит в коридоре. Как он вышел, он не помнил.

10

Без десяти десять мигалки двух полицейских машин на мгновение осветили Гринбанк и Саунд. Закончив свою колонку, Сара наконец вышла из здания «Хэмпстедской газеты», не зная, что в воскресенье днем придется переделявать всю первую полосу. Ричард Альби отложил свой журнал, разделся, улегся в водяную постель своего снятого внаем дома, дотронулся до плеча Лауры и почувствовал, что она дрожит. Грем Вильямс услышал вой сирены проехавших мимо его дома машин и перевернулся на другой бок. Табби Смитфилд, который все еще был на улице, глядел, как машины промчались мимо и резко остановились на лужайке перед незнакомым домом на Кэннон-роад, и не мог двинуться, потому что какие-то давно позабытые воспоминания приковали его к земле.

Пэтси Макклауд не слышала сирен и не видела полицейских автомобилей. Как это повелось несколько раз в году, муж лупил ее по рукам и плечам, в промежутках давая ей пощечины, и она так кричала, что никого, кроме себя, не слышала. Избиение продолжалось до тех пор, пока она не перестала сопротивляться и просто стояла, наклонив голову и заслонившись локтем.

— Ты меня иногда доводишь буквально до бешенства, — сказал Лес Макклауд, — иди умойся, Бога ради.

11

Лео Фрайдгуд, которого все еще допрашивала полиция, пропустил одиннадцатичасовые новости, в которых говорилось о том, что в Бостоне совершил самоубийство ученый Отто Брюкнер. Лео не оставляли одного до полуночи, пока не разместили его в комнате отеля на Поуст-роад, где он уснул не раздеваясь, после того как его накачали седативами полицейские врачи. Он спал так крепко, что его не мог разбудить даже шум дискотеки на первом этаже. В местных новостях Тед Вайс читал свою роль, Пирс — свою, а знаменитый репортер с элегантным профессионализмом объявлял, что расследования связали эту смерть с отравлением окисью углерода из-за неисправности муфельных печей. Знаменитый репортер не преминул напомнить, что подобный инцидент четырем месяцами раньше произошел в Бронксе.

Воскресное издание «Нью-Йорк Таймс» посвятило целый подвал Отто Брюкнеру. Там были анекдотические воспоминания современников о его застенчивости и рассеянности, перечень наград и отзывы о нем, как об одном из крупнейших биохимиков современности. Никакого упоминания о его работе над ДРК в этом некрологе, естественно, не было.

Не стал воскресный номер «Таймс» обсуждать и убийство Стоуни Бакстер Фрайдгуд. Лишь в понедельник о ней появится короткая заметка. Но Стоуни в своей смерти не была забыта. Ее фотография потом четыре раза появится в газетах, первой в ряду таких же, обведенных черной каймой, снимков. За тринадцать недель, с конца мая и до середины августа, еще шесть человек были убиты точно таким же образом. После этого новости, которые приходили из округа Патчин, были неясными и обрывистыми.

II СЕМЬЯ АЛЬБИ

1

Для Ричарда Альби первое потрясение от возвращения на родную землю началось поздно ночью в номере отеля, где он и Лаура ожидали, пока освободился дом на Фэйритэйл-лейн. Переезд из дома в дом, как считают психологи, приносит почти столько же душевного напряжения, как развод или смерть супруга, и Ричард не мог уснуть. Он чувствовал, что, может, он ошибся, и эта ошибка будет много значить в его жизни. Он нервно шагнул в гостиную, включил телевизор и предстал перед лицом — в самой вещественной возможности — своего собственного прошлого.

«Папа с тобой» демонстрировалась независимыми студиями, и нью-йоркской тоже, в двенадцать тридцать ночи. Почти в каждом крупном городе Америки старые сериалы всплывали по ночам, когда нужно было чем-нибудь заполнить программу и дать возможность любому фанату сидеть, уперев глаза в телевизор, хоть до шести утра. «Папа с тобой» была популярной программой, и обычно ее крутили не так поздно, но Ричард увидел ее впервые после премьерного показа.

В Лондоне показалось бы странным, что киноленты тридцатилетней давности по-прежнему не сходят с экрана, но в Лондоне никто эту программу и не видел, она служила лишь поводом салонных шуток. Десятилетний мальчик во мне еще очень силен, думал Ричард. Более того, он все еще зарабатывает деньги. Этот десятилетка тогда нашел себе отличного юриста. Это была сущая правда: вместе с Картером Олдфилдом, единственным живым до сих пор главным актером, каждый месяц Ричард получал чек на приличную сумму. Отличный юрист, Фил Сайвер, работал на Картера, и он настоял, чтобы родители Ричарда предпочли большой единовременной оплате проценты с каждого повторного показа:

— Послушайте, никто не знает, сколько они будут это крутить, так что мы сможем оформить мальчику ежегодную ренту. *Рента* была магическим словом для миссис Мэри Альби. Остальные актеры основного состава отвергли предложение Сайвера, но Ричард, которому по окончании съемок исполнилось четырнадцать, спустя десять лет, когда программу начали прокручивать вновь, начал получать свою пеню. Ему тогда было двадцать четыре, и незапланированные деньги дали ему возможность обрести свободу, в которой он так нуждался. Деньги поступали каждый месяц, в количестве, достаточном, чтобы поддержать на плаву молодую пару в первые годы их

совместной жизни. Ричард закончил архитектурный колледж, два года проработал в конторе архитектора, переехал в Англию и попытался написать роман, и, наконец, нашел работу, которая его устроила. Целых три года он вкладывал, а не тратил свою ренту, и это позволило Альби потом семь лет путешествовать без особого финансового напряжения, а позже, когда Лаура и Ричард обосновались в Кенсингтоне, ежемесячный чек вызывал почти что раздражение, точно юношеская привычка, от которой трудно избавиться. У Ричарда была работа, Лаура была издателем женского журнала, а зеленые прямоугольнички от «Папы с тобой» поступали в банк Лойда и там постепенно приумножались.

Шесть лет жизни, больше чем двести эпизодов, все появлялись и появлялись на экранах страны, и маленький трудолюбивый Ричард Альби все проживал свои годы — от восьми до четырнадцати — в мире, который ничем не напоминал реальный мир его детства. В мире «Папа с тобой» не существовало таких серьезных проблем, которые Тед Джеймсон — он же Картер Олдфилд — не разрешал бы за тридцать минут экранного времени. Там не было преступлений, не было смертей и болезней, не было бедности и алкоголизма — все сложности были связаны с учебой, с девочками и с покупкой подарков на день рождения.

Со своего рода радостным ужасом Ричард уселся на жесткую гостиничную кушетку и смотрел, как он сам профессиональной походкой движется по экрану.

Он пропустил первые пять или семь минут, так что пропустил коронную фразу, благодарение Господу. Коронная фраза, которую его персонаж произносил в начале трех из пяти программ, была причиной того, что на студию мешками присылали сладости. Она стала его сущим проклятием. В четырнадцать он надеялся никогда больше ее не услышать, и с тех пор он ненавидел сладости. Однако черно-белые образы прошлого все равно всплывали в его мозгу. Джеймсоны сидели вокруг стола в своей кухне соснового дерева, и прелестная Рут Бранден — Грэйс Джеймсон — была расстроена, потому что она разбила бампер семейной машины. Она хотела починить автомобиль перед тем, как об этом узнает отец. Так что от расстройства она положила соль в кофе Теду, а сахаром посыпала картошку. Тед пробовал кофе, кривился.

— Эй, па, в чем дело? — спрашивал Дэвид Джеймсон, которого играл Билли Бентли.

— Кофе не очень удачный, — говорил Картер Олдфилд, излучая доброту и мудрость после минутного удивления. — Наверное, швейцарский, голубка?

Десятилетний Ричард Альби тихонько усмехался, потому что знал про бампер.

Вот так оно и шло целых шесть лет.

Ричард не мог удержаться, чтобы не думать о том, что случилось с каждым из этой четверки. Никто из тех троих не получил того признания в кино, о котором каждый по-своему мечтал. Рут Бранден, эта очаровательная женщина и самый профессиональный актер среди них, прооперировала рак груди через год после завершения серии; работая над сценарием следующего сериала, она потеряла сознание и врачи обнаружили многочисленные метастазы. Она стореда за три месяца. Картер Олдфилд был единственным, кто до сих пор продолжал телевизионную карьеру, и ореол мудрости и доброжелательности затмевал его природное занудство и склонность к депрессии. После «Папы с тобой» он был занят в другом долгоиграющем сериале об адвокате, практикующем в маленьком городке Среднего Запада. Теперь он появлялся в коммерческой рекламе, восхваляя апельсиновый сок: «Сок, который взбадривает тело». Волосы его из темно-каштановых превратились в седые, но вообще-то он не изменился. Каким-то образом возраст даже облагородил его.

Ричард улыбнулся, вспоминая, в скольких сценах Картер Олдфилд держал руки в карманах, потому что они тряслись так, что это было заметно режиссеру-постановщику. Все же он уцелел, и Ричард думал о нем с нежностью. Не с такой любовью, как о Рут Бранден, но все же парень был артистом, артистом одного лишь амплуа, но исполнял он его блестяще.

Но Билли Бентли... помнить об этом было больно, больнее, чем вновь видеть Рут Бранден. Во времена «Папы с тобой» Ричард Альби не имел ни отца, ни братьев и сестер — его отец смылся сразу же после прибытия младенца Ричарда из больницы. Ричард чуть не молился на Билли Бентли. Он был похож на молодого киногероя шестидесятых — мятежный и восприимчивый. Ему было десять лет, когда Ричарду — восемь, и четырнадцать, когда тому — двенадцать, но выглядел он старше лет на пять — высокий, со смуглым сильным лицом и шапкой падающих на лоб волос. Билли был сообразительным, хоть и не образованным, неплохо танцевал и обладал музыкальными способностями, хотя и не потрясающими. Билли пил пиво, курил, водил свой собственный автомобиль по студийной автостоянке и любезничал с девушками. Его разрушили наркотики. И его разрушил весь сериал «Папа с тобой». На углу улицы в западном Лос-Анджелесе он попытался купить героин у подсадной утки — полицейского детектива. Ему было семнадцать, но выглядел он на все двадцать пять. Так что Билли на два года исчез в исправительном

заведении. Его отсутствие тревожило, точно неоплаченный счет; он три раза писал своему «брату»: «Ты все еще карабкаешься наверх, Спарки? Ходишь по колено в цветах? А тут у нас собрали всю наркомовскую элиту, и мы совсем неплохо проводим время, Спарки, совсем неплохо. Мы еще не закончили свои дела, мы еще спляшем».

В начале обучения в колледже Ричард прочел, что Билли, которому уже исполнилось двадцать два, был второй раз арестован из-за наркотиков. Он был все еще «Билли Бентли, актер и бывшая юная звезда телесериала». Четыре года спустя он позвонил Ричарду в Нью-Йорк, — он хотел снимать фильм о наркоманах и ему нужны были деньги. Ричард послал ему пару тысяч долларов, хоть Лаура и была против. Была вероятность, что Билли использует их не по назначению.

Ричарду было все равно — он чувствовал, что задолжал ему хоть это. Он любил Билли, любил, словно и впрямь тот был его братом. Но работать с ним он отказался.

Это случилось в Париже, где Ричард и Лаура жили уже шесть месяцев. Билли позвонил ночью, он был переполнен всякими планами:

— Эй, мужик, тут на восточном побережье полно всяких маленьких театриков. Они просто напали на нас с тобой. Нужно только найти хорошую пьесу, и мы на коне. А уж получим мы за это, — черт, да я тебя уже практически продал!

Ричард подумал о Билли, каким он его видел в последний раз — они сидели за столиком ресторана на Восточной сорок второй улице в Нью-Йорке. Лицо у Билли все еще было сильным и смуглым, но прежняя невинность исчезла — он выглядел опасным, словно больше не принадлежал дневному свету. Он был одет в дешевые джинсы и пиджак Армии спасения, который был великоват.

— Ты не колешься? — спросил его Ричард.

— Эй, не будь занудой. Я уже начал лечиться. Я могу бросить, когда захочу. Я готов *работать*, Спарки. Давай закрутим что-нибудь вдвоем? Люди хотели бы увидеть старых знакомых.

Ричард вынужден был отказаться и чувствовал себя предателем. На второй год его жизни в Лондоне последовал еще один ночной звонок. Билли все еще думал о театре.

— Билли, — сказал ему Ричард, — я был актером потому, что моя мать хотела, чтобы отпечатки моих ног были рядом с Китайским театром в Лос-Анджелесе. Это было забавно, но все это не для меня. Мне очень жаль.

— Ты нужен мне, старик, — сказал ему Билли. — Нужен, как тебе в те былые деньки, был нужен отец.

— Я могу прислать тебе денег, — ответил Ричард. — Это все, что я могу сделать.

— Мне нужен был Спарки, а не деньги, — сказал Билли и повесил трубку прежде, чем Ричард успел узнать его адрес. Почти сразу вслед за этим он прочел о смерти Билли в «Ньюсвик». Его застрелили во время того, что журнал назвал «наркотическим возбуждением».

Вот об этом Ричард и думал, пока глядел бесхитростные двадцать минут «Папы с тобой». Он знал, что утром Лаура его сочувственно выслушает и скажет: «Билли ведь тебе не принадлежал, дорогой. Не ты испортил ему жизнь — он сам сделал это».

Разумеется, это правда, но ведь Лаура не слышала, как Билли прошептал «Ты нужен мне» и отказался, когда ему предложили деньги. Прости, Билли, я не могу именно сейчас спасти твою жизнь, как насчет большого жирного чека?

Добро пожаловать домой, Ричард!

Он выключил телевизор сразу же, как зазвучала песня «Мы еще спляшем», которая всегда звучала, пока шли титры.

2

Должно быть, из-за того, что он неожиданно увидел себя и Билли Бентли детьми, ему приснилось, что он вновь участвует в сериале. Все воскресенье Ричард и Лаура распаковывали одежду — только летнюю, потому что все остальное может подождать, пока у них не появится свой дом. Дом на Фэйритэйл-лейн они снимали уже два месяца и успели понять, что он не был сущим благословением. В Хэмпстеде было очень влажно, а в доме, который они снимали, не было кондиционера, а был лишь древний вентилятор, который гудел, точно грузовик на подъеме. Огромный камин в гостиной, хоть и был без единого пятнышка, вонял пеплом. В кухне было лишь несколько футов свободного пространства, а то, что можно было использовать, было занято огромной микроволновой печью — первой в жизни Альби. Четыре спальни были маленькими и темными, а ступеньки ужасающе скрипели. Когда он плюхался на ненавистную водяную постель, результирующие волны грозили стряхнуть Лауру на пол. В карманной гостиной мокрые потеки свидетельствовали о том, что потолок рано или поздно обрушится на обеденный стол. Вся проводка, даже на неопытный взгляд Ричарда, казалось, была проложена перед второй мировой войной. Треть оконных рам прогнила и от них отслаивались пластины краски. В общем дом был готов к професси-

ональным услугам Ричарда, который питал слабость к таким подгнившим красотам.

Он работал над дюжиной больших домов в Лондоне, начиная со своего собственного, и заслужил репутацию точного, тщательного и трудолюбивого работника. Он чувствовал глубокое удовлетворение, когда воскрешал к жизни дома времен королевы Виктории и принца Эдварда. Его работа помогала остальным ощутить красоту этих домов и понять, в чем она заключается. Ричард предпочитал возиться со зданиями, которые предыдущими поколениями воспринимались не иначе как чудовища архитектуры, и благодаря какому-то инстинкту узнавал их секреты. За несколько лет он заработал даже что-то вроде славы — о восстановленных им зданиях написали два журнала, и он получил больше заказов, чем мог справиться. Так же будет, надеялся он, и в Америке. Две пары — на Род-Айленде и в Хиллхэвене — уже заказали его услуги. Именно эти предложения и подвигли его на переезд в Америку — это и надежда на рождение ребенка. Его сын или дочь будут американцами и говорить будут на американском английском. До того, как они решились на ребенка, это казалось неважным, но на самом деле это было важно. Их ребенок будет говорить не с кенсингтонским акцентом, а с коннектикутским, где родились его родители и родители Лауры и где родился он сам и Лаура, — в тот же самый день, но разделенные годом. Ричарду больше нравилось думать, что Ламп — единственное пока что пришедшее им в голову имя — будет ходить в местную школу, а не в лондонский пансион.

Он или она? Ламп будет девочкой, это Ричард знал точно. И ему нравилась эта внутренняя уверенность.

Дело в том, что когда они еще жили в Лондоне, Ричарду приснилось, что он гуляет по Кенсингтон-Гарден. Он заглянул в будущее лет на пять-шесть. Солнце опускалось на широкую лужайку, а цветы и травы, которые на этой лужайке росли, были потомками цветов и трав его времени. Деревья были чуть заметно выше. Эта атмосфера будущего передалась и Ричарду, который во сне слегка потяжелел по сравнению со своими ста шестидесятью фунтами. За руку ему цеплялся ребенок. Он вел этого будущего ребенка на игровую площадку в будущем парке, и все было замечательно. Во сне Ричард старался наглядеть на ребенка, чтобы не заплакать от радости. Ламп все тянула его к пруду, и он позволял ей делать это и просто обмирал от счастья. Наконец он опустил глаза. Она была маленькой, жизнерадостной, с прямыми золотисторыжими волосами, в точности, как у Лауры. На ней было легкое набивное платьице и черные детские башмачки. Гордость и любовь

переполняли его, он начал всхлипывать и от этого проснулся. Он видел ее, и она была великолепна. Спокойная ясность сна сохранялась в нем долгое время.

Он никогда так и не сказал Лауре, что видел во сне их ребенка.

Он никогда не рассказывал ей еще об одном сне. Мужья и жены по-разному делят психологическую ответственность, а обязанностью Ричарда было ободрять и поддерживать. Их совместные страхи и сомнения обычно выражала Лаура.

Так что именно Лаура спросила:

— Как ты думаешь, это сработает?

Они прогуливались в первое воскресенье после своего приезда, осваивая незнакомую территорию. Они спустились по Фэйритэйл-лейн и перешли через мост, мимо огромных деревьев, увитых плющом и диким виноградом, и какое-то время за ними следовала дружелюбная собачья свора. Все дома казались огромными и стояли на значительном расстоянии друг от друга.

За заслоном деревьев мерцала и вспыхивала река.

— Все будет в порядке, — сказал он и обнял ее за плечи. — Может, поначалу будет довольно туго, но с нами тут будет происходить только хорошее. У меня уже есть два заказчика. Это хорошее начало.

— У меня культурный шок, — сказала Лаура.

— Мы выросли здесь, — напирал Ричард.

— Ты вырос в Лос-Анджелесе, а я — в Чикаго. А все это место выглядит как Озерный лес.

— Да это и неплохо, — он увидел, как вспыхнули ее глаза, и сказал: — О, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Они оба родились тут, но, по странному стечению обстоятельств, отец Лауры перебрался в Иллинойс, и она росла в доме, очень похожем на их лондонский дом. Он вырос в квартирах или маленьких домиках, снятых на один сезон. Первый большой дом в его жизни они купили вместе с Лаурой. Они оба привыкли к террасам — домам, расположенным ступеньками, и к магазинам, до которых можно было дойти пешком, они привыкли к движению машин на улицах, к барам, к паркам. Хэмпстед — ни город, ни загород, был каким-то размытым, нереальным. Имя ассоциировалось с холмами Голливуда или с белыми скучными домиками Голсуорси.

— Думаю, это займет у нас около года, — сказал он, — но мы привыкнем к этому месту.

— Не уверена, что я хочу привыкнуть, — ответила она.

На этом месте их беседы из-за угла высочила группка мужчин в шортах и мокрых от пота майках. Они трусцой бежали мимо, и

их лидер — белокурый светлородый викинг с развевающимися по ветру волосами — крикнул: «Привет!» Ричард сразу же почувствовал, что в твидовом жакете и галстуке ему гораздо жарче, чем хотелось бы.

Они уже отметили, что округ Патчин возвел здоровье в культ. По Фэйритэйл-лейн целый день пробегали любители бега трусцой, а магазины и овощные лавки были заполнены людьми, вернувшимися с теннисных матчей. Местная аптека была забита всевозможными сортами сигарет, но покупал их только он.

Конечно, это был культурный шок. Когда Лаура отправилась в продуктовый магазин, забитый покупателями в теннисных костюмах, она не нашла там мяса. На завтрак предлагались сладкие кукурузные хлопья, а незнакомые люди обращались к приезжим с ошеломляющей прямоотой.

— Моя сестра умерла, — сказала Лауре какая-то женщина, покупающая замороженный йогурт, — просто упала и умерла, а ее муж, уж конечно, за всю жизнь пальцем не пошевелил.

— Какой позор! — подыграла ей Лаура. Люди вроде того бегуна-викинга глядели прямо в глаза и улыбались, демонстрируя превосходные белые зубы. Они выглядели как жители киношного городка. В их радостном, возбужденном взгляде читались доброжелательность и заинтересованность.

Ко всему этому они со временем привыкнут — ведь это все мелочи, — потому что должны привыкнуть. Первые дни в Америке оказались шоком именно потому, что первоначально Альби ожидали, что они в любом уголке страны будут чувствовать себя как дома. Теперь они ожидали совсем другого, и это другое полностью зависело от них.

Этим вечером Альби рано отправились в постель. И пока Ричард читал вслух «Мадам Бовари», оба они время от времени оказывали друг другу знаки внимания, демонстрируя привязанность и заботу. Иногда Лаура улыбалась самой себе, когда ребенок шевелился — он начал шевелиться лишь недавно. Сегодня вечером ребенок особенно разбушевался, и она хотела, чтобы Ричард почувствовал, как тот бьет ножками. Он так и заснул, положив руку на ее округлый живот.

Иногда ночью ему снилось, что он опять участвует в сериале «Папа с тобой».

Но ему было не десять лет, а его собственные тридцать шесть. Он говорил коронную фразу. Билли Бентли, тоже взрослый, улыбался своим смуглым затененным лицом.

— Не сегодня, дорогие, — говорила Рут Бранден, входя в кадр из кухонной двери. — Разве вы не помните? Сегодня произошло чудовищное убийство. На улице делается что-то ужасное. Я не могу готовить пирожные с такой тяжестью на душе.

— Конечно, мама, — говорил он. — Теперь я вспоминаю. Нет, пирожные — это неудачная мысль.

— Бу-бу-бу! — сказал Билли Бентли. — Вокруг ходит большой страшный убийца, и он охотится за тобой!

Эпизод про убийцу? Нет, это что-то не то. Спонсоры никогда бы не позволили...

— Он собирается прятаться в шкафу! — усмехнулся Билли Бентли. — Дверь медленно заскрипит, и он как выпрыгнет, и прямо на тебя, малыш!

— Хватит, Дэвид, — сказала Рут Бранден. — Это нехорошо.

— Папа сегодня слегка припозднится, — сказал Билли. — Ему нужна небольшая встряска. Доктор Фрайдгуд как раз дал ему таблеточку.

— Я не позволю тебе говорить об отце в таком тоне, — сказала Рут Бранден, все еще оставаясь в первоначальной роли.

Наконец Ричард заметил, что передачу никто не снимает. Они обедали в маленькой столовой, и вокруг не было ни операторов, ни ассистентов.

— Эй, мама, — сказал он.

— Я хочу, чтобы вы пошли спать, — сказала Рут. — И закройте двери. Проверьте, чтобы окна тоже были закрыты.

— Это же не...

— Идите наверх! — закричала Рут Бранден, и лицо ее на миг исказилось. — Убирайтесь и закройте двери.

Комната была как комната, с четырьмя стенами, но откуда-то взялась камера, которая все это записывала.

— Сцена два, — сказал голос. — Смена кадра.

Он уже был в спальне и переодет в пижаму на ночь. Это была правильная спальня, и он был правильным Спарки Джеймсоном, потому что ему было десять лет. К шкафу прислонилась пара лыж. Рядом валялась теннисная ракетка в чехле на молнии — весь его ребячий хлам. Он дотронулся до лица, пробежал ладонями по волосам. Да. Все верно.

Он помнил, что написано в сценарии: *Спарки подходит к окну, встревоженно озирается, потом оборачивается к Дэвиду*. Ричард подошел к окну. Он помнил этот вид: задворки студии, груды хлама во дворе. Он взглянул, но увидел не студию, а улицу, траву и соседский сад. В лунном свете фонари маршировали по Маплъ-лейн,

улице, которой никогда не существовало. Проехал «Шевроле», его фары осветили мерцающую тьму.

Он обернулся, во рту было сухо.

— Эй! — сказал он.

СПАРКИ: «Эй».

Лаура спала на водяной кровати, волосы рассыпались по подушке. Рядом лежал Билли Бентли и усмехался ему, лицо было едва различимо в темноте. Ричард знал, что под простыней тело Билли было обнажено.

— Бу-бу-бу! — голосом злодея сказал Билли. — Кто-то гонится за тобой.

Входная дверь хлопает.

Кто-то хлопнул входной дверью.

ДЭВИД: «Думаю, теперь он тут, братишка».

— Думаю, теперь он тут, братишка, — сказал Дэвид. — Ты уверен, что запер двери?

Ричард потрясенно смотрел на Билли Бентли, лежащего в постели с Лаурой. Они были расслаблены, как бывает после занятий любовью. Лаура дышала легко, чуть приоткрыв великолепно очерченные губы.

— Черт, до чего же отличную бабу ты притащил сюда, — сказал Билли, и Ричард, в свои десять лет, чувствовал себя бессильным перед этим взрослым мужчиной. — Одна из тех женщин, у которых все на месте, понимаешь?

Костистой рукой, которая в темной комнате казалась черной, Билли провел по натянутому в батист плечу Лауры.

— Но, если ты не против, я скажу, что у тебя возникла маленькая проблема, Спарки. Ты не запер дверь.

— Дверь?

— Дверь в ванную, Спарки. Кто-то к нам пожаловал.

Ричард слышал, как нечто громко топает по лестнице. Что-то тяжелое рухнуло, раздался звук битого стекла и фарфора. Закричала Рут Бранден. Потом раздался тяжелый лязгающий звук — звук топора, несколько раз врезавшегося в дерево. Рут еще раз вскрикнула, последовал очередной тяжкий удар, и крики резко оборвались.

— Лучше спрячь куда-нибудь свою задницу, — сказал Билли.

Внизу кто-то кричал.

Ричард подошел к двери и запер ее на засов.

Дверь в спальню скрипнула.

Кто-то тряс запертую на засов дверь. Тот человек с другой стороны постучался, потом еще раз.

— Спарки? Эй, Спарки? Пусти меня, а?

Это был выразительный голос Картера Олдфилда, но звучал он грубо, словно говоривший задышался.

— Я же платил за этот дом, это мой дом. Пусти меня, ты, маленький ублюдок! — Говоривший был пьян, Ричард уже слышал подобное мычание.

— Уходи, — сказал он, а Билли Бентли хихикал, лежа на постели.

— Не командуй, — проорал Картер Олдфилд. — Я хочу немного заняться тобой.

И в дверную панель начал стучать топор.

Ричард внезапно проснулся, сердце его колотилось. Электронные часы на прикроватном столике показывали 4.04. Лаура всхлипывала во сне, словно ей передались кошмары Ричарда. На полосатых обоях, которые сам он никогда в жизни не стал бы клеить, скользили полосы света от фар проезжающих автомобилей.

3

В понедельник с утра Альби встретились с особой, которая занималась недвижимым имуществом, — Ронни Ригли, — в ее конторе в торговом центре на Поуст-роад. Ронни была прижившейся здесь коренной калифорнийкой с жизнерадостным смехом и короткой платиновой стрижкой. У нее были уверенные и грациозные движения, которые часто бывают свойственны крупным людям, и Ричард полагал, что, когда она жила у теплого моря, она была отличным пловцом и ныряльщиком. Когда Альби появились у нее прошлой весной — два невинных ягненка, которые присматривали себе жилье внаем, — она тут же взяла все в свои руки. Невзирая на все недостатки, дом на Фэйритэйл-лейн был лучшим домом из всех, которые попались им той весной. Ронни отнеслась к ним честно и даже предостерегла их, когда им понравилось что-то менее подходящее и более дорогое.

Она им нравилась потому, что умела превращать утомительное дело выбора дома во что-то, приносящее наслаждение охотничьего азарта.

— Ну что ж, пойдем по следу, — Ронни помахала пачкой бумаг. — Сегодня утром мы должны осмотреть три дома, потом где-нибудь отлично позавтракаем, а днем поглядим еще два. Я хочу, чтобы вы объяснили мне, что вы хотите получить за ваши деньги?

Они залезли в ее машину, голубой «Датсун» с номерными знаками «РОННИ».

— Надеюсь, вы хорошо спали, — сказала она. — В незнакомом месте это сложно.

— Не очень, — сказала Лаура, сидящая на заднем сиденье, — водяная кровать все время плещется.

Ронни зашлась смехом.

— О, Боже, я и забыла, — там же водяная кровать! Но, может, вы к ней привыкнете?

— Лучше и не привыкать, — сказал Ричард. — Серфинг — это одно, а сон — совсем другое, и путать их незачем.

Он поднял один из листиков бумаги, лежавших между ним и Ронни.

— Мы туда сначала едем?!

Ронни кивнула.

— Слушайте, может, я покажусь навязчивой, раз прошу о таком, но я просто не могу удержаться. Не можете ли вы... я имею в виду, не можете ли сказать это для меня? Ну понимаете, что я имею в виду?

Она хотела, чтобы он сказал коронную фразу. Он поглядел на Лауру, которая злорадно усмехалась со своего заднего сиденья.

— Или вам не нравится, когда люди просят вас это сделать?

— Никто не просил меня за последние десять лет. Ладно. «Эй ма, я хочу всю тарелку пирожных».

Обе женщины рассмеялись.

— Ну голос у меня с тех пор изменился.

Лаура сказала:

— Не так уж плохо, не правда ли, дорогая?

— Не плохо? Это было чудесно, — ответила Ронни. — Я просто должна была спросить, мне не верилось, что это вы. Я сказала моему приятелю — вы знаете его, Бобо, полицейский, — что я показывала вам дома, и Бобо сказал: попроси его сказать это. Иногда, если Бобо на дежурстве с восьми до двенадцати, мы смотрим вашу программу, когда он возвращается. Ее показывают почти каждую ночь, знаете ли. Я думаю, что это так *правильно*, что вы вернулись в Хэмпстед.

— Конечно, но мы его с трудом узнали, — сказал Ричард. — Мы ведь были детьми, когда уехали отсюда.

— О, вам понравится здесь — тут всегда что-то происходит. Когда мы устраивали на прошлое Рождество вечер в конторе для покупателей, Джейн Фробишер, она со мной работает, подошла к каким-то людям, которым я только что продала дом, и сказала: «Вы только что въехали в Хэмпстед? Для того, чтобы разводиться вы еще очень молоды!»

Они расхохотались, но Ронни опять перебила их:

— О, Боже, послушайте, вы еще ничего не знаете об убийстве? Мне рассказал Бобо. Это случилось в субботу вечером, когда Бобо вернулся с места дорожной катастрофы, все об этом говорили. Ненавижу разговоры о воздаянии за грехи и всякое такое, но думаю, что леди связалась с этим потрошителем, пока ее муж был на работе.

Вот так Альби впервые и услышали о Стоуни Фрайдгуд.

— Мадам Бовари округа Патчин, — сказала Лаура.

— Так значит в Хэмпстеде продается еще один дом? — спросил Ричард.

— О, это не для вас, — быстро ответила Ронни. — Это ЯППи — «Я Просто Потрясен».

4

Несмотря на то, что во время завтрака во французском ресторане, который так нравился Кларку и Джин Смитфилдам, Ронни Ригли пустилась в чрезмерно детальное описание обстоятельств гибели Стоуни Фрайдгуд, несмотря на то, что эти обстоятельства слегка напомнили Ричарду его ночной кошмар с безумным Картером Олдфилдом и топором у двери спальни, несмотря на то, что ни один из домов, которые они посмотрели, им не подошел — лучшие из них требовали такой переделки, что у Ричарда не осталось бы ни времени, ни сил на заказную работу, и несмотря на то, что все дома начали смешиваться в одну кучу после стакана мартини со льдом и отличного домашнего белого вина, похоже, что между Альби и Ронни начала завязываться дружба. Ричард даже рассказал несколько затертых анекдотов о похождениях Картера Олдфилда в программе «Папа с тобой». Лаура с нежностью описывала их кечсингтонский дом (что помогло Ронни получше представить себе, что именно может понравиться Альби), а Ронни подала им надежду, что жизнь в округе Патчин может быть наполненной, интересной, а иногда — забавной. Она сидела напротив, и ее плечи пловчихи и сияющая улыбка были знаком того, что в будущем, возможно, все их тревоги улетучатся. Она также постаралась включить их в общественную жизнь города, сказав, что они с Бобо придут в гости пообедать на следующей неделе.

— Вот тогда вы и узнаете все хэмпстедские сплетни, — сказала она. — Бобо известно все обо всех. Да он вообще потрясающий парень, хотя, может, это мне и кажется, потому что я в него влюблена.

Она назвала Лауре фамилию хорошего доктора.

— Все лечатся у Ван Хорна, — сказала она. — Он лучший гинеколог в городе. Он очень тонкий человек, и это что-то особенное, особенно после тех куриц, с которыми я связывалась до этого. Он обихаживает вас, как королеву.

Она улыбнулась Лауре.

— Ламп. Мне нравится это имя. Ламп Альби, самый здоровый ребенок в округе.

Лаура вытащила из сумочки записную книжку и пометила: «Доктор Рен Ван Хорн, гинеколог».

III ГРЕМ

1

Инстинкт подсказывает мне, что нужно избавиться от этой роли богоподобного вершителя судеб, который знает все про своих персонажей, знает, что они думают и делают в любой отрезок времени, и который исподтишка влияет на их жизнь. Эта поза уже ускользнула от меня, особенно когда я начал писать о самом себе. Это я, Грем Вильямс, пишу эти строки. Зовите меня просто Грем. Нет, черт возьми, лучше зовите меня мистер Вильямс, разве что вам примерно столько же лет, сколько и мне, а мне семьдесят шесть. Я пережил всех врачей, которые предупреждали, что, если я буду и дальше пить и курить в тех же темпах, я преждевременно сойду в могилу. Их уже нет, а я все скриплю. Взгляды у меня устоялись, а кишечник все еще работает исправно. У меня двенадцать моих собственных зубов, что очень здорово, и куча всяких дорогостоящих мостов. Я написал тринадцать романов, из которых деньги мне принесли лишь три, душераздирающие воспоминания о пьяных безумствах молодости и несколько сценариев. По крайней мере один из них еще выглядит вполне современно, когда кино крутят по ящику. Это «Гленда» с Мэри Астр и Гарри Купером. Купер играет мужа, а Кагни — любовника. Я неудачник и трус. В молодости я научился упреждать своих противников, причиняя себе неприятности раньше, чем успели бы они. Конечно, ни один из моих врагов не дожил до настоящего времени и говорить о них тут незачем. Все эти битвы превратились в древнюю историю. Теперь никому это не интересно, и когда вы рассказываете современной молодежи о своих встречах с прославленными киномагнатами, они просто смотрят на вас тупыми глазами. С таким же успехом вы могли бы толковать им о пещерных людях и саблезубых тиграх. Даже тот мерзкий хорек, который здорово испортил мне жизнь, — сенатор по делам молодежи Висконсина, давно умер, и большинство его сотоварищей — тоже. Стерлинг Хайден — вот это человек. О нем бы я мог говорить.

Я потому перешел на прямую речь и выдал себя, что я сам пережил все, что происходило в этой оконечности округа Патчин, а книга, которую я тогда начал писать, превратилась вот в эту. Чего я не знал, то додумывал, но все это могло происходить, а может, и происходило именно так, как я это описываю. Я держу глаза открытыми и замечаю многое.

Когда все это закончилось, Ричард Альби сказал мне:

— Почему бы вам не сесть и не записать всю эту историю?

Так эта книга и закончится, если вы принадлежите к числу тех людей, которые сразу залазят на последнюю страницу, чтобы посмотреть, что будет дальше. Мои друзья позволили мне прочесть их дневники, так что многое я взял оттуда.

2

Но и многое — из того, что я увидел и услышал, как я уже говорил. Учтите, где я жил. Мой дом был на Бич-трэйл в Гринбанке, как раз напротив старого дома Сэйров, который в конце концов купили Альби. «Четыре сердца», куда въехал Табби с отцом и мачехой, лишь в двух минутах вверх по холму. Пэтси и Лес Макклауды жили на улице, проходящей в тылу моего дома. Маунтавеню и Бич-трэйл смыкаются, и я знал Монти Смитфилда, хотя и не очень хорошо, и встречал Стоуни Фрайдгуд, когда она ходила в этот книжный кружок. Дом Фрайдгутов был от меня так близко, что, если бы я влез на крышу, я мог бы забросить камешек в окно спальни, где они нашли Стоуни (по крайней мере мог бы двадцать лет назад). Один раз на кружке обсуждали мою книгу «Косноязычие сердца», и Стоуни спросила меня, понимал ли муж, что он толкал свою жену в объятия к герою романа.

— Толкал? — спросил я тогда. — Недавно этот роман переиздали именно потому, что феминисткам очень понравилась главная героиня.

— А, по-моему, роман вполне мужской, — возразила миссис Фрайдгуд.

Гарри Старбек, профессиональный вор, который сыграл кое-какую роль в судьбе некоторых из нас и который вскоре появится на этих страницах, снимал комнату в доме старого Фрейзера лишь в двух кварталах отсюда. После его смерти я забрел туда и увидел потрясающую выставку серебра, телевизоров, картин, мебели, большая часть которой была похищена у моих соседей. Так что я успел раньше, чем Бобо Фарнсворт и другие полицейские очистили эту квартиру. И я знал этого мерзавца, Пэта Доббина, потому что он рос на моих глазах, — его отец был моим другом во времена моих юношеских пьянок, о которых я писал в «Потерянном времени». Я выкарабкался, а Дэн Доббин нет, хоть он и был более талантливым иллюстратором, чем его сын.

Но, что еще важнее, я вижу не только настоящее, но и прошлое городка. Я знаю этот город, его знал мой отец и его отец тоже. Так

что, если я вижу какого-то мальчишку по имени Мурман или Грин, веселого мальчика в джинсах на ярких подтяжках, я могу разглядеть в нем выдубленного непогодой фермера или кузнеца, которые подарили ему одну шестнадцатую генов.

3

И еще одно, что даже важнее, чем мои знания прошлого городка, прошлого, которое было выбито на могильных камнях старого кладбища. Я был одним из первых, кто наблюдал действие того, что я назвал «разумным облаком», после того, как оно опустилось на нас. Разумеется, я понял суть этого явления не больше, чем остальные, поскольку вообще не имел представления, что у этого явления была суть.

4

Действие, сказал я. Два действия. Сначала я натолкнулся на первое, а на второе — десятью минутами позже, когда гулял по Бич-трэйл воскресным утром восемнадцатого мая. Если утро выдается солнечное, я плетусь вниз по Маунт-авеню, сворачиваю направо и иду мимо ворот Академии, а потом — по короткой общественной дороге — на Грейвсенд-бич. Я гляжу на воду и на гуляющих по берегу людей, вдыхаю соленый воздух, который и помог мне продержаться все это время. Никакой соли в пищу, но зато сколько угодно отличного, соленого воздуха, который накачивается в легкие. Обычно я приветствовал Гарри и Барбару Зиммер, которые материализовались на своем пикапчике где-то около десяти утра, чтобы поудить рыбу на волнорезе. Гарри и Барб так и остались детьми в свои шестьдесят. Они напоминают старые тыквы, оставшиеся после прошлого Халлувина. Гарри и Барб называют меня мистер Вильямс. Потом я обычно поворачиваю назад. Все это путешествие занимает около десяти минут, если идти быстро, но я обычно прохожу маршрут за полчаса.

Тем утром я даже не добрался до берега. Я только дошел до лужайки рядом с последним домом, как заметил тело на траве. Аккуратно скошенная лужайка была работой Бобби Фрица, который знал тут каждое дерево и каждый цветок, а тело принадлежало Чарльзу Антолини. Чарли, похоже, был мертв, и я подошел, чтобы взглянуть на него поближе.

Чарли был крутым парнем. Ему было около сорока, он происходил из семьи, которая владела рестораном «Дары моря» и еще

парой-другой ресторанов в округе Патчин и Вестчестер. Раньше, в детстве, когда ему было лет девять-десять, он приносил мне газеты. Уже тогда он был довольно скудной личностью и все, к чему он стремился — это раздобыть побольше денег. Наконец он накопил достаточно, чтобы поселиться с семьей в большом зеленом особняке на Маунт-авеню. Не на самой престижной стороне ее, не на Саунд, но все же — на Маунт-авеню.

— Помощь нужна, Чарли? — спросил я. Я уже подошел достаточно близко, чтобы видеть, что он жив. Он лежал неподвижно, но его зеленые глаза были открыты, и он слегка улыбался. Это была нетипичная для него улыбка — блаженная и расслабленная. Он был в шелковой голубой пижаме.

— Можешь простудиться, Чарли, — сказал я.

— Привет, мистер Вильямс, — ответил он.

Чарли не обращался ко мне по имени примерно с 1955 года, поскольку, видимо, полагал, что со стариком соседом можно и поменьше церемониться.

— Ты точно в порядке? — спросил я.

— Просто отлично, мистер Вильямс, — ответил он, одаряя меня улыбкой, которую не узнала бы его родная мать.

— Дышишь воздухом, а, Чарли? Неплохая мысль. Продуй трубы. Может, спустишься со мной на берег, повидаете Гарри и Барб?

— Проснулся утром и почувствовал себя отлично, — сказал он. — Просто невероятно. Вышел на улицу. Все лучше. Слишком хорошо, чтобы работать.

— Сегодня воскресенье, Чарли, — сказал я, — никто не работает.

Тут я вспомнил, что ему, наверное, нужно идти в ресторан помогать справляться с наплывом посетителей.

— Воскресенье, — сказал он. — О, да.

Я поглядел на его дом. Жена его махала из окна гостиной.

— Думаю, тебе следует убраться с лужайки, Чарли, — сказал я. — Похоже, Флоренс здорово расстроена.

Тут я увидел почтовый ящик, которым Чарли всегда явно гордился. Он был металлический, как и мой, но вдвое больше и покрашен в тот же зеленый цвет, что и дом. На этой зелени Чарли нарисовал цветы и виноградные гроздья, оплетающие большую красную надпись «Антолини». Теперь это произведение искусства лежало на земле, на боку была вмятина и сквозь краску просвечивал алюминий. Я заметил:

— Та же банда, что вечно крушит мой почтовый ящик, похоже, взялась и за твой. Похоже, они пытались его расчленить.

— Ты только погляди, какое солнце, — ответил Чарли.

Фло Антолини махала мне рукой из окна, то ли веля мне убраться, то ли — стащить Чарли с лужайки и доставить в дом. Последнее не подлежало рассмотрению, ибо Чарли достигал весьма солидного веса. Под всем этим голубым шелком все еще скрывалось тренированное тело футбольного игрока. Я не мог бы поднять даже одной его ноги. Я пожал плечами, сунул руки в карманы и сказал:

— Ну ладно, наслаждайся жизнью.

И вновь уже собрался продолжить свою прогулку, когда услышал, как какая-то женщина зовет Чарли:

— Мистер Антолини! Мистер Антолини!

— Ты бы лучше шел внутрь, Чарли, — сказал я, полагая, что какая-нибудь соседка не слишком наслаждалась созерцанием раскинувшегося на лужайке Чарли. — Это все-таки Хэмпстед, а не городской парк.

Потом я увидел эту женщину на противоположной стороне улицы, она спешила к нам. Эвелин Хугхарт, миссис д-р Хугхарт. Она была в розовом халате и таких мохнатых розовых тапочках на ногах. Выглядела она ужасно.

— Мистер Антолини, пожалуйста, — вопила она и неслась через дорогу, даже не потрудившись взглянуть по сторонам. Когда она подобралась поближе, я увидел, насколько ужасно она выглядела. Обычно это была миловидная блондинка, почти такая же крупная и пышущая здоровьем, как этот агент по продаже недвижимости Ронни Ригли. Теннис помогает им сохранять эту форму.

Она чуть не сшибла меня с ног и склонилась на траву рядом с Чарли. Она ухватила его за руку и попыталась повернуть на бок.

— Это все доктор Хугхарт, мой муж! — кричала она. — О, пожалуйста. Я не знаю, что делать, а ему будет так стыдно...

— Привет, Эви, — сказал Чарли, одаряя ее своей очаровательной улыбкой.

— Пожалуйста, мистер Антолини, пожалуйста, помогите мне.

— Ерунда, — сказал Чарли.

— Все это из-за солнца, — сказал я, — солнечный удар уложил его. Вот позор. Может, я смогу что-нибудь сделать?

Когда она взглянула на меня, я понял, что до этой секунды она меня просто не замечала. Она тупо мигнула и все продолжала тянуть Чарли за руку.

— Отсюда вы никакой помощи не получите, я же сказал, — повторил я, — он только что заново родился. Мой дядя попал в такую же историю в своем доме на Фэйри-хилл в 1913-м. Рухнул, как подкошенный. Но я с удовольствием предлагаю свои услуги.

Она последний раз судорожно дернула Чарли за руку, потом взглянула на меня.

— Пожалуйста, мистер Вильямс, — сказала она, — пожалуйста, сделайте что-нибудь с доктором.

— Показывайте дорогу, — велел я и пошел следом за ней, но вчетверо медленнее, через улицу. Дверь в ее дом была открыта, и она махала мне оттуда, когда я еще находился на полдороге.

5

Норм Хугхарт был тем, кого теперь называют интерном, раз уж профессия врача по общим вопросам считается устаревшей. Он был неплохим доктором и порядочным снобом. Когда у меня было что-то вроде легкого удара, старый доктор Хугхарт с радостью практиковал меня и велел мне сбросить вес, изменить привычки и т.д., но после того, как я проявил черную неблагодарность, был не слишком-то любезен. Норм учился в том же милловском колледже, что и Чарли Антолини, но на десять лет раньше. После этого он отправился в университет Виржинии и Йельский мединститут. Когда он был примерно в возрасте Чарли, он вернулся в Виржинию на какую-то там школу-семинар, встретил там свою увесистую теннисистку и привез ее сюда. Сначала он делил практику со своим отцом, но после того, как тот сломался на мне (старик вскоре после этого умер), он не пользовал меня как пациента, потому что думал, что я коммунист, что, конечно, была сплошная чушь. Все же его полагали вторым из лучших врачей Хэмпстеда, потому что первым был Рен Ван Хорн, который возился почти со всеми городскими дамами. Рен и я неплохо друг к другу относились, но в качестве доктора он был для меня непригоден.

Я думаю, что Норм велел своей жене на людях всегда называть его доктором Хугхартом. У него была маленькая заостренная борода и внушительная лысая голова. Он не стал бы возиться с вами, если вы не были знаменитостью нынешней или будущей. Он лечил всех артистов и художников города. Когда он придумывал что-то забавное, он звонил Саре Спрай, чтобы она поместила это в свою колонку. Он не заговаривал со мной лет двадцать. Или даже двадцать пять.

Эвелин слегка зашипела на меня, когда я подошел к двери. Я понимал, что даже при том, что сама она не могла ни с чем справиться, впустить меня в дом ей все же было нелегко. Я был племянником Иосифа Сталина или чем-то в этом роде. Кроме того, я даже не был одет в розовую пижаму и эти пушистые тапочки. Я

был в старых черных баскетбольных ботинках, заношенных твидовых штанах и зеленом свитере с высоким воротом и дырками на локтях. Помимо этого я был небрит. Я бреюсь не слишком чисто. Неохота перерезать себе горло.

— Ну, в чем дело, Эвелин? — спросил я. Весь холл был увешан рисунками и карикатурами, и я узнал стиль полудюжины знаменитых рисовальщиков Хэмпстеда и Хиллхэвена. Одна из них, подписанная Пэтом Доббином, изображала лысого человечка с остроколючей бородкой, который копался в животе у некоего подобия самого Пэта, а из отверстия высыпались монеты и счета. Пэт Доббин нарисовал себя таким, каким он обычно отражался в медицинском зеркальце, и, надо сказать, выглядел на рисунке лучше, чем на самом деле.

— Пожалуйста, — сказала она, — пройдите на задний двор, мистер Вильямс. Доктор Хугхарт как раз собирался выйти наружу, чтобы проверить, как работает распылитель и... я увидала, как он упал...

Она вцепилась мне в ворот, пытаясь заставить двигаться побыстрее.

— Он упал, да? — спросил я. — Может, поскользнулся?

Она начала всхлипывать.

— Вы просто вызовите «скорую», Эвелин, — сказал я. — Они быстро сюда доберутся.

Это я знал по собственному опыту и назвал ей номер.

— Скажите им, что Норм без сознания и дайте им ваш адрес. Я сам доберусь до задней двери. Я сотни раз бывал в этом доме.

Ну, конечно, я бывал, хоть и где-то в двадцатых годах. Они, правда, увеличили кухню за счет кладовой, но задняя дверь была на том же самом месте. В легком ветерке, который дул этим утром, она покачивалась взад-вперед. Я слышал, как Эвелин звонит по телефону.

Я выбрался наружу и стоял там, слегка задыхаясь. Солнце припекало сильнее, чем утром. Норм Хугхарт лежал на сухом участке газона. Вода из разбрызгивателя разлеталась во все стороны как раз за его спиной, орошая часть травы и красную кирпичную стену его недвижимой собственности. В ней сияла крошечная радуга. Один из трех распылителей, ближайший, похоже, не работал. Норм лежал лицом в траве, а носки его ботинок упирались в землю. Он вовсе не напоминал Чарли Антолини или моего дядю Хоба, который свалился на Фэйри-хилл, когда узрел Иисуса.

Я подошел к нему.

— Норм, — сказал я, — как ты себя чувствуешь?

Норм не отвечал. Удар? Сердечный приступ? Я с трудом опустился на колени рядом с ним. Он был в майке и голубых штанах от спортивного костюма. Я наклонился, чтобы поглядеть на его лицо, и увидел, что он неподвижно уставился в траву, подстриженную Бобби Фрицем.

— О, проклятье! — сказал я и потряс его за плечо. Он медленно перевернулся. Я ухватил его за бедра и перевернул заодно и ноги. Теперь он глядел в небо.

— Норм, ты, чертов ублюдок, — сказал я, — проснись!

И опять подивился, почему некоторые крайне правые носят ленинскую бородку.

Я приложил ухо к его груди. Там ничего не шевелилось. Тогда я щекой приложился к его рту. Никакого дыхания, лишь запах одеколона и полоскания для зубов. Я зажал его ноздри и начал делать искусственное дыхание так, как это показывают по телевизору. Я вспотел. Это ужасно, когда умирают люди, которые гораздо моложе тебя. Я снова повторил дыхательные упражнения.

— Что вы *делаете*? — завопила его жена с крыльца задней двери.

— Все, что могу, Эвелин, — ответил я. — Вы вызвали помощь?

Она нервно кивнула. Потом распласталась рядом со мной и Норманом.

— Мистер Вильямс, — выдохнула она. — Как вы думаете, он... как вы думаете?

— Лучше подождать врачей, — ответил я.

— Он выглядит таким нормальным, — сказала она, что было довольно близко к правде.

— Помогите мне подняться, — сказал я и вытянул руку. Она вцепилась в мою протянутую руку так, точно это была пудовая гиря.

— Да потяните же, Бога ради, Эвелин, — повторил я. И она потянула и подняла меня на ноги. Мы оба стояли и глядели на Норму Хугхарта, лежавшего на траве.

— Все так. Он умер, — сказала Эвелин.

— Похоже на то, — согласился я. — Что за чертовщина? Не поймешь, от чего.

Может, это и было бестактное замечание. Эвелин Хугхарт отступила от меня, потому что через несколько секунд она появилась вновь с моими старыми знакомыми из «скорой помощи». Увидев меня, они замерли.

— Опять вы? — спросил крупный уса́тый мужчина, а полицейский, который прибыл с ними, покачал головой. Это был тупой тип по имени Томми Турк, по кличке Турок, худший из всех полицей-

ских Хэмпстеда. Ему осталась лишь пара месяцев до пенсии, а живот у него уже достиг невероятных размеров, но он все еще любил махать кулаками.

— При чем тут я, Томми, — сказал я. — Разуй глаза.

Иногда я вызывал «скорую», когда у меня были сильные боли в груди.

К этому времени парни склонились над Норманом и начали тыкать в него разными штуками, которые, я надеюсь, они никогда не испробуют на мне. Томми надоело сверлить меня глазами, и он прислонился к оконной решетке. Я смотрел, как парни подключили к Норму эти штуки, напоминающие аккумуляторы грузовика. Тело дернулось, но ничего от жизни тут не было.

— С ним кончено, — сказал здоровяк, потом поглядел на меня и добавил: — Это второй за утро, и у второй бригады тоже был такой вызов. Что за дьявольщина тут происходит?

— Три сердечных приступа?

— Кто знает? — сказал он и послал одного из своих ребят на носилках и простынями.

Я побрел за Томми и Эвелин. Томми спрашивал ее, ссорились ли они с доктором перед тем, как тот вышел на улицу. Он глянул на меня, а потом вновь на Эвелин.

— Нет, — сказала она.

— Ну ладно, а что вы тут делаете? — спросил меня Томми.

— Дама попросила меня помочь. Я перекатил Норма на спину. Я велел ей вызвать врачей. Я просто проходил мимо.

— Вы хотите сказать, вы... — он остановился, и я гадал, какое слово он хотел произнести. Шлялись? Томми похлопал себя по животу и усмехнулся, точно обезьяна. — Вы ведь боитесь меня, верно? Знаю, что боитесь, Вильямс.

— Мистер Вильямс, — сказал я.

— И я знаю, почему. Вы — трус. Вы перетрусили, когда я пришел. Я все о вас знаю, *мистер* Вильямс.

— Чушь, — ответил я. — До свидания, Эвелин. Мне очень жаль, что все так получилось. Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится.

Она тупо заморгала, и я отошел от нее, потому что Томми мог обвинить меня в попытке изнасилования. Я медленно прошел через дом и вышел из парадной двери.

Чарли Антолини все еще лежал на своей ухоженной лужайке. Фло Антолини сидела рядом на корточках и что-то быстро говорила, хоть и всхлипывая при этом.

Я пересек улицу.

— Норм Хугхарт преставился на заднем дворе, — сказал я. — Вот ужас. Может, вам нужно помочь?

Я храбрился. Я хотел лечь и полежать, и немедленно.

— Он не хочет вставать, мистер Вильямс, — сказала Фло. — Я не могу заставить его вернуться в дом.

Я поглядел на Чарли.

— Как ты себя чувствуешь, Чарли?

— Отлично. — У него это прозвучало, как «аатлична!»

— Пора идти домой. Может, скоро пойдет дождь.

— Ну ладно, — сказал он и протянул нам обе руки, точно маленький мальчик. Я взял за одну руку, Фло — за другую. Он почти опрокинул нас, но Фло расставила ноги пошире и устояла.

— Боже, вот здорово! — сказал Чарли. — Раньше я так не делал!

Фло поблагодарила меня и потащила Чарли в дом. Он все время останавливался, чтобы повосхищаться травой и нарциссами, но в конце концов она все-таки затащила его внутрь. Жалюзи захлопнулись.

На своей патрульной машине умчался Томми. Медики как раз вытаскивали носилки из дому.

Я оглядел Маунт-авеню и представил себе толпу Джаттеров и красномундирщиков, бегущих мне навстречу и размахивающих факелами и мушкетами. Я увидел бурю, вспышки молний в ночи. Горели большие здания. Остальное было определено. Среди немецких купцов и британских солдат был некто, тот, о ком упоминал Риверенд Эндрю Эллиот. «... их вел один или два человека, рожденных в соседнем городе». Один человек. Я знал, он был рожден и воспитывался в Гринбанке. Я почти видел его лицо. Он был здорово похож на меня. Где-то там был мертвый ребенок, настоящий ребенок, хотя тогда я этого не знал. «Скорая помощь» промчалась мимо и развеяла иллюзию. Я повернулся и отправился домой.

6

Теперь предположите, что разумное облако родилось не в Вудвилле, а Хэмпстеде. Предположите также, что доктор Вайс знал, о чем говорит. В городе у нас около двадцати пяти тысяч людей. Если на долю мгновенно погибших приходится от 5 до 8 процентов, то в эту субботнюю ночь умерло бы от тысячи двухсот до двух тысяч людей. Улицы были бы забиты телами. Вместо этого мы получили лишь пятерых, умерших ночью с субботы на воскресенье вечером. Убийство Стоуни Фрайдгуд привлекло всеобщее внимание, тем более что за ним последовало еще одно подобное убийство, так что связать между собой остальные пять смертей никто не удосужился.

Самым старым из погибших был парень моего возраста, лодочник на пенсии, который жил на Грейвсенд-роад. Самым юным был семилетний мальчик. Это меня особенно огорчило — дети не должны погибать от подобных кошмаров. На его месте мог быть и Табби Смитфилд, понимаете? Родители малыша приехали в город лишь полгода назад.

И где-то в промежутке между этими двумя людьми оказался и мой друг. Я узнал об этом, когда вернулся домой. Зазвонил телефон. Это был Гарри Зиммер. Умерла Барб. У нее была легкая эмфизема, но она погибла не от нее. Она просто упала и умерла, как только выбралась из пикапа на стоянке Грейвсенд-бич. Гарри плакал:

— Я просто хотел, чтобы вы знали, мистер Вильямс, — сказал он. — Барб всегда говорила, что вы настоящий джентльмен.

Я выразил все приличествующие соболезнования.

Трижды черт побери! Я больше не могу писать от первого лица. Старый грубиян Томми был прав — я трус. Это здорово тяжело — вот так писать книгу.

Так что я собираюсь описать, как Альби отправились покупать дом через улицу и как они встретили Макклаудов. Начать сначала и все такое. Потом мы опять вернемся к Табби, а потом я расскажу вам о Гарри Старбеке, воре, и о той банде, в которую чуть не попал Табби, и о тех рассказах, которые иллюстрировал Пэт Доббин. Это все имеет отношение к тому, что случилось, поверьте мне, или не имеет — и вам предстоит это выяснить.

Вот так мы доберемся до той части, которую писать мне будет особенно тяжело. Я любил Рена Ван Хорна, он был лишь на восемь лет моложе меня и мы росли вместе. Но я любил и Барб Зиммер, эту милую толстощекую старую даму, которая думала, что я настоящий джентльмен.

Если бы я был похож на Табби, когда был малышом, я бы не кончил таким образом.

IV ПОЗНАНИЕ

1

— Муж тут ни при чем, — сказала Ронни Ригли, обращаясь к супругам Альби в среду утром, когда они возвращались из торгового центра. — С этой леди вообще забавная штука. Я не имею в виду, что она была нимфоманка или что-то в этом роде, но отказывать себе в удовольствиях не любила, и Бобо думает, что мужу это было известно. В субботу она пришла к Франко и встретила там какого-то парня. Они надолго не остались, а из наших дурачков никто его не опознал.

— Может, он был не из наших, — предположила Лаура.

— Может, но мы в Хэмпстеде всегда так говорим, — засмеялась Ронни. — Если какой-нибудь дом грабят, что время от времени происходит, люди всегда говорят, что вор был из Норрингтона или Бриджпорта. Но просто получилось так, что все мужчины в баре тарасились на Стоуни и никто не потрудился дважды взглянуть на парня. Бобо говорит, что у полиции уже есть пять совершенно различных описаний его внешности. Он может быть или белокурый малым под сорок или седым под шестьдесят. Единственное, на чем все сошлись, что «У Франко» он не был завсегдатаем. Но я думаю, что несколько парней узнали Стоуни.

— Может, это все-таки муж? — сказала Лаура. — Вы говорите, он знал о ее романах.

— О, у него есть алиби, — сказала Ронни. — Добрый старый Лео Фрайдгуд был в тот день в Вудвилле. Он работает на какую-то огромную корпорацию, и его не только там видели, но пару раз он говорил оттуда по телефону с генералом Ходжесом.

— Генри Ходжесом? — удивленно спросил Ричард. — Тем, что был в Корсе?

— А что, есть еще один? — спросила Ронни. — Железный Хэнк. Один из детективов переговорил с ним лично. Он потом сказал Бобо, что его так и тянуло говорить по телефону, стоя навывтяжку.

— Сильный характер, я думаю, — сказал Ричард. — Говорят все еще таскает с собой пушку.

— Он застрелил два года назад грабителя, — сказала Ронни. — Вы себе можете представить? В центре Нью-Йорка. — Ронни расхохоталась. — Мы собираемся поглядеть дом с четырьмя спальнями в Старом Хэмпстеде. Там тоже много людей с характером. А потом поглядим в Гринбанке. У меня насчет него есть предчувствие.

Ронни старалась как могла, Ричард знал это. Любой агент по продаже недвижимого имущества ограничен в возможностях, потому что рынок жилья не беспределен. Кроме того, цены на дома в округе Патчин за последние десять лет утроились и многие дома, которые им с Лаурой могли бы понравиться, были просто за пределами их возможностей.

— Старый Хэмпстед, Сарум, выглядит более деревенским, — неизвестно зачем сказала Ронни, после того как они проехали почти милю и не встретили ни единого дома, — многим это нравится.

Лаура издала на заднем сиденье какой-то неопределенный звук.

— К сожалению, владелец будет в доме, пока мы будем его осматривать. Там что-то случилось, по-моему. Она и вправду хотела остаться дома. Она вдова.

Наконец они добрались до разъезженной въездной дороги. Дом был коттеджем, к которому различные владельцы пристраивали комнаты. Застекленная студия венчала модерновый гараж. Все строение располагалось на склоне поросшего лесом холма и казалось, пытается взобраться на его вершину.

Лаура спросила:

— Мы можем себе позволить приобретение такого дома?

— Миссис Бамбергер хочет его продать поскорее, — сказала Ронни, как только они вышли из машины. — Она собирается во Флориду через пару недель. Я думаю, все же стоит на это взглянуть.

Она кинула многозначительный взгляд на Лауру и Ричарда.

— Боюсь только, она вас заговорит.

Миссис Бамбергер, полная пожилая женщина в темно-синем брючном костюме, встретила их в дверях. Очки в золотой оправе болтались на цепочке у нее на груди.

— Привет, миссис Ригли, — сказала она Ронни. — Мистер и миссис Альби? Заходите, осматривайте. Я не буду вам мешать.

Однако, как Ронни и предсказала, она все же мешала. Миссис Бамбергер сопровождала их турне, описывая красоты дома и имущества. Все было одинаково эксцентрично. Комнаты были забиты массивными антикварными мебельными гарнитурами, так что Ричарду было трудно получить представление об их истинных размерах. Некоторые комнаты были сквозными, так что через них проходили, как через вагоны железнодорожного состава. В некоторых случаях для того, чтобы войти в комнату, приходилось подниматься на несколько ступеней. Миссис Бамбергер все говорила и говорила: «Вот этот экран для камина мы купили сами. А вот этот

мейссенский фарфор нам подарили такие-то... Вам что, не нравятся камины?.. Вот как-то мои дети...» Потолок в большинстве комнат нависал в нескольких сантиметрах над макушками Ричарда и Ронни. Миссис Бамбергер продолжала свои комментарии, пока они не добрались до студии над гаражом. Там она, казалось, расслабилась.

— Это единственное, что мы тут достроили, — сказала она. — Отсюда можно замечательно наблюдать за животными и за птицами. Это — отдельная зона, вы можете сидеть тут в холодное время года, а дом не нагревать, так что и деньги сэкономите.

— Отлично, — сказал Ричард, а сам подумал: «А потом нестись полмили, чтобы добраться до кухни».

— Может, вам бы больше понравилось, если бы весь дом был таким, — говорила миссис Бамбергер. — Почти все молодые люди так думают. Мы с мужем любили старые коттеджи, низкие потолки и все такое. Это напоминало нам о мисс Марпл.

Ричард улыбнулся: это было великолепно. Действительно, дому не доставало лишь двускатной крыши, чтобы полностью напоминать английский коттедж из романа Агаты Кристи.

— Вы еще что-нибудь хотите спросить у миссис Бамбергер насчет дома? — вставила Ронни.

Альби поглядели друг на друга: «Нужно выбираться отсюда».

— Конечно, у меня слишком сильное воображение, — сказала миссис Бамбергер. — Мой муж так всегда говорил. Но я знаю кое-что и на самом деле. Вы ведь Ричард Альби, верно?

— Да, — сказал Ричард. «Ну, вот», — подумал он.

— Вы родились в Хэмпстеде в конце войны? А потом переехали в Калифорнию до того, как пошли в школу?

Ричард удивленно кивнул.

— Тогда я знала вашего отца, — сказала она.

Ричард так и застыл с открытым ртом.

— А я нет, — наконец сказал он. — Я хочу сказать, я его не знал. Видимо, он не слишком-то обожал детей.

Миссис Бамбергер теперь глядела на него очень пристально. Она неожиданно напомнила ему учительницу, которая была у них в пятом классе.

— Он не из тех, кто женится, вот и все. Но он передал вам свое красивое лицо. Он был невысоким, как и вы. Очень хорошо воспитанный. Но Майкл Альби был мотыльком. Никогда не мог закрепиться на одном месте.

Ричард чувствовал себя так, словно пол под ним покачнулся. Он знал, что навсегда запомнит эти минуты, что они с этих пор станут частью его: толстая старая дама в полиэстеровом брючном костюме,

стоящая перед книжными полками в комнате со стеклянной стеной. «Тогда я знала вашего отца». Майкл Альби. Он никогда до этого не слышал, чтобы отца звали по имени.

— Что вы еще можете рассказать мне? — спросил он.

— У него были умелые руки. А у вас?

— Да. Да, тоже.

— И он был сплошное очарование. Какое-то время он жил за дорогой. Он обычно приходил сюда помочь с ремонтом или выкосить газон. Он работал в домах по всему городу. После того, как он встретил Мэри Грин, он перестал приходить сюда и этим чуть не разбил сердце моего мужа. Мы пытались помочь ему окончить колледж, — она улыбнулась Ричарду. — Но раз у него были деньги Гринов, он в нашей помощи больше не нуждался. Но в общем он был хорошим человеком. Его нечего стыдиться. Он не женился на деньгах. Твой отец был не из таких.

— Он обустраивал дома? — спросил Ричард, едва этому веря.

— Ну точно так же, как и делал все остальное. Мой муж всегда думал, что он мог бы стать архитектором. Но он не любил связывать себя обязательствами, ничего в этом роде.

— Не знаете, жив ли он?

Она покачала головой:

— Не знаю. Он был одним из тех людей, кто никогда не думает о будущем. Может, он и жив еще, сейчас ему должно быть чуть больше шестидесяти.

Где-то в мире живет седой человек с лицом Ричарда, который покупает газеты или подстригает траву. Живет в коттедже. Играет с детьми, которые могут быть племянниками и племянницами Ричарда. Стоит на палубе грузового судна и курит трубку. Спит в хижине на берегу.

— Ваша мать жива? — спросила миссис Бамбергер.

— Нет. Умерла шесть лет назад.

— Мэри была сильной. Уверен, она научила вас трудиться. Должно быть, она боялась, что вы унаследуете его безответственность.

— Да. Да, я работал.

— Так что вы вернулись куда нужно, — сказала пожилая дама. — Предки вашей матери жили тут несколько поколений. Ваш пра-пра-пра-дедушка основал этот город в 1645. Джозия Грин. Один из первых фермеров Гринбанка. Так что в ваших жилах течет кровь истинных хэмпстедцев. Кровь Гринбанка. Вот как тут все начиналось.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Ричард.

— Я знаю об этом городе больше всех, кроме Грема Вильямса и Стэнли Крейна, который работает в библиотеке. А, может, я знаю столько же, сколько и они. Я изучила это, мистер Альби. Я знаю все о тех гринбанкских фермерах. Один пройдоха по имени Гидеон Винтер приехал и отобрал у них почти всю землю. У меня есть кое-какие соображения на его счет, но вам они не интересны. Вы же ищете дом и вам вовсе не хочется слушать старушечью болтовню.

— Нет, — сказал Ричард. — Нет, это не правда. Я... э... я...

Она распрямила плечи.

— Вы собираетесь покупать этот дом?

— Ну, нужно обговорить, тут так много разных факторов...

Она продолжала смотреть ему прямо в глаза.

— Нет, — сказал он.

— Ну кто-нибудь другой купит. Я провожу вас к машине.

Когда она открывала им двери, она сказала Ричарду:

— Ваш отец обладал многими достоинствами. Надеюсь, вы тоже, молодой человек.

Когда они уже были в безопасности «Форда» Ронни, Лаура спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю. Тем не менее, я рад. Я вроде бы ошеломлен немножко.

— Давайте вернемся в город, выпьем кофе или что-нибудь еще, — сказала Ронни. — Судя по вашему виду, это пойдет вам на пользу.

Он кивнул, и она вернулась на проезжую дорогу. Когда они выезжали на улицу города, Ронни предложила:

— Может, вы хотите проехать другой дорогой? Вы сможете увидеть, где жил ваш отец — через два дома отсюда. Наверное, вон в том доме.

— Нет, — сказал он. — Нет, спасибо. Давайте вернемся в город.

3

Вот так Альби и попали в Гринбанк, на Бич-трэйл. Они приехали туда после открывшегося им прошлого и купили первый подвернувшийся дом.

— Я думаю, этот вам понравится, — сказала Ронни, когда везла их по Саутел-роад. Они повернули вправо и выехали на Гринбанк-роад. — Этот дом принадлежит еще одной вдове, Бонни Сэйр. Миссис Сэйр съехала на прошлой неделе, и дом попал в список лишь пару дней назад. Мы получили этот список в понедельник. В доме

Сэйров четыре спальни, гостиная и чудная студия, которую можно переделать в контору для Ричарда. В гостиной и студии есть камин. Крыльцо там тоже хорошее. Дом был построен в 1870-м семейством Сэйров и с тех пор ни разу не переходил в чужие руки. Сын Сэйров живет в Аризоне, и мать хочет уехать к нему.

Она проехала мост, пересекавший шоссе I-95, и потом маленький, горбатый железнодорожный мостик.

— А Гринбанк очень интересное место. У него свой почтовый код и телефонные номера, и это самая старая часть Хэмпстеда. Ну вы знаете. Он же даже назван был по имени вашего предка.

— Моя мать никогда особенно много про Хэмпстед не говорила, — сказал Ричард. — Все, что я знал, так это то, что я и мой отец родились тут. И родители Лауры — тоже.

— Неужели? — спросила явно довольная Ронни. — Ну так это настоящее возвращение домой. О, поглядите направо. Вон тот большой дом справа от Саунда принадлежит доктору Ван Хорну. Сейчас мы въехали на Маунт-авеню. Ее называют «Золотой милей».

— И сколько может стоить такое жилище? — спросил Ричард. Дом Ван Хорна был трехэтажным, из белого камня и длинный, точно гостиница. Фасадом он выходил прямо на побережье. К дому была проложена широкая дорога, а вокруг располагался парк.

— Ну сейчас, я сказала бы, около восьмисот тысяч долларов. Это не считая теннисных кортов и крытого бассейна.

— Мы не можем позволить себе такого соседства, — безразлично сказала Лаура.

— Дом Сэйров стоит меньше, чем тот мастодонт, на который мы глядели утром, — сказала Ронни. — У него есть два недостатка, которые снижают цену. Первый — это то, что он стоит к дороге спиной, и когда вы въезжаете, вы смотрите на тылы дома. Там небольшой холм, и старый Сэйр, видимо, хотел обозревать лес, который растет под холмом.

— А второй недостаток? — спросила Лаура.

— Ну, миссис Сэйр долгое время жила одна и держала кучу кошек. Я думаю, она немного тронулась после смерти мужа. Вообще-то она все вкладывала в этих кошек. Может, их там была сотня. Обычно ее называли кошачьей леди.

— О, нет! — сказала Лаура.

— Ну, их там больше нет, — сказала Ронни. — Но ведь память-то осталась. Будьте благодарны. Ведь если бы не коты, дом был бы продан еще в понедельник. На него нашелся покупатель, но он понюхал воздух и отказался.

— Что, настолько плохо? — спросила Лаура.

— Чуть-чуть попахивает, — смеясь, ответила Ронни.

— Я знаю, как с этим справиться, — просто сказал Ричард. — Смесь белого вина, уксуса и пищевой соды. А потом мыло и вода.

Автомобиль свернул на Бич-трэйл. Ронни знала, хоть и не сказала Альби, почему в доме Хугхартов задернуты занавески. Чарли Антолини, который все еще был слишком счастлив, чтобы трудиться, помахал им с крыльца. Они проехали мимо старика в поношенной одежде, черных теннисных туфлях, кепке и застиранной черной майке. Старик медленно продвигался домой, с трудом волоча ноги. Они так и не заметили его, но он их заметил.

Я видел твою мать, Ламп. Ты будешь прелестна.

4

Через пару секунд Альби впервые увидели свой дом.

5

Из дневника Ричарда Альби

Мы вновь стали домовладельцами или скоро станем, как только я получу договор на руки. Мы подписали все бумаги и выплатили первый небольшой взнос сегодня днем в конторе Ронни. Когда покупаешь дом, всегда волнуешься. Я уже представляю себе, как буду просыпаться ночью и гадать — что, кухня действительно такая маленькая и темная, как мне показалось сначала, или еще хуже. Или: неужели все жалюзи застревают на полпути? И можно ли будет провести проводку в доме, не пробивая стенки насквозь (проводка тут древняя)? И много ли воды просачивается внутрь сквозь неплотно уложенную черепицу? Потолочные балки наверняка прогнили. А одна из каминных труб, похоже, собирается обрушиться. Так можно гадать сколько угодно времени. И, конечно, запах. Он достаточно силен, чтобы вызвать мозговые повреждения. Весь дом провонял, как кошачья подстилка.

Но это очаровательный дом. Когда мы с Лаурой зашли, у нас наступил момент истины супружеского единения, и мы хором сказали: «Вот он». Я думаю, Лаура полюбит этот дом, а все остальное неважно. Это дом в стиле ампир — с мансардой и закругленными окнами, пилястрами и богатым и неплохим архитектурным декором. Именно такой дом мы с Лаурой и хотели, но боялись, что не сможем его себе позволить. Его задворки, выходящие на улицу, достаточно просты, но фасад потрясающий, и даже вид из него на раскинувшиеся внизу сады тоже великолепен. Мне так тут понравилось, что я

с радостью заглядываю в будущее, хотя дом потребует много ухода и заботы. И когда я заглядываю в будущее — в наше общее с Лаурой будущее, мне кажется, что этот дом просто создан для того, чтобы растить в нем детей. Большие комнаты, два акра отличной земли, пристройка, которую можно превратить в комнату для игр, — просто фантастическая удача! Я просил Бога о помощи пару ночей назад, и, похоже, он помог.

Так что в этот день я приобрел одновременно и дом, и отца, и не могу не думать об этом. Майкл Альби. Я уверен, он еще жив. И я гадал, не работал ли он в старом доме Сэйров, пока жил в Хэмпстеде. Если он был наемным плотником, это возможно.

Может, и правда, нас посетила удача и все наши беспокойства теперь позади. И, может, наконец мне перестанет сниться Билли Бентли.

Этот день был таким счастливым, что мне не хочется вспоминать о своем последнем ночном кошмаре — но для того, чтобы было чему улыбнуться, если я буду перечитывать эти записи годы спустя, я запишу его. Я был в гостинной незнакомого дома. Я кого-то ждал. Снаружи бушевала страшная буря. Я выглянул в окно и увидел, как кто-то, борясь с ветром, пробирается по газону перед домом, и когда я вгляделся, я увидел, что это Билли Бентли. В этот момент он обернулся лицом ко мне. Это почему-то меня очень испугало. Он яростно гримасничал. Из-за дождя его длинные волосы прилипли к голове. Небо раскололось, и молния врезалась в землю за его спиной. Билли знал, что я не хочу впускать его в дом, — неожиданно именно это стало сутью сна. Его нужно было оставить снаружи в дождь и бурю. Я в волнении начал ходить по пустой комнате и, когда я проснулся, я еле сдержался, чтобы не подняться с постели и не проверить, заперта ли дверь.

Ладно, этого хватит. Как только мы уладим все дела с домом, я поеду в Род-Айленд, чтобы наладить дела со своим агентом. У меня есть несколько дней...

6

«Телпро» предоставила Лео Фрайдгуду недельный отпуск, и он попросил еще неделю, обещая вернуться в контору в понедельник, второго июня. Целых семь дней он постоянно видел полицейских либо у себя в доме, либо в крошечной комнатухе, где размещался полицейский участок Хэмпстеда. Во время этих допросов он вынужден был признать, что у его жены были интимные отношения с несколькими мужчинами и что он не осуждал ее, если и не поощрял напрямую,

за эти связи. Признаваясь в этом, он чувствовал себя так, словно его раздевали. Это унижение было сильнее всех, испытанных ранее. Полицейские, поначалу ему сочувствующие, постепенно начали относиться к нему холодно, даже презрительно. Крупный пожилой полицейский по имени Томми презрительно усмехался каждый раз, когда Лео появлялся в полицейском участке. Это был отвратительный старый грубиян, жестокий даже по полицейским меркам, но он явно выражал общее отношение всех полицейских и следователей участка. Просто он проявлял свои чувства, а они — нет. Лео полагал, что они ему завидовали. Он выплачивал больше налогов и страховок, чем они зарабатывали за год. Он обладал большой властью, лучшим местом под солнцем. Его наручные часы были куплены за сумму, составляющую треть их месячного заработка, а машина — три четверти. Но на самом деле, эти вещи, которые так много значили для Лео, ничего не значили для допрашивающих его полицейских. Даже когда они перестали полагать его потенциальным убийцей, он чувствовал их презрение: «Сколько раз в месяц ваша жена отправлялась к «Франко»? Сколько раз за прошлый месяц? Вы никогда не спрашивали ее, как звали мужчин, с которыми она возвращалась? Может, вы снимали какие-то фотографии?»

И лицо этого жирного полицейского, презрительно кривящего губы! Он был уверен, что они смеются над ним в своей маленькой комнатушке. Именно это ощущение, так же, как и неподдельное горе, держало его дома, лишая способности работать.

Первый раз в жизни Лео вечером напился. Он подогревал полуфабрикаты или поджаривал тосты и спускался в погреб за вином, которое могло бы помочь справиться с этими ужасными обедами. Перед обедом обычно следовали несколько порций виски. С жутко пересоленным гуляшем из консервной банки он выпил бутылку «Марго» 1972 года, сидя перед телевизором, из которого неслась обычная чушь. Выкидывая недоеденный обед в мусорку, он перебивал его вкус виски или коньяком. Один раз он обнаружил шоколадный израильский ликер и за два вечера прикончил бутылку. Он не мог плакать — зрелище искалеченного тела Стоуни на их супружеской постели вытравило из него все слезы. Иногда он запускал проигрыватель и пускался в одинокий пьяный танец по гостиной — глаза закрыты, стакан в руке — и притворялся, что он незнакомец, который танцует с его женой.

«А твой муж не возражает, что ты все это проделываешь?»

«Возражает? Да он живет этим!»

Он спал в комнате для гостей. Если он умудрялся добраться до постели прежде, чем сваливался в бесчувствии, он прихватывал с

собой стакан. Раза два он просыпался утром и полунаполненный стакан балансировал у него на груди, распространяя запах, схожий с запахом смерти.

На бледно-коричневой кушетке расплылось пятно в форме сердца, которое воняло одновременно дезинфекцией и кладбищем. Телевизор у постели показывал какие-то безумные американские супружеские пары, которые с открытым ртом таранились на какого-то ложенного джентльмена в жокейском костюме и с крашеными волосами. Какое-то игровое шоу. «О, Боже мой!» — сказал Лео. Голова, сердце, желудок — все было расстроено. В три часа он должен был быть в полицейском участке. Может, эта старая черепаха Томми опять будет там, опять будет насмехаться над ним.

Он поспешно поднялся с постели, выключил телевизор и направился в ванную. Когда он облегался, ощущение было такое, точно он выпускает струю пламени. Он настроил душ на обжигающе-горячую воду и влез под него. Вода обожгла голову и лицо. Он нащупал мыло, тер пах, живот, грудь. Вся ночная вонь уходила в душевой сток. Он вновь намылился и теперь почувствовал себя не хуже, чем утром девяти предыдущих суток. Лео позволил воде барабанить по телу, по лицу. На какой-то момент он забыл о Томми Турке, о Стоуни, о генерале Ходжесе, о «Вудвилл Солвент» и о ДРК.

Когда он выключал душ, он заметил сыпь на руках.

Он непонимающе уставился на нее, смутно понимая, что появление этих белых пятнышек на руках что-то означает, хоть и не понимая, что именно. Потом он вспомнил, что случилось с телом Тома Гая.

— Эй! — сказал Лео, хватаясь за полотенце. Он быстро вытерся, не отводя взгляда от своих рук. Надел голубые джинсы, рубашку-поло, ботинки. Он лизнул пятнышко, и оно показалось ему покрытым слизью. Он потерял руки о джинсы. Пятнышки порозовели, теперь они напоминали раскрытые рты. Лео в ужасе смотрел, как эти розовые ямки постепенно наполняются белым.

— О, Боже мой, — сказал он. Ему стало холодно, желудок сжался. В панике он вспомнил тело в горящем автомобиле — самое жуткое свое недавнее воспоминание — и два тела в стеклянной комнате. — О Боже, Боже, Боже!

Телефон несколько раз зазвонил за его спиной, потом затих.

Лео уставился на тыльную сторону рук, они безжизненно лежали на коленях. Сколько пятнышек там всего было? Десять? На левой руке они протянулись неправильным полукольцом от основания большого пальца до мизинца, на правой — сползли на запястье. Он тронул их указательным пальцем — они были чуть скользкими.

Лео содрогнулся. Все еще охваченный паникой, он бесцельно зашагал по комнате, вытянув руки перед собой.

На гардеробном столике валялась мелочь, коробки спичек, запонки, пара подтяжек и красный шведский армейский нож, который Стоуни подарила ему год назад. Он взял нож и присел на постель.

Лео выдвинул меньшее из лезвий и поскреб им пятнышко. Белое вещество осталось на лезвии, а пятно немедленно начало заполняться новым. С возросшим отчаянием он сунул кончик лезвия в пятно у мизинца и резко нажал. Последовала мгновенная вспышка боли, и из дырки хлынула кровь. Когда он потер пятно носовым платком, он увидел, что кровотечение остановилось. В центре красного пятна лежало белое — поменьше.

Лео побежал в ванную, чтобы изучить в зеркале свое лицо. Под глазами у него были темные мешки, но никаких пятен не было. Он стащил рубашу и джинсы. Одно маленькое пятнышко расположилось под левой ключицей, второе — наверху предплечья справа. Ниже пояса ничего не было.

И снова с ужасающей ясностью Лео увидел белую губчатую массу, в которую превратилась голова Тома Гая, увидел, как она стекает в дренажное отверстие.

Но это случилось мгновенно. Может, эти несколько пятнышек на теле не имеют никакого отношения к судьбе Тома Гая, может, это какое-то заболевание? Он снова поскреб пятнышко ножом. Появилась кровь, но это ни о чем не говорило. Лео обнаженный вернулся в спальню и взял с гардероба коробку спичек.

Усевшись за стол, он зажег спичку и приложил пламя к одному из пятнышек на левой руке. Боль заставила его вскрикнуть.

«Выжги его», — сказал он сам себе. Он зажег еще одну спичку и дотронулся до трех других пятнышек. Весь в поту, он зажег третью спичку и прижег последнее пятно на левой руке. Запахло паленым мясом. Левая рука пылала острой болью. Она выглядела, как иллюстрация из медицинского пособия. Гримасничая, он вновь прошел в ванную и сунул руку под холодную воду. Когда боль утихла, Лео обернул поврежденную руку полотенцем и присел на край ванны. Холод эмали проник в его ягодицы. Он закрыл глаза, голова кружилась. После виски она тупо ныла, во рту отдавало привкусом желчи. Пол, казалось, тоже кружился и покачивался.

Наконец он решил развернуть полотенце. Рука была абсолютно ни на что не похожа. Она вся была покрыта черно-красными пузырями, но ни следа белого. Лео поднялся, перевязал руку и пошел за спичками.

Из дневника Ричарда Альби

Сегодня я получил новости из банка — нам дают ссуду под проценты, которые в наше время считаются довольно умеренными. Мы позвонили Ронни, которая безумно обрадовалась, и отметили все это бутылкой шампанского. Так оно и получилось: мы наконец осели на земле наших отцов и дедов.

К сожалению, я не мог справиться с тем, что я назвал бы манией «Папа с тобой». Я знал теперь, что это — возвращение в те места, где жил Майкл Альби, — пробудило те чувства, которые я глубоко похоронил, даже не зная этого. Папа с тобой. Папа с *тобой*. Вроде бы так просто. Но, неизвестно почему, это не уберегало меня от тех ночных кошмаров, где Картер Олдфилд колотился в двери спальни, или тех, где бедный Билли оставался под дождем на улице. Билли в постели с Лаурой. Билли ломится в окно. Всегда одно и то же: хаос, насилие, беспорядок, а я должен помешать им ворваться в мою жизнь.

Я все думал, может, это за Лауру я боюсь, не за себя. Беременная, в незнакомом месте... Все объяснимо.

Но мне ни разу не снилось, что Лаура в опасности.

Тем не менее я знал, что в этих снах Лаура всегда была в доме. Я не знаю, как все это интерпретировать. Может, занимаясь домом, я пытался вернуть Лауре ее бывшее душевное спокойствие? Я часто видел, что она вот-вот разразится слезами, она была в том состоянии, когда от скуки до депрессии один шаг. Когда мы разговариваем, она только и говорит, что скучает по Лондону почти физически, хочет увидеть Кенсингтонский сад, Хай-стрит и Холланд-парк, пройтись по Ильчестеру. Она хочет зайти в ресторан на Стрэнде, где кормят индийскими блюдами, хочет ехать на Вест-Энд на метро и вернуться в свой офис на Ковент-Гарден. Она знает больницу, где должен был бы родиться наш ребенок, — большую, современную больницу на Холланд-роад. Вот о чем она думала, пока мы распивали шампанское в честь покупки дома.

Не хочу записывать это, но думаю, что должен. На другой день Лаура и я отправились в торговый центр на Поуст-роад. Руки у нас были заняты тяжелыми сумками, и мы шли к нашей машине. Мы прошли закусочную, которую обычно называют кафе. Касса у входа, а позади — столики. Я заглянул внутрь. Лаура спросила: «В чем дело?» Я покачал головой и пошел за ней к машине. Действительно, дело было ни в чем, но на миг, когда я первый раз глянул в окно, я увидел Картера Олдфилда, Рут Бранден и Билли. Они сидели за

одним из столиков. Я увидел их очень ясно. Я даже могу описать, во что они были одеты. Билли был в своей одежде городского бродяги, на голове — твидовая кепка, и он поглядел на меня.

И выражение у него на лице... торжествующее выражение.

Как только я потряс головой, моя маленькая семья превратилась в мальчиков-подростков, которые болтались там все время. Один из них, вовсе не урод, уставился на меня, но в конце концов и я уставился на него, без сомнения, со странным выражением на лице. Так мы и глядели друг на друга, и я был уверен, что мальчик — он был стройным и светловолосым — узнал меня или подумал, что узнал. Его товарищ тронул его за руку, тот обернулся и больше не глядел на меня.

Надеюсь, что сегодня никаких кошмаров не будет.

8

Из дневника Ричарда Альби

Отличные дни, но ночи ужасные. Мое подсознание игнорирует мольбы об отдыхе от этих абсурдных кошмаров о Картере Олдфилде и Билли Бентли. Очевидно на каком-то глубоком уровне я все еще беспокоюсь о том, как этот переезд повлияет на Лауру и на меня, о борьбе хаоса и порядка, о возникновении из ничего Майкла Альби — который, возможно, и минуты в жизни не тратил на то, чтобы беспокоиться о подобных вещах. Уже были два случая, когда хаос вторгся в нашу жизнь, один незначительный, другой — серьезный. Сейчас я к ним перейду.

Я встретил знаменитую Сару Спрай около издательства в магазине Гринблата. Она сказала:

— Альби. Ричард Альби. Вы совсем не изменились. Я как раз собиралась позвонить вам. Надеюсь, вы вскоре увидите свое имя в моей колонке.

Ей около пятидесяти, она хрупкая и энергичная, в круглых очках и с гладкой прической, а волосы еще более рыжие, чем у Лауры. Она уже знала, что мы купили старый дом Сэйров. «Джон Сэйр убил себя, знаете ли, — сказала она. — Очаровательный человек. Не удивительно, что бедняжка Бонни после этого свихнулась. Когда вы сможете дать мне интервью? Я хотела бы это сделать, как только вы переедете». Она не та женщина, от которой можно отделаться извинениями, так что в день, когда мы переедем, меня будут интервьюировать. Полчаса, сказала она, нет жизни настолько интересной, чтобы занять больше тридцати минут ее времени. Чего она не сказала, так это, что за полчаса она выжимает вас досуха. Но,

может, это интервью поможет заключению каких-нибудь новых контрактов?

В воскресенье вечером нас пригласили в дом совсем рядом с нашим новым — это устроила Ронни Ригли. Люди по имени Маккалум? Маккларен? Ронни им тоже продала дом. Мы наконец увидим Бобо, вот этого я жду с интересом.

Теперь о двух неприятностях. Наш почтовый ящик тут, на Фэйритэйл-лейн, кто-то просто расплющил. Мы слышали шум около десяти часов, и он нас напугал. Я вышел и увидел, что мимо пронесится черная машина. Кроме ящика эти вандалы еще сломали несколько прутьев ограды. Забавно, как даже такое мелкое пакостничество вас расстраивает, словно оно лишь начало крупных неприятностей, хотя это скорее всего просто скучающие детишки, которые так и ищут, чего бы поломать. Должно быть, они воспользовались бейсбольной битой или чем-то в этом роде. Но мне нужно починить изгородь и купить новый почтовый ящик.

И, напоследок, худшее — произошло еще одно убийство. Это случилось вчера, в пятницу, тридцатого. Как и раньше, женщина была убита у себя в доме. Ронни знала все детали — они были ужасающими. Явно это был не грабеж — тело лежало на кухне, оно было чуть ли не выпотрошено. Ее звали Эстер Гудолл, ей было за сорок и она активно занималась церковной благотворительностью. На этот раз это явно не было сексуальное убийство — дети находились в школе, а муж уехал из города. Ронни говорит, что Гудоллы живут на отшибе, около Саутел-бич и загородного клуба.

Кто бы это ни был, надеюсь, его быстро поймают.

9

С Маунт-авеню Альби свернули на Бич-трэйл, потом миновали Кэннон-роад, гордо и взыскательно оглядели свой новый дом, повернули на Чарльстон-роад и нашли номер три именно там, где сказала Ронни, — длинный двухэтажный дом с коричневой кровлей и коротко подстриженным газоном за чугунной крашеной изгородью. Голубой «Датсун» с номерными знаками «РОННИ» был уже припаркован рядом с домом, и Ричард пристроился рядом. Магнолия позади площадки роняла на асфальт и на траву свои розовые лепестки, и Ричард с Лаурой, выйдя из машины, ступали прямо по ним.

— Ронни хоть что-нибудь рассказала тебе о Макалистерах?

— Их зовут Макклауды, — сказала Лаура. — Пэтси и Лес Макклауды. Ронни продала им дом, и она говорит, они забавные.

Что бы это ни означало. Я думаю, что Лес Макклауд исполнительный директор какой-то фирмы, так что они часто переезжают с места на место.

— Настоящие люди округа Патчин, — сказал Ричард и позвонил в звонок.

Дверь открыл гигант. По крайней мере шести футов шести дюймов ростом, в коричневом вельветовом пиджаке и зеленом свитере, натянутом на мощной груди. У него была белозубая улыбка, пышные усы, мелковьющиеся волосы, и он не выглядел старше двадцати пяти.

— Эй, привет, — сказал он. — Заходите!

— Мистер Макклауд?

Гигант расхохотался и схватил за руку Ричарда:

— О, Господи, нет. Я всего лишь Бобо Фарнсворт, местный полицейский. Пошли в кухню, а Пэтси и моя приятельница сейчас в игровой комнате.

Он потащил их в маленькую прихожую. Теперь они толпились на трех квадратных футах — фактически это была нижняя площадка лестницы, ведущей вверх, в главную часть дома, и вниз — в общую комнату, которая приникала к гаражу.

— Должно быть, вы Ричард, тот знаменитый артист. А вы, наверное, Лаура. — Он наклонился над ней. Ричард убедился, что Бобо отличная пара для Ронни Ригли.

— Если вы соседский полицейский, я уже чувствую себя в безопасности, — сказал Ричард.

Бобо опять расхохотался, подталкивая их к лестнице.

— В детстве я ел много каши.

Ричард поднимался по лестнице впереди всех. Как только он зашел в гостиную (длинная составная кушетка, обитая тканью с сине-алыми зигзагами, сияющий черный кофейный столик на темно-синем ковре, плакат Штейнберга в рамке), он услышал громогласный оклик,

— Это Дик Альби? Я сейчас выйду!

Человек на шесть сантиметров ниже Бобо Фарнсворта вбежал в комнату, протянув пухлую руку. У него были коротко подстриженные волосы песочного цвета и мясистое лицо из тех, что всегда кажутся загорелыми.

— Пэтси! — завопил он. — Дик Альби пришел.

Холодная влажная ладонь сомкнулась вокруг руки Ричарда, и Лес Макклауд приблизил лицо, оказавшееся в трех сантиметрах от Альби. Одновременно он продолжал трясти руку Ричарда. От него исходила волна запаха спиртного.

— Обожал ваше шоу, просто-таки обожал его — чертовски отличная серия, знаете ли? Пэтси! — Это уже через плечо. — Уважаю таких, как вы, знаете ли. Я — Лес Макклауд, прошу, прошу. Вы уже освоились тут? Хорошо. А это ваша фрау? Очень приятно. Лаура? Отлично! Пэтси будет через секунду, и вы сможете поболтать между вами, девочками. Эй, Дик, что это ты так разоделся?

Сам Лес был одет в розовый свитер без ворота и штаны из синтетической ткани и напоминал бутылку «Дартмура» урожая 59 года.

— Снимай этот галстук, Дик. Или тебя зовут Дики?

— Ричард.

— Тем не менее. — Лес наконец выпустил его руку. — Сейчас, только положу лед в бокалы. Вы что любите? А вы, Лаура? У меня лучший martini во всем Коннектикуте.

— Мне ничего, — это Лаура.

— Просто пива, — это Ричард.

— Ничего с оливками и лимоном? А вы тоже играете в театре, Лаура?

— Нет. Я...

— Целых двое непьющих сегодня. И что же нам делать? — Он по-прежнему глядел прямо в лицо Ричарду с таким агрессивным дружелюбием, что оно выглядело почти угрожающим.

— Да ничего, — сказал Ричард.

— Какое облегчение, — сказала Пэтси Макклауд, и оба Альби повернулись к ней. Рядом с роскошной, пышущей здоровьем Ронни Ригли она выглядела хрупкой и удлиненной. У нее были огромные карие глаза и прямые неухоженные волосы. Лицо у нее было хорошо очерчено, а когда она улыбалась, открывая белые, слегка неровные зубы, на щеках проступали чуть заметные ямочки.

— Значит, вы не пьете? Может, вы еще и грусцой не бегаете? Я — Пэтси Макклауд. Добро пожаловать, Ричард и Лаура. — Рукопожатие ее было мимолетным и грациозным.

— Я трусцой не бегаю, а Лауре нельзя.

— Всем можно, — настаивал Лес.

— Но не беременным женщинам, — сказала Пэтси. — По крайней мере, я так думаю. У вас есть еще дети?

При этой интуитивной догадке Пэтси Лаура расслабилась.

— Нет. Это наш первенец.

Лес вперевалку направился на кухню, а Пэтси поцеловала обоих Альби.

— Я так рада, что вы переехали сюда.

— Спасибо.

— Ага.

— Вы с вашим мужем давно здесь? — спросил Ричард.

— Два года. До этого мы год жили в Лос-Анджелесе. А до этого — в Англии. Лес имел там успех. — Последнее прозвучало несколько двусмысленно, словно Пэтси слегка отстранялась от путешествий мужа и от его успехов.

— Мы были в Бельгравии, — продолжала Пэтси. — Лесу там ужасно не нравилось. Он не мог дождаться, когда мы вернемся сюда. Англия была ему не по вкусу. А я не в состоянии была препираться с ним.

Она стиснула тонкие пальцы вокруг лежащего в них бокала.

— У меня как раз случился выкидыш.

Даже Бобо, казалось, на миг оторопел. Лес вернулся с пивом для Ричарда и заметил:

— Что за мертвое молчание? Должно быть, Пэтси что-то сказала? Моя жена может испортить веселье как никто. Сказала этим славным ребятам что-то паршивое, а, малышка? — На скулах у него выступили красные пятна, и Ричард увидел, что парень уже пьян. Этот вечер будет настоящей пыткой. — Ну ладно, золотко. Так что?

Пэтси отстраненно, рассеянно кивнула.

Лес Макклауд вновь уставился на Ричарда — школьный хулиган-переросток.

— Эй, Дик, сделай нам одолжение! Скажи то, что обычно говорил. Скажи: «Эй, ма, я хочу всю тарелку пирожных».

— Эй, ма, я хочу всю тарелку пирожных, — сказал Ричард и был благодарен, когда Ронни Ригли засмеялась.

— Потрясно! — сказал Лес и вновь унесся в кухню. Он вернулся с корзиной, наполненной слоеным печеньем. — Давай, хватай! Я купил их специально для тебя.

Бобо Фарнсворт отказался:

— О, нет!

Лес подтолкнул корзинку к Ричарду. Тот взял одно печенье и надкусил его. Пэтси Макклауд в явном отчаянии сказала:

— Не хотите ли осмотреть дом?

Вечер продолжался. Они обошли дом, повосхищались оборудованием игровой комнаты, в меру пошумели и повосхищались во время обеда, который казался приготовленным поспешно и рассеянно. Фетуччино («Макароны просто замечательные», — сказал Ричард, и заслужил сияющую улыбку Пэтси Макклауд) было пережарено, а ягненок сыроват. Лес Макклауд пил не переставая и наполнял бокал Пэтси Макклауд лишь немногим реже, чем свой собственный. Лаура выглядела уставшей, и Ричард хотел лишь одного — поскорей добраться до дома.

Бобо Фарнсворт почти спас вечер. Неизменно веселый, он пил кока-колу, ел с аппетитом и рассказывал забавные истории о службе в полиции. Как и Ронни, он сразу же с симпатией начал относиться к Альби. Он рассказывал:

— Вот я ехал в патрульной машине и тут на Поуст-роад увидел сбежавшую лошадь. Включил фары, ну и говорю ей «Давай-ка, милашка!»

Бобо делал все, чтобы вечер прошел удачно, и Альби был ему благодарен. Пэтси Макклауд вздрогнула, когда Лес в порыве состязания с Бобо рассказал какую-то непристойную историю.

— Ну ладно, шутки вам не нравятся, — сказал Лес. — Мне не нравится как там у вас, в полиции, работают. Почему вы так и не поймали этого парня, который убивает женщин? Вы сидите тут и едите мою еду, а ведь вы этого не заслужили — вам надо бы сейчас бегать и ловить его.

— Да мы сейчас работаем над этим, Лес, — небрежно ответил Бобо.

— Эй, почему бы нам на следующий уик-энд не поплавать под парусом? — спросил Лес. — Мы бы устроили неплохую вечеринку. Мы бы наняли лодку, а Пэтси бы выкинула один из своих коронных номеров.

Пэтси глядела в тарелку.

— Она так и не говорит, что за номер. Дьявол, да она же не хочет, чтобы я вам рассказал.

— Я ничего не выкидываю, — Пэтси выглядела по-настоящему смущенной.

— Да она гадалка, — сказал Лес и улыбнулся, словно это было чем-то ужасно забавным. — Дик, у вас и Пэтси много общего. Ронни разве не говорила вам, что ваша семья основала этот город? Ну и семья Пэтси тоже. Она из Тейлоров. Они приехали сюда еще когда эта земля ничего не стоила. Но она гадалка не потому. Вы только послушайте. Когда мы были в колледже, Пэтси могла точно предсказать, как я сдам экзамены. А пару раз она угадывала и счет в футбольных матчах! — Лес торжествующе оглядел их. — Может, это так и было во всех старых семействах? У вас было что-то в этом роде, Дик?

Пэтси Макклауд было не только неудобно, она была еще и раздражена. Она выглядела бледной и расстроенной. Ее огромные карие глаза на полудетском личике впились в Ричарда, словно в ожидании помощи. Он подумал, что она вот-вот упадет в обморок или заплачет — словно Лес ударил ее.

Он бьет ее, неожиданно понял Ричард. Вот в чем тут дело. Лес Макклауд бил жену, и бедная загнанная Пэтси позволяла ему это. И еще одна мысль настигла его — не столько мысль, сколько образ.

Перепуганное лицо Пэтси напомнило ему лицо того мальчика-подростка, который глядел на него сквозь окно кафе на Поуст-роад.

— Молчание — знак согласия. Вот и еще один предсказатель, — радостно провозгласил Лес Макклауд.

Нужно было быстро исправлять положение. Лаура тоже выглядела хуже, чем этого требовала ситуация.

— Да нет же, — сказал он. — Ничего такого.

— Ну так что?

— Да просто пара кошмаров по ночам.

— Пэтси-то не в себе, — сказал Лес, — как сказал бы добрый старый доктор Лаурербах. Выбрались бы, поиграли в гольф, глотнули бы свежего воздуха. Вы ведь играете в гольф, верно?

— Мне очень жаль, но я устала, — сказала Пэтси. Она встала. Ее тонкие пальцы дрожали. Она глядела только на Ричарда, и на этот раз он понял, что за просьба скрывалась в ее взгляде: «Не осуждай нас за это. Мы не такие уж плохие». — Я должна извиниться, но, пожалуйста, оставайтесь. Вам же так весело.

Она одарила их быстрой улыбкой и ушла. Лес встал, чтобы вернуть ее, но Бобо поймал его за руку.

— Да я и сам должен уходить, Лес. У меня сегодня дежурство с двенадцати до восьми.

Тогда они все встали, улыбнулись так же фальшиво, как и Пэтси, и попытались не слишком быстро спускаться вниз, к выходу.

— Повторим еще, а? Думаю, я не должен был... ну вы знаете. Ин вино веритас и все такое. Приходите в любое время. Мы как-нибудь сплаваем под парусом.

— Конечно, когда-нибудь, — сказал Ричард. — Как только мы уладим все с нашим домом. У нас все выходные сейчас заняты.

Наконец они выбрались из дома. Все четверо не сказали ни слова, пока не расселись по машинам. Ронни прошептала:

— О, Боже, мне так жаль, что я втравила вас в это. Они казались такими милыми, когда мы виделись с ними до сегодняшнего дня. Не знаю, что нашло на Леса. Он был просто ужасен.

Бобо сказал:

— В следующий раз встретимся вчетвером, ладно? Эй, я никогда раньше не встречал этого парня. Я и не знал, что он садист.

— Да, — сказал Ричард. — Давайте встретимся. И да, он садист. Бедняжка.

— Ей нужно было уйти от него, — сказала Лаура. — Поехали домой. Пожалуйста.

«РОННИ» ехал впереди, и Лаура придвинулась на переднем сиденье поближе к Ричарду.

— Я просто не могу этого вынести, — повторяла она. — Этот человек, это жирное животное. И мы собираемся жить с такими людьми Я ненавижу это, Ричард, мне все это противно.

— И мне тоже.

— Я хочу заняться любовью, поехали домой на эту жуткую постель.

10

Так что, той теплой ночью в Хэмпстеде, штат Коннектикут, хорошо ладили по крайней мере две пары. Пока двадцативосьмилетний Бобо Фарнсворт мылся в душе перед тем, как отправиться на работу, Ронни Ригли сняла одежду и под теплыми брызгами прижалась к нему своим роскошным телом сорокалетней женщины. Она шекотала его, а он смеялся. Так они вместе избавились от того мерзкого осадка, который оставило посещение Макклаудов, и Бобо отправился на работу в отличном настроении. В спальне на Фэйри-тэйл-лейн Альби разделись на противоположных сторонах кровати, как это обычно делают супружеские пары. И, как это обычно делают супружеские пары, они аккуратно сложили свою одежду.

— Он ведь бьет ее, верно?

— По-моему, да.

— Я увидела, что на руке у нее были синяки, когда эта штука, в которую она была одета, соскользнула. Он лупит ее по рукам так, чтобы никто не знал.

— О, может, ей это нравится, — ответил он и почувствовал себя предателем. Он знал, что это неправда, и жестокая неправда.

Лаура стояла, точно племенная статуя, ее акварельные волосы падали на плечи, груди набухли, живот выглядел мягко очерченным шаром, обтянутым мраморной кожей. Ричард и не подозревал, до чего сексуально привлекательной может быть беременная женщина. Природа, выполняя свою задачу, превращала всех мужчин в покорных рабов.

Но лицо Лауры было почти таким же напряженным и усталым, как лицо Пэтси Макклауд. Когда они оказались на колеблющейся постели, она обхватила его за плечи и прижала к себе так, что он едва мог дышать.

— Я не хочу потерять тебя, Ричард.

Она была как раз такой, какой нужно, руки у нее были мягкими и округлыми, ноги мягко обхватили его.

— Ты меня не потеряешь, разве что я тебе надоем.

— Ты действительно собираешься в Провиденс?

— Только на пару дней. Ты хочешь поехать со мной?
— И сидеть в гостинице, пока ты толкуешь с заказчиками о гипсе и кирпичной кладке?

— Ну я же должен.

— Я останусь здесь. Но я буду скучать по тебе.

— О, Боже, — застонал он, поняв, что он не в силах расстаться с женой дольше, чем на один вздох. Он поцеловал ее сосок, потом углубление под грудью. От ее кожи исходила удивительная сладость.

— Ты же знаешь, что мне здесь не нравится, верно? Мне тут ужасно не нравится. Но я люблю тебя, Ричард. Я не хочу тебя потерять. Но этот человек — он ужасен. Я скучаю по своим друзьям.

Он дрожа обнимал ее. Ее тело было хранилищем, драгоценным сосудом.

— Я так люблю быть с тобой в постели, — сказала она. Пальцы ее гладили, скользили по его телу. — О, да! — ее тугой живот прижался к нему. — Мне очень жаль, малыш.

Он все еще смог проникнуть в нее, лежа на боку, лицом друг к другу, ее бедро лежит на его бедре. Возбуждение пришло одновременно, они мягко содрогались вместе. Кровать забавно колыбалась под ними и подбрасывала их.

— Ты такой чудный. Ты даже сказал, что поедешь с ним на лодке.

— Мне больше нравится твоя лодка.

Наступило молчание. Вспышка удовольствия, такого сильного, что оно напоминало боль.

— Хватит тебе видеть жуткие сны, — прошептала ему в ухо Лаура. — Пожалуйста, прекрати. Они пугают меня.

Так, вместе, они и оказались дома.

Ричард проснулся несколько часов спустя и почувствовал себя свежим и духом и телом — так, словно он проветрил душу на свежем ветерке. Он мягко обнял плечи Лауры. Поцеловал ее, почувствовав на губах вкус соли и маргариток, и вновь провалился в сон. Больше никаких кошмаров, никогда, ночи будут спокойны.

11

Грем

Мой собственный дневник напоминает мне, что субботний вечер для меня выдался мирным, почти скучным, по крайней мере до тех пор, пока у меня не случился творческий запор. Я с раздражением и недоверием прочел обзор книжных новинок в «Таймс», потом написал несколько страниц. После обеда, который состоял из бутер-

бродов с сыром и апельсинового сока, я вновь уселся за стол с карандашом в руке. Я представлял себе, как должны выглядеть эти страницы, и знал, что я не могу их написать. На этих страницах женщина в первый раз встречается человека, который потом станет ее любовником. Задача состояла в том, чтобы рассказать о том, как именно она его встретила. Это должно было быть внезапное влечение, и вот тут я надорвался. Мой собственный опыт внезапного эротического влечения уже явно устарел. Я все еще помнил, как встретил свою первую жену, да и вторую тоже. И то, и другое случилось в здании суда. Мой эмоциональный опыт в основном заключался в скуке и раздражении. Остальное пришло потом.

Тем временем события иного рода, не эротические, прокатились по Хэмпстеду. Бары были открыты до часу ночи; Табби Смитфилд бродил по городу со своими новыми друзьями; Бобо Фарнсворт ездил в своем черно-белом автомобиле, мечтая совершить хороший поступок; Гарри Старбек уже ограбил дом на Редкоат-лейн и готовился к другому ограблению. Д-р Рен Ван Хорн, мой вдовый приятель, сидел один в своем странном доме и думал о том, чтобы купить зеркало, для которого он как раз очистил место в гостиной. Чарли Антолини лежал в гамаке и улыбался, глядя на звезды, а его жена плакала в спальне. Этой ночью птицы умирали на лету и мертвыми падали на землю. В моем воображении призрачные голландские купцы бежали вниз по Маунт-авеню, где тогда не было этих величественных домов. Среди них был парень, которому мое воображение придало плоские черты и бакенбарды Бейтса Крелла, исчезнувшего ловца омаров. Он не исчез. Я убил его своим мечом, тра-ля-ля. И Джой Клецки, тогдашний шеф полиции, знал, что я сделал это. Он не поверил ни слову из того, что я говорил об этом, сознательно — нет, но при этом он полагал, что Бейтс Крелл виновен в исчезновении четырех женщин, он видел кровавые пятна в его лодке, когда я показал ему на них.

Еще один человек вскоре узнает обо мне и Бейтсе Крелле — Табби Смитфилд. Он узнает это потому, что увидит это, как я увидел пожар Гринбанка, подожженного людьми генерала Трийона — мысленно. Табби увидит это, как только впервые встретится со мной, это будет этим же вечером, но позже. Увидит и узнает меня, тра-ля-ля. «Ты проснись, проснись, засоня». Да, Табби, хоть он и промолчал потом об этих братьях Норманах, — а он промолчал.

V СМИТФИЛДЫ И МАККЛАУДЫ

1

Шкипер Петерс слегка свихнулся, вот в чем дело, хотя если придерживаться фактов, он всегда был немного не в себе. Однажды в шестом классе он сбрил себе брови и нарисовал их гуталином — он тогда разговаривал по телефону с близнецами Дики и Брюсом Норманами из большой бестолковой семьи, которая жила в трейлере на стоянке. Мистер Норман был управляющим этим парком и хотел, чтобы они занялись тем же самым. На следующий день двойняшки Норманы заявили в школу (следуя предложению Шкипера) с нетронутыми бровями, но зато с головами, лысыми, как бильярдный шар, и хихикали, когда учитель отослал Шкипера домой. В восьмом классе, уже в средней школе, учитель физкультуры поймал Шкипера, когда тот занимался онанизмом в душе. Его на две недели исключили из школы. В первый день учебы в колледже он нарочно упал в Канцер-Корнер на парковочной стоянке, куда приходили покурить старшие ребята, и притворился, будто у него пошла пена изо рта. Однажды он попытался вытатуировать на теле знаки морской пехоты, но татуировщик вышвырнул его из мастерской.

Двойняшки Норманы особенно ценили Шкипера за то, что он радостно принимал все, что они предлагали. К тому времени, как им исполнилось пятнадцать лет, и они стали второкурсниками в колледже Дж. С. Милла, двойняшки весили двести десять фунтов поштучно и отрастили себе длинные черные волосы, как у индейцев, спадающие на плечи. У них были толстошекие округлые лица. Если бы не их хитрые, пронизательные глаза, они бы выглядели почти умственно отсталыми, но они были прирожденными возмутителями спокойствия. Двойняшек осуждали, и большей частью справедливо, за все зловерные выдумки. Они жили сами по себе в заброшенном трейлере, поставленном на заросшей сорняками дороге, неподалеку от трейлера, где их родители и четыре сестры жили шумной, беспорядочной семьей. Иногда они обедали в трейлере родителей, но чаще — в Бурджер Кинг или у Венди. По вечерам они катили на своем проржавевшем автомобиле к бару «Черничка» и задирались с коллежскими студентами. Персонал бара отлично знал их и не впускал внутрь. Когда Бобо Фарнсворт или еще какой-нибудь хэмпстедский полицейский проезжал мимо бара «Черничка», близнецы сидели в своем «Олдсмобиле» и усмехались, потому что считали Бобо придурком. Все хэмпстедские полицейские были при-

дурками, разве что кроме Томми Турка, который один раз на самом деле напугал Брюса Нормана, подняв его в воздух и пообещав перекинуть через огражденное шоссе №18. Турка они ненавидели.

Никто не доверял Дики и Брюсу, и они зарабатывали подозрительные взгляды так же легко, как боксеры — синяки, поэтому кто-то вроде Шкипера Петерса был им полезен. Ребенок вечно находящийся в разъездах родителей, Петерс тоже был изгоем, но он по крайней мере нормально выглядел. В старших классах Норманы выяснили, что, если они отправят Шкипера к Гринблату с перечнем вещей, которые необходимо спереть, он притащит вдвое больше. Печенье, жестянки с кокой, бифштексы, целого цыпленка. Он был ходячей продуктовой сумкой. Шкипер выглядел таким честным, таким застенчивым, что даже если его ловили, то владельцу становилось его жаль и он отсылал его с предупреждением.

Но под конец мая этот исполнительный и очень полезный инструмент братьев Норманов потерял всю свою полезность и ценность. Во вторник во время урока геометрии Шкипер поднялся со своего места и начал кричать мистеру Норду, учителю:

— Ты, ничтожество! Дурацкое ничтожество! Ты все делаешь неправильно.

Мистер Норд отвернулся от доски, и на лице у него было нечто среднее между ужасом и гневом:

— Садись, Петерс. Что я делаю не так?

— Решаешь не так, ты, придурок. Этот угол, он... он... — Петерс разразился слезами и пришлось вывести его из класса.

В коридоре Шкипер дождался двойняшек Норманов.

— Эй, мужик, — сказал Брюс. — Что стряслось?

Шкипер был еще бледнее, чем обычно, а глаза у него были красными, как у кролика.

— Ты тупая свинья, вот что стряслось. Предложи мне умножить два числа.

— Что?

— Давай. Два любых числа.

— Четыреста шестьдесят восемь и три тысячи девятьсот сорок два.

— Один миллион восемьсот сорок четыре тысячи восемьсот пятьдесят шесть.

Брюс ударил его в ухо, и Шкипер упал на скамейку.

Должно быть, они все обговорили, эти двойняшки Норманы, когда Джикс и Нит Петерсы забрали Шкипера из колледжа Миллса день спустя и поместили его в место, похожее на курортную гостиницу со школой гольфа, гимнастическим залом и закрытым и

открытым бассейнами. Двойняшки Норманы шлялись вокруг своего ржавого трейлера и говорили о новичке. Должно быть, они, глотая шоколадные пирожные, попивая пиво и смотря «Тварь» по своему украденному телеприемнику, измерили степень его полезности. У них появился план.

В ту пятницу, в которую отдохнувший и загорелый чикагский священник по имени Фрэнсис Лири зашел в роскошную кухню своей сестры и в ужасе и потрясении уронил тяжелую вещевую сумку в лужу ее крови, Табби Смитфилд удивленно поднял глаза, когда перед ним за обеденным столиком возникла баночка кока-колы, которую стискивала довольно грязная рука.

— Эй, новичок, — раздался голос сверху, — пить хочешь?

Табби поднял голову и лишился дара речи. Два наиболее опасных человека в классе усмехались ему своими чудовищными ухмылками. Один из них был в комбинезоне поверх майки, а другой — в грязной рубашке навывпуск. Они поставили подносы на стол и уселись по бокам.

— Я Брюс, а это — Дики, — сказал тот, что был в рубашке, — давай-ка, пей, это для тебя. Мы — это группа приветствия.

В то время, когда газон Гудоллов был переполнен соседями, а Бобо Фарнсворт одновременно пытался удержать Томми Турка, который хотел двинуть в челюсть другому полицейскому, и увести двух истерически рыдающих детей Гудоллов от окна в любой из близлежащих домов, Табби Смитфилд сидел на уроке истории. Дики и Брюс Норманы уселись позади, точно пара огромных сторожевых собак.

— Расскажи ему про брови Шкипера, — прошептал Брюс Дики. Оба брата воняли — для Табби совершенно ностальгически — пивом.

2

По мере того, как семидесятые годы подходили к концу, отношения между Кларком и Монти Смитфилдами постепенно улучшались. Причиной этому был Табби. Хоть Монти Смитфилд и поклялся, что не особенно расстроится даже если Кларк покинет этот мир, он никак не мог примириться с мыслью, что у него больше нет внука. Табби ему снился, а несколько раз в месяц он сидел в старой комнате Табби и глядел на игрушки, которые внук оставил в доме. И, поскольку он тосковал по Табби, он начал сожалеть о нанесенных сыну оскорблениях. Может, он не должен был насмехаться над пристрастием сына к теннису; может, он не должен был настаивать

на том, чтобы Кларк присоединился к его бизнесу; может, он должен был отпустить его попутешествовать по Западу, играя в теннис, как и собирался Кларк после окончания колледжа. Может, ошибкой было то, что он выделил Кларку и Джин полдома — может, такая близость и была наибольшей ошибкой из всех.

Пару месяцев спустя он начал искать старых товарищей и одноклассников Кларка. Он обещал, что не будет вмешиваться в частную жизнь сына, что он хочет лишь время от времени посылать деньги. Старик, предлагающий чековую книжку, как другие предлагают сердце? Двое друзей Кларка почувствовали жалость к нему. У одного был адрес в Майами, у другого — номер дома в Форт Ладердаль. Монти связался со справочной службой обоих городов, но Кларк не был внесен в телефонную книгу. На день рождения Табби он послал чеки и банкноты по обоим адресам и получил благодарственное письмо, написанное детским почерком Табби из Форта Ладердаль.

На день рождения Кларка Монти послал им тысячу долларов, но письмо вернулось невскрытым. После этого Монти каждый месяц посылал небольшие суммы Табби, и Табби отвечал ему, куда бы они с отцом ни попадали во время своих частых разъездов.

На восьмой день рождения он послал деду свою фотографию на Ки-Уэсте. Загорелый босой Табби стоял на оконечности пирса. Волосы у него были выгоревшие на солнце, а глаза — удивленные.

Вскоре после одиннадцатого дня рождения пришла еще одна фотография Табби — на карусели, присланная из Орlando. Вместе с ней Монти получил короткую, почти телеграфную записку о том, что у него появилась новая невестка. Звали ее Шерри Стилвен Смитфилд, и они с Кларком поженились месяц назад.

Монти, уже наученный горьким опытом, проявил добрую волю: он послал письмо с поздравлениями и щедрый чек — это письмо не вернулось. Наконец через две недели Монти позвонил сыну.

— Я хочу, чтобы ты знал одну вещь. Я оставляю тебе этот дом, и, когда меня не станет, он будет твой. А если ты хочешь привезти Табби и свою жену пожить сюда, то — отлично.

Все эти годы жизнь Табби была значительно более странной, чем могли себе представить двойняшки Норманы.

Они с отцом жили в комнатах, пропахших пивом, над дешевыми ресторанчиками, в проезжих гостиницах, где они готовили себе на плитке и смахивали со стола тараканов, а когда дела шли совсем неважно, они провели неделю, ночуя в старой машине Кларка. Он знал многих мальчиков, которые обещали вырасти точно такими же,

как двойняшки Норманы, — злобу и глупость Табби встречал не впервые. Он видел, как его отец быстро скатывается в алкоголизм, он видел, как его отца забирают в тюрьму на несколько месяцев — он так и не узнал, за какое преступление, он ни разу не проучился в одной школе больше года. Однажды его отец вернулся домой возбужденный и торжествующий и кинул на стол три тысячи долларов, которые он выиграл в теннис. Он видел смерть двух человек — одного ударили ножом в баре, где работал Кларк, другого застрелили во время уличной перестрелки. Один раз, когда он открыл, не постучавшись, дверь в ванную комнату, он увидел отцовского друга, худого как щепка ки-уэстского трансвестиста по имени то ли Пош, то ли Поч, который сидел на унитазе и впрыскивал себе в руку героин.

Когда ему исполнилось четырнадцать, он записал все адреса, которые мог вспомнить и по которым они жили с его отцом, начиная с дома на Маунт-авеню. Без колебания он перечислил девять адресов, включая три места, именовавшие себя гостиницами, один бордингауз и один приют. Подумав пару минут, он смог добавить еще три адреса.

Шерри Стилвен все это быстро изменила. Она была крепко сбита порядочная белокурая женщина, наполовину кубинка, на пять лет моложе Кларка. Ее первый муж ушел, и она стала завсегдатаем бара «Без имени», в котором Кларк работал в Ки-Уэсте. Отец Шерри был механиком на нефтяных вышках в Техасе и часто уезжал из дома. Она помогала растить трех младших братьев — детей она любила. В ней все еще много осталось от Техаса. Когда она перебралась к Кларку, она настояла, чтобы Табби оставался с ней дома по вечерам и делал уроки, а не болтался по улицам или сидел в углу бара, точно сын. Шерри выплатила все долги Кларка, шумно выгнала опасных и преступных прихлебателей вроде Поша и заставила Кларка обещать, что он ей никогда не солжет.

— Дорогой, мой первый муж врал мне так, что небо могло покраснеть. Одного раза мне вполне достаточно. Если ты с кем-нибудь связешься, скажи мне, и я все улажу. Я прошу тебя лишь об одном — будь со мной откровенен. Солги мне только раз — и все будет кончено.

Черноглазая, с обесцвеченными волосами, она не походила ни на кого, хоть раз переступавшего порог дома на Маунт-авеню, но Монти Смитфилд признал бы, что она желает добра своему любовнику и его сыну. Она поощряла трудовые порывы Кларка потому, что они могли принести деньги немедленно, но она хотела, чтобы он прекратил возиться с баром и занялся делом. Она изучала

объявления и улаживала его дела. Наконец благодаря Шерри Кларк получил работу торгового агента. К этому времени они жили в Орландо, в маленьком домике с двумя спальнями и песчаным газоном, и уже могли откладывать кое-какие деньги. Прибавив к ним чек, который Монти послал в качестве свадебного подарка, они купили машину и кое-какую мебель. Именно Шерри уговаривала Кларка позвонить отцу.

За это время Табби преодолел все несчастья, преследовавшие его со дня отъезда из Коннектикута. Он вспоминал о своей матери, но старался не думать о том видении, которое было у него перед похоронами, — о темном нутре гроба. Однако другое видение, которое его посетило в аэропорту, — видение общей паники было гораздо труднее забыть. Жизнь в Коннектикуте он помнил так, точно только лишь покинул его, — фасад дома, пони, гора заводных игрушек, то, как выглядел и одевался его дедушка. Когда ему было за девять, он получил удар бейсбольной битой по голове во время школьной игры и упал без сознания. Он лежал на траве, все склонились над ним, и он неожиданно увидел внутренним взором мужчину, убивающего ножом женщину, — видение, которое было почти ностальгическим. Учитель наклонился над ним, приговаривая: «Боже мой, Боже мой!» На какой-то миг он не мог узнать ни учителя, ни мальчиков. Перед глазами стояла картина: два обнаженных тела на кровати, одно утопает в собственной крови. Сквозь ужасную головную боль он вновь увидел всю эту сцену, так, словно она заполнила его мозг, пока он лежал без сознания.

— О, Боже, — сказал учитель, и Табби внезапно вспомнил, как того зовут. Странное и мощное видение развеялось, и его взгляд обрел ясность.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил учитель.

Табби ответил:

— Мой дедушка сказал, что никакого плохого дяди здесь нет.

3

Еще два раза, пока он был во Флориде, Табби Смитфилд показал, что он может кое-что иное, чем обычный мальчик, сын бармена, каким он был тогда.

Первый случай произошел сразу после того, как Кларк купил маленький домик в Орландо. Они переехали туда с утра, и Шерри носилась из кухни в гостиную, пытаясь притвориться, что она спокойна. Трейлер еще стоял на дороге, потому что Кларк был на работе, и на полу были свалены коробки с одеждой и посудой. Шерри

ждала грузовик потому, что новая кровать была уже в пути. Табби нашел в одной из коробок игру в монополию и играл с собой на голом полу своей новой спальни. Там было целых четыре Табби, и пока один из них швырял кубик, остальные надеялись, что кубик приземлится на одном из их отелей. Табби II пока что выигрывал, а у Табби III шли сплошные крушения. Шерри заглянула в комнату и сказала, увидев что он делает:

— Ты самый странный ребенок, какого я видела, клянусь, — и он запустил кубик опять. За дверью раздавался стук отворяемых дверей шкафов и крышек коробок.

— Черт! — заорала Шерри в гостиной. — Я не могу найти это!

Он теперь был Табби IV — этот Табби был приличным и осторожным, не таким рискованным, как Табби II, и не таким неудачником, как Табби III, и у него был хороший шанс обойти Табби II и выиграть игру, и этот Табби сказал:

— Я могу помочь?

— Я не могу это найти! — заорала Шерри уже на краю гнева. Табби понимал — переехать в другой дом не так-то легко, и нервы у всех срываюся. И тогда он — или, если быть точным, та его часть, что была неудачником Табби III, — понял, что произошло: Шерри затолкала куда-то свой бумажник и теперь бесится потому, что боится, что вот-вот приедет шофер с кроватью, а у нее вообще нет никаких денег. Он понял все это мгновенно, а потом, как раз когда Табби III, перед которым лежала все уменьшающаяся кучка денег, наклонился и шепнул ему на ухо, он увидел это: он увидел, как Шерри вынимает бумажник из своей набитой сумки и рассеянно кладет его на верх холодильника.

Табби никогда не переставал удивляться, откуда приходят его видения. Он отложил фишки и отправился в гостиную, где Шерри шагала по комнате, запустив руки в волосы.

— Твой бумажник наверху холодильника, — сказал он.

— Ты что, издеваешься? — сказала Шерри и кинулась в кухню. Миг спустя она вернулась, в руке у нее был бумажник, а на лице — благодарное выражение.

— Ты просто гений, парень, — сказала она, — а теперь расскажи мне, что случилось с моим любимым браслетом, который я потеряла, когда мне было шестнадцать?

— Ладно, — сказал Табби. — Он завалился за заднее сиденье машины твоего двоюродного брата Гектора. Это был «Додж» 49-го года. Он там и валялся долгое время, но Гектор продал машину утильщику, и парень на свалке нашел браслет, когда снимал сиденья. — Вся эта информация исходила от Табби III. — Он дал

его одной маленькой девочке, но она потеряла его на вечеринке и его как-то снесло в воду...

Он остановился потому, что Табби III ясно показал ему шестнадцатилетнюю Шерри без блузки и лифчика. Волосы у нее были такими же черными, как и глаза.

Шерри тарашилась на него с открытым ртом.

— Мой двоюродный брат Гектор? О, Господи! Я что тебе когда-нибудь про него говорила?

Раздался звонок.

— Они уже тут. Ладно, спасибо, Табби. Я уже чуть не рехнулась. — Она повернулась, чтобы уходить, но сначала одарила его удивленным, почти испуганным взглядом черных глаз.

Второй случай произошел на три года позже, в марте 1980-го, как раз за месяц до того, как они вернулись в Хэмпстед. Монти Смитфилд умер от удара, и юрист написал Кларку, что тот теперь владелец «Четырех сердец». Кларк хотел ехать немедленно, Шерри вообще не хотела ехать, и они постоянно препирались по этому поводу. Кроме дома, там было некоторое количество денег, которое им всем казалось огромным — сотни тысяч долларов.

— А как же с твоей работой?

— Да ну ее. Я найду работу. Шерри, мне долгое время не нужно будет работать.

— Я не хочу ехать на север.

— Хочешь остаться здесь? В этом ящике?

— Я не знаю, что там делать, я не гожусь для этого. У меня не будет там друзей, я должна остаться в той среде, к которой принадлежу.

— Ты будешь жить там, куда я тебя повезу, — возразил Кларк.

— Так я что-то вроде старого чемодана? — Когда Шерри начала злиться, испанский акцент в ее голосе становился сильнее.

Табби выскочил за дверь, желая только одного — подальше убраться от этой свары. Он бежал через заросшую сорняками лужайку. Голос Шерри поднимался над домом, точно флаг. Раздался звон разбитого стекла.

Потом с ним опять что-то произошло — он оказался где-то еще. В первый раз он понял, что заглянул вперед, увидел то, что лишь случится потом. Была ночь и было на несколько градусов холоднее, чем в настоящую ночь. Голоса ссоры куда-то исчезли, и Табби знал, что дом тоже исчез — ему даже не нужно было оглядываться. Его окружали высокие темные деревья, а перед ним смыкались две дороги. Свет многочисленных больших домов пробивался сквозь листву деревьев. Он знал, что это не деревня, хотя это и было

похоже, но богатый район какого-то северного городка. Когда-то он знал это место, но здесь случилось что-то нехорошее. На него хлынул свет прижатых к земле фар. Они на миг ослепили его.

4

Там он и стоял в реальной жизни, шестью неделями позже, ночью семнадцатого мая. Отец его утверждал, что уже нашел работу: он приходил домой вечером, толкуя о каких-то «задатках», которые он заработал, о уже завершенных сделках и все время изрядно напивался. Шерри просто переполнялась недовольством. Она ненавидела Коннектикут. Табби знал, что Хэмпстед по отношению к ней оказался снобистским и беспощадным. Он блуждал по улицам, ища что-то. Дважды он обнаружил, что стоит перед воротами на Маунт-авеню и смотрит на старый дом своего деда. Все еще непривыкший к простору своего нового дома, он едва мог поверить, что когда-то он и его отец жили в таком доме. Он был в два раза больше «Четырех сердец». Он отвернулся. На него нахлынуло какое-то странное чувство — что-то должно было случиться. В школе он молчал и невнимательно слушал, полагая, что настоящая его жизнь протекает где-то в другом месте, на тихих ночных улицах Гринбанка — вот где.

Именно в эту субботу Табби мучило ощущение, что нечто должно случиться. Он до сих пор не имел представления, что именно, но оно висело над Хэмпстедом, точно грозовое облако. Он был так обеспокоен, что не смог съесть ничего за завтраком, не смог ни читать, ни смотреть «Звездный трек» по 19-му каналу. Кларк сказал:

— Такой отличный день, почему бы нам не выйти на улицу и не потренировать подачи? — и то ощущение, что что-то вот-вот должно произойти, отняло у него половину ловкости. Он пропускал мячи, а посылал их вообще не туда.

— Внимательней! — орал отец и наконец разразился вспышкой гнева.

Табби прошлялся мили, дошел до Саутел-бич и купил там горячую сосиску; прогуливаясь он заглядывал всем в лица: «Это с тобой произойдет? Ты это сделаешь?» Потом потрусил обратно на Гринбанк-роад, заглядывая в лица водителей проходящих машин.

В час он был на Грейвсенд-бич и уснул там. Его мучили яркие кошмары, заполненные криками о помощи. Проснувшись, он поглядел на дом Ван Хорна, такой белый, такой сияющий над бурым обрывом. Он застонал: это надвигается, у него нет никакой возмож-

ности остановить его. Чайки кружились над стайками макрелей — это их крики он слышал во сне.

Он поплелся домой.

После обеда он вновь вышел на улицу. На этот раз он свернул не на Маунт-авеню, а на маленькие улочки за ней. Чарльстон-роад, Эрмитаж-роад, Бич-трэйл, Грейвсенд-авеню, Кэннон-роад. Он всматривался в окна, тщательно вглядывался в лица. Мимо проехала патрульная машина, пробежала трусцой женщина, и он даже выдавил из себя приветствие. Наступили сумерки.

Когда он в третий раз проходил по Чарльстон-роад, на него вновь нахлынули слабость и тошнота. Он ощущал смерть так, словно она стояла у него за спиной, и на секунду у него перед глазами возникла таверна Форт Маерса, где один человек всадил нож в другого. Он уже знал, что *это* случилось, и тут на него нахлынули образы, сменяющие друг друга так быстро, что он не успевал их осознать: майка с надписью, ребенок, падающий с велосипеда на кучу гравия, огромный фургон, лежащий на боку. Женщина, птичьим голосом зовущая на помощь.

Это уже происходило или подступило совсем близко. Табби резко остановился, развернулся и помчался обратно на Чарльстон-роад, где обнаружил себя стоящим на углу под старым дубом, а мимо мчались огни низко посаженных фар. Он поглядел вверх, на Кэннон-роад. Там стоял дом с темными окнами — это произошло там. На минуту он попал в пятно света от автомобильных фар, потом «Корвет» завернул за угол. На мгновение он увидел застывшее, безнадежное лицо водителя. Он был там, куда его привела необходимая последовательность событий, — в том месте, которое привиделось ему недели назад.

Табби не мог пошевелиться, пока вокруг не зарычали полицейские автомобили. Тогда он развернулся, и, обегая дома и деревья, выбрался на следующую улицу. Он побежал вверх по холму, к своему дому на Эрмитаж-роад. Оказавшись внутри, он сразу услышал Шерри и своего отца, которые были в спальне. Они шумно и яростно занимались любовью.

5

— Шкипер иногда совал голову в почтовые ящики, — сказал Норман Брюс, — поглядеть, сработают ли бомбы. Он даже пару раз получил по голове, но, похоже, это ему нравилось. Что за странный малый!

Табби Смитфилд сидел, зажатый между двумя братьями, на заднем сиденье их ржавого голубого автомобиля на стоянке возле бара «Черничка». Было воскресенье, десять тридцать вечера, тридцать первое мая. Дики и Брюс с прошлой пятницы вряд ли хоть на минуту выпустили Табби из виду. Поначалу они слегка пугали его, но потом Табби понял, что близнецы, которых судьба явно вела к бесславному концу, на самом деле все еще были мелкими шkodниками. Их размеры и зловещие лица заставляли ждать гораздо худшего. Они поворовывали в магазинах, ломали изгороди, курили травку и любили хэви-металл. Табби уже встречался с такими. Самому-то ему нравились Бэн Сидран и Стив Миллер, но он предпочитал не говорить об этом вслух.

— В любом случае с этими бомбами мы уже покончили, — сказал Брюс. — Теперь мы расправляемся с ними Разрушителем — и он любовно похлопал заостренную ручку бейсбольной биты. — Получается даже лучше, во всяком случае громче. Ты просто идешь, как следует замахиваешься Разрушителем, и весь этот чертов ящик сминается. Бумм! Как насчет того, чтобы вечером слегка поразмяться с нами, а?

— Ладно, — сказал Табби, — проедемся немножко.

Дики сел, поглядел в зеркальце заднего обзора и застонал:

— Бобо-клоун.

Все три мальчика поставили жестянки с пивом на пол.

Миг спустя полицейский автомобиль остановился рядом. Усмехающийся Бобо вышел и наклонился к окошку.

— А, двойняшки! А почему вы не в постельках?

— Как скажете, офицер Фарнсворт.

— Кто ваш приятель? Он выглядит слишком нормальным для вас.

Табби назвался, и полицейский внимательно, но дружелюбно оглядел его.

— Ну ладно, ребята, вам пора двигаться. Я собираюсь проверить бар и когда вернусь, чтобы вас тут не было. Я скажу вам кое-что. Жаль мне, парни, что вам исполнится шестнадцать, когда бы то ни было.

— Старость — поганая штука, — согласился Брюс.

— Ну я не думаю, что вы зайдете так далеко, Брюс. — Бобо постучал по капоту их автомобиля и ушел.

Как только Бобо исчез в «Черничке», Брюс высосал свое пиво и перебрался на переднее сиденье.

— Этот тип, — сказал он, поворачивая ключ зажигания, — зовет меня Брюси. Клоун дерьмовый. — Он громко рыгнул. — Поехали,

прокатимся немножко. Дики, почему ты ничего не расскажешь Табби?

— Слышал когда-нибудь о парне по имени Гарри Старбек? — спросил Дики.

6

Было вполне возможно, что Кларк Смитфилд, если не сам Табби, встречал Гарри Старбека в Калифорнии, в Ки-Уэсте. Отец Гарри говорил ему, что единственный способ избежать тюрьмы, это передвигаться, — поработать немного в одном городе, потом сняться с места и отъехать по крайней мере миль на пятьсот. Так что, подавшись по стопам своего отца (в отличие от Кларка), Гарри жил в Ки-Уэсте, пока Кларк работал там в баре. В Ки-Уэсте его звали Делберт Тори, в Хьюстоне — Чарльз Бард, в Спрингфилде, Иллинойсе — Лоуренс Ринглер, в Кливленде — Кейт Пеппер. Когда он снял дом Фрезера Петерса на Бич-трэйл, он называл себя Нельсон Саттер. От отца он также выучился избегать встреч с людьми, в баре сидеть в одиночку и проявлять профессиональную вежливость. Этот Старбек был крупным моложавым парнем, темноволосым, бритым, широкоплечим. Лицо его было унылым, а нос — длинным, что несколько нарушало общий облик. Когда он не ходил на работу, он носил рубашки мягких тонов и водил неброский серый автомобиль. Когда он ходил на работу, он носил пистолет.

Когда он впервые появился в Хэмпстеде, он снял трейлер на стоянке неподалеку от Поуст-роад. Двойняшки видели, как серый автомобильчик парковался рядышком с трейлером или отъезжал: иногда его не было по субботам и воскресеньям, чаще — по ночам. Один раз — как раз перед тем, как Гарри собрался переехать из трейлера в нанятый дом, близнецы решили обследовать внутренности трейлера и грузовичка.

Брюс забрался в автомобильчик, когда Старбек, вероятно, спал. Внутри он был чистым и пустым — как снаружи чистым и неброским. Но Брюс заглянул в бардачок и увидел, что удостоверение выписано не на ту фамилию, под которой Гарри снял трейлер.

— Мы кое-что нашли, Дики, — сказал он брату. На следующий день они подобрали один из ключей, чтобы осмотреть трейлер.

Результат превзошел все ожидания — трейлер был набит телевизорами, серебром, костюмами, а полдюжина обувных коробок была набита деньгами.

— Эй, этот малый действительно кое-что, — сказал Брюс, которого это зрелище настолько впечатлило, что он даже казался подавленным.

После школы на следующий день они вновь посетили трейлер. Они вежливо позвонили и, когда владелец вышел, подозрительно оглядывая их, Брюс сказал:

— Мистер Старбек? Простите, я хотел сказать мистер Саттер?

Они вышли оттуда с новым телевизором и пакетиком хорошей мексиканской травки. Гарри Старбек помнил еще один совет своего папы:

— Если у тебя появятся партнеры, даже нежелательные партнеры, обращайся с ними уважительно. Партнер всегда партнер, даже если от него нет толку, а немножко смазки поможет удержать твою задницу подальше от тюрьмы.

Он был уверен, что он сможет найти какое-нибудь применение двойняшкам Норманам.

7

Пэтси Макклауд жила в одном большом страхе, а в ту ночь, когда ей не удалась вечеринка с Альби и Ронни Ригли, этот страх перекрыл все остальные, помельче. Когда ей было семь, родители взяли ее в психбольницу, где жила бабушка Тейлор, — родители видели бабушку Тейлор два или три раза в году, но Пэтси попала туда впервые. Отец, только что приехавший из Хэмпстеда в Хартфорд и уставший, не слишком хотел, чтобы его дочь повстречалась с его матерью, но мать Пэтси, уступая настоятельным просьбам старухи, была тверда, как камень.

Их проводили в просторную комнату с яркими стенами, точно в детском саду. Стены пугали Пэтси, которая и так была напугана из-за родительской ссоры и из-за странных людей, бродящих по двору. Многочисленные замки и запоры заставили и ее почувствовать себя пленницей в этой больнице. Может, это был лишь хитрый трюк, чтобы заманить ее сюда, и родители оставят ее в этом ужасном месте! Хоть она и была единственным ребенком в комнате, эта комната, казалось, была приспособлена для детей с покрытыми клеенками столами и неумелыми детскими рисунками на стенах.

Бабушка вышла из яркой, оранжевой двери. Ее сопровождали два санитары. Она разговаривала сама с собой. Первая мысль Пэтси была, что эта женщина старше всех, кого она когда-либо видела, а вторая — что она по праву принадлежит этому месту. Ее седые волосы были редкими и тусклыми, глаза сверкали, а с подбородка свисали белые баки. Она не обратила никакого внимания на родителей Пэтси, а села в кресло, к которому подвели ее санитары, и продолжала бормотать, сложив руки на коленях.

— Мы привезли Пэтси, — сказала мама. — Помнишь, ты про нее спрашивала? Мы хотели, чтобы вы с ней повидались, мама Тейлор.

Отец раздраженно фыркнул и повернулся к ним спиной.

Пэтси поглядела в тяжелое, сумрачное лицо женщины.

— Не хочешь поздороваться со своей внучкой, матушка Тейлор?

— Во дворе вешают человека, — сказала бабушка, внимательно глядя на Пэтси. — Как раз накидывают ему веревку. Они найдут его на следующей неделе, я думаю. Привезли девочку, Дэнни?

Она встретилась с Пэтси взглядом.

— Бедняжка, — сказала она. — А она другая. Славенькая. Ей ведь не нравится здесь, верно? Она боится, что вы ее оставите со мной. Так найдут они его на следующей неделе, малышка?

Бледные глаза смотрели теперь мягче, и Пэтси вдруг увидела мужчину, раскачивающегося на ветке дерева, а за окном был заваленный бумагами стол.

— Не знаю, — испуганно ответила Пэтси.

— Если бы ты жила со мной, я бы любила тебя, — сказала бабушка Тейлор и резко оборвала аудиенцию. Отец подхватил Пэтси и потащил ее к машине. Через десять минут к ним присоединилась мать. Больше никто из них не предлагал свозить ее к бабушке Тейлор.

Через два дня она спросила отца, нашли ли уже того человека. Отец не знал, что она имеет в виду. Она поняла, что отцу стыдно за себя и за нее.

Но она помнила, что сказала бабушка Тейлор: «Бедняжка, она другая». Когда глаза старухи наконец встретились с ее глазами, она ощутила себя прозрачной, точно стекло. В тех глазах было привычное отчаяние и понимание того, что было за пределами смерти. Единственная разница между Пэтси и бабушкой была в том, что бабушка преуспела в этом лучше. Еще не достигнув подросткового возраста, Пэтси могла гонять по столу мелкие предметы, включать свет и открывать двери, просто представляя себе, что она это делает, и прилагая волевое усилие. Эта способность была ее секретом, ее лучшим секретом. Она внезапно поняла, что бабушка Тейлор могла и большее — если бы захотела. Она могла бы расшвырять больничные стены и выйти на свободу целая и невредимая. Но бабушка Тейлор не хотела. Для Пэтси эта старуха с грубым лицом и спутанными мыслями была прообразом собственного будущего.

Когда у нее впервые начались месячные, способность передвигать объекты, не прикасаясь к ним, оставила Пэтси. Она просто исчез-

ла — женское естество вытеснило ее. Почти год Пэтси была такой же, как все остальные девочки, — и была благодарна этому.

Потом в класс пришла новенькая — Мерилин Форман, крохотное создание в очках и с неумолимым ртом. В ту же минуту, как Мерилин появилась в дверях, Пэтси *знала*. И Мерилин тоже узнала ее. Избежать этой девочки было невозможно, она была ее роком, — так же, как и бабушка. На перемене девочка подошла и спросила ее:

— А ты что можешь? Я вижу вещи и они всегда происходят.

— Убирайся прочь, — сказала Пэтси очень неуверенно, но Мерилин отстала. Пэтси готова была к тому, что Мерилин оттолкнет от нее остальных подруг — они должны были быть вместе.

— Это случается, — сказала Мерилин своим скрипучим протяжным голосом. — С тобой тоже так случится, я знаю.

Даже без всякой привязанности со стороны Пэтси, поскольку вторая девочка привязанности не требовала, они стали так близки, что даже походили друг на друга — нечто среднее между прежней миловидностью Пэтси и неброскостью Мерилин. Иногда Пэтси ловила себя на том, что она говорит голосом Мерилин. Тейлоры так и не поняли, почему их привлекательная, пользующаяся популярностью в классе дочь попала под влияние этой бесцветной Мерилин.

Они «путешествовали» вместе — слово было их общим, а идея принадлежала Мерилин. Вечерами, когда предполагалось, что они готовят домашнее задание, они сидели бок о бок, взявшись за руки и закрыв глаза. Пэтси неизменно чувствовала холодок страха, который почти доставлял наслаждение, когда их разум соединялся и начинал отплывать куда-то. Путешествуя, они видели странные ландшафты, раскаленные переливающиеся цвета — они никогда не знали, что именно они могли увидеть. Они могли увидеть всего-навсего обедающих в ресторане людей и мальчиков, гуляющих по Саутел-бич. Один раз они увидели двух преподавателей, занимающихся любовью на полу в пустом классе. В другой раз они узнали учителя из милловского колледжа, который глубоко в кустарнике лежал на мальчике из футбольной команды колледжа. «Все это грязно», — сказала Мерилин. Но вообще-то Мерилин никогда не беспокоилась о том, что они видят во время своих путешествий. Она так же была счастлива, когда видела людей за столиками в ресторане, поглощающих блюда, которые она никогда не пробовала, как и наблюдая самые красочные свои видения.

Некоторые явления явно располагались в прошлом и уже лишь поэтому были необычны. Две девочки увидели улицу, которая явно была Риверфронт-авеню, но здание нефтяной компании и служебные конторы исчезли. К пирсам были пришвартованы мелкие ры-

бачьи лодки, по улице ездили тупоносые старомодные автомобили, а берег порос травой. На одной из лодок бородатый мужчина в вязаной шапочке разливал вино в стакан и кофейную чашку. Женщина в шелковом платье сидела на борту лодки. «Тут что-то не так, — сказала Мерилин. — Мне это не нравится». Она попыталась выдернуть руку, но Пэтси сжала ее — это было видение для нее, и Мерилин не имела права лишать ее этого зрелища, даже если оно и было ужасным. Потому что она знала, что оно будет ужасным. Бородатый мужчина улыбнулся женщине и запустил мотор. Лодка отошла от берега и поплыла в сторону моря. Мужчина обхватил женщину, словно они танцевали. Он покачивался, женщина прижималась к нему и смеялась. Пэтси увидела, что рыбак был очень красив, так, как может быть красив, например, бык. «Омерзительно», — сказала Мерилин. Все еще улыбаясь, мужчина ударил женщину в основание шеи своим заскорузлым пальцем. Глаза у него мерцали. Потом он сомкнул свои грубые руки на мягкой коже ее шеи. Он навалился на женщину и повалил ее на палубу. Тела их боролись и перекатывались, пока мужчина не приподнял голову женщины и не ударил ее о борт. Все его движения были решительными и целеустремленными. Мерилин начала дрожать. После того, как женщина перестала шевелиться, мужчина вытащил из трюма дождевик и завернул ее. Бросив спеленутое, все еще живое тело в Наухэттен, он допил вино. Пэтси вздрогнула от отвращения, и, как только сцена в лодке превратилась в сцену с другим неизвестным человеком, на этот раз в двубортном костюме, стоящем на берегу возле загородного клуба, она выдернула руку. Она чувствовала, что сцены преступления и насилия будут цинично предлагать себя, коль скоро она проложила им дорогу.

«Они найдут его на следующей неделе, а, малышка?»

После того, как Форманы переехали в Тульсу, Пэтси никогда не пыталась путешествовать сама. Она и Лес вместе ходили в колледж штата, они наблюдали по телевизору в родительском доме Леса убийство Кеннеди. Иногда она развлекала Леса, правильно предсказывая оценки, которые он получит на экзаменах. Если у нее и были ясновидческие сны, она держала их при себе. Лес и так называл ее «болотной янки». После того, как они в 1964-м поженились, они жили в Хартфорде, в Нью-Йорке, Чикаго, Лондоне, Лос-Анджелесе и опять в Нью-Йорке. Они купили дом в Хэмпстеде, и Лес, как он выражался, «обрубил концы» в Нью-Йорке. Они теперь никогда не говорили ни о чем личном. Лес вообще редко к ней обращался. Он начал бить ее в Чикаго, после первого значительного повышения по службе.

Этим воскресным вечером Лес не бил Пэтси. Он с пьяным упорством толковывал ей, что, по сравнению с Ронни Ригли и Лаурой Альби, она не является женщиной. Бродя по дому, он прикончил бутылку, а Пэтси вернулась в спальню и слышала, как он что-то там бормочет насчет «актеришки». Когда она услышала, что он поднимается в спальню, она ускользнула в соседнюю комнату, где был стол, книжные полки и кушетка, которую можно было разложить. На книжном шкафу стоял черно-белый «Сони» с крохотным экраном, и она включила его, чтобы поглядеть фильм, пока Лес благополучно не заснет.

В двенадцать тридцать ее вырвал из дремоты громкий шум снаружи. Лес тоже проснулся, и она услышала, как он пробирается по темной спальне. Дверь хлопнула. Она окликнула его, но вместо ответа хлопнула и входная дверь.

Пэтси выглянула из окна и в желтом свете крохотных фонариков, горящих над большей частью домов, она увидела, как по Чарльстон-роад отъезжает ржавая черная машина. Секундой позже она увидела Леса, в шлепанцах и халате бегущего за машиной. В руке он держал пистолет.

Она достаточно хорошо знала Леса, чтобы понимать, что он не взял бы пистолет, если бы сегодня у них не побывали Бобо Фарнсворт и Ричард Альби. Молодость и сила одного и пусть ничего не значащая, но известность другого спровоцировали его. Пэтси отворила двери и выбежала вслед за мужем.

На кучке гравия под окном барахтался умирающий воробей. В обычных обстоятельствах она бы остановилась, но она услышала за углом вой полицейских сирен и пробежала мимо бьющейся птицы.

На углу, где Чарльстон-роад переходит в Бич-трэйл, горел еще один фонарь, и ребенок, маленькая девочка в очках и с прилизанными каштановыми волосами, стояла в круге света и глядела на нее. Поначалу Пэтси подумала, что такой маленький ребенок уже должен находиться дома, потом — что девочка кажется ей знакомой. Однако тревога за Леса гнала ее вперед, пока она не миновала фонарный столб. Теперь она могла видеть, что полицейский автомобиль въехал на Бич-трэйл к дому, который примыкал задворками непосредственно к их дому. Полицейский стоял рядом со сгорбленным стариком и тоненьким мальчиком-подростком, а Лес бежал к ним, держа пистолет наготове.

— О, Боже, — выдохнула Пэтси. Лес сошел с ума и собирался кого-нибудь пристрелить, разве что полицейский успеет застрелить его первым.

Потом она поняла, что девочка под уличным фонарем — это Мерилин Форман. Она с трудом отвернулась от мужа и от полицейского и поглядела на ребенка. Мерилин Форман в платьице с белым воротничком, белых носочках и с бледным, невыразительным лицом. Она стояла на свету и не отбрасывала тени.

— Нет... — сказала Пэтси. — Это не...

Мерилин открыла рот и заговорила, но совершенно беззвучно. Пэтси услышала шум выстрела, очень громкий на тихой улице.

9

— Гарри Старбек отличный мужик, — сказал Дики Норман Табби, как только они свернули на мост и пересекли Наухэтэн. — Никто даже не знает, как его зовут по-настоящему.

— Так что он делает?

Оба брата расхохотались. Они катили по Гринбанк-роад, а старый мотор «Олдсмобиля» старался как мог, хоть и выстреливал иногда языками пламени.

— Он берет всякие вещи, — сказал Брюс. — Из домов. Парень, когда он обработает дом, там ничего кроме термитов не остается. Держу пари, что Гарри Старбек зарабатывает в год больше денег, чем любой в этом городе. Да он миллионер просто, столько он всего натащил.

— О! — сказал Табби.

— А мы хотим заглянуть к нему, — сказал Дики.

— Не со мной, — ответил Табби.

— О, не сегодня. Сегодня у нас проходят испытания Разрушителя. На Гринбанк. Мы все рассчитали. Мы доберемся до Гринбанка как раз через десять минут после того, как там проедет этот придурок Бобо. Мы проведем этого ублюдка. Мы знаем весь его маршрут. А он после всего этого будет самой настоящей задницей.

— Разве вы только что не раскололи пару ящиков на Гринбанк? — спросил Табби, который был свидетелем энтузиазма братьев.

— Да, но это специально для Бобо, — сказал Дики, подбрасывая на ладони биты. — А потом мы завернем к Гарри Старбеку, поболтаем немножко. Разве что ты думаешь, что тебе пора домой, сосунок.

— Думаю, что пора.

— Мы уладим это позже, — сказал Брюс с переднего сиденья.

— Я никогда не крал ничего из домов и не хочу встречаться с людьми, которые это делают, — сказал Табби более резко, чем собирався. — Мне даже особенно и не хочется взламывать почтовые ящики своих соседей.

Дик похлопал его по голове:

— Эй, малый.

— Это же мои *соседи*.

— Эй, это же его соседи, парень, — сказал Брюс.

Дики открыл окно и двинул битой по почтовому ящику как раз, когда они сворачивали за угол. Ящик отлетел от подставки, хрустнув, будто сломанная шея. Дики просто сиял:

— Вот это удар!

— Эй, мы не хотим, чтобы ты делал что-нибудь этакое, — сказал Брюс. — Мы просто друзья, верно?

— Ага.

— Не знаю, ты это сказал как-то не по-дружески, — сказал Дик, вновь подбрасывая битку в ладони.

— Ограбления — не мой спорт, — сказал Табби. — Вот и все, что я хотел сказать.

— Эй, но этот парень рискует сам, — объяснил ему Брюс. — Мы не такие уж дурачки, какими кажемся.

Табби ничего не сказал.

— Вон еще один, — сказал Дики. Они ехали вдоль ограды Гринбанкской академии. Он высунул битку из окна, а Брюс замедлил ход. Дики одной рукой поднял битку и обрушил ее на почтовый ящик Академии. Раздался громкий, но глухой звук, и Дики вновь в восторге завопил, тогда как Брюс опять прибавил скорость.

Когда Брюс свернул на Бич-трэйл, Табби запротестовал:

— Я тут живу, парни.

— Табби, ты начинаешь выводить меня из себя, — сказал Дики.

«Зачем я здесь? — неожиданно подивился Табби. — Потому что эти два жирняка купили мне коку?»

— Может, это звучит по-идиотски, — сказал он, — но, парни, вы никогда не задумывались над тем, чтобы стать полицейскими? Из вас бы вышли отличные полицейские.

— Дерьмо, — сказали Дики и Брюс одновременно. — Им не платят денежек, Табс, не платят денежек. Хэмпстедские полицейские все живут в Норрингтоне, ты это знал?

— Следующий сделаешь ты, Табс, — сказал Дики. Они бесцельно кружили по Кэннон-роад и не увидели патрульного автомобиля Бобо Фарнswortha, который стоял за деревьями у въезда на участок Лео Фрайдгуда.

Теперь Лео более не включал освещение во дворе.

— Хочешь знать, чем мне на самом деле хотелось бы заняться? — спросил Брюс. — Я хотел бы стать кем-нибудь по-настоящему большим — вроде президента, парень, или Джона Денвера. Я бы хотел быть первым парнем, который переплюнет Джона Денвера.

Дики толкнул битой в грудь Табби:

— Давай на другую сторону улицы, Брюс.

— Свой я не трону, — сказал Табби, глядя, куда направляется Брюс. — Этого я не сделаю.

— Поцелуй меня в зад.

— Эй, ладно.

Брюс завернул на Чарльстон-роад и выехал на противоположную сторону дороги.

— Давай, займись этим, Табс.

В гневе и отчаянии Табби высунул биту наружу, держась обеими руками за рукоятку. Делать все это ему здорово не хотелось. Бита врезалась в почтовый ящик с почти ужасающей силой и чуть не вырвалась из рук у Табби.

— Ладно, — вздохнул Брюс. — Вот ты и замазан, парень.

Дики хлопал его по спине, которая безумно болела от напряжения и толчка.

Брюс увеличивал скорость:

— Еще один на сегодня, и я расскажу тебе, чего мы хотим сотворить. Знаешь парковку, здоровую такую, вокруг нее еще полно всяких знаков?

— Эй, за нами кто-то бежит! — удивленно воскликнул Дики. — Может, парень думает, что спишет наши номера? Он явно не в себе.

Табби оглянулся и увидел, что за машиной несется человек в пижаме.

— Пока-пока, — сказал Брюс и на страшной скорости завернул за угол Бич-трэйл. Он обернулся назад, и Дики вложил биту ему в руку.

— Я уже почти дома, — сказал Табби поспешно. — Почему бы вам...

Брюс потянулся и смахнул почтовый ящик со своего основания. И когда тот покатился на дорогу, они услышали вой сирен по Чарльстон-роад.

— Выпустите меня! — настаивал Табби.

— О, Господи! — заорал Дики. — Вот дерьмо!

— Эй, он вроде Шкипера, — спокойно сказал Брюс брату. — Выпусти его.

Дики быстро подтолкнул Табби к двери.

— Идиот, — прошептал он. — Все будет в порядке. Только помалкивай.

Табби отворил дверь и выкарабкался секунд за тридцать прежде, чем сирена Бобо Фарнsworthа и его мигалка свернули на Бич-трэйл. За Бобо по Чарльстон-роад несли Лес Макклауд, размахивая пистолетом и выкрикивая оскорбления.

На Гринбанке, так же, как и во всем Хэмпстед, в домах всегда горели огни — фонари на лужайках и лампочки над дверями. Наверху Чарльстон-роад все спали, за исключением Макклаудов, — у них горели огни в двух разных комнатах, полагал Бобо Фарнсворт. Иногда его вызывали сюда, чтобы остановить потасовку, когда эта хорошенькая женщина оказывалась с синяками или разбитой челюстью. После этого Лес проводил ночь в камере, а утром Пэтси забирала его, рассказывая какую-то байку, что она свалилась с лестницы. На Бич-трэйл огни не горели. Он свернул на Кэннон-роад и увидел, что, хоть огни во дворе и не горели, гостиная и столовая в доме Лео Фрайдгуда были ярко освещены. Бессонница. И он забыл задернуть шторы. Если только Лео не пьян, он будет рад компании.

Бобо завел свою машину к дому и припарковал ее за деревьями. Вовсе не нужно, чтобы соседи думали, что он все еще допрашивает Лео Фрайдгуда. Когда он заглянул в окно гостиной, он увидел тень, мелькнувшую по стене. Бобо поднялся по ступенькам и позвонил.

Фрайдгуд не отвечал, и Бобо позвонил вновь.

— Кто там? — спросил приглушенный голос по другую сторону двери.

— Это офицер Фарнсворт. Я тут проезжал мимо и решил остановиться и узнать, может вам чего-нибудь нужно?

Фрайдгуд не ответил.

— Может, вы просто хотите поговорить?

— Убирайтесь отсюда, — произнес голос.

— Не слишком обнадеживающе. С вами все в порядке, мистер Фрайдгуд?

Занавеска по левую руку Бобо чуть отодвинулась, и полицейский услышал какой-то испуганный вскрик.

— Откройте дверь, мистер Фрайдгуд, позвольте мне помочь вам.

— Думаете, вы можете? Откройте двери.

Бобо повернул ручку и отворил двери. Почти сразу в нос ему ударил запах горелого мяса. Фрайдгуд шел впереди в гостиную. Бобо с удивлением увидел, что он в шляпе. Сначала Фрайдгуд зажег все огни в комнате, а потом обернулся.

Сначала Бобо увидел, что глаза мужчины были закрыты темными очками, вроде летных. Шляпа была надвинута низко на лоб, а руки были затянuty в перчатки. Одна половина лица Фрайдгуда была бледной и опухшей, другая — от ободка очков и вниз, до воротника рубахи, была красной, как сырое мясо. Густые усы исчезли.

— Держитесь подальше, — сказал Фрайдгуд. Губы у него были белыми и казались накрашенными. — Я подхватил кое-что. Не приближайтесь.

— Кто ваш доктор? — настаивал Бобо. Фрайдгуд поднял правую руку и поднес ее к покрасневшей стороне лица, и Бобо увидел, как рука окрасилась кровью. Выглядело это так, точно он подхватил какие-то язвы и пытался справиться с ними, срезав кожу. Или сжигая ее.

— Мой доктор помочь не может, — Фрайдгуд отступил в темноту. — Довольны? А теперь убирайтесь. Мне не нужно ваше общество.

Бобо глядел, как Фрайдгуд возвращается назад, в темноту, — левая половина его лица, опухшая, была белой, как и его губы. Вторая щека, обожженная до костей или мышечных слоев, двигалась независимо, точно дергающаяся во сне мышца.

— Снимите очки и шляпу, — сказал Бобо. — Боже, я никогда не видел ничего подобного.

Вдруг он услышал, что снаружи раздался громкий звук вроде взрыва, и сердце у него чуть не остановилось.

Фрайдгуд хихикнул. На улице гремела машина.

— Я лучше выйду, — сказал Бобо. — Опять этот чертов почтовый ящик. Но если я могу что-то достать, как-то помочь...

— Оставьте меня, — сказал Фрайдгуд. — Вы ничего не можете для меня сделать, просто убирайтесь.

Бобо повернулся и почти побежал к двери; по коже у него ползли мурашки. Когда он добрался до машины, то увидел, что Лео Фрайдгуд выключил весь свет в доме. Бобо на мгновение представил себе человека в большом темном доме, его поврежденная кожа фосфорически светится... Он вывел машину на улицу, разбрасывая гравий колесами.

Он искал задние фары ускользающей машины, которая должна была завернуть за угол на Чарльстон-роад, но краешком глаза заметил, что почтовый ящик Леса Макклауда свернут на сторону. Когда он завернул к дому, двери открылись, выпустив свет — это вышел Лес исследовать степень разрушения. Бобо кружил поблизости в надежде увидеть проблеск движущихся красных огней. Должно быть, паршивцы скрылись где-то в путанице мелких улочек Гринбанка или же свернули с Бич-трэйл на Маунт-авеню. Видимо, так они и поступили.

Потом вновь раздался грохот разрушенного почтового ящика, и он включил сирену и ринулся на Бич-трэйл.

Кварталом ниже он заметил движение. Перед старым домом на земле валялся обезображенный почтовый ящик и мальчик наклонился, чтобы подобрать его. Когда он услышал сирену, он поглядел

в направлении Бобо, но не убежал. Он старался водрузить ящик обратно на постамент.

Бобо съехал на обочину, выключил сирену и вышел из машины.

— Подержи его, сынок, — сказал он мальчику. — Ты видел, как тут проезжала машина, видел, кто сделал это?

Мальчик покачал головой, и Бобо подступил ближе.

— Эй, а я тебя только что видел. Ты был с Норманами.

— Да, — сказал Табби. — Я живу на Эрмитаж-роад. Я увидел этот ящик, он валялся на улице.

— И даже не старайся пихать его туда, — раздался звучный голос. Бобо и Табби повернули головы и увидели сгорбленного старика в серой майке и сверкающих белых штанах, который медленно приближался к ним. — Эти варвары раздelaются с ним еще хуже. Ты же видишь, во что они его превратили. В прошлый раз они его просто свернули.

Бобо увидел, что мальчик бросил на старика пораженный, узнавающий взгляд. Словно, подумал Бобо, старик был знаменитым, что-то вроде крупного актера. Но он отнюдь не был похож на кинозвезду: по его груди и шее курчавилась серая шерсть, лицо было загорелым, щеки запали. Глаза под кустистыми бровями ярко сверкали. Бахрома седых волос прикрывала лишь уши и затылок. Лицо изношенное, но все еще властное. Старик был личностью, это Бобо понял сразу, даже при том, что он не узнал его. Поэтому он заговорил с ним немного пониженным тоном.

Старик с таким же удивлением уставился на мальчика, и Бобо казалось, что удивление в его взгляде растет, потом обратил добродушный взгляд к Бобо:

— Меня зовут Грем Вильямс. Я не уверен, что этот парень и есть знаменитый потрошитель ящиков, а вы? Ты кто, малый, ты посвятил себя делу борьбы со службой доставки? Может, ты Рамон Меркадер?

Ни Бобо, ни Табби не знали имени убийцы Троцкого, но слух Бобо привлекло имя самого старика.

— Вильямс? Я слышал о вас.

— Спросите обо мне Томми Турка, — сказал старик. — Он навалит вам гору лжи. Тридцать-сорок лет назад я влез в заварушку с парой хорьков по имени Никсон и Маккарти. Так что все остальные хорьки хотели привлечь меня к ответственности. И я почти...

Крики с улицы не дали Бобо сказать, что он потому лишь узнал фамилию старика, что слышал ее от команды «скорой помощи».

Все трое поглядели по направлению источника звука. Человек в халате, полы которого развевались за его спиной, бежал к ним. Он был в тапочках, задники которых хлопали по гравию.

— Держите его, — орал он. — Сейчас я его достану.

Расширившийся взгляд Табби вновь метнулся к старику. Он прошептал что-то, что Бобо не расслышал, но что явно поразило Вильямса.

Потом старик откинулся назад и оглядел мальчика.

— Ты внук старого Монти Смитфилда? Они зовут тебя Табби?

— В лодке, — сказал Табби.

— Сам держи, Лес, — сказал Бобо, который не вслушивался в эту сумбурную беседу. — Тебе не о чем беспокоиться.

Тут Бобо увидел пистолет Леса и вытянул левую руку, чтобы отвлечь его, в то же время правой он расстегивал кобуру.

— Ты видел машину, Лес? — быстро спросил Бобо.

— Убирайся с дороги и оставь свою пушку в кобуре, — прокричал Лес. Теперь он уже шел, отдуваясь.

— Ты пьян, Лес. Убери оружие.

— Черта с два, — сказал Лес и встал в позу стрелка — обе руки выпрямлены, колени слегка согнуты. — Этот парень разрушил мое имущество.

— Ты достал не того парня, — сказал Бобо. Из-за плеча Леса он увидел Пэтси, которая сворачивала с Чарльстон-роад. Казалось, она двигается во сне и остановилась, вытаращившись на фонарь так же внезапно, как Табби на Грема Вильямса.

— А вон Пэтси Тейлор, — сказал старик. — У нее костистое лицо, как у всех Тейлоров. Ты можешь заставить этого типа бросить пушку?

— Вы прикрываете вандала! — орал Лес.

— Да, — спокойно сказал Бобо. — Ты что, свихнулся? Если не опустишь пушку, я подстрелю тебя.

— Уйди с дороги!

Грем Вильямс ступил вперед, прикрывая Табби.

— Похоже, там твоя жена, — сказал он мягко.

Мелькнула вспышка, и пистолет издал тихий звук, похожий на кашель, только чуть громче. Лес развернулся, и пистолет выпал у него из рук. Пэтси побежала к ним.

Бобо со своим 0.44 в руке целился Лесу Макклауду в спину. Это был не первый случай, когда ему пришлось пользоваться оружием на службе. Лес Макклауд дергался и орал: «Не надо, не надо!» Пэтси тоже орала на бегу. Пистолет Леса лежал на земле, а секундой позже и сам Лес оказался там, он сидел, точно ребенок, широко расставив ноги. Бобо слышал, как тяжело дышит Вильямс, и быстро проверил, в порядке ли старик и мальчик.

— Оставайтесь здесь, — велел он и пошел к Лесу и Пэтси.

Наклонившись, он услышал, что Лес всхлипывает от гнева. Бобо подобрал пистолет — это был короткоствольный 0.22.

— Я же целил поверх голов, ты, ублюдок, — сказал ему Лес. Потом повернул опухшее лицо к жене. — Убирайся отсюда, Пэтси, я не хочу тебя видеть.

— О, Господи, я должен взять тебя и запереть, — сказал Бобо. — Что ты, по-твоему, делал? Тебя за это могут посадить. Сколько, по-твоему, дают за покушение на убийство? Пятнадцать лет? Двадцать?

— Я защищал свое имущество, — Лес все еще плакал, глаза у него были закрыты.

— Ты — тупой осел, — сказал Бобо. Потом повернулся к Пэтси. — Вы в порядке? Хотите, чтобы я забрал его на ночь?

Пэтси покачала головой. Она выглядела бледной и полуживой от шока, но вполне решительной. «Хорошая дама, — подумал Бобо, — слишком хорошая для этого парня».

— Я заберу его домой, Бобо, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Нет, не заберешь, — сказал Лес, все еще сидя посередине улицы и вытянув ноги.

Пэтси было потянулось к нему, но он отбросил ее руки.

— Лучше уноси ноги домой, — сказал Бобо, подхватил Леса под мышки и поднял на ноги. — Через пару дней подойдешь в участок. Я хочу поглядеть на твое разрешение.

— У меня есть разрешение, — пробормотал Лес.

— Если бы мы только что не обедали вместе, ты был бы осужден по меньшей мере за небрежное обращение с огнестрельным оружием. Это по меньшей мере.

— Я целил поверх голов, — Лес качнулся, но потом выпрямился с уверенностью привычного к пьянству человека.

— У тебя так руки трясутся, что это не менее опасно, — сказал Бобо. — Убирайся домой.

Лес сделал несколько заплетающихся шагов, но когда Пэтси взяла его под руку, он оттолкнул ее.

— Пусть себе идет, — сказал Бобо. — Черт, это первый раз, когда в меня стреляют. А я даже не могу насладиться арестом.

Он поглядел на усталое лицо Пэтси.

— Вы в порядке?

— Не слишком, — сказала Пэтси, — зачем спрашивать?

— Через полчаса он вырубится. А спать ему сегодня лучше в другой спальне.

Пэтси кивнула.

— Может, у кого-то поблизости найдется чашечка кофе?

VI ОПЯТЬ ГРЕМ

1

— Ты убил человека, — вот что прошептал Табби мне, пока безумный Лес Макклауд орал нам «держаться это». К счастью, тот здоровый полицейский ничего не расслышал, а если и расслышал, не думаю, чтобы он стал с этим ко мне приставать. Тогда я впервые и рассмотрел мальчика хорошенько. До этого я думал, что это обычный юный богатый бродяга. Он был внуком старого Монти — тем, которого старик потерял после того, как возлагал на него такие надежды. То, что Монти упустил парня, было его собственной виной по меньшей мере наполовину, — я это знал. Он всегда был слишком крутым с Кларком. Теперь все лица похожи на одно — какая-то американская смесь, но в лице этого парня есть очень много от Монти, да и от Смитфилдов тоже. У Монти и у Кларка были в свое время такие же нежно очерченные лица и высокие лбы, но у Монти черты с возрастом стали излишне жесткими, а у Кларка приобрели вечно обиженное выражение.

— В лодке, — сказал мальчик.

Я понял.

У него был дар — тот дар, который не доставляет радости его обладателю. Парень видел меня и Бейтса Крелла в лодке той ночью 1924 года, это просто прокрутилось у него перед глазами, точно какое-то кино. Человек, у которого я когда-то видел столь же сильный дар, была старая Джозефина Тейлор, а ее упекли в психушку, когда ей еще не исполнилось сорока.

У некоторых людей этот дар проявляется раз в жизни, всего на минуту-другую, и остаток жизни они проводят, гадая, случилось ли это на самом деле, — как и я гадал после того, как встретил Бейтса Крелла, — а у других людей он камнем виснет на шее. Не хотел бы я быть одним из них. Я могу вспомнить почти все, что со мной происходило, но от некоторых вещей я просто заболеваю. Первый раз, когда я встретил Бейтса Крелла, как раз и относится к этой категории — как и все, что было с ним связано. То, что увидел этот малый со смитфилдовскими фамильными чертами, напугало меня гораздо больше, чем пистолет Леса Макклауда, которым он в ту минуту как раз и начал размахивать.

Тогда же я увидел и жену Леса, Пэтси Тейлор, которая брела к нам. Поначалу я подумал, что она пьяна, раз уж ее муж тоже напился до невменяемости. Но она не была пьяна. Миг спустя я

понял это — она просто увидела то, что мы видеть не могли. Она была тоже вроде этого юного Смитфилда. Тот дар, которым она владела, передавался в их семье через поколение. Пэтси получила его от Джозефины, а той он достался от ее бабушки. Я наблюдал, как эта худенькая девочка росла поблизости, не считая тех трех лет, что я провел в Калифорнии, но я никогда не думал, что она унаследовала нечто иное, чем тэйлоровская миловидность.

И это тоже меня потрясло. Может, если бы Табби не сказал, что он видел, как я убивал человека в лодке, я бы все же подумал, что она пьяна, как и ее муж. Но он *видел* это, понимаете ли, и этим он вернул меня в то время, когда я чутьчку был похож на них обоих. Я поглядел на Табби, потом вновь на Пэтси и увидел, что они похожи. Казалось, я смотрю на два негатива — двух людей, которые светлые там, где остальные люди темные, и у которых тьма там, где у остальных свет. Я чувствовал жалость, любовь и страх — страх, потому что появление двух таких людей на одной квадратной миле земли означало, что должно случиться что-то по-настоящему ужасное, что-то вроде землетрясения или извержения вулкана, или канзасского смерча. Тогда я не знал ничего про Теда Вайса и ДРК-16.

И потом мир подсказал мне, что я не ошибся. Никто из остальных этого не видел, все они глядели на бедного пьяного Леса и его пушку, но я поглядел вверх и увидел, как с неба валится птица. Мертвая. Она упала на лужайке рядом с моим почтовым ящиком — маленький комочек пуха.

— Убирайся с дороги! — вопил Лес, и мне пришлось двинуться. Я заслонил Табби. Потому что, раз уж должно было случиться нечто ужасное, то мне лучше умереть, как вот этой птице, чем жить и наблюдать это. Да и в любом случае лучше я, чем этот юный Смитфилд, который не знал ничего из того, что я знал или подозревал, начиная с 1924 года. Этот мой поступок был вызван скорее трусостью, чем храбростью, и я вовсе не собираюсь пыжиться по этому поводу. Я даже начал отвлекать Леса, говоря, что его жена уже бежит за ним.

Пистолет поднялся, но даже я видел, что Лес вовсе не пытается застрелить кого-либо. Он держал эту свою пушку под углом сорок пять градусов вверх. Чего я боялся, так это того, что этот здоровенный полицейский Бобо Фарнсворт с перепугу пришьет Леса, но тот оставался спокойным. Его пистолет — гораздо более серьезное оружие, чем пистолет Леса, — был вытащен из кобуры, но и все. Бобо в основном хотел увериться, что Лес не попытается сделать ничего своей жене. Лес скоро сломался и его утащили домой.

Я обнял парня за плечи — Бобо как раз ушел разбираться с Макклаудами. Мальчик дрожал — я его пугал точно так же, как и Лес.

— Ты — особенный человек, Табби, — сказал я, — похоже, ты нам всем вскоре понадобится.

— Это я обработал тот почтовый ящик, — сказал он. — Не ваш. Его.

Он кивнул на этих троих, которые удалялись по улице. Лес по-прежнему отмахивался от Пэтси, которая пыталась его успокоить.

— Ну и держи свой рот на замке, — посоветовал я ему. — И насчет всего остального тоже. Я расскажу тебе об этом, и ты поймешь, почему это случилось.

— Но это случилось, — сказал Табби так, словно он еще был неуверен. — В лодке.

Он вырвался и взглянул на меня испуганно и подозрительно.

— Конечно, это случилось. Но я объясню тебе, почему.

Теперь Бобо и Пэтси шли нам навстречу, так что я заткнулся. Я поглядел на бесформенный комочек пуха и вспомнил Барб Зиммер и задышающийся голос Гарри, когда он говорил мне о ее смерти по телефону.

Тогда Пэтси Тейлор и Табби увидели друг друга. Пэтси начала говорить что-то насчет чашки кофе, она была тем, что мы называем «хорошим игроком», поскольку держалась так, словно появление Леса, размахивающего пистолетом, было чем-то вполне нормальным. Но когда она поглядела на нас, вся ее бравада исчезла. Она едва глядела на меня — она не отрывала глаз от Табби. Она даже не шевелилась. Я знал, что парень был частью того, что она видела на дороге, — на всей Бич-трэйл он сейчас был единственным, кто интересовал ее. У ее бабки часто бывал такой взгляд, когда она заходила в магазин и видела там кого-нибудь, кто должен был недели через две умереть от инфаркта. Это было просто узнавание, но именно потому и ужасное, что это так просто. Табби тоже просто стоял, и все. У него тоже была эта сила.

Ничего не бывает независимо друг от друга, ничего не происходит даже случайно, все взаимосвязано, и я вспомнил, как стоял над телом Норма Хугхарта в его дурацком маленьком садике. Я вспомнил блаженную улыбку Чарли Антолини. Вот дерьмо, подумал я.

Бобо, конечно, подумал, что у Пэтси просто реакция на то, что произошло, и он начал подталкивать ее по направлению к нам. Теперь, поскольку убийство нам больше не грозило, ему хотелось поскорее отделаться от нее.

Эти спириты правы — мы ничего не знаем, но случайностей не бывает.

— Не можете ли вы позаботиться о леди на полчаса? — спросил Бобо. — Я хочу попробовать поймать вот этих...

Он указал на мой несчастный почтовый ящик.

— У меня есть кофе, — сказал я. — Хороший, крепкий. Я прослежу, чтобы мальчик добрался домой, офицер.

Пэтси теперь смотрела под ноги, точно для того, чтобы убедиться, что земля не разверзнется.

— Скажите Лесу, чтобы он пришел в участок со своим разрешением, — сказал Бобо, и она кивнула. Потом вновь поглядела на Табби. Я обнял их. Пэтси только на пару сантиметров выше мальчика, и я почти чувствовал, как у нее колотится сердце. Я возвышался над ними, точно какой-нибудь древний птеродактиль.

2

Через пять минут я уже ковылял по своей кухне, притворяясь рассеянным старым маразматиком, который не может найти три чистые чашки. Это правда, что я был рассеянным после того, как поглядел на встречу Пэтси и Табби. Между ними возникло такое напряжение, что тарелки могли бы вибрировать в сушильном шкафу. Они столько видели друг в друге, что им не было нужды говорить. Они даже не знали с чего начать — настолько много у них было общего.

Словно двое любовников, расставшихся несколько десятилетий назад, или двое сообщников, однажды совершивших убийство... Я стеснялся на них смотреть — ведь им приходилось скрывать от всех свою непохожесть. А теперь каждый из них встретился с человеком, который до конца понимал другого. И особенно трудно это было для Пэтси, которая дольше прожила со своим даром.

Я больше не мог этого выносить.

— Мы можем и поговорить, — сказал я и поставил три чашки на почерневший поднос.

Они замерли на стульях и сделали вид, что рассматривают поцарапанную поверхность деревянного стола.

Я поставил перед ними кофе. Табби пробормотал благодарность, а Пэтси ограничилась кивком.

— Вы оба знаете, что вы представляете собой, — сказал я, — и если вы не хотите говорить об этом при мне, ладно. Тем не менее я кое-что об этом знаю, по крайней мере достаточно, чтобы узнать это, когда вижу. — Табби живо поглядел на меня, а Пэтси сидела, уперев глаза в чашку. — И я знал вашу бабушку, Пэтси. Я помню,

какая она была и что могла делать, хоть девяносто процентов жителей города думали, что она просто красивая женщина, хоть и со странностями.

Пэтси глянула на меня.

— Она была привлекательной? Я никогда не видела ее до того, как она... раньше...

— Такая же привлекательная, как и вы, — сказал я. — И она решила удалиться от мира, можно и так это выразить. Никто не отсылал ее насильно. Она хотела быть там — я думаю, что во внешнем мире она видела слишком много зла и больше не могла выносить его.

— Зло, да... — сказала Пэтси, впервые расслабившись. — Боюсь, и я уже встречалась с таким злом.

Она бросила вопросительный взгляд на мальчика, молчаливо и застенчиво задавая вопрос. Я думаю, что впервые за много лет она подумала, что ее дар может быть кем-то разделен, что в нем есть не только ужас, но и что-то хорошее.

Табби сказал:

— Я тоже что-то видел. Даже когда был маленьким. Один раз. Или два. Я не помню.

— А может, три, — сказал я. — Не забудь про меня и Бейтса Крелла в лодке.

Табби глотнул, а Пэтси глядела на него так, точно он собирался шагнуть в пламя.

— Ну и что вы видели? — спросил я ее.

Она, пораженная, подняла голову.

— Вы говорите, что знали мою бабушку. Что *она* видела?

— Она знала, когда люди должны умереть, — сказал я невыразительно. — Во всяком случае, я так понял.

— Я хочу домой, — сказал Табби.

— Ты тоже видел, когда люди должны умереть? — прошептала ему Пэтси.

— Что вы имеете в виду? Я один раз увидел, как парня зарезали в баре, где работал мой отец.

Значит, его отец был буфетчиком. Монти, должно быть, с ума сходил от ярости, подумал я.

— Но ведь ты знаешь, что я имел в виду, Табби. Ты видел что-нибудь до того, как это происходило?

Он неохотно кивнул.

— Ну ладно, если вам нужно знать. Я видел кое-что, когда мне почти исполнилось пять. Это была женщина, эта миссис Фрайдгуд, ее убивали.

— Ты видел, кто это сделал? — спросил я, пытаясь оставаться спокойным. Я устал, как собака, а грудь болела — я начинал понимать, сколько всего непредставимого нам еще предстоит.

— Вроде бы.

Я продолжал глядеть на него, и он уткнулся в чашку.

— Это было давно. — Он глянул на меня с задором пятнадцатилетнего. — А что вы вообще об этом знаете?

На секунду я подумал, что он вот-вот заплачет. Должно быть, он вновь вернулся в тот миг, когда он был с отцом и дедом в аэропорту, но он не хотел показывать нам свою слабость. Я вновь почувствовал его сопротивление.

— Это все здорово неприятно. Вы что думаете, это забавно, если у вас в голове что-то вроде этого?

Пэтси сопровождала это выступление короткими кивками.

Миссис Фрайдгуд, возможно, сказала бы, что она знает и кое-что похуже, чуть не сказал я, но не сказал. Атмосфера в комнате была необычной. Наконец-то Пэтси и Табби объединились, пусть даже и против меня. Они нашли друг друга и должны были признать друг перед другом этот факт.

— Он прав, — сказала Пэтси и потянулась через стол, чтобы взять Табби за руку.

— До известных пределов.

— Что вы об этом знаете? Вы знаете, что значит чувствовать все это — так и с ума можно сойти.

— Примерно то же я чувствовал, когда в первый раз увидел Бейтса Крелла, — сказал я. — И когда вышел во двор загородного клуба с женой Джона Сэйра и увидел, что Джон лежит в траве мертвый, а в руке у него пистолет. — Они сидели передо мной такие красивые, такие беззащитные, что я чуть не заплакал. — Я расскажу вам об этом, потому что должен это сделать. Есть вещи, которые вам нужно знать.

— Зачем? — спросил Табби. Поддержка Пэтси здорово придала ему нахальства.

— Зачем? — мягко откликнулся я. — Во-первых, потому что Джонни Сэйр был достойным и храбрым человеком. И его дух заслужил, чтобы вы знали то, что, как я думаю, было настоящей причиной его самоубийства. А, во-вторых, потому, что мы трое связаны вместе. Связаны историческими событиями, о которых я немного знаю, по крайней мере о тех, которые происходили в этом уголке мира. — Я улыбнулся им. — Я мог бы рассказать вам об этом, но я лучше покажу вам.

— Покажете?

— Как насчет короткой прогулки? И вы тоже, Пэтси? Это отнимет всего пять минут, даже для меня.

— Я не пойду в тот дом, — сказал Табби. Он заморгал, когда понял, что я не понимаю, о чем он говорит. — Я имею в виду дом Фрайдгудов.

— Нет. — Я понял. Ведь он уже видел его. В день убийства? Само убийство? Я начал бояться за него, да и за Пэтси тоже и за себя. Я верил ему, но нет гарантии, что он поверит той безумной истории, которую я собираюсь ему рассказать, тем более что весь мой рассказ был основан в основном на догадках и разрозненных фактах. — Вы когда-нибудь слышали о Драконе?

На меня уставились два непонимающих взгляда.

— И, я полагаю, ты не знал, что тебя не всегда звали Смит-филд, — сказал я Табби.

Он покачал головой: он уже мне не верил.

— Я только возьму фонарь, — сказал я.

3

Англичане называют фонарь «факелом». Это мне напомнил Ричард Альби, когда просматривал эти страницы, и мой фонарь был действительно похож на факел, когда мы спустились по Бич-трэйл на Маунт-авеню в середине ночи. Я думал о тех, настоящих факелах, которые покачивались над дорогой, но те двое — нет. Они нетерпеливо шли впереди, пытаясь поторопить меня и мечтая поскорее оказаться дома.

На углу мы услышали, как шумит море, как бьется оно о частные пляжи на Грейвсенд-бич. Несколько тусклых фонарей светило в тумане, освещая прилегающий к морю участок Маунт-авеню. Внизу, там где размещался дом Ван Хорна, стояло одинокое дерево — из тьмы был выхвачен лишь кусочек ствола, а круглая крона терялась в черном небе.

— Еще немножко спустимся? — спросил я.

Я даже почувствовал себя моложе — грудь перестала болеть, а спина выпрямилась, словно для того, чтобы напомнить, что это значит — быть молодым. Но я нуждался в большем, если все, о чем я думал, было правдой.

— У Дракона было имя, — сказал я, стараясь говорить бесстрастно, и повел их вдоль высокой ограды по направлению к Академии.

Среди зеленой поросли мой «факел» нашел бронзовую табличку в граните. «Бич-трэйл» — гласила первая строчка.

— Пять или шесть лет назад Историческое общество установило тут эту штуку, — сказал я. — Никто даже не останавливается, чтобы прочесть ее, разумеется. Ничего страшного, поскольку здесь всего десятая часть того, что происходило на самом деле. Но поглядите на имена. Прочтите их вслух.

Пэтси про себя прочитала список имен первых поселенцев этого края, и, когда она дошла до списка фермеров, перечислила их вслух: Эбенизер Вильямс, Джозия Грин и Бенджамин Тейлор.

— Верно, — сказал я. — Вы — Тейлор. Я — Вильямс. А Табби — это Смит. Они поменяли имя где-то в 1880-м, когда Смит скупил здесь всю землю, — он думал, что Смитфилд звучит лучше, я полагаю. Его внук тут все продал во время Гражданской войны, а потом ее скупили вандербильцы и построили то здание, в котором теперь Академия. Но имя осталось.

— Ну и что?

— Ну, во-первых, мы — последние из всех этих семейств. Это важно. Я думаю, что какой-нибудь потомок Гринов тоже должен быть тут, в городе.

— Да, он тут, — сказала Пэтси. — Сегодня вечером я обедала с ним и его женой. Ричард Альби. Он купил дом напротив вашего.

— У него есть дети?

— Его жена беременна, — сказала Пэтси.

Это были те люди, которых я видел на въезде к дому Сэйра.

— Но тут есть и другое имя, — сказал Табби, наклонившись, чтобы прочесть затененную надпись. — Это...

— Это Дракон, — сказал я, — так они его называли.

Табби прочел вслух:

— В 1645 году к этим четырем фермерам присоединился пятый по имени Гидеон Винтер.

— Не знаю, называли ли они его так потому, что о чем-то догадывались, — сказал я. — Но, даже если это и было непредумышленно, Гидеон Винтер все же был человеком — во всяком случае, тем, что под этим понимают. Он был рожден, как и остальные, разве что более честолюбивым. Или просто жадным. Ну, может, не «просто». Может, с ним ничего не было «просто».

А темнота вокруг освещенной фонариком надписи отчаянно напоминала мне о том, чего я не знаю и никогда не узнаю насчет Гидеона Винтера, и я включил дополнительную подсветку. По другую сторону домов шумело, ударяясь об утесы, море.

— Через два года после того, как там поселился Гидеон Винтер, — рассказывал я им, — случился неурожай. Поскольку не сохранилось записей о том, сколько было продано скота, я думаю,

что практически весь скот погиб. — Я видел Пэтси и Табби, они были смутно освещенными силуэтами на фоне Грейвсенд-бич. Был туман и ночь была очень холодной. Они все еще не поняли. — За эти три года погибли и почти все дети. Первая церковь была построена на холме — Лесопильным холмом он назывался тогда, а теперь никак не называется, — там и были похоронены дети. Это должно быть поблизости от твоего дома — на Эрмитаж-роад. Вспомни, что в те дни были большие семьи — пять-восемь детей в семье считалось обычным явлением. А в 1648-м нашим семьям повезло, если у них остались один-два ребенка. А Гидеон Винтер овладел почти всем Гринбанком. У него не было детей, по крайней мере, законных. Так что Винтер овладел почти всеми землями. И они назвали его Драконом. Я могу показать, это записано в книгах. — Я вновь почувствовал себя очень усталым: мое недолгое омоложение закончилось. Я тяжело дышал, и мне хотелось присесть.

— Что случилось с Гидеоном Винтером? — спросила Пэтси.

— Думаю, они в конце концов убили его, — сказал я. — Решили, что это был Дьявол в образе человека, и убили.

Мне так хотелось присесть, а еще лучше — улечься в постель. Двадцать пять лет назад я бы вытащил из кармана фляжку и глотнул бы хорошего коньяку.

— Но это не было преступление, это был самосуд разъяренных, необразованных фермеров. Настоящее преступление — это то, что сделала с ними их жертва.

— Но как он мог это сделать — чтобы умерли растения и животные? И дети? — спросил Табби. Он не выглядел потрясенным, но в его голосе я услышал заинтересованность, которая подсказывала, что он готов мне поверить.

— Надеюсь, мы никогда не узнаем, — ответил я. — Я и не думаю, что сможем. Мы — люди двадцатого столетия. А они — люди семнадцатого столетия и жили они на краю бесконечного леса. Они верили в магию, и в ведьм, и в демонов.

Я секунду помолчал — пусть они решат сами, во что верить.

— Но вот один факт для вас. Пэтси, вы с мужем давно сюда переехали? Восемь-девять месяцев назад?

Она кивнула.

— А твой дедушка, Табби, умер три месяца назад. Так что ты живешь в «Четырех сердцах» около двух недель?

Он тоже кивнул.

— А сын Мэри Грин вернулся в Хэмпстед лишь несколько дней назад. Вильямс, Тейлор, Грин. Их потомки не собирались здесь со времен второй мировой войны. Тейлоры жили в Нью-Йорке. Дедуш-

ка Табби тоже жил в Нью-Йорке, пока заводы Смитфилда не переместились в Вудвилл в 1950-м. Ни один из членов семейства Гринов не жил здесь с 1944 или 45 года, когда Мэри уехала в Калифорнию. Вильямс, Смит, Тейлор, Грин. Мы вернулись. Это место наше, понимаете? *Это* и есть магия, если хотите.

— Так вы говорите, что раз мы вернулись... — начала Пэтси.

— Да. Раз мы вернулись, может быть, он вернулся тоже. Потому что это не просто мы с вами вернулись, возвращаются *силы*, если вы понимаете, что я имею в виду.

Табби сказал:

— Паршиво.

— Я на твоей стороне, парень, — сказал я. — Прикрою тебя с фланга. Когда я впервые увидел Бейтса Крелла, со мной случилась чертовски забавная штука. Я подумал, что гляжу на Дьявола, а ведь я — атеист. Я всегда полагал, что политики могут устроить гораздо более увлекательный ад, чем теологи.

Мы возвращались по Бич-трэйл в темноте. Я так и не включил вновь свой фонарь. Было паршиво, как сказал Табби, но когда на Маунт-авеню сквозь густую листву просачивался свет фонарей, я почти чувствовал себя в том мире, который пытался воскресить для них, — мир, в котором бедные фермеры жили на границе глухого бесконечного леса. Пэтси и Табби искоса разглядывали друг друга, а вокруг нас медленно смыкались тяжелые черные крылья.

Это была ночь, когда близнецы Норманы встретили Гарри Старбека на стоянке машин у Поуст-роад и начали планировать свое большое приключение, а за три ночи до этого хэмпстедский полицейский по имени Ройс Гриффен застрелился в своем автомобиле.

Мы остановились перед моим домом. Я вздохнул, поскольку выполнить то, что было на меня возложено, казалось невозможным.

— Мы еще увидимся? Обговорите это, как считаете нужным, но мне кажется, нам просто необходимо вновь увидеть друг друга. Табби, может, ты сможешь ввести в курс всего этого Ричарда Альби? Может, это поможет и тебя убедить во всем, это все равно, что... — Я кивнул Пэтси. — Мы увидимся снова?

Он неохотно согласился. И мы пошли каждый к своему дому сквозь сгустившуюся тьму.

4

Ну, и если вы подумаете об этом, — что я *мог* им сказать? Что создание, которое убивало животных и детей три столетия назад, теперь убивает женщин в нашем уголке Коннектикута? И что то же

самое создание ловило омаров в 1924-м, когда я поглядел на него с Рекс-роад и чуть не упал в обморок, потому что лик, который я узрел, был ликом зла? И что кто-то, кого мы, может быть, знаем, теперь свободно разгуливает по Хэмпстеду, скрывая под знакомой маской то же чудовищное обличье?

«Дайте мне передохнуть» — так мог сказать бы Табби, и я не обвиняю его за это. Особенно после того, как я сказал ему и Пэтси, что все мы — и Ричард Альби тоже, возможно, лишь увеличиваем силы зла, собравшись вместе в Гринбанке. И то, что Гидеон Винтер был лишь частью того безумия, которое надвигалось на всех. «Проснись, — вот что я должен был сказать тогда, — проснись, засоня, — но тогда я еще этого не знал».

VII ДРАКОН И ЗЕРКАЛО

1

Вскоре после того, как Грем Вильямс наконец-то высказал свои соображения Пэтси Макклауд и Табби Смитфилду, примерно в то же время, когда доктор Ван Хорн копался в антикварном магазине округа Патчин, подбирая зеркало нужного размера, чтобы повесить его на стене, которую он для этого расчистил, — Пэт Доббин наконец решился пойти к врачу, потому что у него на плечах, груди и руках появились белые пятнышки. Это был вторник, 3 июня. Доббин все еще не мог поверить, что пятнышки означают нечто по-настоящему серьезное. Он, разумеется, и не воображал, что это какой-то тип заболевания. Он пошел к доктору просто потому, что не хотел, чтобы эти белые пятнышки проступили у него и на лице.

В этом отношении врач Доббина не слишком обнадежил его. Он не дал никакого тюбика с мазью и не сказал «протирайте эти места дважды в день и все пройдет». Вместо этого он очень тщательно исследовал пятнышки и задал кучу вопросов о том, как они возникли да как быстро распространяются. Он полез в справочник кожных заболеваний и не нашел там ничего подобного. Он делал все — разве что в затылке не чесал. И вместо мази он выдал направление в Йельский медицинский центр в Новой Гавани.

Доббин отправился в медицинский центр двумя днями позже, все еще думая, что его дорогостоящий доктор пропустил какое-то простое объяснение. Ставя свою машину на стоянку, шагая по обширным современным коридорам центра, он все еще чувствовал себя здоровым, жизнерадостным человеком. Он знал, что на три дня его тут задержат, но рассматривал это как род увлекательного отдыха — он привез с собой карандаши и блокнот для зарисовок, надеясь немного здесь поработать.

В первое же утро у него забрали всю одежду и мыли, скребли, кололи, царапали, проводя серию проб на аллергию; его отправили на рентген и прицепили кучей проволоочек к каким-то аппаратам, из которых он узнал лишь несколько. Доктора заходили в комнату в таком количестве, что он не успевал запомнить их имена. Казалось, что они получают наслаждение от состояния его кожи гораздо больше, чем он сам. Один из врачей сказал, что каждый кусочек съеденной им пищи взвешен и обмерян, а другой, который выглядел так, словно только-только вышел из колледжа, сказал, что он будет исследовать его выделения, и не велел пользоваться туалетом в

палате. Белое вещество, покрывавшее его руки, соскреб какой-то тип в бутылочных темных очках и с волосами до плеч, перевязанными ленточкой.

На второй день пребывания в больнице Доббин больше не чувствовал себя здоровым. Он узнал, что у него неявно выраженная аллергия на некоторые сорта пыльцы, некоторые сорта трубочного табака, кошачью шерсть и крахмал. Даже та кожа, которая не была поражена сыпью, воспалилась и покрылась синяками от всех этих процедур. У него было высокое давление и высокий уровень холестерина, пониженное количество эритроцитов и истощение запасов витамина B12. Один из позвонков в нижней части спины был расположен слишком близко к другому позвонку, так что ему обещали проблемы с радикулитом, у него был вялый синусит и небольшой шум в сердце. Печень у него также была не в порядке. В довершение всего, врач сказал ему, что в ближайшие пять лет у него скорее всего образуются камни в мочевом пузыре.

Врачи любили его за карикатуры и медсестры — тоже. Он настолько врос в обстановку, что весь день смотрел телевизор. Он ел и пил все, что они ему давали, и пользовался уткой.

Он ответил на сотни миллионов вопросов насчет образа жизни и привычек. Он перечислил все места, где побывал за последнее десятилетие, всех своих живущих родственников, все, что он пил, всех своих сексуальных партнеров. Он боялся, что ответы на последний вопрос слегка встряхнут госпиталь — Новая Гавань была не так уж далеко от Хэмпстеда.

На пятый день Доббин заметил появление сыпи на лице: крохотную белую точку в углу рта.

На шестой и предпоследний день старший врач зашел в его палату и сел в кресло у постели. К этому времени Доббин, разумеется, уже знал его имя. Доктор Чейни. Он нарисовал полдюжины очень забавных карикатур на него — лицо у врача было худым и длинным, а шея тонкой, как у жирафа. Чейни чуть рассеянно улыбнулся Доббину и нащупал его пульс.

— Мы очень внимательно исследовали образцы вашей кожи, мистер Доббин, — сказал он.

— Очень мило с вашей стороны, — ответил Доббин.

Чейни опустил его руку и поглядел на часы.

— Все это оказалось для нас слегка неожиданным. Жидкость, заполняющая изъязвления, содержит меланин, сыворотку крови, клетки крови, характерное вещество нервных окончаний, клетки эпителия — в общем все, что может быть обнаружено в ткани эпидермиса и собственно кожи.

— Значит, это кожа, — сказал Доббин, поскольку узнал эти термины.

— Совершенно верно.

— Это белое вещество — кожа.

— Опять верно.

— Ну... — Доббин грациозно откинулся на свои взбитые подушки. — Я не могу понять в чем дело. Что это значит?

— То, что ваша кожа в некотором смысле становится коллоидным раствором, а не связанным веществом. А функция кожи как раз соединительная — за счет взаимопроникающих волокон, — и доктор Чейни сцепил пальцы рук, чтобы показать это на примере. — Не многие думают подобным образом, но ведь кожа — такой же орган, как, например, сердце или печень. В вашем случае этот орган неожиданно начал терять свою твердую структуру. — Он вновь улыбнулся. — Вы — довольно редкая птичка, мистер Доббин. Ваша кожа разжижается.

Доббин не мог выговорить ни слова.

— Ну по расписанию вы должны завтра вернуться домой. И я думаю, что мы можем придерживаться этого расписания. Я бы хотел, чтобы через недельку вы вновь поехали к нам.

Доббин перебил его.

— Вы имеете в виду, что у меня нет никакой аллергии? Ни венерического заболевания, ни рака, ни даже свинки или бородавок? Так что же ваши парни собираются делать, пока я еще не превратился в развалину?

— Ну, во-первых, у вас есть кое-какая аллергия, — сказал доктор. — Но к вашей коже это отношения не имеет. Это может быть вызвано лишь реакцией на какое-то внешнее воздействие — вроде инфекции, но в вашем случае нет ни вирусного, ни бактериального заражения. Мы собираемся и дальше брать кое-какие образцы вашей кожи, как с поврежденных, так с неповрежденных участков, и мы постараемся подключить все наши компьютеры. Мы найдем что-нибудь, мистер Доббин.

— Вы хотите сказать: надеетесь, что найдете.

— Наши компьютеры могут анализировать данные быстрее, чем комнаты, набитые сотрудниками, работающими по двадцать четыре часа в сутки. Мы выясним — какой именно тип раздражителя может вызвать подобную реакцию. И после этого, возможно, придется сделать небольшую пересадку кожи.

— Господи!

— Вот об этом незачем беспокоиться, — сказал Чейни. — Давайте предоставим все компьютерам, а?

— У меня что, есть выбор?

И Доббин провел еще один день, смотря телеигры, мыльные оперы и дурацкие телефильмы. Его разум, защищаясь, продирался сквозь джунгли коммерческой рекламы джинсов и зубной пасты. Он съел еще три раза больничную пищу и уснул при помощи мощного транквилизатора. Больше доктор Чейни не появился, но молодой доктор с конским хвостиком пришел с еще одним шприцем в руке, срезал кусочек кожи длиной в сантиметр и наложил на рану плотную повязку.

Больница вернула ему одежду, ключ от машины и деньги и выдала ему приглашение на повторное обследование. В полудреме он поехал по шоссе I-95 обратно в Хэмпстед. Это был день третьего убийства, хотя ни Доббин, да и никто другой в Хэмпстеде не знали, что оно произошло, еще целых два дня.

Когда он свернул к дому, тот показался меньшим, чем Доббин его помнил. Почтовый ящик был забит счетами, журналами и рекламными проспектами.

Доббин отметил дату возвращения в медицинский центр в своем календаре. Он отправился в свою студию и полил цветы. Потом он уселся за чертежный стол, проглядел уже сделанные рисунки, уничтожил половину и начал снова. На этот раз Черный Бальдур, злой волшебник из сказочных историй, был похож на доктора Чейни.

2

Пока Пэт Доббин в Новой Гавани ожидал, что ему скажут, что он подхватил какой-то супергерпес (это было его последнее предположение касательно происхождения язвочек), Хэмпстед мучился от внезапной эпидемии гриппа. В первую неделю мая всегда стояли холода из-за резкой перемены погоды, но грипп был зимней болезнью, и уж тем более нечего ему было делать в первую неделю июня.

Например, это была последняя учебная неделя в милловском колледже и учителя с ног сбивались из-за всяких годовичных отчетов и экзаменационных бланков. Предполагалось, что студенты должны готовиться к последним экзаменам. Но директор и еще четверо преподавателей валялись в постели и делать ничего не могли. В классе Табби было особенно большое число больных — сорок из ста пяти второкурсников по меньшей мере три дня не были в школе.

Грем Вильямс передвигался эти три дня, когда это приходилось делать, — от кровати до туалета и обратно — он был слишком болен,

чтобы обдумывать те проблемы, о которых он рассказывал Пэтси Макклауд и Табби Смитфилду.

Лес Макклауд почувствовал, что у него заболел живот как раз тогда, когда он ехал домой после посещения полицейского участка. Он предъявил разрешение и выслушал целую лекцию от Бобо Фарнswortha. Его скрутило, лоб покрылся потом, и он остановил машину на обочине Гринбанк-роад как раз вовремя, чтобы вырвать в грядку дикого цикория. Он вытирал рот, когда кишки его словно полыхнули огнем. Он лежал в сорняках и очищал штаны. Благодарение Богу, что это не случилось в его нью-йоркской конторе. Он расстегнул ремень, стащил брюки и на виду у многочисленных машин, проезжающих по I-95, торопливо снял свои боксерские трусы и отшвырнул их в сторону. Потом его желудок вновь сократился и выкинул из себя очередную порцию. Он чувствовал себя, точно Иов. Сидя на корточках, он ждал очередного взрыва, что и произошло. Он вытерся сорняками, натянул штаны и побрел к машине. Остаток пути к дому он ехал очень медленно. И как только добрался до двери, начал звать Пэтси.

В конторе Гринблата только две девушки сидели за столиками в первую неделю июня. А в полицейском участке за всех отдувался Бобо Фарнsworth — он никогда не болел и ему приходилось дежурить по двенадцать часов и восемь — на отдых. И когда Ронни наконец выбралась из постели, она приготовила ему любимый обед в восемь утра — цыпленка по-южному с хрустящим картофелем.

— На что эти дни были похожи? — спросила она. Сама Ронни не могла есть цыпленка, потому что от запаха жареного масла ее выворачивало.

— На больницу, — ответил Бобо. — Надеюсь, что и убийца тоже подхватил понос, черт бы его побрал.

Хэмпстедские врачи видели, что в приемных толпятся люди, помочь которым они были не в состоянии. «Это новый штамм, — говорили они жертвам. — Тут нет никаких магических пилюль, просто пейте побольше жидкости и оставайтесь в постели».

Жертвы говорили друг другу: «Паршиво, но от этого не умирают». Это было неправдой, умирать никто не хотел, но некоторые умерли, все — мужчины за шестьдесят. Грему Вильямсу повезло, и он выжил. Гарри Зиммель отправился за своей Барб на хэмпстедское кладбище, лишь на три недели пережив ее. Он почувствовал, как у него зачесалось горло, когда он рыбачил в понедельник утром, и подумал, что подхватил простуду, но днем нос заложило, а голова раскалывалась от боли. Он вызвал раздражение шикарной нью-йоркской красотки в очках тем, что чихнул прямо ей в лицо в

супермаркете Хэмпстеда, тщетно роаясь в карманах в поисках платка. На следующий день, пытаясь подняться с постели, он чуть не упал в обморок. В холодильнике было полно мороженой рыбы, но он был слишком слаб, чтобы встать и приготовить ее. Единственной пищей его целые сутки был бурбон, арахисовое масло и пожелтевший салат, который он нашел на нижней полке холодильника. У него была кварта молока, но оно скисло, потому что со смертью Барб экономка совсем распустилась. Он дважды пытался вызвать врача, и оба раза линия оказалась занятой.

Он умер в постели на пятый день болезни, и внук Гарри нашел его на следующий день.

Четверо из пяти умерших стариков были членами Общества ветеранов второй мировой войны, а двое — выпускники колледжа Милла за 1921 год, а это означало, что Грем Вильямс остался единственным выжившим выпускником этого класса.

— Я — ходячий памятник своему поколению, — несколько месяцев спустя сказал он Табби. Пятый погибший — доктор Гарольд Рубин — был нью-йоркским психиатром, который приезжал в Хэмпстед каждое лето и снимал дом в тихом квартале, куда не допускались автомобили. Д-р Рубин подхватил простуду на второй день своего пребывания в Хэмпстеде, однако все равно вышел в море на своей яхте и через пару часов подумал, что его укачало. Его великолепный завтрак в загородном клубе канул за борт. Он так и не пошел на вечеринку, которую давал его сосед доктор Гарви Бло, и не вернулся в Нью-Йорк, потому что у него не было сил дойти до парковочной стоянки, расположенной за милю от его дома. Он умер на полу в ванной на следующий день, и его труп был обнаружен только в сентябре. К тому времени все его соседи тоже были мертвы, хотя и не от гриппа.

Еще одна — и последняя — смерть за эти десять дней выпала на долю семидесятилетней женщины, которая умерла от сердечного приступа во время завтрака на террасе французского ресторана, выходящего на Мэйн-стрит. В отличие от доктора Рубина, она умерла на виду у пятнадцати или двадцати человек, среди которых были Табби Смитфилд и Пэтси Макклауд.

Десять или пятнадцать дней хэмпстедские врачи выбивались из сил. Грипп, который начался как местный и случайный, распространился со страшной быстротой. Именно поэтому никто не обращал внимания на людей, у которых на руках и ногах появились белые пятнышки, да они и сами не придавали этому особого значения. Спустя месяц после первой вспышки болезнь продолжалась, хотя и с меньшей интенсивностью, и врачи не слишком были встревожены,

если пациенты, у которых на руках были мелкие белые пятна, при последующих посещениях приобретали их все больше. Вообще-то они просто не обращали на это внимания, пока еще один врач не послал своего пациента в Йельский медицинский центр, где тут же вспомнили о Пэте Доббине, который к середине июня находился под внимательным наблюдением. Вскоре после того, как в центр попал уже третий пациент, доктор Чейни поместил статью в «Ланцете», британском медицинском журнале, с описанием заболевания, которое он назвал «синдромом Доббина». Уже в сентябре д-р Чейни мог бы поместить в «Ланцете» примечания, касающиеся событий 17 мая и воздействия ДРК-16 на граждан Хэмпстеда. Он высказал предположение, что пропавший исследователь Томас Гай был, скорее всего, первой жертвой синдрома, но поскольку Патрик Доббин был первым, кто попал в поле зрения медиков, и поскольку его имя легко запоминалось («Ярмарка тщеславия»), решено было сохранить первоначальное наименование синдрома.

Возможно, доктор Чейни и заслужил то, что его пациент сотворил с ним, иллюстрируя книжку.

3

Во вторник утром, когда Доббин впервые отправился на прием к врачу, Табби Смитфилд сидел на кухне с отцом и поедал пирожное, которое испекла Шерри.

— Давай-ка, садись и ты поешь, — сказал Кларк. — А то ты ведешь себя так, словно ты тут кухарка.

Шерри уселась на стул и сказала:

— Почему бы мне так не вести себя — ты ведь именно так ко мне относишься?

Кларк вспыхнул и зачерпнул кусочком печенья кленовый сироп:

— Ведь это наш дом, — начал он снова, — и я хочу, чтобы ты поела с нами, а не сидела вот так.

— Давай, па, — сказал Табби.

— Я себя плохо чувствую, — заметила Шерри, — я вообще не могу есть.

— Ты заболела? — Кларк обеспокоенно посмотрел на Шерри. Лицо ее было бледным и уставшим, глаза припухли. Под белыми прядями появились черные корни.

— Я хочу лечь. Но мне сначала нужно убрать в кухне.

— Делай так, как тебе удобней, — сказал Кларк.

Он больше не был тем стройным молодым человеком, который играл с Табби в мяч на лужайке перед домом на Маунт-авеню. Он

отяжелел, а на скулах проступила паутина кровеносных сосудов. Обиженное выражение, которое подметил Грем Вильямс, не сходило с его лица, и он уже не выглядел красавчиком. Табби, который уже закончил завтрак и ждал, чтобы поговорить с отцом, не видел в этом отяжелевшем лице ничего привлекательного.

— Почему бы тебе не отдохнуть немного, Шерри? — спросил он мамеху.

— Пусть делает, что хочет, — сказал Кларк. — А кстати, когда приходит школьный автобус?

— Через пятнадцать минут.

— Тогда почитай книжку или поделай что-нибудь. Кстати, как дела в школе, Табс?

— Неплохо.

Кларк пожал плечами.

— А как твоя работа? — спросил Табби.

— Он спрашивает, как моя работа. Да как всякая работа, вот как. Сам узнаешь.

— Ты сегодня будешь просматривать какие-то счета?

— За это мне и платят, парень.

— А какие?

Кларк бросил салфетку на стол и невыразительно поглядел на Табби.

— Хочешь знать, какие счета? Ну, во-первых, в Блумингэйле. Потом парочку в Вудвилле. Потом я отправляюсь в Маунт-Киско и Пондридж. Доволен?

— Прямого ответа он тебе не даст, — сказала Шерри. — И не стоит пытаться.

— Эй, оставьте это, а? Зачем это вам? Я хожу на работу и прихожу домой, и я уже просто вышел из того возраста, когда сдают экзамены.

— Я просто спросил, папа.

— Ладно. А я тебя спросил про школу. Какие у тебя друзья, что вы делаете по вечерам? Нет, хватит с меня того, что мне устраивал старик. Делай что хочешь, но от меня тебе чего нужно?

— Ты знал, что нас не всегда звали Смитфилдами? — спокойно спросил Табби.

— Должно быть, Моралесами, — сказал Кларк, а Шерри поднялась со стула и вышла из комнаты.

— Она плохо выглядит, — сказал Табби.

— Она терпеть не может Хэмпстед, вот от этого ей и плохо. Казалось, она должна бы радоваться живя в таком доме. Не волнуйся, Табс. С ней все будет в порядке.

— Очень надеюсь.

Отец фыркнул, вытер губы салфеткой.

— А что это за ерунда с фамилиями?

— Я слышал, раньше наша семья носила фамилию Смит. Без «филда».

— Это для меня новость. Где ты это услышал?

— Один парень в школе сказал.

— Ну, я не знаю. Не обращай внимания на то, что эти дети говорят. Просто делай свое дело, ладно?

— Ладно.

— Что-нибудь еще, Табс?

Табби покачал головой, и отец встал. Он сейчас уйдет, а когда вернется, то уже будет пьян.

— Ну, может... — начал Табби.

Отец молча ждал.

— Ничего не слышал о каком-то рыбаке, которого убили в его лодке давно, тут, в городе? Я понимаю, что это звучит по-дурацки.

— Какого черта, Табс? Иди-ка на остановку. — Кларк подхватил свой пиджак и повернулся к двери.

— Его звали Бейтс Крелл.

— Никогда о таком не слышал.

— А о фермере по имени Гидеон Винтер?

— Тут уже сотни лет никаких ферм нету, — сказал Кларк. — Шевелись, Табс. Опоздаешь.

Табби собрал свои учебники и тетради и вышел, чтобы подождать на углу. Отец проехал мимо на новом красном «Мерседесе» и помахал рукой, сворачивая на Бич-трэйл.

Когда Табби уже подъезжал к Милловскому колледжу, он через окно автобуса увидел двойняшек Норманов. Они говорили с темно-волосым мужчиной, который выглядел хотя и сильным, но не спортсменом. Они стояли напротив школьных ворот, и мужчина прислонился к боку серого фургончика.

4

— Значит, вы раздобыли еще одного парня, — сказал Гарри Старбек Брюсу и Дики. — Он знает, что ему нужно делать?

— Эй, мужик, — запрогестовал Брюс. — Мы и сами не знаем, что нам нужно делать.

— Знаете.

— Мы что, по-твоему, мысли читаем?

Старбек вздохнул.

— Послушайте, это же работа, верно? Это-то вы знаете. Вы должны пойти со мной на работенку, верно? Вы же этого хотели, а?

— Верно, — сказал Брюс.

— Так вам нужно было раздобыть этого парня.

— Ну да.

— Он здоровый?

Дик и Брюс покачали головами.

— Отлично. Ему и нужно быть мелким. Он должен быть сообразительным — вот это важно.

— Он соображает, — сказал Брюс. Табби ведь одурачил каким-то образом Бобо в воскресенье вечером. Брюс так и предполагал, но по крайней мере это свидетельствовало хоть о каком-то уме.

Старбек опять вздохнул.

— Ладно. — Он скрестил на груди руки, и мышцы вздулись. — Вы знаете дом над тем маленьким пляжем? Докторский дом?

Двойняшки кивнули.

— Ван Хорна, — сказал Дик.

— Верно. Мы пойдем туда в ночь на следующее воскресенье. Там нет сигнализации. И полно барахла. Я даже знаю парня, который согласен купить его пианино. Вы, парни, по-моему, можете поднять пианино. Я вам отвалю по пятьсот баксов, как? И разойдемся. После воскресенья вы никогда обо мне больше не услышите. Получите вашу штуку и помалкивайте.

— Мы что, все туда пойдем? — спросил Дики.

— Нет, я один, а вы будете плясать на лужайке. Что вы тут дурака ваяете? Конечно, все пойдем.

— А как насчет Табби?

— Того парня? Он будет на стреме. Посидит в грузовичке с передатчиком. Если увидит копов, скажет. Получит от меня пятьдесят баксов и от вас — если захотите.

— Так мы получаем по пятьсот, — сказал Брюс.

— Это ваша доля.

Дик и Брюс переглянулись.

— Мы дадим ему по пятьдесят каждый, — сказал Брюс.

— Уж, конечно, дадите, — сказал Гарри Старбек. — Так что встречаемся у парковки ресторана «Дары моря» в одиннадцать. Хозяин стар, так что он в девять уже в кровати.

— Почему бы все это не проделать в будний день? — спросил Брюс. — Этого я не секу. Он ведь врач, его весь день не бывает дома.

— У него экономка и кухарка, вот почему, — ответил Гарри. — Экономка уже старуха, а кухарка каждый день приезжает из

Бриджпорта. Одиннадцать — как раз то, что надо. Мы можем сделать это и позже, но зачем тратить понапрасну целую ночь?

— Еще одно, — сказал Брюс. — У тебя пушка, верно? Когда мы войдем, она будет при тебе?

— Об этом забудь, — сказал Гарри. — Я никогда еще ею не пользовался. Я работаю чисто, как мой папа меня учил.

5

Доктор Рен Ван Хорн выглядел гораздо моложе своих лет. Так ему говорили его ассистент, его коллеги по хэмпстедской клинике (где он иногда консультировал) и даже его пациентки. Хильда Дю Плесси, которая была пациенткой Рена Ван Хорна на протяжении сорока лет и все эти сорок лет его обожала, нашла еще кое-что достойное восхищения во время своего последнего визита к доктору.

— Вы становитесь моложе! — ахнула она. — Доктор, но ведь это правда! Вы помолодели на целых десять лет.

— Ну еще год-два, и я буду выглядеть так же чудно, как и вы, Хильда, — польстил Ван Хорн старушке, которая полчаса спустя, загоняя свой древний «Бентли» на стоянку между рекой и Мэйн-стрит, все еще продолжала думать о нем. Конечно, эта влюбленность была традиционной — каждая пожилая вдова без ума от своего доктора, но в общем она была права — доктор Рен Ван Хорн не просто выглядел лучше, чем обычно, он выглядел моложе. Глаза его смотрели яснее, спина выпрямилась. Даже морщины под глазами почти исчезли. Даже волосы его, казалось, были пышнее, чем раньше.

— Наверное, он пользуется феном, — сказала себе Хильда. — Он начал пользоваться феном, давно пора бы. Я ему могла давно посоветовать это, но он же никогда меня не слушает.

Хильда Дю Плесси миновала книжный магазин Вальдена, потому что она никогда в нем ничего не покупала. — Ада Хофф в магазине «Книги и журналы», выше по Мэйн-стрит, всегда подбирала для нее что-нибудь хорошенькое. Ада Хофф была настоящей начитанной женщиной, полагала Хильда, не чета тем молодым людям, которые работают в этих огромных книжных магазинах. Ада Хофф знала своих покупателей по имени и понимала, что у некоторых могут быть свои, особые пристрастия, и Хильду всегда ждала аккуратная стопочка книжек рядом с кассой.

Раз в месяц, когда Хильда выезжала из Старого Сарума на очередной медицинский осмотр, она позволяла себе сделать мелкие покупки.

Она отворила дверь желтого здания в колониальном стиле наверху Мэйн-стрит, где располагался книжный магазин, и прошла мимо кассы и вывешенного списка бестселлеров, даже не взглянув на него. Ада Хофф стояла за стойкой и сморкалась в платок нежно-желтого цвета, такого же, как и сам дом, — это был ее любимый цвет.

— С вами все в порядке, Ада? — спросила Хильда.

— Паршивая простуда, — сказала Ада. Она была крупной, круглолицей женщиной, всего на несколько лет моложе самой Хильды. Обычно Ада всегда носила голубой блейзер и голубую юбку, как, например, сегодня. Волосы ее были абсолютно черными — и явно крашенными. — Мы все ее подхватили. Спенс и Том даже не вышли сегодня на работу.

Спенс и Том, два холостяка, живших вместе, были помощниками Ады. Спенс паковал и распаковывал книжки, а Том помогал Аде за прилавком. Хильда полагала их отличной компанией и могла часами болтать с любым из них. Новость, что их сегодня нет, ее слегка расстроила — Ада была слишком деловой женщиной, чтобы сплетничать.

— О, какой позор, — сказала Хильда, — не беспокойтесь из-за меня, Ада. Я и сама только что от врача.

— Кстати, у меня кое-что есть для вас, — сказала Ада и порылась под прилавком, после чего положила перед Хильдой две книги в твердой обложке и три — в бумажных переплетах. В твердой обложке были «Дилемма медсестры Томпсон» Джаннет Рэндолл Минор и «Герой в белом» Кэрри Энгельбарт Хоскинс; в бумажных — «Любовь в больничной палате», «Доктор Бартоломью и Доктор Дайр» и «Доктор Пичтри делает выбор» — все три были написаны Флоренс М. Хобарт. С минуту Хильда с молчаливым наслаждением озидала это великолепие. Она обожала больничные романы. А новый роман Дж.Р.Минор и целых три переиздания Ф.М.Хобарт — это же просто чудо какое-то. Легкая вспышка разочарования по поводу отсутствия Спенса и Тома растворилась в этом полном счастье.

— В списке есть еще пять или шесть вещей этой Хобарт, — сказала Ада. — Некоторые издаются впервые, а некоторые — переиздания. Как только удастся их получить, я отложу их для вас.

— О, Боже, спасибо, но и это замечательно, — с чувством сказала Хильда. — Я возьму все, разумеется. Заверните их, пожалуйста. Я даже не знаю, с какого я начну.

Хильда подписала счет и вышла из магазина. Она спускалась по главной улице, все еще светясь от удовольствия. Она услышала, как на одном из карликовых деревьев, высаженных в дубовых бочках по сторонам улицы, свистнул зяблик и просвистела что-то ему в

ответ. Тяжелая сумка в ее руке казалась полной сокровищ — она скоро будет рассматривать их, взвешивать и перекладывать. Хильда пересекла улицу, миновала редакцию «Хэмпстедской газеты» и поднялась по ступенькам французского рестораника.

Здесь, однако, ежемесячный ритуал посещения тоже пошел наперекосяк. За стойкой, где размещались телефон и книга заказов, не было метрдотеля. Хильда взглядела внутрь помещения. В главном зале были заняты всего два столика. За столиком для двоих сидела пара — мужчина и женщина, а в центре комнаты — группа из четырех человек. Мужчина и женщина были явно пьяны. Еще одна фальшивая нота. Три официанта в темно-голубых фраках и черных галстуках бабочкой сгруппировались вокруг служебного столика в глубине помещения. Хильда ждала, чтобы появился метрдотель. Один из официантов поглядел на нее, потом кашлянул в кулак. Хильда поставила сумку с покупками на пол у стойки и демонстративно кинула взгляд на книгу заказов. Там было записано ее имя, хотя и не совсем верно: Диплесси. Она громко и отчетливо сказала: «Э!» Один из официантов подобрал меню и направился к ней через зал.

— А где сегодня Франсуа? — спросила Хильда.

— Он болеет, — сказал юноша.

— Я дю Плесси, вы меня неправильно записали в книгу заказов. Не проведете ли вы меня к моему обычному столику?

Юноша в голубом фраке непонимающе поглядел на Хильду.

— Снаружи. На углу террасы. На балконе, если говорить точно. Но вы почему-то называете его террасой. Там я обычно сижу.

— Сюда, мадам, — сказал юноша, которого решительный тон Хильды привел в чувство. Хильда подхватила сумку и пошла за юношей через зал на балкон, где под полосатым тентом стояли четыре столика.

— Мой — последний, — сказала Хильда, когда он остановился у среднего. Усевшись за столик лицом к улице, она сказала:

— Я хотела бы выпить. Бренди «Манхеттен», пожалуйста.

— Со льдом?

— Льда не надо. В одном из этих бокалов, на ножке, знаете ли, — она пальцами очертила форму бокала.

Мальчик умчался. Хильда поставила на колени сумку и выудила книги. Она с удовольствием гладила обложки, разглядывала знакомые имена авторов, титульные страницы, аннотации, переплет. Наконец она сделала выбор: «Герой в белом» Кэрри Энгельбарт Хоскинс. А Дж.Р.Минор можно будет приберечь на закуску.

Хильда нежно открыла избранную книгу. Официант поставил перед ней картины. С острым удовольствием Хильда взглянула на очертания Мэйн-стрит за перилами террасы и, не в силах больше ждать, прочла первое предложение:

Эдвард Вотерхауз родился, чтобы быть полезным.

Вот оно!

Остальные часто говорили ему это, и даже он сам признавал этот факт, говоря о себе: я чувствую себя счастливым, когда кому-нибудь помогаю. У другого человека подобное заявление прозвучало бы фальшиво, однако Эдвард Вотерхауз был исключительно правдив и за сорок четыре года его жизни близкие ни разу не услышали от него ни единого лживого слова.

Хильда пригубила свою выпивку и продолжала читать дальше:

Сорок четыре — да, столько лет было Эдварду, и годы оказались к нему благосклонны, добавив лишь морщин в уголках глаз да немного благородной седины на висках.

Наверное, таким и был Рен Ван Хорн, когда ему было столько же, подумала Хильда. Я сама не могла бы описать его лучше.

У этого возраста много положительных сторон и лишь один недостаток. Доктор Вотерхауз подошел к тому пределу, когда мужчина может завести семью — если он вообще женится.

Видимо, этой самой Хоскинс еще не исполнилось сорока, подумала Хильда. Она «в легком раздражении», как сказала бы писательница, подняла голову от страницы и вновь обозрела Мэйн-стрит. Напротив, за столиком у магазина деликатесов, сидела молодая женщина и что-то писала в блокноте, а рядом — парочка бородачей в голубых джинсах. Из магазина вышел известный актер, и зеваки уставились на него. Рядом была витрина антикварной лавочки — самая маленькая витрина на всей Мэйн-стрит — и показалось ли Хильде, что там, за стеклом, мелькнул человек, о котором она как раз думала?

Возбуждение, охватившее ее, стало почти чрезмерным. Хильда наклонилась вперед и уставилась в витрину. За выведенными на

стекле буквами виднелся владелец магазина — лысый и толстенький. Доктор Вотерхауз испарился из головы Хильды, и она пробормотала:

— Ну пошевелись же, пожалуйста, — испугав официанта, который подошел принять у нее заказ. Официант и владелец магазина пошевелились одновременно, и она увидела, что седовласый мужчина за витринным стеклом действительно был Рен Ван Хорном. Стоя там и сопровождая свой разговор жестами, доктор выглядел еще моложе, чем час назад в своем кабинете.

— Хотите, чтобы я стоял здесь? — недоверчиво спросил официант откуда-то позади нее. Хильда взглянула на него, словно прося о помощи, и увидела, как еще один красногрудый зяблик безжизненно соскользнул с ветки карликового дерева и упал на асфальт.

6

И вы знаете, что пришло время для зеркала — не знаю, почему оно пришло, но все же — время пришло.

Доктор Ван Хорн отменил два назначенных на вторую половину дня визита и теперь задумчиво стоял в тесной комнате антикварного магазинчика.

— Это должно быть нечто особенное, — говорил он владельцу, который не знал его, но благодаря возрасту, манере держаться и роскошному белому полотняному костюму отнес его к категории хэмпстедских денежных мешков. — Совсем особенное, если вы понимаете, что я имею в виду. — Он улыбнулся, однако это не развеяло впечатления исходившей от него силы. — Я-то узнаю его, как только увижу, но это означает, что и оно, в свою очередь, узнает меня.

— Ну, — неуверенно сказал мистер Бандль, не зная, как отвечать на такое нелогичное заявление, — есть несколько новых вещей...

— Да, конечно. Я уже искал такое. Я был в Редхиле два дня назад и заехал в Кинг Джордж, где есть несколько очень интересных антикварных магазинов, но ни в одном... Мне ничего не подошло, — он пренебрежительно махнул рукой. — Ничего не подошло. Что мне нужно, нам надо бы обсудить конкретно. Я расчистил пространство на стене у себя дома — к тому времени я даже не знал, для чего, — просто знал, что нужно снять кое-какие картины. Потом понял, что мне нужно, — зеркало. Обязательно высокое и овальное. Оно не должно быть новым. Новое никуда не годится.

Доктор Ван Хорн требовательно посмотрел на мистера Бандля.

— А сегодня я сидел в своем кабинете и вдруг мне ни с того ни с сего пришло в голову, что у вас есть именно то зеркало, которое мне нужно. Разве это неудивительно?

— Ну конечно, это удивительно как раз потому, что сегодня мне доставили кое-какую мебель, которую я на прошлой неделе приобрел на аукционе, — сказал мистер Бандль, — и там как раз зеркало, такое, как вы описываете.

— Я знал это.

— Хм. Да. Очень необычно. Не пройдет ли вы за мной?

Доктор Ван Хорн кивнул и последовал за мистером Бандлем на склад в тылу магазина. Здесь была свалена неотполированная, неухоженная мебель. Здесь были секретеры и бюро, письменные столы с обитой кожей столешницей и обеденные столы красного дерева.

— Ну я еще не оценил эти вещи, но я думаю, что мы придем к некоторому... — Он вопросительно склонил голову набок и поглядел на доктора.

— О, да. Разумеется, — доктор перестал рыскать по заваленной мебелью комнате и уставился вверх, где виднелся фрагмент овального высокого зеркала в изысканной резной раме. — Вот оно. Я когда-то владел им.

— Вы владели им? Оно с того аукциона, о котором я говорил. Зеркало французское и датируется примерно 1790 годом, но, может, его сделали еще раньше. Мне кажется, большую часть этих вещей ввозили Грины. Теперь-то от них почти ничего не осталось.

— Я владел им, — сказал покупатель.

— Да, сэр, понимаю.

Когда они наклонились, чтобы взглянуть в помутневшую поверхность, в ней шевельнулась какая-то тень. Мистер Бандль широко раскрыл глаза и наклонился, чтобы рассмотреть ее получше. Но она исчезла.

— Ага, вот. Оно меня узнало.

— Почистить нужно как следует, — пробормотал мистер Бандль.

7

Пэтси бедром толкнула дверь и занесла поднос в комнату, где лежал Лес в счастливом окружении журналов, газет и тарелок с фруктами, отчетов фирмы и сложенного номера «Уолл-стрит Джорнал». Он поглядел на нее, лицо у него было исхудавшим и небритым.

— Что это?

— Твой завтрак. Подсушенные тосты, брынза, апельсиновый сок.

— И это ты называешь завтраком? Брынзу?

Пэтси поставила поднос на прикроватный столик.

— Твоему желудку нужно что-нибудь помягче.

— О, да, я знаю... но, Боже, как насчет яичницы или чего-то в этом роде?

— Съешь это и посмотрим, как ты себя будешь чувствовать. Через полчаса я должна встретиться с доктором Лаутербахом. Если, когда я вернусь, с твоим желудком будет все в порядке, я сделаю тебе яичницу.

— Я чувствую слабость.

— Ты и выглядишь неважно, — сказала Пэтси. Она села в кресло и оперлась локтями о колени, внимательно разглядывая Леса. — Если честно, ты выглядишь ужасно.

— Ты и сама выглядишь не лучше, — автоматически отозвался Лес, но в этом была и доля правды. Пэтси выглядела усталой, — безнадежно усталой, как сказал бы более чувствительный, чем Лес, человек.

— С чего бы мне хорошо выглядеть? Я и чувствую себя ужасно. И это никакой не грипп, Лес. Может, я должна сказать тебе, что я думаю по этому поводу?

— Но ведь я болен, — возразил Лес. — Полгорода подцепило этот грипп.

— Я не имею в виду грипп. Я имею в виду наш брак.

Лес оторвал листок из блокнота, который валялся рядом с ним в постели, и медленно начал рвать его на мелкие кусочки.

— Вот и пример того, что я имею в виду. Ты даже не хочешь посмотреть на меня.

Лес отбросил клочки в сторону и устало поглядел на Пэтси.

— Дело в том, что мы словно вообще не женаты.

— Нет?

— У меня муж, который не разговаривает со мной, не хочет ничего делать вместе и вспоминает, что у него есть жена лишь когда он болен настолько, что обдывает штаны. По-моему, это не слишком напоминает нормальный брак.

— Я не согласен с твоим описанием.

— По-твоему, это не так выглядит? Мы делим все жизненные трудности? Мы ближе всего друг другу, когда ты гадаешь, куда бы меня стукнуть. Тебе это больше нравится, чем заниматься любовью. Сам знаешь, что это правда. Ты охотнее бьешь меня, чем ласкаешь.

— О, Боже, ты все валишь на меня. И хорошенькое же время ты выбрала — когда я настолько слаб, что не могу выбраться из постели.

Пэтси против своей воли начала раздражаться:

— Что толку обвинять тебя. Ты же все равно не поймешь. Я не понимаю, зачем нам продолжать жить вместе.

— Ты не любишь меня? — спросил Лес.

— Я не знаю. С твоей стороны я особой любви не чувствую.

— Черт тебя побери, я же *болен!* — заорал Лес.

Пэтси поглядела на часы.

— О да, я знаю, ты идешь к этому Лаутербаху. Пойди, расскажи ему, какой я никуда не годный, а он тебе скажет, что ты должна меня оставить. Он тебя и за руки поддержит, пока будет уговаривать.

— Я должна идти, — сказала Пэтси и встала.

— Напомни этому парню, откуда приходят деньги, — сказал Лес, приподнимаясь на локте и сбрасывая на поднос всю деловую переписку, — увидишь, как он быстро решит, что я все-таки на что-то годен.

— До свиданья, — сказала Пэтси и пошла к двери.

— До свиданья? Какого свиданья? Ты просто уходишь и все? — мрачно улыбаясь, спросил Лес.

— Не знаю, — почти закричала Пэтси, — но, по крайней мере, если я уйду, я не буду видеть, как ты наставляешь на полицейских оружие.

Лес тоже собирался повысить голос, но сдержался.

— Ты знаешь, почему это случилось.

— Да уж лучше, чем ты, — Пэтси закрыла двери и быстро спустилась по лестнице. Лес еще что-то выкрикивал, но она не обращала на него внимания. Пятнадцать минут спустя она медленно ехала по Мэйн-стрит в поисках места для стоянки.

Вообще-то Пэтси видела доктора Карла Лаутербаха только раз. Он консультировал в той же клинике, где была приемная Рена Ван Хорна. Когда Пэтси пришла первый раз, она долго ходила поблизости, не решаясь зайти, — сколько всего из своей обыденной жизни она сможет рассказать врачу? И насколько это поможет ей?

Пэтси словно увидела себя на ремонтном столе, а врач, точно часовщик, копается в ее мозгу.

Наконец она все же зашла в здание и поглядела на табличку на широкой дубовой двери. Она все еще имела в запасе пятнадцать минут. Так что она устроилась в приемной, и медсестра за конторкой улыбнулась ей. Казалось, она провела бездну времени, внимательно разглядывая сложенные на коленях руки.

На две минуты раньше назначенного времени низенький бородатый человек с суровым лицом открыл дверь в кабинет и назвал

ее имя. Он был примерно ее возраста, и Пэтси подумала, что, может, и моложе — несмотря на то, что между бровями у него были глубокие складки.

— Прошу, — сказал он, проводя ее в комнату и сажая на кушетку.

— Я не хочу лежать, — сказала она. — Я хотела бы сесть. В кресло.

— Куда хотите. Но я бы предпочел, чтобы вы воспользовались кушеткой.

Пэтси уселась на стул рядом с его столом.

— Почему вы хотели меня видеть? — спросил д-р Лаутербах.

— Я несчастлива! — выпалила она.

— Все несчастливы, — сказал д-р Лаутербах, и Пэтси знала, что это не сработает. Как может этот мрачный пессимист помочь ей? — Лично я сейчас несчастлив, потому что вы уже заранее настроены против меня, миссис Макклауд, а ведь нам с вами придется сотрудничать.

Глубокие темные глаза психоаналитика встретились с глазами Пэтси, и она неожиданно для себя разразилась слезами. Он уже знал о ней все, подумала она, просто проник к ней в мозг и увидел там всех — Леса, Мерилин Форман, бабушку — всех. Пэтси все плакала и никак не могла остановиться. Д-р Лаутербах ничего не сказал, и она продолжала всхлипывать в сложенные ладони. Однако в результате она почувствовала, что у нее камень с души свалился.

Все еще продолжая плакать, она встала и вышла из кабинета.

Она знала, что больше не вернется туда, и, действительно, так и не вернулась. Однако, странно напоминая в этом Кларка Смитфилда, она выходила из дому как будто бы на прием к врачу, но на самом деле занималась совсем другой, более примитивной психотерапией — ездила по картинным галереям Хэмпстеда или пила кофе в ресторане, перелистывая книжку.

Она гуляла по берегу, чувствуя себя такой же вольной и безответственной, как морская чайка, или ездила по вудвильским магазинам одежды.

Обычно Пэтси не любила походов по магазинам, но в те часы, когда она предположительно должна была находиться в приемной у д-р Лаутербаха, она наслаждалась ими.

Но сегодня она не собиралась ехать в Вудвилл, равно как и не собиралась гулять по берегу. Сцена с Лесом, которая приняла непредвиденный оборот, все еще неприятно сжимала ей желудок. Она и в самом деле не понимала, почему они с Лесом поженились.

Возможно, оправданием было то, что она его любила, но теперь Пэтси думала — не была ли эта любовь просто нежеланием посмотреть правде в глаза. С тех пор, как она увидела его целящимся в Бобо и двух других, ее представление о любви к мужу как-то поблекло. Она увидела его таким же злобным и беспомощным, какой была и сама в приемной доктора Лаутербаха, и ей уже было трудно думать о нем, как раньше. Она поняла, что, если она не вернется к Лесу Макклауду, скучать по нему она не будет. Лес был словно умерший, который притворяется живым, — хотя его никто не убивал, он убил сам себя — убил чувства и благородство, и чувствительность, потому что этого требовала его деловая жизнь.

— Спасибо, доктор Лаутербах, — сказала про себя Пэтси, заходя в магазин деликатесов.

Выйдя из него, она поставила на столик под тентом пластиковую чашечку с кофе. Мужчины за соседним столиком тщательно оглядели ее фигуру и ноги.

— Отвяжитесь, — сказала Пэтси достаточно громко, чтобы они ее услышали, и вынула из сумочки роман и свой дневник. Она отложила книжку в сторону и начала писать.

«Мужчины, с которыми я могла бы лечь в постель, — записала она. — Ричард Альби, Бобо Фарнсворт, Алан Альда, — Пэтси развлекалась, — Джон Апдайк, Сэм Шефарт». Пэтси заложила дневник ручкой, улыбнулась и стала глядеть на деревья, растущие на Мэйн-стрит. По улице поднимался Табби Смитфилд. Он не видел ее, он вообще никого не видел, потому что шел, наклонив голову, словно продираясь сквозь ветви или брел по колено в воде. Она надеялась, что он не поднимет голову, а пройдет мимо, но, когда он подошел поближе, у него оказался такой несчастный вид, что она сказала:

— Привет, Табби.

Он поднял голову и благодарно взглянул на нее. Потом застенчиво подошел ближе.

— Посиди со мной, — сказала она, указывая на соседний стул. Он сел и вновь поглядел на нее, на этот раз открыто, и Пэтси поняла.

— Ты опять, э... путешествовал? — спросила она и взяла его за руку.

— Да, это подходящее слово, — ответил Табби.

Он старался как можно дольше избегать Норманов, зная, что тот парень, с которым они говорили, был вором, но после первого урока

двойняшки набрали на него в коридоре рядом со школьной библиотекой. Из-за того, что учителей не хватало, класс Табби поделили надвое, и одна группа, в которой был он и Норманы, должна была сидеть в библиотеке.

— Эй, Табс, — сказал Брюс, обнимая его за плечи. — Ты отлично держался. Не знаю, что ты там им наплел, но держался ты здорово.

— Я ничего не делал, — сказал Табби. Они отступили и пропустили остальных в библиотеку. Запах немытого тела Брюса можно было чуть ли не увидеть.

— Это всегда лучше всего и делать, — сказал Брюс и начал подталкивать Табби к выходу из коридора. — Давай-ка выберемся отсюда. У нас остался только один урок, так что зачем тут торчать? Ничего интересного они все равно не скажут, потому что почти все дети больны.

— Наверное, — сказал Табби. Норманы всегда были на шаг более энергичны, чем он сам.

— Бобо про нас ничего не спрашивал? — сказал Дики.

— Эй, парень, не будь идиотом, Табс ничего не сказал, — отозвался Брюс. — Пошли отсюда, пока никто нас не засек, а? — он потянул Табби за собой. — Бобо про нас ничего не говорил, верно, Табс? Никто про нас ничего не говорил.

— Нет. — Табби освободился из объятий Брюса. — Он подумал, что я просто иду домой.

Брюс похлопал его по плечу: «Наш человек!» — он распахнул заднюю дверь и они все трое оказались на дорожке, ведущей со школьного двора. Погода была влажной и тихой.

— Какая жалость, что случился этот грипп, — сказал Брюс, а Дики расхохотался.

Они обошли здание и подошли к стоянке автомобилей.

— Ты ведь не откажешься от пятидесяти баксов? — спросил Брюс.

— Не скажи, — ответил Табби. — Смотря, что мне придется делать. Но ни в чей дом я не полезу.

— И не нужно, Табс, — сказал Брюс, — совсем не нужно. Хочешь проехаться с нами в центр?

— Ладно. Но ничего общего с ограблением я иметь не хочу.

Брюс подмигнул Дику, и все они влезли в машину.

— Нам нужно кое-что сделать в субботу вечером.

— Это с тем парнем, — сказал Табби. — Он ведь был тут сегодня утром, верно? Я видел из автобуса, как вы с ним разговаривали. Я ничего делать не буду.

— Я тебе оторву уши, — сказал Дики. — Ты, дерьмо.

— Табби, — сказал Брюс, — ты что же, не хочешь нам помочь? Дики вон как взволнован, а ведь еще четыре дня осталось.

Брюс вырулил со стоянки и завернул на холмистую пригородную улочку, на которой были дома в колониальном стиле с баскетбольными площадками и гаражами, автомобилями «Вольво» и густыми живыми изгородями.

— Ты просто подумай об этом, Табби. Здесь же все застраховано, верно? Если они что-то и потеряют, им все возместят. Теряют только страховые компании, а у них и так миллионы, парень, да у них столько денег, что они их правительству ссужают. Да и зачем им столько денег? Ведь люди как раз и платят им на тот случай, если их обворуют. Так что их можно грабить.

— Я не могу этого сделать, — сказал Табби.

— Мы с Дики дадим тебе еще по двадцать пять, — сказал Брюс. — И ты пойдешь домой с сотней баксов в кармане. Табс, ты нам нужен. Без тебя все дело рухнет.

— Я не могу.

— Тогда я тебе уши пообрываю, — спокойно сказал Дики.

— Он и правда это сделает, — сказал Брюс. — Послушай, у нас еще четыре дня. Увидимся в школе в четверг или в пятницу, ладно? И ведь все, что от тебя нужно, — это сидеть в фургончике и следить, чтобы никто не подъехал. У тебя будет радио, и если ты кого-нибудь увидишь, ты нам скажешь. Но никто не подъедет. А мы поставим фургончик под деревьями, там его и видно не будет.

— Когда это должно произойти? — спросил Табби.

— В субботу узнаешь. Посидишь в фургончике этого мужика и получишь сотню баксов.

— Или я тебя с дерьмом смешаю, — сказал Дики. — Учти, Табс. Брюс свернул на Мэйн-стрит.

— Хочешь коку или чего-нибудь еще, Табс?

Табби покачал головой. Он не представлял, как избавиться от Дики и Брюса, да так, чтобы они его не избили. Разбивать почтовые ящики — уже паршиво само по себе, но тут еще его втягивают в ограбление. Дики ухмылялся ему — от него тоже здорово воняло. Оба Нормана его изничтожат, это ясно. Они ему явно уши пообрывают — напару.

Тут он увидел на улице автомобиль своего отца. Это было точно избавление — уж наверное отец сможет ему помочь.

— Выпустите меня, — сказал он.

— Ладно, Табс, — сказал Брюс. — Как скажешь. — Он остановил машину. — Домой собрался?

Табби кивнул, вышел из машины и почти что почувствовал себя в безопасности.

Когда Брюс укатил, Табби пошел по улице, заглядывая в окна. Отца не было ни в фотостудии, ни в ювелирном магазине Хэмпстеда, ни в винном магазине. Табби пересек улицу и заглянул в лавочки на противоположной стороне. Его не было ни в маленьком магазинчике Лауры Эшли, ни в «Детском мире», ни в «Одежде». Тогда Табби вновь перешел через дорогу и вошел в магазин Анхальта, где продавали бытовые компьютеры, камеры и канцелярские принадлежности. Он даже заглянул в отдел детской литературы, но Кларка не было и здесь.

И вообще, что его отец делает в Хэмпстеде? Сегодня он должен был быть в Вудвилле, потом в Пондридже и Маунт-Киско. Табби нерешительно переминался на плетеной циновке у входа в магазин Анхальта.

Если бы он подождал достаточно долго, он бы в конце концов дождался отца. Все, что от него требовалось, — это посидеть в машине, и рано или поздно его отец откуда-нибудь, да выйдет... Неожиданно Табби понял, что в машине он ждать не будет. Неисследованной осталась лишь одна витрина — зеркальное стекло, на котором красными буквами было полукругом выведено: О'Халлиган. Это был единственный бар на Мэйн-стрит.

Табби вновь проскользнул между машинами и занял выжидательную позицию через улицу, за несколько дверей от бара. Он стоял на перекрестке в переулке, ведущем к парковочной стоянке, и, если он отступит к стене, для людей, выходящих из бара, он будет незаметен.

Ему не пришлось ждать долго. Через несколько минут после того, как он удобно укрылся в узкой аллее, дверь к О'Халлигану отворилась и его отец вышел на яркий солнечный свет. Он неуверенно прошелся по тротуару и остановился, в ожидании глядя на двери бара.

— Ох, нет, — сказал Табби.

Вслед за Кларком из дверей вышла высокая женщина с черными волосами и яркой помадой цвета электрик. На ней была белая блузка без рукавов и свободные кирпичного цвета шорты — ноги у нее, как заметил Табби, были красивые. Потом он увидел, что шея ее и запястья были в тяжелых золотых украшениях. Шерри Стиллвен по сравнению с ней выглядела как замарашка. Эта женщина была не так пьяна, как Кларк. Она взяла его под руку и что-то прошептала на ухо. Кларк пожал плечами, потом покачал головой. Женщина притворилась, что тащит Кларка обратно в бар, и Кларк выдернул

руку. Женщина показала вверх по Мэйн-стрит, сказала что-то еще, Кларк кивнул. Они пошли вверх. Куда? К Франсуа, чтобы еще немного выпить и пообедать, а после этого в какой-нибудь из норрингтоновских мотелей?

Табби глядел, как они идут по залитой солнцем улице. Женщина то и дело останавливалась, чтобы поглядеть на витрины — ясно было, что они привыкли друг к другу. Ну разумеется, подумал Табби. Отец и не думал ходить на работу. Он перебрался в «Четыре сердца», купил «Мерседес», о котором так долго мечтал, и «трудился», проматывая денежки Монти Смитфилда.

Табби хотелось заплакать. Он вновь побрел вниз по Мэйн-стрит, глаза у него щипало. Неужели он и впрямь полагал, что отец поможет ему уладить дело с Норманами? Нечестность отца, с точки зрения Табби, была так велика, что словно распространилась на все вокруг — витрины, улицу. Нечестность, нечестность. Табби понимал, что отец его — конченный человек, и чувствовал себя конченным тоже.

Он добрался до входа большой каменной хэмпстедской библиотеки на углу Поуст-роад и Мэйн-стрит, как раз перед мостом через Наухэтэн. Ему нужно было присесть и подумать насчет отца и Шерри. Табби отворил дверь и вошел в прохладную библиотеку.

Он прошел конторку и теперь стоял на линолеуме перед длинным столом. Одна из сидевших женщин поглядела на Табби с любопытством. Он мрачно прошел мимо. Он надеялся, что сможет укрыться среди стоек с журналами, потому что ему казалось, что буквально все — эти женщины, старик за подшивкой газет, библиотечарша у каталожного ящика, даже маленький мальчик, который поднимался наверх, в детскую библиотеку, — все наблюдали за ним и знали о его позоре.

Помещение вдруг стало удлиняться и расширяться, черно-белые узоры на полу, казалось, поплыли, а круглые часы за столиком, наоборот, застыли, и черная секундная стрелка остановилась между цифрами 2 и 3, так, словно ее пришили к циферблату.

Обложки журналов начали медленно скручиваться, точно всплывающие водоросли или горелые листья.

Он стоял в этой меняющейся библиотеке, скорее удивляясь, чем пугаясь. Весь его стыд исчез. Стены, казалось, медленно выгибались наружу. В то же время Табби понимал, что и дрожащий пол, и выгибающиеся стены — это предупреждение. Что-то должно было произойти, он знал это. Библиотека наполнилась волшебным меняющимся светом.

Ноги сами вынесли его в исторический отдел. Там стояли два длинных стеллажа, между которыми был узкий проход. Табби

ступил в этот проход и услышал, как вся огромная комната гудит, точно гигантское динамо. В проходе было темно — на секунду Табби, окруженному стеллажами с книгами, показалось, что из-под ног у него поднимаются клубы коричневой пыли.

О!

С неба слетел толстый пучок света и стал удлиняться, точно складной телескоп.

— Значит, мальчик тут, — сказал голос у него за спиной.

Библиотечные полки исчезли, и он стоял (прятался?) за стеной деревянного дома. Ночь была полна звуков — он слышал треск огня, громкие проклятия. Где-то лаяла собака.

— Ты должен отправиться на Фэйри-хилл, парень, вместе с остальными.

Прятался, да. Табби вытянул руку и коснулся гладкого дерева. Ноги его утопали в цветах.

— Мастер Смит, — сказал голос, — ты что, хочешь получить пулю в спину?

Табби обернулся. Он боялся, что это лицо будет ему знакомо, но нет, это было длинное самонадеянное лицо и слегка безумное. По подбородку стекала слюна, зубы были крупными и белыми, а глаза — цвета некрепкого чая. Глаза были самой страшной чертой этого лица, потому что меньше всего напоминали человеческие — они мерцали, словно фосфоресцировали.

— Твой отец на британском тюремном корабле, мастер Смит, — сказал человек, — полагаю, ему осталось недолго страдать. И тебе тоже.

В руке у мужчины был длинный мушкет. Когда ствол оказался в шести сантиметрах от груди Табби, ружье выстрелило.

Табби упал на спину в заросли цветов за домом. Боли не было, только чудовищный удар. Над ним светились чужие глаза. Рубашка Табби была присыпана порохом и опалена.

Он не почувствовал боли, потому что умер. С некоторым нетерпением Табби вышел из лежащего тела и увидел, что у мальчика было не его лицо. Однако очень похожее.

— Двое на сегодня, — сказал мужчина, его подбородок блестел от слюны. — Фермер Вильямса и парень Смитов. Они больше никуда не пойдут.

Дух или душа, или чем там был Табби, поднялась над мужчиной и мальчиком в опаленных одеждах. Небо освещали сотни красных огней.

Табби увидел перед собой длинный белый коридор, в конце которого пульсировал прозрачный свет. Его пронизывали яркие

краски. Этот коридор оживил его и успокоил — он понимал, что в конце его ожидают небеса, чистые, точно музыка, и прохладные, как морская вода. И он начал двигаться по направлению к пульсирующему свету.

Потом он пришел в себя. Он лежал на боку в неудобной позе между стеллажами исторической секции. Одна из книжек лежала рядом с ним, открытая, переплетом вверх. «История Патчина», Д.Б.Бах.

— Сынок? — спросила одна из женщин за конторкой, — ты в порядке?

— Да, спасибо, — автоматически ответил Табби. Он встал на колени, голова его гудела. — Просто небольшая слабость. Сам не знаю, что случилось.

Библиотекарша наклонилась и, вместо того, чтобы помочь ему подняться, как он ожидал, вынула у него из руки книжку.

— Если ты из Милловского колледжа, мальчик, то ты должен быть в школе, — сказала она.

— Сегодня нет занятий, — сказал Табби, наконец поднявшись на ноги. — Грипп.

— Похоже, и вы его подхватили, — сказала библиотекарша. — Идите домой и ложитесь в постель, молодой человек. Нечего болтаться тут и заражать остальных.

Крепко прижимая «Историю Патчина» к себе, она вернулась к своей конторке.

Табби спотыкался, словно после солнечного удара. Он поглядел через плечо — библиотекарша махнула ему, чтобы он уходил. Он вышел и присел на крылечке, ожидая, пока голова не перестанет кружиться. Он рассеянно подобрал длинный прут и прочертил им в пыли линию.

Потом он увидел, что линия, которую он нарисовал, наполняется красной жидкостью — кровью, словно кровь скопилась под земной поверхностью. Он нарисовал еще одну линию своим прутком, и она тоже наполнилась красным. Эта кровь медленно переполняла углубление, и, наконец, выплеснулась наружу за его пределы. Табби уронил прут в красную лужу и в ужас вскочил на ноги. Он завернул за угол и бессмысленно побрел по Мэйн-стрит. Когда он добрался до маленькой пиццерии, он увидел, что за столиком возле «Деликатесов» сидит Пэтси Макклауд и что-то пишет. Если он повернется и уйдет, она подумает, что он не хочет с ней встречаться, но на самом деле он не хотел навязываться. Она выглядела такой хрупкой... интересно, если она поставит на тротуар свою стройную ногу, выступит ли из-под асфальта кровь?

Медленно, словно каждый шаг уводил его в изгнание, он прошел мимо Пэтси, но тут услышал ее тихий, мягкий голос и чуть не упал от благодарности. Он застенчиво поглядел на нее: она была такой же, как и он сам.

— Да, я видел его лицо, — говорил он Пэтси пятью минутами позже. — Это было странное лицо, точно морда бешеной собаки. Глаза его светились, точно кто-то держал перед ними зажженную спичку. Он даже не задумывался особенно, когда стрелял в меня, — просто выстрелил и все.

— И лицо было тебе незнакомо?

— Я его раньше никогда не видел.

— И ты думаешь, что это мог быть Гидеон Винтер?

— Да, похоже на то, верно?

— Да, — сказала Пэтси, — похоже.

На миг наступило молчание. Табби, который понятия не имел, что думать о том, что произошло с ним сегодня утром, не представлял, о чем думает Пэтси. Судя по выражению ее лица, она могла обдумывать, что пора бы помыть автомобиль или купить новые чулки.

— Что за книгу ты держал? — наконец спросила она.

— Историческую книгу. «Историю Патчина». Ее написал кто-то по имени Бах.

— Похоже, нам нужно раздобыть такую же, — сказала Пэтси. — Я сделаю это. — Она улыбнулась. — Мы же не хотим, чтобы ты все время валился в обморок в библиотеках.

Он постарался вернуть ей улыбку.

— Ты поглядел в прошлое, — сказала Пэтси. — Это интересно. Ты когда-нибудь заглядывал в будущее?

— Думаю, да, — сказал Табби, покраснев. — Один раз. Когда мне было пять. Понимаете, я увидел миссис Фрайдгуд. — Он покраснел еще сильнее. — Но в основном я вижу прошлое.

— А я никогда не вижу прошлое, — сказала Пэтси, — по-моему, мы дополняем друг друга.

— Просто не могу поверить, что мы сидим тут, напротив «Деликатесов» и говорим о таких вещах, — сказал Табби. — Если честно, я не могу вообще поверить, что мы говорим об этом.

Он покачал головой.

— И еще кое-что. После того, как я вышел из библиотеки, я увидел, что земля кровоточит. Правда.

Пэтси задумчиво поглядела на твердый тротуар, и Табби вспомнил, как он гадал, выступит ли на нем кровь, если она упрется в асфальт ногой.

Но тут и он, и Пэтси резко подняли головы, потому что напротив, через улицу, начала кричать женщина. Тут все — клерки из магазина компьютеров, мистер Бандль из антикварного магазина, прохожие, бородатые парни за соседним столиком — вскочили и начали глядеть через улицу, пытаясь найти источник этих воплей.

Потом какой-то мужчина показал, а потом Пэтси и затем Табби тоже увидели ее. Худая пожилая женщина в просторной темной одежде стояла рядом с одним из столиков на балконе Французского ресторана. Руки у нее были прижаты к глазам, а рот распахнут, точно пещера. Она кричала, казалось, громче, чем было способно ее худенькое тело.

Люди из ресторана вскочили на балкон, а Табби и остальные глядели на нее снизу. Он увидел, что из внутренних помещений на балкон выбежал его отец, но прежде, чем он успел добежать до женщины, она упала.

Табби знал, что она мертва, словно понимая, что ни один человек не может выжить после таких криков. Он увидел, как его отец склонился над женщиной. Хотя крики прекратились, он все еще слышал их. Потом он увидел, как его отец поднялся, прошел мимо мертвой женщины и перегнулся через перила: он пытался понять, что произошло.

Он поглядел на тротуар под балконом, на небольшую толпу перед магазинами компьютеров, деликатесов, перед антикварным магазином. Потом глаза отца остановились на Табби.

9

Хильда дю Плесси в ужасе наблюдала, как крохотная птица упала на тротуар. Аппетит у нее пропал — она не могла есть, пока зяблик, никем не замеченный, лежал внизу под балконом.

— Вы что-нибудь заказываете, леди? — спросил за ее спиной официант.

— О... ничего, просто салат, — сказала Хильда.

— Просто салат? Какой салат?

— Любои. Цветная капуста. Помидоры. Шпинат. Мне все равно, дурень.

— Домашний салат, — сказал официант и пробормотал себе под нос что-то, что Хильда не расслышала, но если бы расслышала, была бы очень недовольна.

В раздражении она восседала за столиком. Позабывтый «Герой в белом» лежал за тарелкой с нарезанным хлебом. Она больше не видала Ван Хорна за стеклом витрины антикварного магазина, хотя

больше всего на свете ей хотелось увидеть его успокаивающие черты. Если бы он увидел, что она на террасе, он улыбнулся бы и помахал ей. Может, он бы даже окликнул ее по имени. А может, если бы он не был чересчур занят, он присоединился к ней за столиком. В мире Флоренс М.Хобарт такие вещи происходили постоянно.

В романах Флоренс М.Хобарт птицы ворковали, птицы щебетали и гнездились, птицы чертили свои письмена в рассветном небе, но уж точно, птицы не падали мертвыми с деревьев. Хильда поглядела вниз на тротуар, надеясь, что зяблик мог улететь, пока она разговаривала с официантом, но он все еще был там, крохотное тельце, одно крыло у него было судорожно вытянуто.

Она подхватила сумочку и уже встала, чтобы уходить.

Но в витрине антикварного магазина появился доктор Рен Ван Хорн, он нашел то, что искал, и уже расплачивался у кассы. Вот это был правильный ход событий. Это было как раз то, что нужно для Хэмпстеда, округ Патчин, солнечным июньским утром. Лучший городской врач покупает какую-то старинную вещь... Да, это было правильно, это было изысканно, как изысканной бывает мифология или художественная проза. В такие моменты, как сказала бы Флоренс М.Хобарт или Кэрри Э.Хоскинс, чувствуется дыхание вечности.

Хильда вновь расслабилась в кресле и решила подождать салата.

И лишь несколькими секундами позже доктор Ван Хорн появился в дверях антикварного магазина. Владелец придержал дверь, и он вышел на тротуар. Он нес большое тяжелое зеркало — машина его стояла как раз напротив магазина. В белом костюме и белой шляпе доктор напоминал героя кинофильма или знаменитого писателя, либо художника. Зеркало, хотя и большое, в его руке, казалось, не имело веса. Хильда помахала доктору рукой, с замиранием сердца надеясь, что он поднимет взгляд.

Доктор Ван Хорн подошел к своему автомобилю, поставил зеркало на асфальт и придержал его, открывая свободной рукой дверь автомобиля.

— О, доктор! — воскликнула Хильда.

Он поглядел вверх. Казалось, он не понял, откуда послышался ее голос.

— Доктор Ван Хорн! — И Хильда вновь помахала ему.

Он увидел ее за столиком террасы. Однако он не улыбнулся. Его лицо, глаза — не отозвались на ее приветствие. Он неожиданно показался Хильде чуть ли не зловещим.

Внезапно зеркало потемнело. До этого оно отражало деревья в кадках и ступеньки у входа в ресторан Франсуа, но затем оно

совершенно невероятно начало тускнеть и затягиваться туманом. Теперь оно было абсолютно черным. Темнота была объемной, словно коридор в овальном проеме.

Хильда сжала пальцы. Она даже не дышала.

Что-то происходило внутри зеркала, она видела это. Во мгле темного коридора мелькнуло лицо. Она видела руки, глаза, зубы. Потом увидела крохотный кусочек Мэйн-стрит в запустении и упадке: здания покосились, тенты над витринами разодраны на полосы, на ступеньках — мусор. И оттуда, из этой разрухи, на нее смотрел д-р Ван Хорн. Уши у него удлинились, и мочки болтались у плеч, брови изогнулись, нос загнулся крючком, а зубы заострились. Хильда закричала, даже не осознавая, что кричит, и поняла, что не может остановиться.

Какая-то часть в Хильде понимала, что она привлекает внимание, что позорится у всех на виду, но крики все еще вырывались у нее из горла. Они были, словно сбежавшие лошади, и растаскивали ее по частям.

10

Когда Кларк Смитфилд наконец добрался до дома в этот вторник вечером, он был пьянее, чем обычно. Галстук у него съехал набок, а костюм был мятым. Было около девяти часов. Табби и Шерри сидели в гостиной и смотрели вечерний сериал, который всегда показывали по вторникам «Пистолет «МАГНУМ». Они уже давно поели, а обед Кларка разогревался в духовке. Кларк с грохотом открыл входную дверь, и Шерри подпрыгнула, но не отвела глаз от телевизора. Секундой позже двери в гостиную отворились.

— Довольны, а? — сказал Кларк, усаживаясь на кушетку. — Уже разобрали меня по косточкам?

Шерри поглядела на него, потом вновь перевела глаза на экран.

— Ну конечно, — сказал Кларк.

— Хорошо провел день? — спросила Шерри.

— Просто замечательно. Ты, вонючая лгунья! Не притворяйся, что парень ничего тебе не рассказывал, — Кларк стащил с себя пиджак и бросил его на стул.

Шерри непонимающе поглядела на Табби, потом — на мужа.

— Дай мне выпить, — сказал Кларк.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты должна приподнять свою ленивую задницу и налить три сантиметра ирландского виски в стакан со

льдом, а потом вложить этот стакан мне в руку — это что, для тебя слишком сложно?

— Извините меня, — сказал Табби. — Я пойду в комнату к себе.

— Давай, убирайся, мерзавец, — сказал Кларк. — Торопился домой, чтобы рассказать ей, а?

— Что рассказать?

— Ну, ее зовут Беркли, и в ней примерно семь футов росту, и ей тридцать лет и у нее такой здоровый рот, словно рыболовный крючок, а высокая такая она потому, что ноги у нее начинаются *отсюда* и не останавливаются, пока не дорастут до земли, а...

Двумя часами позже Шерри постучала к нему в дверь. Он знал, что она хочет сказать, поэтому весь дрожал, когда открывал ей.

— Бедняжка, — сказала Шерри. Волосы у нее были растрепаны, глаза распухли, а грим расплылся по лицу. Как только она сказала это, она начала плакать.

— Ох, нет, — сказал Табби, — пожалуйста.

Шерри прошла в комнату и села на постель.

— У него тут даже и не было работы. Он лгал с первого дня. — Она уже не плакала, а злилась. — Он встретил эту женщину примерно месяц назад. Он просто хотел таскаться по вечеринкам и тратить деньги. Я не могу жить с ним больше, Табби.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил Табби. Он сидел на полу и глядел на мрачную, целеустремленную Шерри, которая говорила, точно оракул через грубо нарисованную маску.

— Я уже вызвала такси, — сказала она. — Я бы взяла машину, просто чтобы позлить его, но он уже ездит в ней по барам, потому что я оказалась такой сукой.

Она попыталась улыбнуться.

— Я хочу попасть на вечерний поезд в Нью-Йорк. Я возвращаюсь во Флориду. Я никогда не уживалась здесь, ты же знаешь.

— Я знаю.

— Ты можешь поехать со мной, если захочешь, — сказала Шерри. — Мы всегда можем как-нибудь устроиться. Я же работяга, ты знаешь.

Теперь уж Табби чуть не плакал.

— Я люблю тебя, — сказала Шерри. — Я любила тебя с тех пор, как ты был худющим малышом на Ки-Уэст.

Табби больше не мог сдерживать слезы.

— Ты всегда был таким потерянным, — сказала Шерри и обняла его. Теперь они оба плакали. Табби вспомнил энергичную, уверенную в себе Шерри, которая нянчила его во Флориде. Он уткнулся лицом ей в плечо и плакал от жалости.

— Ты можешь отправиться со мной, — сказала Шерри ему в ухо.
— Я не могу, — сказал Табби. — Но я тоже люблю тебя, Шерри.
— Так будет лучше. — Она погладила его по затылку. — Я пришлю тебе открытку. Пиши мне иногда, Табби. Как писал дедушке.

— Я напишу.

— Позаботься о нем. Я пыталась, Табби. Я действительно пыталась, но если я останусь здесь, он убьет меня.

— У тебя хватит денег? — Глаза у Табби уже были сухими, но он по-прежнему прижимался щекой к ее плечу.

— На первое время да. И я всегда могу найти работу. Насчет денег я не беспокоюсь.

— Я пришлю тебе денег.

— Из карманных расходов?

— У меня есть деньги, которые я могу тебе послать.

— Позаботься лучше об отце. Кларку понадобится твоя помощь. Они услышали, как прозвенел дверной звонок, и Шерри обняла его еще крепче.

— Он лгал мне, — сказала она. — Это не из-за той женщины, Табби. Поверь мне — это очень важно. — Она поцеловала его в лоб. — Я буду скучать по тебе.

Он вышел за ней в холл. Она подхватила чемодан на верхней площадке, и они вместе спустились вниз.

У дверей он обнял ее, потом она села в такси и уехала. Он знал, что больше никогда ее не увидит.

Все это могло случиться с Хильдой дю Плесси, даже если бы она и не сидела на балконе ресторана Франсуа, но то, что это случилось во вторник вечером, было прямым результатом ее пребывания там. Связь между тем, что случилось с Хильдой во вторник и с Ричардом Альби в среду, после смерти Хильды, была не слишком явной, но все же была. Опять же, в данном случае, время, в которое произошли эти события, имело гораздо большее значение, чем сами события.

В среду утром Ричард приехал в контору Юлика Бирна, распорядителя Сэйров в Хэмпстед, и забрал у него ключи. Параллельно он выслушал целую лекцию от седовласого мистера Бирна:

— Обычно, мистер Альби, я никому не отдаю ключи до того, пока обе стороны не обменяются бумагами. Но появление каждый вечер на телеэкране имеет некоторые преимущества. Все же, — он упер толстый указательный палец в грудь Ричарду, точно это было ружейное дуло, — Сэйры и я будем считать вас ответственным за

любой причиненный ущерб. Если по вашей вине произойдет пожар, вы обязаны будете выкупить дом. И, я полагаю, вы должны быть очень благодарны миссис Сэйр и ее сыну, которые настояли, чтобы формальности в данном случае не соблюдались.

Было ясно, что юрист приболел тем же гриппом: чувствуй он себя лучше, он бы с большей настойчивостью воспротивился благородству Сэйров.

— Я действительно искренне благодарен, — с чувством отозвался Ричард. — Должно быть, сын миссис Сэйр подумал, каково будет въезжать в дом, который воняет в точности, как аммиачный завод, поэтому он и дал мне ключи пораньше, чтобы я мог навести там порядок.

— Он подумал об этом, когда оценивал дом, — сказал юрист. — Мистер Барбах и я уже поговорили об этом.

Джон Барбах был юристом Альби и тоже участвовал в отчаянной битве за ключи.

Из офиса Бирна на Мэйн-стрит они отправились на Гринбанк и Бич-трэйл. Ричард мечтал побродить по своему новому дому — буквально наложить на него руку, пощупать ткань занавесок и гладкость древесины оконных рам, провести хорошее освещение в прихожую и еще раз глянуть на потолочные балки. Осмотр принес ответы на многие его старые вопросы, но в то же время вызвал новые. Еще одна неделя ожидания была бы для него пыткой. Фэйритэйл-лейн, казалось, становилась все невыносимее с каждым прожитым на ней днем.

Он знал, что это отвращение к Фэйритэйл-лейн объясняется желанием начать «новую жизнь» в доме номер 32, Бич-трэйл, Гринбанк. По этому адресу была жуткая атмосфера, но только в физическом, кошачьем смысле. Как только Альби вошел туда, она бросилась им в лицо.

— Нам нужны противогазы, — сказала Лаура, кидаясь к ближайшему окну. И они отворили окна на первом этаже и на лестничных площадках.

Ричард начал стаскивать ковровое покрытие, выдергивая вколоченные в пол гвозди. Как и ковер в гостиной, он был когда-то хорошим, — крашеная шерсть с вплетенными в нее нитями китайского шелка. Но эти ковры не чистили с начала пятидесятых, подумал Ричард, и сейчас в них было столько же шерсти, сколько и кошачьих волос. Запах исходил от них волнами, словно ковры выдыхали застоявшуюся мочу. Стыд и позор выбрасывать вещи такого хорошего качества, но Ричард знал, что даже после хорошей чистки кошачьи призраки будут возвращаться каждым сырым утром.

Постепенно он скатал его в толстый валик у подножия лестницы и поволок к двери. Похоже, старьевщик Гринбанка заработает на этом состоянии. Уложив вонючий ковер рядом с въездом в дом, он вернулся внутрь. Лаура с ведром и тряпкой орудовала в кухне. Ричард занялся ковром в гостиной. Он с удовольствием заметил, что под ним оказался отличный дубовый пол. Доски были тщательно подогнаны друг к другу и гладко отполированы. Какой-то плотник глубокого прошлого вложил в этот дом душу, и Ричард был безумно благодарен ему.

Когда он скатал уже половину гостиного ковра, он уселся на гладкие дубовые доски и с удовольствием разглядывал резные потолочные балки. «Похоже, я полюблю этот дом, — подумал он. Он слышал, как в кухне тихо напевает Лаура за мытьем полов. — Он даже лучше, чем кенсингтоновский дом». Он поглядел сквозь грязное окно на верхушки кленов и сосен. Затем вместе с Лаурой приподнял с пола тяжелый ковер.

— Ты мне поможешь дотащить его до подъезда? — спросил он. — Погоди. Тут, в доме, не найдется какой-нибудь крепкой веревки?

Лаура вернулась с мотком шпагата, забытого в кухонном шкафу, а в глазах у нее застыло странное выражение. Ричард начал обкручивать веревкой свернутый в трубку ковер так, чтобы его можно было перекатить к выходу.

— Ты веришь в привидения? — неожиданно спросила его Лаура.

Ричард вытер пот со лба и посмотрел на нее, думая, что она шутит.

— Только по телевизору.

— Но ты же сам говорил, что дом пахнет, точно кошачьи призраки? — Он кивнул. — Ну так я только что видела одного.

— Ты видела призрак кота? — Ричард поднял брови.

— Когда пошла за веревкой. Я не шучу, Ричард.

— Ты испугалась?

— Нет. Скорее, была очарована.

— Как ты узнала, что это был призрак? На что он был похож?

— Он сидел на полке рядом с мойкой. Он был бледно-серый, очень симпатичный. Большой серый кот. Одна лапа поднята, словно он лизал ее. Когда я вошла в кухню, он поглядел на меня так, словно был доволен, что я здесь. Потом... — Лаура наклонила голову на бок и ее прекрасные волосы легли на плечо. — Вот тут ты мне не поверишь. Он растворился в воздухе. Пуфф! И все.

— Но ведь ты хочешь, чтобы я поверил этому, верно? — Ричард наклонился над скатанным ковром, пряча лицо.

— Ну раз это случилось, то хочу.

— Как ты себя чувствуешь?

Лаура пожала плечами. — Думаю, хорошо, но, по-своему, забавно. Словно дом приветствует меня.

— Да и психиатры — тоже, — сказал Ричард. Теперь он уже открыто усмехался. Лаура шутя замахнулась на него, и они оба расхохотались.

— Но это действительно случилось, — сказала Лаура. — Я это видела.

— Ладно-ладно, — сказал Ричард. — Но стоит поискать отпечатки лап на полке.

— Я сделала это, ты, умник, — сказала она и ушла в дом.

Все еще улыбаясь, Ричард поволок вонючий ковер через заднюю лужайку к дорожке. Уложив этот сверток рядом с первым, он вытер платком лоб. Казалось, что над двумя свертками парит нимб из кошачьей шерсти. К ладоням Ричарда также пристали кошачьи волосы. Он потер ладонь о грубую изнанку ковра, ощущая его плетение и узлы. Теперь он поможет Лауре домыть пол... а завтра, когда они закончат с первой уборкой, он начнет смешивать свой волшебный эликсир, чтобы протереть им пол и лестницу.

Он обернулся, и сердце у него забилося сильнее. Через улицу, у каменной, заросшей плющом стены, стоял Билли Бентли и улыбался ему. Руки у него были сложены на груди, на затылок лихо сдвинута шляпа.

Билли расплел руки и на фоне зелени плюща блеснуло лезвие ножа.

— О, нет, нет, — сказал Ричард, едва ли понимая почему.

Лицо у Билли было насмешливым. Он сделал шуточный выпад ножом. Огромный серый кот прыгнул со стены и потерялся о ноги Билли. Билли шагнул вперед и вышел из тени.

Ричард должен был удержать Билли вне дома, — может, именно это и пытались сообщить ему повторяющиеся кошмары? Билли здесь не было, но нужно было не подпустить его к Лауре даже при том, что его здесь не было.

Ричард на секунду повернулся спиной к зрелищу крадущегося Билли Бентли, сжимающего в руке нож, прыгнул на заднее крыльцо, захлопнул двери и запер их на замок. Потом, тяжело дыша, повернулся, но Билли уже не было. Трава была примята — так, словно Билли, прежде чем исчезнуть, сделал несколько шагов.

Большой серый кот появился в поле зрения Ричарда, внимательно поглядел на него и постепенно растворился в зелени травы и темном асфальтовом покрытии.

— О, Боже, — выдохнул Ричард. — Я схожу с ума. Билли Бентли и Чеширский кот.

— Что это? — спросил кто-то.

На дорожку вышел пожилой человек в кепке, голубой майке на широких костистых плечах и впалой груди, и застиранных коричневых штанах. Его черные баскетбольные ботинки шаркали по асфальту.

— Просто говорю сам с собой, — сказал Ричард. Старик казался знакомым, но Ричард не мог вспомнить — откуда. Он хотел лишь, чтобы тот убрался прочь.

Старик остановился, выпрямился и упер руки в бока.

— Лучше делать это потише. А то вы можете напугать соседей.

— Может, вы и правы, — согласился Ричард. Сердце его начало стучать тише, возвращаясь к нормальному состоянию.

Старик укрепился в этой привычной позе и вновь обратился к Ричарду.

— Думаю, мне лучше представиться, — сказал он. Голос у него был неожиданно молодым, чистым и звучным. — Меня зовут Грем Вильямс. Я живу через улицу.

Он помахал в направлении облезлого особняка в колониальном стиле, который устроился на заросшей сорняком лужайке.

— О, Грем Вильямс, — сказал Ричард. Так вот почему старик выглядел таким знакомым. — Это вы собирались выступить перед комитетом, верно? А потом передумали.

— А потом передумал, — сказал Вильямс. — До чего же хорошая у вас память. Вместо этого я на пару лет сбежал в Англию. А там написал под псевдонимом несколько дурацких сценариев. Древняя история. Странно, что вы помните. — Теперь повадка Вильямса показалась Ричарду не такой дружелюбной, глаза у него блестели из-под козырька кепки.

— Я читал вашу книгу про алкоголизм. По-моему, здорово.

— Похоже, я потрясен. В самом деле, читали? Порождение иной эры, эта книжка. Нам тогда казалось, что нужно спиться, чтобы доказать всем, что у нас есть душа и чувства. Что-то в этом роде. Куча криминальной ерунды.

— Вроде Хэма, — сказал Ричард. Он все еще хотел, чтобы старик ушел, но в то же время ему хотелось показать, что он поддерживает Вильямса.

— Думаю, держатели баров не согласились бы с моей теорией, — Вильямс кивнул в сторону задней двери. — Похоже, там с вашей дверью борется беременная женщина.

— О, там закрыто. — Ричард повернулся и поднялся по ступенькам. Лаура дергала изнутри ручку и в раздражении колотила о дверь коленом. Верхняя часть двери была забрана стеклом и черты лица Лауры за ним казались смутными и расплывчатыми.

Он отодвинул засов и крикнул ей:

— Поверни ручку.

Когда она наконец выбралась на заднее крыльцо, он сказал ей:

— Я видал твоего кота. А это наш новый сосед, мистер Вильямс. Он живет через улицу.

— Я подумал, что нужно пригласить вас обоих что-нибудь выпить на неделе, — сказал Вильямс. — Рад познакомиться, миссис Альби.

— И я тоже, мистер Вильямс, — сказала Лаура. — Ты видел его, Ричард? Кота?

— Котов тут больше не осталось, — сказал Вильямс. — Их отловили с месяц назад.

— Но мы оба их видели, — сказала Лаура. — У миссис Сэйр был большой серый кот?

— Двадцать больших серых котов. Я никогда не мог их различить. Понимаете, я знал Сэйров почти всю жизнь. Вообще-то я был приглашен в клуб, когда Джон Сэйр застрелился.

Лаура положила руку на выступающий живот.

— Я совсем не хотел расстроить вас, миссис Альби, — сказал старик. — Все это случилось почти тридцать лет назад — в 1952-м. Даже когда Бонни Сэйр превратила этот дом в кошачью гостиницу, все равно можно было догадаться, до чего он красив. Кошек давно уже нет, но запах остался, я полагаю.

— А эта кошка — призрак, — сказала Лаура, и Ричард понял, что она мстит Вильямсу за рассказ о самоубийстве Джона Сэйра.

— Призраки, разговоры с самим собой, — сказал Вильямс, — и куда мы так придем? — Это было сказано небрежно, но Ричард видел, что на старика замечание Лауры произвело впечатление. Глаза у него были растерянные, и он запахнул белый шарф под горлом. — Я думаю, в субботу вечером. Мы поговорим и о призраках, если хотите. Я подумал, что ваш муж может интересоваться историей этой местности, миссис Альби.

— Вы хотите сказать, из-за его матери? Из-за семейства Гринов?

— Да. Я рад, что вы уже об этом знаете. Я — тоже из семьи основателя. И, разумеется, Пэтси Макклауд тоже. Интересно, что наши семьи вернулись сюда, ведь сколько лет прошло.

— Да, — сказала Лаура, — интересно.

— Ну в нашей истории есть кое-какие интересные главы, — сказал Вильямс. — Приходите после обеда, если хотите. — Он пожал руку Лауре, потом Ричарду. — Наверное, вы хотите получить кое-какие... объяснения? Я не знаю, может, это звучит слишком загадочно?

— Я принимаю все возможные объяснения, — сказал Ричард. — Вы знали моих родителей, мистер Вильямс?

— Я знал большую часть людей в Хэмпстед в сороковые годы, — ответил Вильямс. Он вопросительно посмотрел на Ричарда. — Я немного знал Мэри Грин — она была милым маленьким созданием. У нее действительно было чувство долга. Отца вашего тоже я часто видел. У него были хорошие руки. Майкл работал в домах по всему Хэмпстеду. Так он и Мэри встретил. Приятный был парень. Улыбчивый.

— Он работал в этом доме? — Ричард затаил дыхание.

— Не думаю. Но в большинстве домов по Хэмпстеду — да. Приходите в субботу, и мы поговорим об этом.

— Я постараюсь.

После того, как Грем Вильямс медленно пошел обратно через улицу, Лаура сказала:

— Он не нравится мне, Ричард. У меня от него мурашки по коже. Я не хочу идти к нему в субботу.

— Я должен кое-что узнать от него, — сказал Ричард. — Знаешь, я и в самом деле увидел серого кота. — Он хотел перевести разговор и внимание Лауры с их нового соседа. Вильямс, казалось, подвел черту появлениям Билли Бенгли и серого кота, и Ричарду все время казалось, что он тоже вот-вот растворится в воздухе. — Я тоже видел, как кот исчез.

— Так что больше не шути насчет психиатров.

Ричард сказал «нет» и покачал головой. Он знал, что Лаура, как и он, вспомнила про Пэтси Макклауд.

— Ты почувствовал, что кот приветствует нас? — спросила Лаура.

— Не уверен, — ответил Ричард. — Может, мне он и не так уж рад.

11

Этой ночью Ричарду Альби приснилось, что он несет по дому Сэйров старый тяжелый меч. Была ночь и дождь барабанил по крыше. Меч слабо мерцал в сумерках. Ричард вышел из кухни и прошел через пустую столовую. Стены казались ему ободранными, а под ногами было что-то мягкое и прогнившее. Большой кот с интересом наблюдал, как Ричард тащит меч через пустынную гостиную. По оштукатуренным стенам змеились трещины. В полу чернели дыры. Ричард открыл переднюю дверь и вышел на крыльцо. Окрестности были зелеными и влажными. Ричард шагнул с крыльца

и под дождем прошел на середину лужайки. Меч, казалось, весил, как взрослый мужчина. Ричард с трудом поднял его над головой и с силой опустил. Меч врезался в мокрую землю. Из-под лезвия потекла кровь, она залила Ричарду ботинки и обшлага брюк. Ручей крови сбежал с холма и достиг дерева на границе участка. Ричард вогнал меч еще глубже в землю и ярко-алая кровь, артериальная кровь, выплеснулась с такой силой, что забрызгала крышу.

12

Годы назад полицейский Ройс Гриффен получил работу, которую он возненавидел, но во время дополнительных дежурств из-за эпидемии гриппа он работал, как, по его мнению, и должен был полицейский, управляя патрульной машиной. Он с удовольствием рулил на восьмичасовых дежурствах, понимая, что, когда все закончится, он вернется к своей обычной, рутинной работе.

Хуже было, когда он возвращался в дежурку. Если он при этом наткался на Турка, тот издевался над ним, пытаясь развеселить остальных полицейских. «Эй, Ройси-Войси, — хихикал Турок, заведя его, — а сегодня ты разве не едешь по домам? А что ты сделаешь, если тебе отворит бабенка в ночной сорочке? Офицер Ройси-Войси к вашим услугам, мадам — вот что ты ей скажешь? А личную пушку ты ей не покажешь?»

При этом Турок многозначительно закатывал глаза. «Эй, мэм, я покажу вам, что надо сделать, чтобы плохой дядя не пришел сюда, если он вам не нужен».

К сожалению, Ройс Гриффен едва дорос до официального минимума роста офицера полиции — пять футов шесть дюймов и весил лишь сто сорок фунтов, иначе он набросился бы на Турка прямо в дежурке. Но остальные полицейские знали, что Ройс изничтожит любого, кто посмеет засмеяться шуткам Турка. Лицо его было почти таким же красным, как и его волосы.

— Кончай, — сказал он.

— Да, Ройси, — ответил Турк и удалился.

О, Боже, до чего же он ненавидел эту работу! Если бы он все еще был женат, он, вернувшись домой, пожаловался бы, до чего его раздражают эти провонявшие мылом домохозяйки, как над ним издеваются, потому что он меньше всех ростом, и почему он делает работу, которую в других участках обычно делают женщины. Но жена оставила его после трех лет совместной жизни, когда она безуспешно пыталась прожить на зарплату полицейского. Ройс не обвинял ее, он и сам с собой развелся бы, если б мог.

Он получил эту работу из-за увеличения количества грабежей в последние три года, а убийства Стоуни Фрайдгуд и Эстер Гудолл показали, что работал он понапрасну. Два года он стучался в двери, представлялся и консультировал домовладельцев, как предотвратить ограбления. Он исследовал дверные замки, запоры на окнах, проверял сигнализацию, давал советы — все это доводило его до безумия. Дело в том, что если вор захочет проникнуть в дом, он все равно туда проникнет. Не помогут ни мудреные дверные запоры, ни свирепый мастифф, ни ультразвуковые пучки, которые через регулярные интервалы времени пронизывают комнату. Сигнализация внезапно выходит из строя, собака крепко спит, а люди забывают запереть двери. Вся его жизнь была напрасным расходом сил. В любой из исследованных им домов с легкостью проникла бы даже девчонка из скаутского отряда.

За два года до этого он разделил город на квадраты, а потом каждый квадрат — еще на квадраты. Сейчас он находился в секции 3 третьего квадрата, которая располагалась в нижней части Гринбанка и включала Маунт-авеню и весь участок до Хиллхэвена. Обычно Ройс Гриффен был рад оказаться внутри шикарных домов, но сейчас, выполняя свою ненавистную работу, он чувствовал себя точно слуга — эти огромные дома с их изысканным убранством напоминали ему обо всем, чего он лишился, когда стал офицером полиции. Со времени развода Ройс делил верхний этаж жилого дома, неподалеку от стоянки трейлеров, с еще одним разведенным полицейским.

Его второй остановкой этим утром был большой белый дом, выходящий на Грейвсенд-бич, который он рассматривал уже годы, не зная, кто там живет. Почтовый ящик тоже не давал ответа на этот вопрос — на нем была одна лишь цифра 5. Ройс въехал в ворота. Он даже и не представлял себе, какой большой участок окружал дом — он ехал словно по парку. Дорога петляла меж деревьев, потом свернула к дому над крутым обрывом.

Лужайка была заросшей, что для такого места выглядело нетипично. Должно быть, Бобби Фрица свалил грипп, подумал Ройс. Там и сям на фоне зелени сверкали желтые пятна одуванчиков.

Ройс подъехал к парадной двери, выбрался из своего патрульного автомобиля и позвонил. Он поправил кобуру, сдвинул фуражку на затылок и расправил плечи, чтобы казаться как можно выше. Начнем все по новой, уныло подумал он.

Дверь открыла пожилая женщина в белой униформе. Она выглядела одновременно сердитой и расстроенной, и когда он поглядел на нее, он понял, что она плачет.

— Доброе утро, — сказал он. — Я — офицер Гриффен из хэмпстедской полиции. Хозяйка здесь?

— Пуфф! — сказала она, — никакой хозяйки тут нет.

— Ну ладно. Моим особым заданием является предотвращение ограблений. Могу ли я отнять немного вашего времени и проверить замки, системы сигнализации и так далее, чтобы дать рекомендации по их улучшению? Здесь, в Хэмпстеде, как вы знаете, у нас в среднем два ограбления в час. — Все это Ройс помнил наизусть и произносил не задумываясь. Он глядел не на экономку или горничную, или кем там она была, но на дверной замок. Обычный йельский замок.

— Доктор, — сказала женщина, отворачиваясь от него, — офицер полиции.

В глубине холла в дверях появился стройный человек в белом костюме. Он улыбался и был завораживающе красив. Ройс постарался еще чуть-чуть выпрямиться.

— Да-да, Мюриэл, — сказал мужчина, подходя ближе, — мы должны провести офицера в дом. Дайте ему чашку кофе, пожалуйста.

— Нет, спасибо, сэр, — начал было Ройс, но домоправительница прервала его:

— Я всегда подаю кофе вашим гостям, доктор.

— Разумеется, Мюриэл, — сказал доктор. Он, улыбаясь, протянул Ройсу руку. — Приятно познакомиться, офицер.

Мюриэл исчезла в холле.

— Мне пришлось сказать ей, что я увольняю ее, — интимным тоном сказал доктор, — я скоро удаляюсь от дел. Так что мне придется немного поужаться. Я рассчитал даже садовника. — Он притронулся к локтю Ройса. — Но не забивайте себе этим голову, юноша. Вы ведь пришли мне рассказать, как отпугнуть грабителей?

— Да, сэр. — Ройс показал на йельский замок и выдал свою заученную речь насчет дверных запоров и пружинных замков.

— Хороший замок — вот лучшая защита, — сказал он. — Мы можем осмотреть ваши окна и остальные двери, сэр?

— Прошу, — сказал доктор. Он проводил Ройса в гостиную, где были два окна с навесными крючками, и в кухню. Дверь, выходящая во внутренний дворик, тоже запиралась на один простой замок. — Судя по тому, что я уже видел, — сказал Ройс, — в доме довольно много ценных вещей. Вы никогда не думали поменять дверные замки, сэр?

— Я живу здесь всю жизнь, — сказал доктор, — и знаю всех в городе. Никто не попытается проникнуть сюда, верно ведь?

Теперь он вел Ройса назад через столовую.

— О, здесь прекрасно, — сказал Ройс. Комната огромными окнами выходила на море, по воде плыли парусные яхты, а вдали, в туманной дымке, виднелся Лонг-Айленд. В самой комнате было сорок футов длины. Самый большой восточный ковер из всех, которые он видел, застилал пол, уставленный мебелью, роялем, растениями в кадках и скульптурами. Большая часть скульптур изображала женщин. Ройс склонился над маленькой статуей танцовщицы: Дега. Звучало это очень дорого и очень по-французски. На противоположной стене висели картины и зеркало в причудливой раме. — Думаю, что многие грабители хотели бы попасть сюда. У вас есть сигнализация?

— О, однажды я пробовал наладить ее, — сказал доктор, но Ройс неожиданно начал с трудом различать его голос. Что-то было не так, должно быть, он все-таки подхватил этот грипп. Казалось, что голос доктора уплывает чуть в сторону, как радиоволна. Красивая комната, в которой они стояли, неожиданно увеличилась до размеров авиационного ангара, свет потускнел, потом приобрел блестящий розовый оттенок. Неожиданно Ройс почувствовал, что ему трудно стоять — комната была такой большой, что грозила поглотить его.

Когда у него за спиной появилась Мюриэл с чашкой кофе, он безмолвно принял ее. Доктор все еще что-то говорил, но Ройс слышал лишь неразборчивый шум. Кофе воняло, точно помой. Он поглядел на стену, где висели залитые солнцем чужеземные пейзажи, и зеркало неожиданно начало мерцать и плавиться. По его поверхности пронеслась вспышка молнии. Он был в зеркале. Он, рыжеголовый карлик. Рот у него кривился, глаза выпучились. Он был необычайно уродлив — тролль, вырядившийся в полицейскую форму.

— Так что в конце концов я решил ничего не предпринимать, — сказал доктор. — Я просто положился на порядочность остальных, но я запираю двери на ночь и включаю освещение во дворе.

— Да, — сказал Ройс. Ему нужно было выбраться из этого бесконечного, ужасного места. Его уродливое «я» в зеркале гримасничало в ответ и пролило на пол кофе из чашки. Доктор вынул чашку из его руки и проводил его к входной двери.

Как только они оказались в холле, Ройс услышал за дверью шепот десятка голосов, гудение миллионов мух.

Доктор сказал:

— Уверен, я воспользуюсь вашим предложением.

— Да, — сказал Ройс. Он безумно хотел убраться отсюда. Доктор улыбнулся и закрыл парадную дверь.

На обратном пути Ройс чуть не врезался в дерево.

С тех пор ДРК — разумное облако, — быстро довело его до безумия. Его чувства странно исказились — он слышал музыку, но по радио были одни лишь переговоры полицейских, он чувствовал тяжелый, душный запах, исходящий от его собственных ладоней и он по-прежнему казался себе маленьким уродцем.

Третья остановка прошла нормально. Рот его сам произносил привычные фразы («Выполняю специальное поручение, мисс, я советовал бы вам проверить то и это»), и он выбрался из дома, не испытывая никаких необычных ощущений.

Но в четвертом доме он потерял самообладание. Он сидел за складным столиком на террасе, а хозяйка дома сидела напротив, потягивая чай со льдом. Он знал, что это чай со льдом, потому что видел, как хозяйка доставала его из холодильника. Но тут реальность исказилась, он вновь почувствовал себя уродом, а у хорошенькой хозяйки волосы потускнели и растрепались. Он чувствовал запах виски, исходящий из чашки, зажатой в ее руке, а ноги у него упирались во что-то мягкое и жуткое — мертвое животное? Он увидел, что тыльная сторона рук миссис Кларк горосла густой темной шерстью.

— Простите, — сказал он, поняв, что остановился посредине фразы.

*«Ноги мои — крюки и запоры,
руки — крюки и болты», —*

пропела миссис Кларк надтреснутым голосом.

Ройс заорал в панике и отвращении — он поглядел вниз и увидел, что пол на террасе был покрыт огромными мертвыми пауками размером с кошку. Миссис Кларк встала. Спина у нее была сторблена, губы отвисли, обнажая гнилые пеньки.

*«Отвори мои запоры, поцелуй мои болты,
и тогда я выйду замуж за тебя», —*

пела миссис Кларк. Она плеснула виски в пауков, и их жирные тельца задрожали. Вниз по стенам поползла коричневая слизь.

— Простите, — повторил Ройс. — Я паршиво себя чувствую. Лучше я пойду.

Огромный черный паук, которого миссис Кларк оживила при помощи виски, полез к его ноге. Стены дома были слеплены из грязи и оползали вниз. Лицо миссис Кларк тоже сползло к подбородку — и она была сделана из грязи.

Ройс убежал — если бы он остался, его бы засосала серая трясина и он не выжил бы. Он побежал, огибая наружную стенку дома. Невидимая серая толпа хохотала над ним: над его страхом, его неуклюжестью. Наконец он обнаружил свой автомобиль и даже умудрился завести его. Он поехал по Маунт-авеню и свернул налево, на Бич-трэйл.

Поворачивая в панике на Поуст-роад, он чуть не съехал в кювет. Воздух пожелтел, и огромный желтый паук размером с пикап полез из кювета к патрульной машине.

Ройс заорал, выкрутил руль и поехал назад, в полицейский участок.

Старое здание участка не изменилось — здесь с Ройсом ничего худшего, чем издевательства Турка, приключиться не могло. Он уселся в чистой крохотной дежурке и написал липовый рапорт о сегодняшних визитах. Он заполнил отчеты и, чтобы заполнить время, спустился вниз и расстрелял мишень в подвальном тире.

Потом опять пошел наверх, в дежурку.

— Эй, Ройс! — прокричал ему Бобо. — Встретил сегодня какую-нибудь красотку?

— То и дело, — пробормотал Ройс. Он вспомнил сползающее к подбородку лицо миссис Кларк

— А выглядишь ты не таким уж распаленным, — заметил Бобо. — Ты, что, подхватил этот грипп?

— Нет. Я в порядке.

— А, Ройси-Войси, — завел свою песню Турок. Он вошел в дежурку, воняя пивом, на рубашке у него были пятна кетчупа. — Позвольте, я позвоню в звоночек, леди. Разрешите, я нажму на кнопку.

Ройс уставился на Турка и увидел труп, который уже три недели как разлагался. Тело избили то ли до, то ли после смерти, и от ран отставала гнилая сморщенная кожа. Глаза были темно-коричневыми, а кожа со лба сползла, обнажив бесцветную кость.

— О, Боже! — сказал Ройс. Он встал. Больше никто не видел, что Турок выглядит хотя сколько-нибудь необычно. Значит, он сходит с ума.

— Расскажи нам, как ты сегодня повеселился, — сказала жуткое подобие Турка.

— Я уйду отсюда, — сказал Ройс и пятнадцать минут просидел в своей машине перед тем, как включить зажигание. Этой ночью он не патрулировал Гринбанк, если честно, то он вообще не патрулировал. Он заехал в тупиковую аллею на Меррит-парке и просидел там в машине с закрытыми глазами. Он все еще видел миссис Кларк

и все еще вспоминал о большом овальном зеркале в белом доме на Маунт-авеню.

13

На следующее утро Ройс Гриффен появился на станции рано. Он сидел в пустой комнате, пока не подошли остальные. Томми Турок появился явно после чудовищной попойки, он выглядел еще хуже, чем обычно, и вонял дешевым виски. Один глаз у него заплаыл. На утреннем сборе, когда все полицейские собрались в участке, Ройс с ужасом оглядывался вокруг — капитан и почти все полицейские тоже были мертвецами. У некоторых в их форменных рубашках были аккуратные пулевые отверстия, остальные, как и Турок, погибли от рубленых ран. После того, как всех распустили, Ройс заехал в знакомый тупик и, дрожа, отсидел там восемь часов.

Под конец смены он зашел в туалет в участке и заперся в кабинке. Похоже, что-то бродило внутри, и он еле-еле успел стащить штаны. Когда он присел над унитазом, жгучая боль немедленно сменилась облегчением. Но боль тут же возобновилась, она была такая сильная, что он едва не заплакал. Он поглядел вниз, на мошонку, которую жгло, точно огнем, и завопил от ужаса: вся мошонка была покрыта красными, точно его волосы, крохотными пауками. Часть их шевелилась в унитазе, часть ползла в стороны. Он подхватил штаны и выскочил из туалета. Он с трудом заставил себя пройти по коридору, не спеша.

Оказавшись внутри патрульного автомобиля, Ройс запер все дверцы, потом вытащил из кобуры «смит-вессон». Ему пришлось удерживать револьвер обеими трясущимися руками. Он снял его с предохранителя, прошептал «О, Боже!», засунул дуло в рот и откинулся на переднем сиденье. Потом нажал курок и содержимое его головы обрызгало спинку сиденья и потолок машины.

14

В пятницу утром братья Норманы возникли по обеим сторонам Табби, когда он вынимал книжки из своего шкафчика. Их не было в школе ни в среду, ни в четверг, и Табби надеялся, что Брюс уговорил Дики освободить его от роли грабителя. В конце концов, ведь именно Брюс не настаивал, когда он отказался крушить свой собственный почтовый ящик, ведь верно?

Но от них по-прежнему исходил резкий запах насилия, а первые слова Брюса показали, что близнецы еще не оставили своих планов насчет Табби.

— Думаешь, куда потратишь свою сотню, Табс?

Табби покачал головой.

— Табс, — выдохнул Дики.

— Мы подберем тебя завтра вечером, — сказал Брюс. — Около десяти. И не говори никому, куда ты собираешься и с кем, ясно?

— Я не хочу этого делать, — сказал Табби.

— Ну конечно, хочешь, — сказал Брюс. — А знаешь, что парни во Вьетнаме носят отрезанные уши как ожерелья?

Дики усмехнулся.

— Держись нас, Табс, — сказал Брюс. — Мы — друзья.

— Ага, — сказал Табби. — В десять.

Он бы послал сотню долларов Шерри и потом больше никогда не имел дела с близнецами Норманами.

15

Спустя шесть часов, в ту же пятницу Ричард Альби вешал новые занавески. Он отворил окно, и коричнево-золотистые полотнища легли складками до самого пола. Запах кошек миссис Сэйр в гостиной уже был трудноразличимым. Еще одна хорошая уборка и проветривание — теперь, когда он избавился от старых ковров, — и кошачьи призраки исчезнут из дома.

Он услышал шаги Лауры, которая спускалась по лестнице, еще миг, и она отворила дверь в гостиную.

— Я еще раз вымою пол, — сказала она, — и отдохну немного. Как дела с окнами?

— Осталось одно. Еще работы минут на сорок. Когда закончишь свои дела, приходи, составишь мне компанию.

Несколькими минутами позже Лаура вновь заглянула в гостиную.

— Эй, Ричард, я вот тут думала...

— Да? — Он обернулся, оставив тяжелую ткань свешиваться с новой блестящей струны.

— Если ты действительно хочешь пойти в гости к этому старику, я не возражаю. Честно. Я просто уйду спать пораньше. — Она улыбнулась. — Только потому, что ты был таким милым и притворился, что тоже видишь этого кота.

— Я не притворялся.

Голова Лауры исчезла из дверного проема, и Ричард вернулся к работе. Он поплотнее натянул струну, так, чтобы она не прогибалась, подвигал занавеси взад-вперед, чтобы убедиться, что они легко ходят, и, наконец, распределил и зафиксировал тяжелые складки. Он вновь подвигал занавески — все было в порядке. Еще три дня работы, и он приведет в порядок все окна в доме. В понедельник он и Лаура подпишут бумаги в конторе Юлика Бирна, и сердца юристов смогут биться спокойно.

Он нарочно старался не думать о Билли Бентли: этого просто не было.

Затем на миг, по непонятной причине, Ричард увидел, как на лужайке перед домом появляется кладбище, увидел, как раскрываются могилы и взлетают в воздух могильные плиты, увидел, как землю покрывают скелеты и обломки костей. Словно сама земля корчилась в муках саморазрушения, вышвыривая на поверхность камни, кости и тучи песка. Он покачал головой. О, Боже! Билли Бентли, покойся в мире!

Потом перешел к следующему окну. Руки у него дрожали.

Часть вторая

Основание

Будь счастлива, моя любовь, прощай и не грусти...

Роберт Бернс.

I ПЕРВЫЙ ПОРОГ

I

Большую часть недели Пэтси и Лес Макклауды избегали друг друга, поскольку у каждого было свое собственное представление о том, что между ними произошло. Пэтси не хотелось препираться с Лесом, она была рада возможности спокойно посидеть и обдумать все, что произошло между ними в то утро, когда она повстречалась с Табби у «Деликатесов». Лес же, начиная со вторника, выглядел несчастным и обиженным и избегал встречаться с ней взглядом. Он думал, что таким образом он сможет заставить ее чувствовать себя виноватой в том, что произошло, и в прошлом такая тактика имела успех. Однако Пэтси больше не испытывала чувства вины — пока он болен, она будет о нем заботиться, но она вовсе не собиралась посвятить этому всю жизнь. Когда она глядела на обиженного, заросшего мужчину, лежащего на их супружеской постели, она видела не мужа, но пациента — именно такого к себе отношения он и требовал на протяжении всей их совместной жизни. Если мужчина полагал себя крутым бизнесменом, ему нужно было подыгрывать и уверять его, что он такой и есть, если он ощущал неуверенность и справлялся с этой неуверенностью, иногда поколачивая жену; нужно было без звука сносить побои, а если он приходил домой, наложив в штаны, точно малолетний ребенок, то было совершенно ясно, что после болезни он начнет активно восстанавливать свой утраченный имидж.

В субботу Лес валялся в постели, а Пэтси расположилась в соседней комнате с библиотечным экземпляром «Истории Патчина» Д.Б.Баха. В одиннадцать тридцать Лес заглянул в комнату и спросил:

— Как насчет ленча?

Она сказала, что не хочет есть.

— Как насчет *моего* ленча?

— В холодильнике наверняка есть какая-то еда.

— О, Боже! — сказал Лес и хлопнул дверью.

Два часа спустя он снова заглянул в комнату. Кулаки у него были стиснуты, глаза сверкали.

— Ты что, хочешь начать все снова?

— Я просто хочу побыть одна, — сказала Пэтси.

— Ладно. Я иду на гольф. Сиди одна, если хочешь и дальше вести себя как обиженный ребенок.

Табби и Кларк Смитфилды провели эту субботу в мрачном молчании. Кларк пытался объяснить сыну, что вина во всей этой истории лежала на Шерри, что ее неприятие Хэмпстеда и Коннектикута вытолкнуло ее из дома, и Табби видел, что Кларк и сам верит в это.

— Мы справимся, парень, — сказал Кларк. Был полдень и он смешивал себе вторую выпивку. — Без нее нам будет даже лучше.

Весь день они смотрели телевизор. В шесть Кларк поехал в итальянский ресторан на Поуст-роад и вернулся с огромной пиццей. Они молча посмотрели центральные новости, местные новости и начало субботнего вечернего кинофильма «Из России с любовью». Табби все время поглядывал на часы. Стемнело, и в библиотеке дома «Четыре сердца», в которой почти не было книг, ступились сумерки.

— Папа, — спросил он. — Ты не собираешься устраиваться на настоящую работу?

— У меня есть работа, — сказал Кларк. Он потягивал ирландское виски и не глядел на Табби. — Я могу начать работать, как только захочу.

— Но ведь у тебя нет работы, — сказал Табби. — Сейчас нет.

— Я же сказал, что начну работать, верно ведь? — сказал, не глядя на него, Кларк.

Табби встал и вышел из комнаты. Когда он был наедине с отцом, ему казалось, что он смотрит на утопающего. Какое-то время он постоял на крыльце. Деревья Гринбанка и Эрмитаж-авеню обнимали лужайку «Четырех сердец» и шли дальше, на тихую улицу. Над ними выстроились бездушные звезды. Табби спустился по ступенькам, уселся в траву и стал ждать близнецов Норманов.

2

Тем же вечером, вскоре после половины десятого, Ричард Альби был у дома Грема Вильямса. Когда он выбрался из машины, он обернулся, чтобы поглядеть, как выглядит с улицы старый дом Сэйров. Он уже выглядел лучше, подумал он, — дом кажется

обитаемым. Дома, как дети и животные, расцветают от любящих прикосновений. То, что он видел Билли Бентли, больше чем когда-либо казалось ему лишь иллюзией. Теперь он был рад, что не сказал Лауре, которая сейчас лежала в ненавистной водяной постели, читая роман Джойс Кэрол Оутс и смотря по телевизору кино с Джеймсом Бондом, ничего больше — только то, что он видел кота.

На углу Чарльстон-роад раздались легкие шаги. Ричард невольно напряг мышцы. Подсознательно он ожидал, что увидит большого серого кота, медленно выступающего в круге фонарного света сразу за поворотом.

Бред, бред.

Кто-то вышел из-за угла и направился к нему. Потом, когда фигура встречного попала в полосу света от уличного фонаря, Ричард узнал Пэтси Макклауд. Под мышкой она несла толстую книгу. Наряду с облегчением при виде знакомого лица, Ричард почувствовал, глядя на Пэтси, слабое чувство вины. Он помахал ей. Она была в бледно-голубой рубашке и белой юбке, которая складками спадала с талии и доходила до щиколоток. Пэтси тоже помахала ему в ответ — она узнала его.

— Не знал, что вы тоже будете здесь, — сказал он.

— А я думала, что вы будете тут с Лаурой, — сказала Пэтси, пристраиваясь к нему.

— Лаура в постели с Джеймсом Бондом.

— А Лес подхватил грипп. Во всяком случае, Лаура устроилась лучше.

Ричард спросил ее о книге, которую она несла с собой.

— А мистер Вильямс ничего вам не сказал про то, почему он хотел видеть нас вместе? И про табличку на Маунт-авеню?

Ричард покачал головой и нажал на кнопку звонка.

— Тогда, наверное, нужно, чтобы он все объяснил.

— Мы все выясним.

— Все. — Она улыбнулась ему.

Вильямс отворил двери и уставился в темноту.

— Вот и вы оба! Спасибо, что пришли. — Он отступил с дороги, пропуская их. На нем была его обычная кепка и серая майка, которая была ему мала.

Пэтси и Ричард прошли в коридор, заставленный книжными полками. Книги стояли в ряд и громоздились над верхними полками, как небоскребы, книги лежали в стопках и рядом с полками.

— Куда нам идти? — спросила Пэтси в темноте, потому что шарообразный светильник, свешивающийся с потолка в коридоре, перегорел.

— Первая дверь налево.

Пэтси, а за ней Ричард прошли в гостиную. Здесь стены были уставлены книжными шкафами, а перед полками были навалены груды книг, доходившие до пояса. На полу, прислоняясь к полкам или к грудам книг, стояли застекленные рисунки или плакаты к старым кинофильмам. Горел тусклый верхний свет, который дополняли настенная лампа над зеленой кушеткой и более современная настольная лампа на гибкой ножке, которая стояла на столе из светлого соснового дерева. Тут же стояла очень старая черная механическая пишущая машинка, и лежали несколько чистых листов бумаги. Комната пахла мастикой, возрастом, книгами.

Вильямс появился в дверях.

— Усаживайтесь на тахту. Или туда, в кресло. — Он кивнул на большое кожаное кресло с высокой спинкой, которая почти затерялась в грудах наваленных книг. Кресло было таким старым, что казалось, его терли песком — с кожи слезла почти вся краска. Рядом с ним стоял высокий торшер и тяжелая мраморная пепельница. — Принести вам что-нибудь выпить? Кофе?

Пэтси и Ричард попросили кофе.

— Сейчас принесу.

Он действительно сразу же вернулся с тремя чашками кофе и поставил поднос на кофейный столик рядом с зеленой кушеткой. Потом взял одну из чашек и, подтянув к себе металлический стул из-за письменного стола, сел, глядя на обоих гостей. Они одновременно глотнули горячий крепкий кофе. Ричард гадал — с чего это он решил, что ему обязательно нужно придти сюда. Это была напрасная трата времени — Вильямс был всего-навсего одиноким стариком. Он пригласил их для компании, вот и все. Ричард облокотился на ручку тахты. Пушистый материал, которым она была обтянута, почти стерся.

— Полагаю, я должен извиниться, — сказал Вильямс. Он снял свою кепочку и запустил пальцы в остатки шевелюры. — Конечно, тут нужно все убрать, отремонтировать, но у меня никогда не хватало на это денег. Я просто привык к беспорядку вместо этого. Эти полки я ставил сам, лет сорок назад. Теперь я бы и доску не смог передвинуть. — Он все еще теребил себя за волосы, похоже, старик нервничал. Ричард гадал — сколько времени прошло с тех пор, как у Вильямса в последний раз были гости? А когда здесь последний раз была женщина?

Потом старик поразил его, сказав:

— Пэтси ведь ясновидящая, знаете ли. Так же как была ее бабушка, Джозефина Тейлор. Здесь есть мальчик по-соседству, так

он тоже ясновидящий. Табби Смитфилд. Джеймс Табби Смитфилд, если уж точно. Вверх, по Эрмитаж-роад. Не думаете, что вы тоже что-то в этом роде, Альби?

— Я? — спросил Ричард, сделав слишком большой глоток. — Ясновидящий? Нет.

— И я тоже нет. Разве что один раз, когда я увидел одного человека, я знал... ладно, не важно, что я знал. Я поберегу это до того раза, когда с нами будет молодой Смитфилд. Я думаю, вы знаете про свою семью и все такое? Про Гринов?

На миг Ричарду показалось, что Вильямс имел в виду его отца, и он уже нетерпеливо качнул головой.

— А! О Гринах. Немного знаю.

— Вы когда-нибудь видели табличку перед Академией?

Ричард взглянул на Пэтси и увидел, что она внимательно на него смотрит. Он вновь покачал головой.

— Смит, Тейлор, Грин, Вильямс, — сказал старик загадочным тоном. — И Гидеон Вильямс. Смит, который стал Смитфилдом, Тейлор — это наша милая приятельница, которая сидит с вами, Грин — это вы, а я Вильямс. А Гидеоном Винтером может быть кто угодно. Думаю, мне лучше объяснить все подробно.

3

— Ах ты, хитрое дерьмо, Табби, — сказал Дик Норман, болезненно постукивая костяшками пальцев по макушке Табби. Они устроились на переднем сиденье своего старого «Олдсмобила». Брюс сидел сзади. Оба Нормана, казалось, были гораздо счастливее, чем когда-либо видел их Табби. И от них воняло возбуждением и пивом, да и марихуаной тоже.

— Эй, я знал, что он придет, — сказал Брюс, чувствительно ткнув Табби локтем под ребра. — Он великий человек, наш коротышка. И ведь ты никогда не пикнешь ни о чем, а, коротышка?

— Конечно нет, — сказал Табби. — Но это последний раз, когда я делаю что-то в этом роде. Сегодня — последний раз, и все. Я хочу, чтобы вы об этом знали.

— С завтрашнего дня Табби с нами больше не дружит, — сказал Брюс. — Верно ведь, Дики? Он с нами с завтрашнего дня не дружит.

Дики в ответ попытался вновь выстучать какой-то ритм на макушке Табби. Они завернули на Бич-трэйл и теперь спускались вниз, к Маунт-авеню.

— Потому что я терпеть не могу этим заниматься, — сказал Табби. — Я пошел на это, чтобы сохранить уши, вот и все.

Оба Нормана расхохотались, распространяя запах пива. Дики свернул на Маунт-авеню вправо и проехал мимо главных ворот Академии Гринбанка.

На перекрестке Дики свернул на юг, по направлению к городу. Табби спросил:

— Куда мы едем?

— На стоянку, — пробормотал Брюс. Они спускались по Гринбанк-роад до первого фонаря, затем свернули к Пост-роад на дорогу к дому Сэйров.

Табби увидел человека, который стоял на другой стороне улицы около своего грузовичка на пустой стоянке ресторана «Дары моря». Брюс подкатил к фургону, и мужчина смотрел, как они выбираются из «Олдсмобиля». «Он не похож на грабителя», — подумал Табби. У Гарри Старбека был длинный унылый нос — такой нос может быть у дегустатора духов, беспокойные темные глаза и наморщенный лоб. Одет он был в унылый синий костюм. Он выглядел, как учитель алгебры.

Темные глаза на миг остановились на Табби.

— Да, я вижу, — заметил Старбек, хоть никто не сказал ни слова. Потом он заговорил, обращаясь прямо к Табби. — Ты знаешь, что тебе полагается делать?

Табби покачал головой.

Старбек протянул руку к окошку своего грузовичка и вытащил два переговорных устройства. Одно он протянул Табби.

— Включи его, — сказал он.

Табби покрутил прибор, пока не нащупал кнопку. Оба устройства громко загудели, и Табби поспешно выключил рублик.

— Сейчас они слишком близко друг от друга, — мягко сказал Старбек, все еще глядя Табби прямо в глаза. — Для того, чтобы они начали работать нормально, они должны быть на расстоянии не меньше пятидесяти футов. Но так мы и будем переговариваться. Ты садись в фургончик. Смотришь в переднее окно, в заднее окно. Следишь за дорогой. Понятно?

Табби кивнул.

— И если ты увидишь хоть что-нибудь, ты скажешь мне об этом. Мы будем в этом доме примерно с полчаса. Это довольно долго. Ты опишешь любого, кто остановится и посмотрит на грузовик. Что за машина. Все, что увидишь. Если это коп, ложись на пол грузовичка и связывайся со мной немедленно. Мы выйдем и позаботимся о нем, но нужно добраться до него раньше, чем он доберется до своего радио. Ты получишь деньги, как только мы выберемся оттуда. Понятно, парень?

— Я понял.

— Я уже начал думать, что ты немой, — сказал Старбек. — Ты должен усвоить одно. Если ты когда-нибудь заговоришь об этом с копами, или если я просто подумаю, что ты говоришь об этом с копами, я вернусь сюда и убью тебя. — Его солидное, обеспокоенное лицо не изменило выражения, пока он говорил это. — Я же бизнесмен, понимаешь? И из бизнеса выходить не собираюсь.

Норманы выглядели настолько потрясенными, что, казалось, вот-вот воспарят.

— К вашему медицинскому случаю это тоже относится, — сказал Старбек близнецам.

— Порядок, мужик, — сказал Брюс.

— Иди в фургон, — приказал Старбек, резко поворачиваясь. Он залез на сиденье водителя, Брюс на пассажирское сиденье, а Дики с Табби уселись в кузове. Табби все еще сжимал в руках радио.

Проезжая через Поуст-роад на выезд к дому Сэйров, они миновали статую Джона Сэйра изображавшую солдата Первой мировой войны. Табби в первый раз рассмотрел эту статую — лицо молодого солдата показалось ему демоническим: тени легли на впадины щек, бронзовые черты были суровыми.

Дик ткнул указательным пальцем в грудь Табби и притворился, что стреляет в него.

— Я никогда раньше не жил в таком месте, — сказал Старбек. — Это же не пригород, верно? Как это называется? Загород?

— Вот уж не знаю, — сказал Брюс. — Какая разница?

Старбек свернул налево, на Гринбанк-роад. Табби молчаливо застонал. Он должен был догадаться, они вновь возвращались в его район.

— Я тут почитал местные газеты, — сказал Старбек, выезжая на Гринбанк. — Знаете, что в этом городе происходит? Сколько арестов пьяных водителей приходится на конец недели? Сколько прикурков вламываются в дома, не имея никакого профессионального опыта? Без всякой подготовки? Это и не загород и не пригород. Это черт знает, что такое.

4

Пока Грем Вильямс говорил, Ричард обзирал книжные полки, повторяя про себя имена и названия на корешках. Половину стены занимала художественная литература, половину — история и биографическая литература. Одну полку занимали сценарии в черных виниловых переплетах. По левую руку располагались книги по

искусству. Сверху громоздились детективы — Вильямс явно был поклонником Раймонда Чандлера, Джона Макдональда, Аманды Кросс и Дороти Сэйерс.

— Ну ладно, — сказал он, когда Вильямс наконец замолчал. — Потомки четырех основателей Хэмпстеда снова собрались вместе — в Гринбанке, если быть точным. А нашим предкам доставил какие-то неприятности пришелец по имени Винтер. Но я боюсь, что должен спросить — ну и что?

— Это разумный вопрос, — сказал Вильямс, — и вы правы. Почему нас должно это беспокоить, раз мы не историки? Единственная причина — то, что случилось тогда, до сих пор влияет на происходящее. Ведь с историей всегда так, разве нет? Если бы норманны возобладали в Англии, мы сейчас бы говорили по-французски или что-то в этом роде. Так что давайте посмотрим на нашу историю здесь, в Хэмпстеде. Я хочу назвать вам три имени из трех поколений Хэмпстеда от 1898 до 1952 года. Робертсон Грин — он, должно быть, ваш пра-прадедущка, мистер Альби; Бейтс Крелл и Джон Сэйр. Бейтс Крелл исчез с лица земли в 1924-м, а Джон Сэйр совершил самоубийство в 1952-м. Я думаю, что Гидеон Винтер возродился в каждом из этих людей, и только у Джона Сэйра хватило сил противостоять ему.

5

Лес Макклауд забросил клюшки для гольфа в багажник своей «Мазды» и после ссоры с Пэтси отправился в Загородный клуб. До драки не дошло, хоть и ничего не приносит такого удовольствия, как хорошая драка, — Пэтси сама виновата, она все время доводила его — так доводить может лишь человек, который уже пять лет прожил с тобой бок о бок. «В холодильнике наверняка есть какая-то еда». Это был бунт против заведенного порядка вещей. На самом-то деле Лес недостаточно хорошо себя чувствовал, чтобы играть в гольф, но он ни на миг не мог больше оставаться дома, а гольф был хорошим предлогом для длительной отлучки. Его не будет дома пять или шесть часов, а потом он вернется и посмотрит, вняла ли она голосу разума. Или опять будет пилить его, пилить, пилить... А если будет, он хорошенько спросит ее, на что она рассчитывает.

Уже доехав до клуба и поставив машину на стоянке перед белым, украшенным колоннами зданием, Лес почувствовал, что вспотел, тогда как лоб и руки почему-то мерзли. Но он все-таки решил, что ему удастся управиться с девятью лунками, особенно если его

партнером будет какой-нибудь растяпа. Так что он выбрался из машины, повесил на плечо тяжелую сумку и пошел к клубу.

— Эй, Лес! Ищешь себе партнера? — ему улыбался неуклюжий Арчи Монаген. Арчи, второразрядный юрист, как раз и был тем растяпой, о котором мечтал Лес. — Мы должны были тут встретиться с Юликом Бирном, и что ты думаешь? Я только что позвонил к нему домой — он опять свалился с этим гриппом. Бедняга, он его подхватил дважды. Меня можно использовать как партнера, если хочешь.

— О, в любое время, Арчи, — сказал Лес и улыбнулся Арчи, отметив его добродушное красное лицо, желтую вязаную рубашку, обтягивающую толстое брюшко, красно-зеленые штаны, и добавил: — Сегодня я настроен на девять лунок — только что сам выкарабкался из гриппа. Что ты говоришь?

— Девять — это здорово, — неуверенно сказал Арчи, и Лес подумал, что бедняга с радостью бы урезал игру наполовину.

Лес отворил двери, но Арчи помотал головой и сделал приглашающий жест. Так они потоптались около двери, споря, кто пройдет первым, пока Арчи не усмехнулся и не прошел вперед.

— Как твоя жена, Лес? — спросил он. — Она — милая маленькая леди.

— Пэтси неплохо. — Лес не хотел вдаваться в обсуждение достоинств жены, особенно с Арчи Монагеном, который в прошлом году на вечеринке все время строил ей глазки. Арчи, как помнил Лес, любил поговорить о чужих женах.

— Пэтси Макклауд, Пэтси Макклауд, — любовно повторил несколько раз Арчи, точно речь шла о кинозвезде, и Лес был так раздражен, что мышцы ему свело и мяч полетел не туда.

— Не повезло, шеф, — сказал Арчи. Он подтянул животик, размахнулся и послал мяч по прямой, больше чем на двести ярдов.

К тому времени, как они вновь встретились у пятнадцатой лунки, Лес понял, что Арчи нарочно вывел его из себя, повторяя имя его жены. День и так начался паршиво и единственным утешением было то, что Арчи и сам несколько раз промахнулся. Однако юристу, казалось, было все равно.

— Я изучал это довольно долго, Лес, и пришел к заключению, что существует два типа женщин. Одни выглядят так, будто наслаждаются этим, а другие — будто вовсе не знают, что это такое. Понимаешь, о чем я? В этом городе по меньшей мере восемьдесят процентов женщин принадлежат ко второй категории. У них может быть трое детей, но все равно они ведут себя так, словно никогда не ложились в постель.

Отличный удар! — это уже Лесу. Арчи и сам послал мяч и помахал своей клюшкой. — Я как то поговорил об этом с Юликом, и он назвал мне восемь или девять женщин первого типа.

Арчи прицелился, отвел клюшку и ударил. Мяч, повинувшись безмолвным молитвам Леса, остановился за три фута от лунки.

— Ты только выйди на террасу клуба, там они все сидят. Едят свои салаты и говорят о своих парикмахерах. Как ты думаешь? Может, они говорят о том же дерьме, что и мы?

— К чему ты ведешь, Арчи? — Лес поднял свою тяжелую сумку с клюшкой. Он был весь мокрый, но его знобило. Лоб, казалось, был целой глыбой льда.

— Я хочу сказать вот что. Если единственная женщина, которая выглядит так, будто наслаждается этим, — это официантка на террасе, я с удовольствием женюсь на официантке. Я сказал это Юлику, и знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «Арчи, ты действительно думаешь, что все женщины втайне официантки?» Как тебе это нравится? Его не проведешь!

Лес пошел к следующим воротам. Он понял две вещи: первая — что Арчи Монаген не любит его ровно настолько, насколько сам Лес не любит Арчи — недаром же он повел этот разговор, и второе — что Арчи скучает по Юлику Бирну. Арчи хотел бы играть с молодым юристом, а не с Лесом. Арчи было пятьдесят, Лесу — сорок. Конечно, они оба, как бы ни относились к друг другу, имели больше общего, чем Арчи и Бирн, которому еще не исполнилось тридцати.

— Думаю, Бирн неглупый малый, — сказал Лес.

— Неглупый? Парень, да если бы он работал в корпорации, он уже был бы вице-президентом. Как насчет того, чтобы поставить денежки на ту лунку, шсф?

— Сотню за удар, — сказал Лес, но Арчи не возмутился. Он лишь усмехнулся.

На девятой лунке Лес уже проиграл Арчи триста долларов и собирался продуть еще сотню. Эта желтая рубашка и чудовищные полосатые штаны обскакали его. Отдать триста долларов Арчи Монагену! Лес предположил, что размеры пари воодушевили Арчи, и теперь тот из кожи вон лез, чтобы заработать свои сотни.

Лес мысленно прочертил линию удара, примерился клюшкой к мячу и устроился поудобней. Он не мог не думать, что если мяч пойдет, как надо, размер его долга упадет до двухсот долларов. Однако уже в ту секунду, когда клюшка пришла в соприкосновение с мячом, он знал, что удар будет неточным. И действительно, поначалу мяч пошел хорошо, но затем резко остановился, закатившись в подлесок.

— Может, одолжишь мой компас? — крикнул сзади Арчи.

Лес пошел за мячом, нарочно не глядя на партнера. Он не хотел видеть усмешку Арчи. Он знал это место и надеялся, что ему удастся оттуда загнать мяч в лунку. Лес озирался в поисках мяча. Он тяжело дышал, пот стекал ему за воротник.

Арчи как раз примеривался, чтобы ударить, и Лес остановился, чтобы поглядеть на него. Арчи примерился, махнул клюшкой... и ударил по мячу слишком сильно. Лес молчаливо аплодировал. «Не будешь больше шутить насчет своего дерьмового компаса», — мысленно сказал он сам себе.

Он сразу увидел свой мяч. Маленькая белая искорка устроилась во мху около большого дуба. Лес подошел к мячу и услышал треск в кустах за мячом. Белка. Лес обошел дуб и поглядел на поле для гольфа. Арчи стоял у лунки и вид у него был уже не такой радостный. Затем позади Леса раздался безошибочный звук — заплакал ребенок. Лес резко развернулся, но ничего не увидел. Когда он вновь поглядел на мяч, звук раздался снова. Он перевел взгляд на кусты и услышал там тихий треск.

— Эй, выбирайся оттуда, малыш, — сказал он.

Ребенок тихо всхлипывал.

Лес прислонил клюшку к стволу дуба и уперся ладонями в колени.

— Все в порядке. Выходи.

В кустарнике было тихо.

— Выходи. Я тут пытаюсь играть в гольф. Никто тебя не обидит. Выходи из кустов.

Не дождавшись ответа, Лес вновь подобрал свою клюшку. Казалось, ребенок в кустах увидел это и испугался, что его ударят клюшкой — кусты затрещали вновь, словно мальчик зарывался в них поглубже. Лес подумал, что ему должно быть четыре или пять — ребенок постарше не мог бы двигаться так тихо.

Он не мог ударить по мячу, когда в кустах делалось такое. Потом всхлипывания возобновились. Лес поставил клюшку на клюшку.

— Тебе нужна помощь, сынок? — Ответа не последовало, Лес подошел к кустам и присел на корточки на плотной подстилке из опавшей листвы. — Вылазь, я помогу тебе.

Он услышал, как тоненький голосок сказал:

— Я потерялся.

— Все в порядке, я помогу тебе, — сказал он чуточку резко и раздвинул ветки кустарника. — Как ты забрался туда? Твой папа...

Он отдернул руку. Его голову точно стиснул тугой обруч, в глазах потемнело. Он выпрямился и замигал.

Тоненький голосок сказал:

— Я заблудился. Мне страшно.

— Ладно, *ладно!* — сказал Лес и вновь наклонился. Руки его нырнули в кустарник и замерли, едва не коснувшись молодой зеленой листвы. С кустарником было что-то не так, что-то не так было с тем, кто там прятался, не желая появляться на свет. Лесу показалось, что пахло илом, помоями, гниющими водорослями.

Ребенок вновь заплакал, но Лес боялся дотронуться до кустарника. Что-то не так. Тут было что-то не так. На него вновь нахлынул резкий, острый запах.

Он знал, что если вновь дотронется до кустарника, обруч вновь охватит его голову, а в глазах потемнеет. То, что сидело в кустах, горько плакало. Лес таращился на листья, но видел одни только листья, а за ними — еще листья, листья, залитые солнцем, и листья, укрывающиеся в тени.

— Твой мяч так безнадежно потерялся? — Лес обернулся и увидел пестрые штаны и округлый животик Арчи Монагена.

— Я кое-что слышал, — сказал Лес, выпрямляясь. — Мой мяч не потерялся, просто я кое-что слышал. Там, в кустах, ребенок. Он плакал.

Брови Арчи поползли вверх.

— Он только что перестал, — сказал Лес. — А я его не вижу.

— Давай-ка, старина Арчи посмотри, — сказал Арчи, наклонился и раздвинул руками кустарник. На миг до Леса вновь донесся запах ила. Он почувствовал, как на лбу у него выступает пот, он чувствовал себя так странно, так легко, что казалось, вот-вот упадет. Арчи Монаген уже по пояс ушел в кусты, и Лес смотрел на его широкие плоские ягодичы.

— Ну, знаешь что? — сказал Арчи, выбираясь из зарослей. — Дома никого нет. Ты уверен, что тут был ребенок?

— Я слышал, как он плакал.

— Ты с ним говорил?

— Говорил. Он сказал, что он заблудился.

— Забавно. Сейчас там никого нет. Он, должно быть, смылся. — Арчи выпрямился и поглядел под деревья. Лицо его просветлело.

— Эй, вон там твой мяч, и он лежит удачно. Ты еще можешь выйти из всего этого, благоухая, точно роза.

Лес выкинул из головы все, касающееся детей и кустов, от которых темнеет в глазах. Он поднял клюшку, которая лежала на ложе из опавших сосновых иголок, подошел к мячу и загнал его в лунку.

«Вот так ты и стал вице-президентом в этих джунглях конкуренции, парень!»

Часа два с половиной спустя он говорил Арчи Монагену:

— Давай, я куплю выпивку. — Он ощущал странную помесь облегчения и огорчения. Облегчения, потому что он отстал от Арчи только на один удар, а огорчения — потому что не разделался как следует с этим жирным типом. Он полагал, что грипп расстроил его координацию движений, но все еще помнил, как шуршали кусты и слышал детский голос. Когда Арчи сунул в заросли голову, первым порывом Леса было оттащить его, увести на какое-нибудь безопасное место... но, разумеется, с Арчи ничего не случилось. Никакого заблудившегося ребенка в зарослях не было.

Но ему показалось... словно чьи-то челюсти сомкнулись вокруг шеи Арчи. Однако с ним же ничего не случилось — он засунул голову в это *неправильное* место и, похоже, ничего не почувствовал.

Там, правда, был запах. Гниющие водоросли, сырая земля и, помимо этих, не таких уж неприятных запахов, — еще один, более едкий.

Арчи согласился, когда Лес предложил выпить, и странно поглядел на него.

— О, я всегда расплачиваюсь с долгами, — сказал Лес. — Давай-ка сейчас рассчитаемся.

Арчи улыбнулся и покачал головой, но Лес вытащил из кармана бумажник и отсчитал две бумажки по пятьдесят.

— Вот. Теперь ты сможешь съездить в Дублин, Арчи.

Арчи спрятал банкноты в карман.

— Вообще-то я на прошлой неделе как раз оттуда.

Арчи Монаген зашел в гостиную клуба. На стенах висели шкуры и охотничьи рога, наряду с изображениями всадников в красных костюмах. Он пробирался между чьими-то ботинками, кивая и здороваясь, и, наконец, добрался до стойки бара. Лес следовал за ним. Арчи похлопал по плечу мужчину, сидящего на табуретке у стойки и рассмеялся шутке соседа с другой стороны. Лес узнал их. Здесь был исполнительный директор фирмы, подрядчик, которого Лес знал только в лицо, и партнер Арчи — Том Флин. Флин был огромный, мордатый, примерно одного с Лесом возраста; он был в пиджаке из индийской ткани размером с попону слона.

— Парни, вы же знаете Леса Макклауда, а? — спросил Арчи.

— Рад видеть вас, Лес, — сказал подрядчик, а остальные закивали и пробормотали что-то в подтверждение.

— Я тут проиграл сотню Монагену, — сказал Лес. — Вообще-то он играл ужасно. Беда только в том, что я играл еще хуже. — Он вытащил кошелек и бросил на стойку две двадцатки. — Эй, бармен! Парням еще по одной. А мне — мартини. Двойной.

— А мне бутылочку Бада, — сказал Арчи.

Лес проглотил свою выпивку и спросил:

— Арчи, какой твой любимый бар в Дублине?

Арчи говорил с Томми Флином и не обращал на него внимания.

— У девятой лунки в кустах сидел заблудившийся ребенок, — сказал Лес. — Он там спрятался. Вы слышали что-нибудь подобное?

— Лес слышал голоса, — сказал Арчи. — Жанна Д'Арк сотвил-льской компании.

Лес с трудом усмехнулся под общий хохот.

Час и два мартини спустя Лес подумал, не позвонить ли Пэтси. Дело в том, что он не хотел оставлять группу. Он был уверен, что, как только выйдет из комнаты, они начнут обсуждать его. К черту Пэтси, решил он.

Он думал о жене — как она сидит в комнате, смежной с его спальней, читает книгу и смотрит телевизор. Должно быть, она и сейчас там. Она, наверное, и не ела ничего. Увлеклась книгой или записями в дневник и позабыла про него.

С таблички со списком победителей клубных призов на него смотрело его имя, холод, шедший от кондиционера, казалось, замораживал дыхательные пути. Он дотронулся рукой до лба — тот был мягким, точно воск. Перед ним оказалось еще одно мартини, он поднял его и выпил.

— Тот ребенок, в кустах, был вовсе не ребенок, — сказал он и с удивлением услышал, как вокруг него рассмеялись. — Я не шучу. Там было что-то очень странное.

Арчи что-то прошептал Флину, и тот внимательно поглядел на него.

Тут он увидел что-то совсем невероятное. Человек, сидевший за угловой стойкой в дальнем конце бара, обернул у себя вокруг шеи куски сырого мяса. Они свисали с его кожи, точно ожерелье.

— Эй! — сказал Лес («Эй!» — эхом откликнулся Флин).

Лес заворожено уставился на это ожерелье и понял, что это было вовсе не ожерелье. Просто плечи и грудь мужчины были ободраны в лохмотья. Лес опять почувствовал запах сырой земли и гнили. Тот человек был мертв, — его зарезали и теперь он был мертв.

— Знаете что? — сказал Арчи. Он что-то прошептал и остальные расхохотались.

Лес уставился на мертвеца. Так вот что случилось у девятой лунки. Тот заблудившийся мальчик был мертвым. Он умер и начал разыскивать Леса Макклауда. Лес почувствовал, как тяжелый стакан с мартини выскользнул из его пальцев.

Стакан упал на пол и разбился, смех резко замер. Арчи и остальные глядели на него, в их взглядах была откровенная неприязнь. Он снова почувствовал необыкновенную легкость.

— Я ухожу отсюда, — сказал он, отбросил ногой в сторону разбитый стакан и направился к двери.

6

— Второе рождение? — спросил Ричард. — Вы имеете в виду реинкарнацию? Мне трудно в это поверить. Вы можете говорить, что вам угодно, но вы никогда не убедите меня, что этот тип Винтер возродился в трех разных людях за три десятилетия и все — в одном и том же городе.

— Не то, чтобы он возродился, — сказал Вильямс. — Я не говорю о реинкарнации в прямом смысле — это только метафора. Когда родился ваш пра-пра-прадедущка, в нем ничего не напоминало Гидеона Винтера. Винтеризация, если я могу так выразиться в вашем дальнем предке, наступила позже.

— Если вы говорите об одержимости, то в нее я тоже не верю, — сказал Ричард.

— Что особенно забавно, — ответил старик, — что я в нее, кажется, тоже не верю. Однако человек по имени Гидеон Винтер прибыл сюда ровно триста лет назад, и начали происходить разные вещи. Плохие вещи. И экономически плохие, и вообще. Можно бы воспользоваться словом «зло», но, боюсь, вы скажете, что и во зло тоже не верите.

— Во зло я верю, — сказал Ричард, и Пэтси удивила их обоих, тихо добавив:

— И я тоже.

— Ладно, — сказал Вильямс и вновь натянул свою кепку. — Может, дело было не в человеке, но в том, что случилось с ним здесь. Может, что-то было такое в этой местности, что подействовало на него. Это — моя теория, и я над ней работаю пятьдесят лет.

— Вы имеете в виду, с тех пор, как этот человек... с тех пор, как Бейтс Крелл, — сказала Пэтси.

Вильямс вопросительно поглядел на нее.

— О, я знаю о нем, — сказала Пэтси. — Я не знала его имени, пока вы не назвали его Табби. Я видела его. Я хочу сказать, *видела*. — Она слегка покраснела. — Давно. Я видела, как он убивал женщину.

Она покраснела еще сильнее, когда Грем Вильямс взял ее руку и поднес к губам.

— Конечно, вы видели, и вы даже представить не можете, до чего же я рад, что вы это сказали.

— Может, мы должны поговорить о том, что говорится здесь? — сказала Пэтси и коснулась большой синей библиотечной книги. — О Винтере?

— Конечно, — сказал Вильямс. — Если хотите. Хотя вы и знаете, что там написано. Миссис Бах не была профессиональным историком. Она лишь обработала записи и не пыталась делать какие-либо заключения на их основе. Ее «История» — справочник, и не более того.

— Ну, я думаю, что это к лучшему, — сказала Пэтси.

Вильямс прошел к дальней полке и вернулся со своим собственным экземпляром книги.

— Конечно, к лучшему. — Он положил книгу на кофейный столик, сел и раскрыл ее. — Дороти Бах ожидала, что выводы сделают другие люди. Все, что она хотела —, это собрать как можно больше данных. — Он перелистал первые страницы толстой синей книги. — Погляди, что ей удалось найти. Земельные списки. Акты купли-продажи. Даты рождения и смерти из церковных книг. Давайте посмотрим, что у нее есть за 1645 год.

— Прибытие Гидеона Винтера, — сказала Пэтси. — Вот оно. «Землевладелец по имени Гидеон или Гидеон Винтер из Суссекса приобрел 8,5 акра морского побережья у фермеров Вильямса и Смита». Вот все про него на этой странице. Потом она пишет, что в церковных записях его имя так и не появилось.

— Дороти Бах была старой женщиной, когда я начал заниматься этим, — сказал Вильямс. — Но я чувствовал, что у меня есть резонные причины беспокоить ее. Я уже два или три года гадал насчет Крелла.

— Погодите секунду, — взмолился Ричард. — При чем этот какой-то Крелл? Я все время слышу его имя, но про него ничего не знаю. Пэтси, ты сказала, что он кого-то убил? И ты видела, как он это делал?

— Не то, чтобы в самом деле видела, — сказала Пэтси. — Я видела это внутри себя однажды. Я знала, что это произошло давно. Это было на реке и там еще не было новых зданий. Только рыбацьи лодки. Я увидела, как он задушил женщину, завернул ее в брезент и выкинул за борт.

— И вы знали, что это был Крелл?

— Она знает, — сказал Вильямс. — И я знаю, частью потому, что она так хорошо это знает. Но вот чего вы не знаете, Ричард, это что я убил Бейтса Крелла. Я должен был убить его. И это сломало

всю мою жизнь — даже при том, что я знал, что, если бы я не добрался до него первым, он бы убил меня. Я даже пытался рассказать все это Джою Клетцки — тогдашнему шефу полиции, но он не стал меня слушать, — похоже, он знал об этом больше, чем я... Ах, я уже все это пережил. — Он улыбнулся Ричарду. — Знаете, у меня опять начинает колотиться сердце.

— Не думаю, что я хоть что-то понял, — сказал Ричард.

— Всегда будь с толпой. Вот так я себя чувствовал, когда отправился навестить старую Дороти Бах. Я говорю «старую», но она тогда была лет на шесть-семь моложе, чем я сейчас. К тому времени она оставила историю и все время возилась в саду. О, она постоянно говорила о всяких женских движениях — именно так она и начала свои исследования, но когда она так состарилась, что не могла поднять церковно-приходские записи, она занялась своими азалиями. Она жила наверху Маунт-авеню, рядом с Хиллхэвеном. Я достаточно занимался историей Хэмпстеда, чтобы знать, какие именно вопросы задавать ей. Она проводила меня в свою студию — видите, как давно это было, у людей еще были студии! — я поблагодарил ее за то, что она согласилась принять меня, и сразу приступил к своим вопросам. Я спросил ее, может у нее есть еще информация о Гидеоне Винтере, помимо той, что она поместила в свою книгу.

Он поглядел на Ричарда, потом на Пэтси. У него лицо старого коршуна, подумала Пэтси, очень старого коршуна. Она никогда до этого не осознавала, насколько стар Вильямс, и особенно это поразило ее сейчас, потому что глаза его молодо светились.

Вильямс усмехнулся.

— Она подумала, что я намекаю на то, что она скрыла кое-какие факты. Полагаю, она была близка к тому, чтобы выкинуть меня из своего дома — Дороти Бах гордилась своей книжкой, гордилась гораздо больше, чем своими азалиями. «Вы что, спрашиваете меня, не укрывала ли я какую-нибудь информацию об одном из основателей Гринбанка?» — спросила она. Я заверил ее, что знаю, что она не делала ничего подобного и что все настоящие и будущие историки области всегда будут у нее в долгу. Ей приятно было слышать подобную лесть, но, с другой стороны, это было правдой и она заслужила ее. — «Полагаю, — сказал я ей, — что был бы благодарен, если бы вы высказали свои догадки, от которых воздержались в книге». — «Вы хотите, чтобы я высказала мои догадки о Гидеоне Винтере, мистер Вильямс? Хотите знать, что я думала о Драконе, пока занималась своими исследованиями?»

— Да, именно это, — сказал молодой Грем Вильямс древней леди, которая сидела на низкой софе. Платье ее вышло из моды по крайней мере десять лет назад — черный воротник под горло и плиссированные рукава. Ее лицо, когда она поставила на столик свою чашку с чаем, даже не взглянув на нее, было морщинистым, умным, рассудительным. Она стиснула губы так, что они были прямыми, точно лезвие ножа.

— Что заставило вас думать, что я строила по его поводу какие-либо предположения?

— Из-за его тайны, — ответил Вильямс. — Он пришел ниоткуда и вскоре уже владел большей частью земли, за ним последовали катастрофы, и он исчез. Вы не упоминаете его среди похоронных списков, так что похоронен он не был. Во всяком случае, не здесь. Я думаю, вы не одна разгадали, что он из себя представлял.

— Все, что вы тут только что сказали, ошибочно, молодой человек, — сурово ответила она. — Он приехал из графства Суссекс в Англии. Из-за того, что местные фермеры договорились не продавать ему земли больше определенного количества — по крайней мере таково мое заключение, — он владел не больше, чем половиной гринбанкских земель. И, скорее всего, он похоронен в Гринбанке. Но не по церковному обряду. Нет, когда они хоронили Дракона, они закопали его на берегу.

— На Грейвсенде, — мягко сказал Вильямс.

Она покачала головой.

— Догадки строите именно вы. Нет, не потому. Я почти уверена, что название Грейвсенд происходит оттого, что здесь закапывали безымянных жертв кораблекрушения. Гидеон Винтер, опять же, я *почти* уверена, похоронен на узкой полоске земли, примыкающей к Саунду, примерно в полутора милях западнее общественного пляжа. Его и называли Пойнт Винтер. А с 1760 года это место известно, как Кенделл Пойнт. И вы, может, знаете, что именно там...

— Отряды генерала Триона высадились, чтобы сжечь Патчин и Гринбанк.

Ее рот чуть расслабился.

— Так вы немного знаете местную историю, верно? Знаете, что еще случилось в Кенделл Пойнт?

Он покачал головой.

— Это было одно из самых известных несчастий в штате Коннектикут. И будет одним из самых больших, если только не случится

еще более страшного. Прихожане Гринбанской конгрегационной церкви решили собраться на воздухе на Кенделл Пойнт. Это была красивое место, и там было прохладнее, чем на территории церкви. Был август 1811-го. Они могли доехать до Пойнта на повозках и привезти туда еду и столики, а дальше оставалось пройти каких-нибудь тридцать футов до вершины. Наконец они устроились на Пойнте и смотрели, как плывут корабли по Саунду. Рыбачьи лодки, торговые суда, даже прогулочные лодки с Лонг-Айленда — Саунд тогда был еще более оживленным, чем сейчас.

Она глядела на Вильямса бледными глазами, в глубине которых таился юмор. Когда она подняла свою чашку, он заметил, что ногти у нее были черными — он недоверчиво заморгал: в 1929 году леди, особенно старые леди, особенно историк-любитель, обитающий на Золотой Миле, вряд ли будет иметь грязные ногти. Затем молодой Грем Вильямс вспомнил кусты азалии рядом с домом и понял, что миссис Бах сама вскапывает грядки. Но даже при этом... почему она не вымыла руки перед тем, как принять его? Он поглядел опять на ее ногти — теперь он ясно различал коричневые мазки земли у нее на ладонях и ему стало слегка не по себе.

— О, они собирались отлично провести время, просто *отлично*, — сказала миссис Бах. — Все столы были забиты жареной свининой, и домашней колбасой, и свежим хлебом, и картофельным салатом, и кровяными пудингами, и маринадами... Все это есть в записях. Они собирались отлично отдохнуть. Священник, преподобный Гринхаунд, играл на скрипке, и они помолились, а дети набегались. Тогда священник решил сыграть своей пастве несколько гимнов. А после роскошной еды должна была быть более веселая музыка — джига. В конгрегации было много умельцев, которые могли сыграть на банджо отличную джигу. — Миссис Бах сцепила свои испачканные руки на коленях. — Но не было никакого праздника, никаких гимнов, никаких джиг. Вместо этого случилось то, что случилось.

— Что? — Он подумал. — Недомогание?

— Лихорадка, если хотите... Но не у людей. У земли. Трясло Кенделл Пойнт. И как только они расселись за три длинных накрытых стола, земля под ними разверзлась. На внутреннем склоне Пойнта появились глубокие трещины, а потом земля поползла к морю так быстро, что вы не успели бы и моргнуть. Первый стол провалился туда, и преподобный Гринхаунд, должно быть, видел это. Он стоял во главе всех трех столов и читал молитву, а все члены конгрегации смотрели на него. Затем земля отворилась и поглотила один из столов прежде, чем люди, сидящие за ним, успели вскрик-

нуть. С уверенностью можно сказать, что Гринхаунд это *видел*. И если бы отреагировал быстрее, он мог бы спасти себя и всех остальных.

Но он ничего не сделал, ничего не сказал. Открывшаяся пропасть унесла второй стол. И теперь-то они уже кричали. Команда торгового корабля «Пико» видела, как ушел под землю второй стол и слышала крики. Они стали на якорь и выслали к Пойнту шлюпку с восемью матросами. Ну, конечно, люди за третьим столом перепугались и закричали тоже. Преподобный вышел наконец из своего транса и кричал громче всех. Моряки слышали, как он бежал к воде, взывая к Всемогущему. По обе стороны от него бежали мужчины и женщины... но далеко они не ушли. От центральной трещины расплзлись меньшие трещины и проглотили людей с третьего стола по одному. И последним в землю ушел преподобный Гринхаунд. К тому времени, как к мысу причалила шлюпка, там уже никого не было.

Миссис Бах кивнула чуть ли не с удовлетворением.

Он спросил:

— Вы имеете в виду, что сама земля ополчилась на них? Переловила их всех по одному? Они выбрались из трещин?

Но он уже знал, каков будет ответ.

— Матросы высадились на мыс, — сказала миссис Бах, — и крики еще звучали у них в ушах. Вот что капитан «Пико» записал в своем журнале: «Сегодня мои люди слышали вопли умирающих на Кендалл Пойнт». Они могли видеть, как широкая расселина в земле, начавшись футах в тридцати от того места, где стояли повозки, разделила весь Кенделл Пойнт, точно рухнувший ствол дерева, от которого отошли многочисленные ветки. И, попав в ловушку этих перепутанных трещин, гибли люди. Столы опрокинулись, повсюду рассыпалась еда, и люди пытались выбраться из этих ловушек, но не могли. — Глаза миссис Бах сверкали. — А моряки не могли их вытащить оттуда. И знаете, почему?

— Потому что земля...

— Да. Потому что земля уже смыкалась над ними. Как набитый едой рот. Один из матросов «Пико» потерял руку и истек кровью потому, что не успел убраться оттуда достаточно быстро. Камни размозжили ему плоть и откусили руку у плеча. Остальные плакали и молились — они видели взрослых, в ужасе глядящих наверх, и макушки детских головок. Словно сама земля вопила о помощи. Потому что эти крики продолжались и тогда, когда земля сомкнулась. В одном из сообщений я прочла, что крики из-под земли слышались до заката, но я полагаю, что это старомодное преувеличение. Я не думаю, что они кричали так долго, а вы?

— Нет. Не думаю, что они могли.

— Тридцать шесть взрослых и четырнадцать детей, — сказала старуха. — Вот что случилось на Кенделл Пойнт.

— В котором году, вы сказали, все это случилось?

Женщина впервые поглядела на него с неподдельным интересом:

— В тысяча восемьсот одиннадцатом.

— Где-то через тридцать-тридцать пять лет после пожара в Патчине.

Она энергично кивнула.

— Тридцать два года. Вы видите закономерность, да?

— Я не думаю, что это закономерность, — сказал Грем. — Но, конечно, я вспомнил о «Принце» Грине и о том, что за пять лет до этого исчезли четыре женщины.

Он старался, чтобы его лицо и голос были невыразительными, потому что он вспомнил Бейтса Крелла и то, что он разглядел в нем на реке Наухэтэн.

— Исчезли, — фыркнула старая дама. — Не думаю, чтобы вы слышали о Саре Аллен и Томасе Мурмане? Двое детей...

Вильямс покачал головой.

— С них содрали кожу и поджарили в земляной яме, сынок. Это сделал полоумный Тейлор. Они поймали его на поле Дженнингсов и повесили, как только туда добрался судья Барр. Тейлоры иногда становились такими, полоумными, я имею в виду. Правда, судя по записям, они иногда обращались не во зло. Но тот бедный Тейлор убил дечишек в 1841-м. Ровно через тридцать лет после трагедии на Кенделл Пойнт.

— Этого не было в вашей книге, — возразил Вильямс.

— Записи о смерти не было.

Он улыбнулся:

— Вы отказываетесь делать предположения?

— Это верно. Но ведь вы пришли сюда, чтобы спросить меня о Гидеоне Винтере? Человеке, которого тайно похоронили на клочке земли, который впоследствии назвали его именем. Не хотите узнать, что я о нем думала, пока занималась своими исследованиями? — Глаза ее зловеще светились. — Я скажу вам, что я думала о нем, молодой человек. Я думала, что он далеко бы ушел в этой стране, если бы кучка невежественных фермеров не остановила бы его. О, он, конечно, достал их, это правда, и именно поэтому они называли его Драконом; он был хитрее и сильнее их и он нравился их женщинам — представьте себе, молодой Вильямс, что вы жеңа фермера, у вас загрубевшие руки и домотканое платье, и вы провоняли свиарником, и тут является привлекательный джентль-

мен из Суссекса в одежде от портного и богатый, как король, с ясной улыбкой и мягким, как бархат, голосом. Неужели вы останетесь равнодушной?

Она ждала, так что он ответил.

— Да. Наверное.

— Наверное! Подумайте еще о таком. В 1650 году почти все дети погибли. Но в 1651 родилось сразу несколько младенцев, имена которых появились в церковных записях. Там был мальчик по имени «Тьма» и девочка по имени «Сумерки». Еще одну девочку называли «Печаль». Я думаю, что, если бы они могли, они бы их всех назвали одним именем — «Стыд». Я просто *предполагаю*, имейте в виду, но не думаете ли вы, что все эти дети были друг на друга немного похожи?

— Так что, вы думаете, они его убили?

— А вы нет? — спросила она. — И не думаете ли вы, что он убил первое поколение детей — по крайней мере, сколько смог? — Она склонила голову набок, и он увидел, что на шее у нее тоже была широкая полоса земли. — Вспомните, что дети были основным экономическим капиталом в то время — наши предки не были сентиментальны, как мы.

— Думаю, я понимаю, что вы чувствуете, — сказал Вильямс.

— О, все женщины были влюблены в Дракона, мистер Вильямс. Я уверена, что те четыре женщины, которые исчезли из города лет пять назад, тоже нашли своего Дракона.

Он понял, что она не в себе, но ему осталось задать только один вопрос:

— Что-то должно было произойти между 1870 и 1875 годами?

— Что-то случилось... Ну разумеется, случилось, вы, идиот. Разве я не говорила про закономерность? Поглядите в мою книгу, там есть все данные. — И тут, на миг, Вильямс Грем почувствовал себя так же, как Роис Гриффен в великолепном доме на Маунт-авеню пятьдесят один год спустя: ему показалось, что он учуял недобрый запах, исходящий от миссис Бах, когда та наклонилась и плеснула чай на столик и на развернутую «Хэмпстедскую газету», — запах смерти, и ему показалось, что что-то ползет по стене... но это был лишь отставший клочок обоев. Он вытащил свой носовой платок из кармана и помог ей вытереть чай.

8

— Так или иначе, но касательно кое-каких вещей я оказался прав, — сказал Грем Ричарду и Пэтси. — Дороти Бах была не в себе, это уж точно. Она влюбилась в некоего человека, которого,

как ей казалось, проследила в прошлом, так что она скрыла некоторые факты относительно его поведения. Она не то чтобы отказалась комментировать — она просто спрятала их, невзирая на всю свою объективность.

Пэтси перелистывала страницы «Истории Патчина». Неожиданно она почувствовала себя очень усталой. Она думала о том, что только что рассказал Вильямс — о матросах, в ужасе глядящих на лица людей, попавших в подземную западню.

«История Патчина» дрожала в ее руках. Грем Вильямс говорил: — Она не упомянула, что Грем Вильямс никогда не посещал церковные службы — представьте себе, как это выглядело для остальных, которые готовы были переплыть Саунд, чтобы посетить церковь.

Ричард Альби барабанил пальцами о колено, и вид у него был удивленный, а книга безумной старой женщины, с которой Грем встретился в 1929 году, дрожала в руке Пэтси точно пойманный воробей.

Наконец Пэтси со вздохом уронила книгу на кофейный столик. Падая, книжка распахнулась и распласталась на темном дереве столешницы.

9

— Ки-Уэст сам по себе паршивое место, но я с самого начала знал, что оно паршивое, — сказал Гарри Старбек. — Оно забито всякими придурками, которые думают только о двух вещах — сексе и наркотиках. Но, правду сказать, тут люди еще более двинутые, чем в Ки-Уэсте. И не только потому, что они богаче. У них головы набиты дерьмом. Они живут так, словно основные жизненные правила к ним не применимы.

Близнецы с напряженным вниманием слушали эти откровения, а Табби вспомнил, как он был в Ки-Уэсте и как тощий Пош сидел на унитазе, вводя себе иглу в сгиб локтя. Пош поглядел на него мутным взглядом и сказал: «Красивые глаза... Красивые глаза». Это, на языке Поша, значило: «Со мной все отлично, парень, я балдею». Однако основные жизненные правила относились к Пошу, как положено, поэтому месяц спустя после того, как Шерри вышвырнула его из жизни Кларка, Пош умер в тюремной камере. Врач сказал, что смерть наступила от естественных причин (если не учитывать синяки и разбитые ребра).

Брюс Норманн завопил:

— Эй, а это что за дерьмо?!

У Табби заколотилось сердце. Он представил себе полицейский автомобиль, который включает сирену, зажигает мигалку и выезжает им навстречу. Дики, должно быть, тоже нервничал, потому что он тоже заорал:

— Что? Что?

Старбек резко выкрутил руль, и Табби и Дики в кузове грузовичка повалились на бок. Табби уцепился за спинку сиденья Брюса и выглянул в окно. Никакой полицейской машины, прижимающей их к обочине, там не было. Видна была только черная дорога, освещенная фарами грузовичка, и густая изгородь по сторонам дороги.

— Черт возьми, — сказал Старбек и вывернул руль влево, вновь выводя грузовичок на проезжую часть.

Брюс рассмеялся.

— Заткнись, ты, ублюдок, — сказал Старбек, и, пока он говорил, что-то врезалось в автомобиль.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Брюс Старбеку, открыл дверцу и выскочил из грузовичка. — Даю слово.

— Что случилось? — хором спросили Дики и Табби.

— Собака, чертова собака, — сказал Брюс. — Выскочила из-за изгороди и кинулась прямо на нас. Он пытался объехать ее, но... — Брюс замолчал, потому что Старбек с другой стороны грузовичка заорал: — О, Боже!

Потом его лицо появилось в боковом окне. На лбу вздулась вена, а темные глаза были твердыми, точно черные камешки. Он рывком открыл дверь и взобрался на сиденье. Потом вцепился в руль.

— Вы это видели? — спросил он, ни к кому не обращаясь. — И в это можно поверить? Проклятая тварь совершила самоубийство. Он нарочно кинулся под машину!

Старбек поерзал на сиденье.

— И разбил мне бампер, черт бы его побрал! — Брюс хихикнул, и Старбек пригвоздил его взглядом к сиденью. — Вы, оба, вы воняете, вам это известно? Как только вы забрались в мой грузовик, вы завоняли его. Мертвый бы проснулся.

Все еще продолжая ворчать, Старбек вновь завел грузовик и вывел его на Гринбанк-авеню. Но время от времени он продолжал качать головой и что-то бормотать.

Как только они миновали поворот на Грейвсенд-бич, Старбек резко вывернул руль и завел грузовичок на асфальтовую дорожку между двумя рядами деревьев. Он вырубил свет и они с минуту сидели в полной темноте. От Дики Нормана действительно здорово воняло. Старбек включил карманный фонарик и держал его на уровне груди. Лицо его было затенено, но вполне различимо.

— Ты, малый. Надеюсь, ты знаешь, как водить этот чертов грузовик?

Он все еще был в ярости, и Табби счел за лучшее искренне ответить:

— Кажется, да.

— Ладно. Помни, как только увидишь кого-нибудь, воспользуйся радио. Или, если увидишь, что приближаются фары. Если копы увидят грузовичок, ложись на пол, предупреди нас, а когда я скажу, подведи грузовичок к подъезду, чтобы мы могли загрузиться в него. Ясно?

Табби кивнул.

Старбек покачал головой:

— У меня что-то с мозгами.

Табби наблюдал, как Старбек и близнецы Норманы двинулись к массивному белому дому. Мутный свет уличного фонаря превратил их в карликов, отбрасывающих длинные тени. Они уже отошли от грузовика футов на пятьдесят и им еще оставалось пройти довольно много. «Радио!» — неожиданно вспомнил Табби. Он пошарил на темном полу кузова грузовичка и нашел его в щели между металлической стенкой и крышкой колеса. Гарри Старбек скрылся за японским кленом. Табби включил радио и услышал, как он дышит. Он слышал и шорох их ног в траве.

Потом беспокойно поглядел на приборную доску, гадая, сможет ли он подвести грузовик к дому по требованию Старбека. Один раз Кларк разрешил ему вести «Мерседес», но там было автоматическое переключение. Небо за окном осветилось, и Табби затаил дыхание. Но это была всего лишь гроза — не полиция.

— Визззел, что творицца? — раздался по радио голос Дики.

— Эй ты, заткнись, — очень четко прозвучал ответ Старбека.

Небо вспыхнуло вновь — словно проступила светящая сетка кровеносных сосудов.

Старбек склонился около входной двери, и Табби видел, как он поглядел вверх. В следующую секунду небо вновь стало темным, его освещала лишь мутная луна. У Старбека был маленький чемоданчик, вроде докторского, и он извлек оттуда инструмент, который показался Табби похожим на велосипедный насос. Когда Старбек повернул в нем что-то, по радио раздался всплеск электронного шума. Старбек поднес инструмент к замку, шум стал выше и пронзительней.

Меньше чем через минуту Старбек вынул замок из дверной панели. «Ну вот, — раздался по радио его голос. — Я не хочу, чтобы вы, идиоты, издали хоть звук, когда окажетесь в доме. Делайте, что

вам велю и все». Он поднялся на ноги и спокойно спрятал машинку в чемоданчик. Затем повернул дверную ручку, дверь открылась, он толкнул Норманов внутрь и закрыл за ними дверь

Табби думал о собаке, которая нарочно бросилась под грузовичок: в голове у него была гулкая пустота.

«Кухня», — прошептал в наушниках голос Старбека.

Тогда Табби понял, что он в фургоне совершенно один. Старбек и Норманы где-то в доме и они позабыли о нем. Он мог открыть дверь, выбраться из грузовичка и убежать домой. Они ничего не узнают, пока не кончат работу.

Он неуверенно дотронулся до дверной ручки. Из наушников раздался звук отворяемых шкафов.

«О, Боже, — сказал Старбек и голос был самым счастливым за всю эту ночь. — Если я просто подумаю, что ты говоришь об этом с копами, я вернусь сюда и убью тебя».

Что сделает Старбек, который сказал ему это, когда увидит пустой грузовик? «Я бизнесмен, понимаешь? И из бизнеса выходить не собираюсь». Табби убрал руку с дверной ручки. Голова болела. Он вытянул шею и уставился на большой белый дом.

10

Лес Макклауд сидел в машине и внимательно таращился на фасад Загородного клуба — точно так же, как Табби в своем грузовичке на белый особняк четырьмя часами позже. Лесу хотелось еще выпить, чтобы забыть то, что он, как ему казалось, увидел, сидя за стойкой бара. Руки у него дрожали. Снаружи Загородный клуб выглядел вполне пристойно — не было никакого намека на то, что за этими большими панорамными окнами прятался ужас — мертвец, чья кожа свисала с плеч и шеи, обнажая мышцы, точно на анатомическом пособии.

Но это же безумие. Все это было безумием. Просто его сбил с толку детский голос в тех кустах... ощущение какой-то *неправильности*. Лес сглотнул. Он повернул ключ в зажигании и включил радиоприемник «Сони», который сам подарил себе на прошлый день рождения.

Ему хотелось еще выпить. Куда бы направиться?

Диск-жокей сказал:

— По вашей просьбе, ребята, поет Джонни Рэй. «Маленькое, белое облачко, которое плакало». Нужно сказать...

Джонни Рэй. ДЖОННИ РЭЙ.

...что он вложил в это свою душу. А теперь давайте вернемся к более земным делам, и...

Тот голос в кустарнике. Не певец Джонни Рэй, а тот малый, который появился в первый день занятий в средней школе в 1951 году, переросток с выступающими вперед зубами и волосами такими гладкими и бесцветными, словно неживыми. И одет он был не так как все. Они все носили брюки, рубашки с отложными воротничками и галстуками и чуть походили на британских лордов, а этот малый по имени Джонни Рэй, когда пришел в класс к мисс Ларсон, был одет в майку, ботинки и джинсы такие новые, что они еле гнулись. Тогда они и слышали его имя.

...А теперь давайте послушаем мисс Эллу Фитцджеральд и Томми Фланагана с его трио. «Как далеко до луны».

Бедный парень тогда не понял, что у него не так. Но внезапно весь класс начал хохотать, они смеялись над ним, как смеются дети, когда наконец находят козла отпущения.

Лес тряхнул головой и вырулил свою машину на Саутел-роад. Голос Джонни Рэя. Даже после того, как бедный малый наконец убедил своих родителей, что ему нужно сменить гардероб — они были из Техаса, и Хэмпстед был первым в их жизни северным городом, — даже после того, как в лавке «Спригг и сын» ему выбрали такие, как надо рубашку и ботинки, даже при этом он не мог ничего поделаться со своим голосом.

Лес невидяще ехал по Саутел-роад. Элла Фитцджеральд выводила свой безудержный ритм, но он едва ли слышал его. Встречный автомобиль, в который он едва не врезался, сердито прогудел, и Лес растерянно помахал рукой.

Техасский голос Джонни Рэя. Более гнусавый, более замедленный, чем хэмпстедский, с растяжкой на гласных. Не «Я потерялся», а «Йаа паатерйаался». Это был голос того техасского парня с забавным именем. Но тот трогательный малыш из Техаса утонул летом по окончании седьмого класса. Он перевернулся с лодкой из детского яхт-клуба — он пытался выучиться ходить под парусом. Должно быть, парус и покрыл его, точно могильный саван. Август 1952-го. Полиция обшарила всю гавань в поисках его тела и вытащила лишь куски дерева да гниющую плоскодонку, которая уже полтора года валялась на дне. Тело мальчика двумя неделями позже вынес прилив на побережье Загородного клуба. Оно было вздувшимся, безволосым и беспальмым. Остались лишь пальцы на ногах. Должно быть, рыбы хорошо закусил Джонни Рэем.

Но именно его голос звучал из кустарника.

Август 1952 года был паршивым месяцем для Саутвилльского загородного клуба. Четыре дня спустя после того, как мексиканский представитель Объединенных наций, гость клуба, навещавший в

Хэмпстедде своего друга, обнаружил в семь утра на пляже почти неузнаваемое тело Рэя, уважаемый адвокат Джон Сэйр выбрал те же самые три квадратных фута земной поверхности в качестве места своего самоубийства.

Красный свет на перекрестке сменился зеленым, и Лес свернул на Гринбанк-роад, почти бессознательно решив заехать к Франко.

Он гнал последние ярды по Гринбанк-роад до ее пересечения с высоким стальным мостом через Наухэтэн. Собака, глядящая на него с крыльца, черно-белая собака с пушистым хвостом и почти девичьей улыбкой, не привлекла внимания Леса Макклауда, пока внезапно не оказалась рядом с его окном. Он увидел лишь пестрое пятно, что-то стремительнодвигающееся в его сторону и высунул голову, чтобы поглядеть. Собака, продолжая улыбаться, кинулась на него. Лес изо всех сил нажал ногой на тормоз. Машина вильнула, но не раньше, чем Лес почувствовал, что наткнулся на что-то мягкое. «О, черт!» — заорал Лес. Он остановил машину поперек дороги, путаясь между действительностью и бредом, поскольку в усмешке собаки ему померещилось лицо маленького Джонни Рэя. Он, трясясь, выбрался из машины.

Собака лежала посреди улицы и кровь медленно стекала в кювет. Лес был благодарен, что он видит лишь спину животного, он не вынес бы мертвой ухмылки. Он гадал, что ему теперь делать, и бесцельно стоял посреди улицы, засунув руки в карманы.

Высокий человек в заношенных джинсах и голубой рубашке бежал к нему через газон. За ним бежал мальчик, чье лицо в миниатюре повторяло лицо мужчины, и женщина в белом теннисном костюме.

— Ваша собака, я полагаю, — сказал Лес, когда мужчина подбежал поближе. Он почувствовал некоторое облегчение: мужчина был похож на него самого — лицо, хоть и молодое, носило властный отпечаток, на рубашке была эмблема Гарварда.

— Полагаете? — сказал мужчина, остановившись лишь в футах от Леса. — А я полагаю, что вы — маньяк, который убил ее.

— Погодите секунду, — сказал Лес. Похоже, все шло не так, как он ожидал. — Вы же не знаете, что случилось. — Мужчина нахмурился. — Позвольте мне объяснить.

— Черта-с-два я не знаю, что случилось, — сказал мужчина. — Мы обедали в столовой, а там из окна отлично видно дорогу. Вы ехали со скоростью на двадцать миль больше, чем разрешается, и убили моего пса. Мне просто повезло, что там не было моего ребенка.

Мальчик, который стоял рядом с женщиной, открыл рот и закричал:

— Ты убил Тапика!

— Я уверен, что мы можем договориться, — сказал Лес. — Если вы попросите сына на минуту зайти в дом, мы можем обсудить...

— Обсудить? Вы считаете, что тут есть, что обсуждать? — громко спросил мужчина. — Я *видел* это. Вы тут неслись по дороге, точно сегодня конец мира.

— Да пес сам кинулся на меня! И когда я увидел его, он прыгнул на мою машину.

— Прыгнул на вашу машину, — сказал мужчина. — Сам прыгнул под колеса!

— Совершенно верно. Он прыгнул прямо на меня.

— Потому что вы превысили скорость. Вы или лжете, или не в себе. В любом случае, пусть разбирается полиция.

— Ты убил Тапика! — неожиданно опять закричал ребенок.

Пока Лес и мужчина препирались, мальчик отступил в сторону — вероятно, надеясь, что его отец разделается с этим типом, но неожиданно набросился на Леса и чувствительно стукнул его по почкам.

— Ты убил мою собаку! — прокричал он Лесу в лицо.

— Черт побери! — взорвался Лес. Он отступил от ребенка, по-прежнему махавшего кулаками. — Послушай, ты! — прокричал он мужчине в бледно-голубой рубашке. — Я вице-президент корпорации. Я больше не могу выносить это дерьмо! — Он вытащил из кармана кошелек, который уже несколько исхудал. Потом сложил пополам одну десятку и две двадчатки.

— Что вы, по-вашему, делаете? — спросил мужчина.

Лес вытащил деньги из кошелька, но поскольку мужчина только смотрел на деньги, уронил банкноты, и они оба утавилились на деньги, упавшие на обочину в траву.

— Я не верю вам, — сказал мужчина. — Забудьте, что собака стоила в четыре раза больше. Я просто не верю вам. Отойди от него, Вэн. — Мальчик вновь начал кружить вокруг Леса, выбирая место для удара.

— Отцепись от меня, — сказал Лес. Гнев выветрился из передних долей его мозга — впервые в жизни он подумал о своем мозге как о совокупности слоев и сегментов. Передняя часть его мозга обрела холодное спокойствие, тогда как за этой ледяной поверхностью по-прежнему кипел гнев. Он начал отступать к машине.

Лес открыл дверцу машины и выехал на мост. Когда он поглядел в зеркальце заднего обзора, он увидел, что мужчина и сын по-прежнему стоят посередине дороги и смотрят на него. Мальчик грозил кулаком.

Все это настолько вывело его из себя, что он проехал по Риверфронт-авеню прямо на парковку у ресторана «Бифштексы

Пигги Биндля» прежде, чем вспомнил, что собирался свернуть налево.

К тому времени, как он нашел пустое место на стоянке около бара Франко и выбрался на обочину, макушка его была словно заморожена наркозом. Однако под этой ледяной поверхностью бушевал гнев. Ведь если бы Пэтси была нормальной женой, он никогда бы не услышал этого зова из кустарника, никогда бы не убил собаку. В маленьком баре клубились голоса и запахи ста пятидесяти людей и все это кинулось на него, как только он отворил двери. Был конец дня субботы, лето, и у Франко была самая горячая точка в городе.

Как только он вошел внутрь, какой-то высокий хлыщ с укладкой и в рубашке регби натолкнулся на Леса и чуть не раздавил ему ногу своим кожаным ботинком. Лес небрежно положил руку на обтянутое роскошной джинсовой тканью бедро и отодвинул того в сторону. Хлыщ оглянулся и уставился на него, пиво из кружки выплеснулось ему на ботинки, но когда он разглядел лицо Леса, он лишь кивнул, и Лес беспрепятственно прошел к стойке бара.

В холодной ярости он уселся на свободный табурет.

— Двойной Гленливет, — прокричал он бармену, а когда курчавый, уса́тый бармен повернулся в его сторону, вновь прокричал: — Двойной Гленливет!

— Получите, — сказал бармен. — Кричать незачем.

— Эй, послушай, — сказал Лес бармену, усевшись с выпивкой. — Ты любишь животных? Тогда заторчишь. Когда я ехал сюда, на меня наскочил пес. Понял? Он наскочил на меня. Я даже не видел поганца, пока он не кинулся под мой автомобиль. Я пытался вывернуться, но не успел. Этот сукин сын покончил жизнь самоубийством.

— Я слышал об этом, — сказал бармен и отвернулся.

— Ты слышал об этом? Что ты имеешь в виду — слышал об этом? Я никогда об этом не слышал.

— Никогда не слышали о леммингах? — спросил забавный толстяк, сидящий через табуретку от Леса. Он явно не был полицейским — у него были мощные линзы очков, жидкие волосы и глубокие морщины на низком лбу. — Я как раз сидел тут и думал о леммингах. Потому что со мной кое-что сегодня случилось, очень похожее на то, что вы тут рассказали. — Он заискивающе улыбнулся. Лес пожал плечами. Он все еще находился в ледовом плену и даже этот толстяк не раздражал его.

— У нас была кошка, — сказал толстяк. — Мы звали ее Макинтош. Она персидская, понимаете? Очень красивая шелковистая шерсть. Она у нас жила десять лет — появилась даже прежде, чем

мы переехали в этот город. Я так привязался к этой твари. Ну так сегодня моя жена выглянула из окна третьего этажа и увидела, как Макинтош бежит по лужайке. Она подумала, что старая бандитка решила прихватить птицу — она старая, но когда хочет, может бегать быстро. Она ловит птиц пару раз в неделю и оставляет окровавленные трупы на ступеньках, так что мы утром всегда натываемся на них, когда выходим за газетой.

Он сглотнул.

— Но эта су... это проклятое животное вовсе не бежало за птицей. Она бежала к бассейну сына. Жена видела, как Макинтош прыгнула прямо в бассейн и утонула! Утонула! Кошка! Он просто перевалилась через бортик бассейна и прыгнула в воду. Моя жена на секунду застыла, понимаете? Она не могла поверить своим глазам. Она ждала, что Макинтош попытается выбраться из бассейна. Но она даже не попыталась. Ее голова так и не показалась на поверхности воды. Она так кинулась в этот бассейн, точно хотела покончить с собой, парень. — Глаза его замигали из-под толстых линз. — Вот почему я сижу тут и думаю о леммингах.

Лес старался внимательно смотреть на мужчину, который рассказывал ему эту историю. Он видел, что тот хочет рассказать ему еще что-то, поговорить о собаке-самоубийце, разделить с ним свою печаль о судьбе несчастных созданий, поговорить о леммингах и о том, что толкает животных на самоубийство. Он видел, что тому нужно сочувствие — общность, которая возникает на основе алкоголя и мужского братства, но и большее — общность понимания и общения. Лес наклонился вперед и сказал:

— Заткнись.

Толстяк замолк. Он быстро наклонился над стойкой и уткнул покрасневшее лицо в свой бокал.

Самочувствие Леса улучшилось — на лице у него ничего не отразилось, но где-то в глубине наркоз дал трещину. Ему стало почти тепло.

Он поглядел на часы и был приятно удивлен. Оказалось, что уже девять тридцать вечера. «Еще Гленливет», — сказал он бармену. Толстый стакан, наполненный кубиками льда и темной маслянистой жидкостью, возник перед ним на стойке.

Он поднял его и глотнул разбавленного виски. И когда оно бархатисто разлилось внутри, его неожиданно поразила малоприятная мысль: если он настолько преуспевает, почему он испытал такое удовольствие, велев толстяку заткнуться.

Да и если он так преуспевает, что он делает здесь, в баре, в девять-тридцать? А его жена сидит дома одна?

На этот вопрос у него был ответ:

— Пусть Пэтси тоже заткнется, — пробурчал он сам себе и отхлебнул половину своего Гленливета.

Но теперь влитое в него виски и предыдущий джин начали проситься наружу, и Лес слез с табуретки и протолкался в коридор, мимо телефона, где пухлая блондинка заигрывала с мордатым парнем, одновременно болтая по телефону: «Я знаю, что биточки в духовке», — говорила она. Биточки были в духовке, а рука парня — у нее на груди.

Он вновь соскользнул в холод, потому что представил себе Джонни Рэя — кожа вздулась и посинела, точно колбасная шкурка, в волосах запутались водоросли, грудь испачкана илом, — и он сидел за стойкой в Загородном клубе.

Вход в мужской туалет был чуть дальше по коридору. Там стоял кто-то здоровый, напоминающий Бобо, и мочился в писсуар. Лес прошел мимо и толкнул двери кабинки. Она была заперта. Лес засунул руки в карманы и уставился в пол. Человек у писсуара вздохнул и выпрямился. Все еще продолжая мочиться, он взял стакан пива, стоявший наверху писсуара, и отхлебнул из него. Лес брезгливо наблюдал за ним, стараясь не дышать, — воздух казался смесью мочи и антисептика.

— Твоя очередь, — сказал мужчина у писсуара, застегиваясь и шагая к двери.

Лес хмыкнул. Он поспешно расстегнул ширинку и пристроился к писсуару.

— Тот, кто сидел в кабинке, звякнул чем-то о жестяную переборку. Не металлом, хотя Лес поначалу подумал, что пряжкой ремня. Чем-то более мягким. Как будто колотил по стене рукой.

Рука опять ударилась в стену. Лес неловко оглянулся.

— Помоги мне, — сказал тот, кто сидел внутри.

Стенки кабинки гудели, словно сидящий в ней изо всех сил барабанил по ним кулаком.

— Я заблудился, — сказал голос.

Это был голос маленького Джонни Рэя.

Лес затаил дыхание.

— Я боюсь, — сказал голос. — Яаа байуусь.

Теперь Лес услышал, как по стенке кабинки проскребли ногти.

Он знал, что если посмотрит вниз, он сможет увидеть широкую щель между полом и дверцей кабинки. Поток мочи у него иссяк, он застегнулся. Если он поглядит вниз, он увидит маленькие кроссовки, штанины джинсов...

— Помоги мне, — прошептал голосок с тexasским акцентом.

По двери вновь заскребли ногти.

Лес боялся опустить взгляд, боялся заглянуть в щель между заляпанным хлоркой полом и дверцей кабинки.

Из щели между кабинкой и стеной протянулась беспалая рука с худеньким запястьем. И обрубок, и запястье были выпачканы влажным черным илом. А где-то в глубине кабинки Лес видел черные обрубки, в которые превратились ноги. Его желудок так сжался, что, казалось, он был похож на подступивший к горлу мячик для гольфа. Теперь Лес ощущал наполняющую туалет вонь — вонь такую мощную, что она была равносильна удару грома.

Перепачканное илом существо в кабинке упало на колени.

Лес попятился к двери, боясь отвернуть от кабинки лицо. Когда он почувствовал, что натолкнулся спиной на алюминиевую дверную ручку, он резко обернулся и ухватился за нее. Он отворил дверь, бросился в проем и захлопнул ее за собой.

Желудок все еще болтался где-то у горла. Он слышал шлепанье за дверью — что-то мокрое и мягкое брело по твердой поверхности. В ушах у него стоял шум. Он протолкнулся мимо стойки бара, стараясь держаться в гуще людей, и вышел из бара. Его второй Гленливет стоял на стойке, там же валялись десять долларов сдачи, но он так и не заметил их.

11

Грем Вильямс наклонился вперед, опершись на локоть, и продолжал:

— Разумеется, я должен был выяснить, что произошло в 1873-м. И поверьте мне, я докопался до этого. Дороти Бах, которая знала о Драконе больше всех, ничего не сказала мне, и больше никто — тоже.

Станицы тяжелой синей книги мелькали так быстро, что казались прозрачными. На Пэтси нахлынуло какое-то чувство — неосознанное, но знакомое: так запах духов может напомнить о воспоминаниях, не пробуждая этих воспоминаний.

Страницы летели мимо.

— Нет, — сказала Пэтси, и на этот раз оба мужчины поглядели на нее.

У Ричарда Альби на лице было вежливое сочувствие: он подумал, что у нее начался приступ головной боли, и гадал — нет ли у Вильямса в аптечке какого-нибудь анальгетика. Но старик смотрел больше, нежели с вежливым интересом, — он внимательно уставил-

ся на нее и даже рот у него приоткрылся. Никто из них не обращал внимания на книгу.

Она перевела взгляд на книгу и увидела, что страницы перестали двигаться.

— Она... — сказала она Грему Вильямсу, который сверлил ее глазами, — она двигалась. — Только теперь она заметила, что глаза у Вильямса были ясно-голубого цвета, а на правой радужке — золотистое пятнышко. — Двигалась. У меня в руке. — Глаза внимательно глядели на нее, побуждая продолжить, сказать больше, объяснить им, что произошло, — глаза Мерилин Форман.

Она вспомнила, что означает охватившее ее ощущение — это было ощущение присутствия Мерилин. Вот почему я увидела ее на улице, — подумала Пэтси. Они собираются отнять у меня покой и опять заставить видеть всякие вещи. Она не знала, кто эти «они», это было какое-то обозначение вселенских сил.

Перед лицом Пэтси вновь распахнулась страница.

— Я видел, как это случилось, — сказал Ричард. — Это случилось. — Он казался потрясенным.

Пэтси ощущала себя точно так же, как тогда, когда увидела Бейтса Крелла и женщину в шелковом платье, — приближались ужасные вещи, но это были ее ужасные вещи и ей придется увидеть их.

Что-то двигалось внутри открытой книги. Белые страницы, покрытые черным. На месте строчек вспыхивал огонь, над ними курился серый дымок.

Что-то зеленое, острое пробило поверхность страницы. Пробило и продолжало расти. За ним появился огромный глаз и уставился на Пэтси.

Пэтси услышала, как Ричард спрашивает: «Что происходит?» Она поняла, что он не видит головы Дракона, всплывающей на поверхность из глубин книги.

Глаз Дракона казался камнем, усеянным зелеными искрами. Он продолжал удерживать ее взгляд.

Затем появилось длинное морщинистое рыло и Дракон резко, голодно вытянул к Пэтси голову. Огромный рот отворился, глаза без белков продолжали глядеть в ее глаза...

— Пэтси? — повторил Ричард. — С вами все в порядке?

— Ты хороший, хороший человек, — подумала она на уровне, слишком глубоком для обычных мыслительных процессов.

Голова Дракона была все там же — невероятно, но была. Жесткие зеленые иглы на голове покрыты черными отмирающими чешуйками. Черные глаза ушли в жесткие круглые глазницы. Это

была голова рептилии — старой и сильной. От глаз по рылу расходилась черно-зеленая чешуя. Челюсть была подобна калитке на петлях. Пэтси почувствовала, как ее внутренности сжимаются, она становится легкой и бестелесной.

Пэтси удивленно поняла, что сквозь голову Дракона она может различать Грема Вильямса — голубые глаза, просвечивающие сквозь черные, и даже могла прочесть в них понимание и сочувствие. Она наблюдала, как чудовищная голова вновь стала невидимой. Воздух свистел у нее в ушах. Казалось, он пылал жаром, точно расплавленное железо.

12

— Кухня, — сказал Гарри Старбек.

Он водил фонарем по широкому белому холлу, в котором Ройс Гриффен стоял днем, перед самоубийством. Наконец луч фонаря уперся в последнюю по коридору дверь, двинулся вверх-вниз и, после минутного колебания, Дики и Брюс двинулись по направлению к двери.

Дик толкнул дверь, она отворилась, и он отступил в сторону, дав пройти Старбеку. Почти невидимый в своем синем костюме, вор проскользнул в комнату и направил луч фонаря в дверцы шкафа. Он бесшумно двинулся по кухне, открывая один ящик за другим. Луч света нырял в каждый ящик, но Гарри ничего не брал оттуда. Брюс Норман увидел, как тот качает головой и оглядывается, светя фонарем во все углы комнаты. Брюс подумал, что он напоминает животное в лесу — барсука или ласку, — вынюхивающее дорогу.

Старбек начал быстро продвигаться по направлению к высокой двери в дальнем конце кухни. На ней не было ни ручки, ни запора и она свободно поворачивалась на петлях. Они все трое сбились в кучу в маленькой каморке за дверью. Сразу за ней была еще одна дверь.

— В столовую, — сказал Старбек.

В этой узкой комнате он направил луч на один из высоких стенных шкафов. Брюсу казалось, что наугад. Вспышка светахватила из тьмы уставленные бутылками полки. Старбек перевел фонарь ниже, и Брюс почувствовал, как его плечи напряглись. Вор быстро открыл два нижних ящика.

— Господи, — счастливо вздохнул он.

Брюс наклонился вперед и уставился в раскрытый шкаф. Старбек вынул что-то из своего чемоданчика и расправил в руке. Это была

зеленая пластиковая сумка — в такую Бобби Фриц собирал листья, когда чистил лужайку.

— Беру все, — сказал Старбек.

Вор скользнул лучом взад-вперед по серебряной утвари, каждый предмет был завернут в мягкую ткань. Брюс и Дики начали вынимать серебро из левого ящика и швырять его в сумку.

— Все забирайте, — прошипел Старбек и потянул на себя полотно, устилающее полку. На лице у него застыла яростная гримаса. Брюс подхватил такое же полотно из левого ящика и начал упаковывать его на полу.

Как только серебро оказалось в пластиковой сумке, Старбек повел процессию в столовую. Там, на каминной полке, стояло несколько изукрашенных серебряных подносов — они тоже полетели в сумку.

Из столовой Старбек направился в гостиную с высоким потолком. Как только они оказались перед панорамным окном, небо осветилось, — из темной синевы слетела молния и зигзагом пронеслась среди облаков. Свет озарил гостиную, и Брюсу показалось, что он видит сквозь тело своего брата: массивный костяк и каждый элемент блуждающей по сосудам крови.

Дом, казалось, вздохнул, точно бегущее во сне животное.

— Что? — спросил Дики.

— Пианино, — сказал Старбек и направил луч фонаря в дальний конец комнаты, но они и так его видели в мутном лунном свете, льющемся из огромного окна. Пианино было пятнадцати футов в длину, каждый его сантиметр был любовно обработан вручную. Полированное дерево мерцало, точно поверхность воды. Ему было почти пятьдесят лет, а сделано оно было известной фирмой по специальному заказу, и у Гарри Старбека уже нашелся покупатель из Нью-Йорка, который искал такое пианино по меньшей мере десять лет. Он обещал Гарри Старбеку двадцать тысяч долларов — примерно пятую часть его настоящей цены.

— Как мы затащим это чудовище в грузовик? — прошептал Брюс.

— Запросто, — сказал Старбек. — Пока что вы, двое, вытащите его во двор.

Он пробежал через комнату и открыл огромные, выходящие во двор окна.

Дики подsunул руки под пианино и приподнял его. Мышцы у него вздулись, челюсть заходила. Ему удалось оторвать его от пола всего на пару сантиметров.

— Да не так же, Бога ради, — прошептал Старбек. — Ты что, грыжу хочешь заработать? Подлезай под него и выжимай спиной.

Дом вновь загадочно вздрогнул.

— Что? — спросил Дики.

— Мне что, повторить? — раздраженно сказал Старбек.

Фонарик его отыскал зеркало, висевшее среди картин импрессионистов. И через секунду в доме произошло еще нечто странное, что заметил лишь Дики Норман, но это засело в мозгу у Брюса Нормана еще на недели после ужасной смерти брата. Дики снова спросил: «Что?», и это прозвучало так глупо, что Брюсу захотелось двинуть его по голове, но он тоже, как и Дики, повернулся в направлении вспышки. И ему почти показалось, или он подумал, что ему показалось, что зеркало не отразило света, но приняло и поглотило его. Луч света (именно он, видимо, заставил Дики заговорить), упал в изукрашенное зеркало, точно камень в колодец... но затем под поверхностью зеркала что-то вспыхнуло и из него вырвался луч света, чтобы столкнуться с лучом фонаря.

13

Как только Лес Макклауд закрыл за собой двери бара, оставив позади звяканье монет в кассе и шум посетителей, он тяжело вздохнул. Желудок его медленно возвращался на свое место. Весь алкоголь, который он влил в себя за день, пылал у него в желудке, точно тлеющий уголь. Лес глотнул еще воздуха. Он не только думал о том, от чего ему удалось ускользнуть в туалете бара, он хотел лишь добраться домой... но мысли его вновь и вновь возвращались к тянущемуся к нему обручку и желудок вновь начал сжиматься.

Да, он хотел домой. А если Пэтси по-прежнему засела во второй спальне, он вытащит ее оттуда, невзирая на то, что она по этому поводу думает. Мысли его вновь уперлись в Пэтси. Он вернется домой и вытащит Пэтси из ее спальни, поставит ей парочку хороших синяков (из глаз у нее потекут крупные слезы) и как следует двинет в солнечное сплетение... Он почти улыбался.

Он вышел на обочину дороги и направился к машине. С неба упало что-то маленькое, черное и мелькнуло мимо его головы. Лес отмахнулся, думая, что птица напала на него. Но оно влетело в круг света от уличного фонаря, и он увидел, что это летучая мышь. Еще две летучих мыши планировали на него в луче фонаря.

Одна бросилась ему прямо в лицо. Острые когти мазнули по щеке. Лес закричал от ужаса и отвращения и отбросил ее от себя. В это время что-то камнем ударило ему в грудь. Лес открыл зажмуренные глаза и увидел, что еще одна летучая мышь вцепилась ему в пиджак. Крылья у нее были сложены, точно складки плаща, уродливая

голова тянулась к его лицу. Он яростно попытался смахнуть ее, но она еще крепче уцепилась за пиджак и заверещала на него. Он потянул за кожистое тельце, но когти лишь цеплялись все глубже.

Он поднял голову и увидел, что в небе кружат черные хлопья. Летучие мыши мелькали в свете фонаря и парили над стоянкой. Еще одна пронеслась рядом с его головой, и он увидел вытянутые когти и крошечную головку с направленными на него глазками. Вокруг него носилась стая летучих мышей, точно трепещущий черный флаг.

Лес кинулся к машине. Летучая мышь, уцепившаяся за его пиджак, забилась, мягко ударяясь о грудь. Другая мазнула крылом ему по лицу, третья, падая, скользнула по затылку. Он почувствовал неожиданную острую боль в правом ухе, и секунду спустя по шее у него потекла струйка крови.

Когда наконец он добрался до машины, над ним парило целое облако летучих мышей. Он вцепился в ручку «Мазды». Дверца была закрыта. Одна из мышей вцепилась ему в волосы, и он яростно смахнул ее. Еще одна повисла на рукаве, и он ударил ее о стекло машины. Мышь упала на дорогу. Еще одна пронеслась у лица, он отпрянул и, закрыв глаза, почувствовал, как когти царапнули его лоб. Он вскинул руки и замахал ими в воздухе. Потом, продолжая махать левой, запустил правую руку в карман в поисках ключей. Тут же за левую уцепилась мышь и повисла на ней, растопырив крылья. «Они хотя бы не кусаются», — пронеслось у него в голове, когда пальцы нащупали наконец ключи от машины.

Одна мышь, висая у него на волосах, вцепилась зубками ему в кожу, лицо — полудетское, полусобачье — качалось над ним. Лес смахнул ее — она смотрела на него с явной ненавистью. Лесу хотелось убить ее — сбросить на землю и плясать на ней, давя хрупкие кости и поддельные крылья. Он подпрыгнул и махнул рукой, но мышь вновь ускользнула. От толчка та мышь, которая висела, вцепившись ему в пиджак, ударилась о его грудь. Лес вновь замахнулся на ту мышь, которая его укусила, и увидел, что тыльная сторона его руки кровоточит. Кровь стекала у него по лбу, затекала в глаза, воротник пропитался ею. Лес застонал и шагнул к машине. Он сунул ключ в замок, с силой отворил дверь и быстро нырнул внутрь, ударившись головой о крышу автомобиля. Затем захлопнул за собой дверь.

— Ох... ох... — вздыхал Лес, стряхивая свой пиджак. Летучая мышь продолжала сверлить его своими крохотными глазками. Наконец Лес высвободился из пиджака, чуть не плача от ярости и боли. В секунду пиджак превратился в тряпичный мяч, пустые рукава свешивались по бокам, точно слоновьи хоботы. Лес кинул его на

сиденье и начал молотить кулаками. Он чувствовал, как существо дрожало и трепыхалось внутри, но он все лупил по нему, пока оно не затихло. Лес дрожал. Волосы слиплись от крови и пота. Он в последний раз поднял кулаки и тяжело уронил их на расплющенное месиво.

— Наконец-то я разделался с тобой, — выдохнул он.

Потом он увидел, что все ветровое стекло было облеплено маленькими мохнатыми тельцами.

Лес кинул автомобиль вперед и тут же вывернул рулевое колесо, поскольку «Мазда» врезалась в бампер стоящей впереди машины. Часть летучих мышей от удара соскользнула со стекла.

Когда он свернул со стоянки направо, он вспомнил, что не включил фары. Когда он зажег их, засветилась лишь одна. Поглядев на освободившееся на ветровом стекле пространство, он увидел, что, кроме его машины, на дороге не было никого. Он повел «Мазду» по обочине шоссе I-95. До Стрэдфорда, который находился в двадцати минутах езды, никаких контрольных постов на дороге не было. Лес нажал на акселератор и увидел, как распластались на стекле летучие мыши — двух или трех по краям ветрового стекла снесло воздушным потоком.

Он резко завернул машину влево, затем вправо, потом вновь назад. Только тут он услышал, как сзади загудели сигналы идущих за ним машин. Благодаря его маневрам ветровое стекло почти очистилось — на нем осталось лишь с полдюжины летучих мышей. Их красные глазки уставились на него, крохотные рты шевелились, и он знал, что они верещат, угрожая ему. Казалось, они владеют членораздельной речью. Что бы они там ни говорили, ветер относил это прочь.

Лес поглядел на спидометр и увидел, что он гнал со скоростью девяносто миль в час. Еще одну мышь снесло со стекла и унесло прочь, точно черный лист.

Лес рассмеялся нервным, высоким смешком и почувствовал, как в первый раз за все время мышцы его расслабились. Он убрал ногу с акселератора. Рядом шел обычный, успокаивающий поток машин — люди ехали по своим делам.

Только теперь Лес осознал, что в машине еще кто-то есть. Маленькая темная фигурка устроилась на свободном сиденье. Лес машинально сказал: «Эй!» и поглядел на нее. Нечто, напоминающее десятилетнего мальчика, перемазанного илом, обмякло на подушках. Вода стекала с него и образовала лужицу на полу машины.

Вонь, раздражающая легкие, обрушилась на Леса, вонь, которая донеслась до него из зарослей рядом с полем для гольфа, но

усиленная в сотни раз. Этот запах раздирал грудную клетку Леса. Мальчик открыл глаза.

— Я потерялся, — хрипло сказал он. — Мне страшно.

Лес всем весом налег на акселератор. Он кричал, но не замечал этого. Он летел со скоростью ста пятнадцати миль в час и на этой скорости через четверть мили врезался в «Тойоту», принадлежащую мистеру Харви Пилброу, Восточная Гавань, Коннектикут. Он убил восемнадцатилетнего сына мистера Пилброу, Даниэла, и его приятельницу Молли Витт, которой тоже было восемнадцать. Лес Макклауд умер чуть позже этой парочки, а над машинами стоял столб пламени пятидесятифутовой высоты.

14

Пэтси открыла глаза.

— Что-то случилось, — сказала она и поняла, что лежит на кушетке в гостиной Грема Вильямса.

— Как вы себя чувствуете? — спросил старик.

— Что-то случилось, — повторила она.

— Вы правы, что-то случилось, — сказал возникший в ее поле зрения Ричард Альби. Он взял ее за руку и ей стало тепло от этого прикосновения. — Вы упали в обморок, когда книга перестала двигаться.

— О! — сказала Пэтси. — Книга.

— С вами все в порядке? — спросил Вильямс.

— Помогите мне сесть, — попросила она, и Ричард помог ей приподняться; она спустила ноги на пол. Голова ее была легкой, точно заполнена пеной. Она поняла, что стоять не может. — Со мной скоро все будет в порядке.

— Это из-за книги? — спросил Ричард. Он все еще держал ее за руку, стоя на полу рядом с кушеткой, и глядел на нее с умиротворяющим сочувствием.

— Не совсем, — ответила Пэтси. Ричард выпустил ее руку и отступил на несколько футов, чтобы лучше разглядеть ее.

Пэтси не знала, что она может сказать им. Она боялась, что даже этим людям она покажется ненормальной, хотя они знают о ней достаточно много. Вероятно, у нее обморок, но этот обморок был каким-то образом связан с ощущением присутствия Мэрилин, с драконовой головой, поднимающейся над страницами книги, и, что самое странное, каким-то образом он был связан с Лесом, с ее неудавшимся браком.

А как раз это ей и не хотелось обсуждать с этими двумя, именно потому, что она хорошо к ним относилась. Перед тем, как она

пришла в себя, ей привиделся столб огня и она поняла, что в этом огне сгорело ее замужество. Сгорело полностью, уничтожено... Но дело было не только в этом. В ее мозгу пронеслось, что Табби Смитфилд сейчас был очень близок к смерти.

Но какое отношение имел Табби к этому огненному столбу? А если он горел в этом пламени или должен был сгореть, тогда...

— Не волнуйся, Пэтси, — сказал Грем Вильямс.

...тогда, как это связано с ее браком? Она не понимала, каким образом это возможно, но то, что случилось с Табби, почему-то должно было иметь отношение к ее будущему с Лесом Макклаудом, каким бы это будущее ни было. Она хотела, чтобы мальчик был сейчас тут, рядом, она бы изо всех сил обняла его. Она поглядела на Ричарда Альби и подумала: «И тебя я бы обняла тоже».

— О, не знаю, что случилось, — сказала она, и увидела, как тревожная морщинка пересекла лоб Ричарда. — Но думаю, что вы оба не видели этого, верно? Драконья голова? — Эта фраза показалась ей такой странной...

Морщинка на лбу Ричарда стала глубже.

Она вспомнила черный глаз, похожий на камень, в котором парили зеленые искорки.

— Он появился из книги. И смотрел на меня.

— Нет, не видели, — сказал Грем. Казалось, он был так же потрясен ее словами, как и она сама. — Но я верю, что вы видели его, Пэтси. И вы знаете, что это означает, верно? Это означает...

— Он предупреждает нас, — сказал Ричард.

— Гидеон Винтер обратил на нас внимание, — сказал Вильямс. — Вот что это значит. В таком смысле это — предупреждение. — Он захлопнул книгу и расширенными глазами уставился на Пэтси. — Она *горячая!*

Ричард тоже дотронулся до книги, вопросительно поглядев на Пэтси. Потом кивнул.

— Не хочу к ней прикасаться, — сказала Пэтси.

— Нет, но я хочу, чтобы ты поглядела на эту страницу, — сказал Вильямс и развернул перед ней книгу. Она увидела, что черных знаков на ней было больше, чем до этого. Они были похожи на обугленные отпечатки лап поверх строчек. Неожиданно они напомнили ей летучих мышей, и ей показалось, что одна из них пошевелилась — та, с перебитыми, вяло болтающимися крыльями.

«Лес, — подумала она, и секундой позже — Табби».

— Я уже видела эти горелые отметки, — сказала она. — Они появились как раз перед тем, как... появился он.

— Я не о них, — сказал Вильямс. — Погляди на даты сверху страниц.

Пэтси поглядела. Наверху страниц были цифры — одинаковые на каждой. 1873—1875. Она покачала головой. Вильямс протянул книгу к Ричарду.

— 1873—1875, — сказал Ричард. — Дайте подумать. Еще убитые дети?

— Не совсем, — сказал Вильямс, — но вы на верном пути. Это следующая фаза цикла. В 1811-м все прихожане конгрегационной церкви погибли в катастрофе на мысе Кенделл. Между прочим, и это важно, среди погибших были два Вильямса, два Тейлора — отец и дочь и четверо Гринов. И старик по имени Смит. Миссис Бах не сказала мне этого, не захотела сказать, но я отыскал это в газетах. Катастрофа на мысе Кенделл чуть не уничтожила наши семьи. В результате всех этих событий наши семьи на Гринбанке долгое время не слишком-то процветали. Мои родственники жили в Патчине и уцелевшие Грины тоже. Они были прихожанами патчинской конгрегационной церкви и поэтому пережили этот день. В 1841 году Растум Тейлор сошел с ума — совсем свихнулся (до этого он был лишь слегка тронутым), убил двоих детей и практически съел их, когда Антони Дженнингс нашел его на краю набитой угольями ямы.

— Съел, — повторила Пэтси. Она зажмурила глаза и вновь перед ней возник столб пламени. Табби... Где же он?

— Да, съел. Миссис Бах не полагала, что последние дни безумца Тейлора были достойны упоминания в книге, но она читала те же газеты, что и я, и знала об этом. Она тоже ходила на старое гринбанкское кладбище и видела две могильные плиты — там лежали останки детей, которых убил Растум Тейлор. Камни эти и сейчас там. Сара Аллен, 1835—1841, жестоко отнята у нас; и Томас Кирби Маккули Мурман, 1834—1841. Маленький Том. — Грем Вильямс опустил книгу. — Она уже остывает. Так вот, она, разумеется, знала о детях, но не стала писать о них и о том, что случилось в 1873 году тоже не стала по той же причине. Я даже не уверен, что она делала это сознательно, но она пыталась укрыть дела Гидеона Винтера от любопытных взглядов своих современников.

Вильямс пронзительно взглянул на Пэтси.

— Хотите услышать остальное, Пэтси?

— Со мной будет все в порядке, — сказала Пэтси отсутствующим голосом.

— Ну так что же случилось в 1873-м? — спросил Ричард.

— По одному человеку из наших семейств погибли в огне на мельнице, — сказал Вильямс. — А кроме них, еще сорок один

человек. Июль и август 1873-го были прозваны «Черным Летом». Вскоре через Хэмпстед начали вновь двигаться чужеземцы. Но они не останавливались тут — просто проезжали мимо. Я знаю это потому, что в 1874 году в Хиллхэвене открылся новый постоянный двор под названием «На полпути». Раньше постоянный двор под таким названием был в Хэмпстеде, но после 1873 года он зачах и в записях больше не попадают упоминания о нем. После Черного Лета люди, похоже, избегали Хэмпстеда. Я проглядел список кораблей, которые становились на якорь в Хэмпстедской гавани, — это там, где теперь яхт-клуб, — начиная с 1860 года, и увидел, что в 1873-м и позже они начали швартоваться в Хиллхэвене. А в 1875-м корабли вновь возвратились в Хэмпстед. Но я хочу сказать вам кое-что, о чем Дороти Бах все-таки написала. Перед Черным Летом в Хэмпстеде жило 10450 человек. Двумя годами позже, в 1875-м — 5370.

— Половина умерли? — спросил Ричард. — Но мне показалось, вы сказали, что там летом погибли лишь сорок пять человек.

— Ну многие, возможно, переехали, — сказал Вильямс. — Дорога шла на Патчин и на Хиллхэвен и уехать туда было очень легко. Они, может, думали, что со временем вернуться сюда опять. Во всяком случае, с продажей недвижимости после Черного Лета черт знает что творилось. Люди все продавали и снимались с места.

— Но ведь это еще не все? — спросил Ричард.

— Ага, — сказал Вильямс. — Вот именно. Понимаете, когда ваша семья перебралась сюда, я еще не понимал, что творится. Я читал в газетах о миссис Фрайдгуд и миссис Гудолл и просто ужасался и все такое. Но потом я увидел Пэтси и Табби тем воскресным вечером, и понял. Он возвращается. И он очень силен — как тогда, в Черное Лето и сразу после него.

— Почему вы так думаете? — спросил Ричард.

— Потому что Черное Лето 1873-го началось точно так же, как это. На ферме нашли женщину, разрезанную на куски. А недель позже нашли еще одну женщину за лавками на Мэйн-стрит. И с ней сотворили то же самое. Потом были еще двое, одна из них — маленькая девчушка Смитов. И все это было перед пожаром на мельнице.

Ричард опять задал вопрос, и Пэтси услышала его издали — точно он говорил из ямы в земле или голос его раздавался из лежащей на столе телефонной трубки:

— Почему Черное Лето было гораздо хуже, чем лето 1841-го?

— О, к тому времени мы все вернемся, — сказал Вильямс, и Пэтси рассеянно подумала: все вернулись, что же тут плохого, это

как воссоединение — Вильямсы, Смиты (к тому времени уже Смит-филды), Тейлоры, Грины. Все вернулись. И конгрегационная церковь Гринбанка возродилась тоже к 1873 году, а то, что случилось в 1841-м стало далекой и страшной легендой — не больше.

— Эти дети с ужасными именами, — опять спросил Ричард, — Тьма, Сумерки и Печаль... фамилии у них были наши, верно?

— У вас хорошая голова, Ричард, — сказал старик. — Печаль звали Тейлор, и вышла она замуж за Джозефа Вильямса. Тьма был Смитом, а фамилия Сумерек была Грин. И Стыд тоже был, Дороти Бах отлично знала это. Крошечная девочка, фамилия ее была Вильямс, она умерла до того, как ее крестили.

— Печаль Тейлор, — прошептала Пэтси. Имя казалось ей очень красивым.

— Почти все они были девочки, — сказал Вильямс. — И со временем у всех них родились дети. Вильямсы женились на Тейлорах, а Смиты — на Гринах, а потом — Вильямсы — на Сmithах.

Пэтси все это казалось красивым ритуальным танцем — все эти браки, которые заключались так давно... Пальцы ее онемели, губы застыли. Вильямс взял в жены Тейлор, а Смит — Грин, а потом Вильямс взял в жены Стыд... точно хоровод, и перед ее умственным взором возник золотистый круг, похожий на обручальное кольцо, и внутри этого круга было что-то дымное, что-то неприятное, и Пэтси затрясла головой.

Но тут в руку ей вцепилась рука Мерилин Форман, и Пэтси увидела, что там, в кругу...

Сама она этого не слышала, но она издала долгий испуганный стон, и Вильямс и Ричард увидели, что она вновь упала на кушетку. Они еще не успели добежать до нее, как она начала дрожать и биться головой о подушку, да так сильно, что кушетка начала раскачиваться.

Ричард схватил ее за руки, не зная, как остановить эти судороги. Наконец он присел рядом с ней, обнял ее и крепко прижал к себе, и тело его затряслось в такт ее конвульсиям.

15

— Вытащите это пианино наружу, — сказал Старбек, — да осторожней. А потом возвращайтесь за зеркалом.

— Нет, — подумал Брюс и знал, что то же самое думает и Дики, — давайте оставим зеркало здесь, мы не хотим иметь дело с этой вещью, нет, сэр. Как раз перед тем, как луч фонаря Старбека уперся в зеркало, Брюс увидел, или ему показалось, что увидел, что

там, внутри, было нечто похожее на слизняка или червя, оно содрогнулось от луча света и растаяло в глубине.

Там, в глубине, был Ад. Что за странная мысль? Будет что рассказать этому Шкиперу.

— Если вы будете трясти своими дерьмовыми башками, я оторву их, — прошипел Старбек. — Тащите пианино. — Он направил луч фонаря на Брюса. — Клянусь, если вы не пошевелитесь, я вам яйца отстрелю.

— Я просто подумал... — прошептал Брюс и почувствовал, как сзади вздрогнул Дики.

— Он еще думает, дерьмо, — шипел Старбек.

— Мы можем положить зеркало на пианино и сделать только одну ходку, — вывернулся Брюс.

— Да? — луч света снова уперся в зеркало. — Ладно. Я придержу его. И поаккуратней с рамой.

Дики и Брюс согнулись под тяжестью пианино и начали медленно тянуть его через комнату. Старбек направил свой фонарик на статуи и луч застыл на ближайшей из них. Он подошел и приподнял ее. Это была маленькая статуэтка танцовщицы и он поразился ее тяжести. Перевернув ее, он увидел имя, выцарапанное на основании, — «Дега».

— Берем ее, — сказал он, и оба мальчика замерли. — Да не вы, задницы.

Он направил фонарь на следующую скульптуру. Она была в точности, как та, что он держал на ладони. Когда он повел фонарь лучом света вглубь комнаты, он увидел еще две статуэтки танцовщиц.

Старбек вытащил из кармана радио и проговорил в него:

— Эй, парень, ты там?

— Что? — спросил испуганный голос Табби.

— Давай, подгоняй грузовик. Мы выскочим через пару минут.

— Вы хотите, чтобы мы... — Дик и Брюс испуганно застыли, не дойдя до стены, на которой висело зеркало.

— Шевелитесь, ублюдки, — сказал Старбек. — Берите зеркало. Кладите его в пианино. Тащите пианино наружу. Потом возвращайтесь сюда и снимайте со стен все эти картины. Все поняли?

И когда трясущиеся близнецы Норманы двинулись к стене, Старбек отправился ко второй статуэтке Дега.

В эти последние несколько секунд своей жизни он думал, что на вещи, вынесенные из этой комнаты, он сможет два года жить безбедно, даже если он получит десять центов на каждый доллар — а примерно так оно и будет. С этим серебром, зеркалом, пианино,

статуэтками и картинами он выберется из дома на Бич-трэйл раньше, чем до него доберется горстка местной полиции, и передвинется на новое место. Он думал вернуться на Средний Запад — он давно там не был, в богатые города, где банковский счет жиреет с каждым вашим дыханием. Затем он смутно различил старика с пистолетом в руке, который вошел через дверь в гостиную, и подумал, нет, он еще слишком молод, он всего лишь ребенок, а потом услышал как Дики Норман закричал от боли и ужаса. Казалось, взорвалась вся комната, и он успел увидеть, как кровь Дики Нормана обрызгала картину, которая наверняка принадлежала кисти Мане. К этому времени он успел вытащить свой пистолет, но рука отказала ему, он мимолетно подумал, сможет ли он продать картину, которую заляпала кровь Дики Нормана, а потом наступила темнота.

16

Табби кинул радио на пассажирское сиденье, а сам перебрался на водительское. Из переговорного устройства слышался приглушенный статическими разрядами разговор, и до него дошло, что он слышит, как Старбек приказывает близнецам. Вор, казалось, был рассержен. Табби повернул ключ зажигания и поставил ногу на акселератор.

Мотор фыркнул. Табби судорожно пытался вспомнить все, что знал о том, как управлять грузовиком. Он в ужасе поглядел на переключатель скоростей, на красную кнопку на его ручке, нажал на кнопку и потянул рычаг вниз. Грузовичок завыл: казалось, он пожирает сам себя. Табби выпустил рычаг, схватил его снова и потянул, одновременно нажимая на акселератор.

Грузовик дрожал, точно побитая собака. Казалось, он вот-вот начнет испражняться, вышвыривая через выхлопную трубу свои внутренности. Он был безнадежен.

Табби рывком отворил дверь и выскочил из грузовичка. Потом он вспомнил про радио и вернулся за ним. Он бежал мимо японского клена и только почти добежав до дома сообразил, что, поскольку он вот-вот увидит Старбека, радио ему не нужно. Фонарик, горящий над водосточной трубой, на миг ослепил его. Он должен признаться Старбеку, что ему не удалось справиться с грузовиком, а дальше Старбек или кто-то из Норманов выскочит за калитку и подгонит машину. Все, что ему нужно, это зайти внутрь и сказать Старбеку, что ему не удалось заставить грузовичок двигаться.

Он в ужасе зажмурился и увидел: чудовищный огненный столб поднялся на пятьдесят футов от земли и превратился в гигантскую огненную летучую мышь с распростертыми крыльями.

Он остановился. Во рту пересохло, сердце колотилось.

Потом неуверенно шагнул вперед. Что-то происходило внутри дома: воздух был насыщен злобными электрическими разрядами — теми, которые до этого полыхали в небе. Табби увидел, что в окне первого этажа что-то мерцает.

Забывшее в руке радио издало долгий вопль агонии.

Табби сделал еще один шаг. Что бы там ни сияло в окне, оно влекло его к себе. Какая-то его часть знала, что то, что происходит в этом доме, непосильно для него — это было вроде того, что он видел, когда отец и дедушка пытались разорвать его надвое в аэропорту Кеннеди у выхода №44, — смутное воспоминание о том, как мужчина снимает длинным красным ножом кожу с женщины, но другая часть Табби Смитфилда слышала тихий, настойчивый голос, молчаливый глас изнутри этого жуткого дома, и этот голос приглашал его войти:

«...Здесь хорошо, Табби, просто подойди и отвори дверь. Неважно, что ты не справился с грузовиком, это не имеет больше значения, приходи, побудь с нами...»

И ошеломленный, ослепленный образами огненной летучей мыши и умирающей окровавленной женщины, Табби сделал еще один шаг по направлению к дому.

Потом он услышал выстрел, который раздался из той самой комнаты, в окне которой сияло гостеприимное нечто.

17

Руки у Ричарда болели, — Пэтси билась в них, точно рыба в неводе.

— Не знаю, сколько я смогу вот так ее удерживать, — в отчаянии сказал он Вильямсу.

— Я подержу ее ноги, — сказал Вильямс и со всей возможной быстротой кинулся к кушетке, обходя кофейный столик. Он ухватил ее за локоть, но Пэтси дернулась так сильно, что он потерял равновесие и тяжело сел на хрупкий столик. Оба они услышали треск дерева. Вильямс сурово наклонился вперед, сжав губы, и прижал ее дергающуюся ногу. Второй рукой он поймал другую ногу — бедра Пэтси содрогнулись и Вильямс почувствовал внезапную боль в груди.

Ричард увидел, как побелело лицо Вильямса — точно треснул не столик, а что-то у старика внутри. Пэтси вновь содрогнулась в его руках и выкрикнула одно-единственное слово:

— Беги!

Ричард качнул головой старику, говоря этим жестом, что он и сам может удержать женщину, но Вильямс лишь усилил хватку и судороги Пэтси немного утихли.

— Беги! — заорала она, а потом завывала так, что Ричард чуть было не выпустил ее.

За спиной Ричарда раздался громкий треск. Он оглянулся, думая, что разбилось окно, но это был рекламный плакат фильма, оправленный в застекленную рамку, — он дрожал и сползал на пол странными, неровными толчками.

— Аaaa! — орала Пэтси.

Детективы в бумажных обложках затряслись на верхних полках и рухнули на пол. Ричард услышал, как трещит, ломаясь пополам, рама плаката. Он видел, как книги на верхних полках начали соскальзывать и планировать на стол Вильямса. Пишущая машинка качнулась на своем основании и, скатившись вправо, упала на пол. «Банг!» — лязгнула, вернувшись на место, каретка.

Книги все сыпались с полок. Ричард и Грем видели, что две из них подпрыгнули к потолку и зависли там, как мухи, перед тем, как рухнуть на пол.

Еще один плакат в рамочке («Гленда» с Мэри Астор в объятиях Гарри Купера) упал плашмя и дрожал, точно умирающий кот. Стекло разбилось на тысячи крохотных осколков.

18

— Давай, Табс, ты нам нужен, — сказал в его мозгу молчаливый голос, и он вновь шагнул вперед. На секунду он увидел дюжину выглядывающих в окно людей, потом они отвернулись или повернулись друг к другу. «Да там же вечеринка, — подумал Табби, — с чего это вдруг там вечеринка?» Он поднес радио ко рту и сказал:

— Эй, что...

— Давай, заходи, — сказала ему радио. — Заходи, Табби.

Он очень ясно видел людей в окне, но близнецов Норманов среди них не было.

— Заходи, — вновь сказала радио.

Люди расступились, и Табби увидел, что там светилося зеркало в дальнем конце комнаты. Его сердцевина была нежно розовой, она пульсировала и светилась. Табби сделал еще один шаг.

Но тут из входной двери выбежал Брюс Норман. Он обнимал Дика за плечи, и, казалось, тащил его. Лицо Дики было мраморно-белым, он двигался очень медленно.

— Где грузовик? — прокричал Брюс.

Брюс был красным от крови — кровь заляпала рубашку на его широкой груди. У Дики брызги крови были на лице, а бок был окрашен кровью так густо, что расцветка рубашки была не видна.

Табби не сводил с них глаз и понял, что вся эта кровь была кровью Дики Нормана.

Затем он увидел что-то белое, выступающее из этой красной массы. Руки у Дики не было и это белое было плечевой костью. Он кинулся к Брюсу, чтобы помочь ему поддержать брата, и разум его очистился — он лишь помнил, как медленно двигался к дому с тех пор, как перед умственным взором у него предстал столб пламени.

Он крепко обхватил Дики и почувствовал его тяжесть, его заторможенность. Он знал, что Дики вот-вот умрет. Вместе с Брюсом они полудонесли, полудовели Дики к грузовичку. Табби отворил заднюю дверь, но Брюс заорал на него:

— Не туда! Вперед! На сиденье!

Глаза у Брюса стали в пол-лица. Табби помог уложить Дики на пассажирское сиденье, потом Брюс обежал грузовик и вскарабкался на сиденье водителя.

Табби прыгнул назад и как раз затворил двери, когда Брюс дал задний ход и врезался в дерево. Дики соскользнул на пол.

— Подними его, Бога ради! — заорал Брюс, переключил скорость и рванул из под деревьев под дождем земляных комьев, осыпавших машину.

Табби перегнулся через спинку пассажирского сиденья и попытался вновь усадить Дики. Левая рука его соскользнула из-за крови, покрывающей левый бок Дики, и Дики вновь откатился в сторону. Белый обломок кости скользнул по обшивке сиденья.

— Подними его!!! — орал Брюс. Он вырулил на Маунт-авеню и повернул к проезду Сейров.

Табби вцепился в правую руку Дики, и тот уперся ногами и приподнялся на сиденье. Наклонившись, Табби глянул ему в глаза — они смотрели прямо вперед на что-то очень далекое. Табби подумал, что у Дики Нормана гораздо более осмысленное выражение лица, чем за всю его жизнь до этого, но он был рад, что не может увидеть то, что с таким вниманием рассматривал Дики.

— Держись, Дики, — сказал он и похлопал его по здоровому плечу. Дики даже не мигнул.

— Где этот малый? — спросил Табби. — Старбек... где Старбек?

— Ублюдок сдох, — сказал Брюс.

— Умер? Я только что говорил с ним по радио.

— Ублюдок сдох. Старикашка застрелил его.

Брюс проехал на красный свет светофора.

— Как... Я хочу сказать, что случилось с Дики?

— Я не знаю!!! — заорал Брюс. Он вытер руку о рубашку, оставляя кровавые полосы. — Мы должны были подобрать это чудное зеркало и засунуть его внутрь этого сраного пианино. Мы как раз собрались снять зеркало, как явился старикашка со своей пушкой. Он даже не сказал «Руки вверх!» или что-то в этом роде, просто выстрелил. И он достал Старбека — снес его сраную голову. Тогда Дики завопил, и я поглядел на Дики, а он заляпал кровью все стены, и руки у него не было, а он просто стоял и смотрел, и я думал, старый ублюдок задает нас обоих. — Он покачал головой. — Я думал, он пальнул ему в башку, но потом увидел, что у него нет сраной руки. Так что я взял и выволок его.

— Я видел там и других людей, — сказал Табби.

— Табс, кроме старикашки там никого не было. Вылазь отсюда. Я хочу отвезти Дики в Норрингтон, а ты вылазь из тачки.

Он притормозил у светофора на проезде Сейров.

— Вылазь, Табс. Быстро.

Табби выпрыгнул на дорогу и захлопнул дверь.

— Удачи, — сказал он, но грузовик уже промчался на красный свет и набирал скорость.

Спустя четырнадцать минут, в одиннадцать пятьдесят шесть, Брюс Норман ворвался в службу «Скорой помощи» Норрингтоновского госпиталя. Он совершил этот подвиг, выжав все, что мог, из старбековского грузовичка. Когда он миновал пост, он не подумал остановиться, а врезался в шлагбаум на скорости по меньшей мере сто десять миль в час, разнося его на полдюжины летающих обломков. Медсестры забрали у него Дики, как только он появился в дверях, уложили на носилки и наложили бандаж на руку. Глаза Дики так и не утратили того рассудительного выражения, которое заметил в них Табби. Интерн по имени Пэйтл, который родился в Утар Прадеш, а диплом получил в университете Висконсина, делал все, что мог, с плечом Дики. Но Дики умер, пока другой Пэйтл ставил металлические зажимы на самые крупные артерии. Было три минуты первого.

Д-р Пэйтл встал, поглядел на часы, а потом перевел взгляд на Брюса Нормана, который сидел в приемной и наблюдал за ним сузившимися и злобными глазами.

Д-р Пэйтл взял Дики за уцелевшую руку и пытался нащупать пульс, но держал руки на ране Дики в миг смерти и знал, что пульса не будет. Он мягко опустил руку Дики на грудь.

Брюс встал. Он провонял кровью, которая сочилась с его джинсов, ботинок, рубахи. Кровь на лице была точно боевая раскраска.

— Этот мальчик мертв, — сказал д-р Пэйтл, сохранивший акцент уроженца Индии. — Не можете ли вы мне сказать, как он получил эту рану?

Брюс подошел к маленькому смуглому доктору и изо всех сил ударил его в лицо, выбив ему два зуба, и швырнул его на носилки Дики. Доктор упал на пол в лужу крови, а Брюс поднял брата и понес его назад к грузовику. Медсестры в этот момент занимались с другими пациентами или сидели в дежурке, и никто не видел, что произошло, пока Джейк Ремс, алкоголик с перебитым носом и темными глазами, не заорал, что чудовищный малый убил его доктора.

Дик вновь лежал на сиденье, и Брюс немного успокоился. Он поехал по шоссе в Вудвилл в другую больницу, святой Хильды, и там, наконец, он согласился с тем, что брат умер.

Было полпервого утра, воскресенье, восьмое июня, и в округе Патчин начался двадцать пятый день без единой капли дождя.

19

Как раз в четверть первого Табби свернул на Бич-трэйл и медленно брел по направлению к Эрмитаж-роад и «Четырем сердцам». Он слишком устал, чтобы думать о том, что произошло. Он хотел только попасть домой, в свою комнату, запереться и скорчиться в постели. Перед глазами у него все еще стояла Огненная летучая мышь, ее крылья хлопали на ветру... красные крылья, точно бок Дики Нормана, который выглядел так, словно безумный художник несколько раз мазнул его красной кистью.

Глаза Огненной летучей мыши были, как черные дыры, и сквозь них просвечивали облака.

Табби поглядел вперед и увидел дома, которые, один за другим, маршировали по темным улицам, уличные фонари, бросающие на землю круги света, а наверху, на холме, его дом, и все это выглядело как сон, словно все это сейчас начнет гореть и трескаться, а из окон потечет кровь и оранжевая слизь, а из треснувшей земли потянутся белесые руки... «Мистер Смит, ты что, хочешь получить пулю в спину?»

Он застонал и поднял руки к лицу. Только тут он впервые с тех пор, как покинул дом доктора, заметил, что все еще держит радио Гарри Старбека. Оно затрещало прямо ему в лицо:

— Табби! Табби Смитфилд! Возвращайся! Возвращайся или я убью тебя! — Голос, звучавший из передатчика, тонул в каскадах статических разрядов, но все равно был звучным и ясным. Это был тот же голос, который он слышал, когда стоял на лужайке у докторского дома, — голос Гарри Старбека. Старбек не был убит, он остался там, в ярости от того, что Табби и Норман покинули его.

Табби уставился на радио, не зная, чему верить. Брюс Норман видел, как доктор застрелил Старбека. Но ведь он сам видел всех этих людей в окнах. Людей, про которых Брюс уверял, что их здесь нет.

— Ааах! — прошептало радио.

Радиоволны, подумал Табби. Это радио перехватывает какие-то радиоволны, и скоро появится доктор Дементо и объявит, что следующей песней будет «Вчера» бессмертных Битлов.

Но он знал, что это не радиосигналы. Он никогда не услышит «Полуночное танго Стива Миллера» по этому радио, а Старбек, он уверен, был мертв. А Дики Норман к этому времени тоже мертв, рука чудовищно вырвана из плеча этим...

...этим нежно-розовым светом, который переливался в сердцевине старинного зеркала?

Приборчик из темного металла и пластика неожиданно нагрелся в руке. С рассеянным любопытством Табби поднес его ближе к лицу: сухо пахло электронными разрядами. Потом штука в руке нагрелась почти невыносимо, от пластика пошел дымок, дуга начала плавиться, раскаленный металл обжег ему руку и он с криком выронил прибор на газон.

Оно загорелось, еще летя в воздухе. Что-то внутри сказало «Поп!» и, когда оно наконец упало в траву, из него вырвалось маленькое облачко голубоватого газа. Кусочки еще дымились, пластик плавился и какие-то мелкие детальки вздрагивали и подпрыгивали на траве.

Один крохотный кусочек, казалось, обладал крохотными ножками и сияющей спинкой, точно жук. Он отбежал на несколько сантиметров от дымящихся останков радио, стал прозрачным и исчез.

От горящих обломков пламя перекинулось на сухие стебли травы.

Табби сообразил, что может загореться вся лужайка, он прыгнул на газон и начал вытаптывать пламя ногами.

— Табби! Это ты? — позвала женщина, и, когда он поднял голову, он увидел Пэтси Макклауд, которая стояла на крыльце парадного входа, потом узнал дом — дом Грема Вильямса. Он был слишком усталым, чтобы сообразить это раньше.

— Я, — сказал он, и она сбежала к нему с крыльца. Из передней двери высунулась голова Грема Вильямса, и Табби помахал ему.

Вильямс усмехнулся и помахал в ответ, другой рукой он потирал грудь. Потом он вышел и сунул руки в карманы.

Пэтси добежала до Табби и чуть не протаранила его, а потом обхватила руками.

— Ты в порядке?

Он кивнул.

— Что ты делал?

— Я держал радио, а оно вроде как взорвалось, — сказал он, чувствуя себя невесомым в ее объятиях. От Пэтси приятно пахло духами и свежим потом.

— Я так беспокоилась... Я вырубилась, у меня, по-моему, был какой-то припадок и мне показалось, что ты в опасности. В ужасной опасности. — Она выпрямилась и убрала руки. — Ведь ты был в опасности, правда?

— Ну я сжег руку, — сказал он и показал ей широкую алую полосу поперек ладони.

— Мы сделаем холодную примочку, но я не это имею в виду. Где ты был сегодня вечером? Что ты делал?

На этот вопрос он не мог ответить. Он мог бы объяснить, и Пэтси поверила бы ему, но объяснение было бы слишком длинным, а он слишком устал.

— Господи, да у тебя же кровь на рубашке, — сказала Пэтси.

Он поглядел вниз. Это и точно была кровь — кровь Дики Нормана. Он вытер о рубашку руки после того, как пытался вновь усадить Дику на сиденье грузовичка.

Лицо Пэтси побледнело еще больше.

— Я в порядке, — повторил он. — Со мной ничего не случилось. Я просто был кое-где с несколькими людьми (а двое из них сейчас уже мертвы).

Голова Пэтси откинулась назад, словно она обдумывала то, что он сказал. Ее огромные темные глаза поймали его взгляд:

Я видела это!

Ох, нет!

Я видела это, я видела это, оно собиралось тебя убить, и мы ничего не могли сделать.

Слова носились между ними точно жуткие образы огненных летучих мышей и исчезали и, наконец, рот Пэтси дрогнул в улыбке. Табби тоже попытался.

Я тоже видел это, Пэтси.

или это просто выскользнуло из его разума и Пэтси немедленно перехватила его мысль.

мы не могли

*никто не мог
расскажи
не могу сказать
никому
больше никому
даже Ричарду
Ричарду?
да*

Сложная смесь чувств, состоящая из тепла, вины и глубокого понимания ворвалась в него во время последнего слова, и он мысленно отстранился, понимая, что это предназначено вовсе не ему.

— Ричард Альби, — сказал он вслух.

Пэтси кивнула, а рядом уже стоял Грем Вильямс, говоря:

— Зайди-ка на минутку, Табби. Ты должен встретиться с нашим четвертым товарищем, да и отдохнуть тебе нужно, впрочем, как и нам всем. — Он понял, что смотрит прямо в глаза Пэтси — она была одного с ним роста.

Это пугает меня, — подумал он.

И двое уже мертвы? — подумала Пэтси.

позже

огненная тварь?

позже

огненная тварь, черт тебя побори?

я не знаю

Оно собиралось убить тебя, — прозвучала в мозгу у Табби мысль Пэтси, и он знал, что то, что она говорит ему, — правда. Радость от того, что они с Пэтси выяснили на что они способны, ушла, остались лишь тьма и холод.

— С тобой все в порядке? — продолжал допрашивать старик. — Что, черт возьми, с тобой случилось? Что это за кровь?

— Я в самом деле в порядке, — сказал Табби.

— Так где же ты был, сынок?

— Я не могу сказать вам, — сказал Табби. — Я не могу сказать никому, во всяком случае сейчас. Но я цел.

Вильямс уставился на мальчика.

— У меня такое ощущение, что я что-то пропустил. Тут что-то происходило, а я пропустил это. Он сказал тебе, в чем он был замешан, Пэтси?

Пэтси покачала головой.

— Ну ладно, думаю, что тебе лучше войти и встретиться с Ричардом Альби. — сказал Грем. Потом опять стрельнул в Табби

мрачным взглядом. — У тебя неприятности с полицией, а? Вы опять сокрушали почтовые ящики?

— Что-то вроде, — согласился Табби, не глядя на Пэтси. Щеки у него покраснели.

— Ну ладно, в твоём возрасте каждому выдается лицензия на глупости, — сказал Вильямс, — но не перестарайся.

Все втроем, они прошли по заросшему сорняками газону к дому, и четвертая фигура — стройный, хорошо сложенный мужчина лет тридцати пяти вышел и встал на крыльце. Он был лишь сантиметров на шесть выше, чем Пэтси и Табби, его тёмные волосы были гладко зачесаны назад. Табби он показался здоровым и рассудительным. Когда же он подошел достаточно близко, чтобы как следует разглядеть лицо мужчины, сердце его подпрыгнуло — то ли от страха, то ли от узнавания, он так и не понял — Ричард Альби, четвертый наследник основателей Гринбанка, человек, которого он видел сквозь витрину кафе в торговом зале.

Норманы тогда болтали о малом по имени Шкипер Петерс, как он делал для них все, что они хотели, даже самые дурацкие вещи, и вдруг, посередине рассказа Норманов, Табби увидел, что сквозь стекло витрины на него глядит Спарки Джемисон.

Потом он увидел, что этот взрослый, конечно же, не мог быть Спарки Джемисоном, тому было десять лет... и тут его охватило чувство, что этот человек знал его, что они встречались, и из этих встреч происходили события ужасающие и чудесные... Он почувствовал, как соскальзывает в полузабытьё, а потом Дики Норман ткнул его в руку зубцами вилки, и он пришел в себя.

— Я должен был бы знать, что Табби Смитфилд — это ты, — сказал мужчина.

— Вы что, уже встречались? — с явным удивлением спросил Грем Вильямс.

— Мы *видели* друг друга, — сказал Табби.

— Все страннее и страннее.

Все четверо еще миг постояли на крыльце молча, осознавая, что в первый раз все они собрались вместе.

Грем Вильямс знал, что теперь все время будет «страннее и страннее», и это знание наполняло его ужасом, — он знал, что обморок Пэтси — это лишь введение в будущие события. У Табби подобных предчувствий не было, по крайней мере, пока все они стояли в темноте на крыльце дома Грема. Непонятно почему, но он чувствовал себя в безопасности, так, словно ничто сейчас не могло причинить ему вреда. Потом он понял, что рядом с ним старик и молодые мужчина и женщина — как прежде в доме на

Маунт-авеню, до того, как их разметало в разные стороны после смерти матери.

— Ну ладно, зайди в дом ненадолго, — сказал Вильямс. — Табби, тебе нужно кое-что услышать. Пэтси сегодня вечером видела Дракона.

Ричард Альби отворил двери, глядя на Табби с доброжелательным удивлением, и Табби вспомнил, как ужасно выглядел пистолет Леса Макклауда, когда он был нацелен ему в грудь. Казалось, это случилось сто лет назад. Он с беспокойством оглянулся туда, где валялись оплавленные обломки радио.

Грем Вильямс обнял его за плечи. Табби поднялся по ступенькам и пошел следом за Пэтси по коридору, уставленному книжными полками.

20

Той же ночью в три пятнадцать два малыша брели по свежемощеной отводной дороге к Грэйвсендскому пляжу. Младший из двоих, четырехлетний Мартин О'Хара, слегка прихрамывал. Он был одет в синие шорты и голубую майку с сверкающим портретом Йоды. Его девятилетний брат, Томас, был в новеньких кедах, облегающих джинсах и темно-зеленой футболке с короткими желтыми рукавами. Томас перелез через цепное ограждение пляжа, наклонился и перенес Мартина. Теперь Мартин изо всех сил старался не отставать от Томаса.

— Поторопись, — сказал Томас. Он не оглянулся при этом.

— У меня болят ноги, Томми, — сказал Мартин.

— Мы уже почти дошли.

— Слава Богу, — отозвался Мартин, копируя интонацию своей матери.

Секундой позже Томас сказал:

— Ты опять еле плетешься.

— Но я же стараюсь.

— Ты глупый.

— Я не глупый, Томми, — запротестовал Мартин.

Через несколько минут они добрались до конца проезда. Впереди и справа от них расстился пустынный серый берег, далеко в море вдавался волнорез, с которого так любили удить рыбу Барб и Гарри Зиммеры. Прилив был низким и спокойное мелководье переливалось серебряными вспышками света.

— Вот мы и пришли, — сказал Томми.

— Ага, вот мы и пришли, — повторил Мартин.

Томас вспрыгнул на бетонное ограждение пляжа и помог забраться Мартину, потом спрыгнул оттуда на песок.

— Давай, Мартин, — сказал он. — Прыгай.

— Подержи меня, — ответил Мартин. — Я не могу прыгать. Для меня слишком высоко.

Томас, вздохнув, вернулся и перенес Мартина на песок.

— Теперь мы должны снять одежду, — сказал Томас.

— Должны?

— Ну, конечно, должны, — сказал Томас, сел и начал спокойно развязывать шнурки.

Мартин сел под бок Томасу и начал трудиться над своими ботинками. Несколькими секундами позже он отчаянно завопил.

— Томми, я не могу! Я не могу снять ботинки! — Его брат склонился над ним и стянул с него обувь, даже не потрудившись развязать спутанные шнурки. Потом Томас стянул рубаху, а Мартин — шорты и красные хлопчатые трусики. Потом он присел и стянул с себя сначала один носочек, потом другой.

— Давай, давай, — подгонял его Томас. Он стоял в темноте и казался Мартину высоким и сильным, как взрослый. — Снимай рубашку.

— А я хочу быть в своей майке с Йодой, — сказал Мартин и лицо его жалобно сморщилось.

— О, Господи! — сказал Томас.

— Ты не должен этого говорить! — взорвался Мартин.

— Ладно, ладно. Можешь оставить свою рубаху. — И Томас пошел вперед по берегу.

Вдоль границы высокой воды сейчас лежали высохшие водоросли. Мальчики шагнули на них и осторожно пошли по подсохшей пружинящей подстилке. Им не хотелось наступить на обломки скалы или на острые панцири крабов, которыми был усеян берег.

— Кусачий краб, — завопил Мартин. — Кусачий краб!

— Он мертвый, дохлый, — сказал Томас. — Двигайся, Мартин. Мартин кинулся вперед и первым добрался до воды.

— Бррр!

— Вода нормальная. Просто чуть-чуть холодновата, — успокаивающе сказал Томас. Он шагнул в воду следом за братом и повторил: — Чуть-чуть холодновата, — хотя на самом деле она показалась ему гораздо холоднее. — Мы привыкнем.

Им пришлось дойти чуть не до конца волнореза, пока вода не поднялась Томасу до талии. Мартин молча шел следом, высоко задирая голову.

— Все еще холодная, — сказал он.

— Просто зайди так далеко, как можешь, — сказал Томас, — это не должно быть далеко.

— Не уходи, — просил Мартин. Рубашка плавала вокруг него в черной воде.

— Я должен, — сказал Томас. — Ты знаешь, я должен, Мартин. Он наклонился и посмотрел на напряженное лицо брата.

— Поцелуй меня, Мартин, — порывисто сказал он, и холодные губы брата коснулись его губ. Затем он кинулся дальше в воду.

Мартин удержался на ногах и сделал еще один шаг. Вода достала ему до подбородка. Он оторвался от каменистого дна и развел руками. Это все, что он умел.

— Томми! — заорал он, когда понял, что дно ушло из-под ног. Брат не обратил внимания, он продолжал плыть к буйкам. Мартин продвинулся на несколько футов. Рубашка его все тяжела и тяжелела. Голова его ушла под воду, и он отчаянно вдохнул полпинты морской воды. Голова его еще раз появилась на поверхности, он закашлялся, отчаянно замахал руками, отплывая все дальше от волнореза. Затем голова его вновь ушла под воду. Огромная черная тень распахнула пасть и стремительно кинулась к нему.

Томас продолжал плыть, пока руки его не стали слишком тяжелыми — он уже футов на пятьдесят заплыл за буйки. Тело было теплым и усталым. Он позволил голове уйти под воду, снова резко вздернул ее, когда в ноздри хлынула вода, еще раз вяло ударил рукой по поверхности и вновь ушел под воду, словно дно притягивало его к себе.

Спустя полтора часа после того, как в Саутвильском загородном клубе на стойке появилась первая «кровавая Мэри», женщина по имени Рэй Нестико-Белл утащила свой шезлонг в глубину Грэйвсендского пляжа, подальше от шума, который устроили восемь играющих в волейбол подростков. Кроме криков и поднятых туч песка, ее раздражали насмешки и подмигивания подростков, которые начинались каждый раз, как только она глядела в их сторону. Миссис Нестико-Белл добралась до границы частных пляжей и как раз устроилась рядом с ограждением участка Ван Хорна, когда она увидела две странные группы водорослей, которые перекатывались в волнах прямо перед ней. Она уронила шезлонг и сделала шаг вперед. Из одной кучи высунулась белая ступня. Она поднесла рупором руки ко рту и начала звать на помощь, поначалу так тихо, что парни, играющие в волейбол, ее не слышали.

Вот эти картины — вопящая женщина в купальнике и радостно несущиеся к ней мальчишки-подростки — и обозначили предел событиям субботы, семнадцатого июня, года 1980. Первый порог был пройден.

II ОБНАЖЕННЫЕ ПЛОВЦЫ

I

К понедельнику, девятого июня, по городу разнесся слух, что убийца Стоуни Фрайдгуд и Эстер Гудолл был застрелен во время попытки ограбления на Золотой Миле. Никто из полицейских служб не делал официального заявления, но во внеслужебной обстановке в барах на Поуст-роад и Риверфронт-авеню полицейские Хэмпстеда болтали о том, что забавный маленький доктор по имени Рен Ван Хорн зашел в собственную гостиную с пистолетом и пристрелил вооруженного грабителя, у которого оружие было наготове и который не пощадил бы хозяина дома! Именно это и было решающим аргументом. «Вы погодите, — шептали эти полицейские в чуткие уши слушателей, — больше в Хэмпстеде не будет никаких убийств! Мы разделались с этим малым». Бармены и клиенты расходились по домам и говорили женам, мужьям и родителям, что Хэмпстед в безопасности и что беспокоиться больше не о чем. Чудовище, надругавшееся над миссис Фрайдгуд и миссис Гудолл, мертво! «Конечно, доказать это мы никогда не сможем», — говорили полицейские в барах, а жены их говорили своим парикмахерам: «Конечно, они доказать этого никогда не смогут, но это должен быть именно тот человек. Ведь он даже не местный. Я слышала, он из Флориды... из Нью-Йорка... из Иллинойса».

Сара Спрай утром в понедельник отвечала на телефонные звонки за своим столом и услышала голос Марты Гэйбл, одной из своих старых приятельниц, которая десять минут несла что-то о ком-то застреленном, и о какой-то сумке, набитой серебром, и о том, что больше не будет никаких проблем, и, наконец, сказала:

— Марта, говори помедленнее. Я никак не разберу, что к чему.

Когда же она наконец вытащила из Марты всю историю, она прокляла себя за то, что не позвонила, как только пришла, в дежурку к полицейским. Она всегда так делала, но этим утром редактор выбил ее из колеи новостью про малышей О'Хара и предложил, чтобы прежде, чем она поедет брать интервью у Ричарда Альби, ей нужно будет забежать в дом О'Хара и поговорить с матерью.

— Что с этого толку? — фыркнула она, все еще пытаясь осмыслить смерть мальчиков, — мальчиков, которых она знала чуть ли не с месячного возраста.

— Ты же подруга О'Хара, разве нет? — спросил Стен Блокетт.

— Так что? — чуть не заорала она. — Ты хочешь, чтобы я расспрашивала Микки О'Хара как она чувствует себя после того, что ее дети утонули? Или ты хочешь, чтобы я спросила, как смерть детей повлияет на ее работу?

Микки Забер О'Хара была одной из множества хэмпстедских полупрофессиональных художников. Она выставлялась в местных галереях, а ее муж был оценщиком драгоценных камней, у которого были конторы в Грамерси Парке и еще одна — в Палм Спрингс. В доме он пристроил для нее студию, но продавала она свои картины лишь друзьям и знакомым.

— Нет, — сказал Стен Блокетт. — Ее работы — это просто размалеванное дерьмо, и ты это знаешь. Я хочу, чтобы ты спросила ее, что делали ее дети на берегу в три часа утра.

— Что ты имеешь в виду, три часа утра? Микки никогда бы не выпустила своих детей в такой час!

— Коронер сказал, что они примерно в это время вошли в воду. Так что спроси ее об этом.

— Ладно, я сделаю это, — согласилась Сара. — Но только потому, что я знаю, что ты ошибаешься. И ее картины прекрасны. Я повесила одну у себя в гостиной.

— Тогда ты и пиши отзывы о ее выставках, — сказал Блокетт. — Постарайся выяснить все до двух или пол-третьего, ладно? Я хочу, чтобы обе статьи были у меня на столе в шесть.

Так что у нее оставалось порядка полутора часов на каждую статью, что не было для нее проблемой, да еще целое утро, чтобы закончить колонку «Что Сара видела» и обзор «Отель Балтимор». Она как раз составляла подборку новостей для своей колонки, когда позвонил телефон и она подняла трубку, чтобы выслушать бессвязные попытки Марты Гэйбл рассказать ей об убийце двух женщин, который был застрелен Реном Ван Хорном при попытке ограбления.

— Я слышала это от мистера Паскаля в булочной, а он сказал, что слышал это от покупательницы, которая слышала это от полицейского, — сказала Марта Гэйбл.

— Так что я хотела позвонить тебе и узнать, правда это или нет. Но, Сара, полицейский-то сказал, что это правда. Он сказал, что нам больше не нужно беспокоиться о том убийце.

Как только она смогла избавиться от Марты, Сара позвонила Дэйву Марксу в полицейский участок. Дэйв Маркс был дежурным офицером и часы его дежурства приходились на утро, так что они с Сарой к обоюдному удовлетворению были связаны многолетним сотрудничеством. Дэйв поставлял Саре всю существенную информацию о событиях прошедшей ночи, а она помещала его фотографию

в «Хэмпстедской газете» при каждом удобном случае. Когда «Газета» печатала фотографии парада в День памяти, там был офицер Дэйв Маркс, гордо марширующий среди своих сотоварищей. «Газета» поместила статью о пьянстве подростков на пляже, и там была фотография офицера Дэйва Маркса, утомленно прислонившегося к береговому ограждению, мудрого и опытного. Так Саре удавалось обскакать «Хайрингтоновскую жизнь» и «Патчинского патриота», а Дэйв Маркс дал сто очков вперед по популярности женщине-полицейскому, которая раньше считалась местной знаменитостью.

— Этот парень — Гарри Старбек, и он был вором, — сказал Саре Дэйв Маркс. — Он вламывался в дома всю свою жизнь, колесил по всей стране. Ручаюсь, что он наташил сюда из разных мест тысяч на шестьсот-семьсот. Мы хотим запустить всех в его дом — пускай народ опознает свое имущество, мы думаем, что с того времени, как он появился в Хэмпстеде, он совершил по меньшей мере двадцать ограблений. Тебе нужно бы поглядеть на его логово, Сара. Это что-то вроде пещеры — столько он туда наташил. Я думаю, ему просто не повезло. Просто доктор Ван Хорн пристрелил его, вот и все.

— Ван Хорну придется отвечать за это? — спросила Сара.

— Черт, конечно нет, — сказал офицер Маркс. — Он застрелил Старбека при попытке вооруженного ограбления. У этого сукина сына в руке был пистолет. Ван Хорну повезет, если шеф не притащит его на пресс-конференцию в полицейский участок и не всучит ему медаль. Копы по всей стране ищут этого красавчика по меньшей мере лет пятнадцать. Забавно — он в точности похож на своего отца. Старик вел точно такой же образ жизни. Работал в городе, подчищал там все, быстро снимался с места и нанимал дом где-нибудь подальше. Его за всю его сорокалетнюю карьеру поймали лишь один раз и он просидел в тюрьме четырнадцать месяцев. Старик умер два года назад в доме для престарелых на Палм-бич, и он оставил сынку немного денег и семейное дело. Похоже на семейный бизнес, верно ведь?

— Так это Старбек убивал? — недоверчиво спросила Сара. — Мне неприятно это говорить, но он, похоже, не того типа.

Долгое время Дэйв Маркс молчал. Потом вздохнул.

— Мне уже три раза по этому поводу звонили сегодня утром. Люди верят в то, во что хотят верить, знаешь ли. Мы никогда не связывали Старбека с этими убийствами, да и не свяжем никогда. Может, и есть пара ребят, которые так думают, но знаешь что, Сара? Полицейским трудно выносить, что тот парень до сих пор на свободе. Ведь каждый день, пока он не пойман, похож на оскорбление для нас, понимаешь?

— Да, понимаю, — сказала Сара. — Я и боялась этого. Но многие люди сейчас верят, что им нет нужды больше беспокоиться, если у них в дверях появится незнакомец.

— Если это незнакомец, — сказал Дэйв Маркс. — Ну давай оставим эту тему. Ты хочешь услышать про все остальное или перезвонишь?

— Что-то серьезное?

— Опять автокатастрофа. Лес Макклауд с Чарльстон-роад. Он несся, превысив скорость, и убил парочку ребятишек из Восточной Гавани, которые ехали домой из Нью-Йорка по шоссе I-95.

— Он был пьян?

— Во всем, что он выпил, можно утопить флот, — сказал Дэйв Маркс.

— Подожду полного отчета.

— Он был большой шишкой.

— Все равно подожду.

2

Пэтси ничего не слышала ни о внезапной кончине Гарри Старбека, ни о том, что проблема убийств, как полагали, разрешена. Она не была ни в парикмахерской, ни в гимнастическом зале, ни в танцклассе или даже в зеленой лавке. Она вернулась домой от Грема Вильямса приблизительно в половине второго и не удивилась, увидев, что Леса дома нет. Она увидела, что клюшек для гольфа нет — видимо, Лес целый день играл в гольф, потом поел в клубе и сидел в баре, пока тот не закроется. Он, должно быть, много выпил, и чем больше пил, тем больше просыпалось в нем ярости. К завтрашнему дню он окончательно закипит и вновь начнет бить ее.

Но на этот раз она будет обороняться, решила Пэтси. На этот раз она не скорчится в беззащитной позе. Она ударит его — ударит в пах, если получит хоть какую-то возможность. В доме Грема Вильямса она прошла через чудовищное эмоциональное напряжение, от ужаса к успокоению и любви, и, что самое необычное, эти трое не были испуганы тем, что произошло с ней. Они просто были тут, они приняли ее такой, как она есть. Если бы она настолько проявила себя перед Лесом, он просто велел бы ей выйти из комнаты. С ней случился припадок (какова бы ни была его причина), она перенесла его и испытала любовь и поддержку двух мужчин, она установила телепатический контакт с мальчиком-подростком — Лес и то, и другое воспринял бы, как непосредственную угрозу своей работе.

Потому что не полагается жене вице-президента проводить субботний вечер подобным образом. Пэтси ощутила гнев — Лес затолкал ее в смиренную рубашку, ее брак был ограничен прутьями стальной решетки. Теперь она вспомнила все споры, которые были у них после свадьбы:

— Ты не должна вести себя так, Пэтси!

— Как?

— Как ты вела себя с Джонсоном (или Янгом, или Олсоном, или Голдом).

— Да я ничего особенного не делала!

— Я знаю, но это выглядело так, будто ты флиртовала с ними, а если люди подумают, что ты можешь флиртовать таким образом с Джонсоном (или Янгом, или Олсоном, или Голдом, или остальными, которых Лес с такой скоростью обошел по службе), мы никогда не получим это чикагское назначение.

Лес получил чикагское назначение, обошел Джонсона и всех остальных, они переехали в квартиру в два раза большую их нью-йоркской, Лес смог купить пять новых костюмов и кучу полосатых галстуков, повесил на дверь табличку со своим именем и постелил на пол персидский ковер... и начал бить ее. Он смешивал себе четыре коктейля вместо одного, когда приходил из своей конторы. Он прекратил разговаривать с ней, он даже прекратил слушать ее. Он работал сначала по девять часов в день, потом по десять, а потом — по двенадцать. На уик-эндах он играл в гольф с клиентами, с кошельками, и никогда с людьми, — люди Леса перестали интересоваться.

Ради одного клиента он отправился на охоту, ради другого — ходил на футбольные матчи в любую погоду. Еще один заташил его в Атлетический клуб. Лес Макклауд был горд, уважаем и всеми любим. Но когда он возвращался домой, он встречал там женщину, которая знала одну лишь его гордость, он выпивал свои четыре коктейля, препирался с ней по поводу обеда и раздражался все больше. Она видела, что Леса доводят до отчаяния все эти отчеты, решения и ответственность. И именно тогда он начал бить ее.

Если он попытается проделать это вновь, поклялась себе Пэтси, я просто двину его по яйцам, я буду защищаться ножом. После игры в гольф он лишь расплется и решит показать ей, кто тут хозяин. И я загоню нож ему в руку, если он попытается проделать это вновь.

Это и была вся история ее замужества с тех пор, как Лес заявил ей, что ее манера держаться с Тедди Джонсоном может подпортить

ему имидж, и до того момента, когда она была готова ударить его ножом. Она заснула в ярости, которая принесла ей моральное удовлетворение.

Ровно в четыре утра Бобо Фарнсворт, который все еще дежурил за двоих, позвонил ей и разбудил, сказав, что ее муж погиб в автомобильной катастрофе на шоссе I-95.

Пэтси знала, что когда-то Лес был неплохим человеком — неплохим настолько, насколько позволяли ему характер и мир, в котором он существовал, и что все свои хорошие качества он скормил в жертву своей карьере. Его былая застенчивость превратилась в напор, как в тот вечер жуткого званого обеда с Альби, Ронни и Бобо, его жизнерадостность превратилась в рассчитанную сердечность, его юмор — в цинизм, а любовь к ней — в ревнивое чувство собственника. Она скорбела, поскольку ей было о чем скорбеть. Она почувствовала моментальное ощущение вины, потому что примерно в то время, когда Лес горел в своей машине, она воображала, как вонзает нож ему в руку, но чувство вины исчезло, как только она осознала его. В некотором смысле Лес перестал быть ей мужем в тот день, когда она отказалась готовить ему ленч, в тот день, когда она встретила Табби Смитфилда во время предполагаемого посещения доктора Лаутербаха, и то мгновенное чувство вины имело отношение не к ней, а к какой-то иной женщине. Если она и ощущала вину, так только за тех подростков, которых убил Лес.

В понедельник Пэтси нужно было чем-то занять себе утро до того, как отправиться в похоронную контору, чтобы проконсультироваться с мистером Голландом. Она не слишком радовалась этой встрече. Мистер Голланд был забавным маленьким человечком, которого так вышколили отец и дед, профессию которых он унаследовал, что он научился не проявлять вообще никаких чувств, — он был отлично отлаженным механизмом, словно все его приязни и неприязни давно рассыпались в прах. Мистер Голланд знал Макклауда и не слишком обрадовался предстоящей процедуре кремации — во-первых, потому, что это лишало его возможности продать дорогой гроб, а во-вторых, потому, что он хотел избежать неприятной сцены с родителями Леса.

Пэтси открыла шкаф Леса, скорее, кладовку, расположенную рядом с кроватью. Он потребовал оборудовать ему свой шкаф сразу после того, как они переехали и уступил ей кладовку, более темную и гораздо менее удобную, рядом с ванной комнатой. В шкафу висели двадцать его костюмов, десять пиджаков и аккуратный ряд из

пятнадцать пар туфель, каждая в деревянных распорках. В выдвижных ящиках аккуратными стопками лежали его рубашки и свитера. С крюков за костюмами свисали его подтяжки — одна, украшенная «мертвой головой». На полочках располагались отглаженные носовые платки и носки.

— Я кремирую его, — сказала Пэтси самой себе, обязательно кремирую.

Она положила ладонь на рукав темно-синего кашемирового пиджака и тут же отдернула руку. Мягкий материал был как упрек.

Что она будет делать со всеми этими костюмами? Отдаст их его родителям? Ей нужно выбрать костюм, который она отнесет гробовщику.

Ей не хотелось прикасаться к его одежде, и не хотелось идти в похоронное бюро «Борнли и Голланд», и не хотелось видеть его родителей и выслушивать весь необходимый набор жалоб и упреков («Не хотелось бы обвинять вас, Пэтси, но дом у вас всегда был таким неуютным. Я понимаю, что современные женщины иначе смотрят на вещи»).

Если бы у меня была хоть капля характера, подумала Пэтси, я отправила бы всю эту одежду благотворительным организациям, а Билла и Ди поселила в мотеле. Лаура Альби смогла бы поступить именно так.

Пэтси вновь вернулась в свою смежную спальню. Здесь она чувствовала себя лучше всего. Она полагала, что, когда приедут Билл и Ди, им придется уступить эту комнату, а самой перебраться обратно в спальню, насыщенную усталостью их с Лесом брака. Она стащила с постели простыню, на которой спала, и постелила новую, самую нарядную.

Пэтси как раз проходила по гостиной, когда начал звонить телефон.

Взяв трубку, она услышала мужской голос, сказавший:

— Пэтси? Пэтси Макклауд? Это Арчи Монаген.

— О, да. Здравствуйте. — Голос был едва знаком.

— Я только что услышал про Леса. Господи, какой кошмар!

Годы жизни с Лесом Макклаудом научили ее различать фальшивые нотки в голосах мужчин, так что она лишь сказала:

— Да.

— Ужасно! Знаете ли, я был с ним почти весь день в субботу. В клубе.

«И в баре», — подумала Пэтси и сказала:

— Я не знала этого.

— О, да! Мы сыграли восемнадцать лунок. Он хорошо провел время, Пэтси. Я хочу, чтобы вы это знали.

— Спасибо, Арчи.

— Так как вы справляетесь? Как держитесь? — Она неожиданно вспомнила его. Низенький краснолицый человечек в аляповатых одеждах. И яркие, умные, синие глаза.

— Я просто пытаюсь пережить это утро, Арчи. А когда наступит полдень, я постараюсь пережить день. Не могу сказать, что я как-то держусь.

— Я был бы счастлив, если бы мог подойти и как-то помочь вам. Я адвокат, я много видел в жизни, Пэтси. Любая помощь — оформление документов на собственность, просто сочувствие. На моем плече можно поплакать, Пэтси.

Пэтси ничего не сказала.

— И если вы захотите выбраться из дому, я буду счастлив составить вам компанию, Пэтси. Как насчет сегодняшнего вечера? Ручаюсь, что вам хотелось бы многое обсудить, кое-что вам просто необходимо сказать, а кое-что вы боитесь высказать. Я могу помочь вам и готов поклясться, вы нуждаетесь в старомодной помощи. Так я приду к семи?

— Что у вас на уме, Арчи? — спросила она. — Свечи и вино? Вам кажется, что это подходящее занятие для молодой вдовы?

— Я думаю, что молодая вдова должна получить все, что желает.

— О, отлично. Тогда я скажу вам, чего я хочу, Арчи. Во-первых, я отправлюсь в ванную.

— А?

— Отправься в ванную. Затем я хочу, чтобы ты включил свет. Мне хочется, чтобы ты увидел себя. Потом я хочу, чтобы ты снял штаны. Я хочу, чтобы ты стоял там и думал обо мне. У меня второй номер бюстгальтера, Арчи. Я вешу сто шестнадцать фунтов, и на самом деле я здорово худая, Арчи. Я хочу, чтобы ты положил руку к себе на...

— Эй, какого черта, Пэтси?

— Но это же именно то, чем вы собираетесь заняться, разве нет? Так что мне придется захотеть, чтобы вы это сделали. Потому что ничего другого вы делать все равно не собираетесь.

— Господи, да вы больны, — и Арчи поспешно повесил трубку.

Пэтси улыбнулась — немного устало, немного горько, но улыбнулась.

Когда Микки О'Хара отворила двери своего длинного белого дома на холмистой северной стороне Хэмпстеда, Сара Спрай сказала «О, Микки!» и обняла ее. Микки О'Хара была сантиметров на пятнадцать выше Сары и была вынуждена наклониться. Сара поцеловала ее в висок, оставив слабый след помады.

— Ох, Микки, — повторила она, — мне так жаль.

Она еще несколько секунд крепко обнимала высокую женщину, прежде, чем отпустить ее.

Когда она отодвинулась, она смогла получше разглядеть Микки — та выглядела лет на двадцать старше, глаза у нее ушли в глазницы, щеки запали.

— Честно, — сказала Сара, — если ты сейчас не можешь говорить со мной, я вернусь к машине и поеду своей счастливой дорогой. Стен Блокетт может провалиться сквозь землю, мне все равно. Я все великолепно понимаю.

— Не будь идиоткой, — сказала Микки О'Хара. — Я рада компании. Похоже, мне придется справляться с этим одной.

— Одной? — Сара была потрясена. — А где Дэн?

— Дэн отправился в Австралию со своим клиентом. Он в каком-то глухом местечке, и со вчерашнего вечера я не могла до него дозвониться. Он возвращается, но приедет только завтра.

Ее речь сопровождал чуть приметный запах виски. Сара подумала, что это можно понять. Микки О'Хара пришлось опознавать вздувшиеся тела детей, говорить с полицией и потом провести одной весь день и всю ночь. Возможно, ей помогли транквилизаторы, но по ее виду не похоже, чтобы она спала больше часа.

— Давай, заходи, — сказала Микки. — Не стой на пороге, я от этого нервничаю.

— Хочешь, я останусь с тобой вечером? — предложила Сара. — Ты не будешь одна.

— Завтра приезжает сестра из Толедо, но все равно спасибо, Сара. Хочешь выпить?

Они зашли в гостиную, обставленную итальянской мебелью с высокими спинками, обитой бледно-коричневой кожей, столиками со стеклянным верхом и длинными лампами на стенах, под которыми висели яркие абстрактные картины Микки. Столик с напитками стоял у изголовья кушетки.

Сара уже открыла рот, чтобы сказать «нет», но тут она поглядела на восемь или девять бутылок на подносе, на лед, плавившийся в

серебряном ведерке и жалость заставила ее сказать: «Того же, что и ты, немножко».

Микки побрела к кушетке, приговаривая «Отлично, отлично, отлично», и тяжело села. Она взяла чистый стакан с нижней полки передвижного бара и взглянула на Сару, которая уселась в массивное кресло напротив кушетки. У Микки было лицо глубоко потрясенного человека. Вся обстановка в этой светлой комнате, и даже ее собственные безобидные любительские рисунки, не подходила к этому застывшему лицу. Эта комната была не приспособлена для скорби.

— Так значит, Блокетт думает, что я представляю интерес для публики?

Сара вынула из сумочки блокнот и ручку.

— Я просто посижу тут и выпью, если ты хочешь. Я говорю правду.

— О, Сара, ты всегда говоришь правду. Выпей немного скотча. — Она плеснула в стакан Сары на сантиметр виски, выудила рукой из ведерка несколько кубиков льда и наполнила ими стакан. — Давай, приступай.

Сара поднялась и вынула стакан у нее из пальцев.

— В самом деле, — сказала Микки, — я не против поговорить об этом. Действительно нет.

Она взяла со столика свой собственный стакан и глотнула явно неразбавленного виски.

— Если я все время об этом думаю, почему бы мне не сказать это вслух? Единственное, ты не должна пугаться, если я вдруг заплачу. Просто подожди, пока это не пройдет.

— Отлично, Микки, — сказала Сара.

— И знаешь, что самое забавное в этой истории? — спросила Микки О'Хара. — Что дети никогда не выходили ночью, особенно сами. Никогда. Они просто никогда этого не делали. И они никогда бы не отправились на пляж без разрешения. Я вообще не думаю, что Томми особенно нравилось на берегу. Он любил плавать под парусом, помнишь? Он просто помешался на этом. Мы хотели подарить ему маленькую парусную лодку на десятый день рождения. — Лицо Микки сморщилось, губы дрожали. Она вновь глотнула виски. — Но я скажу тебе, чего я на самом деле не понимаю. Знаешь, чего, Сара? Как детишки дошли до Грэйвсендского пляжа? Ведь отсюда до него четыре мили. Четыре мили!!! Понимаешь — они же не могли сами пройти весь этот путь. Кто-то подобрал их. Кто-то отвез их туда. Какой-то ублюдок подобрал моих детей и...

Микки склонила голову и заплакала, тогда как Сара застыла от отвращения к себе.

— Ах, дерьмо, — наконец сказала Микки. — Я даже не могу сказать этого, не заплавав, но я думаю, что именно это и произошло. Маленький Мартин все еще не мог отвыкнуть от соски. Я-то уже думала, что он потащит ее с собой в колледж.

— Но из дому они вышли сами, — сказала Сара. — По крайней мере, я не слышала, чтобы кто-то предполагал похищение детей.

— Это Томми, — сказала Микки. — Это, должно быть, Томми. Это он втянул во все Мартина. Он, должно быть, выволок его из кровати, одел, и рассказал какую-то безумную историю... и вышел с ним.

Микки протерла воспаленные глаза и на секунду показалась Саре полной сумасшедшей — таких женщин можно встретить на нью-йоркских улицах, сморщенных и беззубых, завернутых в какую-то драную бумагу.

— Честно, если бы Томми сейчас, в эту самую минуту, появился бы в дверях, я избила бы ублюдка, да так, что, может, прибила бы его насмерть.

Ужасные глаза опять закрылись, и плечи под пестрым халатом затряслись. Микки чуть слышно тоненько всхлипывала. Сара пыталась не чувствовать себя осквернителем праха, — она никак не могла понять, зачем Стен Блокетт послал ее сюда.

Сара встала, обошла передвижной бар и села рядом с Микки, обняв ее за широкую спину и притянув ее к себе.

Всхлипывания Микки наконец перешли в тихую дрожь.

— Ох, бедные мои малютки, — сказала она и из глаз ее опять потекли слезы. — Мартин был таким нетерпеливым. Он хотел стать большим и сильным, как его брат. А Томми называл его глупым и обзывал всякими словами, как это обычно делают старшие братья. Но втайне он гордился тем, что Мартин так обожествляет его.

Микки медленно выпрямилась и прикончила то, что оставалось в стакане.

— Я бы хотела, чтобы они разыскали того парня, который привез их на берег. Я хотела бы, чтобы они живьем содрали с него кожу. — В глазах ее снова засветилось безумие. — Я хочу, чтобы он страдал, пока не умрет. А потом я бы хотела сама убить его.

Потом Микки удивила Сару тем, что похлопала ее по колену и придвинулась ближе, точно хотела поведать ей какую-то тайну.

— Знаешь ли, я кое-что сделала. Мне приснился этот сон, — она вновь откинулась назад и улыбнулась Саре, глядя на нее сухими, блестящими глазами. — Помнишь, я говорила тебе, что если бы Томми пришел, я бы вышибла из него дух?

Сара кивнула.

— Ну так вот, мне приснилось, что Томми действительно пришел. Ко мне в спальню. Он так замерз, что у него стучали зубы. Я протянула руку, и он за нее уцепился. Он весь промок. Он замерзал. Замерзал. Так что я прижала его к себе и положила к себе в постель. И все трясла и трясла его, чтобы он согрелся.

Сара вновь обняла подругу. «Ну что хотел от меня Стен Блокетт?» — гадала она.

4

В понедельник утром Ричарду позвонил кто-то и сказал:

— Эй, я из Грузовой компании Бамейстера, я уже на Поуст-роад. Как мне добраться до Бич-трэйл?

— Кто это? — спросила Лаура, зашедшая в кухню с пакетом чистящего средства и мокрой тряпкой.

— Скоро приедут наши вещи. Это водитель фургона.

— Мы наконец получим нашу мебель?

— Ага, — согласился он.

— У меня для тебя сюрприз, — сказала Лаура. — Я приберегла его на сегодня.

— У меня для тебя тоже сюрприз. Сегодня утром я был в супермаркете и услышал, как две женщины передо мной говорили, что умер человек, который убил в городе двух женщин.

— В самом деле? Слава Богу! — Лаура поднесла ко рту руки, сложенные в бессознательном молитвенном жесте. — Слава Богу. О, я так рада. Я имею в виду, не то, что он умер, но я счастлива, что он больше не бродит поблизости. Это такое облегчение, раз ты завтра уезжаешь в Провиденс.

— Я так и думал, что ты захочешь это знать, — сказал Ричард, — но я не знал, что ты беспокоишься из-за моего отъезда. Ласточка, я же через пару дней вернусь.

— Я знаю, но все равно нервничаю. Мне не хотелось говорить об этом, чтобы ты уехал спокойно.

— Да я уже уезжаю спокойно. В доме такая неразбериха.

— Ты погоди. Мы сегодня к вечеру все распакуем, и посуду тоже, и все будет отлично. Мы с Ламп выживем, если тебя пару дней не будет. По крайней мере у нас будет наша собственная постель.

— Прощай, виндсерфинг, — сказал Ричард, и она улыбнулась.

— Ты и в самом деле слышал, что говорили те женщины? — спросила Лаура.

— Ну конечно. Думаешь, я все это выдумал?

— Как он умер? — она обняла его, ее голова лежала у него на груди.

— Я думаю, что все это случилось как раз на Маунт-авеню. Этот человек ворвался в дом и владелец застрелил его.

— Я рада, что все кончено, — сказала Лаура.

Ричард увидел, что к дому подъезжает коричневый фургон.

— Ну вот, все и приехало, — сказал он Лауре.

Плотный мужчина с сигарой в зубах вылез из кабины и медленно пошел к черному ходу. Задняя дверь фургона отворилась и оттуда выпрыгнули два мускулистых черных подростка.

— У них правильный адрес? — спросила Лаура.

— Это очень известная фирма, — объяснил Ричард. — Они дают гарантию, что привезут большую часть именно вашей мебели.

Сара Спрай подъехала как раз, когда два подростка медленно двигались от фургона к задней двери, а между ними громоздилась массивная викторианская софа. Водитель гордо восседал в кабине, слишком величественный, чтобы помогать мальчикам. Коробки набитые, коробки набитые наполовину и пустые — те самые серые и желтые коробки, которые они впервые увидели в Лондоне, — громоздились на полу в кухне и гостиной. Два стула, еще обернутые в бумагу, стояли по бокам камина.

Ричард отворил ей дверь, она прошла и огляделась по сторонам, уперев руки в бедра.

— Да вы просто волшебники, — сказала она. — Этот ужасный запах почти исчез. И вы уже начали тут обживать.

— Ну, мы хотели сделать как можно больше до того, как подойдет наша мебель, — объяснил Ричард. Сара Спрай вела себя как обычно, но выражение лица у нее было странным... глаза опухли и покраснели, словно у нее был конъюнктивит.

— Я знаю, что выгляжу забавно, — сказала репортер, — я плакала. Мне пришлось сделать кое-что очень неприятное перед тем, как я приехала сюда. Вы слышали о двух малышах, которые утонули как раз под этой дорогой на пляже? Это случилось в субботу вечером. Мне пришлось повидаться с их матерью, а она — моя старая приятельница. Привет, вы, наверное, Лаура, — сказала она Лауре, которая незаметно возникла в дверях кухни.

— У вас чудесный цвет волос. Мои-то, точно ржавчина, но вы, моя дорогая, похожи на принцессу из сказки.

Два подростка уже протискивались в двери, мышцы их вздулись, точно канаты. Ричард знал, что софа весит около трехсот фунтов.

— Что за ужас! — сказал Ричард, и Лаура кивнула и добавила: — Как она себя чувствует?

— Она напивается, — сказала Сара. — Ее муж сейчас где-то в Австралии — в округе Патчин всегда так: мужья расползаются по свету, как тараканы.

Лаура вновь исчезла в кухне.

— Детишки утопились? — спросил Ричард, вспомнив ее формулировку. — Вы имеете в виду, что они сами убили себя? Два брата?

— Я не хотела преувеличивать. Должно быть, они пошли купаться очень поздно ночью — примерно в три утра. Похоже было на то, что они просто плыли, пока хватило сил. Или, может, с одним случилась какая-то беда, а другой погиб, спасая его. Возможно, так оно все и произошло.

— Подростки?

— Девять и четыре.

— О, Боже, — сказал Ричард.

Сара Спрай серьезно кивнула.

— Случаются ужасные вещи. Здесь в Хэмпстеде иногда бывают тяжелые годы. Вы знаете с чего началась моя репортерская работа? Мне пришлось отправиться в Загородный клуб, чтобы посмотреть на тело человека, который был хозяином этого дома. Джона Сэйра. И это уж точно было самоубийство, уверяю вас.

— Да, я знаю, — сказал Ричард.

— Поговорите с вашим соседом через улицу, он расскажет вам все подробности. Старый Грем Вильямс. Он был там тем вечером. Он был одним из тех, кто последними видели Джона Сэйра живым.

— Грем — мой друг, — сказал он.

— Ну тогда у вас вкус лучше, чем у большинства людей в городе. — Они прошли в просторную гостиную, и Сара с удовольствием плюхнулась на огромную софу. Потом открыла сумочку и достала ручку и блокнот. — На что это похоже — быть участником «Папа с тобой»? Что вы теперь думаете об этом? Вы когда-либо собирались сделать карьеру актера?

Ричард рассказал ей про «Папу с тобой». Он описал свое уважение к Картеру Олдфилду, любовь к Рут Бранден. Он не упомянул Билли Бентли — не хотел о нем думать.

— Ну звучит это неплохо, — сказала ему Сара. Лаура принесла три чашки кофе и присела на софе рядом с репортером.

Ричард знал, что Лаура в ярости от того, что тут сидит Сара Спрай, что она сейчас не хочет никого видеть у себя дома. Она была в ярости, потому что сидела очень прямо и не мигала.

— Что касается того, что я делаю сейчас, — сказал он, — думаю, я пытаюсь воскресить прошлое.

Не слишком удачный выбор слов, если вспомнить все, о чем говорили они с Гремом и с Пэтси, но он продолжал описывать их лондонский дом и свои архитектурные занятия.

— Простите, — сказала Сара. — Я упустила нить мысли. Не можете ли вы повторить то, что вы сейчас говорили?

Лаура дергала ногой, горя нетерпением, которое мог заметить лишь Ричард.

— Конечно, — сказал Ричард, — а потом, я думаю, мы сделаем перерыв. У нас с Лаурой еще куча дел...

Он замолчал, увидев, что репортер, покраснев, глядит в свой блокнот.

— Простите... — повторила Сара Спрай. — Мне показалось... должно быть, я...

В кухне зазвонил телефон.

5

На листке ее блокнота было то, что заставило ее прервать интервью. Сара знала, что она покраснела, словно вернулась к старым денькам, когда любой мальчишка, отпустивший шуточку насчет ее «взрывоопасных» волос, мог вызвать появление краски у нее на щеках. Она уставилась на написанные строчки, но они не исчезли под ее взглядом. «Думаю, что я пытаюсь воскресить прошлое. Нагие пловцы. Я верю в достоинство этих старых домов и те ценности, которые они выражают, и я...»

Дальше, в середине страницы, ее аккуратным мелким почерком были записаны следующие странные вещи:

«Я учился на архитектора, но не знал, гожусь ли я для этой работы пока мы не купили наш первый дом в Лондоне. Я заблудился. Этот первый дом и был моим настоящим университетом. Я боюсь. Мой бизнес начался, когда несколько человек...»

Сара уронила ручку на пол.

Нагие пловцы.

Я потерялся.

Я боюсь.

Так, словно двое бедных затерянных малышей, Мартин и Томми О'Хара, говорили с ней посредством ее же записной книжки. Она не слышала, чтобы Альби говорил эти слова, она записала их бессознательно. Заблудился. Боюсь. Она склонилась, чтобы подо-

брать ручку, голова словно отделилась от тела и глядела на ручку с холодным безразличием.

— Простите, — сказала она. Сара услышала свои слова еще до того, как ее пальцы сомкнулись на ручке. — Похоже, у меня (неприятности)... Должно быть, я (не совсем в порядке)...

Когда телефон зазвонил, она от благодарности чуть не свалилась на пол.

6

— У Пэтси неприятности, — услышал Ричард слова Грема. — Не знаю какие, но мы нужны ей, Ричард. Верьте мне, я не позвонил бы вам в такой день, если бы это не было серьезно.

— Неприятности вроде тех, что были в субботу вечером? — спросил Ричард, представив себе Пэтси в конвульсиях где-то на незнакомом полу.

— Не знаю. Не думаю, нет. Не похоже. Но ей нужна наша помощь, Ричард.

— Где она?

— В похоронной конторе за Поуст-роад, на Рекс-роад. «Борнли и Голланд».

— Я попытаюсь выбраться, — сказал Ричард.

Когда он вернулся в гостиную, Лаура уже встала с кушетки и стояла у черного входа с двумя подростками.

— Из фургона все вынесли, Ричард, — сказала она. — У одного из стульев сломана ножка, но это единственное повреждение, которое я смогла обнаружить.

Он поглядел на Сару Спрай, которая аккуратно сложила на коленях блокнот и ручку и напряженно наклонилась вперед, как третьекласска, которой нужно в туалет. Краска сошла с ее щек, и лицо казалось отрешенным и усталым.

— Ладно, — сказал он. — Если мы найдем что-нибудь еще, мы напишем в компанию. Вы, парни, хорошо потрудились.

Он дал каждому по десять долларов.

— Мистер, с этой леди все в порядке? — спросил один из мальчиков.

— Думаю, да. Вот пять для водителя, но это больше, чем он заслуживает.

Мальчики вышли, и он повернулся к журналистке.

— Боюсь, что наше интервью окончено, — сказал он. — Я должен поехать в город. Вы получили все, что вам нужно?

Она кивнула, по-прежнему держа руки на коленях, и, вздрогнув, убрала их.

— Да, и довольно много.

— Может, хотите отдохнуть немного перед тем, как поедете? Вам что-нибудь нужно?

Она улыбнулась.

— Нет, спасибо.

— Я просто подумал, вам... — он замолчал, потому что не хотел сказать «плохо», и подобрал более нейтральное слово — нехорошо.

— Неужели я так выгляжу? — Сара все еще улыбалась. — Думаю, что утренний разговор достал меня. Он был далеко не такой приятный, как этот. Нет, со мной все будет в порядке, мистер Альби. Мне тоже нужно двигаться. Заметка должна выйти уже в пятницу.

Он проводил ее до черного хода. Фургон уже уехал, а у подъезда громоздилась гора оберточной бумаги и картона. Рядом с этой желто-коричневой горой валялись два сигарных окурка размером с собачьи какашки.

Он помахал ей, пока она садилась в машину и обернулся к Лауре. Она стояла неподалеку, скрестив на груди руки. Лоб ее пересекала темная полоска пыли.

— Просто не верится, что у этой женщины хватило ума прийти и расспрашивать тебя в день переезда. Если она напишет о тебе что-нибудь не то, я приду к ней в редакцию и переверну стол.

— Да ладно, все кончено, — сказал Ричард. Он полез в карман и нащупал ключи от машины. — Неподходящее время, но, похоже, у Пэтси Макклауд какие-то неприятности. Звонил Грем Вильямс. Пэтси в похоронной конторе на Рекс-роад. Мне и в самом деле нужно бы повидаться с ней, и я подумал, может, ты поедешь со мной?

— А Грем Вильямс сам не может все уладить? — Лаура внимательно осмотрела ладони и вытерла их о джинсы. — Похоже, ты, и Грем, и Пэтси Макклауд образовали общество взаимопомощи. Ты с ней проторчал там весь субботний вечер, а теперь отправляешься помочь ей хоронить мужа.

— Я знаю, что это звучит смешно, да и выглядит тоже, но ей нужна помощь. Вот и все, что я знаю. И я бы хотел, чтобы то поехала тоже.

— Я и не думала, что мне удастся этого избежать, — сказала Лаура. — Но я обижена на тебя не поэтому — ты забыл про свой подарок, а я целую неделю провела, выбирая его.

— Мой подарок? — переспросил он глупо. — О, Боже! Ты обещала мне сюрприз. Я забыл. Сначала приехала перевозка, потом Сара, как ее там, а потом позвонил Грем... Ох, Лаура, извини. В самом деле, извини.

— Давай, извиняйся, малый, — сказала она. — Я его спрятала в кухонном шкафу. У тебя будет хоть минутка, чтобы поглядеть на него, или мы должны отправляться к твоей драгоценной Пэтси прямо сейчас?

— Давай поглядим, — сказал он, обнял ее и они прошли в кухню.

Лаура наклонилась и открыла дверцу нижнего шкафа. Оттуда она достала серебристо-серую коробочку, высотой примерно в фут.

— Я уверена, тебе это понравится, — сказала она, протягивая ему ее. — Это подарок для дома. Я никогда не тратила столько за всю свою жизнь.

Он взял коробочку и поставил ее на кухонную стойку. Она весила меньше, чем он ожидал. Он приподнял крышку и оглянулся на Лауру. Она с нетерпением ожидала его реакции.

— Что бы ты ни делал, не разбей ее, — сказала она.

Он развернул бумагу, скрывающую подарок, и коснулся его. Это был холодный фарфор с матовой желтой глазурью. Пальцы его нащупали квадратное основание. Вещь была полой — вот почему коробка так мало весила. Он подцепил основание и вытащил вещь из коробки.

Нетерпеливая улыбка застыла у него на лице. Он держал усмехающуюся желтую драконью голову. С плоского лба вздымались два рога, за головой, точно застывшая волна, поднималось крыло.

— Это китайская, — сказала Лаура. — Дракон для крыши. Традиционное украшение. Цвет означает, что она из императорского дворца. Я подумала, что она принесет нам удачу.

— Да, — едва выдохнул он.

— Я вижу, твой энтузиазм безграничен. Засунь ее обратно в коробку, и я отвезу ее назад, как только мы распакуем вещи.

— Нет, — сказал он. — Я хочу оставить ее у себя. Я думаю, она прекрасна.

— В самом деле?

— Да. Мне она понравилась. Я просто удивился. Правда, понравилась.

— У тебя такой забавный вид.

— Я вспомнил то, что рассказал мне Грем Вильямс — когда-то тут жил человек, которого прозвали Драконом. — Вот и все, что он рассказал Лауре о субботнем вечере.

— Твой отец знал его?

Это заставило его улыбнуться.

— Нет, это было очень давно. Когда основали Гринбанк.

— Ну, а вот еще один, — сказала Лаура. — Давай найдем ему место.

Ричард занес драконью голову в гостиную и установил ее на каминной доске. Потом он обнял Лауру. Какая-то часть его ощущала, что теперь хаос получил право войти в дом, что дверь из его снов отворилась, и на пороге стоял Билли Бентли, с волосами, прилипшими ко лбу и в мокрой одежде.

— Тебе она понравилась? — спросила Лаура. — Почему ты не скажешь это?

Обнимая ее, он почувствовал мягкую выпуклость, которая была Ламп Альби, его утешением из сна.

— Разумеется, — сказал он. — Очень понравилась.

7

Отворяя массивные двери похоронного бюро, Пэтси постаралась отбросить воспоминания о прошлом вечере. Мистер Голланд ждал ее и поспешил ей навстречу по темному ковру, лицо у него, казалось, отрицало саму возможность веселья. На самом деле он был добрым и нервным человеком, но наследственность подарила Франсу Голланду фигуру и лицо диккенсовского злодея. У него были насупленные брови, острый нос и костлявые плечи. Его тощее тело всегда облегалі дорогие костюмы. Губы у него казались чересчур яркими на бледном лице. Он хотел, чтобы о нем думали как об «образованном» и «изысканном», и поэтому он держался манерно, хоть и думал, что культурно. Ему нравилось в задумчивости прикладывать палец к губам, или стоять в картинной позе, слегка отставив одну ногу, или ходить, заложив руки за спину. Когда он шел к Пэтси по толстому ковру, он представил комбинацию из этих движений — одна рука у него была за спиной, а другой рукой он тербил верхнюю губу. Пэтси подумала, что он похож на важного, призывающего к молчанию пингвина.

Приблизившись к ней, он уронил левую руку и протянул ей правую, при этом слегка поклонившись.

— Благодарю вас за то, что вы пришли к нам, миссис Макклауд, — сказал он приятным баритоном. — Хочу вас заверить, что вся церемония пройдет по возможности легко и безболезненно. Как я уже говорил вчера по телефону, миссис Макклауд, последние почести, которые мы отдаем своим любимым, должны быть столь же прекрасны, как и другие события их жизни, например, как Рождество или венчание. Ну а теперь вы принесли мне костюм?

Вчера мистер Голланд заверил Пэтси, что, раз Лес сильно обгорел и в открытом гробу хоронить его не следовало, от него

осталось достаточно, чтобы похоронить его в любимом костюме. «Что мы в действительности и предпочитаем, миссис Макклауд, верно ведь? Мы хотим, чтобы наши любимые уходили во всем сиянии славы, как обычно говаривал мой отец, — и что не часто предоставляется братьями Брукс, так что не принесете ли вы какой-нибудь костюм и галстук, который мистер Макклауд в особенности предпочитал?»

Любимые туфли мистера Макклауда не потребовались.

Пэтси передала ему маленький коричневый бумажный пакет. Франц Голланд подхватил его с такой легкостью, словно это был сверток с завтраком.

— Родители мистера Макклауда, кажется, прибудут сегодня?

— Да, — сказала Пэтси, — они наняли лимузин из аэропорта Кеннеди.

— О! — сказал мистер Голланд, наклонившись вперед и сцепив за спиной руки.

— Разумеется, я отлично помню старшего Макклауда. Они приходили к нам, когда упокоился дедушка вашего супруга, и мы сделали для них буквально все. Вы уже подумали о вместилище останков вашего супруга? — и он провел ее, чуть-чуть не касаясь локтя, за угол — в большую комнату, где стояли гробы с откинутыми крышками.

— Полагаю, вы видите, какой широкий у нас выбор, миссис Макклауд? — сказал он, сделав широкий жест в сторону открытых зевов гробов. — И я уверен, что это сугубо личное дело будет завершено успешно. Если я могу... Мадам ведь Тейлор, правда?

Лишь через несколько секунд Пэтси поняла, что он говорит о ней.

— Да.

— Мой отец и я были распорядителями на похоронах вашего дедушки. «Борнли и Голланд» проводили в последний путь многие поколения Тейлоров, миссис Макклауд.

— Но не Джозефину Тейлор, — сказала Пэтси.

— Пardon?

— Вы ведь не работали над Джозефиной Тейлор, верно? Моей бабушкой. Ее девичья фамилия тоже была Тейлор, и она была дальней кузиной моего дедушки. Вы работали над ее мужем, но не над ней. Его вы затолкали в один из ваших ящиков, но ее — нет.

— По-моему, бабушка мадам была больна, — заявил мистер Голланд, отступая на шаг. — Это очень печальная история. Бабушка мадам была очаровательной особой. Я верю, что ее достойно проводили в последний путь.

Пэтси не могла объяснить своего раздражения. — Да, разумеется. Бабушка мадам была городской сумасшедшей, так что ее милейший муж поместил ее в лечебницу до конца дней.

Мистер Голланд вновь дотронулся пальцем до верхней губы.

— Это трагическая история, миссис Макклауд. И нет сомнения, что ее обстоятельства расстраивают вас. Но мы можем сделать единственный вывод — мы должны сделать для наших любимых все, что можем, поскольку они уже ничего не могут сделать сами.

— Я хочу, чтобы моего мужа кремировали, — сказала Пэтси. — Он же все равно уже почти кремирован, разве нет? Я хочу закончить работу. Так что продайте мне самый дешевый чертов гроб и кремируйте его в нем.

Франц Голланд отступил еще на несколько шагов.

— Разумеется, есть еще и другие члены семьи, которые должны решить...

Она вспыхнула.

— Я не хочу кремировать остальных членов семьи, по крайней мере, пока. Я лишь хочу кремировать своего мужа. А если вы не можете с этим справиться, я отнесу его туда, где могут.

— Миссис Макклауд, — сдержанно сказал Голланд, и в этот миг, в миг, когда ее еще не покинуло самообладание, она пожалела его. Он, в конце концов, был тактичный, чувствительный человек и говорил таким манером потому, что так научил его отец. — Миссис Макклауд, как жена любимого вами, вы, разумеется, имеете право решать так, как вам будет угодно, и мы сделаем все, чтобы вам было удобно. Но поскольку ваши предпочтения для нас — самое главное, мы хотели бы еще раз попросить вас подумать...

Пэтси чуть не упала в обморок. Мистер Голланд превратился в мертвеца. Этот приятный, глубокий баритон исходил из покореженного, провалившегося рта. Верхняя губа оттянулась к носу, и она увидела обнажившиеся челюсти и корни зубов. Язык почернел. Кожа мистера Голланда стала сухой, как пергамент, и приобрела коричневый оттенок. В некоторых местах она прорвалась и из жутких дыр зияли лиловые органы. Теперь она увидела, что стоящее перед ней существо было одето лишь в жилетку и галстук. Кожа на бедрах разлезлась и обнажила кости, от пениса почти ничего не осталось.

Пэтси закричала.

Создание подпрыгнуло и протянуло к ней руки. Ногти были черно-лиловые и в несколько сантиметров длиной.

— Не прикасайся ко мне! — вопила Пэтси.

Создание попятилось, шаркая босыми мертвыми ногами по толстому ковру.

Вот, значит, что видела ее бабушка?! Джозефина Тейлор зашла так далеко, как только могла, и видела друзей и незнакомцев, неожиданно превращающихся в гниющие тела незадолго до того, как они действительно умирали, и она больше не могла этого вынести и ушла от мира. Мистеру Голланду осталось жить не больше месяца, и вот во что он вскоре превратится.

Только, вероятно, когда он станет таким, никто его не увидит.

— Мистер Голланд, — дрожащим голосом сказала Пэтси. Она смотрела вниз, на ковер. — Извините меня за этот крик. У меня было тяжелое время. Пожалуйста, не подходите ближе. Я прошу извинить меня за эту сцену. Я боюсь, что я несколько не в себе.

— Разумеется, миссис Макклауд, — раздался низкий голос, и Пэтси содрогнулась.

— Могу ли я воспользоваться телефоном? Я должна позвонить друзьям и попросить их помочь. Нет, пожалуйста, не подходите близко, мистер Голланд. Просто покажите мне, где телефон.

Дрожащие ноги скелета отступили на шаг, и Пэтси увидела, что мертвая клешня тянется по направлению к холлу.

— Отлично, — сказала она. — Я сама найду его.

— На столе, в алькове, — сказала тварь, и Пэтси быстро прошла мимо, глядя в сторону.

— Я что-нибудь не то сделал? — услышала она его голос. — Я вас чем-то ужасно обидел? — В голосе слышались чуть ли не слезы. — Если вы хотите кремировать своего мужа, что ж, разумеется.

— Да, — сказала она, не обернувшись. — Оставайтесь в комнате, пожалуйста, мистер Голланд.

Она увидела альков, полускрытый тяжелой алой бархатной занавеской. Там стоял стол с телефоном. Телефонная книга лежала в верхнем правом ящике стола и она отыскала телефон Грема Вильямса и начала быстро набирать номер.

— Да, и Ричарда тоже, — сказала она. — Оба, пожалуйста, приезжайте, заберите меня отсюда.

8

То, что случилось после того, как они втроем приехали в контору, можно выразить несколькими словами. Лаура Альби, которая знала о Пэтси гораздо меньше, чем остальные двое, казалось, разобралась в ситуации в конторе «Борнли и Голланд» гораздо лучше, чем ее муж и Грем Вильямс. Лаура сразу подошла к Пэтси и обняла ее.

Ричард и Грем глупо топтались за ее спиной, хлопая Пэтси по плечу и растерянно глядя на Франца Голланда, который до сих пор не решался выйти из своего хранилища гробов. Наконец Ричард уж совсем было собрался заговорить с ним, но тут Лаура окликнула похоронного распорядителя:

— Проблем с кремацией не будет?

— Разумеется, нет, если так желает миссис Макклауд, — ответил Голланд. — Я сделаю все необходимые приготовления.

— Ну тогда все улажено, — заявила Лаура, по-прежнему стоя рядом с Пэтси, которая все еще судорожно цеплялась за нее. — Мы едем домой.

Грем отвез Пэтси на Чарльстон-роад, договорившись с ней, что позднее он привезет ее сюда, чтобы она отогнала машину.

— Джозефина напомнила мне о себе, — сказала ему Пэтси. — По крайней мере я знаю, что вы все проживете долгую жизнь.

— Джозефина Тейлор никогда не говорила, кто из знакомых или членов семьи должен умереть, — сказал ей Грем. — Только о незнакомцах да о людях, которых она не слишком хорошо знала. Но все равно, спасибо.

Ричард должен был ехать на Род-Айленд для первой своей встречи с Моррисом Страйкером на следующее утро. Он и Лаура долго прощались после первой своей ночи в новом доме. Он обещал, что как только вернется, навестит Пэтси Макклауд.

9

Вечером, двумя днями позже, когда Ричард Альби начал понимать, что ему вряд ли удастся поладить со своим клиентом, и что Моррису Страйкеру его новый реставратор тоже не слишком нравится, Бобби Фриц все еще жаловался Бобо Фарнсворту и Ронни Ригли на потерю его лучшего заказчика. Они все трое сидели в боковом кабинете кафе Пенниivistль, а на столе стояли две пустые пивные кружки. Ронни рисовала на столе круги, размазывая пролитое пиво, и Бобби знал — как знал или подозревал уже множество раз, — что он надоед Ронни, она думала, что он инфантилен или глуп, она думала, что он шалопай и не достоин быть другом Бобо. Бобо уже пару раз с тех пор, как у них начался роман с Ронни, не приходил в Пенниivistль, который был любимым баром Фрица, да и Бобо тоже.

— Он просто подкосил меня, ребята, — сказал он, хоть и помнил, что уже говорил это за несколько минут раньше.

— Ты что же, думаешь, что можешь попросить его вновь нанять тебя? — спросила Ронни, все еще чертя круги на поверхности стола.

Ронни Ригли, как он полагал, была одной из самых привлекательных женщин, которых он когда-либо видел. У нее был, если и не пятый, то вполне достойный четвертый номер. То, что Ронни была по меньшей мере лет на десять старше, чем он сам и Бобо, ни черта не значило, и ни черта не значило то, что она даже не старалась выглядеть моложе. Ей и не нужно было этого делать. Даже тогда, когда она выглядела усталой и раздраженной, как, например, сегодня, Бобби все равно хотелось прижать ее. И чем больше он пил, тем больше ему хотелось. Но он боялся, что она лишь рассмеется ему в лицо, если он решится хоть на что-то.

— Клянусь, Ронни, он просто подкошил меня, — объяснил он. — Но я представляю себе, на что будет похож его газон. Скоро он весь порастет сорняками и дикой травой... и я даже не хочу думать, что случится с его садом.

— Я думаю, Ронни права, — сказал Бобо, обнимая ее, чем вызвал тайную боль Бобби. — Просто пойдя к нему, позвони в дверь и объясни, как ты беспокоишься. Может, вы сможете как-то договориться.

— Договориться, как же, — сказал Бобби. — Если я подойду к его дому, он просто-напросто пристрелит меня. Боже! Он здорово обращается с пушкой, верно? Он ведь застрелил этого Старбека, а у того пушка была уже в руке, разве нет?

— Мы его нашли так, — сказал Бобо, — с пистолетом в руке. — На самом деле, хоть Бобо не хотелось этого говорить, Ван Хорн приобрел некоторую известность в штаб-квартире хэмстедской полиции: Томми Турок доводил всех полицейских помоложе, заявляя им, что им бы нужно брать у Ван Хорна уроки стрельбы.

— Но с теми, остальными убийствами покончено, верно? — спросил Бобби.

Ронни кивнула головой, но Бобо сказал:

— Старбек был взломщиком, а не маньяком. Слишком много людей поверило в это и расслабилось. На днях будет следующее убийство, вот увидите.

— Это ты говоришь, — возразил Бобби. — А я говорю, с ним покончено. Поэтому и остальные копы ходят с такими довольными мордами, мать их так.

Он хлопнул себя рукой по лбу.

— Прости, Ронни. Я должен следить за собой. Сегодня я не совсем в себе.

— Ты слишком много выпил, — сказала Ронни. — Я тебя не упрекаю, но ты прикончил три кружки и уже допиваешь четвертую.

— Эй, я же не пьян, — это даже для него самого прозвучало неубедительно. Он увидел себя самого глазами Ронни — инфантильный, не слишком умный, перепивший пива.

— Ну я вот что скажу, — сказал Бобби. — Если я когда-нибудь увижу его, я имею в виду доктора Ван Хорна, я поговорю с ним по-доброму.

Ронни улыбалась ему, и Бобби неожиданно почувствовал, что все может еще наладиться.

— Я поговорю о том, о сем, а потом скажу ему, что я буду работать с его газоном бесплатно. Дважды в месяц. Бесплатное обслуживание газона. Потому что я просто не могу вынести, во что она превращается. А когда я это сделаю, думаете, он возьмет меня обратно? Вот что он делает. Он возьмет меня обратно.

— Ты напился, дурень, — сказал Бобо и перегнулся через стол, чтобы потрепать Бобби по голове. — Мы с Ронни отвезем тебя домой.

— Я буду делать это бесплатно. Разве ты не видишь, какой это отличный план? Ему просто придется взять меня обратно.

— Поехали, — сказал Бобо.

— Только если я сяду рядышком с Ронни, — сказал Бобби. — Ну и женщину ты себе отхватил, Бобо!

Выражение лица Бобо подсказало ему, что, может, он и вправду напился.

Бобби жил со своими родителями в маленьком домике на Пур Фокс-роад, которую когда-то называли «Хэмпстедскими Аппалачами». Дорога эта змеилась по берегу залива и обрывалась, чуть не врезавшись в Гринбанковский вокзал. Кто был этот бедный Фокс и что с ним произошло, давно забылось, но название это все еще играло свою роль — это была самая тихая и самая незаметная улочка во всем Гринбанке — в начале ее громоздилась группа блочных домов, в которых раньше была Гринбанкская академия, которая после Второй мировой войны продала эти здания. Теперь в одном жил спившийся художник, в другом — продавец из сомнительной лавочки, один совсем уж запущенный дом оставался пустым по крайней мере лет пятьдесят, а последний принадлежал семейству Фрица.

Когда они свернули на Гринбанк-роад, Бобби обнаружил, что его все больше подмывает обнять Ронни за талию. Он не мог не думать о том, на что это похоже — ласкать Ронни Ригли. Но если он поддастся этому желанию, Ронни лишь укрепит свое мнение о нем,

а Бобо вышвырнет его из машины и больше никогда с ним не заговорит.

Так что он сказал:

— Высади меня на повороте, Бобо, ладно?

— Хочешь прогуляться, Бобби? — спросил его Бобо.

— Да, хочу немножко проветрить голову, прежде, чем доберусь домой.

— Неплохая идея, — сказал Бобо и остановился на обочине перед перекрестком.

— Вот тут все и произошло, — сказал он, указав кивком головы на просвечивающие сквозь листву огни дома Ван Хорна.

— Повезло ему, — ответил Бобби. Он вылез из машины и помахал Бобо, который сворачивал на Маунт-авеню.

Только когда Бобби пошел пешком, он понял, до чего он сильно пьян. Тротуар Пур Фокс-роад дрожал и двоился и через несколько шагов он обнаружил, что стоит по колено в сорняках.

— Ах, я бедняга, — сказал он и снова выбрался на дорогу. Ноги все время несли его на другую сторону дороги, он постарался выпрямиться и держаться направления к дому. На какой-то миг он увидел две луны над головой, а перед собой — две дороги, но он моргнул и изображения совместились. В крови у него гудели четыре кружки пива и столько же, казалось, плескалось в голове.

С внезапной силой ему захотелось помочиться. «Боже, боже, боже», — запричитал он и потрусил в сорняки на обочине дороги, расстегнулся и едва успел вовремя. Моча пологой дугой оросила сорняки и стволы деревьев. Закончив, он застегнулся и вновь повернулся лицом к Пур Фокс-роад.

Луна казалась в два раза больше, чем ей положено. Она была вздувшимся, подгнившим шаром, маячившим перед ним. От нее исходил холодный свет, и правая нога Бобби, на которую попала моча, заледенела.

Лунный свет, казалось, облегал кожу. Пур Фокс-роад сверхъестественно ярко светилась перед ним. Бобби увидел, как от гальки на дороге легли длинные тени. Потом он увидел, что на лунном диске появилось лицо. Лицо усмехающееся грубое, и нечеловечески жестокое. Бобби вытянул вперед руки, словно пытаясь защититься от этого ужаса, и увидел, что в лунном свете они казались покрытыми серебряным мехом.

Луна наклонилась прямо к его лицу и прошептала:

— Погляди вниз.

Бобби поглядел вниз и заорал. По дороге, точно ленивый прилив, текла кровь, заливая его ботинки. Запах крови окутывал его —

дорога воняла, точно мясная лавка. Из-за того что цинично ухмыляющаяся луна теперь опустилась так низко, поток крови казался черным.

— Погляди, — шептала луна в этом черно-белом мире, — погляди вверх.

И Бобби вздернул голову. Он увидел серебряные деревья, черные листья и черно-белую ленту на дороге.

— Он идет, — донеслось до него с шепотом ветра, а луна распахнула распухшие губы и усмехнулась.

Бобби услышал шаги, хлюпающие по кровавому потоку. Он попытался податься назад, но из земли высунулись пропитанные кровью щупальца, ухватили его за щиколотку и швырнули в холодный, неторопливый прилив.

— Идет, — прошептала луна, дыша ему в шею, и Бобби отчаянно пытался подняться на ноги. Руки у него от крови стали черными, джинсы прилипли к ногам.

Он не мог двигаться в этом черно-белом, в этом серебристом мире. В мозгу его возникла безумная мысль, что кровь на дороге была его собственной — это он был мертв или будет вот-вот.

Он знал, что к нему приближается что-то жуткое, и шел навстречу, стиснув кулаки.

Он был почти разочарован, когда из-за залитого серебром угла дома появился всего лишь человек. Луна нависала за его спиной, точно чудовищная глыба, и Бобби не мог разглядеть его лица.

— Держись от меня подальше, — сказал Бобби и собственный голос показался ему тоненьким и слабым.

Знакомый голос сказал:

— Все в порядке, парень. Ты просто чересчур повеселился.

Черная фигура сделала еще один шаг вперед, и Бобби увидел, что никакой реки крови, омывающей дорогу, не было. Джинсы промочила его собственная моча. В лунном свете руки его вновь окрасились серебром, а не чернью. Человек, обращавшийся к нему, был кем-то, кому он доверял.

— Перепил пива, а Бобби? — спросил мужчина, и, когда он поднял голову, Бобби увидел седые волосы и воспитанное лицо доктора Рена Ван Хорна.

— О, а я как раз недавно говорил о вас, доктор, — с облегчением пропел Бобби, гораздо громче, чем следовало бы. — Я не шучу, нет. И знаете, что я о вас сказал? Желаю ему всего хорошего, сказал я, — вот что.

— Спасибо, — доктор медленно направлялся к Бобби в струящемся лунном свете.

— Нет никаких птиц, — сказал Бобби. — Вы заметили? Птицы не поют. А обычно, если возвращаешься ночью, всегда слышно сову-другую.

— О, все совы умерли, — сказал доктор Ван Хорн, направляясь к Бобби по середине узкой, залитой лунным светом дороге.

— Похоже. На газонах, которые я стригу, мне последнее время все чаще попадаются мертвые птицы, знаете ли? Каждый день все больше. — Это напомнило Бобби кое о чем, и он сказал: — Так я собирался вам кое-что сказать, доктор Ван Хорн. Я просто не могу вынести, что ваша лужайка приходит в такое состояние. Так что я прошу, позвольте мне приходить иногда и работать над ней бес-
платно.

Теперь доктор Ван Хорн стоял лишь в паре футов от Бобби на узкой дороге. Бобби видел, как его волосы встают вокруг головы серебряным ореолом на фоне все еще огромного лунного диска, но лицо доктора было черным пятном, на котором плавали пятна еще чернее.

— Так что вы скажете? — спросил Бобби и почувствовал чудовищную вонь помоев и чего-то еще похуже, чего-то мертвого и липкого, догнивающего в сорняках.

— Хотите на меня работать? — спросил доктор Ван Хорн.

Бобби отступил на шаг и почувствовал, как кровяные щупальца вновь цепляются ему за лодыжки. Доктор Ван Хорн вытянул руку — в ней светилось маленькое изогнутое лезвие. Прежде, чем Бобби успел среагировать, оно со свистом рассекло воздух и полоснуло шею Бобби как раз под левым ухом. Доктор резким движением провел лезвием наискось и шею Бобби залил кровавый поток.

Бобби упал на колени. Он не чувствовал боли — лишь теплую влагу, которая растекалась по груди и шее. Влагу вытекающей из него жизни! Доктор Ван Хорн ударил его снова, и на этот раз он ощутил вспышку боли, поскольку доктор отхватил большую часть его левого уха. Бобби поднял руки, почти не веря, что все это происходит именно с ним, и маленький изящный скальпель отсек ему три пальца на руке. Затем скальпель взлетел вновь, и в ответ на удар сердце Бобби покорно выплеснуло поток крови, и он упал на колени и потерял сознание как раз перед тем, как скальпель Ван Хорна рассек ему левую щеку.

Бобби Фриц, самый лучший садовник Гринбанка, провалился в пустую тьму. Доктор Ван Хорн откатил тело в сторону, разрезал на нем рубашку и начал переделывать согласно своему вкусу то, что было под ней. Он вскрыл грудную клетку Бобби и отогнул в сторону ребра, вырезал сердце и вынул его. Затем расстегнул на Бобби

ремень, стащил с него джинсы, вырезал пенис и мошонку и вложил их в правую руку Бобби.

Он уже делал нечто в этом роде два раза и сделает еще три раза. Они не слишком обрадуются, его жертвы.

Он оттащил тело Бобби, которое уже трудно было узнать, в поросший сорняками кювет за Поуст-роад, вытащил из кармана листочек бумаги и вложил его в грудь Бобби. На листке были стихи, написанные столь безликим почерком, что они могли бы выйти из-под компьютерного принтера. Они будут обнаружены лишь через несколько часов после того, как найдут само тело, а это случится двумя днями позже, тринадцатого июня.

10

Бобби Фрица нашел почтальон. Роджер Слайк разъезжал на своем сине-белом почтовом фургончике по Гринбанку каждое утро, а потом большую часть дня проводил на центральном Хэмпстедском почтамте, сортируя почту. Два или три дня Роджер чувствовал себя неважно — у него болели зубы и его преследовал постоянный шум в ушах, — так что иногда он ловил себя на том, что опускает в почтовый ящик почту не по адресу. Он гадал, сколько раз он проделал это за последние два дня, сам того не замечая.

В среду утром, когда ему следовало бы свернуть на Чарльстон-роад, он обнаружил, что проехал Чарльстон-роад, даже не заметив этого.

А днем в пятницу, тринадцатого июня, Роджер Слайк проехал до конца Пур Фокс-роад, чтобы передать проспект предвыборной кампании «Буша — в президенты!» Гарольду Фрицу, который был последовательным демократом и который больше никогда не поднимется с постели, чтобы голосовать за кого-либо. На обратном пути в голове у него помутилось, сердцу стало плохо — и в самом деле, плохо, — и он остановил свой фургончик. Выйдя из него, он почувствовал ужасный запах. На какую-то секунду ему показалось, что дневная бледная луна ухмыляется, склонившись над ним. Он схватился за голову, которая, казалось, вот-вот должна была взорваться.

Но, выскочив так поспешно из грузовичка, Роджер забыл застопорить его, и машина, проехав несколько сантиметров, свалилась в кювет. Она сильно завалилась на бок и под колеса посыпались сотни писем.

Роджер поглядел на катастрофу налитыми кровью глазами и пробормотав: «О, боже!» побрел к грузовику и поглядел вниз,

покачивая головой. Он залез в кювет, предварительно убедившись, что там нет крапивы — поскольку был одет в шорты. Он приналег на грузовичок и слегка толкнул его. С помощью еще одного толчка он смог поставить фургончик на колеса. Тогда он наклонился и начал поднимать рассыпанные в сорняках письма и журналы. Неожиданно запах, похожий на запах раздавленного опоссума, необычайно усилился, и Роджер обнаружил, что глядит сквозь заросли бурьяна прямо в ухмыляющееся лицо Бобби Фрица. Роджер Слайк охнул и попятился к краю кювета, перебрался через него и добежал до входа на Грэйвсендский пляж. Там, в будочке сторожа, был телефон. Когда полиция нашла написанные печатными буквами стихи, упакованные в грудной клетке Бобби, она заодно отыскиала и несколько писем, которые завалились туда же. Письма тоже воняли, но Роджер Слайк развез их на следующий день.

Ни полиция штата, ни полицейские Хэмпстеда не знали, что это за стихи и кто их автор:

*Богач, не доверяй деньгам,
они — лишь безопасный хлам,
что не излечит от чумы
в годину бедствия и тьмы.
Нам всем недолго жить в миру —
я заболēju, я умру...
Смилуйся над нами, Господь!*

*Краса и юность — хрупкий цвет,
что облетит чрез пару лет.
Напрасно тешатся они —
ты на надгробья их взгляни,
поскольку спят во тьме земли
красавицы и короли.
Царить недолго на пиру —
я заболēju, я умру...
Смилуйся над нами, Господь!*

*Ушедших в темноту не счесть —
падут и мужество и честь.
Всех одолеет вечный сон,
над всеми колокольный звон
плывет, качаясь, на ветру...
Я заболēju, я умру...
Смилуйся над нами, Господь!*

Так никто и не знал, что это за стихи, пока Бобо Фарнсворт не догадался позвонить своей старой учительнице английской литературы мисс Триджилл, которая сейчас была главой английского факультета в Милле.

— Вас интересует английская поэзия, Бобо? — спросила она.

— Только это стихотворение, мисс Триджилл, — ответил он.

— То, что вы мне прочли, представляет собой вторую, третью и четвертую строфы известного стихотворения Томаса Нэша «Во времена Чумы». Нэш вообще-то был довольно нервным, беспокойным писателем, одним из крупнейших памфлетистов елизаветинской эпохи. Его привлекал гротеск.

— «Во времена Чумы», Томас Нэш, — повторил Бобо, — Спасибо, мисс Триджилл.

— Интересно знать, зачем это понадобилось людям в полицейском участке? — поинтересовалась мисс Триджилл, на что Бобо ответил, что она сможет прочитать об этом в газетах.

11

В понедельник стансы из стихотворения Томаса Нэша были напечатаны на первой странице «Хэмстетской Газеты». Но еще перед этим они появились в «Нью-Йорк Таймс» в заметке раздела Метрополитен под названием «Коннектикутский потрошитель?». Рядом со статьей были напечатаны фотографии Стоуни Фрайдгуд, Эстер Гудолл и Бобби Фрица.

В длительной беседе, которая состоялась между Гремом и Пэтси Макклауд во вторник вечером, Грем заметил:

— Это стихи, понимаешь? Это цепь. Он умышленно ссылается на Грина из Робертсоновского «Принца». Отец молодого Грина заявлял, что тот развращен поэзией. И в газете была статья о «Поэте-Потрошителе». Пэтси, он хочет, чтобы мы знали. Он хочет, чтобы мы знали, кто он на самом деле.

Во время всего разговора в ушах у Грема Вильямса раздавался шум от хлопанья крыльев Дракона: он слышал его, когда Пэтси рассказывала ему о своем замужестве; он слышал его в названии стихотворения Нэша, которое лежало перед ними, напечатанное на первой странице «Газеты»; и особенно отчетливо он слышал его в списке детских имен, который приводился в другой заметке «Газеты».

Ночью в пятницу тринадцатого числа, когда Роджер Слайк случайно обнаружил тело Бобби Фрица, Ричард Альби позвонил

Лауре из Провиденса; он сказал, что столкнулся по работе с большим количеством проблем, чем ожидал, и останется на Род-Айленде еще дня на четыре или пять, а может быть, и на следующую неделю. Лаура попросила его не волноваться о ней. С ней все будет в полном порядке, сказала она, ей страшно жаль, что появились такие сложности, но она уверена, что он справится с ними. В Хэмпстеде все спокойно, добавила она.

Лаура не могла рассказать ему о Бобби Фрице, потому что еще сама не слышала о том, что обнаружена третья жертва убийцы. Об этом она узнала на следующее утро, когда Ронни Ригли позвонила ей и сообщила новости. Но она уже могла рассказать Ричарду, хотя и не сделала этого, о том, что еще пять детей последовали примеру Томаса и Мартина О'Хара и утопились. Это произошло в ночь с одиннадцатого, в ту же ночь, когда был изуродован и заколот до смерти Бобби Фриц, а его тело было сброшено в канаву на Пур Фокс-роад. Лаура не рассказала Ричарду об этих пятерых детях, потому что он начал бы беспокоиться и волноваться о ней, а ей не хотелось доставлять ему дополнительные неприятности. Первую заметку о пятерых детях Лаура прочла в пятничном выпуске «Газеты», их имена были вновь названы, и в следующем выпуске, в понедельник, в том самом, который лежал открытым на первой странице перед Гремом Вильямсом и Пэтси Макклауд.

Кроме некоторых известных фактов, существовал еще глубокий слой непонятного и неизвестного. Никто из сотрудников «Газеты» не упоминал об этом, но город находился в шоке: кошмар случайных смертей все еще не закончился, и, похоже, что впереди предстояли еще худшие времена. Репортеры «Газеты» не хотели сообщать ничего кроме фактов, они печатали лишь то, что было известно.

А вот то, что было известно. В ночь с одиннадцатого июня или рано утром двенадцатого произошли следующие события: двенадцатилетний мальчик по имени Дилан Стрейнберг зашел в воду на Саутельском пляже, оставив на песке сброшенную одежду и туфли, и плыл до тех пор, пока не устал настолько, что больше плыть вперед уже не мог — он ушел под воду и утонул. Трое детей: Карл Блокетт, Монти Шербурн (сын директора средней школы Милла) и Аннет Кроули (ребенок одного из репортеров «Газет»), которым было шесть, семь и двенадцать, — с точно такой же сумасшедшей решимостью утопились на пляже Грейвсенда. Пятилетний мальчик в Редхиле по имени Хэнк Хауторн (сын владельца страховой компании и внук благородного старого юриста из Милбурна, Нью-Йорк) в середине ночи поднялся с кровати, снял пижаму, бросил ее на постель, затем спустился вниз, открыв незапертую дверь, и

утопился в маленьком пруду на лужайке перед домом. Вот все, что знали полиция и журналисты «Газеты». Честно говоря, не было никакой необходимости писать о том, какой эффект оказала эта информация на жителей Хэмпстеда. Все было достаточно ясно и легко читалось на лицах тех, кто покупал овощной соус к спагетти и римский салат у Гринблата, на лицах тех, кто покупал копирку или просто глазел в огромный телевизионный экран на здании Анхелта на Мейн-стрит.

Но даже здесь существовал огромный слой неизвестного. Эти люди, покупавшие овощи у Гринблата или замерзшие около Анхелта, прекрасно понимали, что родители погибших детей обезумели от горя и находятся в состоянии эмоционального шока. Хэмпстед был городом искушенным в житейских делах, и покупатели могли бы предугадать, что некоторые родители найдут отдушину в психотерапии, а некоторые — в разводе. И поскольку покупатели люди болтливые и любящие посудачить, то они обсуждали чувство вины, которое должны были испытывать родители погибших детей («в конце концов, если у вас дети, то вы должны запереть их в их комнатах на ночь или забрать их в город, где они будут в безопасности!»), припоминали другие случаи массовой детской истерии — а многие объясняли происшедшее именно этим, интересовались фазой луны и пятнами на солнце (даже более активно, чем делала недавно Сара Спрай). Но наверное никто кроме Микки Забера О'Хара (и возможно Сары Спрай) не догадывался о том, что в ночь перед самоубийством своих детей миссис Шербурн, миссис Кроули и Венди Хауторн в Редхиле видели один и тот же сон, в котором они укладывали в постель холодных и промокших сыновей и дочек, а потом, крепко обняв замерзшие тела, растирали детям спины и стряхивали песчинки с груди.

12

В разговоре с Лаурой в пятницу ночью, Ричарду не нужно было говорить, что источником проблем служит его клиент, поскольку именно от клиента обычно исходят все сложности. Лаура знала, как успешно справлялся ее муж с теми из них, кто еще не принял окончательного решения или поменял мнение посередине работы, с теми, кто считал, что они могут сами сделать эту работу лучше. Ричард не становился другом всех своих клиентов, но со всеми он оставался, по меньшей мере, в дружеских отношениях. Лаура знала это, но она не встречалась с Моррисом Страйкером. Моррис Страй-

кер не оправдал ожидания Ричарда, и в пятницу ночью Ричард начал побаиваться, что он подведет и его самого тоже.

Они плохо начали и, быть может, это начало легло в основу всех последующих неприятностей. Первым впечатлением Ричарда было, что Моррис здорово похож на водителя грузовика, свалившего гору булыжников посреди дороги, по которой ему же самому нужно ехать. Страйкер оказался крупным, обрюзгшим человеком, беспрерывно мусолящим во рту сигару. Он затерроризировал своего секретаря и до того запугал подрядчика, Майка Хагена, что тот соглашался со всем, что Моррис говорил. Что касается Ричарда, то Страйкер считал его просто обманщиком — Страйкер ожидал, что он англичанин.

Ричард обнаружил это три дня назад, когда в первый раз приехал на место работы. Он приехал в Провиденс, остановился в гостинице, вымылся, переоделся и отправился на Колледж-стрит. Страйкер и Майк Хаген уже были там и ждали его, сидя на заднем сиденье страйкеровского «Кадиллака». Когда Ричард припарковал машину и перешел через улицу, его взгляд остановился на симпатичном, но полуразрушенном большом особняке, который он собирался реставрировать. Страйкер и Хаген вышли из «Кадиллака» ему навстречу. Он безошибочно определил, кто из них подрядчик, а кто — клиент благодаря тому, что Страйкер был одет в светло-голубой костюм, сверкающую белую рубашку, белые туфли, на шее сверкала золотая цепочка. Подрядчики, по опыту Ричарда, обычно одевались так, что создавалось впечатление, что они подобрали дома ненужный хлам и натянули его на себя.

— Альби? — произнес огромный Страйкер — Мистер Альби?

— Да, рад познакомиться с вами, мистер Страйкер, — ответил Ричард. — Отличный дом в стиле короля Георга, хотя над ним нужно поработать.

— Я хочу, чтобы он выглядел самым дорогим домом в этом квартале, — заявил Страйкер и немного странно взглянул на него. — Это Майк Хаген, он будет выполнять работу. Майк и я учились вместе в одной школе, прямо здесь, в Провиденсе.

— Привет, — сказал Хаген. Он стоял позади Страйкера, руки в карманах.

— Что ж, мистер Страйкер, — произнес Ричард, — это должен быть очень интересный проект. Я вижу массу возможностей для использования современной техники, например при окраске.

Ричард раздумывал, какие красители нужно будет использовать, чтобы подчеркнуть четкие, ясные линии архитектуры восемнадцатого века.

— Эй, вы не англичанин, — неожиданно сказал Страйкер, — а мы предполагали, что вы англичанин...

— Я родился в Коннектикуте, — пояснил Ричард. — Мы прожили с женой в Лондоне примерно двенадцать лет, и именно там я начал заниматься реставрационными работами. Вот почему вы, видимо, и решили, что я англичанин.

— Тоби, — проорал Страйкер, оборачиваясь к «Кадиллаку», — Тоби, мы немедленно уезжаем отсюда.

Бесцветный блондин появился около передней пассажирской двери автомобиля и в напряжении остановился рядом с машиной.

— Он не англичанин, Тоби, — повторил Страйкер немного тише.

— Нет? — переспросил Тоби. — Я думал, что англичанин. Я имею в виду... он ведь из Лондона?

— Мистер Альби просто работал там, Тоби. Он из Коннектикута, ты должен был узнать это, как тебе кажется, Тоби?

— Да сэр, — сказал Тоби.

Майк Хаген стоял, спрятав руки в карманы, не глядя ни на кого и ни на что. У него был длительный опыт общения с Моррисом Страйкером.

Страйкер покачал головой, потом выкинул сигару:

— Но вы работали в Англии, а? — спросил он Ричарда.

— До сих пор вся моя работа проходила в Англии.

Страйкер вновь покачал головой:

— Что ж, нам лучше пройти внутрь, — он взглянул на Ричарда. — Я думал, понимаете, что вы англичанин, а вы просто переехали из Коннектикута, чтобы поработать в этой стране. Я хотел кого-нибудь из Англии.

— Мы можем сделать дом настолько английским, насколько вы захотите, — сказал Ричард, и тут он допустил ошибку.

13

Была суббота, четырнадцатое июня, прошла неделя с попытки кражи в доме Ван Хорна. Табби Смитфилд проснулся посреди ночи и почувствовал замешательство и странное ощущение, что время уходит от него. Он должен спешить, он должен бежать, но он не знает куда. Задыхаясь, он вскочил с кровати и бросился одеваться. Он опоздал в школу... он опоздал на встречу с бабушкой. Он натянул джинсы и через голову надел рубашку. В темноте он нащупал кроссовки. Он знал, что не должен шуметь — его отец находится в комнате внизу с Беркли Вудхауз и будет невероятно зол, если Табби помешает ему.

Беркли Вудхауз была женщиной, которую Табби видел с отцом как раз перед тем, как у него возникла серия видений в библиотеке. Кларк пригласил ее в «Четыре Сердца» на обед, и она поцеловала Табби, оставив на его щеке яркий след губной помады. Кларк и Беркли вернулись домой навеселе, а во время ужина опьянели еще больше. Она рассказывала о разводе с мужем, а он говорил о Шерри. Беркли привстала и наклонилась через стол, чтобы пожать руку Кларку. Сразу после ужина Кларк включил телевизор, и они с Беркли поднялись вверх. Указания были ясны.

Но сейчас Табби должен уйти, у него свой путь. Его ждет дедушка, и Дики Норман, и Гарри Старбек тоже.

Табби осторожно отворил дверь спальни, понимая, что что-то в его мыслях неладно, но он слишком спешил, и его все еще слишком окутывал туман сна, чтобы понять, в чем дело. Он быстро спустился вниз по лестнице. Дом был практически темным. Он толкнул входную дверь и шагнул в ночь, залитую таким ярким лунным светом, какого он никогда прежде не видел.

Дедушка ждет его. Нет, его ждет кто-то другой.

Он взглянул на небо, туда, где должна была находиться луна, и увидел лицо Гарри Старбека: увеличиваясь в размере, оно все ближе и ближе спускалось к нему. Бежать! Старбек приказывал ему, его белое лицо огромными прыжками пересекало тысячи миль воздуха. Бежать! Лицо Старбека выглядело мертвым — мертвым, как лунные скалы, и было цвета белого сыра.

Табби бежал от жуткой луны с лицом Старбека.

Он выскочил с Эрмитаж-роад и повернул к наклонной Бич-трэйл. Инерция подтолкнула его вперед, на какое-то мгновение сердце остановилось, и он завис в воздухе, словно горнолыжник, преодолевающий скоростную трассу. Но вот ноги коснулись поверхности земли, и он бросился вниз по Бич-трэйл. Нужно двигаться вперед; казалось, что тракт покрыт не асфальтом, а липким илом. Внезапно нога скользнула вбок, и он чуть не растянулся на дороге, с трудом сохранив равновесие, но уже через мгновение Табби опять стремительно бежал вперед.

Когда он добрался до дома Грема Вильямса, то увидел, что тот окутан красным заревом. Он ринулся вперед и вниз, склон оказался более крутым, чем думал Табби. На лужайке перед домом выгорел огромный круг, как раз на том месте, где неделю назад Табби бросил приемник Старбека. И от этого черного круга тянулась лента горящей травы, которая вела прямо к входным дверям. Табби подбегал все ближе и ближе к дому старика, он был не в состоянии ни остановиться, ни свернуть с тракта куда-то в

сторону. Мерцающие вокруг дома вспышки пламени становились все ярче и ярче.

Позади него парила луна с лицом Старбека и ее дыхание почти что толкало его в спину.

Сейчас Табби уже видел, что происходит внутри пылающего дома, он мог рассмотреть каждую комнату. Книжки, словно ястребы, лениво описывали круги в гостиной, а наверху, в спальне, словно вышедший из комиксов Дьявол душил Грема Вильямса. Табби был уже совсем рядом, он действительно был не в силах остановиться. В этот момент Дьявол, красный, с рогами, с толстым огромным лысым хвостом сжал в тиски шею Грема и повернулся к Табби. Табби увидел оскаленную морду. Морда была ужасна, дрожащий громадный язык размером с бейсбольную битку извивался, отплясывая дикий танец около рта. Массивный пенис напоминал огромную раздвоенную рогатину. Дьявол ударил Грема по голове и поднял тело, чтобы показать Табби, как оно безвольно болтается у него в руках.

Табби закричал, но вопль остался позади него, и его вынесло на Маунт-авеню; он всеми силами старался удержаться на ногах. Смертельное дыхание луны веяло в спину и гнало его вниз по Маунт-авеню.

Когда он добежал до исторической таблички перед стенами Гринбанк Академии, земля перед ним всплыла вверх, будто огромная могильная плита, и снизу вынырнули языки пламени. Огненная летучая мышь начала кружить над Табби Смитфилдом, глядя на него пустыми глазами, пока, наконец, не поднялась вверх. Заметив это, Табби мгновенно кинулся бежать прочь. Даже пламя белело в морозном серебристом свете, который изливала луна. Огненная летучая мышь взмахнула крыльями над пылающим домом Ван Хорна и скользнула над водой. Табби увидел, что она улетает по направлению к Миллпонду.

Конечно, он не мог разглядеть Миллпонт — он находился в миле отсюда, деревья и дома закрывали его, но Табби, как если бы он подпрыгнул или залез на забор, что шел вдоль короткой дороги к Грейвсендскому пляжу, увидел, что полыхают два участка. Они находились на одинаковом расстоянии от него, и ни один из них он не мог отчетливо рассмотреть. Справа Огненная летучая мышь уселась на местность, известную под названием «Высохшие поля». Табби увидел, как крылья мыши сносят верхушки уютных домов, увидел пламя, вспыхивающее под карнизами; он посмотрел налево и увидел, как разгорается кроваво-красный злой свет над мысом Кенделл.

Затем в обычном лунном свете он спустился с дороги на берег. Над верхушками деревьев в небе вспыхивали красные отсветы, но Табби не видел языков пламени.

Ему казалось, что последние десять минут он движется в сумасшедшем сне. Он с трудом взглянул на луну, но на ней не было и подобия Гарри Старбека. Он остановился на узкой дороге, что вела к берегу. И воздух вокруг тоже замер. Земля была твердой. Красный свет, мерцающий в небе между ним и «Высохшими полями», мог быть отсветом полицейской машины, подумал он.

Табби вновь взглянул на зарево, пытаясь разглядеть вспышки настоящего пламени, и вновь двинулся по дороге к берегу.

Подожди секунду, подумал он. Зачем мне идти туда? Почему не пойти просто домой?

— Ты действительно думаешь, что смог бы уснуть? — спросил он самого себя вслух.

По меньшей мере через неделю. Кроме того, я должен...

Что должен?

...пойти в воду.

Зачем?

Чтобы увидеть.

Он должен дойти до Саунда и посмотреть в воду. Это очень просто, правда? И все, что произошло — Гарри Старбек, и Дьявол, и Грем Вильямс, и Огненная летучая мышь, — было лишь прелюдией и интермедией того, что предстоит ему впереди; так что ему остается только пройти двадцать ярдов, чтобы шагнуть на песок и хорошенько приглядеться к морю.

Оттуда, где он стоял, Табби видел черную длинную полосу воды. Ему не хотелось ближе подходить к ней.

Пожалуйста.

Ветер подтолкнул его в спину.

Пожалуйста.

Пожалуйста сам.

Одна его часть хотела увидеть, что произойдет; другой же хотелось, чтобы это был последний акт ночного представления.

Табби шагнул вперед, ветер разметал волосы, парусил рубашку. Желудок сжался, и на мгновение он испугался, что его вырвет. Он вновь шагнул вперед, перепрыгнул через ограду и приземлился на песок. Теперь он был на территории Дракона.

Табби огляделся. Луна пропала, и мир казался безопасным. Справа от него небо все еще хранило неяркий оттенок красного цвета. Слева изгибался берег, один за другим расположились маленькие частные пляжи, отгороженные друг от друга длинными

плитами, напоминающими надгробия. Последний из них принадлежал когда-то его деду. Маленькие темные волны набегали на песок.

Шелест волн был единственным звуком, раздававшимся в ночи. Табби прошел по песку к гальке и темнеющей полоске отшлифованных морем голышей.

— Покажи мне, — сказал он.

Прибой около ног стал красноватым. Приглядевшись к воде, Табби обнаружил, что и она приобрела красный оттенок — красный вспыхивал в глубине и, поднимаясь вверх, превращался в черный, теряющийся среди поднимающихся волн. В воздухе разнесся запах крови, и в это мгновение появились первые мухи.

Они проснулись от запаха крови, которым была насыщена ночь, и уже через несколько секунд Табби подумал о том, что, видимо, все мухи Хэмпстеда прилетели поесть на Грейвсендский пляж. Тишина превратилась в единое монотонное жужжание. Табби замахал руками перед лицом, пытаясь отогнать мух от глаз и рта. Теперь деревянный помост пляжа и вся галька была покрыта темным шевелящимся ковром насекомых. Он чувствовал, как они ползут по ногам, как лезут в кроссовки. Гудение становилось все громче и громче, оно было все более ритмичным, и новые тысячи и тысячи мух усеивали кровавый песок.

— Покажи мне! — закричал Табби.

Он выплюнул мух, залетевших в рот, и увидел гигантскую красную волну, поднимающуюся в лунном свете. Волна катилась к берегу, и с каждым мгновением она все росла и росла — футов десять высотой, как показалось Табби. Он отступил назад и услышал, как затрещал под ногами живой ковер. Мухи яростно кружили над его головой. Полдюжины или больше облепили воротник и начали падать за шиворот рубашки. Башня волны изогнулась над Табби дугой, и он увидел отца и Беркли Вудхауз. Они были голыми и мертвыми, погребенными вместе внутри волны, и когда красная волна рухнула на берег, они выкатились из прибоя. В то же мгновение тысячи мух облепили тела. Когда на берег хлынула следующая волна, монотонное гудение стало еще более громким и более гипнотическим.

— Покажи мне! — прокричал Табби и увидел, как вдалеке Саунда подымается новая волна и на огромной скорости бежит к нему, с каждым футом становясь все более и более массивной. Она уже достигла пятнадцати футов, когда, изогнувшись на несколько мгновений зависла над берегом. Табби отбежал назад, давя сотни мух, и взгляделся в поднявшуюся дугу.

Сначала он увидел Грема Вильямса, его тонкие руки и ноги были сложены так, словно он родился в воде; затем перед ним появилось тело Ричарда Альби, не только голое, но изрезанное и изуродованное; а затем возникло мертвое голое тело Пэтси, которое прибило к труп Ричарда.

Волна крови обрушилась на Табби, и почти в то же мгновение кровь всосалась в песок, который тут же атаквали мухи.

Когда волна разбилась, швырнув тела его друзей на песок, на Табби хлынула лавина густой тягучей жидкости. Потеряв равновесие, Табби упал на песок; какое-то ужасное мгновение он смотрел в остекленевшие мертвые глаза Ричарда Альби, пока тело не отнесло в сторону. Табби погрузил пальцы во влажный песок и вцепился в него. Он вновь почувствовал, как руки обдала влага, увидел вонзившиеся в берег пальцы; кровь отхлынула, и Ричард Альби вновь вернулся в глубины Саунда. Он не мог увидеть другие тела. Табби вытащил руки из кровавого песка и поднялся. Мокрые мухи шевелились, пытаясь выбраться из кровавых луж, образовавшихся на берегу, тысячи других обнаружили Табби.

Они облепили веки, волосы, заползали в уши. Руки нельзя было рассмотреть под черными жужжащими перчатками.

Табби начал хлопать по мокрой рубашке, сбрасывая сотни насекомых и убивая не меньшее их число. Он протер глаза.

— Покажи мне! — закричал он. — Это ведь просто вода, и здесь нет никаких мух! Покажи мне, что ты действительно умеешь делать!

Через секунду, так быстро, что он не успел даже понять, как это произошло, Табби стоял посреди обычного Грейвсендского пляжа в сухой одежде; мух не было.

Затем мир шевельнулся и его вновь обдало слизистой густой кровью, в воздухе распространилось зловоние, на него опустились батальоны мух и закружились вокруг головы.

Табби охнул и отступил назад. Но поняв, что произошло, он засмеялся. Через секунду он умолк — он испугался Дракона и сделал движение в сторону, но тут же замер. Он захохотал, мухи набились в рот, но Табби продолжать смеяться. Затем он вновь прокричал:

— Я выиграл! Я выиграл!

Жужжащее черное облако поднялось вверх и облетело вокруг деревянного помоста, выбирая новую мишень. Туфли Табби промокли от крови, сам он тяжело дышал. Куда бы он ни бросил взгляд, повсюду он наткался на красный песок, мухи собрались в прожорливые шумящие группы.

— Они не умерли, — тихо проговорил Табби. — Мои друзья не умерли.

— Еще нет, — прошептала красная пена, выплеснувшаяся под ноги.

Оставившие его мухи перелетели на другое тело, которое вынесло на красный помост. Их жужжание становилось громче, и вскоре вновь раздавался ритмичный звук пожирания пищи. Поначалу Табби показалось, что они облепили тело Пэтси, и, расплющивая тысячи насекомых, он двинулся к ней, чтобы отогнать их прочь.

Но подойдя ближе Табби увидел, что тело слишком велико для Пэтси, а потом заметил, что оно также изрезано и изувечено, как и тело Ричарда... но это было тело женщины. Табби замер в нескольких футах от него. Он уставился на страшный испорченный живот, рядом с женским трупом валялся маленький комочек мяса, который должно быть был неродившимся ребенком. Мухи жадно накинлись на плод. Табби успел заметить невероятно крохотные пальчики, сжатые в кулачок. Теперь он знал, кем была мертвая женщина. Лаура Альби, жена Ричарда. Табби задрожал — из всего, что он видел, самым страшным были эти сцепленные пальчики неродившегося ребенка.

Красная вода шипела все громче и громче, наконец вязкая волна обрушилась на Лауру и плод. Табби двинулся назад, не в силах отвести взгляд от сцепленных тел. Он услышал, как забурлила и загрохотала вода, начинался шторм.

Облака сбивались друг к другу, закрывая луну. Справа красные блики в ночном небе не оставляли сомнений — горели дома. Сейчас Табби уже чувствовал запах дыма так же хорошо, как и могильную вонь кровавого прибоя. Подхлестываемые ветром волны обрушивались на берег. Красная пена бурлила у помоста, взмывая в воздух, словно раздуваемые ветром кровавые лохмотья.

Из воды вышвырнуло новое тело. Лаура Альби и крохотный плод исчезли в глубинах кровавого Саунда, и сейчас в перекачивающихся, кипящих волнах крутилось более массивное тело. Между ним и Табби мухи образовали густой гудящий ковер. Огромная нахлынувшая волна перевернула труп и вынесла его на помост.

Столб света хлынул с неба и ввинтился в песок слева от Табби.

Тело, распростертое на краю помоста, поднялось на колени. Одно плечо было разможено, — окровавленная кость торчала из распоротых тканей.

Табби отступил назад по направлению к подпорной стенке. Тело пыталось подняться, но это ему не удавалось. Табби узнал лицо Дика Нормана. Новая яркая вспышка пронеслась над Саундом. Дики наконец-то встал. Длинные аккуратные шрамы вскрытия тянулись

вдоль лба и грудной клетки. Рот был широко раскрыт, и кровь Саунда стекала на подбородок. Дики двигался к Табби.

И в это же время ветер, который подталкивал Табби по пути сюда, толкнул его по направлению к берегу. Там, где полыхал огонь, взмыли вверх искры и поплыли в дрожащих воздушных потоках.

— Нет, Дики, — сказал Табби.

В ответ на звук голоса Табби Дик Норман заскрежетал зубами.

— Ты ненастоящий, — произнес Табби, прижимаясь бедрами плотнее к подпорной стенке.

Ветер унес прочь эти слова и превратил их в странные звуки. Дики уже наполовину преодолел побережье, двигаясь сквозь ветер с протянутой вперед рукой. В воздухе летал пропитанный кровью песок.

— Дики, иди обратно, — беззвучно сказал Табби.

Челюсть Дика шевельнулась, из угла рта хлынул новый ручей красной жидкости. Табби показалось, что труп Дика Нормана пробормотал: «Я устал».

Без всякой на то причины, скорее повинувшись инстинкту безопасности, в сознании Табби пронеслось «Пэтси! Пэтси!»

Дики Норман сделал следующий шаг. Табби почувствовал, как сознание пытается нащупать Пэтси и в усиливающейся панике не может отыскать ее. На мгновение Табби показалось, что сознание погружается в огромный вакуум, какую-то физическую черную дыру, и Дики наклонил голову к изуродованному плечу и глядел на Табби так, словно только что пошутил с ним.

Пэтси!

Он услышал еле различимый ответ, такой же слабый как сигнал автомобильного радио или станции вещания библейских программ Теннесси.

Пэтси! Тревога!

Пэтси спала. Дик вновь шагнул к нему, все еще пристально глядя на Табби. Крохотный теплый ответ стал гаснуть.

Пэтси! Помоги мне!

(О, дорогой Табби, что?.. Табби?..)

Буквально мгновение еле ощутимого контакта, совсем немного, но Дик Норман упал на колени в шести футах от Табби. Табби вновь попытался найти в сознании Пэтси, но обнаружил лишь теплые угасающие пятна. Дик, пытаясь повернуться, упал животом на кровавый песок. Утих ветер и вновь вернулись мухи — сначала они уселись на плечо Дика, затем рассеялись по песку, потом окружили Табби. Он отгонял их от лица. Теперь искалеченное плечо Дика было полностью облеплено черным шевелящимся покровом. Ноги

Дика провалились в песок, его качало из стороны в сторону. Потоки крови брызгали в стороны, когда Дик продвигался по песку. Словно испорченный трактор, он отступал обратно к Саунду.

Табби знал, что не выиграл, но по крайней мере это была ничья. Благодаря почти что бессознательной помощи Пэтси Макклауд ему удалось сделать так много. Теперь Табби отчетливо ощущал запах пожара, разгоревшегося около Миллпонда.

Дик Норман добрался до деревянного помоста и шагнул на отмель. Табби заметил, как красный цвет Саунда стал блекнуть, переходя в темно-розовый, потом в фиолетовый и, наконец, превратился в чернильно-синий.

Табби был сухим. Ни мух, ни следов крови на одежде и кроссовках. Мягкие тихие волны шуршали у ног, выбрасывая на берег белую пену. Табби побежал по лестнице к раздевалкам и телефону-автомату.

14

Поздно ночью в ту же субботу произошли три события различной важности, связанные со страхами Ричарда Альби и Табби Смитфилда и указывающие направление развития после того, как был перейден последний рубеж. В субботнюю ночь Хэмпстед был безвозвратно ввергнут во вторую стадию разрушения.

Первым из этих событий был звонок Ричарда Альби Лауре в одиннадцать тридцать вечера, как раз в то время, когда Табби Смитфилд проснулся от внезапно охватившего его беспокойства и стремления безотлагательно бежать. Ричард очень устал после длинного вечера, в течение которого он слушал, как Моррис Страйкер разрушает все его первоначальные планы насчет дома на Колледж-стрит. Страйкер требовал ужасный внутренний интерьер в стиле «Баухаус», правда, Ричард выпил достаточно для того, чтобы пропускать его речи мимо ушей. Страйкер заказал бутылку коньяка пятилетней выдержки и настоял на том, чтобы Тоби Чамберс всем разлил его. Сам Чамберс был освобожден от выпивки, но Страйкер ясно дал понять, что Хаген и Ричард должны пить столько же, сколько поглощает он.

Лаура взяла трубку только на восьмом гудке, и Ричард неожиданно почувствовал себя лучше.

— Слава Богу, — сказал он. — Я знаю, что уже поздно, но я волновался.

— О чем волновался? — спросила Лаура.

— О... ты знаешь о чем. Клиент только что рассказал мне, что в Хэмпстедэ произошло еще одно убийство. Он прочел об этом в газете. Я думаю, что клиент садист. Он считает, что все это очень весело.

— Ты пьян? — поинтересовалась Лаура.

— Конечно, я пьян. Провести вечер с Моррисом Страйкером, не будучи пьяным, все равно, что поджариваться на медленном огне. Я не могу так рисковать. Страйкер — садист. Каждый вечер его приглашают в рестораны и там подают ему раздутые конверты.

— Ох, дорогой, — вздохнула Лаура, — я вижу, что ты не очень-то приятно проводишь время.

— Просто ужасно. По сравнению с таким времяпрепровождением медленное поджаривание это просто игрушки. Но расскажи, что произошло. Кто убит?

— Никто из тех, кого мы знаем. Садовник, работавший неподалеку от нас. Я думаю, что несколько раз видела его.

--- Уверен, что ты видела его. Так это он был убит? Где? Когда?

— Я не уверена. Тело обнаружили только вчера. Я думаю, он погиб несколько дней назад. Ричард, я очень устала. Ты разбудил меня, и мне не хочется сейчас об этом говорить. Я просто хочу, чтобы ты вернулся домой.

— Надеюсь, что это получится, — ответил он. — Я должен многое переделать, так что видимо вынужден буду задержаться на несколько дней. Пожалуйста, береги себя.

— Я буду осторожна, — сказала она. — В следующий раз звони в нормальное время. Я пойду спать.

— Я завтра позвоню, как только освобожусь от этого Ивана Грозного.

— Люблю тебя.

— И я люблю тебя. Почему ты не здесь, со мной?

— Ты уехал, — произнесла она.

Вскоре после этого звонка, Пэтси Макклауд пошевелилась во сне. Ее родственники этим вечером уехали к себе в Феникс, и в десять вечера у Пэтси уже просто слипались глаза.

Секундой позже словно сильный удар протолкнул что-то в ее сон, она помотала головой, так и не проснувшись. Перед нею возник Табби Смитфилд, Табби, который очень нуждался в какой-то помощи, как будто он был ее ребенком, и это ощущение материнства подтверждало, что она ему необходима. Он не был ранен, но ему угрожала ужасная потенциальная опасность, как если бы выпив полбутылки джина он уселся бы за руль машины, — и этому

взволнованному Табби она послала столько заботы, сколько могла передать. Через мгновение задрожали ресницы. Через открытое окно до Пэтси долетел запах дыма. Потом ее тело расслабилось, и запах слился со сном, в котором ведьма на краю леса варила что-то в громадном черном котле, а потом и эта картина превратилась в непрерывный поток.

К тому времени, когда Табби Смитфилд позвонил в пожарную службу Хэмпстеда из телефона-автомата над Грейвсендским пляжем, там уже раздалось два звонка об огне на Милл-лейн (официальное название «Высохших полей»). Две машины выехали из пожарного участка на Риверфронт-авеню, еще две проследовали из центрального отделения на Мейн-стрит. Когда первые прибывшие на место пожара сообщили о размерах пожара, Хэмпстед запросил у Олд Сарума еще две машины.

Добраться до Милл-лейн можно было только по узкому мосту, который пересекал Миллпонд, и, конечно, пожарные машины не смогли проехать по нему. Первые два автомобиля появились на стоянке рядом с мостом как раз в тот момент, когда шериф Гарри Ячен выскочил из машины. Пока Гарри шел вдоль моста, чтобы понять, сколько же зданий горит, на стоянку прибыли еще две пожарные машины с Мейн-стрит. Минутой позже вслед за ними подъехал автомобиль начальника пожарного отделения Тони Арчера. Выбравшись из автомобиля, он приказал пожарным соединить брандспойты в единую цепь — он уже чувствовал, как со всех сторон его обдаёт жар, доносящийся с моста, и он уже твердо знал, что большинство маленьких домиков будет потеряно. Через некоторое время вернувшийся с моста Гарри Ячен подтвердил это: полыхали все дома.

— Все? — спросил Арчер. — Черт, как это они все успели так быстро загореться?

— И есть еще кое-что, — произнес Ячен. Он провел рукой по лицу. Арчер знал, что собирается сказать Ячен, и знал, почему он колеблется. Шериф был уверен, что пожар не случаен — это поджог. Ячен собрался с духом:

— Все было подожжено в одно и то же время.

— Все восемь домов?

Ячен кивнул:

— Они загорелись в один момент.

— Вы говорили с кем-нибудь? — пожарные команды двигались с брандспойтами через мост.

Ячен покачал головой:

— Они внутри. Все они внутри.

— О, господи, — произнес Арчер, и вместе с шерифом они последовали за следующей пожарной командой, перебиравшейся через мост.

Пройдя немного вперед, Арчер увидел, что вызвало подозрения шерифа. Пламя, полыхающее на крышах всех восьми домов, уничтожило одинаковую площадь и теперь вилось над дверными проемами, образуя совершенно прямую линию из восьми горящих точек. Кто-то поджег эти домики. И этот человек убил находящихся внутри них людей. В таких домах спальни находятся на втором этаже, как раз под крышей. Сначала до жильцов добрался дым, а уже потом лежащих без сознания людей охватил огонь. Дым клубился над погибающими зданиями. Пожарные команды направили брандспойты на два ближайших дома.

Арчер, Ячен, пожарники пробивались сквозь одурманивающую сумасшедшую жару. Начали гореть лужайки перед особняками, внезапно оказался охвачен огнем клен, что рос перед желтым домиком доктора Харви Блау. Арчер показал пожарным из Олд Сарума на дальний конец: нельзя допустить, чтобы пламя распространилось на лесной массив, который отделял Миллпонт от Грей-всендского пляжа. Он уловил запах тлеющих остовов домов и сожженных растений, в ушах раздавался гул пожирающего поселок пожара. Воздух пронзил резкий свист, словно какие-то звери собрались у водопоя.

Все они мертвы, подумал Арчер о людях, заснувших на верхних этажах. Кто мог бы сделать такое? Хэмпстед, который на протяжении последних двадцати лет служил Арчеру домом, казалось, погрузился этим летом в безумие и жестокость, он становился все темнее и ненормальнее. Дети, которые топились... он знал маленького Шербурна и то, что с тем произошло, не имело никакого смысла; не больше его было и в том, что кто-то разлил жидкий парафин по крышам домов, чтобы потом поджечь их... Больше, чем когда-либо, огонь сегодня казался ему похожим на живое существо.

Он вглядывался в вьющиеся над крышами горящих домов клубы дыма. Огненная линия опустилась вниз, выбросив на площадки перед коттеджами маленькие пылающие шарики, словно разбрызгивая по траве капли воды. Пылающие капли пламени, упав на землю, раскололись на мелкие части. На какое-то мгновение Арчеру почудилось, что этот движущийся огонь действительно живое существо, так молниеносно побежал он по сухой траве. Масса черного дыма казалось тоже ожила, изгибаясь и корчась, она подымалась вверх.

Потом Арчеру показалось, что он видит, как в дыму что-то движется. Там, в черноте, мерцали и колебались темные тени. Прежде чем присоединиться к первой команде пожарников, Арчер вгляделся в извивающийся столб дыма. Взлетев над восьмью пылающими зданиями, он поднялся футов на двадцать в высоту. Птицы, подумал он, какие-то чертовы птицы оказались захвачены дымом... Но разглядев потом форму крыльев, он понял, что это летучие мыши.

Арчер видел их вытянутые шеи и открытые жуткие пасти; они парили в дыму так, как никогда бы не летали летучие мыши. Тысячи детенышей Дракона кружились в дыму, улетали и возвращались обратно, ловя горячие воздушные потоки.

— Арчер, — окликнул его шериф.

Первая команда пожарных боролась с пламенем в двадцати футах от него. Они соединили брандспойты вместе, и рухнувшие несколько тон воды тут же превратились в громадное облако пара. Находящиеся рядом пожарники побросали шланги и отбежали в сторону, освобождая путь распространяющемуся кипящему облаку. По-видимому, их собственные брандспойты раскалились в руках, потому что они бросили их, не успев даже соединить. Теперь люди кричали. Восемь человек оказались за огненным кругом, они откатились в кустарник, и, одурев от боли, сидели в нем; некоторые, обезумев, бежали прямо к еще большим огненным вспышкам — жидкие капли пламени скатывались с домов и падали между ними.

— Направляйте брандспойты на людей! — проорал Арчер шерифу и увидел, как тысячи маленьких Дракончиков вьются в дыму над его головой. Шериф взмахнул руками, пытаясь отогнать их, но тут же отдернул руку. Через мгновение Арчер заметил, что от рукава Гарри валит дым. И почти в то же мгновение рубашка шерифа Гарри Ячена занялась пламенем, от жара серые волосы завились, потом задымились и загорелись брюки. Арчер бросился к нему и попытался стащить с шерифа пиджак, чтобы сбить им языки пламени, но пиджак все еще висел на плече, когда Гарри Ячен застонал, страшно закричал и упал на землю, почти полностью обхваченный пламенем. Его кожа почернела и сморщилась, а Арчер все еще продолжал бессмысленно стаскивать с него пиджак.

Тони Арчер стоял посреди этого кромешного ада с висющим на руке пиджаком для гольфа и раздумывал о том, как быстро происходят все плохие вещи, когда внезапно облако огненных капель вылетело из-за домов и бросилось ему в лицо, затем проникло в легкие и забрало у Арчера жизнь прежде, чем успела загореться его одежда.

Пожар на Милл-лейн прекратился, так и не успев добраться до лесного массива, но от домов на «Высохших Полях» остались только восемь дымящихся фундаментов. Жители были опознаны по остаткам костей; все пожарные погибли в топке Милл-лейн буквально за несколько минут этой ночи.

Одна из пожарных машин, та, что стояла ближе всех к мосту, расплавилась от высокой температуры, но реальная температура в ту субботнюю ночь, как говорилось в выпуске «Газеты», была такой, что на мысе Кенделл, который находился в полумили воды отсюда, на дальнем конце оконечности Грейвсендского пляжа, земля оставалась теплой и на следующий день, а от коры многих деревьев шел дым.

15

Ричард Альби обещал себе, что позвонит Лауре в это воскресенье. Он собирался сделать это после завтрака, чтобы наверняка знать, что она будет дома, но в восемь часов утра он засел в номере гостиницы за чертежи и напрочь забыл обо всем. В полдень Ричард заказал сэндвич с пивом и продолжал работать, — он пытался найти компромиссное решение, чтобы удовлетворить желания Страйкера и в то же время учесть георгианский стиль дома и размеры комнат. Страйкер получит эти белые стены и даже яркое освещение, раз он так настаивает, а Ричард в свое время все равно протащит нужные детали. Он уже видел, как эти детали впишутся в общий интерьер, проект вновь оживал.

В шесть часов вечера он понял, что смертельно голоден, спустился вниз в ресторан гостиницы и заказал жаренный эскалоп, салат, полбутылки Монтраше и две чашки кофе; во время обеда он делал кое-какие пометки, и, покончив с кофе, немедленно возвратился в номер.

В одиннадцать тридцать Ричард вновь вспомнил о том, что хотел позвонить домой. Было слишком поздно — он не мог будить ее две ночи подряд. Ричард с некоторым тайным злорадством оглядел груды проработанных чертежей, потом разделся и лег спать.

В понедельник он позвонил домой в десять утра, но никто не отвечал. Видимо, Лаура ушла к Гринблату, подумал он. Он решил перезвонить ей перед обедом, даже если для этого придется найти телефон в каком-нибудь из ужасных страйкеровских ресторанов. Всю вторую половину дня в понедельник Ричард провел в особняке на Колледж-стрит, проверяя планы и еще раз убеждаясь в пра-

вильности принятых решений; перед очередным ритуальным обедом со Страйкером он вернулся в гостиницу. В пять тридцать он позвонил Лауре из своего номера, но вновь никто не ответил. Он позвонил вниз, портье, но никаких сообщений для Ричарда у того не было.

Страйкер позвонил в шесть и объяснил, как проехать к ресторану Пикмана. Ресторан находился минутах в двадцати езды от гостиницы, в северной стороне города, почти что в деревне. Это был перестроенный викторианский особняк, самый красивый из всех ресторанов, которые до этого выбирал Страйкер. Служащий отогнал машину Ричарда, и он прошел в комнаты, такие же красивые, как и фасад здания. Красные кожаные кресла, цветы, сверкающее стекло и блеск серебра; Ричард подложил наброски и эскизы под локоть и почувствовал себя в намного лучшем настроении, чем пребывал с тех пор, как впервые встретил своего клиента.

Страйкер, Майк Хаген и Тоби Чамберс появились через пятнадцать минут. Едва поздоровавшись с Ричардом, Страйкер тут же вызвал официанта и объяснил ему, что ему не подходит этот стол. Он находится уж слишком в центре, вокруг беспрерывно бегают, неужели никто здесь не помнит, какие столы нравятся Моррису Страйкеру? В середине тирады Страйкер закурил сигару и стряхнул пепел на отвергнутый стол. Официант предложил другое место, и Страйкер уселся за стол в дальнем конце зала, в самом углу.

— Не подумайте нас паршиво обслуживать только потому, что мы не сидим в центре, — предупредил он.

Они расселись за столом, Страйкер выбрал место у стены. В зале стоял шум разговоров.

— Здесь столько болтают, у меня от этого разыгрывается головная боль, — пожаловался он Ричарду.

— Зачем же тогда вы пришли сюда?

— Смена обстановки, просто смена обстановки. Да и Тоби нравятся такие дерьмовые заведения. — Страйкер сделал затяжку и, выдохнув дым, сказал Тоби: — Почему ты не прихватил с собой этого маленького ублюдка, который играет на банджо, чтобы я мог поговорить с ним? А? Позвони ему, и пусть явится сюда.

Тоби отправился звонить по телефону. Все это время Майк Хаген улыбался в потолок.

— Вы когда-нибудь берете с собой жену? — поинтересовался Ричард, и на мгновение Майк Хаген оторвался от потолка и взглянул на Ричарда.

— Какое ваше собачье дело? — громко ответил Страйкер. — Обед — это часть моей работы — часть работы, часть отдыха. Ясно?

Официант принес спиртное. Страйкер, проглотив порцию виски, подался вперед:

— Чем вы сегодня занимались? Были в особняке? Да? Великолпно. Чем вы занимались в воскресенье? Я собирался позвонить вам и забрать, чтобы поиграть в гольф, но что-то появилось. Этот тип, который играет на банджо, вот что появилось. Мы собираемся вправить ему мозги.

— Я проработал все воскресенье, — ответил Ричард, протягивая листы бумаги. — И действительно считаю, что нашел то, что нужно. Я хочу вам показать, как мы можем сделать нижние комнаты.

— Потом, — сказал Страйкер. — Я сейчас не буду этим заниматься. Я просто не хочу.

— Но мне бы хотелось узнать ваше мнение, — настаивал Ричард. — Я потратил много времени и должен скоро возвратиться в Коннектикут.

— Я сказал, что не желаю говорить об этом, — проревел Страйкер, — у вас, что, нет ушей? Это ваше чертово дело, сколько вы там работали, и меня не интересуют ваши дурацкие планы о возвращении домой. Я не хочу слышать все эти разговоры сегодня вечером. Просто сидите здесь и глотайте, что вам подают. На сегодняшний вечер — это единственное, что вы должны делать.

В этот раз Ричард был близок к тому, чтобы подняться и уйти. Но он не сделал этого. Если бы он был на лет пять помоложе, если бы Лаура не была беременна, он бы ушел незамедлительно; он все еще думал об этом, когда Тоби Чамберс плюхнулся на стул.

— Девять тридцать, — произнес он.

Страйкер хмыкнул. Он закатил глаза к потолку и выпустил струйку серого дыма:

— Позвони ему снова. Это слишком рано, я не хочу видеть его жирную физиономию, пока не решу повеселиться. Скажи, чтобы он был в одиннадцать. Мы еще будем здесь.

Чамберс поднялся и вновь ушел.

Мне необходима эта работа, говорил себе Ричард, Моррис Страйкер не просто грубый хам, он — это те десять тысяч долларов, которые приближают Ламп к колледжу.

Он выпил единым глотком полстакана и затем разжал кулак на левой руке.

— Выпейте еще, — сказал Страйкер. — Вы же здесь именно для этого, верно? Пейте!

В эту ночь Ричард добрался до отеля лишь в десять минут первого. Он позвонил домой, но номер был занят. Ричард пытался дозвониться пять раз на протяжении часа, но каждый раз телефон

был занят. Он поговорил с оператором телефонной станции и тот предположил, что на том конце просто плохо лежит трубка.

Во вторник утром Ричард вновь попытался дозвониться домой. Приняв душ, он тотчас же кинулся к телефону; обмотав вокруг себя полотенце, с мокрыми волосами он сел на кровать и набрал номер. Телефон довольно долго молчал, и Ричард был уже уверен, что номер скорее всего опять будет занят и обычные гудки не появятся. Но произошло другое. Когда молчание затянулось настолько, что Ричард уже был готов положить трубку и вновь позвонить, на линии что-то дважды щелкнуло и в трубке раздался непрерывный гудок. Он вновь набрал номер, тот же результат. Длинная пауза, два щелчка и непрерывный гудок. Ричард позвонил оператору и попросил узнать, что с номером. Когда и тот не смог дозвониться, он связался с оператором Коннектикутской телефонной станции. Тот, перезвонив Ричарду, сообщил:

— Очень жаль, мистер Альби, но на линии поломка и она временно не отвечает.

— Но это мой номер! — воскликнул Ричард.

— Временно он не работает, — повторил оператор, — но поломку устранят. Перезвоните попозже.

Ричард повесил трубку, вытер голову полотенцем, оделся. Он заказал завтрак, но через пять минут отменил заказ. Он не мог оставаться в номере, он слишком нервничал. Поломка на линии? Что это означает?

Через минуту он вышел из дома и принялся бесцельно бродить по улице. Он договорился встретиться с Страйкером и Хагеном на Колледж-стрит в одиннадцать тридцать, значит, ему нужно убить как-то три часа. Воздух был ясный и теплый. Рядом с гостиницей, в которой остановился Ричард, было разрушено старое здание, освободившее целый квартал города; теперь вокруг этого места выросли леса, словно виселицы над пустырем. Сквозь дым и пыль Ричард разглядел раздетых до пояса людей, их глаза защищали очки. Искры прыгали в этой бурлящей пыли, раздавался металлический стук молотков; до Ричарда доносилась возбужденная ругань старшего мастера.

Несколько минут Ричард, как загипнотизированный, смотрел на стройку. Один рабочий ритмично поднимал и опускал отбойный молоток: взмах и падение, вверх и вниз... Другой работал с тяжелой дроблю, под кожей на руках набухли мышцы. Периодически их окутывало облако пыли. На заднем плане маячил желтый подъем-

ный кран, который переносил какие-то неразличимые отсюда материалы.

Во рту непонятно почему пересохло, и его затрясло. Ему показалось, что в глубине этого клубящегося тумана из пыли и дыма вспыхивают языки пламени. Как будто он увидел маленький ад.

Он посмотрел на подъемный кран и увидел Билли Бентли, бегущего вдоль накрененной градусов на сорок стрелы желтого гиганта. ЛОРЭЙН, бегло прочитал Ричард черную надпись, мимо которой мчался Билли. Бентли добрался до самого края стрелы и, наплевав на земное притяжение, махал оттуда стоявшему внизу Ричарду.

Ричарда вырвало. Желудок резко сжался как раз перед тем, как он понял, что произойдет; теперь осталась только резкая, но постепенно проходящая боль в кишках и розовые брызги на грязном тротуаре. Он отошел в сторону, оглянулся и увидел, как Билли Бентли ползет вниз по прикрепленному к крану кабелю.

Ричард повернулся и побежал. Позади несло адское зловоние и рычание — Билли Бентли настигал его. Ричард завернул за угол и помчался вдоль улицы.

Вокруг него возник песчаный Провиденс. За спиной все еще слышались шум и рев стройки. Билли Бентли вынырнул из дверного проема и двинулся, пересекая улицу, по направлению к Ричарду. В солнечном воздухе запахло смертью и гниением.

Ричард круто повернул назад и побежал прямо по мостовой в обратном направлении. Завыли гудки, закричал человек. Цвет светофора не изменился, и мимо Ричарда на огромной скорости неслись автомобили. Он боялся, что от слабости упадет прямо здесь, посреди мостовой, и будет раздавлен колесами машин.

Наконец Ричард выбрался на тротуар. Вдали на холме стоял университет Брауна. Казалось, город полон солнечного света, пыли и дыма. Старомодные фонари высились вдоль холма и вели к университету. За ними в высоком чистом воздухе хранили свои тайны дома восемнадцатого века.

Билли прыгнул с подъемного крана с надписью ЛОРЭЙН и выскочил из ада — теперь ад был повсюду, и Ричард должен вернуться в Хэмпстед, в Гринбанк, на Бич-трэйл.

Он повернул к гостинице. Ричард видел Бич-трэйл, видел дрожащие огни старого дома Сэйров, видел как Лаура открывает дверь...

— Через пятнадцать минут я съезжаю, — сказал Ричард портье. — Пожалуйста, подготовьте счет.

Ричард забросил вещи в чемодан, захлопнул его, вышел из комнаты и нажал кнопку лифта. Он стоял в темном фиолетовом

холле и слышал скрип тросов за большими металлическими дверьми. Наконец над дверью загорелась лампочка, прозвенел звонок и перед ним распахнулись двери в просторный гроб. Запах, словно удар грузовика, чуть не придавил Ричарда к полу. В углу лифта, скрестив ноги, сидел Билли Бентли, на коленях у него лежала гитара. Он улыбнулся Ричарду светлой, грустной улыбкой. Казалось, что мясо буквально обваливается с его костей, но вид и поза Билли были такими живыми, что труп, сидящий на ковре лифта со скрещенными ногами, выглядел почти элегантно.

Ричард не мог войти в этотдвигающийся гроб. Если двери закроются, запах будет смертельным. Он поднял чемодан и подождал пока двери вновь не закроются, что они послушно и сделали. Затем он пошел к лестнице и открыл дверь. Ричард спустился с десятого этажа и оказался в вестибюле.

В одиннадцать тридцать он сидел в машине на Колледж-стрит, и ждал уже двадцать минут. Двери в машине были заперты, а на окнах подняты стекла. По радио выступал Рики Ли Джонс. Страйкера в доме не было и «Кадиллака» поблизости не было видно. Из окна верхнего этажа выглядывал, опершись на локти, Билли Бентли. В двенадцать часов и Ричард, и Билли все еще находились на своих местах, но радиостанция уже передавала Феба Сноу «Человек поэзии».

К часу дня Ричард невероятно проголодался и наполовину сошел с ума от напряжения; он должен ехать обратно в Коннектикут, но он не мог себе позволить уехать, не поговорив со Страйкером. Он взглянул в окно, в ответ Билли покачал головой.

В час тридцать на улице показался «Кадиллак», открылась задняя дверь, Тоби Чамберс бежал машину и открыл дверь Страйкеру. На Страйкере были темные очки, сверкающие черные ботинки, серый костюм из изысканного мягкого материала и темно-серая рубашка с воротничком-стойкой. На этот раз во рту не торчала сигара. Он выглядел спокойным и располагающим к себе, — Ричард понял, что он только что с ленча. Страйкер направился к машине Ричарда.

— Ну, поехали, — сказал он. — Теперь у меня есть время для ваших планов. Пошли внутрь и посмотрим, что вы там придумали.

— Я здесь уже больше чем два часа, — ответил Ричард, «Ну, поехали» — это все, что вы собирались мне сказать об этом?

Страйкер склонил голову и холодно взглянул на Ричарда.

— У меня появились неотложные дела. Я собирался только на одну встречу в ресторан, но вместо этого произошло пять или шесть. Так иногда бывает. Вы хотите, чтобы я поцеловал вам руку?

— Я хочу, чтобы вы поцеловали меня в задницу, Моррис, — произнес Ричард. — Я не могу более оставаться в Провиденсе. Я выхожу из этого дела прямо сейчас и уезжаю домой. Вы бы не поняли, почему, так что не буду обременять вас объяснениями.

Ричард открыл дверь машины, и в этот момент Страйкер произнес:

— Вы видно тронулись или что-то в этом роде. Тоби! Тоби!

Тоби, прекратив беседу с Майком Хагеном, побежал через улицу. Страйкер отошел на середину мостовой и стоял со скупающим выражением лица.

— Я уезжаю, Тоби, и выхожу из дела, — пояснил Ричард. — Я беспокоюсь о жене и я должен вернуться в Коннектикут. Кроме того, я не могу больше выносить моего клиента. Он один из самых плохих людей, которых я когда-либо встречал, и как бы я ни хотел, я просто не могу работать для него. Я не выдержу еще одну неделю сидения в этих ресторанах и дым его сигары. До свидания.

— Мистер Страйкер может сделать так, что вы никогда не получите другую работу, — очень медленно проговорил Тоби. — Мистер Страйкер может даже решить, что вас стоит немного дисциплинировать. Смотрите. Я пытаюсь помочь вам, мистер Альби.

— Я намного более дисциплинированный, чем мистер Страйкер, — отрезал Ричард, — а теперь уйдите с дороги, Тоби.

Ричард сел в машину и захлопнул дверцу.

Это был вторник, семнадцатое июня, и около двух часов дня Ричард Альби выехал на хайвей, который вел в соседний штат.

16

Поздно вечером Пэтси Макклауд сидела в старом кожаном кресле в гостиной Грема Вильямса. В руках она держала стакан, наполовину заполненный коктейлем, на поверхности которого плавали три кусочка тающего льда. Грем Вильямс в рубашке-хаки с погончиками и в янки-кепи расположился на тахте. Так же, как и Пэтси, он немного вспотел. На столике между ними стояла бутылка бомбейского джина, рядом с которой выстроилась батарея пустых банок из-под тоника и пластиковое ведро для льда, на четверть заполненное холодной водой.

Пэтси, не зная того, оплакивала Леса более искренне, чем при его родителях или наедине с собой.

— Я никогда не говорила его родителям, что он избивал меня, — говорила она. — У меня был один последний большой, жирный

шанс, но я не смогла использовать его... не важно насколько мерзко Ди повела себя со мной... я не смогла рассказать ей. Почему, как ты думаешь, так получилось?

— Потому что ты — порядочный человек, — ответил Вильямс. Он отпил из стакана. — Может быть, потому, что это не имело бы никакого значения. Его мать подумала бы или, что ты врешь, или, что ты это заслужила. В любом случае, совершенно очевидно, что родителям не очень-то приятно узнавать такие вещи про своих детей. Они предпочитают тот миф, который им известен.

— Это бы не имело значения, ты прав, — подтвердила Пэтси. — Она никогда не понимала кем был Лес... я имею в виду, что она никогда не понимала, что произошло с ним после того, как он покинул родительский дом. Она не понимала его успех, и она бы даже не заметила, как успех изменил его личность. У тебя когда-нибудь были дети, Грем?

— Никогда, — он улыбнулся.

— Почему ты так улыбаешься? О, я знаю. Потому что я забыла. Ты говорил мне раньше. Мы — последние в наших семьях. По крайней мере, пока не родится ребенок Ричарда.

Пэтси оглядела комнату:

— У тебя нет магнитофона или плеера, Грем? Я бы с удовольствием послушала музыку. Разве тебе не нравится слушать музыку?

— У меня есть радио, — он встал, пересек комнату и включил его. Он нашел танцевальную музыку, биг-бэнд наигрывал что-то похожее на «Комнату роз» или «Там есть маленький отель», мелодия звучала мягко и нежно.

— О, как мило, — она постукивала одетыми в колготки ногами. — Очень скоро я попрошу тебя потанцевать со мной, Грем. Тебе лучше быть готовым к этому.

— Почту за честь.

— Знаешь, когда я решила, что ты хороший парень? Это было в ту ужасную ночь, когда Лес размахивал пистолетом. Я увидела, как ты заслонил Табби. Господи, подумала я, это было так прекрасно. Он мог бы убить тебя.

— Большинство людей поступили бы так же, — Грем подошел к столу, налил немного джина и немного тоника в ее стакан. Он погрузил руку в ведро для льда и, вытащив три полурастаявших кубика, бросил их в стакан Пэтси.

— Вот как ты думаешь? — улыбнулась она, — Здесь, дорогой, ты ошибаешься. Ты так считаешь, потому что ты один из хороших парней. Знаешь, о чем я потом подумала? Я подумала о том, что там были трое мужиков, и мой оказался самым плохим.

— Он просто был пьяницей, — сказал Грем.

— Грем, старина, давай смотреть фактам в лицо, он был наихудшим. Но когда рядом были его родители, я вспомнила некоторые мелочи о нем, и знаешь, иногда мне интересно: мог ли у нас появиться шанс, и могло ли все сложиться иначе, понимаешь?

Пэтси рассказывала о Лесе эмоционально, иногда с грустью, иногда раздраженно, иногда с негодованием и обидой. Она продолжала пить, и Грем периодически наполнял ее стакан бомбейским джином. Один или два раза она чуть было не расплакалась. Грем Вильямс был не против этого, он хотел, чтобы она рассказывала обо всем, что приходит ей в голову. Он бы выслушал все с такой же серьезностью и добрым юмором. Он понимал, что очень часто женщины, особенно такие женщины, как Пэтси, тяжело переносят то, что их не воспринимают серьезно. И, может быть, в этом крылась основная ошибка ее брака: Лес Макклауд настолько серьезно воспринимал себя, что на долю его жены не оставалось никакой серьезности.

III ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ НЕУДОБСТВА

1

Шесть недель спустя после того, как произошла утечка ДРК-16 с секретного завода «Телпро» в Вудвилле, город Хэмпстед, отличался от того города, каким он был до 17 мая, — появившиеся изменения еще не были настолько огромными, насколько могли бы уже быть, но все-таки ничто не оставалось прежним. В кошмарах Ричарда Альби, Билли Бентли находился уже внутри дома: он разбил несколько окон и собирался поломать кое-какую мебель, прежде чем перейти к большим разрушениям. В Хэмпстеде дела обстояли по-разному. Отдыхающие все еще приходили на Грейвсендский и Саутельский пляжи, все еще проводились теннисные матчи и игроки потели, бегая вдоль частных кортов и кортов Рекет Клуба, люди все еще шумели и толпились на платформах станции Риверфронт и поезда в 7.54 и в 8.24 уносили их в Нью-Йорк; в одиннадцать утра по воскресеньям хэмпстедские завсегдатаи сидели на палубе Саутвильского Кантри Клуба и, потягивая любимую Кровавую Мери, глядели на плывущие вдалеке яхты и на кувыркающихся в прибое серфингистов. Но многие родители уже запирали детей на ночь в их комнатах — за те пять дней, что Ричард Альби провел в Провиденсе, в Лонг-Айленд Саунде утопились четырнадцатилетний мальчик из Хэмпстеда, семилетний мальчик из Хиллхэвена и двенадцатилетняя девочка из Олд Сарума.

К этому времени произошли четыре убийства, одно — произошло уже после убийства Бобби Фрица. Женщины, остающиеся одни в доме, стали очень осторожно открывать двери, спрашивая, кто пришел; шоферы, развозящие молоко, и разносчики почты теперь часто даже не звонили в двери хэмпстедских домов — они просовывали продукты и газеты в квадратное отверстие во входных дверях, громко стучали и уходили. Никто теперь даже не отваживался в одиночку гулять, предпочитали прохаживаться вдвоем или группами по три человека. Иногда посреди Мейн-стрит можно было увидеть стройную, элегантную женщину, которая внезапно начинала рыдать; и вы не могли понять, то ли она находится в разгаре бракоразводного процесса, то ли кто-то из ее детей отправился в плавание, из которого уже не возвращаются, то ли просто ей уже не под силу выносить все хэмпстедские волнения.

Да, все еще проходили теннисные матчи и собирались по воскресеньям в Кантри клубе на ленч завсегдатаи; и люди ходили к Гринблату и в Гранд Юнион и покупали пиво, запасные шпангоуты и брикеты древесного угля, так, словно шло самое обыкновенное лето. Но теперь разговоры на теннисных кортах и в клубе были скорее посвящены смерти и самоубийству нежели Уимблдонскому турниру, рынку ценных бумаг и колледжам, в которые должны были отправиться их дети, — близилась осень. Теперь разговоры велись о том, насколько быстро вы сможете выбраться из Хэмпстеда и сможете ли вы продать ваш особняк с тремя акрами леса, отстроенный шестьдесят пять лет назад в колониальном стиле и заложенный более чем двадцать лет назад. Но иногда беседа перескакивала на совершенно загадочные вещи, которые никто не понимал, и более того, не хотел понимать. Арчи Монаген пытался намекнуть своему адвокату и одновременно партнеру по гольфу Тому Флину, что вскоре после аварии Леса Макклауда на шоссе I-95, ему показалось, что он чувствует странный запах, исходящий от тех самых кустов, которые так беспокоили Леса.

Ронни Ригли могла бы ответить на вопросы о продаже этих домов с тремя акрами земли: если быть до конца откровенной, то стоимость дома в Хэмпстеде не превышает сейчас цены коробки крекеров, но продать их совершенно невозможно. С тех пор как было обнаружено четвертое тело и произошли самоубийства всех этих детей, их даже нельзя сдать в аренду.

Грем Вильямс заметил объявление «Продается» на лужайке Эвелин Хугхарт, но он ни разу не видел ни Ронни, ни другого агента по продаже недвижимости, демонстрирующих панораму около хугхартовского дома; вместо этого в один прекрасный день он увидел на Бич-трэйл грузовой фургон и Эвелин, наблюдающую за рабочими, которые выносили мебель из ее дома.

— Ты нашла покупателя, Эви? — спросил он.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, тем не менее я уезжаю в Вирджинию. Я больше не чувствую себя нормально в Хэмпстеде, — она, обернувшись, посмотрела на дом, где было видно, как за входной дверью рабочий укладывает картины в рамах. — Вы понимаете меня, мистер Вильямс?

— Прекрасно понимаю, — подтвердил Грем.

Он знал, что так поступает не она одна. Как и Черным Летом 1873 года, многие просто уезжали отсюда. Одни вдруг решали пораньше отправиться в отпуск, другие неожиданно вспоминали, что давно хотели показать детям Дымные Горы или что те же дети

уже полтора года не видели своих дедушек и бабушек. Теперь в каждом из двух кварталов уже был пустующий дом, иногда перед ним было помещено объявление о продаже, иногда нет; Грем был готов поспорить, что к августу в каждом квартале будет три или четыре пустых дома. И людей не будет волновать продается он или нет, — они просто захотят убраться подальше от этого места.

Эвелин Хугхарт внимательно смотрела на него, под золотистомедовой загорелой кожей просвечивала бледность, в глазах застыло странное выражение, которого не должно было бы быть у такой красивой женщины, как Эвелин Хугхарт.

— Хотелось бы знать, что вы обо всем этом думаете, — сказала она.

— Я думаю, что это дело рук только одного убийцы, — ответил он, считая, что ее интересует именно это. В Хэмпстеде многие люди предполагали, что Гарри Старбек совершил первые два преступления, а две вторые жертвы убиты каким-то «подражателем».

— Я не это имею в виду, мистер Вильямс. Вы заметили, что в Хэмпстеде не видно больше птиц, во всяком случае живых птиц? Они все похожи на этих, — носком ноги она показала на кучку перьев, валяющуюся в канаве на другой стороне улицы. В десяти метрах от нее лежала другая мертвая птица. — И знаете, кого еще вы больше никогда не увидите в этом городе? Кошек и собак. Их больше нет. Все собаки убежали, кошки просто исчезли... может, они все тоже убежали отсюда. Что вы думаете?

— Это — загадка, Эви. Я думаю этих птиц просто убили кошки.

— И в то же время вы прекрасно понимаете, почему я уезжаю из города. Я повторю. Интересно было бы знать, что вы думаете?

— Единственное, что я знаю, что такое уже происходило когда-то раньше — примерно лет сто назад, население города уменьшилось на половину.

— Сто лет назад, — ему послышалось какое-то отвращение в ее голосе. — Сто лет назад люди слышали такие вещи, которые не должны были бы слышать?

Он поднял брови, не понимая, куда она клонит, а Эви продолжала:

— Или видели вещи, которые не должны были видеть? Разрешите поделиться с вами, мистер Вильямс. В этом городе есть люди, неплохо разбирающиеся в электронном оборудовании. Существуют приборы, которые могут записывать голоса, а потом с помощью дистанционного управления вновь проигрывать их. Эти приборы могут записывать и воспроизводить голоса так, словно они звучат прямо рядом с вами, в соседней комнате, мистер Вильямс. И я

думаю, они умеют проделывать такие же штучки с изображением. Мистер Вильямс... не просто голоса, но и изображение! Движущееся изображение! Проецируемое прямо в вашу спальню! Не похоже ли это на то, что наши друзья в Москве хотели бы испытать на нас, мистер Вильямс?

Так политическая деятельность мужа и его взгляд на события на Бич-трэйл повлияли на Эви Хугхарт.

— Доктор Хугхарт объяснил мне многое, — продолжала она. — Они просто пробуют на мне свою технику, правда? Я для них подопытная свинка. Они испытывают какие-то лучи. Или направленное излучение, как там вы его называете. Вы один из их полковников? Вот какими они обычно бывают, не так ли, особенно высокопоставленные?

Эвелин Хугхарт что-то услышала, подумала, что что-то видит, и с тех пор ее сознание восприняло эту навязчивую идею.

— Вы должны оставить в покое наших кошек и собак, — проговорила она и, повернувшись, побежала по направлению к дому.

«МАССОВЫЕ УБИЙСТВА В КОННЕКТИКУТЕ» — гласил заголовок в «Нью-Йорк Пост» после четвертого убийства, а «Нью-Йорк Таймс» вопрошала: «ХЭМСТЕД: ПРОКЛЯТИЕ БОГАТСТВА?»

Именно эту вторую статью на установке «Телпро» в Монтане читали на экранах компьютеров Тед Вайс и Билл Пирс. «Телпро» платило за доступ к материалам «Таймс» и за телеграфную службу, чтобы как-то разнообразить их изоляцию.

— Мы должны рассказать, — заявил Пирс, и Вайс согласился, но одного он не понимал — сообщение в «Таймс» об утопившихся детях, похоже, совершенно не связано с действием ДРК-16.

Хэмпстед был, казалось, проклят, и не только потому, что богатое фешенебельное положение города было потеряно; то, что происходило с городом, походило почти на библейские несчастья. Тревоги Хэмпстеда вышли за рамки обычного страха из-за собственной безопасности или параноической подозрительности к незнакомым людям, которые вошли в привычку, они превратились в тревогу души. Казалось, что город карает сам себя, словно сумасшедший, который убил и изувечил четырех человек, был создан какими-то самыми глубинными и самыми тайными побуждениями Хэмпстеда, — это было наказанием за богатство. Богатство, да. Наказанием за нечестное, несправедное богатство.

Жители Хэмпстеда, которые двадцать второго июня не пошли в церковь, могли увидеть интересное зрелище — съемочная группа

медленно ехала вдоль середины Саутвил-роад, транслируя репортаж корреспондента Си-Би-Эс в студию Нью-Йорка. Хэмпстед и его страшные волнения — вот о чем рассказывал Чарльз Куралт в «Санди Морнинг». Корреспондент в очках с толстыми стеклами выглядел одновременно и очень доброжелательно, и взволнованно. Он вышел на Саутвильский пляж и, глядя через плечо на спокойно плещущуюся воду, произнес:

— В этом месте встретили смерть Томас и Мартин О'Хара и девять других детей — здесь, на этом уютном берегу. А наверху, на Блуфиш-хилл, в доме стоимостью в триста тысяч долларов, буквально в ста ярдах от того места, где снимается репортаж, погибла Эстер Гудолл, вторая жертва массового убийства в этом городе. Смерть не выбирает людей, ей все равно какое положение они занимают. И сейчас здесь, в Хэмпстеде, Коннектикут, всех волнует, почему все складывается так ужасно, почему страшные сны становятся трагической явью.

Еще один взгляд на тихо подкатывающийся прибой.

— Двигайся на меня, Чарльз.

2

Через день после того, как репортер Си-Би-Эс предположил, что Хэмпстед заслужил все неприятности, потому что это богатый город, Сара Спрай в шесть вечера все еще работала в редакции, пытаясь написать статью для «Газеты». Сара бы назвала эту заметку «страницы раздумий», и она намеревалась продемонстрировать, что действительно много думала над происшедшим. Она видела передачу «Санди Морнинг» — передачу, которую весьма уважала. К сожалению, у Сары возникли сложности с обычными бессознательными действиями — она хотела изложить на бумаге определенные идеи, но привычная, не требующая усилий связь между сознанием Сары и ее пишущей машинкой на этот раз подвела.

Обдумывая фразу, а это обычно заставляло ее сконцентрироваться, она автоматически застучала по клавишам пишущей машинки, но спустя несколько минут увидела, что большинство слов напечатаны так, словно она пребывала в лунатическом состоянии: напечатано было совсем не то, что она представляла. Первый параграф звучал так:

«Получаем ли мы отказ от Оригона? Этта пазорный риззультат атсутствия контроля за звездами и девушками. Так многа разных слоняются взад и вперед дикломируя стихи про чуму перед пьяным

взором садовника Роберта Фрица. Лесная ведьма снова устрашала и сомневалась».

Сара взглянула на эти строки, какое-то мгновение она видела в них те предложения, которые, ей казалось, она печатала, но уже в следующую секунду перед ней всплыла ужасная белиберда, которую она напечатала в действительности. Сара потрясла головой — как будто туман стоит в глазах. Она вновь попробовала печатать, ее пальцы начали выстукивать «Теперь мы должны плыть против течения вины, которую...» Сара поднесла страницу к глазам:

«Голые пловцы над плыть ротив, говоря которые...»

Она отдернула пальцы от пишущей машинки.

Сара Хендерсон Спрай никогда не думала о том, чтобы стать журналистом, готовящим колонку слухов. И, несмотря на это, именно так воспринимало ее большинство читателей, хотя «Что Сара видела» — было только маленькой частью ее обязанностей в «Газете». Она редактировала и готовила макет для второй половины газеты, она писала об открытии художественных выставок, о спектаклях, поставленных в театре Хэмпстеда и театре Глена, и она все еще делала основные репортажи — то, что было ее первой работой в газете, когда Сара Хендерсон закончила второй и последний год в Патчинском университете. Репортажи и только репортажи — вот то, чем она хотела заниматься. Желание понять, как все происходит, было у нее в крови. «Газета» превратилась в ее дом, и она никогда не хотела ничего другого, кроме того, что она ей давала.

Конечно, благодаря «Газете» произошло ее первое столкновение с трагедией. Ей тогда исполнилось двадцать пять, и как самого молодого сотрудника ее послали в 1952 году в Саутвильский Кантри Клуб сделать репортаж о самоубийстве Джона Бейтса. Она захватила фотоаппарат и записную книжку. Когда она появилась на берегу за зданием клуба, там все еще лежало тело мистера Бейтса. Сара сфотографировала полицейского, официанта, обнаружившего труп, Бонни Бейтс и Грема Вильямса, и, наконец, смирив спазмы, сжимающие желудок, сняла мертвого адвоката. Джой Клетцки, более известный под именем «Гвозди», потому что двадцать лет до того, как стать полицейским, он проработал столяром, стоял неподалеку на берегу, положив руки на большой толстый живот, и рассказывал о мальчике, которого звали Джон Рей, мальчике, который утонул на этом месте четыре дня назад... Клетцки было шестьдесят три года, через два года он ушел на пенсию; через три он покончил с собой. Череп Джона Бейтса раскололся, мозги

вытекли на землю, лицо почернело. Сара сделала фотографию, потому что этого требовал редактор, но ей не хотелось даже смотреть на нее. Она обошла тело, чтобы поговорить с Бонни Бейтс, которую поддерживал Грем Вильямс. Ночь была жаркой и влажной. На рубашке Вильямса под мышками выступили огромные пятна пота.

— Не сейчас, Сара, — мягко сказал он, и этим заслужил ее уважение. А потом вызвал даже некоторое расположение, сказав: — Завтра мы, наверное, пойдем в офис Джона. Может быть, вы могли бы встретиться там с нами? Бонни не в состоянии сейчас о чем-нибудь говорить.

И она пошла в офис и в телефонной книжке записала имена: «Принц» Грин, Бейтс Крелл.

Работы в газете становилось все больше, и роль Сары в деятельности округа Патчин становилась все более важной — Сара была целеустремленной и полностью преданной своему делу. Когда бывала закончена работа в «Газете», она охотно посещала встречи женщин-специалистов, работающих в газетах и журналах, вечеринки, посвященные созданию какого-либо фонда, и благотворительные балы... Дело в том, что за те тридцать лет, что прошли с того момента, когда она пыталась сфотографировать тело Джона Бейтса, Сара стала обязательной частью социальной и профессиональной жизни округа Патчин.

Она отодвинула от себя машинку, еще раз пробежала глазами напечатанную чепуху и вздрогнула. «Голые пловцы» — эти слова вновь бросились ей в глаза. Она видела маленьких О'Хара так, словно знала их. Томас улыбался, а крошка Мартин сердито хмурился, волнуясь из-за очередных перипетий «Звездных войн». Сара подошла к одному из столов, стоящих в офисе «Газеты», и взяла обычный карандаш и бумагу.

— Спокойной ночи, миссис Спрай, — попрощался Ларри, журналист, который уходил домой, и отдал ей позвякивающую связку ключей. — Вы последняя остались сейчас... проверьте, когда будете запирать.

— Я не забуду, Ларри, — ответила она. — Спокойной ночи.

Ларри вышел, открыв входную дверь, на Мейн-стрит, и Сара оглядела пустой офис. Она задумчиво постукивала карандашом по столу. Что-то произошло с ней... что-то произошло с целым городом, но странное состояние, охватившее ее, может стать инструментом, который поможет определить, что же действительно нанесло удар Хэмпстеду.

«Неразборчивая писанина, — написала она на бумаге или во всяком случае надеялась, что написала. — Похоже на дислексию.

Что могло бы послужить причиной этого? Другие симптомы: тяжелая голова, звон в ушах — у некоторых раздваивается зрение. Усталость. Эта болезнь общая для всего города. Расстройство функций мозга?

Солнечные пятна?

Ядерная утечка — радиационная болезнь?

Химическое воздействие?

Распространение химикатов, возможно в результате дорожной аварии?»

Она еще раз проглядела перечень, который набросала на листке, кивнула и, проведя под ним две толстые жирные линии, набросала вторую колонку:

«Что знаем о предыдущей истории — истории города.

Предыдущие массовые убийства. Было ли такое?

Предыдущие самоубийства детей. Были ли?

Необходимы связи, а также сведения по м.у. и д.с.».

Сара поднесла листок к самому лицу и внимательно перечитала каждое написанное слово. Вместо «массовых убийств» получились «маковые убийства». Она исправила предложение. Все остальное выглядело именно так, как она и хотела написать, что лишний раз подтверждало, что письмо от руки и в более медленном темпе в большинстве случаев решает проблему.

Она решила потратить немного времени, чтобы исследовать второй столбик; это было характерно для нее: если что-то не выходило с написанием, то она умела сконцентрироваться на еще чем-нибудь, до тех пор, пока то, что она хотела сказать не складывалось само по себе. Она очень внимательно приглядывалась к вещам — это было девизом ее жизни. И сегодня вечером ей повезло: газета, в которой она работала, издавалась в Хэмпстеде с 1875 года, тогда она имела вид маленькой двухстраничной брошюрки, а до того газета вообще представляла большой лист бумаги, на котором текст печатался только на одной стороне. (В 1873-м и 1874-м в Хэмпстеде вообще не издавались никакие газеты, но Сара не знала об этом.) Ранние издания, начиная с номера, вышедшего 3 января 1965 года, копировались на микропленку. В 1968 году старый наборщик по имени Билл Биксби в качестве личной инициативы начал создание гигантского рукописного указателя всех выпусков «Газеты». Биксби работал по ночам, уик-эндам и выходным — по-видимому, это стало основным делом его жизни. Даже после того, как наборщик вышел на пенсию, он все равно продолжал каждый день приходить в редакцию, чтобы работать над указателем. Он очень гордился тем, что создал. Сара вспомнила, как однажды он сказал ей, что в этом

указателе собраны такие сведения о Хэмпстеде, о которых никогда не знала ни она, ни Стен Блокетт; и действительно, в указателе рассказывалось о Хэмпстеде несравненно больше, чем рассказывалось о нем в самой «Газете».

В настоящее время существовало две копии указателя Биксби: одна находилась в Хиллхэвене в Историческом обществе Патчина, а вторая в редакции, в комнате с микро пленками, на полке над проектором.

Указатель в редакции называли просто «Биксби». И если журналисту нужно было сделать статью о необходимости сохранения болотистых местностей и о том, как городские власти относятся к проблемам осушения, Блокетт советовал ему «заглянуть в Биксби». Старый наборщик заслуживал доверия.

Сара прошла в комнату, расположенную в дальнем конце здания, включила свет и сняла с полки тяжелый том «Биксби». Она положила его на стол позади проектора и листала до тех пор, пока не добралась до буквы «У». Она перевернула еще несколько страниц и наконец нашла столбец с заголовком «Убийства».

Сара окинула взглядом найденный столбец. Поначалу он казался длиннее, чем она ожидала, но Сара обнаружила, что все статьи сгруппированы вокруг трех основных дат. Первая группа относилась к 1898 году, вторая — к осени 1924, третья приходилась на сентябрь 1952 года.

Видимо, это был «вклад» Биксби в историю города, потому что в 1952 году в Хэмпстеде не было никаких убийств. Иногда старый наборщик использовал указатель, чтобы сделать некоторые заключения, которые никогда не делала газета. Если, например, вы просматривали раздел «Фонды, незаконное присвоение...», то одна ссылка приводилась на статью о том, что начаты работы по расширению шоссе номер 7. В ней рассказывалось о том, в какую круглую сумму обошлось городу строительство. Вторая ссылка указывала на заметку, повествующую о том, что строятся новые трибуны на крытом стадионе на Рекс-роад. В обеих статьях фигурировало одно и то же имя подрядчика и упоминалось, что он приходится братом известному члену городского управления. Далее еще один указатель приводил к маленькому сообщению светской хроники, в котором рассказывалось, что этот член городского управления недавно за триста тысяч долларов приобрел новый особняк. Это и был тот вид не прямых комментариев, благодаря которым «Биксби» содержал больше данных о жизни Хэмпстеда, чем сама газета.

Сара вынула катушку микрофильма и поставила ее в проектор. Она прокручивала ее до тех пор, пока не увидела первую полосу

первого выпуска «Хэмпстедской газеты», затем она сфокусировала изображение так, чтобы можно было различить даты, не напрягая зрение и не прищуриваясь, после чего начала листать страницы, пока не дошла до 1898 года.

«Житель Хэмпстеда обвиняется в смертях в Вудвилле», прочла она. Тремя номерами позже была опубликована статья под заголовком «Тайная жизнь Грина: разврат после семинарии». И шестью месяцами позднее — «Грин приговорен». Из помещенных в газетах статей следовало, что Робертсон Грин совершал убийства проституток в Норрингтоне и Вудвилле.

Следующая статья касалась фермера, жившего на границе Олд Сарума и зарубившего топором свою жену. Сара не стала делать заметок об этом случае; она извлекла катушку из проектора и вставила следующую. Теперь она перенеслась в лето 1924 года. «Газета» стала более обширной и шрифт читался значительно легче. На первой странице по-прежнему публиковалось много рекламы и объявлений, но уже появились фотографии и рисунки.

В экземпляре, включенном Биксби в указатель, на первой странице были напечатаны фотографии женщин — трех женщин, найденных мертвыми на болотистом западном берегу реки Наухэтэн в первую неделю лета. «Волна смертей продолжается», — гласили крупные черные буквы заголовка статьи, помещенной в номере газеты от 21 июня 1924 года. «Другая жертва?» — вопрошал заголовок 10 июля, и под ним помещалась фотография женщины по имени миссис Делл Клейбрук. Миссис Клейбрук исчезла из своего дома вечером 8 июля. «И еще одна?» — опять волновалась «Газета» от 21 июля. Под заголовком была напечатана фотография дерзкого, с пренебрежительно-вздернутым носом лица миссис Артур Флетчер, которая также исчезла из дома в то время, как ее муж находился в Нью-Йорке. «Шестая жертва?» — спрашивала «Газета» у читателей 9 августа. Миссис Клейбрук и миссис Флетчер все еще числились в пропавших без вести, когда Гораций Вест, вернувшись домой из поездки на мельницу на Фолл Ривер, обнаружил необъяснимое исчезновение жены Дейзи. Два дня спустя Дейзи Вест все еще отсутствовала, и мистер Вест, явившись в полицейский участок, обвинил начальника полиции Клетцки в бездействии. Начальник полиции Клетцки был вынужден применить к крайне возбужденному мистеру Весту меры физического воздействия. Ни один из участников конфликта не возбудил судебного дела против другого.

Следующая включенная в указатель статья совершенно сбивала с толку, так как она не имела ничего общего с убийствами. Это было небольшое сообщение на шестнадцатой странице относительно кон-

фискации рыболовного судна, принадлежащего мистеру Бейтсу Креллу. Совершенно очевидно, что мистер Крелл покинул Хэмпстед весьма внезапно; как намекала статья, как раз перед тем, как кредиторы собирались упрятать его в тюрьму.

«Бейтс Крелл? — подумала Сара. — Так, так...» Давал ли Биксби понять, что Крелл был последней жертвой неизвестного убийцы 1924 года? Сара полагала, что так оно и было, но она никак не могла понять, почему имя этого незадачливого рыбака казалось ей таким знакомым.

Когда Сара добралась до номеров газеты за 1952 год, включенных в указатель Биксби, она обнаружила перед собой свою первую серьезную статью, написанную для «Газеты»: «Джон Сэйр покончил с собой». Здесь же были две фотографии, сделанные ею в тот ужасный день: Бонни Сэйр рыдает, закрыв лицо затынутыми в перчатки руками, и задний двор Кантри клуба, небольшая полоска комфортабельно оборудованного пляжа.

Да, все так! Но причем здесь убийство? Эта статья без всякого сомнения должна находиться в разделе «Самоубийства». В «Биксби» так много разделов, почему же он поместил этот совершенно ясный случай в раздел «Убийства»? Никто никогда не предполагал, что кто-то, кроме самого Джона Сэйра, лишил его жизни. Сара машинально перелистала страницы, дошла до раздела «Самоубийства» и проверила даты — так оно и есть, здесь она и находилась, эта статья.

Сара взглянула на сделанные заметки. На левой стороне желтого листка, отдельно от более подробных описаний, она записала:

1898, Р.Грин.

1924, второй случай массовых убийств.
(исчез Б.Крелл).

Теперь она добавила:

1952, Дж. Сэйр (?)

И под этим:

1980, Фрайдгуд, Гудолл и др.

И, глядя на эти краткие заметки, она вспомнила... Она вспомнила, как стояла в офисе Джона Сэйра, а его жена и секретарша в это время рыдали в объятиях друг друга; она вспомнила как подошла вместе с Гремом Вильямсом к столу адвоката и они увидели

нацарапанные на блокноте фамилии: Грин и Крелл. Рассказывала ли она об этом старому Биксби, спрашивала ли его относительно этих фамилий? Сара не могла припомнить, но во всяком случае Биксби поместил их в указателе вместе. Убийца проституток, сбежавший из города рыбак (возможно, убитый) и респектабельный адвокат. Какая связь может быть между ними? И какая связь может существовать между ними и событиями, происходящими в Хэмпстеде в 1980 году?

Сара обвела имена и даты кружками и выпрямилась в кресле перед проектором. Она заметила, что между каждым из инцидентов проходило приблизительно тридцать лет. За исключением периода 1950-52 годов, каждые тридцать лет в Хэмпстеде возникала серия убийств. Да нет, не совсем так, поправила она себя, ведь Грин совершал убийства в Норрингтоне. Таким образом, убийства вблизи Хэмпстеда или в самом Хэмпстеде случались на протяжении жизни каждого поколения.

Вдруг редакция «Газеты» показалась Саре темной и холодной. Она выключила проектор. Сара уже знала, что сколько бы она ни изучала прошлое, эта ситуация будет повторяться и повторяться до бесконечности с тех времен, когда люди еще не населяли Коннектикутское побережье, когда звери вдруг теряли разум и бросались друг на друга: медведь — на медведя, волк — на волка, и так каждые тридцать лет.

Саре захотелось спрятаться — это была ее первая инстинктивная реакция на сделанное открытие. Выключить свет, забиться в укромный уголок и сидеть там, скорчившись, пока нельзя будет безопасно выйти наружу. Но будучи Сарой Спрай, она вместо этого протянула руку к телефону.

3

В то самое время, когда Сара Спрай пыталась дотянуться до телефона, то есть после семи часов, мужчина, не по сезону облаченный в пальто и твидовую шляпу, вынырнул из порнотеатра на Сорок второй западной улице Нью-Йорка. Мужчина посмотрел по сторонам и двинулся в восточном направлении к Америк-авеню. Руки он засунул глубоко в карманы, но видневшиеся из-под обшлагов рукавов белые полосы свидетельствовали, что руки забинтованы. Его лицо было также покрыто бинтами. Когда ему показалось, что он привлек внимание одного из уличных завсегдатаев — одной из тех небезопасных личностей, что проводят круглые дни на Сорок второй улице, — мужчина спрятался за спиной крашеной блондинки

в облегающих атласных шортах. Она шепнула ему: «Пойдем со мной? Пойдем?», и он скользнул в здание, когда-то бывшее кино-театром.

В большинстве маленьких и больших городов забинтованный с ног до головы джентльмен, напоминающий Клода Рейнса из «Человека-Невидимки» и одетый в середине июня в пальто и шляпу, совершенно справедливо привлек бы к себе внимание окружающих; в большинстве маленьких и больших городов вокруг такого человека зазвучали бы вопросы и насмешки, на него бы бросали любопытные взгляды и указывали пальцем. Но здесь была Сорок вторая улица, и большинство тех, кто видел Лео Фрайдгуда в погоне за сексуальными приключениями, принимали его просто за еще одного сумасшедшего. Лео, которого в округе Патчин называли бы «перестраховщиком», понимал, что слоняться в одном из самых беспокойных районов Нью-Йорка — дело опасное. Но он совершенно справедливо рассуждал, что таинственный и самоуверенный вид создают определенную безопасность; тогда как таинственный и немощный вид только увеличивают вероятность нападения. Конечно, если по какой-то причине разорвется сплетение бинтов, ему придет конец. Такая возможность существовала, и это заставляло его двигаться осторожно, крадучись, украдкой поглядывая по сторонам. Но лучшим оружием оставались все же высокомерие и надменность. Здесь отлично усвоили — если ты можешь заплатить за то, что желаешь, то оно твое.

Кроме всего прочего, он просто не мог уйти. Лео Фрайдгуд всегда был болезненно любопытен, особенно в отношении сексуальных сцен. Наиболее сильное сексуальное удовольствие он получал, наблюдая или воображая любовные акты между другими людьми. Даже во время близости со Стоуни, он представлял ее вместе с другими мужчинами, с которыми сам же и побуждал ее встречаться. Он вкрадчиво, но настойчиво подталкивал ее к этим встречам (Лео никогда прямо не говорил об этом Стоуни). Со смертью Стоуни он решил, что его сексуальная жизнь тоже умерла. Лео до сих пор испытывал унижение, причиненное ему Томми Турком. Это унижение казалось могильной плитой, придавившей всю его сексуальную жизнь. Обнаруженные на теле белые пятна, их медленный, но неумолимый рост, также вносили свой вклад в угасание желания, но странным и извращенным образом: чем больше белые пятна покрывали его тело, тем более навязчивой становилась проблема пола. Лео не мог больше действовать, но действия всегда имели для него второстепенное значение. Лео полностью порвал с «Телпро» и генералом Ходжесом — никто в «Телпро» не знал, что с ним

произошло, — но порвать с глубочайшими фантазиями оказалось невозможным. Это и привело его сюда, на Сорок вторую улицу.

Лео проскользнул незамеченным мимо ряда будок, демонстрирующих каждые две минуты за четверть доллара фрагменты порнографических фильмов, протянул пятидолларовую банкноту лысому человеку, сидящему в кабинке кассы, тот подтолкнул ему его пять долларов, размененные по 25 центов. Лео нырнул в маленькую темную комнату, где потратил доллар, наблюдая за тем, как четыре школьницы старших классов насилуют костлявого темноволосого мужчину с резко выраженным изгибом пениса. Затем он вышел оттуда и отправился на задворки старого театра, где под аркой виднелась надпись «Обнаженные живые девушки — 25 центов». Ряд дверей, напоминающих стенные шкафы, тесно прилегающие один к другому, образовывали полукруг. Лео открыл дверь, над которой не светила красная лампочка, шагнул в темноту и вложил четверть доллара в щель. Металлический диск внутри кабины поднялся вверх.

Лео смотрел в круглое, хорошо освещенное пространство: на полу была расстелена искусственная тигровая шкура, в дальнем углу стояла покрытая пластиком софа. По сторонам этого круга располагалась серия таких же дискообразных окон, как и то, в которое смотрел он. Примерно на половине из них были подняты металлические ставни. Мужские лица, выглядывающие из этих окон, напоминали портреты обитателей ада — казалось, они покрыты блестящей красной краской. Все лица были повернуты в сторону женщины, которая танцевала под песню Брюса Спрингстина в центре круглого пространства. Это была красивая пуэртиориканка, Лео рассмотрел ее, когда она обернулась и, вскинув вверх копну густых волос, стала приближаться к его окну. В окне прямо напротив Лео, высунув извивающийся язык, безумно скалился огромный негр. Девушка взглянула на Лео и, казалось, не заметила бинтов; отсутствующее, почти мрачное лицо по крайней мере не изменило выражения — ни морщинки на чистом лбу, ни следа интереса в глазах. Она резко повела правым плечом, подняла вверх правую руку, маленькая коричневая грудь дрогнула, и великолепное тело, медленно поворачиваясь, двинулось вдоль круга. Лео разглядывал гибкую спину, аккуратный круглый зад, стройные бедра. Когда металлический экран начал опускаться, он быстро опустил в щель еще четверть цента.

Девушка медленно двигалась вдоль круга, она изгибалась, словно кошка, пытающаяся пролезть под низким забором. Лео еле дышал, он почти что впал в транс: он представлял девушку, бесспорно

проститутку и возможно наркоманку, в объятиях мужчины, извивающуюся и трепещущую, ее покачивающийся зад и стройные ноги, сплетенные вокруг мужского тела. Лео заплатил еще за один сеанс, и когда пуэртиориканка улеглась на меховой ковер, а ее сменила на кругу высокая рыжая американка, он натянул поглубже твидовую шляпу, приподнял воротник пальто и вышел, пройдя мимо рядов кабинок.

— Секс-шоу, секс-шоу, — прошептал ему на ухо чернокожий человек в тот момент, когда он вышел из здания и повернул на запад.

Что ж, он как раз подумывал об этом. Лео быстро двинулся вниз по улице, теперь он слышал как какой-то негр кричал ему вслед: «Эй, мумия, постой, мумия». Лео направился в клуб, который располагался на Седьмой авеню. Этот клуб он «открыл» в 1975 году — в тот год Фрайдгуды перебрались на восток. Заведение состояло из двух комнат, которые разделяла стеклянная перегородка. Одна ее сторона была прозрачной. Этот клуб обслуживал мужчин, чьи вкусы совпадали с вкусами Лео.

— Черт, он не мумия, — сказал Бенгс-младший Гроверу Спелвину, когда они увидели, как Лео исчез в дверях, расположенных рядом со входом в кинотеатр, где двадцать четыре часа подряд, непрерывно, демонстрировались фильмы ужасов.

— Этот тип собирается на шоу. Черт! Он не мумия, не настоящая мумия.

— Мы увидим его, когда он будет тащиться обратно, — спокойно ответил Гровер и спрятал руки в карманы обтрепанных джинсов. Они приготовились ждать.

Лео поднялся по лестнице на самый верх. Он открыл дверь с вывеской «Студия», и чернокожая блондинка в парике, приветливо улыбнувшись, ему проговорила:

— Вы бывали прежде в нашем клубе?

Лео кивнул.

— У вас ожоги? — спросила девушка. — Я имею в виду, что у меня есть приятельница, и она полностью изуродована. Два месяца носила бинты, а сняла и... Ой, с вас тридцать пять долларов.

Лео вытащил купюры из кармана пальто и отсчитал нужную сумму.

— Отлично, — сказала девушка. Она вновь улыбнулась, обнажив розовую нежную десну, встала и повела его в помещение, где полдюжины мужчин средних лет, некоторые в джинсах и майках, некоторые в строгих костюмах сидели на металлических стульях перед шестиметровым квадратным окном. Грохотала рок-музыка, но

мужчины, казалось, не замечают ее. По другую сторону окна в маленькой комнате на голом полу стояла расстеленная кровать. Девушка нажала на кнопку и проговорила:

— Представление начинается, джентльмены. Каждое представление длится пятнадцать минут. Если вы захотите остаться на следующее представление, то с вас будет собрана дополнительная плата. Если вы останетесь, то должны будете заплатить.

Молодая светлокожая женщина и огромный негр вошли в комнату. Они тут же улеглись на кровать, и Лео почувствовал разочарование: когда он приходил сюда пять лет назад, то пара — оба были белые, — прежде чем оправиться в постель долго целовалась и обнималась. Мужчина, который сейчас находился в спальне, выглядел злым и скучающим. Он сжал зад женщины и рывком подтянул ее на себя. Она поднималась и опускалась над его массивным телом, изображая возбуждение. Но у мужчины даже не наступила эрекция — он был слишком скучен и враждебен, чтобы предпринять хоть попытку замаскировать пассивно висящий пенис.

Спустя несколько минут женщина изобразила оргазм. Она тут же встала и ушла за пределы окна, наверное, подумал Лео, ждать следующего звонка. Через несколько секунд ушел и мужчина.

Лео чувствовал разочарование — пять лет назад это представление было настоящим, а не подделкой. Ему казалось, что у него просто украли деньги.

Маленький, похожий на крысу мужчина в фетровой шляпе, который сидел рядом, окинул Лео странным взглядом — испуганным, из-за бинтов, но в то же время в нем читалась симпатия.

— Я понимаю, — сказал человек, обращаясь к Лео, — теперь это все не настоящее. Они несколько раз прогорали, и этот штат — все, что у них осталось. Но если вы хотите увидеть стоящую вещь, то я могу все устроить. Сотня.

Он наклонился над Лео, и когда темнокожая блондинка в парике, посверкивая розовыми деснами, появилась вновь, он прошептал:

— Идите за мной. У вас есть сотня?

Лео кивнул, и мужчина движение головы показал, что надо спуститься вниз по лестнице. Когда Лео выбрался на улицу, человек зажег сигару и попыхивая ею двинулся вдоль по тротуару. Ему было лет шестьдесят, опустившийся старый антрепренер в фетровой шляпе и тонкой рубашке в клеточку.

— Восьмая авеню, — проговорил человек и энергично зашагал вниз по улице.

— Мумия куда-то отправилась, — сообщил Гровер Спелвин Бенгсу-младшему, и они двинулись следом за Лео и антрепренером.

— Слушай, да он болтается вместе с Алом Кокрочем, — проговорил Бенгс. — Он вовсе не мумия. Видно Ал ведет его к этой несчастной малышке Монне из Миннесоты и сумасшедшему ублюдку Дагу. Я не хочу связываться с этим дерьмом.

— Ну что ж, мумия выйдет и оттуда, — так же спокойно как и раньше заключил Гровер.

— Выйдет бедняга, — сказал Бенгс-младший.

Впереди, Ал Кокроч вел Лео Фрайдгуда через Восьмую авеню, затем они скрылись в небольшом здании, сложенном из серого кирпича. Гостиница Спелмана, так называлось оно в округе. Портье намеренно отвел глаза в сторону, и Ал привел Лео на третий этаж. Уже перед самыми дверями он сказал Лео:

— Деньги.

Лео достал из кармана пальто сто долларов и положил деньги на трясущуюся ладонь человечка.

— Отлично, отлично. Я сейчас постучу, мы оба войдем, а потом я вас оставляю, ладно? Вот это будет настоящая вещь. Вы получите то, что хотели, мистер. Прямо сейчас.

Человечек бросил беглый, немного нервный взгляд на забинтованное лицо Лео и два раза постучал в двери.

Дверь открыл мускулистый парень, тело которого сплошь покрывала татуировка очень сомнительного содержания. На нем были только белые хлопчатобумажные трусы. Он отступил вбок, пропуская вошедших в тесную, воняющую застарелой грязью комнату. При движении рельефные бугристые мышцы так и играли на его обнаженном теле. Парень все время кивал и притопывал в такт какой-то только ему слышной мелодии. Светлые волосы выглядели так, словно он постриг себя, не глядя в зеркало: на одних местах они были полностью выбриты, на других торчали на добрый дюйм.

— Тебе заплатили, Ал? — спросил он, растягивая слова, что выдавало уроженца Среднего Запада.

— А как же, — ответил человечек, кивая словно маятник.

Даг смерил Лео взглядом и усмехнулся:

— Бог ты мой, гляньте только на этого парня! Вот уж ни на кого не похожий тип.

Лео отодвинулся от Дага подальше и заметил худенькую сонную девушку. Не отрывая от него глаз, она сидела на смятой постели. Девушка была блондинкой, завитки светлых волос падали на лицо, такое же измятое и серое, как укрывавшая ее простыня.

— Скоро увидимся, — попрощался Ал, торопливо пятясь к входной двери.

Даг все еще пристально рассматривал Лео; он обходил его со всех сторон, и при этом недоуменно покачивал головой. Лео уже начал немного нервничать, когда Даг наконец сказал:

— Ты можешь разговаривать? Ты вообще можешь говорить сквозь это дерьмо, что на тебе накручено?

— Да, — ответил Лео, — да, вполне. Я, по-моему, заплатил.

— Ну что ж, парень, ладно, — Даг потянулся, подняв вверх обе руки. При этом выступающие мышцы образовали извилистую линию.

— На что хочешь поглазеть, парень? Что-то особенное? Мы сделаем все, что ты закажешь.

— Просто ложитесь вместе с девушкой, — сказал Лео.

— Будет сделано, парень. Просто ложусь в постель вместе с девушкой. Все, что хотите, начальник.

Даг спустил трусы с ягодиц, и Лео увидел, что татуировка доходит только до талии.

— Прошу садиться, начальник. Для вас — лучшие места с наилучшим обзором, — Даг указал на деревянный стул футак в четырех от постели.

Лео наконец сообразил, что напоминает ему неотвязный запах этой комнаты — запах куриного бульона. Сидя на деревянном стуле, он следил за тем, как Даг сдернул простыню с пассивно лежащей девушки. У Дага уже возникла эрекция. Совершенно неразвитое тело девушки напоминало бы тело ребенка, если бы не большая, свисающая по сторонам грудной клетки грудь. Даг пристроился на коленях между раздвинутыми ногами женщины.

Прямо перед собой на простыне Лео заметил большое коричневое пятно, напоминающее по очертаниям штат Калифорния.

По мере того, как Даг достигал высшей точки возбуждения, Лео стонал все громче и громче — это было именно то самое, в чем его обманули в клубе, это было настоящим, тем, чего он хотел. Дага затрясло и он затих на бессильном теле девушки. Лео судорожно вздохнул и задрожал.

— Ну ладно, парень, — проговорил Даг выпрямляясь, а затем усаживаясь на постели. — Ты за это заплатил, ты это и получил. Верно? Получил, за что платил, так?

Вставая со стула, Лео кивнул.

— Отлично. А ты знаешь, что нам обычно дают чаевые, — Даг медленно поднялся с кровати. Девушка по-прежнему лежала с открытым ртом, не отводя глаз от Лео. Даг занял позицию между Лео и входной дверью.

— Нам очень нравится, когда нам дают чаевые, понимаешь?

— Конечно, понимаю, — выдавил Лео через отверстие в бинтах. Он покопался в карманах, выудил двадцатидолларовую бумажку и протянул Дагу.

— Ты парень, действительно, ни на кого не похож. — сказал Даг. — Слушай, может хочешь еще чего-нибудь? Тут пропасть чего еще можно сделать. Еще пятьдесят — и делай с ней все, что хочешь. Монна может просто высосать с тебя все эти бинты, просто высосать.

Он дружески толкнул Лео в грудь. Лео вскрикнул, и Даг отступил, отдернув руку так, словно обжегся о раскаленную поверхность. Тяжелые, глубокие морщины прорезали его лицо.

— Да что это с тобой, парень, черт возьми? — лицо Дага принимало все более подозрительный и недружелюбный вид.

— Бог ты мой, парень, — Даг обернулся к девушке. — Бог ты мой, Монна, ты только взгляни на его пальто. Посмотри на свое пальто, парень!

Лео тяжело дышал, но его охватило необыкновенное чувство освобождения. По пальто расползлось огромное пятно.

— Оставь меня в покое, — обезумев от страха крикнул Лео, — не прикасайся ко мне! Дай мне выбраться отсюда.

Даг сделал шаг вперед. Челюсти сжаты, глаза сощурены так, что не видно зрачков. Лео, защищаясь поднял руки, и в это же мгновение левой рукой Даг нанес стремительный короткий удар в челюсть, а потом такой же страшный удар правой — в висок.

Бинты слетели с головы Лео, разлетевшись по комнате. Лео опустился на пол и пенистое белое вещество заструилось из-под разорванных бинтов. Через десять минут от Лео Фрайдгуда остались лишь мокрая одежда, блестящие кости и белые макароны бинтов в луже слизистой жидкости. Остались еще и наличные деньги, извлеченные Дагом из кармана пальто.

Лео Фрайдгуд полностью исчез из этого мира.

Тридцать минут спустя Гровер Спелвин и Бенгс-младший увидели, как Даг и Монна Миннесота спускаются со ступенек центрального входа гостиницы Спелмана. Оба парня стояли, прислонившись к фонарному столбу, и как только массивная фигура Дага показалась из-за дверей, Гровер выпрямился и толкнул в бок Бенгса-младшего:

— Это они, пошли малый, — сказал он.

Монна Миннесота неуклюжей походкой спустилась по ступеням вслед за Дагом в июньскую жару улицы. Оба они несли бумажные пакеты, испещренные большими влажными пятнами. Гровер и Бенгс пересекли улицу и последовали за Дагом и Монной по Восьмой улице к югу.

— Где запропастилась эта чертова мумия? — спросил Бенгс. — Мы прождали его целый чертов день, где он?

Даг выбросил бумажный пакет в мусорный контейнер и подождал пока Монна не водрузит туда же свой. Затем медленным шагом они двинулись вниз по улице, и Гровер с Бенгсом-младшим тут же поняли, что парочка собирается прикупить очередную порцию наркотиков.

— Дерьмо, — проговорил Гровер.

— Черт бы все побрал, — подтвердил Бенгс-младший.

— Похоже, что никакой мумии нет. Даг вынес ее.

Парни приблизились к мусорному контейнеру, где валялись бумажные пакеты. Бенгс осторожно открыл сумку Монны, заглянул внутрь и захихикал; когда он заметил, что Гровер непонимающе смотрит на него, то засмеялся еще сильнее и с трудом преодолевая хохот проговорил:

— Гровер, — его сотрясал очередной приступ смеха, — утопил мумию в креме для бритья. Ха-ха-ха!

Гровер Спелвин мрачно ткнул пальцем в содержимое сумки. Потом покачал головой:

— Это не крем для бритья, — произнес он. — Это — мумия. Черт возьми! Знаешь что?

На его широком лице появилось нечто, похожее на волнение:

— Даг, конечно, прикончил его. Но это была настоящая мумия. Как в старых фильмах.

— Чертов Даг, — сказал Бенгс-младший.

— Под этими бинтами были только кости и жидкость, — повторил Гровер. — Настоящая мумия. Черт возьми!

— Мумия, — эхом отозвался Бенгс-младший.

— Интересно мне, сколько у нее было денег, — задумчиво проговорил Гровер.

4

— Я так рада, что вы согласились помочь мне, — Сара Спрай говорила с Юликом Бирном. — Понимаете, такого рода помощь мне никогда раньше не требовалась, я привыкла справляться с подобными делами сама.

— Понимаю, очень хорошо понимаю, — проговорил адвокат. — Я и сам такой же. Но мы же друзья, Сара. И я подозреваю, что есть кое-что такое, что не должны узнать Блокетт и сотрудники «Газеты» до того, как вы не будете готовы рассказать им.

— Совершенно верно, я действую сейчас скорее по интуиции. Блокетт решил бы, что я сошла с ума. Так что, если вы сможете, посмотрите записи и поищите, не происходили ли в окрестностях нашего города какие-нибудь промышленные аварии. Период — от шести недель до двух месяцев назад. Если ничего подобного не случалось, то было бы хорошо выяснить солнечную активность в этот же период. Я буду работать в другом направлении, но, конечно, как только я выясню что-то новое, я вам сообщу. Все вокруг стало складываться совершенно ненормально.

Это последнее замечание не было для Юлика Бирна особой новостью. За прошедшую неделю или две, казалось, впала в буйный психоз половина его клиентов. Более того, происходило настолько много странных и необъяснимых вещей, что Бирн стал подумывать о том, что, возможно, и он сам постепенно сходит с ума. Конечно, у О'Хара есть реальные причины для теперешнего состояния; возможно, есть они и у Джонсонсов — их четыре чистокровные арабские кобылы сбежали из конюшни и попали под колеса огромного грузовика цементной компании. Но одна из его клиенток просто, в прямом смысле, загнала себя до смерти. Полная, тяжелая, она никогда не предпринимала действий, требующих тяжелой мышечной нагрузки, разве что могла поднять пульт дистанционного управления телевизора или снять трубку телефона. И вот однажды утром она начала бегать перед завтраком вдоль Саутвильской дороги и не захотела остановиться даже тогда, когда ее муж, ехавший рядом с ней в их «БМВ», попытался уговорить ее сесть в автомобиль. После трех непрерывных часов бега мышцы ног сдали, а вслед за ними сдало и сердце.

Совершенно ясно, думал Юлик Бирн, что для того, чтобы увидеть, что в Хэмпстеде творится что-то неладное, достаточно присмотреться к тому, что происходит с его клиентами, и вряд ли кому-то захочется настолько близко соприкоснуться со всем этим сумасшествием. Кроме Джейн Андерсон, которая довела себя до инфаркта бегом по Саутвильской дороге, произошел странный случай и с Джорджем Клопником, бухгалтером вудвиллской фирмы. Дела Джорджа, насколько знал Юлик, шли настолько успешно, насколько могли идти у вудвиллского бухгалтера, не имеющего партнера. И вот недавно Джордж явился в контору Юлика Бирна возбужденный, с горящими глазами и сообщил, что должен подать в суд на правительство Соединенных Штатов за то, что оно подавало ему ложные надежды. Джордж был убежден, что в процессе «Клопник против Соединенных Штатов» суд присяжных вынесет решение о выплате двадцати миллионов долларов за причинение ему мораль-

ного ущерба. Юлику удалось выставить его из конторы, пообещав, что он просмотрит все прецеденты по случаям с ложными надеждами. Еще хуже, чем у Джорджа, обстояли дела у Роджера Тортон, старейшего главы респектабельной мебельной фирмы. Торнтон, седой человек, носящий строгие английские костюмы, с великолепными манерами, которыми должен был обладать владелец особняка на Маунт-авеню, президент процветающей компании, во вторник, во второй половине дня 17 июня, подошел к хорошенькой школьнице, стоявшей напротив небоскреба Анхальта на Мейн-стрит, и сказал:

— Я — владелец огромного красивого члена. Не хочешь ли заняться им?

Сейчас Тортон отпущен под залог, а родители школьницы обещали, что лишат его жизни, если только не смогут кастрировать. Но на самого Тортон произошедшие события, казалось, не произвели никакого впечатления:

— Вы не понимаете, мистер Бирн, — сообщил он Юлику, — у меня действительно огромный красивый член. Это, без сомнения, будет свидетельствовать в мою пользу, правда?

И нелзя, рассказывая о профессиональных хлопотах Юлика Бирна, не упомянуть о Мэгги Нелиган, живущей в сквере Революции, и ее подруге Катрин Хоскинс с Грейвсендского авеню, которые как-то утром отправились в универмаг Блумингэйла, где в меховом отделе заказали вещей на сто семьдесят тысяч долларов. Когда миссис Нелиган и миссис Хоскинс пригласил на беседу в кабинет управляющий меховой секцией, они радостно согласились на это. Управляющий поинтересовался, как леди собираются заплатить за приобретенные товары. Негодованию дам не было предела. Она была уверена, что управляющий узнал ее, возмущенно заявила миссис Нелиган. Неужели он не знает ее имени? Управляющий выразил сожаление, признав, что оно ему не известно, но, если она будет так любезна и немного освежит его память...

— Почему бы нет? Я — владелица этого магазина, — сообщила Мэгги Нелиган. — Я была уверена, что вы знаете это.

— И я тоже владелица, — пояснила Катрин Хоскинс. — Мы обе — владелицы.

Мэгги Нелиган кивком подтвердила слова подруги.

— А сейчас, пожалуйста, заверните наши покупки, — проговорила она.

Беседа закончилась воплями и дракой. Бедному управляющему меховой секцией пришлось накладывать швы, появилась полиция. Возмущенных Мэгги Нелиган и Катрин Хоскинс водворили в

камеру. На следующее утро мистер Поль Нелиган вызвал Юлика Бирна.

И повсюду в городе Юлик замечал знаки беспорядка: мусорщики не появлялись у его дома неделю, зато потом они приезжали дважды в один и тот же день, хихикая и улыбаясь словно сумасшедшие; шофер такси, который вез его от станции к дому на Редкоат-стрит вечером в пятницу, запутался и потерялся в городе, хотя возил Бирна домой по крайней мере два раза до этого. Кассирша у Гринблата пыталась шесть раз взять с него деньги за одни и те же бифштексы и разразилась безумными рыданиями, когда он отказался; он был уверен, что видел из окна конторы, как пожилая женщина жадно ела землю и траву на одной из больших лужаек около стоянки машин. И разве не видно, что стало случаться намного больше пожаров, чем раньше? За два дня до этого, на той же стоянке, Юлик видел двух школьников, которые избивали друг друга с невероятной силой и жестокостью, но, казалось, они оба не чувствовали ударов...

Помогая Саре, подумал Юлик Бирн, он сможет отвлечься от всего этого.

Он позвонил ей два дня спустя: его расследование касалось лишь одной из тем.

— Я не уверен, что это подходит для того узора, который вы пытаетесь сложить, Сара. Но, по крайней мере, это покажет вам, что я верю в него. Семнадцатого мая несколько ребят погибли при аварии на химическом заводе в Вудвилле. На «Вудвилл Солвент», если быть точным. В отчетах сообщается, что они погибли в результате карбоно-моноксидного отравления.

— Х-м-м, — пробормотала Сара, — не очень-то это поможет нам. Я надеялась на какой-то крупный взрыв где-нибудь посреди хайвея... Хотя подождите минутку... Это произошло семнадцатого? Это наш день. Это то, что мы искали. Миссис Фрайдгуд была убита семнадцатого мая. И еще кое-что произошло в этот же день — крупная дорожная катастрофа на хайвее, в которой погибли восемь человек. Похоже, что мы сможем свести концы с концами, а, Юлик?

— Господи, у меня ужасная головная боль, — ответил Бирн. — Но я согласен с вами. Потому что...

— И только взгляните на восемнадцатое, — голос Сары зазвучал громче. — Вы помните, что случилось восемнадцатого, Юлик? Пять человек погибли. Все это есть в «Газете». Мы все были настолько поражены этими ужасными убийствами, что не могли предположить о существовании какой-либо связи между ними. Но знаете, пожа-

луй, еще все-таки рановато посвящать кого-то в мои неподтвержденные идеи, но, я думаю, что определенный узор может сложиться.

— Я как раз собирался сказать вам об этом же, — сказал Бирн. — Черт бы меня побрал, если я могу понять, что все это означает. Но Сара, о чем я могу сказать, так это о том, что некоторые составляющие узора можно найти у Лео Фрайдгуда.

— Муж, — проговорила Сара.

— Да. Лео Фрайдгуд — офицер на базе «Телпро Корпорэйшн». Они занимаются какими-то средствами защиты. «Телпро» владело заводом «Вудвилл Солвент» — я помогал им в одном деле о переводе платежей.

— Похоже, что на кое-что мы вышли, но я не знаю, что это такое.

— Давайте найдем Фрайдгуда и поговорим с ним.

— И тогда я испробую на вас мои некоторые смешные идеи.

— Я привык смеяться, — сказал Бирн. — Похоже, что все мои уважаемые клиенты решили оказаться в конце концов за решеткой.

5

Во вторник, когда Ричард Альби приехал домой, входную дверь ему открыла Лаура: он бросил чемоданы на пол и обнял ее так сильно, что она наконец сказала, что не может вздохнуть. Тогда он чуть отступил назад, все еще обнимая ее за плечи, и оглядел жену. Лицо светится, волосы мягкие и чистые, живот заметно увеличился.

— Господи, до чего я соскучился по тебе! Ты так хорошо выглядишь.

В этот вечер он рассказал ей о Моррисе Страйкере и его доме на Колледж-стрит... о бесконечных обедах во второразрядных рестораниках, о темных типах, работающих со Страйкером, о том, как Страйкер отверг все предложения, и о том, что ему практически пришлось сбежать, чтобы отказаться от работы с этим клиентом.

— Это означает, что наш доход урежется примерно наполовину, — сказал Ричард. — Но я не хочу, чтобы тебя это волновало. Как-нибудь уладится. Я знаю, что уладится.

— Я уверена в этом еще больше тебя, — ответила Лаура. — Я могу поспорить, что через два года, самое большое через три, у тебя будет так много работы, что ты будешь отказывать некоторым клиентам. Поверь мне. У меня есть хрустальный шар.

И правда, хотя наличные деньги не водились в карманах у Альби в большом количестве, тем не менее каждый месяц на протяжении

лета и осени они выплывали из потопа счетов. В это время Ричард работал неподалеку в Хиллхэвене, и они стали намного ближе друг к другу чем были до того. Один раз в неделю, несмотря на беременность Лауры, они уезжали в Нью-Йорк и гуляли по галереям и музеям... Эти путешествия по Манхэттену, так же, как и крепнущие силы ребенка, отвлекали Лауру от тоскливых воспоминаний о Лондоне. Они решили, что, когда бизнес Ричарда позволит им, они снимут маленькую квартирку где-то на Вест Сайде, чтобы останавливаться в ней по уик-эндам.

Ребенок появился на свет в сентябрьскую ночь. Ричард стоял рядом с кроватью и беспомощно повторял то, что говорят все отцы в такой момент:

— Дорогая, ты делаешь такую тяжелую работу. Теперь пора опять потужиться. Так... Тужься, тужься, давай... Ну тужься. Это было прекрасно, Лаура.

Он был слишком взволнован и слишком горд Лаурой, чтобы действительно запомнить те уроки, которые они проходили. Что поразило Ричарда более всего в процессе рождения — это мужество и, пожалуй, даже героизм женщин... Он подумал, что если бы рожать пришлось мужчинам, то на белом свете было бы значительно меньше людей.

Так тридцатого сентября в норрингтонской больнице после десятичасовых усилий родился малыш — семь фунтов веса, двадцать три дюйма в длину, нормальный здоровый ребенок, и девочка... как Ричард заранее и знал. На следующий день Ричард и Лаура назвали ее Филиппой, без всяких причин, просто потому, что им обоим понравилось это имя.

— Филиппа? — переспросила сестра, крупная добрая негритянка с огромной копной курчавых волос. — Что же делается теперь со старыми добрыми обычными именами, вроде Мэри и Сьюзен? Похоже, что так уже никто не называет детей.

Четыре дня спустя Альби забрали дочку домой, в уютный симпатичный новый дом на Бич-трэйл. Ричард обставил и привел в порядок комнату, которая показалась ему удачной детской, но в остальных комнатах еще царили полный развал, хаос и неразбериха. Точь в точь, как Ричард объяснял Лауре несколько лет назад, — дома реставраторов всегда реставрируются последними.

— Я рада, что ты — не акушер, — ответила Лаура.

По мере того, как Филиппа росла, она все больше походила на Лауру (волосы у нее были такого же нежно-акварельного рыжего оттенка), а не на Ричарда. Но с самого начала этот милый, хныкающий, беспрерывно задающий вопросы ребенок завладел сер-

дцем отца. Ричард и Лаура никогда не хотели второго ребенка; казалось, что Филиппа забирает у них столько любви и столько отдает взамен, что Альби никогда не чувствовали пустоты. Когда Филиппе исполнилось пять лет, они отдали ее в Академию Грин-банка.

К этому времени они обставили и отреставрировали свой дом: предсказание Лауры сбылось, хотя на год или два позднее, — у Ричарда было так много предложений, что от половины из них он отказывался. Теперь они всерьез призадумались о квартирке в Нью-Йорке, тем более что Лаура знала, что, когда Филиппа станет постарше, она начнет подыскивать себе работу.

Когда Филиппа училась в пятом классе, Лаура начала искать работу в журналах, различных печатных изданиях... И через шесть месяцев она нашла работу помощника редактора в одном из издательств, выпускающих книжки в тонких бумажных переплетах.

Лаура очень увлеклась этой работой, но брак Альби находился в самом неустойчивом состоянии с тех пор, как они вернулись назад в Америку. Лаура постепенно превращалась в опытного редактора, Ричард уже не обижался на то, что она проводит столько времени вне дома, но он никак не мог принять то, что работа для жены стала не менее важна, чем семья. В течение восемнадцати месяцев в семье Альби проходили бескровные сражения.

К тому времени, когда Филиппа поступила в Броунский университет (Ричард свозил ее в Провиденс и там в телефонной книге поискал имя Морриса Страйкера, надеясь не найти его, и не нашел — или тот умер, или просто не занесен в справочник), Лаура стала одним из директоров редакции «Покетт бук»; дела Ричарда шли настолько успешно, что он считал, что просто этого не заслуживает. Он выступал на конференциях и симпозиумах по всему миру, вместе с Лаурой они довольно часто навещали Лондон, в Нью-Йорке у него уже был такой же солидный кабинет, как и в Хэмпстеде. Он нанял двух молодых архитекторов, заинтересованных в реставрационных работах (один из них к тому же, считал Ричард, был очень заинтересован в Филиппе). В первый год Филиппы в Броуне молодое открытие Лауры написало книгу, которая стала успешно расходиться — в неделю продавалось более чем двадцать экземпляров, и в конце концов было распродано более чем два миллиона; Ричард получил один из самых ответственных и престижных заказов в своей жизни — отреставрировать знаменитый викторианский сельский особняк, построенный сэром Чарльзом Барри.

Этот День Благодарения Лаура, Ричард и Филиппа проводили дома, в Хэмпстеде, они собрались на длинный праздничный семей-

ный обед. Альби распили бутылку «Дом Периньона», а затем отправились в столовую, чтобы съесть приготовленного кухаркой жареного гуся; она приготовила много традиционных блюд — паштеты, желудевое пюре, клюкву, картошку, сладкие пирожки.

Как только они сели за стол в дверь позвонили. Ричард вздохнул и сказал, что это, по-видимому, доставили чертежи из Нью-Йорка. Нет, ответила Лаура, скорее это служащий редакции принес творение новой звезды. Она поднялась и пошла к дверям, а Ричард начал разрезать гуся.

Когда Лаура открыла входную дверь, Ричард ощутил, как в квартиру ворвался сильный порыв ветра, холодный и пронизывающий, Ричард почувствовал это даже в столовой.

— Кто там? — окликнул Ричард, положив на стол длинный большой нож для резки мяса. Он подошел к дверям и в это же мгновение увидел, как Билли Бентли, переступив порог, подходит к Лауре: Билли двигался в облаке холодного, влажного воздуха, его глаза блестели. И в следующее мгновение он вонзил нож в живот Лауры — с ликующей, нечеловеческой жестокостью он поднял руку и вспорол ее живот до самого сердца.

Все это могло бы произойти, кое-что и произошло, но немного не так.

Ричард повернулся на кровати и уставился в потолок: он чувствовал, что немного не в себе. Что бы с ним ни происходило, оно порождало страшные и жестокие фантазии. Временами он почти что готов был поверить в них; временами, теряя сознание, он действительно верил в них. Он видел, как родилась Филиппа, видел ее лицо, когда она впервые попробовала сесть на двухколесный велосипед, видел, как она заняла первое место в классе по результатам тестов. Он видел эту страничку телефонного справочника в Провиденсе, на которой не было имени Морриса Страйкера, он слышал голос Филиппы, которая спросила его: «Кого ты в нем ищешь, па?» Возможно, эти видения и поддерживали его в разумном состоянии, по крайней мере они поддерживали в нем жизнь... Последние пять дней он находился в настолько глубоком шоке, что почти забывал о том, что нужно дышать. Лео Фрайдгуд после смерти жены заглушал себя алкоголем, Ричард Альби поддерживал себя фантазиями.

Семнадцатого июня, во вторник, в девять вечера Ричард проехал Коннектикутскую заставу, свернул на Гринбанк, пересек мост, с

которого Томми Турок угрожал утопить Брюса Нормана, оставил позади дом Рена Ван Хорна и вход на пляж и выехал с Маунт-авеню на Бич-трэйл. Он перебрал в уме столько вариантов: пропало электричество, кража, Лаура пыталась дозвониться ему и сейчас едет в Провиденс, — что сейчас больше всего ему хотелось увидеть жену и убедиться в том, что все в порядке. Ричард рассматривал и возможность пожара, поэтому ему полегчало на душе, когда, проехав по Бич-трэйл, подальше он увидел тыл своего дома.

Свет за дверью заднего входа горел — Ричард заметил это, когда въезжал в гараж. Он вытащил чемодан из багажника, поднялся по ступенькам заднего крыльца, открыл дверь и позвал жену. Он вошел в дом и, бросив чемодан прямо рядом со входом, прошел через холл по направлению к переднему входу.

— Лаура? — окликнул он.

Одна из ламп в гостиной горела, и Ричард увидел, что Лаура развесила на длинной задней стене несколько картин.

Он пересек гостиную и вновь вышел в холл. На этот раз он заметил, что передняя входная дверь открыта, и в тот же момент, почувствовал тяжелый, неприятный запах. Он несясь откуда-то из глубины дома.

Стоя посреди пустого холла перед открытой входной дверью, Ричард с трудом подавил желание бежать обратно к задним дверям, вывести машину из гаража и помчаться назад на Род-Айленд... а потом домчаться до Северного полюса и дальше, дальше, на самый конец света. Сердце громко стучало, Ричард еще раз прошептал ее имя. Он дотронулся до входной двери и с усилием захлопнул ее. Затем двинулся в глубь дома.

Он прошел в столовую и увидел, что круглый антикварный стол стоит чистый и отполированный, а стулья уже распакованы. Он включил свет на кухне и шагнул внутрь.

Кухня была пуста. На мойке висели влажные тряпки. Рядом с раковиной лежала трубка телефона. На маленьком столе стояли ящики с нераспакованной посудой. Один из них упал на пол, и осколки стекла искрились на плитках. Единственный признак беспорядка.

В дальнем конце кухни находилась кладовка, которую Ричард давно планировал перенести в другое место. Маленькое замкнутое помещение, в котором тянулись во все стороны металлические трубы и стояли стиральная машина и сушилка. До самого потолка подымались модельные полки. Ричард заставил себя открыть дверь в кладовку, а потом с усилием включил свет.

В первый момент он не увидел ничего, кроме стиральной машины и сушилки. Он, затаив дыхание, прошел внутрь маленькой квадрат-

ной комнатки. Оглядел полки, на которых лежал толстый слой пыли, обнаружил пару старых резиновых перчаток для домашней работы.

Бросив взгляд на стиральную машину, Ричард увидел пятно крови.

Она открыла дверь и вместе с посетителем прошла на кухню... потом она поняла, что она в опасности, и подняла телефонную трубку. Человек обрезал шнур. Лаура побежала в кладовку и упала за стиральную машину. Она уже была ранена.

Что было потом?

Он не знал, хватит ли ему сил, чтобы представить, что произошло в дальнейшем.

Прижав руки к вискам, он вышел из кухни и подошел к задней двери, а затем прошел в узкий задний коридор. На последней ступени узкой лестницы — когда-то в старые времена она служила для слуг — он обнаружил еще одно кровавое пятно.

Значит, выбежав из кладовки, она начала карабкаться по лестнице. Он застонал и присел на последнюю ступеньку. Его тело, казалось, утратило вес, и было достаточно легкого толчка, чтобы оно взлетело вверх. Тяжело дыша, он начал подниматься.

На полпути вверх по лестнице Ричард обнаружил засохшее пятно крови прямо под перилами. На самом верху была еще одна кровавая лужа, которая уже высохла и приобрела коричневый цвет.

Ричард шел в ту комнату, которую они с Лаурой выбрали для детской, эта комната ближе всего к лестнице, именно туда бы она и побежала. Сжав кулаки, Ричард замер у дверей детской и опять почувствовал тот же неприятный запах — теперь он узнал в нем запах крови. Он осторожно отворил двери.

На ковре комнаты лежала какая-то серебряно-коричневая вещь. Ричарду понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что это человеческое тело, и еще через секунду он узнал его. Лаура застыла, операясь спиной на стену детской, вокруг нее словно краска расплескалась кровь. Ричард дико и громко застонал, он походил на обезумевшее животное. Он включил свет, стараясь сдержать душившие его рыдания. Ламп тоже покаталась на спине Дракона, бесформенный маленький комочек, который должен был превратиться в Филиппу. Она лежала рядом с Лаурой, вернее тем, что от нее осталось.

Лаурин рот был открыт, глаза смотрели на него; рот Ламп тоже был открыт. Ричард стоял перед ними, его охватил такой ступор, что он не мог даже задрожать. Наконец он посмотрел на распоротый живот жены, в нем копошились мухи. Ричард закричал так громко, что это усилие позволило ему выбежать из детской в холл.

В темной гостиной сидело существо, которое когда-то было доктором Рен Ван Хорном, и пристально смотрело в зеркало. В нем отражались картины разрушений и опустошения — дымящиеся груды кирпичей, горящие остовы домов — невозможно было понять к какому времени относятся эти пейзажи. Улицы завалены обломками искореженного бетона, здания сгорели до фундамента, мосты обрушились в воду, ветер разносил по воздуху хлопья золы и повсюду взмывали в небо языки пламени, на какое-то мгновение возникший порыв ветра прибивал их к земле, но, еще мгновение спустя они разгорались сильнее...

На поверхности зеркала возникали новые картины. Лица плачущих детей, войска, марширующие по широким улицам городов, окопы, рвы и колючая проволока первой мировой войны, истощенные тела жертв концентрационных лагерей... Это тоже не относилось к определенному времени и представляло как прошлое, так и будущее. Дети с вздутыми животами, лица стариков, истощенные мужчины и женщины ищут пропитание на бесплодных склонах.

Теперь в огромной волне крови существо увидело лица тех, кто умер с семнадцатого июня: Джой Риччи, Томас Гэй и Гарни Вашингтон, Стоуни Фрайдгуд и Эстер Гудолл, Гарри и Бэйб Циммер, пятнадцать пожарников, Бобби Фриц и все остальные, — их лица и тела мелькали в красной волне.

Затем огромная волна спала, и существо в гостиной Рен Ван Хорна увидело детей, плывущих в море от Грейвсендского пляжа. Они заставляли себя плыть за буйки, заставляли себя плыть даже тогда, когда не оставалось сил, чтобы поднять руку над тяжелой розовой водой... Потом он увидел, что они плывут назад, к берегу, только теперь их тела были покрыты илом и опутаны водорослями.

Он повернулся в кресле, чтобы голодно выглянуть из окна, обращенного на Саунд.

Да, на волноломе, на самом краю лужайки, стояла молчаливая толпа. Он подошел к окнам и пригласил их зайти внутрь.

Первым через открытое окно вошел маленький мальчик, одетый в шорты и лохмотья, которые напоминали старую голубую майку. На ней все еще была видна фотография Йоды.

Внутренности пылали, голова была тяжелой. Томми Турок нес дежурство на углу Риверфронт-авеню и Пост-роад. Он только недавно отошел от тяжелейшего гриппа и сейчас твердо понимал, что должен был бы посидеть еще несколько деньков дома. В глазах все двоилось, он потряс головой. В животе бурчало — похоже, что скоро придется нанести очередной визит в вонючий маленький туалет позади «Абрази Ликер». Магази́нчик находился справа от него, на юго-восточном углу. Ему просто повезло, думал Турок, что он подхватил этот грипп самым последним: к тому времени, когда он заболел, все остальные отошли от болезни настолько, что уже даже не помнили насколько плохо они себя чувствовали. Единственное, что их заботило, — это найти замену Турку на посту и отметить дни болезни в рабочем табеле. Турок, правда, был глубоко обижен тем, что никто из коллег не пришел его проведать (если бы он не был так раздражен, то припомнил бы, как часто и громко он кричал об убудюках, которые вечером вдруг пожаловали в его маленький доми́к на колесах — совершенно естественно, что любой человек решил бы, что Турок терпеть не может, когда кто-нибудь нарушает его покой). Но этим утром на посту происходило что-то невообразимое.

Во-первых, эта чертова кнопка, во-вторых, кабы его воля, то эти гражданские сели бы за руль тогда, когда у него на ладони выросли бы волосы. Любой полицейский, несущий службу, знает, как преобразаются за рулем спокойные, мягкие люди, — они вопят, кричат, высываясь из окон, нетерпеливо сигналият чуть притормозившим машинам, ведут себя, как дикари. Но сегодня все выглядело еще хуже обычного. Турок знал, что несколько детей буквально чудом не угодили сегодня под колеса. Больше чем обычно раздавались утром громкие гудки машин, остановившихся перед красным светофором на Пост-роад. Часть неприятностей была связана с кнопкой, но в основном — это просто нетерпеливость. В какое бы место не посадить этих гражданских, все будет лучше, чем руль автомобиля. Хуже всего то, что этим утром произошли два небольших столкновения — для этого угла такое было необычным. Причем при второй небольшой аварии, здоровенный парень дал слишком резко задний ход, и его «Порш» врезался в бампер, стоящего позади «Форда». Парень, не долго думая, выскочил из машины, открыл дверь «Форда» и со всего размаха ударил водителя, прежде чем Турок успел сдвинуться с места. И успокоить наглеца удалось лишь стукнув его несколько раз дубинкой. Все это было очень нелегко для

человека, которого мучили головная боль и больной желудок. В довершении всех неприятностей, после дежурства ему еще придется писать полные отчеты о происшедших авариях.

И в довершение ко всему, какая-то пожилая леди в сиреневых завитках волос и с лежащей на переросшей нижней губе сигаретой, крикнула ему:

— Черт бы вас побрал! Четыре убийства! Что же вы, идиоты, ни хрена не делаете? Утерлись, да?

Конечно, эти гражданские ничего не знают. Они не знают, что полиция штата уже ведет расследование. А если бы они и узнали, то, возможно, подумали бы, что кто-нибудь, вроде Турка станет негодовать — но Турок считал, что все складывается отлично. Пусть этой собачьей работой занимается штат. Только молодой идиот, вроде Бобо Фарнсворта, может думать, что принять участие в расследовании очень полезно и интересно для души, но Томми Тарк знал, что в основном это очень тяжелая работа для ног. Так что пусть эти парни из полиции штата найдут убийцу, а уж словят его хэмпстедские копы. Тут все будет сделано, как надо.

— Погоди, леди, погоди, — пробормотал себе под нос Турок, — я займусь этим. И первое, что сделаю, — это дам убийце твое имя. Как только найду номер твоих прав в документах штата.

В это мгновение опять застряла кнопка. Турок покачал головой, лицо постепенно наливалось яростью. Когда он нажимал кнопку на маленькой самодельной металлической коробке, на светофоре менялся цвет. И когда кнопка застревала, а этим утром она только это и делала, ему приходилось пересекать улицу через непрерывный поток движения, открывать пульт, расположенный на тротуаре, и вручную включать запасной блок; потом нужно было пробраться обратно и проверить, заработал он или нет. Иногда цвет застывал на красном или зеленом, и Турку приходилось выходить и стоять в центре белого круга, управляя движением вручную и подкрепляя команды звуком свистка до тех пор, пока техника вдруг не решала вновь заработать.

Он поднял вверх руку и ступил на мостовую. Машины засигналили и замерли по обеим сторонам дороги. Турок пробрался между двумя автомобиля, злобно глядя на лысого болвана, который не прекращая давил на клаксон и сигналил. По другую сторону желтой линии продолжали непрерывным потоком двигаться машины, которые делали правый поворот с Пост-роад. Турок вновь поднял руку и предупреждающе засвистел: мимо промчались два автомобиля, и наконец, третий, «Ягуар», за рулем которого сидела коротко стриженная блондинка, остановился. Турок сделал шаг вперед, и в это

мгновение машина проехала вперед дюймов на пять и замерла, упираясь в его колени. Он еще громче засвистел, затем вынул свисток изо рта и проорал, краснея от злости:

— Что за идиотская идея, леди? Вы что, собираетесь...

Другая машина, поворачивающая в эти секунды с Пост-роад, врезалась в «Ягуар» блондинки. Турок почувствовал резкую боль — бампер ударил по коленям, и тут он не выдержал:

— Из машин! Выйти из машин! Обоим!

Он яростно переключил запасной блок и через гул и завывания машин услышал тихий щелчок: цвета меняются, все в порядке.

— А теперь быстро, чтобы я не видел здесь этих машин, и решайте ваши проблемы в другом месте! — проорал Турок, не понимая зачем он затормозил движение, заставив блондинку и мужчину выйти из машин... Сквозь головную боль всплыла картина: он бьет обоих своей дубинкой, разбивает нос парню и раскалывает челюсть женщине, во все стороны разлетаются зубы и капли крови... Он так пристально посмотрел на этих двоих, что они мгновенно уселись в машины и не останавливались вплоть до стоянки, где в покое и тишине обменялись страховыми карточками.

Сцепив зубы, Турок двинулся в обратный путь на противоположную сторону. Кости ломило. Через несколько минут он пойдет в вонючий, три фута шириной, туалет позади «Абрази». Он представил, что бы с ним произошло, если бы он все-таки разбил дубинкой ветровое стекло проехавшей мимо дорогой иностранной консервной банки, — какое бы наказание он ни получил в отделении, удовольствие от этой выходки того бы стоило.

А теперь он должен бороться с теми, кто делает левый поворот с другой стороны Пост-роад. Он предупреждающе поднял руку и перешагнул через желтую линию. Машина, игнорируя его сигналы, проскочила прямо перед ним, заднее окно пронеслось футом в двух от лица Турка. Обычно Турок никогда не замечал, кто ведет машину — у него всегда появлялось странное, непонятное ощущение, что их никто не ведет, — но сейчас он злобно заглянул в заднее стекло и увидел, что на него смотрит испуганное лицо Дики Нормана.

Казалось, что оно зависло перед глазами на невозможно долгое время. Лицо Дики светилось тем бледным светом, которым светится только мертвая кожа. Его перерезали черные линии там, где нож хирурга прошел сквозь лоб и скальп. Глаза, абсолютно желтые вокруг зрачков, были такими же безжизненными, как и лицо. Язык Дики заворочался во рту в тот момент, когда Турок принял к заднему стеклу, — Дики пытался что-то произнести. Затем видение исчезло: машина, проехав перекресток, скрылась вдали.

Турок тупо уставился в одну точку и, не обращая внимания на поток транспорта, держа перед собой руку, автоматически перешел дорогу. Свисток выпал изо рта и повис на груди.

Он благополучно добрался до поста и отправился к «Абрази», даже не обернувшись назад, чтобы проверить, все ли в порядке со светофором. Майк Абрази, пожилой человек за прилавком, сказал:

— Похоже, что тебе пришлось неплохо пробежаться, а, Турок?

— Заткнись, ублюдок, — гаркнул Тарк и заскочил в туалет. Он успел как раз вовремя. Он все еще видел перед собой лицо Дики Нормана.

Когда он вышел — за ним по всему магазинчику несся запах туалета, — то увидел, что движение успокоилось. Он посмотрел вверх по Пост-роад: от моста, по направлению к ближнему концу Мейн-стрит двигалась небольшая группа, которая привлекла его внимание какой-то неуместностью. Сначала он узнал Грема Вильямса, этого человека он просто презирал, — Вильямс сбежал из страны, вместо того, чтобы попытаться помочь ей. Потом он узнал Ричарда Альби, мужа последней жертвы. Рядом с Альби шла Пэтси Макклауд. Турок видел, как она росла здесь, в Хэмпстеде, и знал, что она вышла замуж за футбольного игрока Леса Макклауда, который покончил с собой на хайвее неделю или две назад. Пэтси — хорошенькая женщина, с большими глазами и такими длинными волосами. Вместе с этими тремя шел подросток, совсем мальчик, которого Турок не знал. Прежде чем вновь заняться уличным движением, Турок увидел, как четверка, освещенная солнцем, повернула на Мейн-стрит... И вторая, престранная вещь произошла в этот день с Томми Турком.

Он позавидовал этим четверым. Их внимание друг к другу было настолько велико и искренне, что он остро и отчетливо ощутил, что эти люди были своего рода семьей. На мгновение он даже удивился, что так отчетливо видит эту группу — как будто они стоят посреди ярко освещенной лужайки в полдень. Ему хотелось быть с ними, быть частью этой близости. И именно это последнее желание и вызывало у него зависть.

Но когда они свернули за угол, то Турок заметил сгорбленную спину Вильямса, и они вновь превратились в обыкновенных граждан. Турок нажал на кнопку, и она опять застряла. Он начал потеть, и перед его глазами появилось лицо Дики Нормана, который, не мигая, смотрел на него через заднее стекло автомобиля. Турок закрыл глаза и осторожно надавил на кнопку указательным пальцем. Светофор поменял свет и раздался громкий щелчок. Турок открыл глаза и понемногу успокоился... Глядя на машины, проска-

кивающие через перекресток, он подумал, что еще пара таких дней, и он может не дожидаться пенсии.

Ричард Альби мог бы рассказать Томми Турку о том, что он видел. В тот момент, когда Турок увидел его с друзьями на Мейн-стрит, Ричард, не обращая внимания на катящиеся по щекам слезы, рассказывал о своих длившихся несколько дней видениях о Лауре и ребенке, о Билли Бентли и о том сне, в котором земля была залита кровью. И когда время дежурства Турка истекло, он вернулся обратно в участок и трудолюбиво отпечатал отчеты о двух сегодняшних столкновениях, переоделся и отправился домой в Виннибаго. Дома он выпил пять баночек пива и заснул, глядя по телевизору баскетбольный матч.

В восемь часов Турок проснулся, пробормотал «пора бы перехватить», пошел в маленький туалет внутри домика — меньший, чем у «Абрази», но не многим более чистый, — освободил мочевой пузырь, побрился и выкупался. Покинув домик, он отправился вверх по Пост-роад к «Билли Озу».

«Билли Оз» — бар в черном районе Бриджпорта, но не один темнокожий никогда не переступал его порога. Это был бар полицейских. Владелец, Билли О'Мер, прослужил в полиции Олд Сарума двадцать лет, прежде чем какой-то щенок не наехал на него в украденной машине и не превратил нижнюю часть тела в сплошное месиво. Теперь он катался из одного конца бара в другой и объяснял всем, что человеческие существа хороши разве для того, чтобы делать из них дерьмо, а особенно, дети, евреи, протестанты, мексиканцы, пуэрториканцы, женщины и более всех, владельцы баров. Если бы чернокожий когда-нибудь только сунул бы голову в бар «Билли Оз», то Билл О'Мер, наверно тут же бы умер от расистского аполексического удара.

Когда Турок зашел внутрь, сидевшие за столиками шесть или семь парней, взглянув на него, тут же умолкли. Это означало, как знал Турок, что они говорят о Ройсе Гриффене. Единственный полицейский в этой части штата, застрелившийся в последние десять лет, Гриффен служил предметом многих разговоров и слухов в полицейском баре. Турка от этого тошнило: ему казалось, что эта группа копов, которая трепалась о Ройсе Гриффене, была еще более нудной, чем Билли О'Мер, который все время рассказывал о том, сколько чернокожих пытались вломиться в его заведение.

— О, Господи. неужели вы, чертовы ублюдки, опять перемываете кости Ройсу? Дайте этому маленькому ублюдку немного отдохнуть, а? Ну застрелился и застрелился, и хватит. Оставьте его в покое.

Сержант полиции из Бриджпорта по имени Дэнни Салго сказал:

— Могу поспорить, ты хорошо над ним поиздевался, Турок.

— Можешь быть уверен в этом, — ответил Турок. — Каждый издевался над ним. На что ты, черт побери, намекаешь?

— Ни на что, Турок, — быстро проговорил Салго.

— Так оно лучше. Одна паршивая собака попалась, и вот каждый, кому не лень, начинает перемывать косточки тому, что было десять лет назад.

Билл О'Мер поставил перед Турком кружку пива и небольшой стакан «Джека Дэниелса» со льдом; Турок сперва прикончил бурбон, а потом принялся за пиво.

— Ну-ка, расскажи мне Турок, какие-нибудь хорошие вести, — сказал Билл О'Мер. — А то от этих парней только и слышишь, что произошло что-то плохое. То чин капитана не дали, то машина в аварию влетела. Йоханссен собирается уходить — он собирается служить в Лос-Анджелесе.

— Лос-Анджелес? — удивленно переспросил Салго. Йоханссен был двадцатичетырехлетним полицейским, работающим в Хэмпстеде. — Да они там недавно повыгоняли полно ребят. Какого черта тебе там понадобилось, просто хочется поразвлечься? Ты просто маленький шенок, Йоханссен, они и тебя вышвырнут вон.

Йоханссен, еле сдерживая себя, покачал белокурой головой:

— Да я здесь закис уже. Даже Бобо думает о том, что отсюда пора уходить. Я сам слышал это.

— Бобо Фарнсворт просто дерьмовый полицейский, вот что я тебе на это скажу, — отрезал Салго. — Сосунок.

Турок неожиданно разозлился.

— Бобо — совсем неплохой коп. — сказал он. — Значит, Йоханссен уходит. Он еще молод, но и он хороший коп.

Турок засмеялся.

— Ты хотел услышать хорошие новости, О'Мер? Эй, Йоханссен! Ты приедешь на «Хор мальчиков» на следующей неделе?

Йоханссен кивнул над кружкой пива.

— Вот тебе и добрая новость, Билли. Новая полночь для хэмпстедских и сарумских парней. Но эта будет совсем бешеной. Тебе просто повезет, если бар останется после нее стоять на прежнем месте.

О'Мер смеялся — он помнил, как помнили и все посетители бара, что произошло после Первой Ежегодной Встречи Полицейских их округа, которая проходила в театре Натмега, что расположен позади Мейн-стрит. На ней присутствовали около полутора сотен полицейских из Хэмпстеда и Олд Сарума. За три доллара, уплаченных при

входе, они получили столько пива, сколько могли выпить, и по шесть фунтов попкорна каждый. К концу встречи театр был завален раздавленными кукурузными хлопьями и пустыми банками из-под пива, а те парни, что помоложе, — которые кричали и шумели на протяжении полутора часов — были готовы повеселиться и дальше. Группа копов, сделав небольшой крюк, завернула к «Билли Озу», и в два часа ночи маленький бар запер двери для девятнадцати пьяных полицейских и трех местных работающих в баре девушек. К четырем часам в баре пахло, словно в раздевалке школы; к пяти девочки перестали давать сдачу, и за один вечер заработали примерно двухмесячную сумму денег; к шести все, кроме Билли, уже были на полу, все девочки были голые и многие мужчины тоже. Повсюду валялись пяти- и десятидолларовые купюры, мокрые и слипшиеся от пива. В шесть тридцать Билли угостил всех за свой счет и выдворил за дверь. Двое или трое, среди них был и Йоханссен, тут же отправились прямо в полицейское управление на очередное дежурство.

— Хорошо бы, чтобы получилось не хуже прошлого раза, — сказал Салго.

— Я не думаю, что в этом году пригласят пожарников, Дэнни, — усмехнулся Турок. Это была старая полицейская шутка.

Турок и все остальные сидели в знакомой обстановке ночной попойки, и никто не говорил ничего такого, что другие не слышали бы много раз до этого, но посреди ночи в баре Турок почувствовал то, чему позавидовал сегодня, когда увидел маленькую группку — Пэтси Макклауд, Грема Вильямса и тех двоих, — почувствовал теплоту и близость, которые так стремился обрести. Это ощущение подарил ему маленький полицейский бар в бриджпортском гетто.

— Пожалуй, мне уже пора, — проговорил он в десять минут второго ночи. — Пора по домам. А то скоро я стану похож на старую Джозефину Тейлор. Сегодня видел ее внучку. Потенциальная жертва изнасилования. Пока.

В час тридцать Турок вышел из машины и начал подниматься по крутой насыпи, которая отделяла его участок, где стоял небольшой домик на колесах, от дороги. Виннибаго стоял на пол-акрах земли, купленной Турком у города в 1941 году. Рядом с участком располагался придорожный бакалейный магазин, который одновременно служил заправочной станцией, позади него еще на пол-акрах росли деревья. Когда Турок добрался до середины насыпи, он услышал, что позади домика кто-то бродит — впереди раздавались громкие шаги.

— Только этого не хватало, — прошептал он, и начал вытаскивать из кобуры пистолет. Кто-то пытается влезть в Виннибаго — первая мысль была об этом.

— Выйдите на такое место, где я смогу вас разглядеть, — прокричал он, думая, что скорее всего это парочка детей лазит по деревьям. — Вы, черти, а ну выходите сюда!

Он тихо выбрался на верх насыпи. Турок огляделся так быстро, как только умел, подбежал к белому забору на противоположной стороне своих владений. Отсюда он сможет рассмотреть вход в Виннибаго. Но никого не было видно.

— Выходите! — прокричал он. Ответа нет. Турок обежал тыл дома и проверил заднюю часть участка. Сейчас его уже заливал пот, и он дышал так тяжело, что пояс впивался в живот. Несмотря на услышанный шум, никаких детей рядом с домиком Турок не обнаружил.

Он вновь услышал этот звук, — двигалось тяжелое существо. Оно приближалось из-за деревьев, что росли позади участка.

Турок отер рукавом пот со лба. От деревьев двигалась чья-то тень.

— Какого черта ты там делаешь? — прокричал он. — Это что за игра такая?

Турок вспомнил о том, что увидел сегодня утром — страшное лицо Дики Нормана... но, конечно, этого всего не было.

— Я полицейский и я вооружен! — проорал он.

Фигура продолжала молча и упорно пробираться сквозь деревья.

Слишком много «Джека Дэниелса» и слишком много пива. Тело, выбравшееся на открытое пространство, принадлежало Дики Норману; он был голый и такой белый, что, казалось, отражает лунный свет...

— Я не знаю, что ты такое, но тебе лучше оставить меня в покое, — произнес Турок и прицелился в грудь Дики.

В то мгновение, как Дики сделал новый шаг, Турок ощутил запах. Жуткий, незабываемый запах, который он узнал еще будучи молодым полицейским. Тогда, в конце сороковых, за ледником Ренкер Бразер они обнаружили в машине тело охотника. Тот потерялся в снежном буране и погиб от холода в середине января; нашли его в апреле. И когда Турок открыл дверь машины, то подумал, что его будет выворачивать всю оставшуюся жизнь.

Дики произнес что-то непонятное, слова терялись в гудении тысяч мух. Он сделал еще один шаг по направлению к Турку.

Через два часа после смерти Турка, Микки Забер О'Хара опять приснилось, что она спит со своим Томми. Она погладила худенькое девятилетнее тело, сняла мокрые водоросли со лба, поцеловала холодные влажные щеки. Она обняла его, пытаясь во сне согреть малыша. О, она так любила Томми! Она с силой прижала к себе его плечи и почувствовала, что под ладонями осыпается песок. Муж храпел рядом. И Микки нежно положила руку на ледяной бок сына. Рука оказалась в тине, грязь текла между пальцами. Сонная Микки тем не менее понимала, что она не спит. Все это реально, и каким-то чудом Томми сейчас рядом с ней. Она погладила его лицо, ресницы мальчика задрожали.

Сын дает ей шанс соединиться с ним — все, чего она хотела, это соединиться с ним.

Утром оба тела исчезли. Хэмпстед перешагнул через очередной порог и теперь стоял на границе между жизнью и смертью.

Часть третья
ВЛАДЫЧЕСТВО

I ЧРЕВО КИТА

I

«Лирический», «призрачный» — такими словами можно было описать тот беспорядок и хаос, которые царили в реальном мире. Этот разлад действовал на людей самыми разнообразными способами, и некоторые из них были удивительно приятные. Театр ужасов, распотрожившийся в подвале заброшенного дома на Пур Фокс-роад, могли видеть лишь три человека. Остальные, фигурально выражаясь, закрывали глаза, и странные видения, пляшущие за открытыми веками, развлекали и успокаивали их. Отто Брюкнер предвидел, что через восемь недель после аварии на «Вудвилл Солвент», Хэмпстед и округ Патчин будут извиваться в объятиях его изобретения, и ужасы вроде тех, что таились в подвале дома Бейтса Крелла, хлынут на улицу, но, конечно, ему и в голову не могло прийти, что этот ужас найдет себе родную душу в лице бывшего колониста по имени Гидеон Винтер. Он хорошо знал, на что способно его разумное облако, — и этого было достаточно, чтобы отыскать другой мир, лучший, чем этот. Но у людей Хэмпстеда не было его дара предвидения, они понятия не имели, что уже перешли Рубикон, — все они, включая и наших четырех друзей, лишь понимали, что становится все труднее отделить реальное от воображаемого. То, что вместе видели Пэтси и Табби, то, что видели Ричард, Пэтси и Грем, когда пытались спасти Табби из цепких объятий зеркала, они воспринимали, не пытаясь объяснить, — какими бы странными ни казались эти события.

Для Десмонда О'Хара, прилетевшего из Австралии на похороны сыновей, этот срок настал в тот момент, когда он проснулся и обнаружил, что в постели нет жены. Он обыскал весь дом, испугавшись, что и она отправилась в полночь на грейвсендский пляж. Он сам не мог понять, как, будучи настолько взволнованным, он заснул и проспал до середины следующего дня; ему снилось, что Микки разговаривает с ним, спрашивает о ценах на опалы в Губер Педи, посмеивается над ним. Когда в полночь он проснулся, абсолютно не

ориентируясь в том, что же происходит, ему показалось, что он все еще слышит голос жены. Сумасшествие, подумал он, и все-таки решил обойти дом, чтобы проверить, не вернулась ли она; проходя через столовую, он увидел, что она смотрит на него из большого длинного зеркала.

Но было ли это «лирическим»? Было ли это «призрачным»? Для Десмонда О'Хара, все еще пошатывающегося после длинного перелета из Австралии, похоронившего восемь часов позже своих сыновей, появление в зеркале собственной жены скорее привело к мысли, что он больше никогда ее не увидит. Ее фигура абсолютно ясно вырисовывалась на внутренней стороне зеркала — она глядела на него изнутри, опершись на обратную сторону зеркальной рамы. Белели цветы, которые она поставила на стол, темную поверхность обоев позади них прорезали белые полосы, все было совершенно знакомым в том, обратном мире: широкое лицо Микки смотрело на него, словно лицо, замерзшее под прозрачным льдом реки. Ужас, охвативший жену, казалось заставил ее улыбаться. Когда он включил свет, она ушла.

И похоже, что подобное происходило со многими людьми. Сами того не зная, они уже были в чреве кита.

Внешне город оставался тем же. Если не обращать внимания, то перед вами открывался старый милый Хэмпстед: большие особняки, акры уютных лужаек. Но, приглядевшись, вы бы заметили, что многие дома пустуют, что окна глядят на улицы пустыми темными глазами и что многие уютные лужайки перед домами превратились в заросшие дикой травой луга. Люди старались не выходить на улицу после того, как наступала темнота, и потому они не видели грохочущих вокруг города пожаров. Они могли бы услышать громкие голоса детей, которые поджигали покинутые дома, но люди оглохли.

Крики? Вопли? Когда, прошлой ночью? Мы совершенно ничего не слышали. Конечно, мы были очень заняты — мы упаковывали вещи в эти последние несколько дней, так что засыпали очень крепко, еле хватало сил, чтобы добраться до постели, а потом приснился такой смешной сон...

Если они были здравомыслящими людьми, то закрывали уши, глохли и продолжали собираться. Если они видели мужчин, ссорящихся посреди Мейн-стрит, хорошо одетых мужчин, поставивших на асфальт дипломаты, чтобы заняться кровавой дракой, — они просто пожимали плечами и спешили домой. Они откладывали происшедшее в памяти на потом: разве по всей Америке сейчас не гуляет волна жестокости? Вот только вчера на шоу Фила Донахью... Да, мир сумасшедшее местечко, все это знают... Если они были в здравом уме, они бормотали все это себе под нос, продолжали упаковываться и надеялись, что вопли на улице, похожие на вой

волков, собак или визг свиней, что эти вопли затихнут, удаляясь в низ квартала.

Иногда по ночам Пэтси и Табби слышали голоса этих так называемых нормальных людей:

«Мы уверены, что нам удастся вместить много вещей в этот старый фургон, мы подумываем отвезти детей повидаться с мальчиком Джона, в конце концов, у них всех один отец, и все мы — одна семья...»

«Нет, я не видел старую миссис Эллис, смешно, я несколько дней даже не вспоминал про нее, а ведь мы привыкли здороваться по утрам...»

«Человек, замотанный в бинты, говорите?»

«Сгорел? Дом Эллисов? Не могу поверить, что не заметила этого: я прохожу мимо этого дома дважды в день. Видимо, задумалась о делах, завтра утром мы отправляемся на Кайова-айлэнд...»

Под этим ложным спокойствием скрывалась безумная, дикая тревога, совершенно ненормальная, которая требовала Бежать Бежать Бежать отсюда, не слушать их, только бежать БЕЖАТЬ БЕЖАТЬ БЕЖАТЬ БЕЖАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЭТО ПРОИЗОЙДЕТ...

Пэтси и Табби слышали и это тоже; ко второй неделе июля они заметили на улице несколько человек с блестящей, разрушенной кожей. «Прокаженные! Прокаженные!», — услышала детские вопли Пэтси и увидела, что они бросают камни в забинтованного человека, который пытается спрятаться в тылу Гринблата. Ни Пэтси, ни Табби не были уверены в том, что поступают здраво, но они не могли бежать, они не могли бросить здесь все, они должны принять то, что выпадет на их долю.

Табби не мог видеть, как их жизнь становится похожей на худшие дни во Флориде. Кларк пил, начиная с полудня, и Табби часто приходилось кормить его практически насильно. Он ненавидел это — кричать на отца, стучать над плитой кастрюлями в полумискусственной ярости. Иногда Кларк кричал в ответ на него, иногда гордо вставал и уходил из-за стола, но чаще всего он, как ребенок, наклонял голову и ел то, что Табби ему приготовил. Если при этом присутствовала Беркли Вудхауз, она пробовала еду, посмеивалась над ними обоими и тут же возвращалась к телевизору. Телевизор и постель, пожалуй, ничего больше не интересовало подругу отца. К концу дня помада на ее губах размазывалась и красные полосы спускались вниз, к подбородку.

Табби старался, чтобы Пэтси не заходила в дом, — он был не против, если Грем увидит Беркли и отца в конце дня, но если бы их увидела Пэтси, то его бы это унизило.

Табби не хотел присматриваться в мерцающую даль, в глубине которой отец собирался окончательно убить себя. Во Флориде Кларк

по крайней мере должен был искать работу, быть в форме; там он носил чистые рубашки и менял нижнее белье, но теперь, когда его поддерживали деньги отца, он впал в какое-то оцепенение, словно ящерица на солнечном склоне; Табби казалось, что если он принюхается к ладоням отца, к старым майкам, то ощутит запах спирта — настолько алкоголь пропитал все его существо. Как-то вечером, глядя как отец запихивает в рот очередной кусок картошки, Табби показалось, что над головой отца появился какой-то смутный свет, небольшое светящееся пятно, которое двигалось вместе с ним. Беркли шумно возилась с кубиками льда, так что он не мог спросить ее, но Табби решил, что, видимо, поглощенный отцом алкоголь материализовался. Откуда-то взявшаяся муха закружилась и усе-лась на руку Кларка. Кларк посмотрел на нее словно на какую-то экзотическую птицу, резко поднял руку и с силой хлопнул по столу. Муха перелетела на голову Кларка, а на поверхности стола, вернее, чуть ниже поверхности, образовалось пятно крови, которая словно вылилась из дерева. Табби заворожено глядел на него: кровь пере-катывалась под кулаком отца, как подсолнечное масло. Лишь на секунду — эта была та самая «призрачность», которая заставила бедного Табби затрястись, — он увидел под кулаком хорошенькое личико Беркли, с ужасом выглядывавшее из кровавой лужицы. Табби резко повернулся — она все еще стояла около мойки и колола лед, между губами зажат ее «Тарейтон», одно бедро чуть припод-нято, чтобы с большей силой нажимать на лед; слышался хруст льда, разбиваемого об алюминий. Все это было реальным, а ужасное застывшее лицо, возникшее на поверхности стола в луже крови, было только видением. Когда Табби вновь взглянул на отца, то странное пятно над головой отца уже растворилось в воздухе, как серый кот, которого описывал Ричард. Табби вернулся к несвязному разговору с Кларком и вновь услышал удары льда по раковине; он боялся, что шум в ушах оглушит его. Золотой браслет на запястье Беркли казался красным.

Дес О'Хара, который не понимал, как произошло, что он потерял всех своих близких, и который намного меньше, чем Табби, пони-мал, почему так случилось, взял бутылку деламаньянского коньяка и девятого июля, в среду, в шесть тридцать утра зашел в гараж. Он залез в машину, включил двигатель, сделал погромче радиос. Дес О'Хара пил коньяк, слушал Скотта Гамильтона, исполняющего на саксофоне нежную композицию «Я бы сделал для тебя все», а в это время выхлопные газы уносили его жизнь. Он был в чреве кита, и он знал об этом и больше не мог этого вынести.

Ричард Альби, который каждое утро шел пешком по Маунт-авеню на работу, тоже думал о том, что или мир, или он сам слетел с

катушек — какие только странности не видел он на этих прогулках! И Джон Рем, подрядчик по работам в Хиллхэвене, и клиент знали, что случилось у Ричарда; клиент предложил ему отложить работу на несколько месяцев, но Ричард, знавший, что у Джона Рема полно неоплаченных счетов, настоял на том, что все будет сделано в оговоренные ранее сроки. Это была хорошая мысль. После первого периода отчаяния — периода глубокого шока, когда он практически не мог дышать от боли, когда он проваливался в глубокие фантазии, — после того как он поговорил и поплакал с Гремом, Пэтси и Табби, работа помогла бы ему взять себя в руки. Он забывал о страдании в те короткие мгновения, когда просто смотрел, как работает Джон Рем. Если плотник мог бы быть художником, то Джон Рем стал бы Рембрандтом: в его руках кусок тяжелого дуба начинал танцевать и петь, он был настолько искусным мастером, что мог бы практически полностью выточить все портики в хиллхэвенском особняке. Только такие старые мастера, как Джон Рем, обладали техникой, которую Ричард хотел использовать при отделке интерьера, — сделать формы, чтобы воссоздать лепку потолка, осторожно убрать деревянные украшения на углах оконных рам и на дверях, которыми кто-то двадцать лет назад решил «модернизировать» обстановку. Рема интересовало и то, сколько слоев краски и эмалей наложено на панелях библиотеки, ему хотелось определить их первоначальный цвет. Все это было Ричарду по душе, и временами, когда он видел, какие чудесные, блестящие вещи выходят из-под резца седобородого Джона, ему на глаза наворачивались слезы. Вполне возможно, что реставрационная работа в Хиллхэвене и Джон Рем уберегли Ричарда от судьбы Десмонда О'Хара — он вынужден был столько поднимать и переносить, с тех пор как ушли его помощники и помощники Джона, что, несмотря на то, что внешне он постарел лет на пять по сравнению с маем месяцем, Ричард окреп. К вечеру его буквально смаривал глубокий сон. Он на скорую руку готовил что-нибудь на кухне, стараясь не смотреть туда, где лежала оторванная трубка телефона, съедал свиную отбивную или бифштекс, запивал все это бутылкой холодного пива и засыпал еще до половины девятого вечера. Дни шли неплохо: не считая странного ощущения, что его сердце, желудок и, возможно, легкие исчезли семнадцатого июля. Иногда он видел направление, в котором двигаются мысли, и когда они приходили в голову, на него вновь обрушивался тяжелый удар, потому что он был лишь наполовину подготовлен к ним. Тем не менее на работе все складывалось отлично. В основном именно во время прогулок по Маунт-авеню до Хиллхэвена у него появлялись сомнения в том, сможет ли он прожить наступающий день.

Эти прогулки были приятны и полезны — развивали и тренировали мышцы. Между большими домами на Маунт-авеню мелькал Саунд; за последним поворотом, около массивного, увитого плющом

особняка, где в конце двадцатых Грем встретил Дороти Бах, Ричард останавливался. Перед ним расстился плоский берег хиллхэвэнского пляжа. К середине лета эти пляжи были заполнены до отказа, от них несся смешанный запах соли, солнца и сладковатого, приятного крема для загара. По утрам сине-черная вода подкатывалась к первым рядам принимающих солнечные ванны, заставляя вставать и перетаскивать подстилки в более безопасные места; по вечерам, возвращаясь домой, Ричард видел пустой берег, испещренный лужицами соленой воды, раковинами, между которыми с важным видом расхаживали морские чайки. Эта заурядность происходящего давала Ричарду ощущение того, что все в мире движется по обычному кругу, и помогала справиться с собой.

Первым странным событием, с которым он столкнулся в самом начале работы в Хиллхэвене — в первый день, когда он только-только решил проходить пешком две мили между домом и новой работой, — было то, что Чарльз Антолини вытащил себя из гамака и принялся красить свой дом. Странными в этих малярных работах Чарльза Антолини были невероятная оживленность хозяина и цвет выбранной краски. Антолини, завидев проходившего мимо Ричарда, сбежал со строительных лесов и закричал:

— Привет, парень! Отличный денек выдался, верно? Твою мать, не верится даже, такой денек!

Чарльз Антолини длинными полосами с помощью огромной кисти красил дом в ярко-розовый цвет — до того яркий, что казалось, слышится шипение в тот момент, когда розовые капли падают на траву; самому дому этот цвет придавал какую-то агрессивность. В это первое утро Чарльз уже покрасил половину фасада колониального особняка. Ричард заметил, что в этот же сверкающий розовый цвет выкрашены двери, рамы окон и даже подоконники.

Дни шли, и Ричард видел, что Чарльз Антолини покрасил в розовый цвет не только окна и входную дверь, но («Здорово у меня, парень, выходит, а? Так и сияет? Что скажешь?») и собирается красить огромную телевизионную антенну на крыше дома. Изобрел ли он какой-то новый способ, чтобы удалось выкрасить кистью все ее повороты, изгибы и углы? Он увидел, как Антолини разрешил эту проблему. Он набрал на кисть побольше краски и несколько раз резко потряс кистью, разбрызгав розовые пятна по основной части антенны, а затем принялся размазывать их кистью по остальной поверхности; потом Чарльз радостно посмотрел на Ричарда — он был счастлив, что кто-то оказался свидетелем его изобретательности.

Примерно в то же время Ричард увидел также и Фло Антолини, которая ехала по Бич-трэйл в автомобиле, заднее стекло которого было полностью закрыто грудой чемоданов.

Да, все эти события Ричард действительно наблюдал — у него не было ни малейших сомнений в этом. Но в остальном все было не так просто.

Действительно ли он, например, видел высокого худощавого мужчину в потертом пальто, который прошел мимо него во время очередной прогулки с работы? Мужчина напоминал какую-то глупую подстреленную птицу или чучело, беспомощное до того, что становилось ясно, что на порученном его заботам поле не останется ни единого зерна. Но он напоминал еще что-то или кого-то. Ричард принялся перебирать прошлое, рыться в памяти. Уши незнакомца были прозрачными на свету, и в этот момент Ричард понял: он был высоким и худощавым, с узкими плечами, длинными конечностями, руки на мило торчали из рукавов, ноги вполне могли служить столбами, и весь его вид был невероятно неуклюжим. Голова маленькая с плоской верхушкой, по бокам торчат огромные уши, большие зеленые прозрачные глаза и длинный нос...

Это Ишабот Крейн, коннектикутский школьный учитель из «Легенды спящего холма». Ричард видел, как он шагал по Маунт-авеню, голова покачивалась в такт шагам, он размахивал руками, и когда Ишабот Крейн повернул за угол, Ричард вышел на середину улицы, чтобы подольше посмотреть на него.

Ишабот Крейн? На Маунт-авеню? В том мире, где так жестоко была убита его жена?

Что ж, это настолько же возможно, как и все остальное.

Странности возрастали. Через день после того, как мимо него прошел Ишабот Крейн, Ричард пригляделся к машине, ехавшей вниз по Маунт-авеню, и увидел нечто из двадцатых годов Берлина — Берлина Кристофера Ишервуда. За рулем в строгом черном костюме сидела блондинка. На рукавах ослепительно белой блузки сверкали запонки, стоячий воротничок обвивал черный галстук. В одном глазу поблескивал монокль, она курила желтую сигарету в длинном мундштуке. Волосы коротко подстрижены под мальчика, но в тот момент, когда Ричард увидел женщину, он заметил, что кожа ее лица испещрена крохотными шрамами. Она скользнула по нему взглядом, и Ричард замер в растерянности: она не принадлежала этому миру и была опасна и злобна, словно раковая опухоль. От ее взгляда, казалось, в кожу впивается острый нож. Женщина проехала вниз по Маунт-авеню, и будто земля разверзлась и поглотила автомобиль перед старым домом Табби.

На следующий день Ричард увидел, что в подворотне дома по Маунт-авеню прячется обмотанный бинтами мужчина. Он был уверен в том, что на этот раз это не галлюцинация. очередной «прокаженный». Ричард и сам не помнил, когда впервые услышал это ужасное слово, но он уже знал его. Дети, встречая на хэмстед-

ской улице очередного несчастного, принимались охотиться за ним, пытаясь сорвать защитную оболочку бинтов, то последнее, что еще удерживало жизнь в этих созданиях. Так что не удивительно, что бедный прокаженный удирал прочь, как только замечал, что кто-то собирается подойти к нему. Ричард слышал тяжелое дыхание человека, стоящего в подворотне, и хотел сказать: «Все в порядке. Я просто иду на работу», но не успел вымолвить второе слово, как несчастный подпрыгнул от испуга, выскочил из убежища и побежал вниз по Маунт-авеню — это зрелище оказалось еще более тяжелым, чем видение появившейся из ада женщины, — бедный, несчастный прокаженный, который шарахается от собственной тени, чем-то напоминал Ричарду его самого. Безумие, отчаяние, паника.

Через несколько дней, когда все эти странности начали нарастать в геометрической прогрессии, Ричарду довелось увидеть кое-что значительно более страшное. После этого он ездил по Маунт-авеню до Хиллхэвена, глядя только прямо перед собой.

Все началось просто. Черная машина неизвестной марки выехала из-за спины Ричарда буквально через несколько минут после того, как он начал подыматься по «Золотой миле», зажглись задние огни, и машина остановилась. Водитель наверняка держит на коленях открытый атлас с картой округа Патчин, и когда Ричард подойдет достаточно близко, он задаст обычный в такой ситуации вопрос: «Это Маунт-авеню?» или «Я правильно добираюсь в Хиллхэвен?». Любой пешеход на Маунт-авеню всегда с радостью остановится и будет долго и нудно объяснять, как проехать в нужном направлении и где располагаются дорожные указатели. Черный автомобиль — немного похожий, с точки зрения Ричарда, на «Шевроле» — спокойно стоял у обочины дороги, ожидая пока Ричард не поравняется с ним. Машина чуть дрожала, словно спящая собака. Она остановилась прямо перед старым домом Смитфилдов.

Ричард подошел поближе, и в это мгновение открылась дверь шофера. Затем резко отворилась пассажирская дверь. Ричард на мгновение заколебался, и, может быть, это колебание спасло ему жизнь. Одна из задних дверей, та, которая располагалась с его стороны, тоже открылась. Ричард отступил назад — неожиданно безобидная машина оказалась окружена зловещим светом. Стоя на обочине дороги ранним солнечным июльским утром с тремя распахнутыми настежь дверями, она напоминала странное насекомое — жука или муху. Ничего особенного не происходило, но во рту Ричарда пересохло: он не знал почему, но он боялся того, что находилось в машине, что бы это ни было.

Из задней пассажирской двери черного «Шевроле» вышла Лаура.

Ричард застонал. Все, что он видел до этого, было лишь прелюдией к этой сцене: его жена выходит из машины, вот появились длинные

красивые ноги, вот она поворачивается к нему лицом, но выражение его Ричард не смог понять — лицо походило на застывшую маску. Волосы развевались под легким бризом, задувавшим с Саунда.

Со стороны водительского места появился мужчина и так же, как и Лаура, повернулся к Ричарду лицом. Он был одет в дырявый старый пиджак и вылинявшую желтую ковбойку, запачканную илом и грязью. Другой человек, вылезший с заднего сиденья, был лыс и выглядел вялым и мрачным. И вот уже все трое молча стоят около черного «Шевроле» и смотрят на Ричарда; их лица были похожи — абсолютно пустые, без малейших признаков каких-нибудь эмоций — их лица были мертвы.

Лаура открыла рот, и Ричард, повинуясь инстинктивному ужасу, закрыл уши. Что бы мертвая Лаура ни говорила ему, он не хотел и не должен этого слышать. Ричард отступил на несколько шагов назад и увидел, что двое мужчин, медленно обходя машину, начали приближаться к нему.

Ричард сделал шаг назад, другой, третий и сказал: «Нет, убирайтесь, убирайтесь отсюда», но они продолжали двигаться медленно и неумолимо. Тогда Ричард повернулся и побежал. Он неслся по дороге точно так же, как накануне убегал по ней несчастный прокаженный. Безумие, отчаяние, паника.

В футах пятнадцати от него, между кирпичными столбами, вилась подъездная дорога к дому. Ричард побежал по ней, надеясь добраться до особняка; он пробежал через кленовую аллею, мимо теннисного корта, окруженного высоким сетчатым забором. Наконец в конце дорожки появился серый каменный дом. Позади него искрилось в отблесках солнца море. Занавеси на окнах нижнего этажа были опущены, и весь особняк имел какой-то нежилой, заброшенный вид. Ричард не имел понятия, что он скажет, если кто-нибудь откроет дверь на его стук.

Он взбежал по ступенькам и позвонил. Перед глазами стояла Лаура, которая, медленно отойдя от машины, сворачивает на красную подъездную дорожку... Ричард все еще держал палец на звонке.

С другой стороны двери послышались шаги, потом тишина; затем дверь приотворилась. Она открылась на дюйм или два, и седое подозрительное лицо появилось над дверной цепочкой.

— Я живу через улицу, — объяснил Ричард, указывая в направлении, означавшем Маунт-авеню. — Там на улице какие-то люди... мне кажется они убьют меня.

— Так я и поверю, — ответил старик из-за двери.

— Я напуган до смерти, — повторил Ричард.

— Ладно, сейчас, — старик открыл цепочку. Он поднял правую руку и Ричард увидел, что он держит в ней пистолет. — Так ты прибежал сюда за помощью?

Ричард кивнул:

— Они остановили машину прямо передо мной... перед старым домом Смитфилдов.

— Дом старого Смитфилда, — старик тоже кивнул и опустил пистолет. — Ага, Монти жил по соседству... со всей семьей. Вы думаете, они все еще там?

Ричард кивнул.

— Что ж, я не против помочь вам. Они только увидят эту штуку и быстро сойдутся. Пистолет просто нафарширован пулями на случай, если нам понадобится устроить небольшое сражение.

Ричард был испуган до такой степени, что ему и в голову не пришло: как, собственно говоря, пистолет сможет остановить людей, которые уже мертвы?

Вместе с седым маленьким стариком они пошли вниз по подъездной дороге. Ричард старался не отставать от своего спасителя, и, проходя мимо теннисного корта, он уже знал, что того зовут Чарльз Дэйзи, что он вдовец, что у него шестеро правнуков, а сам он ушедший на пенсию адвокат.

— У меня в подвале дома небольшой тир, вот почему я неплохо умею управляться с этой игрушкой, — объяснял он Ричарду, — с ноября по декабрь в Вампетатском Кантри-клубе проводятся стрельбы, а это так обостряет глаз и набивает руку, что даже трудно поверить...

Они добрались до конца подъездной дороги.

— Где они были? — спросил старик и воинственно оглядел дорогу. — Как вы думаете, в каком направлении они ушли?

Ричард смотрел прямо на них — они не двинулись с места с тех пор, как он повернулся и убежал прочь. Равнодушное лицо Лауры смотрело прямо на него; тысячи знакомых, но навсегда потерянных чувств скрывались в этом теле; Ричард увидел несколько кровавых пятен — они засохли и приобрели цвет ржавчины, — подымавшихся по шее от воротника блузки.

— Они сдрейфили и удрали, — прокричал Чарльз Дэйзи. — Да просто самые обыкновенные подонки, сынок, вот и все, они больше не тронут тебя.

Дэйзи обернулся и внимательно изучал Ричарда, моргая голубыми выцветшими глазами.

— Я узнал тебя, знаешь. Не сразу, правда, но узнал. Мальчиком ты рос здесь, неподалеку. Храбрец. Ты был храбрым.

Ричард понимал, что совершает ошибку, но он не мог остановиться. Он спросил:

— Неужели вы не видите их?

Дэйзи наклонил голову.

— Да вот же, справа. Там, где они и раньше стояли. Двое мужчин и женщина. Я могу даже сказать номер «Шевроле»...

— А ну-ка вали к черту отсюда, — произнес Дэйзи. Маленькое белое лицо постепенно розовело. — Если ты только сделаешь шаг ко мне, актеришка вонючий, то я всажу пулю в твою глотку. Я серьезно это говорю. Убирайся!

— Я не сумасшедший, — проговорил Ричард.

— Думал, вытащишь старого Дэйзи на дорогу и тут справишься с ним? Думал, что неплохо устроился на Маунт-авеню? Так, небось, считал? Но ты плохо знал старого Чарльза Дэйзи, правда?

Он прицелился в Ричарда. Ричард понимал, что если бы захотел, то ему не составило бы труда просто вырвать пистолет из рук старика.

— Я просто хотел, чтобы вы мне помогли, мистер Дэйзи, — сказал он.

Это заставило старика рассердиться еще больше.

— Убирайся! Прочь отсюда!

Дуло уперлось в грудь Ричарда.

Ричард пошевелился. Он понимал, что нет смысла дальше разговаривать. Он повернулся и пошел по направлению к маленькой группе, стоявшей в молчании около черного «Шевроле». В отчаянии он взглянул на лицо Лауры. Глаза открыты, но она, казалось, заснула. Ее не было здесь ни для кого, кроме него, Ричарда. Ни она, ни те, другие, не могут добраться до него, пока злоющий Чарльз Дэйзи буравит возмущенным взглядом его спину: или так, или Дракон придумал какие-то новые штуки. Он шел, так плотно прижимаясь к противоположной стороне дороги, что кусты задевали правое плечо. Старый Чарльз Дэйзи все еще стоял на прежнем месте, не снимая палец с курка, но не поэтому спазмы скрутили желудок Ричарда. Проходя мимо автомобиля, он взглянул на шофера, того, кто был одет в старый, протертый до дыр пиджак и желтую майку: тот был бос, белые исцарапанные ноги покрывала черная засохшая грязь — она налипла на глубокие ссадины, но они не кровоточили, кожа в некоторых местах сползла с ног, но эти существа не испытывали боли, и крови не было.

Он прошел по дороге по меньшей мере ярдов тридцать, не переставая бояться, что Лаура заговорит с ним.

Добравшись до работы, Ричард увидел Джона Рема, сидевшего около задних колес собственного пикапа, который стоял на подъездной дорожке клиента. Справа от него громоздились новые, недавно выпиленные дубовые доски. В клетчатой рубашке и красных подтяжках, сидя рядом со своими сокровищами, Рем походил на Санта Клауса.

— Думаю, мы могли бы начать шкафы сегодня, после проверки панелей. Повезло мне, нашел довольно приличный дуб вчера вечером. Если говорить честно, лучший из всех, что я видел.

— Как тебе хочется, Джон, — ответил Ричард.

Рем подергал себя за бороду.

— Еще один неплохой день, босс.

— Надеюсь, Джон.

Взглянув на Ричарда, Рем все понял: он повидал уже достаточно, чтобы понять.

— Мы потихоньку со всем справимся, босс, потихоньку со всем справимся.

Ричард помог ему занести в дом дубовые доски.

2

Как позже обнаружил Ричард Альби, он был совершенно прав, что удрал от трех призраков, вышедших из черного «Шевроле»: они представляли опасность и явно собирались его убить; к тому, что осталось от его жены, он не испытывал никакого сострадания. Последние две жертвы Дракона, пятый и шестой человек, погибшие от рук Рен Ван Хорна, не оказались настолько удачливы. Они тоже встретились с призраками, но они встретились с ними, будучи совершенно беспомощными; жертвы повстречались не только с призраками, но и с самим доктором Рен Ван Хорном незадолго до того, как Ричард Альби пережил второе сильнейшее потрясение в жизни; Рен Ван Хорн пугал их точно так же, как пугал четыре предыдущие жертвы — так что оба несчастных, по крайней мере один из них, на своем опыте познали смысл слова «призрачность». К этому времени с «призрачностью» можно было столкнуться каждый день, просто гуляя по улицам Хэмпстеда.

Последними двумя людьми, погибшими от рук самого уважаемого гинеколога города, оказались Франс Голланд и его жена Квинни.

Свое имя Квинни Голланд получила от отца, кокни по имени Альберт Мартин, который приехал в Америку в возрасте двадцати лет и обнаружил, что для американцев его речь звучит по меньшей мере как речь герцога. Альберт подыскал хорошо оплачиваемую работу в универсаме «Маки» в Нью-Йорке и женился на продавщице из отдела готового платья; у него находилось время, чтобы поразвлечься почти с каждой хорошенькой женщиной, очаровывая их аморальным, но практичным умом настоящего лондонца. И в конце концов ему удалось скопить достаточно денег, чтобы приобрести в Хэмпстеде, штат Коннектикут, небольшой магазин одежды.

Квинни росла энергичной и практичной девушкой, почитая те идеалы джентльменства, которые, как ей казалось, полностью олицетворял отец. Сын главы местного похоронного агентства Франс Голланд лучше всех подходил под эти строгие стандарты. Даже будучи подростком, Франс уже обладал отличными манерами, был вежлив и

предупредителен, и Квинни, переняв практичную сметку отца, понимала, что в бизнесе, которым он будет заниматься, покупатели не переведутся никогда. «Это как туалетная бумага», — как-то с полной серьезностью пояснил Франс. Люди всегда будут нуждаться в его услугах. Квинни могла бы сказать: «Хорош бизнес — дерьмо да смерть!», но даже признака такой мысли не появилось на ее лице. Они поженились через два года после школы. И очень скоро Квинни сделала так, что стала просто незаменима в фирме «Борнли и Голланд», выполняя всю работу, связанную с заполнением счетов, их отправкой и регистрацией заказчиков. Практичность, унаследованная ею от Альберта Мартина, дала свои плоды.

К 1980 году, когда их браку должно было исполниться тридцать лет, Франс Голланд уже не мог представить, чтобы работа похоронного бюро обходилась без жены, целый день присутствующей в конторе. И это делало поведение Квинни еще более странным и вызывало еще большее беспокойство. Он мог найти необходимые документы, но обычно этим дважды на день занималась жена, и сейчас Франс с трудом мог сообразить, где лежат необходимые каталоги и счета.

В течение тринадцати дней Квинни не занималась ничем, кроме того, что смотрела телевизор. Она даже не одевалась. Утром, просыпаясь, она шла в ванную, чистила зубы, а потом включала старенький телевизор в спальне. Садилась на постель и сходила с ума — так во всяком случае воспринимал это Франс. Тринадцать дней назад все началось с того, что она заговорила с Томи Брокау, потом заспорила с появившейся на экране Джейн Поли и вновь повеселела, когда началась передача, где принимала участие Джейн Шэлит. Она беседовала со всеми людьми, появляющимися на экране телевизора. Квинни не просто обращалась к Томи Брокау и Вальтеру Кронкиту, Теду Коппелу и другим людям, чьи лица круглый день заполняли экран, она вела с ними беседы.

Когда ведущий программы «Сегодня» сказал: «Сегодня многие люди испытывают материальные трудности частично из-за довольно высокой платы за обучение детей в колледжах и университетах», то Квинни взволнованно ответила: «О, я не знала этого, Томи! Что ж, я кажется начинаю понимать, что все эти колледжи приносят не одну лишь пользу!»; и так продолжалось целыми днями. Поначалу Франс подозревал, что Квинни просто разыгрывает его, но она не прекращала это занятие, и он стал понимать, что жена сошла с ума. Что еще можно сказать о человеке, который принимает изображение в телевизоре за настоящего, живого человека?

Квинни бы даже не ела. Он приносил ей сэндвичи, подымаясь в их спальню, расположенную на втором этаже похоронной конторы; жена смотрела на него совершенно отсутствующим взглядом, говорила:

«Спасибо, дорогой» и возвращалась к беседе с Картером Олдфилдом из передачи «Папа с тобой». Сэндвичи сохли на тарелке целый день, и в шесть часов, когда Франс приносил ей суп, он убирал их. Она пила «Таб», или «Мелло Елло», или еще что-нибудь, что рекламировалось с экрана. Эти тошнотворные безалкогольные напитки были, по-видимому, единственным, что поддерживало в ней жизнь.

Квинни сидела наверху совершенно отсутствующая, словно за-гипнотизированная, а Франс в это время обслуживал посетителей, которых сейчас стало больше чем обычно. Часто, проходя через нижние рабочие помещения, намного большие, чем их квартира на втором этаже, он слышал позывные передач, которые сейчас смотрела Квинни. Когда раздавалась веселая песенка «Красный Роб, Роб, Робин ищет Боба, Боба, Боббина, — мы еще попляшем, — он сказал ему», то, значит, в следующие шестьдесят минут жена погрузится в серьезный диалог с Картером Олдфилдом; такие же знакомые такты «Да да да, да да да, ДУМ» означали, что пришло время передачи «Я люблю Люси». Раньше Франс никогда не замечал, что звуки из верхних комнат слышны внизу. Он заметил это только тогда, когда водитель морга доставил тело Десмонда О'Хара к заднему входу, — они положили тело в комнату предварительной обработки; Франс подписал необходимые документы и уже шел с водителем к выходу, когда раздались знакомые звуки «Красный Роб, Роб, Роб...». Шофер расхохотался и, заметив удивление Франса, пояснил: «Что ж, папа с тобой. Разве не так?»

За все прошедшее время Квинни обратилась к мужу лишь дважды. Один раз в конце самого первого дня помешательства. Она поднялась с кровати, отставила тарелку с супом и, обратившись к Джону Карсону, сказала:

— Да, Джон, вы правы, эти люди в Голливуде — просто банда болтунов, — и выключила телевизор. Потом она вновь легла рядом с взволнованным мужем. — Ох, Франс, ну я сегодня и насмеялась.

Вторая фраза прозвучала на четвертый день болезни; услышав ее, Франс подумал, что, может быть, именно в этом и кроются причины такого тяжелого состояния жены. Он принес ей очередные сэндвичи — салат из тунца на белом хлебе — и стакан «Таба». Она оживленно беседовала о проблемах феминизма с какой-то актрисой мыльных опер, которую Франс не узнал. Квинни говорила:

— Мне кажется, что вы не понимаете, как должна в таком случае повести себя женщина, дорогая. — Жена обернулась к потрясенному Франсу, ее лицо на мгновение задрожало, как будто мелкая рябь прошла по воде:

— Я рада, что у нас не было детей, — сказала она обычным своим голосом, — все эти бедные утопившиеся дети... несчастные малыши. Я рада, что мы с тобой бездетны.

Франс Голланд считал, что, вполне возможно, и он скоро последует за женой по пути сумасшествия. Казалось, что с тех пор, как Пэтси Макклауд упала в обморок в комнате для церемоний, все вокруг становилось темнее, темнее и темнее... Погибли все пожарные, и действительность стала какой-то неправильной, не такой, как была всегда. Каждый день количество похорон возрастало — росли заказы и уже приходилось составлять расписание. Это было как в Джонстоне! Точно. Не было такого владельца похоронной конторы, включая его самого, который не был бы пленен Джонстоном и теми техническими проблемами, которые там возникли. И вот уже он, Франс Голланд, пытается сам решить эти задачи в Хэмпстеде.

Он все еще помнил хорошенькую девочку Тейлора, Пэтси Макклауд — так сейчас ее зовут, помнил, как она открыла от ужаса рот, помнил сумасшедший взгляд и крик: «Не прикасайтесь ко мне!», словно он превратился в какое-то омерзительное существо. Его чувства были оскорблены. Франс Голланд принадлежал к тем мужчинам, которые с большим почтением, почти с самолюбованием относились к собственной внешности. И то, что Пэтси так кричала на него — да и выражение ее глаз, — для него было равносильно удару ножом по горлу. И именно с этого дня, с того момента, как он спрятался за углом комнаты для церемоний, когда она звала на помощь друзей, он начал больше чем обычно беспокоиться о сохранности вещей на первом этаже конторы.

Квинни могла быть бухгалтером, но Франс хорошо знал, во что вложены основные деньги — в нижние комнаты похоронной конторы. В вестибюле стояли античный стол, купленный еще его отцом перед первой мировой войной, китайские напольные вазы — сейчас их цена возросла настолько, что сердце Франса останавливалось каждый раз, когда он стирал с них пыль, маленький восточный ковер, тоже купленный отцом Франса и, невзирая на свои размеры, невероятно ценный. Комнату, расположенную позади вестибюля, украшал персидский ковер. Все эти прекрасные, дорогие вещи начинали изводить Франса с того момента, как он ложился в постель. Ему слышался скрип дверей, мягкие шаги около лестницы. Ему казалось, что какой-то омерзительный ребенок собирается пописать на персидский ковер, затушить сигарету об антикварный столик в вестибюле. Лежа в постели, он действительно слышал, как это происходит. Двери хлопали, слышался звон разбитого стекла, скрипели ступеньки. Плюх, плюх — на ковер льется жидкость и тут же впитывается в мягкую пушистую поверхность. В некоторые ночи он слышал даже звук расстегиваемой молнии на ширинке брюк, еще мгновение и этот ребенок начнет портить ковер.

И голоса — снизу доносились голоса. Он не хотел слышать их, но они подымались по лестнице. Первые несколько ночей он не

выдерживал, вставал и шел проверять нижний этаж, но, конечно, ничего не обнаруживал: никаких открытых дверей, никакого разбитого стекла, никаких пятен жидкости на ковре. Огромные пустые нарядные комнаты. Все эти голоса звучали только в голове. Две или три ночи подряд Франс обходил комнату ожидания, часовню, комнату церемоний, но все было в полном порядке. Он поднимался по лестнице и ложился рядом с посапывающей Квинни, и в это мгновение до него опять отовсюду доносились голоса — громкие, возбужденные.

— Франс? Франс? Не видишь нас, а? Попробуй-ка опять... попробуй опять, Франс... Безобразный маленький Франс...

Незадолго до полуночи, в тот день, когда Ричард Альби встретил на дороге призрак своей жены около черного «Шевроле», Франс вновь услышал знакомую последовательность звуков: шуршание около двери, звон разбитого стекла, шаги в вестибюле...

— Можешь найти нас, безобразный мальчик?

Кто-то хихикал. Плюх, плюх — моча полилась на ковер.

Франс застонал.

— Найдешь нас, безобразный маленький Франс? Найдешь нас?

Он все еще слышал ужасные звуки, уничтожающие персидский ковер. Франс поднялся с постели. Он вышел из комнаты и нащупал выключатель, освещающий лестницу.

Если кто-то действительно находится внизу, то, может быть, свет испугнет их? Франс не был большим героем. Он остановился наверху лестницы и прислушался.

Не обращая внимания на громкий шепот в нижних комнатах, он решил все-таки спуститься и осмотреть помещения. Но он даже не собирался включать в них свет. Только быстро обойти первый этаж и вернуться обратно. Франс спустился вниз и увидел, что персидский ковер в целости и сохранности лежит на полу, занавески не порваны. Он прошел через комнату в широкий полукруглый холл, из которого несколько дверей вели в другие помещения. Именно здесь в этом холле так оскорбила его чувство собственного достоинства Пэтси Макклауд. Внезапно Франс решил, что если он сейчас не услышит криков и воплей зрителей в передаче «Вечернее представление», то немедленно поднимется вверх. Но зрители хлопали и кричали, Франс представил Квинни, склонившую голову и отпускающую какие-то замечания ведущему... и он прошел через темный холл в первое помещение.

Здесь находилась комната для церемоний — примерно двести квадратных метров, на пьедесталах стояли гробы. Он знал, что комната будет пуста. Проверка помещений — это просто формальная процедура. Никого. Он только заглянет в остальные и вернется обратно.

Он повернулся и почувствовал запах, он был поражен, мгновенно узнав в нем запах мочи. В комнате запахло, как в армейском туалете. Франс замер в дверях темной комнаты.

— Так что ж это делается тут...

— Франс, ты нашел нас!

Франс почувствовал слабость. Посреди этого безумного зловония, такого сильного, что он почти видел пар испаряющейся мочи, за вторым рядом стоящих на пьедесталах гробов высились две фигуры.

— Нашел нас! Нашел нас! Ты выиграл приз, Франс!

— Приз, какой еще приз! — Он настолько испугался реализации своих наихудших фантазий, что просто не мог двинуться с места. Двое мужчин, эти мужчины ворвались в его дом... добрались до его гробов!

— Убирайтесь отсюда. — Ярость превозмогла страх и отчаяние.

Рука Франса принялась нащупывать выключатель. Он повернул его, и комнату церемоний залил яркий свет, отражающийся от полированных поверхностей сорока стоящих на пьедесталах гробов. И тут Франс понял, что он более сумасшедший, чем шесть вместе взятых Квинни. Перед ним стоял Тони Арчер и член городского управления, оба давно умершие.

В правой стороне комнаты раздавалось громкое жужжание — там кружили миллионы мух. Это непрерывное нарастающее гудение заставило Франса отступить в левую сторону, и он оказался между двумя кожаными красными креслами, стоящими около стены, — запах мочи просто душил его.

Черная твердая жужжащая глыба распалась и рассеялась по всему помещению. Только сейчас Франс заметил, что в одном из красных кожаных кресел, справа от входа, сидит сероволосый мужчина в белом, грязноватом костюме. Кожа на его лице выглядела влажной и отсвечивала на свету. Взглянув на мужчину, Франс отметил одновременно две вещи: этот человек в запыленном белом костюме — доктор Рен Ван Хорн, и доктор превратился в прокаженного. Так же как и Ричард Альби, Франс не смог бы ответить, когда впервые услышал это слово, но он узнал симптомы. Неделя, другая — и Рен Ван Хорн будет по уши замотан в бинты.

— О да, я уверен, — сказал Рен Ван Хорн. — Вы хотите приз, не так ли?

— Приз? — пробормотал Франс.

— Вы же наконец нашли нас, — произнес Рен Ван Хорн и поднял правую руку. В ней был зажат изогнутый, кривой скальпель. Доктор, безумно улыбаясь, подошел к Франсу и перерезал ему шею одним точным резким движением.

Когда с Франсом Голландом было покончено, доктор медленно поднялся вверх по лестнице, где Квинни беседовала с Джеком

Николсоном и объясняла, что если бы он мылся чаще, как делает она, то не чувствовал бы себя все время так отвратительно.

3

— Вы не поверили бы, что происходит в конторе. Я сам не верю в то, что в ней творится.

Юлик Бирн и Сара Спрай беседовали за ленчем в маленьком симпатичном ресторанчике «Свитхэвен» на Пост-роад — его выбрала Сара. Саре нравились папоротники, простой деревянный пол и подаваемые креветки с различными салатами, которые служили, с точки зрения Сары, отличным ленчем. Равнодушной Сару оставлял только список вин. Юлик Бирн отказался от джина и чувствовал себя настолько плохо, что даже не сожалел о том, что тут нет никакой приличной еды. За всеми другими столиками сидели женщины. Они сидели и разговаривали, сидели и курили, с аппетитом поглощая креветки, салаты под белым винным креветочным соусом и сыр, который в меню именовался «самым вкусным сыром из всех сыров Франции». Бирн был единственным мужчиной в ресторане и чувствовал себя грубым, уставшим, больным медведем, вломившимся в уютный кукольный домик.

— Я верю вам, — ответила Сара. — Вы видели последний выпуск газеты?

Юлик мрачно тыкал вилкой в остатки «Салат-Сюрприза». Все, что хоть отдаленно напоминало мясо, он уже съел и теперь гадал, не вызовет ли всеобщий шок, если он закажет кетчуп, чтобы заглушить вкус йогурта или чего-то другого в этом деликатесе.

— Сказать правду, я иногда просто не нахожу времени, чтобы полистать «Газету». Иногда просматриваю вашу колонку, как и все остальные. Но мне приходится слишком много читать по работе. Даже на «Таймс» мне с трудом удастся выкроить по утрам пятнадцать минут.

— Жаль, наша старушка «Газета» не так уж и плоха. Мы работаем довольно прилично и от нас не ускользает почти ничего из того, что делается в городе. Не знаю, удобно ли мне самой так говорить. Но меня просто захватило все, что делается в городе, это могла бы быть не просто статья. Это могла бы быть потрясающая история. Пулитцеровская премия была бы гарантирована, если бы ее могли прочесть. Потому что в последнее время количество опечаток возросло невероятно.

Юлик посмотрел на стройную, интересную женщину, внешне напоминающую Стоуни Фрайдгуд, и решил, что может обойтись без кетчупа. У женщины были резкие черты лица, которые сглаживали мягкие темные волосы; помада размазалась от кончика носа почти до самого подбородка. Но когда она открыла рот, Юлик увидел

ярко-белые, сверкающие зубы. Похоже, что никому, кроме него, не приходило в голову, что ее лицо напоминает лицо жертвы дорожной катастрофы.

В это время полная блондинка, сидевшая по соседству с помадной леди, стала небрежно расстегивать пуговицы на блузке, после чего распахнула ее и обнажила высокую загорелую грудь. Она что-то показывала на груди и поясняла приятельницам, потом вновь застегнула кофточку.

— Довольно странно получается, — продолжала Сара, — редактор читает гранки каждое утро, вылавливает все ошибки, и тем не менее половину статей нельзя понять из-за опечаток, просто чепуха какая-то получается. Вы не едите. Вы себя плохо чувствуете?

— Я чувствую себя омерзительно, — он не решился добавить, что чувствует себя так из-за того, что только что съел. — Желудок не в порядке. Может быть, у меня температура, не знаю. Сказать честно, я даже не обращаю на это внимания. У меня просто здорово расшалились нервы. Моя секретарша собирается уйти, потому что я накричал на нее.

Сара под столом погладила его колено.

— Зачем это?

— Просто хочется сказать вам, чтобы вы не нервничали. Слишком у многих людей в Хэмпстеде сегодня расшалились нервы. Не хочется, чтобы и вы вступали в эти битвы. Особенно с вашей секретаршей.

— Вы не можете себе представить, что делается в конторе! Я больше не знаю, кто я, — какой-то сморчок просто. Приходят люди, клиснты, которых я знаю много лет, говорят «привет», садятся и начинают рыдать. Я не могу просто так сидеть и смотреть, как рыдают люди. Мне хочется выть от беспомощности. И еще кое-что я вам скажу. За последние три дня покончили с собой два моих клиента. Оба молодые парни. Один выстрелил себе в голову, другой выпил бутылку крысиного яда. У обоих отличная работа... черт, да просто великолепная работа. Я просто ничего не могу понять.

— Да. Так бы и было, если бы не кое-что, что я вам сейчас покажу.

— Покажете мне? — он задумчиво посмотрел на полную блондинку.

— Не беспокойтесь, Юлик. Я не собираюсь раздеваться. Я хочу, чтобы вы посмотрели на фотографию, помещенную в «Вудвилл Гералд». Это вписывается в нашу цепочку поисков. Я послала запрос и попросила прислать мне выпуски их газеты за третью и четвертую недели мая. На первой странице выпуска за девятнадцатое мая я увидела заинтересовавший меня снимок. Я попросила их редактора прислать мне его увеличенную копию. Мне кажется, что вам это

тоже будет интересно. — Она наклонилась, подняла сумку и вытащила почтовый конверт. Из этого конверта Сара извлекла фотографии размером примерно восемь на десять.

Юлик взял ее. Он не мог понять, почему эта фотография должна быть ему интересна. Черно-белый снимок, на котором была заснята группа мужчин, стоящих на стоянке машин. Двое, стоящие в центре, явно отвечали на вопросы остальных, образовавших вокруг этих двоих плотное кольцо. Бирн не узнал ни одного.

— Ну? — спросил он Сару.

— Двое мужчин в центре — это ученые, имеющие отношение к заводу в «Телпро», Теодор Вайс и Вильям Пирс. Эта фотография сопровождала статью о пресс-конференции, которая состоялась в тот день, когда погибли люди на этом заводе.

— Отлично. Ну и что в этом такого?

— Хм, — Сара ткнула пальцем в снимок, и ноготь уперся в одного из мужчин. — Знаете, кто это?

— Какой-то тип.

Сара позволила себе немного снисходительно улыбнуться:

— Этот тип Лео Фрайдгуд. Его опознал один мой приятель, работающий в полиции.

Брови Юлика взмыли вверх, он поднес снимок поближе к глазам.

— Фрайдгуд был там? Семнадцатого мая? Он был на «Вудвилл Солвент»?

— Очевидно.

Юлик положил снимок на край стола:

— Черт бы меня побрал, если я что-нибудь понимаю. Но если Фрайдгуд был там, значит, туда его послала корпорация «Телпро». А раз они его послали, то, значит, хотели, чтобы он выполнил какую-то работу. Они, должно быть, чувствовали... — он умолк и задумался. — Они, должно быть, чувствовали, что ситуация выходит из-под контроля. Вопрос в том, что произошло с Фрайдгудом? Его нет дома несколько недель.

— «Телпро», — произнесла Сара.

— Вы все поняли, да? «Телпро». Генерал Хэнк Ходжес. Они куда-то упрятали Лео, потому что он единственный человек, не имеющий прямого отношения к «Вудвилл Солвент», который знает, что действительно там произошло.

— Кто знает возможности «Телпро» и может понять, как они повлияли на Хэмпстед. — Сара аккуратно вложила снимок в конверт, а конверт спрятала в сумку. — Знаете, что я хочу сделать? Я думаю, что пора немного потрясти генерала Ходжеса. Пришло время, я думаю, действовать более решительно. Я хочу поехать в его офис и посмотреть, что он расскажет о Лео Фрайдгуде и «Вудвилл Солвент».

— В таком случае, вам лучше прихватить с собой опытного юриста.

— Что вы делаете завтра во второй половине дня?

Юлик Бирн не хотел признаваться самому себе в том, что к обычному волнению от предстоящей встречи с генералом Ходжесом примешивается чисто профессиональный интерес. Он был абсолютно твердо убежден в том, что Ходжес и «Телпро» отлично законспирировали то, что действительно имело место в Вудвилле семнадцатого мая. Ходжес был не очень-то мягким орешком, да и на «Телпро» работала тысяча юристов, так что, если они с Сарой смогут докопаться до истины... Юлик уже предчувствовал начало процесса, который может принести миллиарды долларов. Это был бы скандал, по величине сравнимый разве что с Уотергейтом, даже еще более ясный и понятный простому человеку. Обычный адвокат из Хэмпстеда превратится за один вечер в известную фигуру, особенно, если будет известно, что он лично причастен к раскрытию этого скандала.

Сара заметила, что весь путь, пока Юлик Бирн вел машину по направлению к Мичигану, пересекая мост через Триборо, мчась по хайвею, он еле сдерживал довольную улыбку.

Когда они добрались до здания «Телпро» на пятьдесят девятой восточной улице, Сара твердым и решительным шагом прошла мимо охраны и повела Юлика к лифту.

— Откуда вы знаете, куда нам идти? — спросил Бирн.

Двери лифта тихо закрылись, и они остались вдвоем в пустом обитом деревом помещении.

— Я журналист, — ответила Сара, — к тому же журналист, который старше вас. Когда генерал Ходжес уходил на пенсию, он рассказал репортерам о своих бывших военных победах и заметил, что главные сражения проходили на двадцатом этаже здания по Пятьдесят девятой восточной улице. — Она толкнула блестящую дверь лифта. — Так что мы собираемся предоставить ему возможность провести одну из таких битв.

Бирн пожал плечами:

— Но с тех пор он мог уже двадцать раз переехать.

— Тогда спросим, где же находится нужный этаж. Но основное дело сделано, охранника на входе мы миновали.

— Теперь нужно попытаться пройти через секретаря.

На двадцатом этаже они прошли в широкий коридор, который вел к стеклянной двери с надписью, сделанной большими черными буквами: «Специальные проекты». За столом сидела рыжая молодая женщина. Она подняла голову и приветливо улыбнулась двум посетителям, приближавшимся к ней по толстому мягкому ковру.

Бирн отметил, что Сара Спрай держится намного более уверенно, чем он, словно всю жизнь только и делала, что вышагивала по толстым коврам и имела и сейчас на это полное право.

— Чем могу помочь вам? — спросила женщина.

— Мы бы хотели повидать генерала Ходжеса, — твердо ответила Сара. — Но сначала мы бы хотели переговорить с его секретарем.

Женщина за столом удивленно посмотрела на них:

— Вы договорились о встрече с генералом?

— Пожалуйста, мы хотим переговорить с секретарем, — Сара взглядом дала понять Юлику, чтобы он помолчал. — Можете сказать, что журналистка «Хэмпстедской газеты» и юрист прибыли сюда по поводу событий, произошедших на «Вудвилл Солвент».

— «Вудвилл Солвент»? «Хэмпстедская газета»? — Женщина подняла телефонную трубку, которая была такого же цвета, что и ковер. Раздался гудок, и она что-то тихо проговорила. Потом широко раскрыв глаза удивленно взглянула на них и спросила:

— Могу я узнать, как вас зовут?

— Мистер Бирн и миссис Спрай, — ответил Юлик.

Женщина опять что-то тихо проговорила в телефонную трубку. Затем мило улыбнулась:

— Миссис Винтроп сейчас встретится с вами.

«Сейчас» растянулось на тридцать минут. Миссис Винтроп оказалась тридцатилетней китайкой. В черном строгом платье, таком же черном, как и ее блестящие волосы, в больших очках, миссис Винтроп приветливо улыбнулась, и присутствующие тут же ощутили силу ее личности. Назвав себя, она пожала руку Бирну, и, несмотря на очаровательную улыбку, пожатие это напоминало скорее мужское. Бирн тут же почувствовал, что надо было побриться и одеть более приличный костюм. Секретарь подошла к Саре. Бирн обнаружил, что с интересом думает о том, на что похож мистер Винтроп.

— Прошу вас в мой кабинет, — сказала она и повела их по одному из широких освещенных коридоров. После нескольких поворотов она открыла большую светлую дубовую дверь и провела их в комнату, где стоял широкий черный стол и несколько удобных кожаных черных кресел. Миссис Винтроп села за стол:

— Я должна объяснить, что генерал Ходжес никогда не принимает посетителей без предварительной договоренности, так что даже если бы он и был здесь сегодня, то встреча все равно не состоялась бы.

— Его нет? — спросила Сара.

— Он будет не раньше завтрашнего дня, миссис Спрай. Но я уверена, что он захотел бы, чтобы я выяснила, зачем конкретно вы хотите его повидать. Мне непонятно, зачем журналисту, ведущему колонку сплетен в «Хэмпстедской газете», и юристу, занимающе-

муся в основном сделками по продаже недвижимости, понадобился генерал Ходжес.

И начиная с этого мгновения миссис Винтроп записывала каждое слово, произнесенное в кабинете. Магнитофон улавливал растущее раздражение Бирна, возрастающую напористость Сары, их твердую убежденность в том, что генерал Ходжес находится здесь, за дверью позади черного стола миссис Винтроп. (Тут они оба ошибались — генерал присутствовал на совете директоров банка на Уолл-стрит.) Магнитофон зафиксировал слова Юлика о том, что «Телпро» убил детей в Хэмпстеде, Коннектикут, и его настойчивые вопросы о том, присутствовал ли Лео Фрайдгуд на заводе в Вудвилле. Йен-Чи Винтроп, видевшая его там, удивленно смотрела на двух возбужденных и до предела измотанных людей, которые, сидя в черных кожаных креслах кабинета, обрушивали на нее столь серьезные обвинения.

4

На следующий день, в пятницу, двадцать пятого июля генерал Ходжес в сопровождении двух адъютантов въехал на улицы Хэмпстеда — только не на переднем сиденье потертого «Джипа», как это бывало, когда он въезжал в корейские деревни, а на заднем сиденье черного «Лимузина».

Дом Фрайдгуда стоял пустой. Соседи ничем не могли помочь. Они понятия не имели, куда он подевался, и вообще не понимали, зачем им нужно открывать двери трем незнакомым мужчинам. Когда генерал называл себя и объяснял, что местопребывание мистера Фрайдгуда необходимо знать в целях национальной безопасности, то жители Кантон-роад, Чарльстон-роад и Бич-трэйл обычно двери открывали. Но ни объяснения, ни доброжелательное гостеприимство ничего не дали генералу Ходжес и его адъютантам.

Первым в полиции с ними встретился приятель Сары Спрай сержант Дэйв Маркс, и манера поведения военных вызвала у него раздражение. Седой старик решил явно надавить на него, а в это время двое его людей заняли позицию у дверей, словно террористы в полицейских боевиках; по обе стороны двери, в футах восьми или девяти друг от друга, так что если сержант смотрел на одного, то совершенно не видел второго. Тройка выглядела взволнованной и возбужденной, и Дэйву Марксу это совершенно не понравилось — он хотел поскорее закончить дежурство, принять душ, подкрепиться и отправиться на ежегодную встречу полицейских в театре Натмега. О том же мечтали на сегодняшнем дежурстве все копы в округе, — все они испытывали нетерпение по поводу предстоящего события и потому не хотели удлинять срок дежурства.

Генерал Ходжес, едва войдя в кабинет Маркса, тут же приказал позвать шерифа.

— Шерифа нет, — ответил Маркс. Шериф лежал дома в постели, но Маркс не видел причин, по которым он должен вытаскивать его оттуда.

Генерал подошел к столу Дэйва.

Он положил перед сержантом визитную карточку:

— Я не думаю, что шериф был бы против, если бы вы рассказали нам все, что знаете о Лео Фрайдгуде и о том, где он сейчас находится.

Маркс, шевеля губами, прочел то, что было написано на визитной карточке.

— «Телпро Корпорэйшн»? Вы ее директор?

— Мистер Фрайдгуд работник «Телпро Корпорэйшн». Поскольку шерифа нет, то я требую, что вы показали нам данные компьютера по мистеру Фрайдгуду.

Маркс поднял брови:

— Данные?

— Это не обычное дело, сержант. Это вопрос безопасности.

— Сейчас, подождите минутку. — Маркс вновь бросил взгляд на карточку. — Здесь нигде не говорится, что вы все еще работаете на правительство, генерал. А даже если оно и так, то мне нужен запрос специальной формы, прежде чем я позволю вам получить доступ к хранящейся в компьютере информации. А у вас его нет. Вы даже не подготовили форму запроса. Вот так обстоят дела.

— Я хочу поговорить с вашим шерифом...

— Приходите завтра, генерал.

— И пока я поговорю с шерифом, я хочу, чтобы ваши люди нашли теперешний адрес Лео Фрайдгуда.

— Об этом вы тоже должны поговорить с шерифом. Но, сэр, он ничего вам не даст.

— Я подам шерифу рапорт о вашем поведении сегодня вечером, офицер Маркс.

Три или четыре офицера медленно подошли к столу: генерал заметил, что они двигаются очень спокойно.

— Я не отвечаю за то, что вы делаете, генерал. Все, что я знаю, это то, что вы — частное лицо, считаете, что имеете право отдавать приказы офицерам полиции и требовать доступа к секретным документам полиции. Мне кажется, что это у вас будут проблемы, генерал.

Лицо генерала Ходжеса залилось еще более яркой красной краской, чем обычно. Начиналось его очередное сражение.

— Я даю вам телефон Департамента Безопасности. И требую, что вы позвонили и выслушали то, что вам там скажут. Я приказываю вам сделать это. А потом вы покажете мне данные на Лео Фрайдгуда.

— Я хотел бы напомнить вам, генерал, где вы находитесь, — сказал Дэйв Маркс. — Вы не можете мне приказывать. Я хотел бы, чтобы вы и ваши люди немедленно покинули участок.

— Эй, — подтвердил кто-то, — вы слышали, что он вам...

— Тихо, — прикрикнул сержант. — Я повторяю, освободите участок.

— Да вы просто идиот, вы наносите вред самому себе, — не сдавался генерал. — У меня есть право на то, чтобы быть здесь, и есть право получить доступ к интересующей меня информации. Если вы просто позвоните в Департамент...

— Да кто, твою мать, ты такой? — не выдержал краснолицый блондин. — Ты что, считаешь, что мы в твоей армии? Сейчас ты вылетишь отсюда. Может, сам уйдешь все-таки?

Грилл, один из адъютантов Ходжеса, подскочил к Йоханссену и заломил ему руку за спину.

— Прекрати, — сказал Йоханссен.

— Никто не хочет доставлять вам неприятности. — произнес Грилл, — Мы ищем парня, который сбежал в самоволку. Мы хотим найти его, и вы нам в этом поможете.

Йоханссен повернулся лицом к остальным, и на его лице ясно читалось: «Вы верите этому парню?» Поворачиваясь, Йоханссен отвел руку назад, прямо к кобуре Грилла. Он выхватил пистолет военного и, действуя быстро и зло, одним ударом ноги подбил Грилла под колени, навалился сверху, прижав того грудью к полу, и достал собственный пистолет из пиджака.

— Оставьте моего человека! — проорал Ходжес. — Вы должны мне дать телефон.

Грилл безуспешно пытался выбраться из-под Йоханссена, но полицейский заломил обе его руки назад и поставил ногу на спину адъютанта.

— Ты, идиот! — заорал генерал. — Освободи этого человека!

— Я вам сказал, что вы не в армии, — повторил Йоханссен и, надев наручники на Грилла, подошел к генералу.

— В камеры их, — отдал приказ Маркс. — Просто посадим их, а завтра со всем разберемся.

— Этот подонок напал на меня. — Йоханссен с размаху врезал ногой по животу Грилла. — Дерьмо!

Он потащил Грилла в глубь участка и еще одним ударом, от которого голова Грилла повисла на грудь, втолкнул его в одну из маленьких камер.

— Дерьмо! — повторил он. — Ты у меня жрать его будешь, сосунок!

Йоханссен закрыл и запер за собою дверь камеры.

Ларри Вайк вел генерала ко второй камере. На лице Ходжеса читалось недоумение и неверие — ему никогда прежде не приходило в голову, что, начав сражение, он может проиграть.

— Уберите руки! — кричал он. — Я вас всех сотру в порошок!

— Мне никогда не нравились генералы, — проговорил Йохансен, глядя, как Ларри Вайк заводит генерала в камеру.

— Вашим ребятам и вправду стоит позвонить по одному из телефонов, — проговорил второй адъютант, когда шел в третью камеру. — Завтра этот кусок дерьма действительно доставит вам много хлопот.

— Генералы всегда доставляют хлопоты, заставляя кого-то таскать для них каштаны из огня, — ответил Йохансен.

Хэнк Ходжес злобно и яростно вопил, но наконец он понял, что в городе, где каждый испытал влияние ДПК-16, ничто не может удержать или остановить полицию.

— По крайней мере, эти три индюшки не будут нам морочить голову сегодня вечером, — сказал Ларри Вайк Йохансену.

Йохансен прислушался к воплям и угрозам генерала:

— До тех пор, пока этот старый козел не доберется до телефона.

5

— Ты хочешь пойти. Я знаю, что ты хочешь.

— Я совершенно никуда не хочу идти. Господи, Ронни, я хотел, пока ты не заболела.

— Там будут все твои друзья.

— Я вижу всех моих друзей каждый день в участке. А пропустить кино, которое будут крутить в театре, — не большая потеря.

— В прошлом году ты так хорошо провел время.

— В прошлом году ты была здорова. Ради Бога, Ронни, ты даже не притронулась к еде.

— Я не ем еще и оттого, что переживаю за тебя. Я не хочу, чтобы ты превращался из-за меня в домоседа. Я все равно больна, и не имеет значения пойдешь ты на вечер или нет. Поэтому ты должен пойти.

— Господи, Ронни. Я буду ужасно себя чувствовать, если действительно пойду туда. Я хочу быть дома и заботиться о тебе.

— Заботиться о старой больной леди, — повторила Ронни и, повернув голову, зарыла лицо в подушки.

Старая больная леди — вот на кого она теперь похожа, думал Бобо. Он заметил, как высохла за время болезни ее кожа, как запали щеки, как резко обозначилась линия челюсти. В девять часов вечера, сидя у постели жены, Бобо автоматически передвигал на подносе тарелки, к которым Ронни так и не притронулась. Ронни лежала,

закрыв глаза, и опустившиеся веки напоминали огромные серые могильные камни, что легли на ее лицо. Она вздохнула, зарылась еще глубже в подушки. Морщины прорезали лоб, легли глубокими канавками в углах рта. На мгновение Бобо задумался: сможет ли он и вправду прожить остаток жизни с женщиной, которая настолько старше его? Жить с женщиной и видеть во что превращается такое знакомое и родное лицо? Паутина морщин испещрила кожу, словно задавшись целью полностью скрыть лицо под этой вуалью. Бобо захотелось сбегать — он чувствовал себя сиделкой в доме для престарелых. Но уже через минуту эти мысли ушли. Он осторожно погладил ее руку, чувствуя нарастающую вину.

— Иди, — сказала Ронни. — Не позволяй мне усесться тебе на шею.

— Посмотрим, — ответил Бобо, и для него в этих словах заключался двойной смысл.

Он взял поднос и отнес его на кухню. Позади вновь вздохнула Ронни. От боли, подумал он.

Проблема заключалась — Бобо ударил кулаком по раме кухонных дверей — проблема заключалась в этих убийствах. Они как-то отравили город, выплеснувшись на улицы Хэмпстеда, они изменили его. Бобо теперь уже не получал удовольствия от ночных дежурств по Хэмпстеду. Он видел на них слишком много сумасшедших вещей: по несколько раз за ночь ему приходилось прекращать загадочные драки; разняв сражающихся, он пытался выяснить, почему они вступили в бой, но оказывалось, что никто из участников сражения не помнит, почему оно началось. Многие жители Хэмпстеда со странным воодушевлением принялись разбивать стекла окон, и Мейн-стрит часто выглядела так, будто недавно ее взяли на абордаж. Бобо сам выезжал на место происшествия, когда аптекарь Тэдди Олсон врезался на автомобиле в группу школьников и убил четверых из них. Бобо, сам не понимая почему, твердо знал, что если бы в Хэмпстеде не произошли эти убийства, то Тэдди до сих пор аккуратно отмеривал бы порошки на весах в аптеке, а не ждал бы суда в бриджпортской тюрьме.

Сейчас в Хэмпстеде, думал Бобо, жили сотни людей разных возрастов и разного пола, которые выглядели достаточно ненормально для того, чтобы их можно было подозревать в убийствах. Часть их составляли копы — это была вторая часть проблемы, которая заставила Бобо ударить кулаком по дверной раме. Целое отделение полиции потихоньку превращается в сумасшедший дом оттого, что не может найти убийцу, да и полиция штата выглядит не лучше, продолжая беспомощно кружить на одном месте. Но самым тяжелым для Бобо было смотреть в глаза молодых полицейских вроде Марка Йоганссена и его друга Ларри Вайка. Взгляд этих ребят ясно говорил,

что каждому, кто осмелится перейти им дорогу, не поздоровится. И таким был не только их взгляд. Вайк с безумной жестокостью избил двоих людей, которых он разнимал в драке на стоянке машин по Мэйн-стрит. Один из них более или менее удачно избежал травм, а второму Вайк выбил несколько зубов. Но самым ужасным было даже не это, а то, что, приехав на место происшествия и взглянув в глаза Ларри Вайка, Бобо обнаружил, что тот с удовольствием застрелил бы этих двоих вместо того, чтобы избивать их.

Бобо выкинул несъеденную Ронни еду, помыл тарелки. В первый раз с того времени, как начались убийства, Бобо пришла в голову странная мысль: в то время как все будут сегодня ночью кричать, веселиться и пить пиво, быть может, было бы лучше, чтобы Йохансен, Вайк и еще несколько ребят пошли в какой-нибудь тихий бар.

6

Те полицейские, которые выжили после второй ежегодной встречи полицейских, так и не смогли объяснить, как случилось, что события так быстро приняли такой плохой оборот. Они, так же как и Бобо, не могли понять, как произошло, что просмотр фильма в театре Натмега обернулся разрушением и гибелью; так же как и Бобо, они пришли в ужасное состояние, но при всем желании им не удалось восстановить последовательность событий, которая привела к тому, что полторы сотни полицейских в течение получаса истерически палили друг в друга. Правда, все выжившие сходились в одном: буквально за несколько минут до этого безумия Ларри Вайк разделся и выпрыгнул на сцену перед натянутым экраном. Пожилой патрульный Род Фратни начал вопить, что он видит Дики Нормана. И все тридцать два оставшихся в живых полицейских подтвердили, что человек, сидевший на дальней правой стороне театра, пропал, как только Фратни выкрикнул имя Дики. Они соглашались и в том, что Ларри Вайк был первым, кто погиб, но одиннадцать человек утверждали, что Вайка убил Фратни, шестнадцать заявили, что Вайка пристрелил какой-то неизвестный полицейский, четверо рассказали, что оба эти человека одновременно стреляли в Вайка, и, наконец, только один человек рассказал Грему Вильямсу, что пули, выпущенные Фратни и неизвестным полицейским, попадали в полотнище экрана. Вайка убили, тут человек замаялся, какие-то огни, что неожиданно стали спускаться из-под потолка и окутывать стоящего перед экраном Ларри.

— Когда они накрыли его, — говорил полицейский Грему, — я увидел такое, что никто и никогда не видел. Даже железная многотонная плита так бы не расплющила его, и вот с этого момента ребята ошалели.

Для Грема это прозвучало совершенно естественно — такая выходка вполне в стиле Дракона, тем не менее он обошел остальных выживших и спросил, уверены ли они в том, что Вайка застрелили два полицейских.

В бриджпортском баре «Билли Оз» сорокатрехлетний сержант по имени Джерри Джером внимательно взглянул на Грема:

— Вы имеете в виду эти огни? Вам кто-то рассказал об огнях?

— Вы рассказали мне об огнях.

— Мы выпили пару-другую кружечек пива. Должен сказать, что до этого я никогда не видел, чтобы его так быстро глотали. И через минут пятнадцать мы уже были готовы к просмотру картины. Все утихло, в зале потух свет. Йоханссен и несколько парней, Малони, Вилл и еще кто-то, кого я не знаю, еще стояли в проходах между рядами кресел, но все остальные уже сидели. Можно было услышать, как пролетит комар, — ведь мы все так давно ждали именно этого момента. Когда занавес открылся, несколько ребят захлопали, но большинство — черт! как бы это сказать... — они как-то подсознательно напряглись, понимаете?

Джерри Джером глотнул приличную порцию «Джека Дэниела», посмотрел на Грема Вильямса и продолжил:

— А вам кто-нибудь рассказывал про черного?

Когда Грем отрицательно покачал головой, Джером слегка улыбнулся и сказал:

— Это наступило позже, и вот потому-то я и думал, что все эти огни были только в моем воображении. Потому что если бы тот парень, который так веселился, видел то, что видел я, то он бы уже не смог шутить. Я все еще пытался разобраться, не сошел ли я с ума. Слушайте, если сейчас вы засмеетесь, когда я вам расскажу, что видел, то я выплесну вам в лицо содержимое этого стакана, ясно? Ясно. Что ж, я думаю, что то, что там появилось, было северным сиянием. Понимаете? Потоки света, переливаясь, двигались от потолка к экрану — словно сверкающие огненные мячи, что ли. Голубые, желтые и красные... они сверкали и казались какими-то наэлектризованными. Я видел их, парень. Я испугался так, что сам себя обзывал дерьмом; мне показалось, что весь театр объят пламенем. Все это мне напомнило ночь в армии, когда проводилась учебная артподготовка. Воздух словно звенит вокруг тебя, понимаете? А потом эти огни хлынули к экрану.

Когда я увидел Вайка, — он сделал еще один глоток, — я понял, что с ним творится что-то ненормальное.

С негром вроде бы все было понятно. Все выжившие соглашались в том, что шутил не Йоханссен — его юмор не был таким грубым. Видимо, это сделал Малони, Арти Малони, который вернулся из Вьетнама с коробкой медалей. Временами, как следует набравшись, он

начинал демонстрировать их и рассказывать военные истории. Похоже, что именно Малони закричал «Черный!» в тот момент, когда на экране появился первый темнокожий человек, который не был полицейским. «Черный! Наполовину грязный, наполовину темный!» Ребята словно ошалели. Эта шутка эхом отдавалась в зале театра. Но ведь правда в том, что она, мягко говоря, не была удачной. Такую грубость мог позволить себе разве что полупьяный двадцативосьмилетний коп из Ирландии, да и то только в баре, где все напились настолько, что уже никто никого не слышит. Да и никто обычно, кроме разве что старых служак вроде Рода Фратни и Джерри Джерома, которые могли слегка улыбнуться, не реагировал на это.

Почему же эта дурацкая шутка Малони имела такой успех? А может быть, не один только Джерри Джером видел сияние, что спускалось с потолка на экран? — подумал Грем. Может быть, намного большее число людей увидело его — все, кроме Арти Малони, — и решило, что они сошли с ума? «Черный!» вернуло их к реальности, они пришли в себя, пытаясь преодолеть охватившее их странное ощущение растерянности.

Похожее на то, что рассказал Джерри Джером в бриджпортском баре, Грем услышал и от двадцатилетнего парня. Наверное, в форме Майк Минор выглядел вполне уверенным в себе, но, сидя на кухне родительского дома в майке и шортах, он все еще казался подавленным происшедшими в театре событиями. Слишком большие для такого лица глаза, одно веко чуть заметно подергивается, словно он лукаво подмигивает собеседнику. Он ушел из полиции в сентябре и думал съездить куда-нибудь на курсы по подготовке для работы на компьютерах.

— То, что я видел, напоминало паутину, что-то вроде мерцающих тонких переплетенных световых линий... Они парили в воздухе... — Майк судорожно сглотнул. — Не хотите выпить что-нибудь?

Он открыл холодильник и вытащил банку пива, откупорил ее и тут же осушил примерно наполовину.

— Я не могу понять, как получилось, что Ларри вдруг начал раздеваться. И не смогу сказать, зачем он начал это делать. В то мгновение он был похож на безумное животное, вот так бы я сказал, если бы вы попросили меня правдиво описать Ларри Вайка.

Майк Минор нервно двумя большими глотками допил остаток пива.

— Когда он вышел из этих черно-белых теней, сам похожий на одну из них, меня охватил ужас. А когда Род Фратни от страха начал вопить и завопили остальные парни, сидящие рядом, я просто чуть не наложил в штаны. Потому что я знал, что это действительно он — он был там, недалеко от нас, — Майк взглянул на Грема, который понимающе кивал. — Вайк увидел его. И старина Род. И я.

— Дики Нормана, ты имеешь в виду. — Грем ожидал этого.

— За две ночи до того, как все это произошло, я патрулировал свой район. И я потерялся. Я находился где-то рядом с Академией, но я уже не ориентировался. Какая-то дорога — узкая дорога без единой отходящей от нее улицы. Я даже не мог вспомнить, как оказался на ней. Словно ожил плохой сон, понимаете? На мгновение я просто запаниковал. Как же так, я — коп и даже не могу врубиться, куда и как я попал! Вокруг ничего, только огромные деревья. Я не мог припомнить даже то, в какой части города я находился до того, как оказался здесь. Я решил повернуть назад и двигаться в обратную сторону до тех пор, пока не увижу что-то знакомое. Я повернул машину и внезапно в зеркале заднего обзора... увидел Дики Нормана. Его кожа выглядела красной в свете фар. Он только что вышел из-за деревьев на дорогу, и казалось, что он спит или пребывает в каком-то трансе: одна его рука была сломана, круглое большое лицо было серым уставшим и... мертвым. Он двигался прямо ко мне. Я дал газ и выжал из машины все, что возможно.

— Так что, когда Ларри Вайк оказался среди теней около экрана... — Грему не понадобилось подталкивать рассказ парня.

— Да, я понимаю, что никто не сможет уже спросить Рода Фратни, но я уверен, да, уверен, он тоже увидел его. — Майк бросил взгляд на пожилого человека за кухонным столом, а потом опять принялся вертеть в руках алюминиевую банку пива.

— Я тоже уверен в этом, — успокоил парня Грем. Тот подозрительно посмотрел на него. — Я и сам видел столько невероятного в июле и августе...

— Да, — Майк вновь кивнул, — масса невероятных вещей... А кто-нибудь рассказывал вам о фильме?

Об этом не говорил ни один из оставшихся в живых. Грем посмотрел в напряженные, взволнованные глаза парня.

— Расскажи мне о фильме, Майк. — У Грема засосало под ложечкой, и он крепко сжал руки в кулаки, чтобы Майк не заметил, что они дрожат.

— Я не знаю, что же конкретно я смогу рассказать, — парень замолчал на несколько минут. — Понимаете, вроде этот фильм был про нас... Но он был странный, какой-то другой... — Майк вновь запнулся.

Грем терпеливо ждал пока парень найдет нужные слова в своем небогатом словаре.

— Какой-то другой, ты сказал?

Парень вытянулся на стуле; свет, падающий из окна, лег на лицо, на щеки, он побледнел. Внезапно Грем увидел, что он постарел лет на двадцать.

— Фильм стал объемным. Я смотрел на экран так, словно заглядывал в обычную комнату. Приглядевшись, я понял, что это за комната. Это уже не был обычный полицейский участок, о котором рассказывалось в фильме — я понимаю, что это звучит странно, но я долго разбирался и пытался узнать его. И наконец узнал. На экране появилось хэмпстедское отделение полиции. То, из которого мы совсем недавно ушли сюда. Мо Честер, оставшийся на дежурстве, и его напарник Маккон... Не могу сказать почему, но меня совсем не обрадовало появление на экране нашего участка. Я пригляделся и обнаружил, что в участке сидят все наши копы, даже те, кто не пришел сегодня в театр. Ройс Гриффен. Его я заметил первым: ярко-рыжие волосы Ройса Гриффена. И только потом я увидел его спину и голову.

Майк закинул ногу на ногу и подпер ладонью бледную, словно покрытую изморозью щеку.

— Они были похожи на гамбургер. Только огромный. Я еще раз внимательно оглядел всех и понял, что все эти парни мертвы. Это сидели мертвецы, и их кожа переливалась всеми оттенками зеленого... — Майк дрожал. Грем прекрасно понимал его, он и сам еле удерживался от того, чтобы не затрястись. — Вот, что я видел.

— Больше ничего?

— Еще, правда, кое-что, но только на очень короткое время. У нас на участке есть камеры, в которых мы держим пьяных, которым нужно переспать ночь. Иногда в них сидят подростки, до тех пор пока за ними не приезжают родители. Шесть камер, расположенных одна за другой. Не знаю, был ли в них кто-то этим вечером, потому что в этот день я патрулировал город, но фильм показал три первые камеры. Больше всего это смахивало на мясную лавку. Разрезанные тела, вспоротые животы, из которых вывалились внутренности, и кровь, повсюду кровь... Одежда перемешалась с их внутренностями. — Майк Минор обхватил колени. — Это случилось как раз после того, как я увидел Дики Нормана, пляшущего на фоне экрана.

Голос парня задрожал:

— Ребята орали и плакали... Справа от меня сидел Гарри Честер, брат Мо; одна пуля попала ему в горло, а следующая снесла полголовы. Я бросился на пол и выхватил собственный пистолет. Я был уверен, что Дики Норман идет ко мне, и я начал стрелять по направлению входа в зал... Наверное, я застрелил несколько человек, не знаю...

Грем встал и подошел к дрожащему мальчику. Поколебавшись, он снял с полки бутылку виски, налил немного в стакан и протянул его Майку Минору:

— Все в порядке, сынок. Все в порядке. Все закончилось. Те, кого уложил ты, уложили и сами не меньше дюжины человек.

Когда он узнал достаточно, чтобы начать расспрашивать остальных уцелевших об этом фильме, он услышал дюжину вариантов истории Майка Минора. Каждый видел свое, но через первые несколько минут «Хора мальчиков» не видел никто. Кто-то видел своих жен и дочерей, занимающихся любовью с другими копами, кто-то — тела детей, которые качало на мягких волнах. Большинство видело мертвецов, которые двигались, точно живые. Три или четыре человека, с которыми говорил Грэм, видели рыжеволосого Ройса Гриффина. Многие видели мертвых детей, от бледных лиц которых исходил жуткий холод. Коп по имени Лью Хольц сказал Грему:

— То, как они выглядели... Понимаете, я видел их лишь минуту-другую, но... они выглядели чертовски забавно. Это больше не были детишки, это было что-то другое, что-то, что вы бы никогда в жизни не захотели увидеть, мистер, да и я тоже. Они выглядели так, словно их дергали за ниточки — вот как!

Хольц не видел шаровой молнии Джерри Джерома, как и большинство остальных, он думал, что Ларри Вайка убил Род Фратни, хоть Род и считался худшим стрелком во всей хэмстедской полиции. Правда, к тому времени, когда Грэм беседовал с Лью, вопрос о том, кто именно убил Вайка, больше не интересовал его.

Поэтому он второй раз поговорил с Бобо Фарнсвортом о том, что ему удалось выяснить насчет этой ночи, и спросил:

— Когда вы прибежали в театр со станции, вы, случайно, не видели того, что было на экране?

Потому что, когда Бобо прибежал в театр, фильм еще крутился — кинооператор, сраженный шальной пулей, лежал на полу в своей будке. Он был жив, но не мог пошевелиться, экран был весь в лохмотьях, но «Хор мальчиков», или то, что там Дракон показывал вместо него, все еще мелькало на обрывках экрана и на пустой сцене за ним. И Бобо, который стоял на возвышении в темном кинозале, заполненном трупами, видел это.

Около десяти часов вечера Ронни заснула тяжелым, беспокойным сном. Бобо сидел на краю постели, ему не хотелось оставлять ее — от долгой иссушающей болезни лицо Ронни казалось полупрозрачным. Он осторожно дотронулся до ее рук и приподнял их: горячие, сухие и не тяжелее бабочки. Сидеть, держа руки Ронни в своих, в то время когда она спит, Бобо считал несколько нарочитым; он осторожно положил их обратно на простыню. Потом пошел в ванную, смочил в холодной воде полотенце и, вернувшись к Ронни, осторожно протер ей лоб. Ронни что-то пробормотала сквозь сон, но

не проснулась. Бобо осторожно приложил пальцы ко лбу и ему показалось, что температура стала немного ниже.

Следить и ухаживать за больной, как обнаружил Бобо, было более изнурительным делом, чем работа полицейского. Он выслушал отчеты по прошедшим дежурствам, вернулся домой, ухаживал за Ронни и сейчас почувствовал, что не спал уже тридцать шесть часов. Самым изнурительным во всем, думал Бобо, было беспрестанное волнение о состоянии Ронни, но повозившись с нею в течение шести или семи часов, он буквально валился с ног и не чувствовал собственную спину. Сейчас он бы с удовольствием прилег рядом с ней, но Бобо не хотел рисковать, боясь разбудить ее. Он присел рядом и, вновь взяв ее за руку, закрыл глаза. Потом он прошел через спальню к старому завешенному одеждой стулу, сбросил все вещи на пол и уселся на это твердое малоудобное лежбище.

Он проснулся через несколько часов, не совсем понимая, что происходит, — он так сладко спал, что не сразу сообразил, что действительно заснул. Бобо пошевелился и почувствовал, как заняла спина; ноги в туго зашнурованных ботинках опухли. На противоположном конце комнаты Ронни провела рукой по лицу. Потом открыла глаза и увидела его.

— О, дорогой мой, ты остался со мной. — проговорила она, — Я так хочу пить.

— Сейчас. — Он резко поднялся со стула и принес из ванной стакан воды. — Как ты себя чувствуешь? Я думаю, что тебе надо несколько часов поспать.

Ронни согласно кивнула; она пила.

— Я чувствую себя лучше. Знаешь, я думаю, что даже могла бы что-нибудь съесть. Немного супа, ладно? Не будешь ли ты таким милым и не сделаешь ли мне немного?

— Я здесь именно для этого, — ответил он.

Вернувшись с тарелкой грибного супа, он присел на край постели и смотрел, как она почти полностью доела его. Возвращая ему тарелку, Ронни сладко зевнула:

— Ох, милый, прости. Бобо, по-моему, я могу проспать еще недели три.

Бобо в ответ улыбнулся.

— Который час? Около половины первого ночи? Бобо, почему бы тебе не пойти на встречу? Наверное, она немного позже началась, так что ты опоздаешь не больше чем на несколько минут. А я выключу свет и опять засну. Со мной все будет прекрасно, я обещаю.

— Что ж, может, я так и сделаю. — согласился Бобо.

Он не пошел прямо в театр Натмега, а, припарковав машину, решил зайти в отделение полиции. Театр располагался в нескольких шагах

от городской стоянки, а Бобо интересовало, как идут дела на ночном дежурстве. Еще несколько случаев поджога домов, очередное неизвестное тело найдено около дороги, старшеклассник пытался спрыгнуть с крыши собственного дома... Сегодня дежурит Мо Честер, он всегда расскажет что-нибудь смешное о таинственности поступающих вечерних сообщений — Мо Честер всегда умел развеселить Бобо. К тому же Мо, наверняка, расстроен, что не сможет посмотреть картину и принять участие в последующей увеселительной попойке, особенно если учесть, что его брат все-таки смог туда пойти.

Бобо поднялся по ступенькам и толкнул массивную деревянную дверь. Он уже улыбался, предвидя возможный ответ Мо, удивленного его появлением.

— Эй, угадайте, кто пришел? — сказал он, несколько раз хлопнув руками. — Принести вам немного пива из...

Он хотел сказать «театра», но отсутствие публики украло шутку прямо из горла. Мо Честер не сидел за столом, с кислой улыбкой прижав к уху телефонную трубку. За столом никого не было. Ганс Маккон, напарник Мо, тоже пропал, и это было вдвойне странным. Бобо даже не мог припомнить, когда отделение оставалось совершенно пустым.

— Эй, — позвал Бобо, — что за идея, Честер? Вы с Гансом решили объявить забастовку?

Эти слова неслись в глубину отделения — как будто там кто-то был. Внезапно Бобо понял, что в помещении никого, кроме него, нет. Ему показалось, что он ощущает какой-то запах. Бобо в молчании стоял рядом с широким входом в участок — сработал рефлекс, и он потянулся к тому месту на поясе, где должна была висеть кобура. В сознании громко зазвонили колокола опасности, и только дотронувшись до пояса, он понял, что он не в форме.

— Кто-то есть? — прокричал он.

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Бобо подошел к столу и уже собрался наклониться, чтобы посмотреть за него. Звук телефонного звонка вызвал у Бобо состояние, которое медики называют «дежа вю». Он почувствовал, что такой, точно такой момент уже был когда-то в его жизни: ужас перед опустевшим отделением, пронзительная настойчивость телефона и он сам, застывший именно в таком положении, с поднятой ногой, еле удерживая равновесие.

Бобо не сомневался в том, что отделение заполняет тяжелый запах, и первый и единственный раз в жизни он смог определить причину возникновения «дежа вю», понять, что породило иллюзию того, что он уже пережил раньше точно то же самое. Он смог это сделать, потому что узнал запах — запах крови, который становился все сильнее, и казалось, что даже стены испускают этот удушающий

аромат. Он смог это сделать, потому что продолжал истощно звонить и звонить телефон. Бобо вернулся в памяти к тем ужасным часам, когда он ответил на вызов брата Эстер Гудолл и, увидав месиво на кухне, позвонил в участок; он ждал приезда полиции, а телефон миссис Гудолл истощно вопил, но священник не слышал его. И Бобо не хотелось отвечать на звонки. Полиция штата разберется с друзьями и семьей миссис Гудолл.

В отделении воняло точно так же, как воняло кровью в тот майский день в доме Гудоллов. Бобо двинулся по направлению к стойке. Он поднялся на цыпочки и перегнулся. На столе лежали телефонные книжки, блокноты и сигареты полицейских, но он не увидел того, чего боялся. Никаких тел, распростертых около стола, не было.

— Честер! Маккон! — прокричал он. — Кто-нибудь!

Он прошел через коридор к кабинетам, комнате предварительного досмотра и комнатам для допросов, но никого не увидел. Позади продолжал истощно заливаться телефон. Прежде чем пройти и осмотреть остальную часть участка, Бобо обернулся, чтобы еще раз взглянуть на вход. И тут он заметил то, что раньше ускользнуло от внимания: дверь между основной частью отделения и шестью маленькими камерами была приоткрыта на несколько дюймов.

Эта дверь всегда держалась закрытой, даже тогда, когда заключенных в камерах не было — это неписаное, но строго соблюдаемое правило было таким же традиционным, как и то, что при любой ситуации в отделении должен оставаться хотя бы один человек.

Бобо медленно вернулся обратно. Он дотронулся до тяжелой металлической двери, она со скрипом открылась. Запах крови, к которому теперь примешивался тяжелый аромат разложения, обрушился на Бобо. Он посмотрел вниз и увидел, что пол заляпан красными пятнами.

Он был уверен, что сейчас увидит тела Мо Честера, Ганса Маккона и всех тех офицеров, что оказались застигнуты в отделении.

Бобо прошел в коридор, и быстро пробежав мимо камер, обнаружил три тела. Ни одно из них не было телом полицейского. Двери камер были закрыты. Страшные, жестоко изуродованные тела лежали за решетками трех камер. Кровь, застывшая на полу, образовала толстый вязкий ковер. Наконец-то замолк телефон. Один из трех человек — это был Грилл — изуродован настолько, что его лицо превратилось в сплошное месиво из длинных, словно вырезанных полосок кожи; второе окровавленное лицо показалось Бобо знакомым — похоже, что портреты этого человека появлялись в газетах или на обложках журналов.

Бобо потребовалось не больше тридцати секунд, чтобы пересечь городскую стоянку машин. В этот вечер на здании театра висел большой плакат:

ПРИГЛАШАЕМ ХЭМСТЕДСКУЮ ПОЛИЦИЮ НА СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Бобо промчался под этими большими черными буквами.

Вестибюль театра был ярко освещен и пуст, точно так же, как и полицейский участок. Раздавался только громкий треск — это доносились звуки фильма, что демонстрировался в основной части театра. Он ощутил едкий запах, такой же знакомый, как и аромат пива.

Кордит — запах, который оставался после стрельбы в подвале полицейского участка.

Он прошел мимо пустого места билетера и раздвинул двойные двери, ведущие в зал. На него обрушилась какофония звуков: выстрелы, вопли, взрывы смеха и безумная музыка. В луче света клубились последние кольца дыма.

Все места казались пустыми. Бобо сделал несколько неуверенных шагов по проходу между креслами, глаза еще не привыкли к темноте.

— Эй, — сказал он, — ребята?

Внезапно он увидел чью-то ногу, торчащую в середине прохода и перекинутую через ручку кресла.

— Эй, да вы что, все перепились?

Несмотря на вопли и чудовищный смех, раздававшиеся с пленки кинофильма, Бобо услышал стон. Он дотронулся до торчащего колена, потряс его.

— Где здесь включается свет?

И тут то ли экран стал более ярким, то ли глаза его привыкли к темноте, но он наконец-то все рассмотрел. Повсюду, по всему залу, валялись на полу в лужах крови мертвые люди. Это походило на страшную шутку: куда бы Бобо ни бросил взгляд, везде — на сиденьях, в проходе среди растоптанных кукурузных хлопьев — друг на друге валялись окровавленные тела.

На следующие несколько секунд Бобо Фарнсворт, видимо, сошел с ума. Он страшно протяжно закричал. Он побежал к первому ряду и наткнулся на тело Марка Йоханссена, лежащее лицом к проходу. Светлые волосы Йоханссена залила темная субстанция, напоминающая шоколад, рот был открыт. На сцене, в футах четырех от трупa Йоханссена, расплзлось огромное пятно крови и внутренностей, посреди которого еще можно было различить толстую человеческую руку.

Бобо подумал, что он последний живой полицейский в Хэмпстеде.

И прежде чем профессионализм помог ему прийти в себя от пережитого шока, Бобо услышал тихий свист, что поднимался откуда-то с пола. Пленка порвалась, и звуки обрезало как ножом. Постепенно тихий свист и неясный шепот переходили в стоны.

Не все были мертвы.

Бобо бросился из зала; он бежал по проходу, наступая на лужи крови. Добежав до входа, прежде чем бежать к телефону и вызывать полицию штата и скорую помощь Хэмпстеда, Сарума и Кинг Джорджа, Бобо еще раз обернулся.

И экран поглотил его, Бобо оказался внутри него.

— Я увидел нечто сумасшедшее, — рассказывал Бобо месяц спустя Грему Вильямсу, — на это было невозможно смотреть.

Они находились в доме Грема, и Бобо нервно встал, засунув руки поглубже в карманы брюк.

— Эта девочка жила тут с вами, недолго, да? Пэтси Макклауд?

— Да, она была тут, — ответил Грем.

— А больше не живет?

Грем покачал головой.

— Я потому спрашиваю... вы вряд ли поймете это, но тем не менее я скажу. Дело в том, что когда я стоял и смотрел там на экран, то я внезапно подумал о ней. Я увидел ее лицо, подумал о ее лице, вернее. Как будто она могла бы помочь мне. Я действительно хотел ее увидеть.

— Я прекрасно понимаю это, — сказал Грем. — Вы даже сами не знаете, как это важно.

Бобо мрачно, почти сурово посмотрел на него.

— Быть может. Да, я помню тот день... на Кенделл Пойнт. Я никогда его не забуду, обещаю вам. Я думал тогда, что Ронни умерла... и там были вы, эта девочка Пэтси и другие парни. Вы все выглядели красивыми. Красивыми. Даже сейчас, вы красивы — старая горбатая обезьяна.

— Поскольку Пэтси лет на десять, а то и пятнадцать старше вас, то, наверное, вам нужно прекратить называть ее девочкой, — заметил Грем. — И у меня нет горба.

— Так же, как его не было у этого звонаря в Нотр-Даме. Вы знаете, что мы должны практически заново формировать полицейское отделение? На это понадобится не месяц и не полтора. Я думаю, год. А может быть, и больше, — Бобо скрестил руки на груди и сделал несколько шагов к столику с пишущей машинкой. — Но тогда, тогда я словно влюбился в эту девочку, простите, эту женщину... Грем, вы знаете, как я волновался о Ронни. Но эта женщина, она просто потрясла меня. Если понадобилось бы, то я бы умер за нее.

— Вернемся к театру Натмега, — предложил Грем.

Бобо прекратил бессмысленное вышагивание между диваном и столиком с пишущей машинкой:

— Да. Именно это вас и заинтересовало, не так ли? И знаете, что самое смешное? Самое смешное, что я обещал самому себе никогда никому об этом не рассказывать. Никогда не рассказывать о том, что я видел на изрешеченном пулями экране. Я бы не хотел, чтобы меня считали первым кандидатом на свободное место в психушке.

— Большинство людей дают себе такие же обещания.

— И нарушают их тут, у вас.

— Некоторые.

Бобо засмеялся:

— Ладно, черт с вами. Я бы никогда этого не сделал, если бы не тот день на Кенделл Пойнт. Только поэтому... я до сих пор не могу понять, что же в действительности там произошло.

Грем молча смотрел на Бобо.

— Договорились. Хорошо. Помните, я говорил, что стоял около дверей буквально несколько секунд? Так вот, все, что я видел, тоже длилось совсем немного времени, секунды, — его голос становился все громче, глаза широко открылись. — То, что я увидел... это была Ронни. — Бобо засунул руки поглубже в карманы брюк. Грем подозревал, что он крепко сжимает их в кулаки, пытаясь преодолеть безумное желание закричать, заплакать и затрястись от ужаса пережитого. — Это длилось несколько секунд, но мне этого хватило.

— Вы не должны... — Грем не успел договорить.

— Нет, я хочу. Да, Грем, я сам хочу рассказать об этом. Разве не для этого я здесь? Я увидел ее похороненной, я увидел Ронни, лежащую в гробу; какие-то омерзительные твари поедали ее: крысы, огромные белые черви, похожие на змей. Они откусывали от нее куски. Но она еще не была мертва, и она кричала. Она кричала изо всех сил, Грем. И так продолжалось до тех пор, пока она не умерла, — лицо Бобо искривилось. — И сейчас я расскажу вам, что я понял, когда шел в вестибюль звонить по телефону после этого ужасного видения. Я понял, что просто заглянул в глубину собственного сознания. Понимаете? Понимаете, что я хочу сказать? Часть меня хотела, чтобы Ронни умерла этой ночью, Грем. Часть меня устала ухаживать и опекать ее. Поэтому я уложил ее в гроб, Грем, и глубоко закопал в землю. Но она еще была жива, и потому она так кричала оттуда.

Грем открыл рот, чтобы произнести что-то успокаивающее, но Бобо остановил его движением руки:

— Не нужно. Вы просто не знаете остального. Ронни заснула той ночью, но знаете ли вы, что ей приснилось? Как вы думаете, что ей приснилось этой ночью? Видение хлынуло из сознания на экран, вернее, то, что осталось от экрана, и оттуда влилось прямо в ее сознание. И это чуть не убило Ронни, потому что она знала, она знала, откуда пришла к ней эта страшная пытка. Она никогда не говорила,

но знала. И это почти убило ее, Грем. Когда я вернулся домой, она лежала на полу без сознания. Такая горячая, словно провела все это время в какой-то чертовой пустыне. Температура, наверное, приближалась к сорока. Она практически умерла той ночью. И если бы она умерла, то это произошло бы потому, что я убил ее.

— Нет, — ответил Грем, но он знал, что то, что сказал Бобо, по крайней мере наполовину было правдой. И Ронни знала это, раз Бобо больше не живет вместе с ней. Между ними встал Гидеон Винтер с его дьявольской способностью проникать в самую суть неопределенных человеческих отношений.

8

— Знаете, — сообщила Сара своему новому напарнику, — у меня странное ощущение.

— У меня это странное ощущение длится недели полторы, — ответил Юлик Бирн. — Я с трудом ем.

— Бедняга. Ирландец, который не может есть. Для вас это должно быть пыткой.

— У меня такое впечатление, что внутренности просто усохли. Так что там за идея у вас возникла, если более точно понимать ваши слова?

Юлик расхаживал по редакции. Он отпустил секретаршу на час раньше, и теперь они с Сарой сидели в задней комнате, где хранились микропленки. Кроме них в редакции никого не было. «Биксби» лежал перед ними на длинном столе, открытый на указателе «Убийства».

— Вы заметили даты всех этих историй? Примерно каждые тридцать лет в Хэмпстеде происходят ужасные вещи, я думаю, что «Телпро» — это просто одна из составляющих какого-то процесса.

— Но мы знаем, что «Телпро» действительно стоит за всем происшедшим, — раздраженно сказал Юлик. — Я звоню к Ходжесу по пять раз на день, и единственное, что мне сообщает его китайская домоправительница, что он все еще на конференции. Они что-то планируют. Мы к тому же получили снимок Лео Фрайдгуда.

— Стоит ли «Телпро» за убийством Стоуни Фрайдгуд? Можем ли мы так сказать, Юлик?

— Нет. Думаю, что все-таки не можем.

— Ну, а остальные смерти. .

— Все смерти восемнадцатого мая, безусловно. Все смерти детей, да. Но я не уверен, что мы можем обвинять старый добрый «Телпро» в убийствах, начавшихся в начале лета.

— А я думаю, что можем. В любом случае я уверена в одном — все эти неприятности как-то связаны. Без сомнения. Все они —

отдельные части какого-то неизвестного процесса. Я думаю, что дело Лео Фрайдгуда связано с теми делами, Бейтса Крелла и «Принца» Грина. Джон Сэйр тоже считал, что обе эти фамилии связаны. Я уверена, что рассказывала старому Биксби о том, что видела эти имена в блокноте Сэйра и потому он поставил их в эту колонку.

— Я не понимаю, куда вы клоните.

— Да я и сама не совсем еще понимаю, Юлик. Быть может, нам нужно еще немного поработать.

— Я всегда рад, Сара. Вас вообще можно поздравить — вы раскопали серию похожих убийств в двадцатые годы. Но тогда пропадает Бейтс Крелл. Убийства прекращаются. В 1980-м пропадает Лео Фрайдгуд. Но ведь убийства продолжаются? Мы не знаем, когда точно исчез Фрайдгуд. Вы думаете, что Лео сам убил жену?

— Мы знаем, что нет. Он весь день находился на «Вудвилл Солвент».

— Точно. Видимо, мой мозг ссохся так же, как и внутренности.

— Все, что я могу сказать, это то, что у меня появилась идея: все, что происходит здесь сейчас, связано с тем, что случилось тогда, в прошлом. И если действительно каждые тридцать лет все повторяется, то нам нужно повнимательнее присмотреться к предыдущим оборотам колеса. Нам особенно нечего делать с 1952 годом. Застрелился человек, вот и все. Но он указывает нам на прошлое, и я думаю, что именно к тому времени мне и надо приглядеться повнимательнее.

— Я все еще не понимаю. Как это нам поможет прижать «Телпро»?

— Я думаю, что, возможно, это и не поможет. Но мы сможем увидеть, насколько верно вписывается «Телпро» в общую картину. Я думаю, что эта картина, этот узор существовал задолго до того, как «Телпро» вообще появилась на свет.

Юлик пожал плечами.

— Жаль, что мы не можем обратиться прямо к Бейтсу Креллу или к Робертсону Грину, надеясь уговорить его рассказать нам нечто удивительное.

— Да, — улыбнулась Сара. Юлик понял, что он попал в точку. — Мы не можем обратиться к ним. Но мы можем посмотреть, где они жили. Мы можем взглянуть на их дома. Кто знает, Юлик? Быть может, мы что-то и узнаем.

— А вы уже, небось, раздобыли адреса?

— Конечно. Они печатались в «Газете».

— Так вы хотите подъехать к их домам и посмотреть? Это лучше делать со мной.

— А может, — Сара наклонила голову, — я могу попросить одного молодого подающего надежды юриста съездить сначала са-

мому и посмотреть, живет ли кто-то сейчас в этих домах, и проверить, существуют ли они вообще?

Сара задумалась над одной из самых загадочных страниц «Биксби», в то время как Бирн обследовал кварталы Таун-холла. Рассказывала ли она старику о том, что видела эти имена в офисе Сэйра? У нее не было для этого никаких причин. Сара припомнила, как спрашивала тогдашнего редактора, толстого весельчака Фила Хаксли, об этих фамилиях; редактор уверил ее тогда, что в них нет ничего серьезного. Может быть, Биксби слышал этот разговор? Наборщик всегда казался мрачным, хмурым, худым человеком — внешне Биксби чем-то напоминал старую гончую. Его едва замечали даже тогда, когда, уйдя на пенсию, он продолжал приходить и работать над каталогом. Сара не могла припомнить больше пяти или шести разговоров с ним, несмотря на то, что они проработали вместе примерно пятнадцать лет. И только один из них она могла довольно точно восстановить в памяти, и то потому, что наборщик сказал тогда довольно странную вещь. Он вышел из комнаты в коридор на пятиминутный перекур; Сара в это время обсуждала с Хаксли муниципальный совет и его полное равнодушие к вопросам расширения и развития Пост-роад и Риверфронт-авеню; в то время эти улицы были еще очень далеки от того, что они представляют сегодня — соседствующие друг с другом освещенные кафетерии, химчистки, супермаркеты, бары и книжные магазины, украшенные яркой неоновой рекламой.

— Ну а вы что думаете по этому поводу, Биксби? — поинтересовался Хаксли с немного снисходительной усмешкой.

— Я думаю, что это не имеет никакого значения, — спокойно ответил Биксби; брови редактора поднялись: «Смотри-ка, что этот старый янки себе позволяет»; Биксби обращался скорее к Саре: — Нет разницы. Ничто не может спасти этот город.

— Спасти? — спросил Хаксли.

— Ничто, — настаивал Биксби, — Хэмпстед всегда будет разлагаться, как корзина с гнилыми устрицами. И от этих дорог никакого толку не будет. Но, похоже, что никто действительно ничего не замечает. Загляните в историю, мистер Хаксли. И вы поймете.

— Я не совсем понимаю, чем вы так обеспокоены, Биксби, — редактор еле удерживался от того, чтобы не расхохотаться.

— Я думаю, что вы не понимаете очень многого, — Биксби повернулся к нему, — вы не знаете истории, мистер Хаксли.

Брови редактора поднялись на этот раз уже в раздражении.

Биксби сохранил работу лишь потому, что все решили, что он немного сумасшедший. А ведь он упоминал имя Бейтса Крелла. Сара уселась прямо на стол, в памяти всплывал разговор более чем двадцатипятилетней давности.

— Могу поспорить, что вы никогда, мистер Хаксли, не слышали имя Бейтса Крелла. У него были черные крылья, мистер Хаксли, — на лице Биксби появилось кривое подобие улыбки. — Вы вспомните меня, мистер Хаксли, если когда-нибудь опять в Хэмпстеде наступит еще одно Черное Лето.

— Черное Лето? — Хаксли растерялся. — Черные крылья? Господи, Биксби, извините, что я вас спросил.

Биксби пожал плечами и вернулся к своему обычному облику: стряхнул пепел с сигареты и вновь занялся работой.

Черное лето. Черные крылья.

И было ведь еще что-то... двадцать пять лет назад Биксби сказал еще что-то, что ускользало сегодня от Сары. Что-то о Бейтсе Крелле, она уверена... что-то о его доме?

Точно! Вот почему она припомнила этот разговор, связующее звено между тем днем в редакции и тем, чем сейчас занимается Юлик Бирн в Таун-холле.

Когда через полчаса появился Юлик, Сара уже твердо знала, что она должна делать.

— Я все выяснил, хотя это и заняло вдвое больше времени, чем должно было. — Он опустился в кресло на другой стороне стола. — С домом Грина все просто. Он беспрерывно заселялся на протяжении ста, а то и более лет. Сейчас в нем живет человек по имени Джон Скулли. Он занимает его вот уже двадцать лет. Он издатель в Нью-Йорке. Не знаю, Сара, но мне кажется, что мы почерпнем немного сведений о «Принце» Грине, если обследуем дом этого Скулли.

— Согласна, но что со вторым?

— Вот он-то и занял у меня столько времени. Эти места на Пур Фокс-роад — знаете, маленькая улочка, что окаймляет землю Академии, и вся недвижимость на ней принадлежала когда-то школе? Эти дома сохранялись для учителей и пансионеров. Но насколько мне удалось выяснить, с тех пор, как исчез Крелл, этот дом никем не занимался. Он был продан городу в уплату налогов, но, похоже, что просто не нашлось никого, кто хотел бы приобрести его. Последние пятьдесят лет этот дом — собственность города. По каким-то неизвестным причинам, это единственное здание на улице, которое никогда не принадлежало школе.

— Я хочу отправиться туда.

— В пустующее пятьдесят лет здание? Довольно решительное начало. Вы когда-нибудь видели эти места на Пур Фокс-роад?

— Дом Бейтса Крелла. Разве можно пропустить это? — Сара не слушала Юлика.

— Ну раз вы действительно хотите отправиться туда, Сара. — Он встал. — Раз я взял вас с собой в Нью-Йорк, я уж, конечно, возьму и на Пур Фокс-роад.

— А по пути я расскажу вам об одном разговоре, который я припомнила.

9

— Примерно в этом месте почтальон нашел тело садовника Бобби Фрица, — произнес Юлик, когда они медленно ехали по Пур Фокс-роад. — Оно лежало здесь в этих кустах.

— Да, с этими сумасшедшими стихами, засунутыми в грудную клетку, — сказала Сара. — Знаете, почти всю свою жизнь я прожила в Хэмпстеде. Но в этих местах я впервые.

Она внимательно разглядывала густую зеленую поросль у дороги. Позади кустарников и высоких деревьев виднелся высокий покосившийся забор из металлической сетки. С другой стороны забора лежали лужайки Гринбанкской Академии.

— Думаю, что не вы одна. Эти места отпугивают сами по себе. Совершенно не похожи на остальную часть Гринбанка.

Сара готова была согласиться — мало что могло так не соответствовать Гринбанку, как Пур Фокс-роад. Они повернули, и перед их взором появились дома. Саре вообще расхотелось болтать. Она уже знала, который из них — дом Бейтса Крелла.

— Думаю, что здесь, внизу, никто теперь не живет, — продолжал Бирн, и Сара подумала, что разузнает об этом. — После смерти Фрица его родители оставили этот дом... Я думаю, что только парень в большей или меньшей степени удерживал семью от распада. Тут жили соседи, семья или две, но они уехали. Я думаю, что они решили, что тут слишком много привидений.

— Привидений?

— Одна леди из Таун-холла немного разговорила со мной. Она знала художника, что жил в то-о-о-м доме. — Бирн показал в сторону двухэтажного особняка, перед которым стояло несколько сломанных и искореженных автомобилей. — Он переселился поближе к городу, потому что утверждал, что по ночам его донимают странные звуки.

— Странные звуки? Да весь Хэмпстед по ночам донимают странные звуки.

Он затормозил машину перед домом, на котором не было номера, да он ему и не был нужен.

— Похоже, что весь чертов город превращается в город привидений. Ей Богу. Вот дом, который построил Крелл.

Маленький одноэтажный деревянный домик. Многие доски прогнили, и теперь на стенах дома зияли, словно выбитые зубы, дыры. Коттедж выглядел зловеще. Стекла в двух маленьких оконцах по обеим сторонам дома давным-давно разбились, крыша просела.

Перед входной дверью проросла трава, а густые заросли репейников скрыли то, что когда-то было лужайкой. Коттедж был разрушен настолько, что его не мог бы спасти никакой ремонт. Такой дом смотрелся патетически — место слишком запущено даже для воспоминаний. Но Сара так не считала. Маленький домик действительно выглядел зловеще, но, скорее, именно потому, что воспоминания никогда не покидали его.

Должно быть, Юлик Бирн подумал о том же, потому что сказал:

— Вы уверены, что этот тип до сих пор не прячется здесь? Ему сейчас должно быть около девяноста, и он все еще может быть вполне агрессивен, а, Сара?

Саре не хотелось покидать безопасный асфальт и ступать на заросшую сорняками землю; ей не хотелось подходить к этому дому на более близкое расстояние.

— Не думаю, что там, внутри, много чего интересного, — произнес рядом с ней Юлик, — разве что такая же замечательная атмосфера.

— Надо взглянуть. — Почему она всегда должна быть храбрее чем находящийся рядом мужчина? — Это просто старый дом. Мы распугаем всех мышей.

— Я думаю, что могу понять этих мышей, — пробормотал Бирн, но покорно последовал за маленькой энергичной фигуркой.

Она ждала его около хлипкой покосившейся двери.

— Что, если она заперта? — с надеждой спросил Юлик.

— Я думаю, что вам ничего не стоит высадить ее, Юлик.

С одной стороны, Сара хотела, чтобы он открыл дверь; но с другой стороны, она отчаянно сопротивлялась этому. Юлик подошел к потемневшей от времени бронзовой ручке. Мистер Крелл хотел запереть дверь, подумала она, запереть двери и держать их закрытыми — для него это было важно. Сара неожиданно вспомнила, что Биксби выигрывал так много пари в редакции — примерно три четверти, — что люди перестали с ним спорить.

Рука Бирна коснулась ручки. Он вопросительно взглянул на Сару, повернул ручку и толкнул — дверь со скрипом открылась.

— Входи, Галахад, — произнесла Сара и перешагнула через порог.

Она оказалась в маленькой пыльной комнате, из двух разбитых окон падал тусклый свет. Окно у дальней стены было заклеено пожелтевшими старыми газетами. Пол из сосновых досок повсюду прогнил и провалился, но, видимо, он никогда не был совершенно ровным и сейчас заметно перекосялся в сторону задней стены, что дополняло какую-то неправильную перспективу, создаваемую пустой комнатой. Все это походило на те аттракционы, в которых люди благодаря оптической иллюзии видят огромные искривленные про-

странства. От пятен, что оставили многие поколения дождей, стены и потолок казались еще более темными.

— Да, — только и сказала Сара.

Этот дом был просто очень плохим, и она чувствовала это плохое: дом отталкивал ее так же, как отталкивал всех на протяжении пятидесяти лет. Он походил на рану, которая не хотела, чтобы к ней кто-то прикасался. Но странно, Сара тем не менее расслабилась. Она здесь, внутри, и может все осмотреть.

— Совершенно пусто, — проговорил Юлик.

— Сейчас проверим.

Бирн бросил на нее короткий укоризненный взгляд и начал поглаживать правой рукой живот.

— Это место ухудшает мое состояние. Насколько подробно вы собираетесь изучать его? Здесь совершенно нечего смотреть, правда. — Он прошел на несколько шагов в глубь дома, словно демонстрируя ей свою смелость.

— Я хочу полностью его осмотреть.

Сара осторожно обошла прогнившие доски и свернула к левой двери. Она попала в еще одну, меньшую комнату, тоже совершенно пустую. Окна были заклеены так же, как и в гостиной, а толстый слой пыли на полу казался почти что твердым.

— Тут Крелл, наверное, спал, — раздался позади голос Бирна.

— Кухня должна быть с противоположной стороны, — Сара повернулась, проскользнула мимо руки Бирна и пересекла гостиную.

Она почти добралась до двери кухни, когда неожиданно почувствовала что-то необычное и странное. Пол покачивался, очень легко покачивался. Сара резко остановилась. Пол медленно вернулся в прежнее положение.

— Юлик, — начала она, — вы только что не... — Сара не закончила предложение.

Казалось, что маленькая комната поглотила ее и в несколько раз увеличилась в объеме: на какое-то мгновение Сара увидела себя, стоящей посреди огромной пустынной пещеры.

— Что только что? — спросил Юлик позади нее.

Фокусы крелловского дома... Впервые увидев этот коттедж, Сара поняла, что здесь сконцентрирована квинтэссенция памяти. Хорошо, что Бирн здесь, вместе с ней: может быть, фокусы и не так уж страшны, но Сара была уверена, если бы она была в доме Крелла одна, то три комнаты с подвалом превратились бы в лабиринт.

— Что такое произошло только что, Сара?

Комната вернулась на место — Сара выбралась из страшного огромного пространства.

Теперь она уверена, какую бы роль ни играла «Телпро», этот дом, без сомнения, связан с тем, что произошло в Хэмпстеде; она

еще не могла совместить их роли в этой истории, но роль маленького зловещего дома Бейтса Крелла была одной из самых важных. Старый Биксби, который всегда отлично угадывал все выигрышные номера в лотереях, ощутил это намного раньше. Она с помощью его указателя пройдет тот же путь, который прошел Грем Вильямс с помощью Библии.

— Сара?

— Извини, Юлик. У меня только что было какое-то странное ощущение. Мне хотелось знать, ты ничего не почувствовал?

— Страстное желание немедленно смыться из этого места.

— Еще одна комната и подвал. Я думаю, что мы должны осмотреть их.

Она вновь двинулась по направлению к кухне Бейтса Крелла.

Здесь окна не были заклеены, на полу лежал потрескавшийся и сгнивший линолеум, в воздухе плыло влажное облако грязной пыли. Серая металлическая раковина была прикреплена к стене, пол пересекали ржавые трубы.

— А тут Крелл пек известные креллбургеры. Жаль, что не можем узнать рецепт, — прокомментировал Юлик.

Он прошел вперед, подошел к окну и перегнулся через подоконник. Около высоких пожелтевших кустов гнили две ржавые машины.

— Могу поспорить, что мы можем приобрести этот домик по дешевке. Как вы думаете, эти трубы еще работают?

Сара отрицательно покачала головой, но Бирн уже успел открыть один из кранов над металлической раковиной. Труба заворчала, выплонула влажноватое облако пыли и смолкла.

— Мне кажется, что вода еще подходит сюда, — задумчиво проговорил Бирн.

Раздалось громкое шипение, вибрация в трубах усиливалась, нарастал гул.

— Закройте кран, — сказала Сара, но Юлик лишь успел удивленно взглянуть на нее.

В следующее мгновение вязкая желтая субстанция вылетела из трубы, забрызгав их обоих, и разлетелась по все комнате.

— Черт! — проорал Юлик и отскочил назад.

Сильная толстая струя непонятной жидкости оросила всю комнату, но через несколько секунд напор уменьшился, и она потекла в раковину. Жидкость воняла — она воняла, как какая-то болезнь, как что-то, что вытекало из мертвого человека. Так казалось Саре. Там, где расплескалась жидкость, на полу остались мутные лужицы. Вонь заполнила кухню.

— Эта штука не закрывается, Сара. — Состояние Юлика было близко к панике. — Господи, да что это такое? Сейчас все это хлынет на пол.

— Я думаю, что это секретный ингредиент креллбургеров. — Она немного отплатила ему. Сара вынула из сумочки носовой платок и принялась оттирать пятно на юбке.

Трубы все еще работали: Сара заметила, что они выходят из-под пола и по стене идут к самой раковине. Ей показалось, что весь дом дрожит и сотрясается в такт этому утробному громкому гудению.

— Пошли отсюда, Сара, — предложил Юлик, — я уже весь в этом вонючем дерьме; ей-богу, мы вполне можем обойтись без подвала.

В маленькой кухне Сара увидела лишь одну дверь, она толкнула ее. За дверью была абсолютная темнота.

— Я думаю, что мы должны уйти.

— Вы идите, а я только взгляну на подвал.

Она шагнула на темную лестницу и, как и ожидала, услышала голос Юлика:

— В таком случае, лучше я пойду первым.

Он вытирал пиджак довольно грязным носовым платком. Потом засунул его в карман и спустился вперед по лестнице.

— Тут на самом дне какой-то свет, — окликнул Бирн Сару.

Оказавшись внизу, она поняла, откуда он проникал. Ступеньки заканчивались как раз на уровне каменной стены фундамента, и, спустившись, Сара обнаружила, что по ее верхнему краю, вдоль всего периметра дома, уложены стеклянные квадратные плиты. Менее прозрачные, чем обычные стеклянные плиты подвалов, но все же тусклый свет проникал сквозь них.

Кожа Сары на спине, на голове, на руках покрылась мурашками. Сразу, только спустившись сюда, она ощутила какое-то неприятное чувство... Вроде бы обычный подвал обычного старого дома, но он не был обычным. Здесь концентрировались воспоминания, становясь все сильнее и отчетливее. Если зло появится в этом доме, то оно начнет восхождение именно из подвала.

Должно быть, Юлик Бирн почувствовал то же самое, потому что сказал:

— Господи, какое ужасное место.

Сара странно посмотрела на него. А потом оглядела помещение: открытое пространство, окруженное неровными каменными стенами, на полу слой пыли; в дальнем конце подвала в тусклом свете вырисовывался длинный деревянный стол — видимо, стол для разделки. Даже с того места, где они стояли, были заметны зазубрины и трещины на краях. Каждая клетка, каждый атом этого пространства давил на ее нервы.

— Прежде чем заняться недвижимостью, я провел много времени в камерах для допросов и видел много тюрем, — произнес Бирн. — И я знаю, как выглядят места, где люди боятся и испуганы. В них словно

остается человеческий страх. Но Сара, это наихудшее из всего, что я встречал. Я даже не могу представить, что происходило здесь.

— Я тоже. Я увидела достаточно. Пошли.

Бирн с облегчением вздохнул, и оба они двинулись вверх по лестнице.

Наверху они обнаружили, что дверь в подвал заперта.

Сара и Бирн замерли. В гостиной раздавались шаги... вот уже кто-то вошел на кухню. Они со страхом взглянули друг на друга: шаги двигались прямо по направлению к лестнице. Видимо, и Сара, и Бирн одновременно представили вернувшегося Бейтса Крелла — в этих обстоятельствах это была совершенно неизбежная мысль. Сара пришла в себя быстрее Юлика и шепотом успокоила его:

— Это ребенок. Какой-то ребенок, должно быть.

Юлик кивнул, но, видимо, он и сам не верил в это. Когда дверь в подвал медленно со скрипом отворилась, Юлик дернул Сару за локоть и затащил в угол, из которого они могли увидеть вошедшего прежде, чем он заметит их.

Он запихнул ее за спину, и так, прижавшись друг к другу, они замерли в темноте. Стену покрывал какой-то мягкий мох, но он почему-то шевелился. Юлик вздрогнул и повернул голову, чтобы осмотреть его. Он еле удержался от крика. Тысячи маленьких красных пауков образовывали живой пушистый ковер. Юлик ощутил острую боль в руке и увидел, что одна из тварей кусает его. Не обращая внимания на боль, он стряхнул паука на пол.

Спускающийся по лестнице человек не был ребенком. Медленные и тяжелые шаги выдавали взрослого.

Вот показалась голова. Седые серебристые волосы. И Сара, и Бирн начали успокаиваться. Но вот голова безошибочно повернулась в их сторону. И они вновь застыли от ужаса. То, что они увидели, было просто протескной пародией на человека. Почти что мертвое лицо, кожа слезла, обнажив мышцы, и повисла лохмотьями. Лоб раздут и выпучен, подбородок обвис.

Сара пришла в себя первой: она внезапно поняла, что перед ней тот, кого дети жестоко окрестили «прокаженным». По-видимому, человек использует этот разрушенный дом как убежище. Неделя или две отделяют его от того состояния, когда он будет вынужден полностью обмотать себя бинтами, — потому он, видимо, и ищет безопасное место, где сможет уберечься от угрозы уничтожения.

Кусок кожи, болтавшийся на щеке человека, сполз к подбородку. Сара почувствовала жалость к несчастному.

«Прокаженный», — прошептал ей на ухо Юлик. Она укоризненно посмотрела на него и увидела, что колония пауков уже осваивает густые вьющиеся волосы Бирна. Внезапно Сара узнала прокаженного.

Человек, который только что спустился в подвал дома Бейтса Крелла, был ее гинекологом.

— Ваши волосы, — предупредила Бирна Сара. — Ваши волосы... пауки... — И, выйдя из темного угла, она сказала почти обычным своим голосом:

— Доктор Ван Хорн? Пожалуйста, не волнуйтесь. Это я, Сара Спрай.

С ужасной медлительностью доктор повернулся к ней.

Сейчас она уже видела, насколько поражено лицо Ван Хорна. Оно было трудноузнаваемым и отсвечивало влажным белым блеском. Скрывая глаза, падали на веки лохмотья кожи. Саре показалось, что он взволнован. Она слышала, как за ее спиной, шипя и кряхтя, Юлик соскребает с головы впившихся в кожу пауков.

— Мы не причиним вам вреда, доктор. — продолжала она. — Вы помните меня? Я ваша пациентка, Сара Спрай.

Как ужасно, что такой замечательный пожилой человек, как доктор Рен Ван Хорн, должен был заболеть такой омерзительной болезнью.

Казалось, что Ван Хорн улыбается ей. Она подошла поближе, стараясь насколько возможно успокоить доктора. Туфля Сары попала в какую-то жидкость, Сара удивленно посмотрела вниз и обнаружила, что стоит в небольшой луже крови.

— Сара, — скаля зубы проговорил человек, стоящий на последней ступени лестницы.

Саре показалось, что из лужицы высунулась детская ручонка и дотронулась до туфли, она даже несколько мгновений ощущала силу, с которой та тянула ее за ногу. Она резко отступила назад, боясь взглянуть вниз, и переспросила:

— Что?

Лицо доктора оживилось, глаза задвигались и засверкали из-под полусгнивших лохмотьев, что висели на веках.

— С-с-сара, — просвистел доктор...

Услышав на верху лестницы еще чьи-то шаги, она поняла, что теперь они с Юликом спасены. Сара рванулась вверх, замерла и бросилась вниз, обратно в тот угол, где ее обнял Бирн, — это было последнее место, где она могла чувствовать себя в безопасности. На самой верхней ступени лестницы, что вела на кухню Бейтса Крелла, она увидела мертвого малыша Мартина О'Хара. Томас стоял позади и через плечо брата глядел на нее таким же равнодушным взглядом.

II ОГНЕННАЯ ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

I

На следующий день Кларк с любовницей пили непрерывно — как будто они участвовали в соревновании и рассчитывали выиграть главный приз. Начали они с пива — Беркли вынула холодные бутылки из холодильника и открыла банку консервированной ветчины; потом переключились на ликеры (Кларк на «Джеймсон», а Беркли уверяла, что если как следует охладить «Столичную», то она становится приторно-сладкой); к ленчу они открыли бутылку вина. Ленч состоял из ливерных сосисок и поджаренного хлеба, даже будучи трезвой Беркли Вудхауз предпочитала приготовленное другими неаполитанское «Шардене». Через некоторое время после ленча Табби обратил внимание на то, что отец и Беркли переносят попойку лучше чем обычно и, похоже, что они даже пропустят обязательный телевизор. Такое случалось каждые несколько дней, и Табби решил потупить в доме свет и отправиться спать. Да, они определенно выглядели менее пьяными, чем всегда: Беркли несколько раз взъерошила ему волосы, а отец первый раз с тех пор, как его покинула Шерри Стиллвен, пошутил.

— Господи, Кларк, — окликнула его Беркли, — я только сейчас поняла, что ты был дважды женат. Могу поспорить, что ты был счастлив с каждой из них не больше чем шесть месяцев.

— Счастье не приносит денег, — сказал Кларк.

Беркли расхохоталась. Табби с удивлением взглянул на отца. Шутка маскировала ложь, но тем не менее, несмотря на горечь, это все-таки была шутка.

После ленча хрупкое просветление закончилось.

Кларк и Беркли отправились в спальню, чтобы, как выразилась Беркли, немного позаниматься «Наппи-пу». Игривый эвфемизм заставил Кларка недовольно поднять брови.

— Это означает «трахаться», малыш, понял? «Наппи-пу»! Дерьмо собачье! — Он подтолкнул Беркли по направлению к спальне.

Табби знал большинство звуков, которые сопровождали любовные занятия отца, и чтобы еще раз не слышать мычания и похрюкивания, он ушел к себе в комнату. Двадцать минут спустя Табби с удивлением услышал крики, доносившиеся из спальни Кларка, — обычно они так далеко не заходили. Да и эти крики не походили на обычные знакомые звуки скотного двора. Табби показалось, что он слышит отцовский плач.

Около двух часов Кларк и Беркли вновь вышли на кухню, где Табби с интересом читал повесть Лоукрафта, найденную в библио-

теке. У Беркли под глазами расплылись большие черные пятна, волосы отца спутались. Рот Кларка искривила мрачная кривая улыбка.

Беркли отправилась напрямик к холодильнику, вынула из него бутылку «Столичной», наполнила стакан, из которого пила утром, и бросила туда несколько кубиков льда.

— Кларк, — на всякий случай спросила она, — хочешь немного ирландского виски?

— Что еще я могу хотеть? — рывкнул он.

Она молча налила стакан.

Кларк выпил, скривился.

— Не морочь мне голову, — сказала Беркли.

— Назови две хорошие причины, почему мне не делать этого, — пробормотал Кларк.

Табби решил уйти — он подумал, что эти двое жалких людей даже не заметят его ухода. Когда он поднялся по лестнице в свою комнату, то сначала решил, что опять слышит плач отца, но, прислушавшись, понял, что тот кричит. Табби закрыл дверь и крепко заткнул уши. Когда вопли затихли, Табби поставил пластинку «Доктор — внутри» Бена Сидрана и повернул регулятор громкости до упора.

К четырем Табби спустился на кухню за кока-колой. Кларк и Беркли забыли закрыть холодильник и оставили открытой дверцу морозильной камеры. В раковине навалена гора грязных тарелок. Выпив колу, Табби включил горячую воду и начал мыть тарелки. Беркли заботилась о чистоте не больше, чем о готовке. Кларк же скорее бил посуду, чем мыл ее. Табби перемыл все, что стояло в раковине, вытер руки и отправился в библиотеку. Это была одна из четырех комнат с каминами. Табби обнаружил, что кто-то разжег огонь, используя для этой цели старые газеты; рядом с камином лежала еще одна куча старых газет, видимо, для того, чтобы поддерживать быстро угасающий огонь. В пустой комнате работал телевизор. Табби ощутил запах жженной бумаги, виски, и его охватили какие-то печальные и горькие чувства. И за то время, что он стоял в пустой комнате, рассеянное в ней чувство горечи стало таким же сильным, как запах отцовского ирландского виски.

На мгновение Табби показалось, что стены задрожали и по ним, словно по воде, прошла рябь. Ему показалось, что библиотека все теснее обступает его... Табби отступил к стене, вспомнив, что произошло с ним в библиотеке.

Мужчина с глазами цвета чая поднимает ружье:

— Ты должен идти на Фэйри-хилл, парень, вместе с остальными. Рот пересох, сердце громко стучало.

Если бы он не услышал голос изрыгающего ругательства отца, то, наверное, упал бы в обморок.

Табби пошел на голос отца и увидел Кларка, склонившегося около коричневых занавесок, висящих на окне, — он свирепо смотрел на сына. Кларк неуверенно держал стакан, наполненный до краев коричневой жидкостью. Волосы упали на лоб, он почти сливался с занавесками: казалось, еще немного, и его не различить. Перед лицом Кларка летало несколько мух. Потом Табби заметил Беркли Вудхауз, лежащую около дальней стены, — юбка задралась, волосы упали на лицо. Она тоже выглядела похожей на привидение — как будто русская водка растворила половину ее тела.

— Уходи, — сказал отец. Голос хриплый, осипший.

Табби вышел из комнаты и уселся на ступенях лестницы. Он был слишком встревожен тем, что произошло с ним самим и отцом, чтобы решить, что же надо делать. Дважды за то время, что он сидел на лестнице, отец проходил на кухню за новой выпивкой. Из библиотеки доносился голос телевизора вперемешку с пьяными громкими песнями Кларка. Камин в библиотеке задымил: Табби чувствовал едкий запах.

— Не моя вина, — услышал он голос Кларка.

До Табби донеслось сухое дыхание камина, и первый раз он задал себе вопрос: «Зачем отцу понадобилось разжигать его в теплый августовский день?»

Кларк бросил в огонь новую порцию газет; Табби услышал стон Беркли. «Четыре очага», казалось, заполнила ночь: с тенями, порожденными темнотой и пьяным сознанием. Табби был абсолютно уверен в том, что отец впал в то состояние, когда он уничтожит каждого, кто осмелится помешать ему или ослушаться. Табби вновь вернулся в комнату. Он надел наушники, закрыл глаза и поплыл вместе с музыкой.

Когда через час Табби вышел в холл, то почувствовал, что стало очень жарко — воздух стал сухим, словно в пустыне. Запах пепла и огня подымался к Табби с первого этажа. Табби подошел к лестнице.

— Пап?

Пьяный, измученный голос донесся снизу — замедленный спиртным, но неутолимый. Табби услышал поскрипывание каминных заслонок в гостиной.

— Пап? Что происходит?

— Ух, — услышал он вздох Кларка. Громкие шаги приближались к подножию лестницы; появился отец, держащий за горлышко зеленую бутылку виски, на руках и лице чернел пепел.

— Зажигаю огонь, вот что. Огонь в каминах «Четырех очагов», вот что. Чтобы опять согреть этот дом. Ты собираешься помогать?

— Как я могу помочь?

— Принеси дрова из сарая, и побольше. Беркли сожгла все газеты в этих чертовых каминах. Так что, займись. Иди и принеси побольше дров.

— Тебе холодно?

— Нет, больше не холодно. Просто я думаю, что так надо.

Глаза Кларка остекленели — они походили на разрисованные кружочки. Серые полосы пепла на лице делали его еще более суровым.

— Па, ты в порядке?

— Ты пойдешь за дровами или мне заставить тебя? — Лицо окаменело, кружочки глаз уставились на Табби.

Табби медленно спустился по лестнице и прошел мимо отца; он боялся посмотреть на него.

Прудент Монти Смитфилд каждую зиму покупал двенадцать кубометров дров, из них за зиму в «Четырех очагах» сжигалась в лучшем случае половина. Сейчас распиленные дрова лежали аккуратно сложенные под навесом около длинного забора. Не забыв прихватить веревку, что висела на крюке рядом с дверями, Табби пошел по высокой, густой траве. Он уловил запах дыма, поднял голову и увидел белые клубы, вившиеся вокруг труб на крыше. Превратившиеся в черные лохмотья обрывки газет, кружась, падали на землю.

Табби связал в охапку старые сухие поленья. Он с трудом дотащил дрова до двери и положил их сразу у входа.

— Отлично. — Лицо отца блестело от пота. — А теперь отнеси это в библиотеку и брось все в огонь.

— Все?

— Так нужно, Табби. — Кларк сделал пару глотков из бутылки.

Обхватив охапку двумя руками, Табби потащил дрова в библиотеку.

В комнате было жарко, как в сауне. Он открыл заслонки камина, опустил поленья на пол и, присев, принялся одно за другим подкидывать их в огонь. Языки пламени лизали дерево, а потом внезапно огненная красная рука утащила дрова в глубь камина. Огонь вспыхнул с такой силой, что Табби резко отшатнулся назад — в лицо ударил жар — и больно ударился спиной о медный край кофейного столика. Потирая спину, он встал.

Позади на диване лежала Беркли Вудхауз. Она стонала. Табби почти забыл о том, что она находится в комнате. Беркли протягивала пустой, испачканный красной помадой стакан. Табби быстро подошел к ней и вынул его из ее рук.

— Сообрази-ка мне еще один, дорогуша. Сделаешь? — Табби решил, что она приняла его за отца.

Но вот позади дивана вырос Кларк и Беркли явно смутилась — значит, она знала, что это был Табби.

— Парень работает и сейчас опять пойдет работать. — Кларк вырвал стакан из рук Табби. — Я сам тебе налью, если тебе это нужно.

— Почему ты...? Почему... — Беркли пыталась закончить фразу, но так и не сумев, бессильно откинулась на диван.

— Двигайся, — приказал Табби Кларк. — Дрова, помнишь? Ты здесь не бармен.

Похоже, что горечь на лице Кларка полностью уступила место агрессивности.

— Мне нужно принести побольше дров, — спокойно повторил Табби, — для камина в гостиной. Потом для камина на кухне. И для того, что в твоей спальне.

Кларк молча продолжал смотреть на сына.

— Конечно, — договорил Табби, — если это то, что ты хочешь.

— То, что я хочу, — подтвердил Кларк. — Да. И запомните это и ты, и эта безмозглая шлюха.

Кларк мрачно оглядел Табби и отогнал несколько мух, что кружили над горлышком зеленой бутылки ирландского виски.

Стемнело. Комнаты «Четырех очагов» покраснели от отсветов огня. Табби то и дело выходил на задний вход, шел к дровяному складу и вновь возвращался назад с новой охапкой. Нижние комнаты и спальня отца стали почти неузнаваемыми — дрожащие языки пламени словно изменили их размер, окрасив одни стены в ярко-красный цвет и поглотив тень на других. Табби слышал посвистывание раскаленного воздуха в дымоходах; он взмок от пота, его лицо, так же как и лицо Кларка, облепили пепел и зола. Время шло, и Табби уже не интересовало, зачем отцу понадобилось превращать их дом в печку — очередная пьяная выходка, на следующий день все забудется. Руки ломило, спина гудела; разжигая в течение нескольких часов камины отца, он устал так, что еле стоял на ногах. Табби немного удивило, что Беркли Вудхауз слоняется по дому и совершенно не замечает Кларка. Вернувшись в очередной раз в дом (Табби притащил еще фунтов восемьдесят дерева), он услышал, что Кларк рыдает и громко зовет «Джин! Джин!», как будто он увидел призрак жены. Но это было невозможным, а Табби был до того измучен, что даже не сразу узнал имя матери.

Беркли распахнула дверь холодильника, вытащила из него сосиски, купленные в самом начале лета у Гринблата, и принялась грызть их. Аппетит Табби из-за жары и боли в мышцах улетучился. Он поднялся наверх и умылся — для более основательного мытья не хватало сил. Отец остался внизу и зачарованно улыбался сверкающему красному огню. Табби свалился на постель. Комната искривилась и начала медленно кружиться. Кожа болела — Табби казалось, что его несколько часов медленно поджаривали на гриле.

— Полная тарелка огня! — слышался вопль Кларка, и Табби провалился в сон.

Ему снилось, что он пробирается сквозь огромный лес. Высокие, толстые деревья пригибаются к земле, и их темные тени ложатся ему под ноги. Шелестит около лица листва; ветки больно бьют его, цепляются за одежду и не дают пройти. Он должен бежать, бежать со всех ног, бежать куда глаза глядят... Из огромного леса плыла волна горечи, волна зла. Он должен был бежать, но он упрямо шел вперед — он обязан увидеть, что прячется там, между теми извивающимися деревьями. Но чем ближе Табби подходит, тем отчетливее различает вопли животных — боль, страх, ужас и агония звучат в них. В этих криках смерти и боли слышится шум яростной битвы: чьи-то тела хрустят от ударов, огромные когти и копыта кромсают землю. В воплях животных Табби начинает различать женский голос, истошный и безумный. Животные леса сцепились в неистовой схватке, и если Табби сделает еще один шаг к тому высокому большому дереву, они бросятся на него и вырвут его сердце. Женский вопль раздался над головой Табби.

Табби открыл глаза и сел, руки цепелились во влажную, теплую простыню. В центре темной комнаты мерцало и переливалось белое пятно света. Он уже видел его раньше, но не мог решить когда. Внезапно он вспомнил: несколько дней назад такое же пятно висело над головой пьяного отца, сидящего за кухонным столом.

В спальне стало невыносимо жарко. Запах горелого дерева, горьковатый, но приятный заполнял комнату.

Извивающееся пятно пролетело над постелью. Оно немного уменьшилось, свернулось и сконцентрировалось. Все эти сумасшедшие звери в лесу... Табби откинулся назад, в первый раз заметив, как намочка от пота простыня.

Белое пятно света еще раз изменило форму. Постепенно оно превращалось в человеческое лицо с неясными размытыми чертами. Табби вжался в подушку, судорожно вдохнул пропитанный дымом воздух. Белое лицо перед ним постепенно становилось отчетливее, вот уже появился высокий лоб, обозначились резкие надбровные дуги, широкий подбородок, похожий на лопату, оттопырились уши. Мрачное лицо, появившееся перед Табби, злобно скалило зубы.

Это было лицо Гидеона Винтера, то настоящее лицо, что скрывалось под демонстрируемой миру маской.

Белое лицо Винтера лгнуло к Табби точно так же, как сгибались к нему жуткие деревья во сне. Огромный рот открылся, обнажив искореженные десна. Язык, словно маленькая змея, извивался, пытаясь дотянуться до Табби.

Под окном спальни опять раздался звериный вопль. Нет, это не животные. Табби был уверен — кричала женщина.

Белое лицо испарилось, и в воздухе остался лишь еле различимый след, похожий на колечко дыма, а затем пропал и он. Табби ощутил запах горелого.

Он выскочил из кровати — комнату заполнила не только темнота, но и дым. Он успел добежать до окна, когда ночь прорезал еще один душераздирающий вопль. Выглянув, Табби увидел, что на лужайке перед «Четырьмя очагами» в дыму и ночи дерутся двое. За последние недели он наглядился на подобные сцены — все в Хэмпстеде видели эти яростные и бессмысленные драки. Наверное, потому Табби понадобилось несколько секунд, чтобы узнать тех двоих, что боролись на лужайке перед домом.

Но даже увидев безошибочно знакомые фигуры и размазанную помаду, он не хотел узнавать в этих ссорящихся и кричащих людях — сознание отказывалось мириться с этим — отца и Беркли Вудхауз.

Кларка охватило яростное ликование, казалось, что одного удара его кулака хватит, чтобы свалить дерево. Даже узнав в этом человеке отца, Табби продолжал сомневаться: с давних дней теннисных побед Кларк никогда не демонстрировал подобной мощи и подобной физической силы, многие годы Табби не видел его таким.

И только через мгновение Табби понял, что на лице Беркли размазалась не помада, а кровь.

Кларк вновь напряг мышцы, и могучий удар кулака пришелся на нос женщины. Руки Беркли рванулись к лицу, и в это мгновение Кларк с силой ударил ее ногою по коленям. Она рухнула на траву, и Кларк с остервенением принялся наносить удары по ребрам. До Табби долетел еще один безумный крик Беркли Вудхауз. Кларк сосредоточенно и упорно бил женщину по ребрам, потом пнул ногой ее голову. Беркли застонала, ее длинные ноги судорожно подергивались на измятой окровавленной траве. Кларк отступил и изо всех сил ударил ее в живот; тело откатилось в сторону примерно на фут.

Беркли забилась в судороге — над лицом женщины за клубился белый дым. Табби увидел, как нога отца дважды опустилась на лицо любовницы. На брюках Кларка засверкали красные пятнышки. По ногам отца поползли языки белого дыма, и в этот момент Табби увидел, во что превратилось лицо Беркли Вудхауз. Это заставило его пошевелиться.

Табби перегнулся через подоконник и вынырнув из жары спальни, прокричал:

— Па! Папа! Остановись!

Кларк обернулся и посмотрел на сына; лицо отца сияло от удовольствия.

— Обернись, Табби, — сказал Кларк, — сейчас твоя очередь.

— Пап, я вызову скорую помощь.

— Обернись, Табби, — повторил Кларк.

Отец улыбался ему, но эта улыбка совершенно не походила на улыбку Кларка: слишком нежная и слишком мягкая. Табби увидел, что отец пошел к дому, оставив на темной блестящей траве беспомощное тело Беркли.

Кларк исчез из виду. Табби услышал, как внизу хлопнула входная дверь. Он с ужасом смотрел на тело Беркли Вудхауз, надеясь, что она пошевелится или застонет... Но он знал, что она мертва.

Хлопнула дверь внутри дома... библиотека...

Табби обернулся, и ему показалось, что «Четыре очага» смеются над ним.

Эта комната была не его. Меньше и заполнена вещами: около двери стояли лыжи, возле кровати лежал футляр тромбона, на окне напротив открыты какие-то ноты. Табби не ходил на лыжах, не играл на тромбоне и не знал нот. И на той стене никогда не было окна.

Табби осторожно пересек незнакомую комнату и выглянул в окно. То, что он увидел, даже отдаленно не напоминало Гринбанк. Длинная дорожка, что вела от дома, упиралась в белый забор. По соседству, близко прижавшись друг к другу, намного плотнее чем обычные дома Хэмпстеда, стояли маленькие деревянные домики. Вдоль улицы росли разнообразные деревья — они напомнили Табби те, которые он видел когда-то в северной Флориде. На углу виднелась вывеска с названием «Мапл Лейн».

Так же как и комната, улица выглядела незнакомой, хотя Табби показалось, что подобное он уже встречал. Может быть, во сне?

Внизу, словно дикое животное, зарычал отец — Табби замер, когда узнал в этом безумном звуке смех.

«Мапл Лейн». Комната, оклеенная обоями, около дверей прислонены лыжи... Интересно, если позвонить по телефону, то попадет ли в он в хэмпстедскую полицию? Или в полицию этого странного незнакомого мира?

За дверями висела густая и плотная завеса дыма. Слезилась глаза, не хватало воздуха.

— Помоги! Папа! — крикнул Табби

— Ты что-то хотел? — позади раздался спокойный голос отца. Табби резко повернулся.

Да, это был голос отца, но перед ним стоял не отец. Стройный молодой мужчина отделился от стены. Его лицо усеивали мелкие шрамы. На голове была надета кепка, и только сейчас Табби узнал серый твидовый костюм отца. Табби отступил назад.

— Вернись к себе, малыш, — проговорило существо, — я приготовил для тебя целую тарелку вкусных вещей. — Человек улыбнул-

ся, и при виде этой улыбки душа Табби ушла в пятки. — Целую тарелку, мой дорогой малыш.

— Пап, — сказал Табби.

— Папа с тобой, — ответило существо голосом Кларка и плавно двинулось по направлению к Табби.

Табби повернулся и бросился к лестнице; удивительно, но он знал, что она находится в конце коридора. Позади раздавался отцовский хохот.

Уже прыгая по ступенькам, Табби ощутил, что здесь, внизу, намного жарче. Он слышал, как трещит огонь в гостиной и библиотеке... Это был треск пламени, пожирающего все на своем пути. Табби спрыгнул с последней ступеньки и побежал в гостиную. Там стоял обитый ярким ситцем диван, в углу на пушистом ковре рядом с камином мерно тикали старые часы деда, окна закрывали занавески. В комнате было так жарко, что, казалось, еще немного и она сама превратится в огонь. Тяжелые деревянные двери отделяли гостиную от большой кухни. Табби рванулся к ним. Единственное, о чем он мечтал, — это вырваться отсюда на настоящую реальную улицу Гринбанка.

Стоящая возле раковины женщина с улыбкой повернулась к нему. И только сейчас до Табби дошло, что окружает его. Перед ним в скромном коричневом платье с белым воротничком стояла Джеймсон — у нее было лицо его матери. Грэйс Джеймсон улыбалась ему на кухне из сериала «Папа с тобой». К сильному отчетливому запаху огня примешивался аппетитный аромат жаркого. Табби шагнул вперед.

— О, дорогой, — произнесла мать, — вот и ты наконец. Мы столько ждем тебя. Обед почти готов. Ты не думаешь, что пора подняться наверх и привести себя в порядок? Твой папа ждет тебя, ты же знаешь.

— Билли Бентли, — выдохнул Табби, не в силах отвести глаз от Джин Смитфилд.

Она выглядела такой, какой была в день смерти, десять лет назад. И все же она отличалась от той женщины, которую помнил Табби. Он помнил мать по фотографиям, которые сохранил Кларк. На них она выглядела довольно суровой, с крепко сжатыми губами. Эта женщина в двадцать девять лет казалась более маленькой, более хрупкой и милой, чем представлял себе мать Табби.

— Не глупи, — продолжала она, — беги назад.

— Мам, — проговорил Табби.

Джин Смитфилд шагнула вперед. На лице ее перемешалось выражение бесконечной любви и укора, она улыбнулась и протянула руку к плечу сына.

Табби смотрел на мать и чувствовал, что ему хочется кинуться в ее объятия. Но в эту секунду на него дохнула жара, горячий

воздух, казалось, мог бы расплавить металл. Табби испуганно отшатнулся.

Мать все еще улыбалась ему, но теперь на месте ее рук взвились два огненных шара. Языки пламени поднимались к предплечьям и захватывали волосы. Под улыбающимся лицом все отчетливее проступали обугленные кости. Табби отступил назад. Мать шла к нему — пламя уже полностью охватило ее голову и перекинулось на грудь.

Джин Смитфилд рухнула на колени, все еще продолжая ползти к сыну. Табби отпрыгнул в сторону, но он все еще не мог оторвать взгляд от матери. Она превращалась в бесформенную огненную глыбу, из которой тянулись к нему две поднятые вверх руки.

За спиной раздался безумный хохот отца. Табби резко обернулся, ожидая увидеть перед собой лицо Билла Бентли. Но нет, перед ним стоял отец, одетый в серый костюм и сжимающий в дрожащих пальцах горлышко бутылки ирландского виски. Часть содержимого бутылки выплеснулась на пол, и в тоже мгновение на полу засверкали маленькие огненные язычки.

— Разве это не красиво? — спросил Кларк. — Все мы в последний раз собрались вместе... и по телевизору тоже. — Кларк прислонился к стене, отер с лица пот и безумно оскалился. — Твоя мать сказала тебе — наверх. Ты должен подняться и приготовиться к обеду.

Ткань на левом рукаве пиджака задымилась и потемнела.

Табби посмотрел на огненную глыбу, она извивалась, и ему показалось, что в ее глубине рождается какое-то существо, как бабочка, что вылезает из кокона. Перед Табби дважды промелькнули огромные огненные крылья. Жар пылал вокруг головы Табби.

— Целая тарелка огня, — задумчиво произнес Кларк. — Вот что это было, да? Целая тарелка огня. Я помню, что ты повторял это много раз. Прямо здесь, на кухне.

Ричард. Это говорилось о Ричарде Альби, не о нем. Дракон сообщает ему, что сегодня ночью Ричард тоже умрет. Дракон хочет, чтобы он знал об этом.

— Я помогу тебе подняться наверх, — сказал отец и двинулся по направлению к Табби.

Табби отступил еще немного назад и вновь взглянул на костер, пылающий посредине кухни. Он увидел огромные пустые глазницы — глазницы, заполненные темнотой; они смотрели на него. Боковым зрением он уловил какое-то новое движение и, обернувшись, увидел Билла Бентли, сидящего около горящей стены с безумной улыбкой на испещренном шрамами лице.

— Мы должны идти, — с трудом проговорил Кларк. — Время... у нас не очень много времени...

Табби побежал — он и сам не знал, куда он мчится. Единственное, что сейчас хотелось ему, — сбежать прочь от этого страшного, почти твердого погребального костра посредине кухни. Билли Бенгли пальцем манил его к себе.

— Это конец серий? — спросил неуверенно Кларк. Рот Билли открылся в беззвучном хохоте.

Сейчас я умру, подумал Табби. Дом горит, а они с отцом оказались настолько во власти галлюцинаций сериала «Папа с тобой», что не смогут даже найти дорогу, чтобы выбраться наружу. Табби отступил назад и увидел, что в глубине костра появилась голова Огненной летучей мыши — она искала его огромными пустыми глазницами. Если только она увидит его, то он погибнет, — кухня, весь дом взорвутся, как Звезда Смерти в «Звездных войнах».

— Эй, сынок, — сказал Кларк, — что там, черт бы все побрал, с Беркли? Господи, почему от этой выпивки так чертовски жарко?

— Пап! — закричал Табби, — Беги! Беги отсюда!

Голова летучей мыши повернулась к Кларку, один взмах огромного крыла, и пламя взвилось с удвоенной силой, залило кухню, отбросило отца на раковину и полностью накрыло его. Табби увидел, как вспыхнуло содержимое бутылки; корчась в огне, сползла с тела отца одежда. И вот уже сам Кларк извивается от боли, и кожа его морщится и чернеет от прикосновения огненных языков.

— Не-е-е-ет! — закричал Табби, беспомощно глядя, как погибает отец.

Еще один взмах огромного раскаленного крыла.

Табби в отчаянии оглянулся, заплакал и побежал прочь от этой невыносимой жары — он не представлял, в каком именно месте реального дома он сейчас находится: дом сериала «Папа с тобой» полностью поглотил «Четыре очага». Единственное, что помогало ориентироваться, чуть понижающаяся температура воздуха.

Пальцы нащупали горячую стену. Позади слышалось хлопанье огромных крыльев. Пальцы заскользили по стене и, боясь даже поверить в это, наткнулись на деревянную коробку двери. Все еще не веря, Табби толкнул дверь... лицо погрузилось в прохладный воздух, и он двинулся вперед.

В это мгновение огненный нож полоснул его по спине, и, теряя сознание, Табби провалился вперед, в темноту. Он падал по лестнице: голова, руки, спина больно бились о твердое дерево... он скатился вниз. Лицо было мокрым и холодным. Табби решил, что по лицу течет кровь: на нем была дюжина ссадин, губы распухли. Воздух казался холодным. Табби осторожно открыл глаза и увидел только темноту.

Он сообразил, что упал в подвал. Влага на лице не была кровью, его заливал пот. После невероятного жара внутри дома подвал

казался просто холодильником. Он поднялся, ноги и руки хотя и дрожали, но все же слушались его: он ничего не сломал во время падения с лестницы. Табби, тяжело дыша, молча стоял в темноте. Наконец он прислонился к стене и замер. Он скорее знал, чем чувствовал, что плачет.

Прижавшись спиной к бетонному блоку, Табби перемещался вдоль стены в самую глубину темноты. Он слышал безумный треск огненного пиршества — пламя пожирало «Четыре очага». И среди этого шума он различал неясные голоса, которые выкрикивали его имя.

Табби пришлось затаить дыхание, чтобы удержаться от дикого бессмысленного вопля. Он отер потное лицо и быстро двинулся вдоль стены вперед, в самый дальний угол подвала. Одиноким голосом звал его: «Иди сюда, сынок». Это был голос отца. Перед глазами Табби всплыла лужайка перед домом, на которой Кларк избил до смерти несчастную Беркли Вудхауз.

«Иди сюда, сынок».

Табби повернулся спиной к темноте и прижался к бетонному блоку. Острая неровная поверхность впивалась в кожу тысячами маленьких иголок. Он, дрожа, прилип к этой холодной стене.

Дверь подвала затряслась, и на Табби накатила волна жары — по лестнице сбежали огненные змеи. Он услышал, как пламя, чавкая, пожирает деревянные перила и лестницу.

Табби поднял голову и увидел, что огонь отражается в одном из маленьких подвальных окон.

2

Девятью часами раньше раздраженный Грем Вильямс беседовал с элегантным молодым человеком, облаченным в полосатую красную рубашку, галстук-бабочку, голубой пиджак и отутюженные брюки, который сидел за столом внутри старого георгианского особняка на Олд Пост-роад в Хиллхэвене. Этот дом сейчас занимало Историческое Общество Хэмпстеда и Патчина, и молодой человек — единственный, кто, кроме Грема, находился в здании, — был студентом, работающим в его штате. Казалось, что парень считает Историческое Общество своим собственным домом и, что особенно досаждало Грему, этот тип словно родился среди библиотечных стеллажей.

— У вас намного более серьезные неприятности, чем вы можете предположить, мальчик. — Грем засунул сжатые в кулаки руки поглубже в карманы брюк. — Забудьте об этих так называемых правилах, про которые вы тут рассказывали. Забудьте...

— Я объяснил вам. Директор настаивает на этом. Мы больше не можем позволить, чтобы посетители сами работали у стеллажей.

Этим летом у нас появилось очень много проблем... вы бы просто не поверили в некоторые...

— И не смейте перебивать меня... У вас есть одна настоящая проблема, если вы называете себя историком. Вы — невежа. Вы никогда не слышали о Черном Лете. Один из самых страшных периодов истории этих мест, а для вас это просто пустой звук.

Мальчик вздохнул, поерзал на стуле, словно желая спрятаться от возмущенного взгляда Грема.

— Я специализируюсь по европейской истории. Вы говорите о местных интересных событиях... я не уверен, что как историк вы можете поучать меня...

— Я видел больше истории, чем ты читал о ней!

— Мистер Вильямс! Так у нас ничего не получится. Я, конечно, слышал о так называемом Черном Лете, и, правда, я не совсем понимаю, что тогда произошло. Если вы посидите за одним из столов, то я пойду к стеллажам и выберу все, что хоть немного относится к тем событиям. Так вас устроит?

— Согласен. — Вильямс отошел немного назад, с трудом удерживаясь от того, чтобы как следует не врезаться этому черноглазому парню.

— Ну вот мы и договорились. — молодой человек встал, застегнул пиджак и с немного самодовольной улыбкой вышел из-за стола. — Посидите в читальне, мистер Вильямс?

— Вы сказали, что слышали что-то о Черном Лете. А что конкретно? — мрачно поинтересовался Грем.

— Я вспомню, когда буду подбирать для вас книги на стеллажах.

Грем повернулся и вошел в большую полукруглую, обитую деревянными панелями комнату. Ее пересекали длинные библиотечные столы. На стенах висели портреты, картины, старые карты; полки были заставлены старыми рукописями, книгами и манускриптами. Грем как можно более громко бросил ручку и блокнот на один из столов. Потом засунул руки в карманы и принялся рассматривать картины, которые видел до этого много раз. Он остановился около нарисованной кем-то карты, изображающей морское побережье Хэмпстеда — Патчина: на ней были схематично обозначены болота и пустоши; угрожающе поднявший лук индеец стоял там, где произошла резня 1645 года; на Кенделл Пойнт замер на карауле солдат в красном мундире. Создатель карты не очень-то заботился о том, чтобы точно передать форму береговой линии и соблюсти масштаб. В правом нижнем углу Грем рассмотрел дату: 1803. Он был уверен, если бы художник рисовал карту в 1811 году, то он бы изобразил Кенделл Пойнт намного более интересно.

— Мистер Вильямс? Мистер Вильямс?

Грем с трудом оторвался от карты и, обернувшись, обнаружил молодого человека, который стоял рядом с довольной высокой горкой

газет и книг; парень выглядел еще более самодовольным, чем раньше.

— Я нашел много материалов, — сказал он. — Тут копии нью-хэвенских газет за летние месяцы 1873 года, копии патчинских газет и все книги, которые показались мне хоть в малейшей степени относящимися к этому вопросу... И я вспомнил то, о чем упоминал. — Указательным пальцем он показал на старую книгу в сером библиотечном переплете. — Вы слышали что-нибудь о Стефане Поллаке?

Грем покачал головой.

— Считают, что Поллак оказал влияние на Вашингтона Ирвинга. Как бы то ни было, Поллак написал книгу под названием «Любопытные путешествия» — книгу, рассказывающую о его поездках. Вот что я вспомнил: он был в Коннектикуте в 1873 году, путешествовал дилижансом из Нью-Йорка в Нью-Хэвен.

Молодой человек улыбнулся:

— А это означает, что он проезжал мимо этого дома. Ведь он ехал по Олд Пост-роад.

Грем отложил книгу Поллака в сторону, намереваясь прочитать ее позже, и в течение нескольких часов просматривал газеты за лето 1873 года. Самым удивительным было то, что в них ни в коей мере не отражались происходящие в Хэмпстед-е события. Шло Черное Лето 1873 года, а на страницах газет обсуждались местные сплетни, приводились расписания движения дилижансов и кораблей, выдвигались прогнозы на цену зерна в будущем году. Погибло полгорода, но соседи закрыли глаза и продолжали, как ни в чем не бывало, шутить. Они притворялись годами, делая вид, что Хэмпстед уже не существует.

Все еще не добравшись до книги Поллака, Грем вновь отослал парня к стеллажам за сведениями о патчинском пожаре 1779 года — ему хотелось подробно узнать о событиях тридцатилетнего цикла.

Солдаты грохочут сапогами по могиле Гидеона Винтера, отправляясь на разграбление города... Кенделл Пойнт. Иногда казалось, что Кенделл Пойнт хочет захватить город, поглотить его...

По телу Грема пробежала дрожь: он увидел себя со стороны, сторбившегося старика, довольно слабого — самым сильным теперь остался его голос. И это он хочет противопоставить Кенделл Пойнт и Гидеону Винтеру из-за той идеи, которую он вынашивал в течение пятидесяти лет, из-за того, что когда-то он сражался на катере с сумасшедшим и решил, что это был кто-то намного больший, чем просто ненормальный?

Сколько прошло времени с тех пор, как он в последний раз видел Кенделл Пойнт? Грем сообразил, что не появлялся там с тех пор,

как начал изучать историю Хэмпстеда, — в те дни, совсем мальчиком, он ходил туда. Но ничего не видел. Он смотрел на деревья, скалы, воду, на изрезанную огромными оврагами землю, на валуны... Он смотрел, но не видел. Он представлял, как высаживаются на побережье солдаты, но он не обращал тогда внимания на сам Пойнт. А ведь именно там и находился центр происходившего.

Сам не понимая зачем он это делает, Грем встал из-за стола и подошел к стене, на которой висела карта; по спине и плечам пробежали мурашки. Карта была взята в светлую деревянную рамку и закрыта стеклом. Там, где находился Гринбанк, художник нарисовал две маленькие фермы, за ними начинались болота. Грем вновь посмотрел на Кенделл Пойнт. Он казался более обширным, чем был на самом деле. В центре его стоял солдат в красном мундире, на плече он держал мушкет. Грем придвинулся поближе к карте, внимательно всматриваясь в лицо маленького солдата.

Грем придвинулся близко к стеклу, его отделяло от карты несколько дюймов и замер... потому что увидел, что фигурка в красном двигается. Солдат снял с плеча мушкет, маленький человечек злобно усмехался — он больше не был нарисован, он был живым и древним. Солдат заряжал мушкет. Грем, не веря себе, увидел, что линии карты заплясали перед глазами, образовав вокруг маленькой фигурки небольшое пятно. Солдат в красном мундире хищно блеснул глазами, поднял мушкет и нажал на спусковой крючок. В этот момент Грем услышал — «Пух!» — словно взорвался маленький воздушный шарик.

В следующую секунду стекло, закрывающее карту, покрылось густой сеткой трещин.

Грем отпрянул назад, испугавшись, что сейчас пуля вылетит прямо на него. И через мгновение он увидел ее — черная металлическая точка со звоном разбила стекло. На груди солдата запыхал крохотный язычок пламени.

Перед тем как молодой человек в бабочке влетел в комнату, Грем успел заметить, как изменилась береговая линия. Побережье от Нью-Хэвена до Норрингтона искривилось и превратилось в страшный рогатый профиль Дракона. Грем застонал, словно и впрямь в него попала пуля.

— Мистер Вильямс? Что случилось? — спросил парень. Он прибежал в такой спешке, что даже не застегнул пиджак. Потом он увидел карту.

— Что вы сделали? — Он бросился к Грему, потом опять к стене.

Пламя уже выбивалось из-под стекла, огибая только то место, где был нарисован Кенделл Пойнт. Фигурка в красном съежилась и потемнела.

— Господи, — проговорил молодой человек. Он подбежал к карте и попытался снять ее со стены, ухватившись за деревянную рамку. Но тут же отдернул руку:

— Она горит! — завопил он.

Он стянул пиджак и, обмотав им руку, снял карту со стены.

— Что происходит... — парень ошарашено уставился на Грема.

— Огнетушитель, тебе нужен огнетушитель, — посоветовал Грем.

— Подождите здесь. Только подождите здесь.

— Я думаю, тебе лучше поторопиться.

Парень растерянно посмотрел на поднимающиеся от карты огненные языки и выбежал из читальни.

Грем подошел поближе к карте. Он затушил пламя ногами. В глубине здания хлопнула дверь. Грем медленно подошел к столу, взял ручку и блокнот и забрал книгу Стефана Поллака «Любопытные путешествия». Он уже вышел из здания и был на полпути к старой машине, когда услышал, как вновь хлопнула дверь в глубине.

Тяжело дыша, он добрался до машины. Перед тем как отъехать от георгианского особняка, Грем еще раз взглянул на окна и увидел в одном из них парня в бабочке, который что-то кричал ему. Грем развернул машину и нажал на газ. Это был один из самых стремительных отъездов в его жизни.

Он двигался по направлению к Патчину, прочь от Хэмпстеда, выехал на Харбор-роад и не свернул в объезд на Маунт-авеню и Гринбанк. Он ехал на Кенделл Пойнт.

Дорога заканчивалась около разрушенной стены, за которой тянулась тропинка, усыпанная гравием. Грем припарковал машину и медленно пошел к насыпи по покореженному асфальту. Он поставил ногу на невысокий каменный заборчик, испытывая удивительное волнение. Он раньше не понимал этого: здесь, на Кенделл Пойнт, все пропитано духом Дракона, это его земля.

Разглядывая Кенделл Пойнт, Грем почувствовал, что помолодел лет на двадцать или тридцать. Немного кололо в груди, побаливало правое колено, как всегда немного ныла спина, но он знал, что стоит на пороге открытия. Он знал это. И Дракон тоже знал. Так же как и Табби Смитфилд на грейвсендском пляже. Грем мог бы прокричать: «Покажи мне!», и это означало бы такой же вызов.

Перед Гремом находился узкий овраг глубиной футов в двадцать, все дно его усеивали крупные валуны, склоны выглядели довольно пологими, так что перебраться на противоположную сторону не

составляло большого труда. За оврагом лежал плоский поросший травой луг, на котором росли древние дубы и ели — края этого луга смыкались с болотами, постепенно переходящими вдалеке в каменистый берег. От того места, где стоял сейчас Грем, до самой дальней точки Кенделл Пойнт расстояние составляло примерно двести ярдов.

Пустынная земля тянулась до конца Харбор-роад — эта местность лежала сейчас позади Грема — и выглядела так же удивительно странно, как и в те дни, когда Грем Вильямс впервые пришел на Кенделл Пойнт. Уныние поселилось в этом отдаленном уголке и никогда не покидало его.

Дракон поработал над Кенделл Пойнт. Прямо около самого конца изгибающейся дороги стояло белое здание с бетонной террасой, его окружал высокий забор. Длинное низкое окно первого этажа выходило на Саунд, а на втором этаже виднелось несколько маленьких окошек. В двух или трех тускло мерцал свет. Грем всегда считал это здание баром, но на нем никогда не висели ни вывески, ни рекламные объявления; по этой причине да еще из-за этих маленьких окошек на втором этаже Грем решил, что здесь обосновался публичный дом. Оно и походило на публичный дом, дешевый и опасный, где тебя могут обокрасть. Вниз по тропинке расположились шесть маленьких домиков — разрушенные, пустые свидетели трагедии. Глядя на эти унылые и покосившиеся домишки, Грем подумал о том, что они ждут своих новых жертв.

Грем перешагнул низкий каменный заборчик, обернувшись, посмотрел на машину и сбившиеся в кучу домишки и прыгнул на восемнадцать футов в глубь земли Дракона.

Поначалу Грем решил спуститься в узкий овраг, перебраться по валунам на противоположную сторону и выйти на сам Кенделл Пойнт. Склоны казались пологими — если бы он был помоложе, то просто бы сбежал по ним вниз. Кусты рододендронов словно приглашали Грема воспользоваться их помощью и приветственно помахивали ветками.

Очень осторожно, стараясь беречь правую ногу, Грем начал спуск вниз по склону. Под кедами похрустывала твердая земля. Чтобы сохранить равновесие, Грем отвел в сторону левую руку и сделал несколько шагов. Скоро он доберется до рододендронов и сможет уцепиться за кусты. Еще несколько шагов, колени начали немного подгибаться, не выдерживая напряжения. Грем отклонился в сторону и для страховки оперся на пальцы правой руки.

В то время как левая нога застряла в какой-то ямке, что находилась дюймах в шести внизу, правая, осторожно ощупав землю, нашла устойчивое место. Грем тяжело задыхался: это работа

оказалась более сложной, чем он думал. Он хотел поудобнее поставить левую ногу, но земля под туфлей поехала, и Грем судорожно вцепился руками в траву.

Господи, зачем я это делаю? подумал он, стараясь покрепче ухватить пальцами ускользающую землю и выдирая с корнем пучки травы. Зачем я пришел сюда? Он поднял голову и увидел, что небо по краям оврага образовало темное кольцо.

Грем громко застонал. Несоизданно покатый плоский склон превратился в высокую вертикальную стену. Из груди Грема вырвался хриплый надсадный кашель. Голова откинулась назад, ослабевшие ноги не выдерживали нагрузку. Из последних сил он попытался нащупать корни рододендронов, но в тот момент, когда рука радостно наткнулась на них, он резко отдернул ладонь — корни были раскаленными, как трубы горячей воды.

Грем оперся на обе руки и заскользил вниз, обдирая в кровь локти, спину и ладони. И вот колени уперлись в зеленые кусты, которые остановили его падение. На мгновение он успокоился.

— Помогите! — закричал он в надежде, что его услышит какая-нибудь девушка из бара. — Помогите!

Но он понимал, что девушки на Кенделл Пойнт привыкли слышать и не обращать внимания на намного более странные вопли. — П-о-о-м-огите!

Кусты, а может, и сама земля, вздыбились и подтолкнули его вниз. Он чувствовал, как падает, воздух свистел над головой, перед глазами мелькала зелень рододендронов.

Он упал на валуны и провалился в темноту.

Прошло много времени, прежде чем Грем открыл глаза и оказался в красном облаке боли; он застонал, провел языком по потрескавшимся губам, пошевелил ногами. Грем не мог понять, насколько сильно он поранился — он весь был одной сплошной раной. Через несколько минут он почувствовал собственное тело: голова раскалывалась от безумной боли, правая щека распухла. Правую руку свело, как только он попытался поднять ее, бедра болели от ударов.

Он несколько раз моргнул, потом осторожно поднял левую руку и обследовал лицо, протер глаза. Мир постепенно обретал форму, корчась в красном облаке боли.

Края оврага вырисовывались черным кольцом на фоне темного звездного неба. Грем не смог даже вспомнить сразу, как оказался в этом месте, и был удивлен, увидав перед собой странную вертикальную стену. Он смог припомнить, как смотрел на карту в Историческом Обществе... но потом сплошная темнота.

Он вспомнил трещины, покрывшие стекло карты. Из-за чего все это произошло?

Грем уцепился левой рукой за выступы на склоне и подтянулся вверх. Мир опять побагровел и закружился вокруг него. Он попробовал помочь себе правой рукой, но локоть болел так, что казалось, он сломал его. Превозмогая боль, Грем вновь открыл глаза и обнаружил, что лежит совсем недалеко от вершины оврага.

Понемногу боль в локте утихла, и Грем оперся на левую руку. Он был готов к восхождению. Осторожно опустив правую руку и вцепившись левой в гладкую поверхность валуна, он попытался подняться. Бедрa невыносимо болели, но Грем понимал, что если сломанные кости будут единственными ранами, полученными в этом падении, то можно считать, что он легко отделался. Оглядывая склон, он заметил следы своего падения — туфли пропахали довольно длинную борозду, которая заканчивалась футax в двенадцати от того места около валунов, где примялась трава. Да, ему повезло, что он остался жив, очень повезло. Грем попытался убедить ноги в том, что пора выбираться наверх.

Рука попала во что-то мокрое и вязкое. Грем пригляделся скорее с любопытством, чем с удивлением. Что-то черное — при свете звезд оно казалось черным. Грем не понял, что это кровь, до тех пор пока не почувствовал запах. Неужели лицо пострадало настолько сильно и он просто не заметил этого?

Он двинулся вперед, и рука нащупала чье-то тело, лежащее прямо перед ним. Оно выглядело слишком маленьким, чтобы принадлежать взрослому человеку. Грем застонал и на этот раз заставил себя подняться. Обойдя очередной валун, он увидел лицо лежащего. Сердце замерло: перед ним был Табби.

Перерезанное горло Табби бросилось в глаза Грему. Его убили около оврага и сбросили труп вниз.

— О, Господи, — пробормотал Грем, — Господи!

Он начал плакать и, забывшись, потянулся к носу правой рукой — локоть завопил. Грем резко обхватил левой рукой правое запястье и поддерживал руку, вытирая мокрый нос о собственный рукав.

— Господи, Табби. — повторял он, слезы катились по щекам.

Табби открыл глаза, и Грем примерз к земле.

— Я погиб. Я погиб, и это ваша вина.

Грем чуть не упал с валуна.

— Вы должны были погибнуть, не я, — повторил Табби. — Он хочет, чтобы вы знали это.

Грем увидел, что в глазах Табби отражаются яркие пятнышки звезд.

— Он убил меня... он убил меня из-за того, что вы влезли в это дело... он убил меня, потому что вы повезли нас к тому месту и

прочли нам его имя... Пусть Бог проклянет вас! Проклянет вас! — Кровь текла по лицу мальчика. — Вы просили этого, и я проклял вашу душу!

— Табби, — начал Грем, — если ты Табби, ты знаешь, что я бы никогда...

— Вы ведь знаете, что произошло Черным Летом? Да? Знаете?

Грем покачал головой:

— Не все, Табби...

— Вы... вы ничего не знаете. Кроме того, что произошло вот это. Вот это. Я. То, что случилось со мной. Со мной. — Он заворуженно смотрел на Грема. — Ведь я даже выгляжу сейчас по-другому... и вы тоже не знаете как. Хотите посмотреть? Хотите посмотреть, на что я теперь похож? Вы можете узнать, к чему привели ваши поиски.

— Поиски?

— «Четыре очага» превратились в одно сплошное пепелище, Грем. — Рот искривила улыбка, тело задрожало, потемнело и начало ссыхаться, превратившись в карликовую мумию.

Грем с ужасом смотрел на чернеющие останки тела Табби. Он бросился вперед, его не могли остановить не ноющие мышцы спины, ни боль в локте, ни дрожащие и неуверенные ноги. Грем дотронулся кончиками пальцев до черной засохшей корки. И в это мгновение крошечное тело распалось на множество мельчайших кусочков — в воздух поднялось облако серой пыли. Пепел тысячами маленьких мушек закружился над валунами.

Грем пытался справиться с охватившей его дрожью. Через мгновение мир вновь стал красным от боли и закачался, как палуба попавшего в шторм корабля. Табби мертв. «Четыре очага» сгорели, а вместе с ними погиб и Табби. Дракон превратил его в маленькую засохшую мумию.

Медленно, еле справляясь с накатывающей слабостью, Грем поднялся к вершине оврага. Проклинаю тебя, говорил ему Табби, и кровь текла по его мертвому лицу, я проклинаю твою душу, проклинаю. Освещенные окна бара иглами вонзились в глаза Грема. Там, за их стеклами, медленно покачиваясь в тусклом свете, танцевали проклятые мужчины и женщины. Рыбы в бочке, подумал Грем, рыбы в бочке.

3

Тремя днями раньше Ричард Альби вновь стал добираться до работы в Хиллхэвене пешком. Джон Рем, ничего не знавший о том, что произошло с Ричардом во время последней пешей прогулки, заставил его оставить машину — Рем был убежден, что если дома хозяина ждет лошадь, то он обязательно вернется к ней.

— Лучшее занятие в мире, — разглагольствовал Рем, стружка от пилы садилась на бороду и падала золотистой пылью на красную рубашку. — Каждый день несколько миль, пройденных пешком, и ты будешь здоров всю свою жизнь.

И Ричард согласился. Быть может, это к лучшему, думал он, несмотря на страх перед прогулками.

Первые два утра, когда Ричард возобновил пешие походы, его встречала довольная улыбка Джона. На третий день — день пожара в «Четырех очагах» — улыбка все еще была на месте, но сам Ричард усомнился в мудрости лошадино-домашней метафоры для округа Патчин.

Он приближался к тому участку дороги, на котором всегда возникали непредвиденные сложности — это тот отрезок Маунт-авеню, что расположен от одних каменных ворот до других, футах в тридцати внизу, стоящих перед старым домом Смитфилдов. Проходя мимо серого особняка, Ричард втягивал плечи, ускорял шаг и, потя от страха, преодолевал расстояние, желая только спокойно добраться до конца пути.

В тот день, когда загорелись «Четыре очага» и погибли все, кто находился внутри дома, Ричард Альби прошел чуть меньше половины расстояния между двумя каменными воротами, когда увидел, что на дороге появилась женщина. Высокая женщина в знакомом длинном платье вышла из-за деревьев и ждала его. Это была Лаура. Как только он заметил ее, она начала приближаться.

Ричарда прошиб холодный пот, взмокшая рубашка прилипла к телу. Он вцепился в ручку портфеля, судорожно зажал под мышкой рулоны чертежей и, сосредоточенно глядя под ноги, двинулся вперед по дороге. Галька, трещины в асфальте, голубиное перо возникали и исчезали при каждом новом шаге.

Она хотела, чтобы он посмотрел на нее, но он не хотел, да и не мог бы сделать это. Его собственный организм не мог допустить такое страшное зрелище.

Он чувствовал, что она идет рядом с ним и ждет, что он обратит на нее внимание. Но если он увидит это страшное измученное и развороченное тело — опять увидит его, — то ему придет конец. Ричард слышал мягкие шаги по зеленой траве. Молчание Лауры оказывалось еще более страшным, чем если бы она говорила, — он слышал, как шуршит на бедрах ее платье, задевая ветки придорожных кустов. Ричард сцепил зубы и, продолжая упорно смотреть под ноги, шел вперед.

Он прошел мимо вторых ворот — противоположный конец длинного пути около бывшего дома Монти Смитфилда — и громко застонал, когда понял, что Лаура не исчезла. Но он все еще не смотрел на нее. Зеленая посадка закончилась, и теперь Лаура

шагала по гравию; звук ее шагов напоминал Ричарду звук перека-
тывающихся костей.

Она не отстала от него, пока он не добрался до поворота перед
длинной белой лентой хиллхэвенского пляжа. Теперь на пляже не
было детей — родители боялись, чтобы дети даже подходили к воде,
но на песке загорали несколько женщин в бикини. Глаза Ричарда
были почти полностью закрыты: он сощурился так, чтобы не видеть
ничего, кроме приближающихся машин. Наконец он почувствовал,
что приблизился к пляжу; потом понял — она ушла.

На работе Джон Рем бросил на него один-единственный взгляд и
оставил в покое на все утро — самоубийство для пожилого, обожаю-
щего поболтать человека. Тем не менее Ричард успешно провел
переговоры с клиентом, который не заметил в нем ничего необычного,
проверил чертежи и просидел на крыше в одиночестве два часа,
пытаясь подобрать необходимую форму карниза. Но внутренним ухом
Ричард все еще слышал шелест шагов по зеленой траве.

Лаура вернулась к Ричарду в то время, когда Грем Вильямс
лежал без сознания на валунах ущелья, когда Табби Смитфилд,
прижавшись к бетонной стене подвала пытался не слушать голос
отца, которым звало его страшное создание. Она пришла ночью, и
Ричард был почти готов к этому.

Он рано лег в постель, пообещав себе, что и завтра пойдет по
Маунт-авеню пешком, и послезавтра, и каждый день, пока Лаура
не перестанет появляться; он даже не будет переходить улицу — он
будет делать так, как делал раньше: слепо шагать по дороге,
отказываясь смотреть и слушать ее. Ричард открыл книгу «Женщина
в белом» и попытался увлечь себя переживаниями Мериан Голкомб.
Но сегодня чтение не удавалось, и он дважды или трижды ловил
себя на том, что пересчитывает один и тот же абзац. Он так усердно
боролся с прозой Коллинза, что дважды подбирал выпавшую из рук
книгу. В третий раз, когда книга упала Ричарду на грудь, он не
выдержал, укрепил закладку и положил роман на столик рядом с
кроватью. И как только он это сделал, то понял, что не только не
может заснуть, но и не хочет: бодрствование служило своего рода
защитой. Сначала такая мысль показалась любопытной, а потом
глупой. Ричард потушил свет и замер на постели. Дом погрузился
в темноту.

Через мгновение в холле зажегся свет; сердце Ричарда глухо и
сильно застучало. Он сел и посмотрел в открытую дверь: в холле горел
свет, а дверь в детскую была широко распахнута. Эта дверь не
открывалась с тех пор, как последний полицейский вышел из дома.
Ричард никогда не хотел бы вновь оказаться в этой комнате. Если бы
он нашел ключи, то запер бы детскую и никогда не открывал ее.

— Кто там? — позвал он. — Кто это?

Лаура вышла из детской в залитый светом холл. Она неподвижно стояла перед дверью в комнату Ричарда. Грудь и волосы были заляпаны сгустками крови; от грудной клетки до низа живота тянулась огромная рана. На этот раз Ричард смотрел на призрак жены. Он даже не пытался оторвать от нее взгляд. Она хочет, а может быть, Дракон хочет, чтобы он узнал, что произошло с ней. Ричард заворожено поднялся с кровати. Дракон послал ему Лауру, или она сама и есть Дракон. Он вспомнил ночь после ужасного обеда у Макклаудов, когда он и Лаура, раздев друг друга, занимались любовью на резиновом матрасе, наполненном водой. Тогда она казалась ему невероятно красивой. «Я не хочу потерять тебя, Ричард». Его трясло то ли от страха, то ли от растерянности, то ли от ярости, он не мог объяснить. Получилось, что это он потерял ее.

Лаура подходила все ближе, и Ричард отступил по направлению к ванной. Теперь его и Лауру разделяла кровать. Призрак медленно вошел в темную спальню — на какое-то мгновение от нее осталась лишь тень, падающая на освещенное пространство. Ричард почти поверил этому: жена вернулась домой. Но в следующую секунду он ощутил страшный запах: Билли Бентли выходил к нему из лифта в гостинице Провиденса — гниение, нечистоты, разложение и смерть.

— Убирайся отсюда, — проговорил Ричард.

Она уже обходила кровать, медленно приближаясь к нему. В глазах Лауры мерцали белые огни. Огромная рана на животе громко хлопала.

— Ты не Лаура, — твердо сказал Ричард.

Ее рот искривился в насмешливой полуулыбке.

— Ты собираешься попробовать убить меня? Отлично, убей. Потому что я так больше не могу. Когда ты погибла, я сошел с ума. Ты думаешь мне хочется жить здесь одному?

Она пропала в темноте и появилась вновь в свете, падающем из холла. Но теперь кожа ее была совершенно целой, кровь и раны исчезли — как будто память Ричарда излечила ее. Перед ним в тусклом, неясном свете стояла его жена. Вот она подходит ближе, ближе к нему... Ричард замер, затаил дыхание, по похолодевшей спине побежали мурашки.

Но в тот момент, когда призрак прикоснулся к плечу, острая боль тысячами маленьких ножей вонзилась в тело Ричарда — Лаура это или нет, но это существо достаточно реально для того, чтобы убить его. Ричард отскочил назад. Но призрак продолжал наступать на него.

— Нет, нет, — заорал он, отступая к дверям ванной, — уходи. Я не смогу сразиться с тобой.

Она загнала его в ванную, но он продолжал отходить назад. В темноте светились только пустые белые глаза призрака. Он сможет

убежать, в его распоряжении огромный дом! Лаура подошла совсем близко, и Ричард нащупал ручку двери, что вела в холл.

— Уходи, убирайся отсюда, — повторял он.

Он резко дернул за ручку и, выскочив в холл, побежал по направлению к коридору.

Здесь, над лестницей, горел свет, свет, который зажегся в момент появления Лауры: освещение придавало всему происходящему будничность и банальность — больше не было темной опасной спальни, а горел самый обычный электрический свет. И в этом реальном электрическом свете из дверей ванной вышла его раздетая жена, свет падал на реальную кожу, опутывал паутиной реальные волосы. Она улыбалась обычной Лауриной улыбкой. Ричард медленно отступал назад, к перилам лестницы. Здесь, в ярком свете ламп, присутствие Лауры казалось почти естественным. Она склонила голову и чуть игриво взглянула на Ричарда.

На мгновение они замерли на верхушке лестницы. Ричард понимал, что она стремится убить его, но здесь, при обычном освещении, это казалось совершенно невозможным. Она создание Дракона, это не Лаура. Лаура принадлежала теплomu миру людей, миру дружбы и работы. А это существо, что стоит сейчас перед ним, просто выдает себя за нее.

Ричард, знавший новый дом как свои пять пальцев, помнил, что одна из балок в перилах еле держится; он раз двадцать собирался починить перила и укрепить их. Осторожно глядя на Лауру, он медленно спускался по лестнице. Наконец рука нащупала знакомое место, еще одно усилие и он вытащит эту деревяшку из гнезда. Но Лаура бросилась на него прежде, чем он успел это сделать.

У Ричарда хватило времени только на то, чтобы все-таки вырвать балку и отскочить в сторону. И, отступая по ступеням лестницы назад, он решил. Ричард поднял дубинку и с силой опустил ее на плечо Лауры. Не выдержав удара, она упала на перила, и в тех местах, где ее кожа коснулась лестницы, дерево потемнело и задымилось.

Она с усилием поднялась и кончиками пальцев легко дотронулась до перил. По лестнице побежали оранжевые змейки пламени. Лаура снова стремительно напала на него, и Ричард опять обрушил на нее сокрушительный удар. На кончике балки взвилось крохотное пламя, но после того как Ричард несколько раз помахал дубинкой в воздухе, оно исчезло.

Ужасный запах разложения и смерти опять нахлынул на него. Лаура шла по ковру, и за ней оставались темные выжженные следы. Она вновь набросилась на него, и только теперь он понял, что она толкает его к открытой двери детской.

Когда она оказалась в комнате, Ричард изо всех сил ударил Лауру по голове; она слишком поздно подняла руки, чтобы предотвратить

удар. Лаура упала около дверного проема, деревянный пол детской начал темнеть, появился дым. Ричард бросился вперед и опять опустил балку на лоб призрака. Собственные действия казались Ричарду загадочными, но он четко представлял себе каждый последующий шаг, как будто им управляла спокойная и уверенная сила. На коже Лауры появились длинные кровоподтеки, правая рука повисла. Ричард вновь подскочил к ней, пытаясь нанести еще один удар по голове, но в это мгновение она вцепилась левой рукой в его колено.

Резкая боль пригвоздила его к полу. Лаура оскалилась, казалось, что страшный аллигатор впился намертво в его колено. В ярости Ричард направил закругленный конец балки в лицо призрака. Дубинка вспыхнула, но аллигатор ослабил хватку.

Ричард на коленях отполз от корчащейся в пламени Лауры, но она упрямо продолжала наступать на него. А потом произошло то, чего Ричард не понял и во что даже отказывался поверить до тех пор, пока Грем Вильямс не собрал их всех вместе этой же ночью. Горящая балка, превратившаяся в факел, ожила в руках Ричарда. И когда он в очередной раз нанес удар по голове призрака, то на мгновение ему показалось, что он держит в руках тяжелый золотой меч. Ричард поднял его, меч сам вел его вперед. «Ты не Лаура», — сказал он и вновь обрушил сверкающий клинок. Лаура уже не наступала. Ричард с трудом отполз в сторону.

Рядом с голым женским телом вспыхнуло голубое пламя, оно разрасталось, и Ричард видел, как постепенно огонь становится все сильнее, оранжевые и красные языки тянутся вверх, подползая к ногам призрака. Ричард замер: он убил, сокрушил это создание в той же самой комнате, где была убита его жена, и сейчас его затопили ярость и триумф.

Огненное пятно ширилось и наконец полностью поглотило тело Лауры. Пламя стало более ярким, и в глубине костра Ричард заметил огромные крылья — в лицо ударил жар. Ричард отступил назад и увидел, как от искореженного пола взмывает вверх Огненная летучая мышь.

Жара наступала на Ричарда, обволакивала его и заставляла прижаться к стене, как будто гигантская рука захватила его в духовку. Комната погрузилась в сумрачное мерцание — голубые ленты огня извивались по стенам и полу, окно вырывало из стены, и в образовавшееся отверстие, медленно помахивая огромными крыльями, вылетела Огненная летучая мышь.

Ричард оторвался от стены: обожженное лицо болело, в воздухе детской носился пепел, стоял запах горящего дерева. На полу, там где лежала балка от перил, вернее, то, что от нее осталось, образовался выжженный круг. Ричард попытался подняться. Он

медленно пересек почерневший пол и подошел к отверстию в стене, где когда-то было окно. Красные контуры крыльев виднелись вдалеке на фоне черного неба. Он посмотрел вниз и увидел, что перед домом, подняв к небу белое лицо, стоит Табби Смитфилд.

— Я посмотрел вниз, — рассказывал дрожащим голосом Табби, — и увидел кусок трубы... он просто лежал на полу подвала. И... и я подобрал его и ударил по окну, просто ударил... Там еще лежали какие-то старые вещи, принадлежавшие деду, я сбросил их в кучу и взобрался к окну. Я пролез в него, сильно порезался, но пролез... Одним словом, я выбрался... и увидел, что мой дом горит... один огромный костер, весь дом... Я знал, что папа погиб, и я убежал оттуда.

— И ты видел Огненную летучую мышь? Так ты ее называешь? Табби кивнул.

— Где ты видел ее раньше?

— Один раз ночью я стоял на берегу... та ночь, когда сгорели дома на Милл-лейн. И когда погибли все пожарники.

— Господи, — пробормотал Ричард.

— А теперь и мой дом... сегодня вечером. Мне казалось, что я участвую в сериале «Папа с тобой».

— Господи, — повторил Ричард, вспоминая кошмар тех, предыдущих дней в Хэмпстеде. — Билли Бентли!

— Он был там. Мы должны, наверное, позвонить мистеру Вильямсу и Пэтси? Наверное, нужно проверить, все ли с ними в порядке?

Ричард не хотел говорить мальчику, что уже пытался дозвониться до Грема и Пэтси; пока Табби умывался в ванной на первом этаже, Ричард опять набрал оба номера, но ни Грем, ни Пэтси не отвечали.

— Сейчас почти одиннадцать вечера, — успокоил он Табби, — Грем в постели и, наверное, заснул. Пэтси тоже. Мы попробуем позвонить им утром. В любом случае, если сейчас с тобой все нормально, я хочу сказать, что это теперь твой дом.

Табби зарылся поглубже в кровать, свернулся клубочком и уткнулся лицом в подушку. Его плечи подергивались: Ричард от усталости даже не сразу понял, что мальчик плачет. Он погладил Табби по спине и молча сел рядом. Наконец он сказал:

— Твой отец и моя жена. Я думаю, что нам лучше посочувствовать друг другу, чем жалеть самих себя. Хочешь попробовать? — Табби кивнул. — Понимаешь, тебе нужен кто-то похожий на меня, а мне необходим кто-то похожий на тебя. Завтра мы подберем тебе подходящую одежду и все, что будет надо. Договорились?

Все еще плача, Табби вновь кивнул в подушку — он не хотел, чтобы Ричард увидел его лицо.

— Сейчас я иду спать. Моя комната тут внизу, справа от холла. Если тебе что-то понадобится, приходи.

Ричард не думал, что сможет уснуть, — он был возбужден. Он лежал на кровати в темной спальне, пытаясь мысленно успокоить себя и сдержать непреодолимый порыв одеться и идти на поиски Грема Вильямса и Пэтси. Если бы только он получил какую-то подсказку, чтобы понять, где они сейчас находятся. Он и Табби смогли сбежать от Дракона. Получится ли это у Грема и Пэтси? К волнениям о судьбе этих двоих примешивались и мысли о спящем рядом мальчике — Ричард отчетливо сознавал, что хотел бы, чтобы Табби жил с ним вместе всегда, чтобы он навсегда вошел в его жизнь, но согласится ли сам мальчик на это? Воспримет ли Табби его как своего приемного отца? Не объявятся ли какие-нибудь родственники, которые захотят забрать его? Но когда Ричард думал о семье Табби Смитфилда, то перед глазами появлялась Пэтси Макклауд, Грем Вильямс и он сам. Где же сейчас эти двое? Навестила ли их Огненная летучая мышь? Живы ли они? Так в тревоге и волнениях Ричард заснул. Ему снился сон...

Он несет в руках тяжелый огромный меч — такой большой, что ему приходится поддерживать его плечами, такой огромный, что от напряжения ноют все мышцы. Но Ричард не может остановиться, он не может отдохнуть. Вокруг него лежит Гиблое Место: земля изъедена воронками, деревья растеряли листву, повсюду стоят сожженные дома и воняют гнилые болота. Ричард продвигается вперед к желтому горизонту, руки болят. Придет время, и он окажется в нужном месте, и вот тогда он сможет остановиться. Вот уже сгоревшие домики остались позади; перед ним лежит серое озеро, над поверхностью которого стелется дым, а может быть, это и туман. Меч в руках начинает светиться. Он держит его за ручку обеими руками и поднимает высоко над головой. Внезапно прямо перед собой, на земле, он видит лежащую Лауру. Ричард кричит, но он уже не в состоянии остановить падающий меч — меч вонзается в тело Лауры и прибавляет его к земле. Из раны начинает бурным фонтаном хлестать кровь, и вот уже весь пейзаж приобретает кроваво-красный оттенок. Ричард стонет...

Он открыл глаза, ожидая увидеть вокруг себя страшный красный мир... Вместо этого на него смотрело взволнованное лицо Табби.

— Пэтси, — проговорил мальчик. — Она умирает.

4

Пэтси попробовала позвонить Грегу Вильямсу; когда телефон Грема не ответил, она набрала первые четыре цифры телефона Ричарда и заколебалась. Пэтси не была уверена в том, что может

доверять себе в отношении Ричарда Альби. Особенно в такое позднее время и при такой луне. Весь день Пэтси беспокоилась, иногда просто не находила себе места. Она не могла заставить себя отвлечься, почитать книгу или посмотреть телевизор. Пэтси нашла одну из книг Грема Вильямса «Сплетенные сердца» и дочитала ее почти до половины, но так быстро глотать ее не хотелось — книга слишком хороша для этого, подумала Пэтси. Ее немного удивило, что ей так понравилась проза Грема. Но сейчас она бы не могла читать, а телевизор показывал обычную муру. Пэтси с удовольствием провела бы несколько часов с Ричардом, хотя бы для того, чтобы посмотреть, что произойдет, если они останутся наедине. Нет, Ричард никогда бы ничего не предложил ей, Пэтси отчетливо понимала это — он слишком долго был женат, не уверен в себе, и Пэтси была не уверена, что сможет что-то предложить Ричарду, если вообще правильным будет так поступить. Ричард все еще пребывает в глубоком шоке, горе захватило его, и если она попытается завязать с ним какие-то отношения, то он может слишком глубоко и серьезно воспринять это. Да и уместно ли сейчас... — вдова и вдовец? Это было бы неэстетично. Пэтси осторожно положила телефонную трубку. Можно принять ванну. Если и завтра у нее будет такое настроение, то она пойдет и потратит все деньги на одежду. Куда же она засунула кредитную карточку, только Пэтси знала насколько разнообразными могут быть варианты ответов.

Она отошла от телефона на несколько шагов и решила, что все-таки, несмотря ни на что, позвонит Ричарду — не хотелось принимать ванну и не хотелось отправляться за покупками. Пэтси повернулась, и в этот момент зазвонил телефон. Она готова была поспорить на сто долларов, что на противоположном конце провода ее ждал Ричард Альби.

Но она бы проиграла.

— Пэтси, как я рад, что застал тебя. Это Грем.

— Я только что звонила вам! Вас не было!

— Я только что вернулся. Пэтси, я обнаружил кое-что интересное, это может быть ключом ко всему... Я думаю, что знаю, где он находится, Пэтси. И кто он такой, я тоже знаю.

— Расскажите мне, — попросила она. — Вы можете рассказать это по телефону?

— Не сейчас, — ответил голос Грема. — Поверьте мне, Пэтси, на то есть причина. Я хочу, чтобы мы встретились с вами.

— Договорились, отлично. — Она повеселела. — Называйте место.

— Вы знаете Пур Фокс-роад? Гринбанк?

— Никогда не слышала.

— Немного мрачное место...

— О, я знаю. Это там, где был убит Фриц. Садовник.

— Вы сможете найти это место? Это как раз напротив Маунт-авеню, недалеко от входа на грейвсендский пляж. Надо внимательно ехать... там нет указателей. Пур Фокс-роад скорее похожа на узкий проезд, чем на городскую дорогу.

— Думаю, что я видела ее.

— В конце дороги стоят три или четыре домика. Сейчас они все пустуют. Я хочу, чтобы мы встретились около одного из них, маленького коричневого деревянного дома перед которым стоят старые машины.

— А какой его номер ?

— Номера на нем нет, но вы его не спутаете ни с каким другим. Коричневый деревянный дом. С просевшей крышей. Сразу заходите внутрь. Если меня еще не будет, то подождите. Я должен собрать кое-какие вещи вместе и хочу, чтобы вы их увидели.

— Коричневый домик, просевшая крыша. Вы очень взволнованы, Грем.

— Вы поймете почему. Увидимся на Пур Фокс-роад. — он повесил трубку.

Пэтси взяла сумочку, висевшую открытой на дверной ручке, и принялась искать ключи от машины.

Только через пять или шесть минут она нажала на тормоз и, выглянув из машины, обозревала то, что должно было быть Пур Фокс-роад.

Фары осветили узкую дорогу, старые разросшиеся деревья и высокую траву на обочине. Луна блеснула в просвете между черными силуэтами одичавших яблонь, вызвав у Пэтси бессознательное чувство тревоги. Только несколько мгновений спустя она поняла, что тревогу вызвал необычный вид луны — она казалась огромной, почти вдвое больше обычного.

Пэтси ехала очень медленно. Она все еще сомневалась, что попала в нужное место. Когда перед ней возникла излуцина реки, где Бобби Фриц повстречался с доктором Рен Ван Хорном, она услышала звук, напоминающий гул работающих станков — постукивание, шум, скрежет. Пэтси поняла, что находится рядом с Академией. И почти в ту же секунду фары машины осветили первый ряд домов, потом — второй, утонувший в свалке полуразвалившихся машин, потом — третий. Сердце сжалось и упало.

Он был грязно-коричневого цвета с заметно просевшей крышей. Пэтси показалось, что черные окна блеснули в свете фар, но, подъехав ближе, она поняла, что ошиблась — стекла в доме разбиты и исчезли давным-давно. Ужас и растерянность вызвал даже не ветхий, полуразвалившийся вид дома, другого она и не ожидала, а окутывавшая его атмосфера полной удивленности и отчужденности

от окружающего. Свет фар приблизил дом, подчеркнув его изоляцию и окаменение. Пэтси выключила двигатель и погасила фары.

Она изучающе всматривалась в коричневое строение, в темные стволы деревьев, в ржавые остовы автомобилей, казавшиеся просто красивыми в голубоватом свете луны. Без всякого интереса она скользнула взглядом по другим домам, машинально отметив, что все они пусты. Пур Фокс-роад превратилась в городок-привидение. Она еще раз посмотрела на дом, но на этот раз не обнаружила в нем ничего необычного — просто старый опустевший дом.

Пэтси открыла дверь машины и вышла наружу. Стук и скрежет сотен молоточков, что работали где-то в центре земли, неожиданно прекратился. Пэтси оглянулась и удивленно отметила, что не видит ни одного школьного здания — только кусочек ограды, увитый залитым лунным светом плющом.

Стоя перед домом, она на мгновение заколебалась, надеясь услышать подъезжающую машину Грема. Дорожка, что вела к дому, заросла сорняками. Пэтси опять посмотрела на узкую дорогу, ожидая, что вот-вот появятся фары машины. Но только мертвенный лунный свет падал на дорогу сквозь сплетенные листья деревьев. Пэтси внезапно подумала, что он никогда не приедет, но тут же тряхнула головой, отгоняя эту глупую мысль.

Она ступила на толстый ковер растений и сквозь их толщу ощутила остатки ведущей к дому дорожки.

— Ну пошли, Грем, — подбадривая себя, произнесла она вслух.

В ее представлении этот дом был как-то связан с тем, что произошло с Гремом в двадцатые годы. Прикоснувшись к дверной ручке, она подумала, что полуразрушенное строение является важной частью всех происходящих вокруг них событий. Задумала — сделай, и Пэтси нажала на металлическую ручку и отворила дверь. В тот же момент раздался слабый писк, и острые когти впились ей в лицо. Летучая мышь. Она спугнула летучую мышь. Пэтси так испугалась, что даже не смогла закричать и только молча пыталась отогнать от себя крохотное существо, но острые коготки впивались в кожу, путались в волосах, цеплялись за платье. Пальцы Пэтси коснулись мохнатого туловища. От пронзительного писка заболели уши. Она чувствовала, что зверек все глубже зарывается в волосы.

Дверь захлопнулась, но охваченная ужасом Пэтси едва ли заметила это. Мохнатое тельце летучей мыши вызывало отвращение, а ведь ей надо было взять его в руки. Прикосновение рук вызвало у зверька новый взрыв истошных, пропитанных ненавистью звуков. Эти вопли эхом отдавались в голове, острые зубки впивались в кожу. Тяжело дыша, крепко зажмурившись, постаннывая от отвращения, Пэтси схватила и с усилием оторвала от себя летучую мышь.

Она немедленно улетела, и Пэтси наконец смогла открыть глаза. Но она ничего не увидела. Ее окружала плотная тьма. Прижав руки к исцарапанной голове, Пэтси прошла вперед. Отовсюду, сверху и снизу, со всех сторон неслись и обволакивали ее стучащие и скрежещущие звуки.

Пэтси сделала несколько торопливых шагов по комнате, когда пол под ней закачался, подбросив ее вверх. Она упала на бок, приподнялась и тогда поняла причину падения — прямо перед ней лившийся в окно лунный свет освещал прогнившую доску пола, конец которой покачивался, как сломанный трамплин. Над головой она увидела множество черных крыльев, чертивших в воздухе замысловатые зигзаги. Пэтси подобралась к дыре в полу. Доски скрипели и вибрировали. Казалось, что пугающие ее звуки идут откуда-то снизу, из-под пола. Пэтси на четвереньках начала пробираться к входной двери. Ободрав руки о треснувшие половые доски, она, казалось, прошла расстояние вдвое большее, чем то, что отделяло ее от входа. Летучие мыши шуршали над головой. Неожиданно она коснулась металлической трубы и вскрикнула — значит, вместо выхода она забралась еще дальше в глубь дома.

Пэтси попробовала опереться на трубы и встать. Рука наткнулась на что-то склизкое и вязкое; она почувствовала, что странная жидкость попала и на ноги. Перед окном вились две летучие мыши — увидев ее, они влетели внутрь дома и закружились над самой головой, издавая злобное попискивание. Пэтси увидела, что у одной из мышей женское лицо, окруженное ореолом ярко-рыжих, почти красных волос.

Двери перед Пэтси распахнулись, и оттуда хлынула твердая стена жужжащих мух. Они мгновенно заполнили комнату, воздух почернел. Пэтси пыталась отогнать их от себя и внезапно увидела, что в глубине черной зудящей массы появилось какое-то существо — перед ней возникло страшное, безумное лицо Леса Макклауда, такое, каким оно было в последние минуты его жизни, когда он пытался затормозить машину.

Ярко-красный свет подымался со дна подвала. Пэтси, словно замороженная, подошла ближе: на последней ступени лестницы дрожало и переливалось кровавое озеро; неожиданно над его поверхностью показалась сломанная рука, потом другая, затем из красной воды вынырнула маленькая, красивой формы голова — страшное искаченное тело пыталось выбраться на ступени лестницы.

Табби? Табби? Где ты, Табби?

Табби? Табби?

Табби находился в страшном полусне. Он опять стоял на кровавом песке грейвсендского пляжа. Пэтси? По телу прошла дрожь,

словно ток пробежал по мышцам. Пэтси в опасности, смертельной опасности. Табби откинул простыню и сел.

Пэтси, с тобой все в порядке? Как ты, как ты...

Он не ощущал ничего, кроме твердой убежденности в смертельной угрозе.

Табби вскочил с кровати. Маленький, неистовый. Где комната Ричарда? Пэтси... Табби выбежал в темный холл и нырнул в темноту по направлению к лестнице. Он услышал глубокое, ритмичное дыхание, которое лишь изредка прерывалось всхлипываниями и стонами. Табби нащупал в темноте дверной проем, нырнул в комнату и принялся шарить по стенам в поисках выключателя. Наконец он нашел его и нажал на кнопку.

Ричард Альби лежал на спине с открытым ртом и крепко спал. Даже внезапно зажегшийся свет не разбудил его.

Табби подбежал к постели. Ричард громко застонал, но не проснулся. Табби принялся трясти его за плечи:

— Проснись! Ты должен проснуться! Ричард!

Глаза Ричарда приоткрылись, губы зашевелились.

— Пэтси. Она умирает.

— Что?

— Она умирает, — голос Табби сорвался. — Она сейчас находится в одном ужасном старом доме, и что-то хочет убить ее. Мы должны помочь ей.

— Как помочь? Откуда ты все это узнал? Что мы можем сделать? — Ричард еще не совсем проснулся.

— Позвоните Грем. Он узнает этот дом... он должен знать его.

— Ты уверен? Конечно, ты уверен. — Ричард провел рукой по лицу. — Я сейчас же позвоню ему. Надеюсь, что дома.

Ричард начал набирать номер телефона Грема.

Для Табби время текло невероятно медленно. Он повернулся спиной к Ричарду и услышал, как медленно проворачивается телефонный диск, как в трубке раздаются медленные длинные гудки. Табби закрыл глаза:

О, Пэтси, Пэтси, потерпи, пожалуйста,

мы найдем тебя, Пэтси, — клянусь Богом, мы найдем тебя,

шне не не умирай — я люблю тебя!

Позади раздался удивленный голос Ричарда, он дозвонился до Грема. Табби услышал, как он сказал: «Вы думаете, что знаете этот дом?» Табби не мог больше говорить с Пэтси, не хватало сил. «У вас сломана рука?» — Ричард продолжал беседовать с Гремом. Наконец он обернулся к Табби:

— Одевайся. Грем сейчас будет, я переоденусь, и мы возьмем мою машину. Он уверен, что сможет найти ее.

* * *

Как только Пэтси услышала Табби, то почувствовала, что все пространство вокруг заполнилось им. Сразу же стал уменьшаться и редеть мушиный рой. И с каждой секундой начал меркнуть красный пульсирующий свет. Пропитанное кровью создание отступило назад, все еще умоляюще протягивая к Пэтси руку, словно ожидая от нее помощи. Даже когда его голова скрылась в глубине красного озера, руки все еще тянулись к Пэтси в немом призыве о спасении. Глядя, как эти руки постепенно погружаются в красную пучину, сначала исчезли локти, потом запястья, потом беспомощные кончики пальцев — Пэтси не могла сдержать рыдания. Красная волна крови, поднимавшаяся из подвала, медленно схлынула с лестницы и стала исчезать, словно ее всасывала неведомая космическая дренажная труба.

Выходя из кухни, Пэтси споткнулась. Она осторожно обошла дыры в полу, обошла и доску — причину своего падения. Сейчас в ярко освещенной лунной комнате она ясно видела дверь — дверь была слегка приоткрыта, и через щель в комнату тоже проникал свет.

Пэтси вышла на дорогу. Белые от лунного света листья тихо шумели и шептались на деревьях, растущих вдоль Пур Фокс-роад. Пэтси ждала. Она стряхнула с платья грязь и хлопья пыли, перешла улицу и подошла к своей машине. Через несколько секунд за поворотом узкой заросшей дороги показались фары.

Через открытое окно автомобиля Ричарда она видела их лица — три повернутых в ее сторону белых пятна. Пэтси заметила, что рука Грема висела на сделанной наспех перевязи из красного шарфа. Длинная ссадина краснела на правой щеке. От Табби исходил согревающий поток заботы и любви.

— Вы сможете вести свою машину, Пэтси? — спросил Грем. — Не хотелось бы оставлять ее здесь на ночь.

Пэтси кивнула

— Вы уверены? — Ричард перегнулся через Табби, чтобы лучше рассмотреть ее. — Почему бы вам не доверить это дело мне?

— Ох, с радостью, пожалуйста.

— Едем ко мне, — сказал Грем. — Я думаю, никто из нас не собирается спать сегодня ночью.

5

Пэтси и Ричард уселись на старый диван. Грем повернул стоящий около столика с пишущей машинкой рабочий стул и сел к ним лицом. Он хмурился. Табби уселся по-турецки на полу перед Ричардом. Он знал, что хмурый вид Грема относится к нему и что Грем не меньше зол и на самого себя. Теперь они все знали, что произошло с каждым из них.

— Я хочу спросить тебя, Табби, — произнес Грем, — откуда ты узнал, что Пэтси в опасности? И как тебе удалось так подробно все описать, что я смог узнать это место? Как это получилось?

— Я просто знал.

— Просто знал. Ха! Разве ты не понимаешь, сынок, что все, абсолютно все, что происходит, очень важно для нас — что все это кусочки одного узора? А если мы не сможем сложить этот узор, то не сможем и выполнить нашу работу? Ты не должен ничего скрывать от нас, Табби. Если ты действительно хочешь помочь нам.

— Хочу, — ответил Табби.

Он вовсе не собирался скрывать от Грема и Ричарда, если, конечно, Пэтси не против, мысленную связь с Пэтси, но он не мог бы рассказать о той ночи, когда впервые обнаружил ее, даже Грему и Ричарду, хотя ближе них у него никого нет, не считая Пэтси, конечно. Они бы не поняли — Табби и сам не понимал, как он позволил себе отправиться с близнецами Нормана. Табби был серьезен, очень серьезен, так же серьезны были бы Ричард и Грем, если бы обнаружили, что он уничтожил Дракона.

— Докажи это мне, — сказал Грем.

— Хорошо. Ты тоже хочешь этого, Пэтси? — Она кивнула. — Хорошо. Я не знаю как вы это называете, но Пэтси и я... мы... мы можем...

— Телепатия, — проговорила Пэтси, — мы можем посылать друг другу сообщения.

За спиной Табби глубоко вздохнул Ричард Альби.

— Ага, — Грем улыбался, — конечно, так и должно было быть. Я знал. Знал с самого первого раза, когда увидел вас вдвоем. Вы двое одинаковы. Хорошо. Спасибо, что рассказали мне. Когда вы впервые заметили эту способность?

Табби не хотел углубляться в эту тему.

— Прямо сегодня, — ответил он.

— Пэтси?

— В первую ночь, когда мы четверо собрались вместе. В ту ночь со мной произошел припадок, и я увидела голову Дракона, которая вылезала из книги.

— Нет, это не был припадок. Мы собрались вместе не случайно, мы здесь, потому что наш враг только что обрел настоящую силу и могущество. Наша битва впереди. Табби! Ты можешь еще что-нибудь рассказать нам? Что-нибудь добавить?

Табби покачал головой.

— Что ж, позвольте мне тогда поведать вам о Черном Лете, и, быть может, вы измените ваше мнение. Теперь вы все без сомнения сможете представить, что произошло тогда. Потому что то же самое повторяется сегодня — я думаю, что Гидеон Винтер пытается по-

вторить лето 1873 года. И с моей точки зрения, он прекрасно преуспел в этом. Что мы имеем? Людей, покинувших город, пожары и смерти... — Лицо Грема исказила боль. — Очень скоро поезда будут проезжать мимо Гринбанка и Хэмпстеда. Один раз машинист «забудет» остановиться, очень скоро он «забудет» остановиться вновь, а потом они просто перестанут замечать мелькающие названия станций. Когда-нибудь при свете голубой луны, посмотрев на большую красную вывеску «Хэмпстед», они будут пытаться понять, почему при этом слове их начинают мучить угрызения совести. Но знаете, все это не имеет значения — никто не будет ждать этих поездов, платформы опустеют. Город умрет, друзья мои, он уже смирился с этим... и он уже на полпути к могиле. И через два, пять, а может, десять лет Хэмпстед превратится в огромную гробницу...

Грем посмотрел на них и поднес руку к горлу.

— Пересохло. Нужно немного смазать его. Табби, будь добр, вынь из холодильника бутылочку пива. Пэтси, хочешь что-нибудь? Джин, может быть? Ричард? Усаживайтесь поудобнее, впереди длинный рассказ. Я собираюсь рассказать вам о лете 1873 года и о том, что произошло между мной и мистером Бейтсом Креллом, чей дом мы посетили сегодня вечером. Пришло время поведать вам об этом, дети мои.

Табби открыл бутылочку пива и для себя.

III ГОРЯЩАЯ РЕКА

1

— Мне было двадцать, — начал Грем, — и по возрасту я был ближе всех вас к Табби, а это кое-что значит. Я работал над первым романом — тем самым, который опубликовал восемь лет спустя. Я считал, что сюжет романа великолепен, во всяком случае, он был мне очень близок, так как меня интересовала история исчезновения женщин Хэмпстеда. Мои родители хорошо знали одну из них — Дейзи Вест. А я был знаком с ее мужем, Горасом. На самом деле он был очень мягким человеком, но исчезновение жены просто перевернуло его — он пошел в полицейский участок и набросился с кулаками на Клецки, начальника полиции. Тот был вынужден водворить его на одну ночь в камеру. Вот во всем этом я и хотел разобраться. Как исчезновение одних людей влияет на других, как после этого изменяются их жизни.

Итак, я обзавелся небольшим блокнотом, куда записывал все приходившие в голову идеи; я отправлялся в далекие прогулки, стараясь держаться подальше от людей, от членов моей семьи, и писал, писал, фиксируя даже мельчайшие мысли. Чаше всего местом прогулок служила Рекс-роад — дорога, извинаясь вдоль берега реки, вела из Гринбанка в город. В те дни почти вся левая сторона Рекс-роад представляла сбегające к реке голые поля. Вы могли пройти по дороге две или три мили, и река все время оставалась перед глазами. Я следил за движением судов и лодок, делал пометки в блокноте и не спеша шел дальше. Проголодавшись, я усаживался на краю дороги и вынимал из рюкзака сэндвич. Со мной обычно были одна или две книги, иногда маленький томик Джона Домма, иногда — Руперта Брука. Я был возвышенным молодым человеком. Возвышенным. Наивным. И почти столь же способным к созданию книги (чего мне очень хотелось), как способен к этому хомяк. Домм и Руперт Брук — именно они позволили мне выжить тем летом.

Итак, однажды я сидел на краю дороги Рекс-роад и, поедая сэндвич, рассматривал суденышки на Наухэтэн. Мое внимание привлек мужчина, суетившийся на палубе неуклюжего рыболовного судна, направлявшегося в сторону Саунда. Крупный, бородатый парень, одетый в тяжелое синее пальто и кепи, косо сидевшее на голове. По непонятной мне самому причине я почувствовал тревогу — не просто беспокойство, а именно тревогу, внутренний толчок, какую-то ошибку, беспорядок в общем порядке вещей. Ну как, например, если бы я взглянул на небо, а там оказалось две луны. Да, какая-то ошибочность, неправильность была в увиденном —

наверно, так можно наиболее точно сформулировать охватившие меня чувства. Я опустил книгу, рот мгновенно пересох. Судно скользило по течению, мужчина в кепи, стоя рядом с каютой, облокотился на поручни и поднял голову. Он смотрел прямо на меня, будто ему было известно, что я здесь, в этом месте, на берегу.

Грем остановился — лицо Пэтси побелело, на нем читалась тревога. Ее глаза расширились, и он понял, что бы она сейчас ни видела, но только не их, сидящих в этой потертой гостинной.

Тогда Табби сказал:

— Вы знали.

Грем посмотрел на мальчика. Лицо Табби казалось белым и холодным.

— Вы знали, — эхом повторила Пэтси.

Они видели все это вместе с ним. Он смотрел в прошлое сквозь свою память, а они — наяву, прямой сейчас.

— Да, знал, — подтвердил он, — я знал, что я вижу Дьявола. Точно так же, как вы видите его теперь.

— Бог ты мой! — воскликнул Ричард. — А ты, Пэтси? Табби?

Они кивнули практически одновременно.

— Бог ты мой, — повторил Ричард, — я понимаю, что теперь надо бы привыкнуть к таким вещам, но все же...

— Вы видели, как мир сошел с ума, — произнес Табби.

— Тогда я был похож на вас двоих. Меня посетило своего рода видение, и это потрясло меня. Я видел, как мир почернел, или, быть может, на какие-то мгновения у меня просто потемнело в глазах, но затем я увидел землю. Ее окутывал густой дым, и пламя покрывало всю поверхность Наухэтэн. Река превратилось в сплошной огонь. Потом видение исчезло. Я вновь смотрел на старый добрый серый Наухэтэн. Неуклюжее рыболовное суденышко плыло к Саунду. И я интересовался стоявшего на палубе мужчину не больше, чем пробегающая по дороге собака.

— Но вы, наверное, почувствовали, что должны пойти вслед за ним? — спросила Пэтси; Табби закончил фразу:

— Чтобы узнать, кто же он!

— На следующий день я пришел на это же место. Ленч и блокнот были со мной, хотя я не написал ни единого слова и совершенно не хотел есть. Я был напряжен, словно гончий пес. Вы понимаете, я был уверен, что это страшное видение повторится. Я не мог оторвать глаз от этого крохотного суденышка, плывшего по течению. На палубе появился мужчина. Он завел мотор, и судно прошло мимо, точно так же, как и накануне. И точно так же, как и накануне, он поднял голову и взглянул на меня, стоящего на берегу, его взгляд скользнул по мне. Он был крупным, властного вида мужчиной, и я до сих пор помню этот взгляд. Судно прошло мимо. Ничего не

произошло. Я стоял, как отвергнутый проситель, и следил за тем, как оно удаляется в даль. Я чувствовал себя опустошенным. Судно ушло, обычное рыболовное судно, таких десятки на реке. И я... я остался стоять на берегу с открытым ртом.

— Да, вы правы, — продолжал Грем, — я был просто обязан выяснить о нем все. Позже, после полудня, я отправился на другую сторону реки. Я притворился, что мне надо передать поручение одному из рыбаков. но забыл его имя.

— ...такой рослый мужчина, — объяснял я, — с бородой, в кепи. Его причал где-то здесь, недалеско.

Маленький тощий человечек усмехнулся и сказал:

— Это Крелл. Он имеет в виду Бейтса Крелла. — Он повернулся ко мне, и я заметил, как злорадно блеснули его глаза.

— У него поручение для Бейтса Крелла? Да? У него для тебя тоже найдется поручение, сынок. — Все засмеялись, и другой рыбак добавил:

— У него, сыночек, найдется и побольше, чем поручение...

Конечно, я не понимал, что именно они имеют в виду, но одно было мне ясно: они боялись этого человека.

Ну что ж, я поджидал, пока он вернется со своим уловом. Я не вполне понимал, что происходит, но мне казалось, что этот человек, Бейтс Крелл, каким-то образом причастен к тому событию, в результате которого я впервые увидел его, — исчезновению Дэйзи Вест и всех других женщин. Крелл привел судно как раз перед закатом. Улов был невелик, и пока он торговался о цене на треску с подошедшими перекупщиками, я спрятался за стеной дока. Он казался угрюмым, агрессивным и очень неглупым. Совершенно обычным человеком, но я знал, что обычным он не был. Мне хотелось узнать, где он живет, хотелось узнать все о его жизни. ореол необычности, воспоминания о странном видении, которое я связывал с ним, привело к тому, что этот человек превратился в мою навязчивую идею.

Он отправился домой, я пошел за ним следом. Я надеялся, что он не заметит меня. Он шел вдоль Гринбанк-роад, глядя прямо вперед, равномерно вышагивая в ботинках на резиновой подошве, в маленьком кепи. Он шел и шел, две мили, три. Начинало темнеть, а по сторонам Гринбанк-роад в те времена тянулись только поля и болота, нигде ни огонька. Я крался полями, репейники цеплялись за одежду, кусты и камни рвали брюки и обувь.

Таким вот образом я выяснил, где находился дом Крелла. И как только я его увидел, то понял, что он так же необычен, как и хозяин. Этот дом мог быть только его, только его домом. Или, вернее, сам Крелл принадлежал ему. Я спрятался за деревом на Рекс-роад и следил за тем, как Бейтс Крелл спускается по дорожке к дому,

открывает дверь и входит внутрь. Страшная маленькая избушка сомкнулась вокруг него, как кулак. Я попятился назад, мне казалось, что домик смотрит на меня глазами Крелла, — я почувствовал неожиданный испуг. Все вокруг угрожало мне... И я бросился прочь оттуда, домой. Когда я прибежал домой, то терпеливо перенес взбучку от родителей: — «Явился так поздно, и в таком виде!» — и принялся вновь размышлять о том, что же мне предпринять дальше. Ведь зная то — я был уверен в этом, — что я знал, я обязан был что-нибудь предпринять. Не мог же я просто написать книгу о рыбаке-убийце? Нет, я должен действовать. Ох, я думаю, что это была самая кошмарная ночь в моей жизни...

Но утром я уже знал, что я предприму. Я должен раздобыть доказательства, которые помогут отправить Бейтса Крелла в тюрьму. Я должен тайно, среди ночи, забраться на борт судна и обыскать его. Возможно, мне удастся найти там какую-нибудь вещь, оброненную одной из пропавших женщин. Крелл — рыбак, а рыбаки имеют такие великолепные возможности упрятать концы в воду, как никто другой. К их услугам Наухэтэн, Лонг-Айленд Саунд, Атлантический океан. Он мог спрятать на борту чуть ли не половину женщин Хэмпстеда, и пока не появилась бы возможность вышвырнуть их за борт, никто на свете не смог бы обнаружить их...

Увлеченный рассказом Грем не замечал странного выражения — наполовину опасения, наполовину упрямой решимости, — появившегося на лице Табби Смитфилда.

2

— Двумя ночами позже, — продолжал Грем, — я сделал это. Я забрался на борт судна. И кое-что я нашел, но совсем не то, что надеялся обнаружить...

Я должен был выждать, пока не заснут родители, а потом еще и убедиться, что я их не разбудил. Вы же знаете, что такое — родители! Они просыпаются от малейшего пустяка. Так что я предпочел подождать, пока не стало глубоко за полночь. Потом я тихонько оделся, бесшумно, словно привидение, спустился по лестнице, опасаясь, как бы старик не услышал и не поднял шум. Выбравшись наружу, я так осторожно закрыл дверь, что даже не слышал ее щелчка. Тихонько, на цыпочках, я пошел по дороге, и только пройдя футов пятьдесят, понесся как сумасшедший.

Я бежал не останавливаясь до самого моста. Ни одна живая душа не встретила меня на пути — ни человек, ни машина. Хэмпстед в те времена был совсем маленьким городком, а маленькие городки рано укладываются спать. Я летел. Я не мог бы идти спокойно, даже

если бы захотел. Тело не слушалось меня, оно просто не могло идти. Боюсь, что мой топот потревожил сон кое-кого из обитателей городка, но я считал, что находки могут оказаться куда более тревожными — ведь я надеялся найти доказательства, что Дэйзи Вест и другие женщины были убиты, так же как женщины в 1924 году. Когда я добрался до моста, то пробежал уже две с половиной мили, ноги порядком устали, но мне кажется, что я даже не запыхался, до такой степени я был возбужден. Я облокотился на железные перила моста и взглянул на реку. Судно Крелла «Каприз» стояло у того же причала, что и накануне. Нигде, куда ни кинь взгляд, ни единой живой души...

Я прошел остаток пути. По дороге мне попались два ночных клуба и парочка засидевшихся посетителей прошла мимо по Ривер-фронт-авеню. Я отвернулся и, полагаю, они проделали то же самое. Я поторопился нырнуть в тень между двумя домами и старался держаться поближе к реке. Вода билась об опоры моста, запах реки сейчас казался более сильным, чем днем, но, может быть, просто обострились мои чувства. Каждая мельчайшая деталь врезалась в меня как нож.

Судно Бейтса Крелла тихо качалось на воде и терлось о доски причала, словно большая старая собака. Мне оставалось только прыгнуть на палубу. Ни одной живой души вокруг. Судно, казалось, приветливо приглашает меня на борт, тихонько вздыхая, поднимаясь и стучаясь о причал. Но я колебался. Что же я собирался делать? Я оперся о деревянный борт судна... Вверх — вниз, вверх — вниз... А затем я беззвучно произнес: «Пошло все к черту» и плюхнулся на палубу «Каприза»...

Прыжок поднял облако пыли. Когда я оторвал руки от поручней, то увидел, что они совершенно черные. Судно Крелла оказалось грязнейшей вещью на свете. На всякий случай я пригнулся и осторожно, под прикрытием поручней, двинулся вдоль палубы. Я не представлял, что именно я ищу. Что-то вроде сувениров, напоминавших Креллу о жертвах. Я представлял секретный ящик, наполненный женскими сумочками, перчатками, туфельками и подобными мелочами.

Неприятность, однако, заключалась в том, что я, кажется, не мог его обнаружить на палубе. Я полностью обошел ее, прошел вдоль и поперек, но единственно, что я приобрел в результате, — боль в спине и грязные следы на одежде, оставленные любым предметом, к которому случалось прикоснуться. Я ничего не нашел и в рубке. Единственное, что я не осмотрел — это трюм. Однако я не торопился спускаться туда по двум причинам: во-первых, после этого я провонял бы рыбой до основания, во-вторых, забравшись туда, я бы не услышал приближающихся шагов. А быть застигнутым на борту

«Каприза» — это последнее, чего бы я хотел себе пожелать; И вдруг, почти случайно, я увидел то, чего не заметил раньше...

Лунный свет касался маленькой металлической ручки совсем рядом со мной, дюймов на шесть ниже поручней. Мне показалось, что рядом с ручкой я вижу длинную прямую линию. Похоже, подумал я, на потайной шкаф Крелла, вделанный в борт судна. Да, это был он. Я уже представлял, что сейчас произойдет: нажму на дверцу, она скользнет в сторону, и разные ожерелья и кольца хлынут на палубу. Я собирался найти сокровища, настоящие сокровища, и чтобы избавиться от Бейтса Крелла, достаточно отнести несколько финтифлюшек Клетцки в полицейский участок — и убийца будет схвачен еще до восхода солнца.

Я схватил поблескивающую в лунном свете ручку, повернул ее вбок, скользящая дверь мягко открылась, будто недавно ее хорошо смазали. Мои глаза чуть не вылезли на лоб: ведь я был уверен, что найду не просто охапку одежды или обуви погибших женщин, но целое состояние в драгоценностях.

Однако маленький шкафчик, встроенный в борт «Каприза», оказался почти пустым. Там стояла покрытая пятнами кофейная чашка и несколько винных стаканов. Я ничего не понимал... совершенно ничего. Я вынул один из стаканов и принялся его рассматривать. Хрусталь был огранен в виде листьев и цветов и весил примерно столько же, сколько квадратный дюйм воздуха. Он искрился в лунном сиянии. Я немного испугался этого сверкания посреди окружавшей грязи — это все равно, что включить фонарь. Я поставил его обратно в потайной шкаф и задвинул дверцу. Теперь для поисков оставалось только одно место. Трюм. Я решил заглянуть туда, но не спускаться.

Чтобы попасть в трюм «Каприза», нужно было воспользоваться полированной доской примерно восьмью дюймов шириной. Она вставлялась в отверстие, а потом действовала как рычаг, приподнимающий одну из огромных дверей. Я сообразил это, когда заметил доску, висящую на специальном крючке рядом с дверью. Я снял ее оттуда, вставил в отверстие и как следует налег на рычаг. Дверь открылась, и я чуть было не потерял сознание и не упал вниз...

Я увидел внизу море крови — да, то самое, что видели вы все. Казалось, что оно поднимается вверх, доставая до самого края трюма, и вот-вот хлынет на палубу. Оно бурлило. Через мгновение мне показалось, что оно разумно. Шатаясь, я поднялся и успел хлопнуть дверь до того, как в глазах потемнело и я упал.

Но потом я, конечно, захотел убедиться, что действительно видел его. Придя в себя, я осторожно приоткрыл дверь — но на этот раз в трюме не было ничего, кроме застарелого запаха рыбы. Никакого запаха крови. Я отворил дверь пошире — трюм абсолютно пуст. С

меня было достаточно. Как можно быстрее я убрался с судна, и добравшись до моста, я дышал уже почти нормально.

На следующий день я разработал другую стратегию. Хотя со мной произошли чертовски странные события, сдаваться я не собирался. Более того, теперь я был уверен еще больше, чем прежде, в том, что именно мистер Крелл убил всех женщин. И я собирался привлечь его к ответственности, чего бы это мне ни стоило. Так что я разработал новый план...

Я был совершенно уверен, что у него имелись помощники — скорее всего, эти рыбаки. Ни один человек, как бы силен он ни был, не может работать один. Обычно помощниками бывают сыновья или нанимают людей для помощи в море и доке. Это позже привычным стало видеть подростков, спующих вокруг машин или бензоколонок на заправочных станциях. А тогда, в те давние дни, в этой части мира точно такие же парнишки крутились в поисках работы на причалах. И я был уверен, что мне удастся кое-что выведать у крелловских помощников. Как бы не так — все оказалось значительно труднее, чем я себе представлял.

Я задавал вопросы на причалах и в доках, я спрашивал посетителей маленьких забегаловок, что стояли вдоль речного берега. Одна из них называлась «Блю-Терн». Она и до сих пор стоит на том месте. Я выдумывал самые разные истории, но то ли никто не верил в них, то ли просто никто не хотел говорить о Бейтсе Крелле. Наконец раскололась одна старая речная крыса, которую я выловил в «Блю-Терн» (после того, правда, как я влил в его охрипшую глотку примерно галлон рома), и поведала, что Крелл избивает своих помощников. «Они все сбегают от него, — сказал он, — смываются прямо среди ночи, и я сделал то же самое. Можно быть строгим, но парни будут уважать тебя. Но ни один из них не потерпит, чтобы его били. Когда я был в их возрасте, то брал, что давали, и еще говорил «спасибо».

Я спросил его, знает ли он, где кто-нибудь из этих парнишек сейчас; он прохрипел, что они, видимо, так далеко забрались от Крелла, как только сумели. Может, и в другие штаты.

— Так уж все, — засомневался я, — неужели же никого не осталось?

Он пожевал губами, молча подлил еще немного рома. Это пошло называлось ромом. Но я думаю, это было несколько другое химическое соединение.

— Может, один и есть, — наконец изрек он, — парня зовут Буресс. Пит Буресс, так он себя зовет. Он ушел от Крелла — храбрый, как бешеный пес. Больше на причалах не показывается, да никто о нем и не скупает. Никогда больше с тех пор его не видал. Никто из нас его не видел.

— А где этот парень живет? — спросил я.

— На болотах. — В глазах собеседника сверкнул мрачный огонек.

Теперь на болотах уже нет лачуг, но в двадцатые годы — как раз во время Депрессии — полно народу жило в домах из бумаг и ящиков на сырой влажной земле, недалеко от грейвсендского пляжа. Одинокие люди, питавшиеся в основном моллюсками, выловленными на берегу во время прилива. Так что я знал, где мне искать, но такая перспектива мне не слишком нравилась. Во-первых, могла разлететься еще одна пара обуви, и вообще, ни один человек в здравом уме не отправится в хижины на болотах. У этих одиночек — собственные законы. Но я понимал, что среди всех моих попыток выяснить что-либо о Крелле, эта — последняя. Так что на следующий день после полудня я вышел по Гринбанк-роад к входу на грейвсендский пляж. Перепрыгнул через оставшиеся после дождя лужи, пробрался через болота и направился к лачугам — там стояло штук шесть или семь, расположенных подальше от воды по направлению к Миллпонду.

Я не знал, к какой же из них подойти сначала, когда увидел долговязого костлявого мальчишку, с грязными светлыми волосами. Он стоял около самой дальней хижины. Парень увидел меня и мгновенно нырнул в открытую дверь.

— Так, так, мой мальчик, — подумал я и, тяжело шагая по влажной почве, подошел к лачуге и постучал в дверь...

3

...Ему открыл испуганный парнишка лет семнадцати. Выпученные глаза делали его похожим на лягушку, и, как позднее обнаружил Грем, на лице мальчика отсутствовали ресницы и брови.

— Убирайся отсюда, — крикнул парень. — нечего тебе здесь делать!

— Мне нужна твоя помощь, — заторопился объяснить Грем. — Я хорошо заплачу тебе, и вот посмотри, я принес тебе кое-что поесть.

Он протянул бумажный пакет с консервными банками (бобы, ломтики мяса в соусе) и тремя бутылками пива. Парнишка неохотно взял пакет и начал копаться в нем, внимательно рассматривая содержимое. Худые руки и лицо покрывал серый слой грязи.

— Ты — Пит Буресс, так?

Парень взглянул на него так, как приговоренный к казни смотрит на тюремщика, и кивнул головой.

— Это и есть еда?

— Я пытался захватить с собой то, что тебе пригодится.

Парень снова кивнул, он выглядел совершенно остолбеневшим. До Грема постепенно дошло, что мальчишка немного недоразвит — где-то на границе между нормальным интеллектом и умственной отсталостью.

— Здесь есть и пиво, — сказал Грем.

Буресс облизнул губы и улыбнулся:

— Какая вам нужна помощь?

— Да просто несколько вопросов.

— Не выпьете немного пива?

— Нет, что ты. Оно для тебя.

Буресс нервно отошел вглубь, освободив вход, и Грем вошел в единственную, довольно темную комнату. В ней стояла удушливая жара, и она была такой же грязной, как и ее хозяин. Пока мальчишка открывал пиво, Грем осмотрелся. Он заметил, что стены лачуги покрыты капельками воды, такие же водяные бусинки усеивали две табуретки. Влага немедленно выступила и на бутылке пива, которую парень держал в руках. Фанерный пол устилала влажная грязь. На стене висела вырезанная из журнала картинка, на которой был нарисован индейский вигвам.

— Хорошее пиво, — проронил паренек. — Можете присесть, если хотите.

— Благодарю. — Грем старался не испугать Пита Буресса. Тот и так явно нервничал, замирая перед ним, словно кролик перед удавом.

— Не возражаешь, если я тебя спрошу кое о чем? Ответишь?

— Вы спрашиваете, а там поглядим. — Парень сделал еще несколько глотков пива.

— Когда ты работал в последний раз?

Парнишка недоверчиво покосился на Грема, задержал пиво во рту, а затем судорожно сглотнув, ответил вопросом:

— Кто подослал вас?

— Никто меня не подсылал, Пит. Я же сказал, мне нужна твоя помощь.

Чуть менее подозрительно, отодвинувшись в сторону, мальчишка сказал:

— Ну ладно, я работал четыре-пять месяцев назад. Это и был последний раз.

— А что это была за работа?

— Палубный матрос на рыболовном судне.

— И почему тебя уволили?

— Эй, мистер, потише. Меня не уволили, я сам ушел. А вы что, слышали, что меня уволили? Вам сказали, что меня уволили?

— А тогда почему ты ушел?

Парень совсем разнервничался, незащищенные ресницами глаза забегали по комнате.

— Потому что со мной плохо обращались, — пробормотал он.

— Он тебя бил? Крелл тебя бил?

Казалось, что в комнате ничего не изменилось, но вместе с тем все выглядело совершенно иначе. Парень побледнел, кожа под толстым слоем грязи стала цвета снятого молока. Даже капли воды, казалось, перестали капать со стен и застыли, подрагивая, на своих местах.

— У меня нет с ним ничего общего, — попытался успокоить мальчишку Грем, — я и видел его только один-два раза...

— Он ударил меня, сбил с ног, — пояснил Пит Буресс, немного успокоившись, — ох, вот потому-то я и ушел.

Он все еще не смотрел на Грема, а тот старался держаться как можно спокойнее, вкрадчивее, чтобы завоевать доверие парнишки, как иногда пытаются завоевать доверие собаки. Грем смотрел на индейцев, нарисованных на картинке, и молчал.

— Он часто избивал меня, — наконец выдавил паренек.

Еще одна длинная пауза. И затем Пит Буресс очень негромко добавил:

— И, знаете, он начал молодеть. Становился все моложе и моложе. И красивее.

— Ты считаешь его красивым, Пит? — прошептал Грем.

Парнишка кивнул. Кадык ходил ходуном на худом горле. Глаза без ресниц впервые за все тридцать минут разговора остановились на лице Грема.

— Да, считаю. Он был ужасно красив. Иногда такие вещи могут происходить одновременно, вы понимаете, если...

У Грема на виске начала пульсировать вена. У него начиналась тяжелейшая головная боль.

— Я понимаю, — сказал он.

— Вы — такой милый. Вы принесли мне еду. — Пит остановился, не договаривая, как бы давая Грему возможность понять, что сам он боится выразить.

— Это пустяки. — Грей испытывал ужасное замешательство.

— Меня охватил ужас, когда он начал становиться молодым и красивым, — Пит произнес это после второй длинной паузы. — Я все время думал, что же он сделал для этого...

— Для того, чтобы выглядеть моложе? — спросил Грем.

— Что он сделал перед тем, как так помолодел. У него же были такие ребята и до меня, мистер. — Пит Буресс, не отрываясь, смотрел на Грема с новым, непонятным выражением глаз — в них был и намек, и смущение, и бравада, и еще что-то таинственное и тревожное, что вызывало у Грема желание бежать. Бежать прочь из этой хибарки. Вместо этого он спросил:

— И этих ребят он тоже бил? Сколько их было до тебя? Три, четыре?

Парень прочистил горло:

— Да, примерно так. Три. Четыре. Они бывали у него дома. Я никогда не соглашался приходить к нему домой. Он наводил на меня ужас.

— Пит, — решил Грем, — я даже не знаю, как это выразить, но видел ли ты что-нибудь необычное на «Капризе»?

Мальчик снова замкнулся, глаза опять напоминали глаза рептилии.

— Слушай, — сказал Грем, — я понимаю, что это звучит чертовски странно, но видел ли ты что-то вроде огромного озера крови?

Пит покачал головой.

— Ну тогда... видел ли ты хоть что-нибудь странное, ненормальное?

Ироническое выражение, появившееся на лице мальчика, дало Грему понять, что на борту «Каприза» ничто не было нормальным.

— Может, я не так спрашиваю? Как мне спросить, чтобы ты понял? — добавил Грем с отчаянием.

— Я понимаю, — ответил парень, — я понимаю, что вы хотите знать. Это то самое, что он ни за что не хотел бы, чтобы я рассказывал. Но я расскажу. Только вам расскажу. Однажды я услышал ужасный звук. Я посмотрел в рубку. И не мог поверить своим глазам. Рубка была наполнена мухами. Тысячи, нет, миллионы мух. И в тоже время я каким-то образом знал, что на самом деле их там не было. Он ударил меня, потому что понял, что я увидел их. Ему нравилось избивать меня, — эту последнюю фразу он произнес почти кокетливо.

— Ох, — только и мог сказать Грем.

— Других парней он брал к себе домой. Я не знаю, что он там еще с ними делал, но он брал их к себе домой. И никто даже не замечал.

— Замечал?

— Они все отправились в другие штаты, я думаю. Я думаю, ищут работу. Но я так думаю, что больше их никто не видел.

— О, Бог ты мой! — До Грема наконец дошло.

— Никто их больше не видел, — засмеялся Пит Буресс, — и никого это не заботит. Они ведь просто никто и ничто. Так что я уж лучше ушел от него и сбежал сюда, на болота. С того дня я никогда не видел прекрасного мистера Крелла.

Кокетство — это было кокетство.

Грем встал, узнав одновременно и больше, и меньше того, на что рассчитывал. Пробормотал общепринятые, не соответствующие его паническому состоянию слова прощания и вышел. Пробираясь через болото он чувствовал на спине взгляд Пита Буресса, стоявшего у

двери покосившейся хижины. Какие чувства теплились в этом взгляде — этого Грем сказать не мог.

4

Дома Грем принял ванну. Он долго лежал в теплой воде. Ему казалось, что грязная, серая атмосфера лачуги Пита Буресса въелась в кожу. И он тер себя губкой до тех пор, пока ему не показалось, что он весь блестит. Никогда прежде Грем не испытывал морального отвращения и никогда прежде он не встречал на своем пути деградировавших людей. А Пит Буресс был несомненно деградировавшей личностью, и виноват в этом Бейтс Крелл. У Грема появилось чувство, что он заглянул в глубокий колодец — еще один шаг, и он может упасть в него. Но он спасся.

Очень может быть, что это и явилось причиной ночных кошмаров. Уже три ночи Грем провел в лихорадочном беспокойстве. Ему снилось, что он спит в гробу в обитой черным бархатом комнате. Лицо, руки были запачканы чем-то красным. Его охватило желание лететь. Выбраться из этого черного гроба и лететь, лететь в черном ночном небе. В следующие две ночи сны изменились. Он видел себя спящим возле колодца в дремучем лесу. Он заметался и застонал во сне. На дне колодца жило что-то страшное и могущественное. Кто-то, кого он не знал, взывал к нему оттуда. Но он не мог заглянуть туда — он бы не вынес, если бы подобрался к краю и заглянул внутрь.

Утром Грем просыпался с отчетливым ощущением, что надо вспомнить что-то давно происшедшее, заглянуть в какие-то далекие времена. Он разговаривал с родителями, смотрел в их милые, добрые, ничего не подозревавшие лица и чувствовал, что если немедленно не убежит, то сейчас же заплачет. И он убежал. Закрылся в своей комнате. Он был вежлив с ними, когда они подходили к его двери, но из комнаты не выходил. Если они оставляли у дверей еду, то он ел. Если нет — нет. Очень скоро он ощутил, как несчастны родители, как бьются о дверь их невысказанные вопросы. Период сумасшествия, период расстройства длился четыре дня. На пятый Грем проснулся с ощущением резкой слабости, но он снова стал самим собой. Две ночи он уже спал без кошмаров. И исчезло ощущение невероятной удрученности, которая, казалось, навсегда поселилась в сознании.

Он спустился к завтраку и попросил прощения у родителей за свое поведение. Он попытался объяснить, что просто слишком усердно работал над книжкой. Но как только с завтраком было покончено, им снова овладела навязчивая идея — он отправился на

Гринбанк-роад, пересек мост, свернул на Риверфронт-авеню и оказался на причалах.

«Каприз» стоял у причала, чего Грем не ожидал. Бейтс Крелл в комбинезоне и синей вязаной шапочке рассказывал по палубе между разбросанными рыболовными сетями, постепенно подтаскивая их ближе к корме. При виде Крелла Грем ощутил инстинктивный, беспричинный, сжимающий сердце страх. Он вспомнил о тех трех или четырех пареньках, которых Крелл приглашал домой и которые впоследствии бесследно исчезли. Грем не мог оторвать от Крелла взгляд и вместе с тем ни за что на свете не хотел бы, чтобы тот его увидел. Он медленно шел назад, пока не оказался в узком проходе между рыбным базаром и «Блю-Терн». Здесь Грем и спрятался, тихо наблюдая за тем, как Крелл возится со снастями. Мир не содрогался, река не пылала. Никаких признаков сверхъестественного. Крупный мужчина в синей вязаной шапочке, набычившись, швырял кипы сетей на палубу судна. Грем, словно загипнотизированный, наблюдал за происходящим. Лицо Крелла было бесстрастным и невыразительным, не более того.

Грем внезапно обнаружил, что задыхается, хватая ртом воздух и делая частые быстрые вздохи. Маленький человечек вышел из «Блю-Терн» и с изумлением посмотрел на него, после чего ушел по направлению к причалу. Это был тот самый тощий рыбак, рассказавший о Пите Бурессе. У Грема екнуло сердце, когда он увидел, как рыбак подходит к заметно уменьшившейся кипе сетей; человечек кивнул в направлении Грема. И Крелл приостановился. Рыбак явно что-то рассказал ему. Теперь тощий человечек удалялся, лавируя между причалами. Крелл прекратил работу. Он стоял, опустив голову на грудь, руки в карманах комбинезона.

— Уходи, уходи отсюда, — говорил себе Грем, — он уже знает.

Крелл повернулся, поднял голову и как будто пригвоздил Грема взглядом к стене «Блю-Терн».

Грем выпрямился. Хотя он и был панически напуган, но тем не менее не мог не признать, что в обычной ситуации эта театральная бычья повадка была бы просто забавной.

Крелл криво улыбнулся и шагнул в сторону Грема, двинувшегося из узкого прохода ему навстречу. Они стояли в нескольких дюймах друг от друга, и Грем чувствовал исходящий от Крелла запах рыбы и пота. Они были примерно одинакового роста, и серые грязные глаза рыбака смотрели прямо в глаза Грема. В них светилось удивительное выражение сдерживаемого веселья; через несколько секунд Грем не мог понять, как они могли показаться ему серыми. И если сначала Грем ощущал угрозу, исходящую от этого человека, то чувство, охватившее его теперь, нельзя было назвать ничем иным, как очарованием.

— Вы знаете, — хриловатым низким голосом сказал Крелл, — я просто не мог не заинтересоваться.

— Да?

— Заинтересоваться, — кивнул Крелл. — Я просто не пойму, зачем вам понадобилось приходить сюда и расспрашивать обо мне. Я ведь видел вас раньше, правда? Вы сидели на берегу реки.

— Да, это был я, — подтвердил Грем.

— Ну так откройте ваш секрет. Зачем вам это? Вы же не собираетесь вкладывать деньги в рыболовные суда?

Грем испытывал миллионы самых противоречивых чувств. Он чувствовал вспыхивающую в рыбаке жестокость. Но одновременно в Крелле ощущалась могущественность — могущественность личности. Он действительно был личностью, привлекавшей других своим естественным стремлением оставаться самим собой. Пожалуй, любой из знакомых Грема счел бы его ужасным, но этот человек так серьезно воспринимал собственную способность внушать страх, что почти преуспел в превращении этой способности в положительное качество.

Внезапно Грем сообразил и другое: такой мужчина мог очень легко понравиться женщине.

Грем ответил рыбаку настолько правдиво, насколько мог:

— Нет, нет, конечно, нет. Видите ли, я — писатель. Правда, только начинающий. Меня зовут Грем Вильямс, мистер Крелл.

— Вы пишете книги?

— Пробую писать. Когда я увидел вас в тот день на реке, вы заинтересовали меня как своеобразный типаж, как персонаж.

— Это было в первый раз, когда вы увидели меня, или во второй? — Его глаза без сомнения смеялись.

— В оба.

Крелл отступил на шаг, все еще полуулыбаясь. Он посмотрел на «Каприз», а потом на Грема.

— Значит, персонаж книги, да? Это что-то новенькое. Книга Грема Вильямса. Знаете что? У меня появилась идея. Я собираюсь выйти на пару часов в море, вот только закончу грузить на борт эти новые сети. Почему бы вам не выйти со мной? Вот тогда вы и решите, стоит ли вам брать в свою книжку рыбака. А, Грем Вильямс?

Он неожиданно отошел от Грема и занялся кипой сетей. Рыбак перетаскивал их на палубу, затем с удовлетворенным видом повернулся и погладил бороду.

— Я даже готов предложить вам стаканчик вина. Насколько я знаю, писатели совсем не против глоточка-другого доброго вина.

Грем вспомнил сверкающие в лунном свете бокалы, что стоят сейчас в пыльном шкафу на борту «Каприза». И он сказал себе:

— Этот человек — убийца.

Но если выдуманная для Крелла история — правда, то как он может не принять предложение? Тем более если у Крелла возникли

какие-то подозрения на его счет, то отказ может только укрепить их. И потом, отправившись на судне и внимательно изучив обстановку, он, быть может, сможет все-таки найти доказательства, позволяющие осудить Крелла.

Крелл забросил на палубу два последних тюка сетей.

— Отправляемся, — проговорил он.

Крелл поднял густые брови, кивнул и улыбнулся. Издевательски галантным жестом он помог Грем подняться на борт.

Спустя несколько мгновений они уже плыли по Наухэтэн.

— Как вы запоминаете, где оставляете снасти? — поинтересовался Грем. Он смотрел как раз на то самое место на берегу, где стоял, когда впервые увидел Крелла.

— Специальные отметки, — пояснил рыбак, — вы увидите их, когда будем на месте.

— Город выглядит с реки так незнакомо; мне никогда не приходилось смотреть на него отсюда. Он выглядит...

— Диким и ободраным, — вставил Крелл со своего места за рулевым колесом.

Грем, наверное, выбрал бы другое определение, но нельзя не признать, что и это было справедливым. С середины Наухэтэн Хэмпстед выглядел облезлым недостроенным приграничным городком. Задние стены зданий, казалось, вот-вот упадут в реку. Когда они прошли мимо последних домов и ряды причалов остались позади, возникло впечатление, что по берегам реки расстилаются только бесконечные болота и высокие, волнующиеся под ветром заросли камышей.

Эта иллюзия развеялась, как только «Каприз» обогнул мыс у устья реки и вошел в залив Лонг-Айленд. На холмах над частными пляжами обращенные фасадами к береговой линии, словно цветные фонарики, высились особняки Маунт-авеню, окруженные густой зеленью деревьев. Ближе, у кромки воды, виднелись роскошные городские пляжи.

— Как далеко вы собираетесь идти? — осведомился Грем у Крелла, направлявшего судно к выходу из залива.

Светлый голубоватый туманный воздух окутывал Лонг-Айленд.

«Каприз» легко скользил по волнам, удаляясь все дальше и дальше от земли. Вскоре дома на Маунт-авеню казались не больше спичечных коробков. Их окружали карликовые деревья. Пляж Хиллхэвена справа от крошечных домов казался клочком синеватого дыма.

Грем увидел над водой желтый флажок, потом еще два далеко впереди, то появляющиеся, то исчезающие в волнах. Отметки Крелла. Он собирался подойти к рубке и спросить о них у Крелла, но передумал, так как судно как раз прошло мимо первого из них, вполне хорошо различимого. Крелл не остановил моторы. Грем снова облокотился на поручни.

А затем только интуиция — или дар, который он разделял с Пэтси и Табби еще задолго до их рождения, — спасла его жизнь. Неожиданно он почувствовал запах крови, такой сильный, как будто на палубе, позади него, только что зарезали целого быка.

И какое-то животное действительно стояло позади — необычное животное, чудовище. Он знал это. Оно было настолько ужасным, что только один взгляд на это существо мог сковать и обездвижить. В воображении Грема возник образ паука размером с рубку, и он повернулся, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

К Грему приближался Бейтс Крелл. Дверь рулевой рубки запахла. Крелл держал в руке длинную деревянную палку с острым железным наконечником — что-то вроде копья. Рыбак злобно смеялся и медленно приближался к Грему. Глаза под густыми бровями светились мрачным светом. Лицо Крелла наполняли злобая радость, сила и жестокость.

«Я приходил в ужас, когда он становился прекрасным» — Грем вспомнил слова парнишки.

Крелл хохотал и подходил все ближе и ближе...

5

— Вот так, — рассказывал Грем, — безоружный, я стоял на палубе; и этот сумасшедший с копьем кружил вокруг меня. Он собирался пронзить меня насквозь, распороть от глотки до пупа, а затем скормить рыбам. И это доставляло ему больше удовольствия, чем самый прекрасный обед с бифштексами.

Грем прикрыл глаза и, сидя за пишущей машинкой, на мгновение опустил голову. На голове у него было всего несколько прядей седых волос. Когда он вновь поднял голову, то его глаза стали еще больше.

— И, казалось, ничто не могло меня спасти. Я никогда не смог бы победить Бейтса Крелла.

Он моргнул, и на какое-то мгновение Табби увидел его молодым, совсем молодым, таким, каким он был, когда стоял лицом к лицу с убийцей на борту «Каприза».

— Но я все-таки победил его. Табби знает. Табби видел, как это произошло в первую же нашу встречу. Правда, я думаю, Табби, что ты этого еще не понимаешь.

— Я не знаю, — ответил Табби, посмотрев на Грема. — Что я видел? Я видел, как вы что-то подняли... правда, это так? И там что-то было?

— А что это такое? — спросила Пэтси. — Дубинка? Ох, у меня есть одна идея... это что-то вроде дубинки, да?

— Нет, это не дубинка, — сказал Грем, — но это было единственное оружие, которым я мог воспользоваться, — тот самый вось-

мидюймовый деревянный брусок, которым открывался трюм. Я посмотрел туда, где он висел на крюке. Он был на месте. Я отпрыгнул вбок. Крелл замахнулся, но не попал. Это его не огорчило. Он знал, что в конечном счете доберется до меня. Маленькая вещичка, такая, как этот деревянный брусок, не могла помешать этому. Крелл опять замахнулся, я опять отпрыгнул, схватил брусок, поднял его вверх и, держа над головой эту крохотную деревяшку, повернулся к нему, ясно показывая свои намерения. Я считал, что у меня есть шанс.

Подходя к самой трудной части истории, Грем оглядел собравшихся.

— Крелл направился ко мне, нацеливая копьё прямо на живот. Он произнес: «Ты ничего не знаешь, Вильямс. *Ничего не знаешь*». Я чуть не упал — я ударился в панику. И тут услышал жужжание миллионов мух — моя спина прислонялась к стенке рубки и, припомнив рассказ Пита Буресса, я понял, что миллионы мух бьются в ней об окна. И тогда... — Он пристально взгляделся в лица собравшихся и увидел, что они последовали за ним, в прошлое.

— Сейчас мне надо рассказать самое страшное, — начал он, — каким-то образом... — Грема остановило выражение лица Пэтси.

Пэтси светилась словно свеча. Она все видела. Видела его триумф и радовалась этой победе так, словно это была ее собственная победа. Все это отражалось на ее лице. Он почти растворился в чувстве любви к ней. Потянулся и взял женщину за руку.

— О, я знаю, у вас был меч, — сказала она, глаза светились, глядя туда, в пятидесятилетнее прошлое. — О, Грем, у вас был меч. У вас был меч, и вы были прекрасны.

Она помогла рассказать о самом трудном; это сама Пэтси была прекрасна.

— Да, так все и произошло, — подтвердил он, — я почувствовал, что стал восьми футов ростом, почувствовал себя сильным, как Бог. И эта срундовая восьмидюймовая дощечка в руке превратилась в меч.

Грем прикрыл глаза рукой и помолчал.

— Меч.

Голос дрожал, и Грем покачал головой:

— Я не собираюсь плакать, нет. Но, знаете, я сейчас снова переживаю ту прошлую жизнь.

Он вновь потрянул головой и отнял руку от глаз, положив и ее поверх руки Пэтси.

— День изменился. Я ощущал вокруг себя сияние. Крелл издал хриплый вопль. Глаза его стали необычными — огромными, огромными, как мячи для гольфа. В них не было ни зрачков, ни белков — они были абсолютно черные, черные как вакса, с золотистым ободком вокруг — не глаза, а камни. Драгоценные камни. Он

бросился на меня, издавая хриплый крик, и я знал, что он чувствует. Такой же дикий триумф испытывал и я. Но я знал, что выиграю. Все перевернулось, и я собирался уничтожить Бейтса Крелла. Я взмахнул мечом и переломил копье надвое. Крелл вновь заорал и бросился на меня.

Грем выпрямился в кресле. Он все еще держал в своих руках руку Пэтси.

— Я вновь взмахнул мечом, зная наперед, что получится. Казалось, меч взлетел в воздух сам по себе. Лицо Крелла находилось всего лишь в футах от моего, когда меч обрушился на него, и мне показалось, что оно раздвоилось. Передо мной возникли два лица — оба полные злобы и дикой радости. Я почувствовал, как меч рассекает их. Всю силу вложил я в этот удар. Лицо Крелла увеличивалось, раздуваясь, словно воздушный шар; я ощутил, как меч рассек кости черепа, струей хлынула кровь. От удара я чуть не упал за борт. Лицо Крелла опять изменилось, став совершенно белым, верхняя часть его отделилась и упала на палубу. Он еще какое-то время стоял, а потом рухнул тоже. Мне хотелось пить. Это был момент абсолютно полного удовлетворения. Сильнейший момент моей жизни.

А потом все угасло. День вновь превратился в самый обычный, из воздуха исчезли золотистые искры, судно кружило на месте, а меч опять стал обыкновенным деревянным брусом. Кровь струилась из тела Крелла и стекала в трюм через щели в досках палубы.

Грем осторожно освободил руки Пэтси.

— Дети мои, когда в пятидесятые годы начались новые тревоги, эти воспоминания дали мне силы выжить. Я сражался с Дьяволом, и меня спасла неизвестная сила. Я ослаб и был вынужден сесть. Станный, восхитительный миг остался позади, он уже превратился в миф. Из двух половинок того, что было человеком, на грязную палубу вытекала кровь. Меня тошнило от одной мысли об этом, но мне нужно было избавиться от тела. Я думал только об этом. Я не думал о последствиях; я просто не мог представить, что кто-то может мне не поверить.

Я закрыл глаза и подхватил тело под мышки. Подтащил к борту, перебросил через поручни и услышал всплеск. «Каприз», точно милый верный пес, кружил вокруг того места, где ушло под воду тело хозяина. Как будто катер ждал, что он вернется. Деревянный брусок катался по палубе, и я схватил его секундой раньше, чем он закатился в лужу крови. Его я тоже вышвырнул за борт.

Я отправился в рубку и выпрямил курс судна — на какое-то мгновение мне захотелось направить его к выходу из залива, потом в океан и никогда больше не возвращаться назад. Но я развернул катер к устью Наухэтэн.

Конечно, никогда раньше мне не приходилось управлять судном такого типа, как «Каприз». Справиться с рулевым управлением, с

парусами оказалось нелегкой задачей. Когда я заметил огни «Блю-Терна» на берегу, я повернул к причалу и выключил мотор, надеясь на лучшее. «Каприз» стукнулся о доски пристани, как грузовик, что спустился с горы, потеряв тормоза и управление. Я думаю, что в «Блю-Терн» слетел с полки и разбился не один стакан. Набросив канаты на кнехты причала, я спрыгнул на землю и побежал в полицию...

Однако магическое чувство собственной правоты покинуло меня. Я сидел в кабинете Клецки и пытался все ему рассказать — от первого взгляда на Бейтса Крелла до последнего удара «Каприза» о доски причала возле «Блю-Терн». Он смотрел на меня и думал о том, что вот сидит тут парень, немного повредившийся умом от чтения книжек, и морочит ему голову. Клецки был хорошим шефом полиции и крепким парнем. К тому же он был еще и хорошим политиком, потому что умудрился удержаться на своей должности более тридцати лет. Но мой рассказ — это было слишком даже для него. Мне, конечно, следовало бы немного изменить эту историю и сделать ее более приемлемой для туповатого полицейского, который лишь год находится в должности начальника. А я излагал ему сумасшедшую историю и видел, что Клецки накаляется все больше и больше, пока наконец терпение его не иссякло и он не стал откровенно злым. Когда дело дошло до смерти Крелла, я сказал, что выхватил у него копьё и толкнул его этим копьём за борт. Хорошо, что у меня хватило ума изложить все это именно таким образом.

— Значит, вы решили, что именно Крелл убил всех этих женщин? Всех их? И этот худенький парнишка с болота убедил вас в том, что он убил палубных матросов тоже. Трех или четырех. — Клецки скептически посмотрел на меня, и я понял, что он считает, что, слушая мой рассказ, зря теряет время.

Но я подтвердил, что дело обстоит именно так.

— И сколько же, по-вашему, наших сограждан убил этот Крелл? Семь, восемь, десять?

— Что-нибудь, около десяти, — ответил я.

— Тогда, где же тела? — не выдержал раздражения Клецки. — Я имею в виду, где же эти мертвые парни? А куда подевались их мамы? Почему никто не заявил об их пропаже? И какие у вас доказательства, что Крелл причастен к исчезновению женщин? Или хотя бы тех бедных женщин, которые были убиты? Есть ли у вас хоть одно чертово доказательство?

Я был вынужден отрицательно покачать головой.

— Мы даже не уверены, что вы убили этого человека с целью самозащиты и выбросили его тело за борт.

— Но я действительно это сделал, — сказал я, — вы можете посмотреть на палубу судна. Это хоть какое-то доказательство.

— Никакое не доказательство, — проворчал он.

Могу сказать, что я провел в полиции целый день. Клецки послал на причалы сотрудника и тот, вернувшись, сообщил, что да, совершенно ясно, что «Каприз» был причален самым неумелым образом, что ни один человек не заметил его прихода. Точно так же никто не видел, чтобы я отправился на нем с Креллом. На палубе действительно имелись следы крови, но это ничего не доказывало. Ведь в 1924 году еще не знали тестов идентификации групп крови, которые известны сейчас.

Наконец, хотя Клецки прямо ничего не говорил, я начал кое о чем догадываться — и это помогло понять причины его раздражения. Дело в том, что многие мужчины города жаловались на Бейтса Крелла. Им казалось, что он осаждает местных женщин — их жен и дочерей. Кое-кто подозревал, что Крелл по ночам развлекается с женщинами на борту судна. И до меня начало доходить, что я, мягко говоря, несколько спутал Клецки ход расследования. Хотя начать настоящее дело против Крелла он все равно бы не смог: все, что имелося против рыбака, — это весьма неопределенное подозрение считавших себя обманутыми мужей.

К концу ночи мне стало ясно, что Клецки наполовину готов поверить в то, что я убил Бейтса Крелла, но он не собирается арестовывать меня за это. Он просто собирался представить дело так, что я вроде бы и не приходил к нему, что я просто молодой начинающий писатель со слишком сильным воображением. И в то же время он хотел выждать и посмотреть, прекратятся ли исчезновения и убийства. Довольно жестокое правосудие, но он считал, что оно лучше, чем вообще никакое. Меня отпустили домой, не предъявив никакого обвинения, и дома я сжег все заметки и записи. Смерти прекратились. А то, что произошло со мной в заливе Лонг-Айленд, все больше и больше представлялось лихорадочным ночным бредом, плодом моего воображения.

Мне больше не приходилось встречаться с начальником полиции Клецки вплоть до 1952 года. Прошло 28 лет. За это время я стал довольно опальной личностью, часто прикладывался к бутылке, положение мое в городе было более чем шатким. Большинство земляков считало, что сенатор Маккарти счел бы мой образ жизни антиамериканской деятельностью. Не говоря уж о Марти Дизи. Я подумывал о возвращении в Англию, пока еще паспорт оставался действительным. Только один человек в городе доброжелательно относился ко мне. Это был Джон Сэйр. Джонни знал, что я не коммунист. Он знал, что для меня левые представляют просто лучшую компанию... и черт! — мне с ними было просто более интересно, чем с обычными республиканцами округа Патчин начала пятидесятых годов, с их костюмами-тройками и рецептами коктей-

лей из первосортного бренди. Джонни пригласил меня на обед в загородный клуб, где каждый мог увидеть меня с ним, а его со мной. Мы вместе собирались съездить в Лондон на его день рождения — он с женой должны были отправиться туда через несколько дней, и я собирался вскоре последовать за ними. Но Джонни хотел, чтобы весь Хэмпстед видел его отношение ко мне. И в конце того вечера, впервые за 28 лет, Клецки заговорил со мной.

Сколько времени прошло, никто, кроме такой старой перечницы, как я, не помнил его прозвища «Гвозди». Со времени второй мировой войны он больше не занимался плотницким делом и был только начальником полиции. У него вырос толстый живот, а лицо покрылось сетью морщин. Но он помнил меня. Я понял это по его взгляду. Он помнил тот день в полицейском участке и всех погибших женщин. И вот мы вместе стояли над телом одного из лучших людей, когда-либо живших в этом городе.

— Что это с вами? — Мне казалось, что я слышу обращенный ко мне вопрос.

На следующий день мы отправились в офис Джонни — я, его вдова, Клецки и маленькая рыженькая журналистка «Газеты» Сара Спрай. Та, что ведет колонку светской хроники. Я пошел туда, чтобы поддержать Бонни Сэйр. Клецки не пришел в восторг от моего присутствия, но он не мог отказать вдове. Сара Спрай первой заметила блокнот Джонни.

— Знает ли кто-нибудь из вас этих людей? — спросила она.

Клецки и я склонились над столом, рассматривая записную книжку, и оба заметили это имя. Бейтс Крелл. Я вздрогнул, как от удара. Клецки не произнес ни единого слова. Он просто вышел. И я даже не успел спросить его, знакомо ли ему второе имя. Сара Спрай все время повторяла:

— Что это значит? Значит ли это что-нибудь?

Ее голос раздражал меня точно так же, как раздражает звук железа по стеклу. Но я понимал, что она прежде всего журналист — это ее работа задавать вопросы. В конце концов, она была одной из первых, кто нашел тело Джона. Но я не мог ответить ей. Я вышел, чтобы поговорить с Клецки, но он уже ушел.

6

— После эпизода между мною и мистером Креллом я заинтересовался историей города, — продолжал Грем. — Я не очень отчетливо представлял себе случившееся, а спустя две или три недели мне стало казаться, что вообще ничего не произошло. Все больше и больше это представлялось ночным кошмаром. Я уходил на причал, подолгу смотрел на «Каприз» и пытался убедить себя, что я вовсе

не сумасшедший, каким хотел представить меня Кледки. И доказательством полной душевной нормальности является то, что Бейтс Крелл исчез навсегда. Его судно стояло здесь, все больше покрываясь пылью и грязью. Через шесть месяцев город продал его в уплату за налоги.

Была еще одна причина моего интереса к местной истории. Когда исчезла Дэйзи Вест, я случайно услышал, как мой отец говорит что-то моей матери о Черном Лете. Он немедленно замолчал, как только заметил, что я прислушиваюсь. Но это выражение застряло у меня в голове. Черное Лето. Вы знаете, что у меня было собственное Черное Лето. А потом у меня возникло предчувствие — одно из тех предчувствий, когда вы не можете доказать, что правы, и в тоже время абсолютно уверены в этом. Я был уверен, что с Хэмпстедом всегда что-то было не в порядке, что Хэмпстед — самое подходящее место для Черного Лета. Я начал копаться в старых газетах и в «Истории Патчина», а оттуда до самой Дороти Бах... Я до сих пор изучаю все это. Один агрессивный молодой человек, сноб из Исторического Общества, как раз сегодня дал мне довольно интересные сведения...

Ричард не удержался:

— Что же там произошло, Грем? Из того, что вы сказали раньше, я понял, что наш городок каким-то образом сводил в могилу своих жителей...

— Безусловно так, — подтвердил Грем, — и поэтому Хэмпстед умирал вместе со своими жителями: ни почты, ни дилижансов, ни отправляющихся в плавание судов. Ни торговли, ни деловой активности, которые делают город живым. Но я начал не с этого. Как и нынешним летом, я начал с серии жестоких убийств. Тогда Дракон стал более могущественным — это было явно его лето. Именно тогда произошел ужасный пожар на Милл-лейн. Там, где этим летом погибли пожарные из трех городов. Подумайте хорошенько! И примерно за сто лет до Черного Лета солдаты Гендала Трийони с помощью наших местных ребят сожгли дотла большую часть Гринбанка и Хиллхэвена. Иначе говоря, каждые сто лет здесь случался огромный пожар — произошло три таких пожара. В Черное Лето в каждой семье погибло по меньшей мере по одному человеку, а этим летом на наши жизни совершено самое серьезное покушение. Я думаю, что Дракон становится особенно силен и голоден хотя бы один раз в сто лет...

Они смотрели на Грема, припоминая те дни, когда Дракон покушался на каждого из них. Самым задумчивым выглядел Табби Смитфилд, которого события того дня оставили сиротой. Парень с трудом глотнул немного пива и теперь стоял, наклонившись вперед, с крепко сжатыми челюстями.

— А что находилось на Милл-лейн в 1873 году, — спросил Ричард, — жилые дома?

— Хлопковая фабрика, — сказал Грем. — Королевская хлопковая фабрика. Она занимала целый полуостров. Королевская хлопковая фабрика не была самой большой в стране. Хлопковый бизнес в Хэмпстедешел не очень-то хорошо, но тем не менее королевский хлопок составлял важную часть жизни города... Завод давал работу сотням людей. И если бы все сложилось удачно, то он мог бы изменить Хэмпстед. Он бы превратился в совершенно другой город. Ведь что мы представляем собой сегодня? Просто нью-йоркская спальня. А мы могли вырасти в самостоятельный город, город, зависящий только от себя, от своих достижений. Понимаете, что я имею в виду? Когда королевский хлопок в 1873 году сгорел дотла, Хэмпстед потерял будущее.

Грем встал, почесал спину и сделал несколько бесцельных шагов к столу, потом назад и снова обернулся к ним лицом.

— Никто так и не сумел узнать, отчего возник этот пожар. Или как случилось, что возникнув, он так стремительно распространился. Это была настоящая загадка, друзья, и она осталась неразрешенной и по сей день. На хлопковой фабрике не было никаких печей. Только камин в кабинете управляющего, но в июне все они были холодны как лед. Поджог? Никто не знает этого.

Грем потрогал покрытое синяками и ушибами лицо. Он выглядел неестественно бледным, и казалось, что рассказ забрал у него все силы и энергию. Даже звучный голос стал приглушенным и усталым.

— Предполагалось, что завод принесет Хэмпстеду процветание, но вместо этого он разорил его. Огонь распространился через болота, перепрыгнул реку и охватил все дома на Гринбанке и Хиллхэвене. Местность превратилась в необжитую землю, какой она была во времена Трийони и его солдат. Но огонь двинулся и в другом направлении, уничтожив посеы и дома на том месте, где сейчас стоит загородный клуб. Город был разрушен. Ему перерезали глотку. Сотни погибли... — Грем повернулся к окну, как будто хотел всмотреться в смеющегося над ними призрака.

— Но даже это еще не было худшим, что может произойти с Хэмпстедом...

Грем подошел к кофейному столику, стоявшему рядом с тремя слушателями, и взял небольшую книжку в сером переплете.

— Половина людей нашего города собралась и уехала. Многие из них бросили все, что имели. Я думаю, что они почувствовали что-то... что-то вроде мурашек по коже или внутренней дрожи. Они хотели выбраться отсюда. — Грей печально и глубоко вздохнул.

— Они знали, что худшее еще впереди.

— И мы знаем, что это худшее пришло, мы уже увидели его. Ричард увидел. Я увидел на дне оврага. Табби слышал, как оно позвало его. Пэтси... — На лице Грема отразилось страдание. — Пэтси увидела, как оно приближается к ней, и только Табби смог спасти ее. — Он покачал головой. — Те, кто покинул город, поступили правильно. Огромную ошибку сделали те, кто остался. Разрешите мне рассказать вам об этой книге.

Он поднял ее:

— «Любопытный путешественник» Стефана Поллака. Если его еще помнят сегодня, то благодаря одному роману «Ужас». Он входит во все антологии. Вашингтон Ирвинг после встречи с Поллаком написал «Легенду Спящего холма». Настоящее место действия «Легенды» — не Территаун, Нью-Йорк или какой-то другой город. Нет, действительное место этих событий — Коннектикут. Здесь, согласно Ирвингу, родился и жил Ишабот Крейн.

Ричард Альби поднял брови. Какое-то мгновение казалось, что он улыбается.

— Да, Ричард. Ишабот Крейн. Одно из видений Маунт-авеню. Его показали именно вам, потому что только вы один из всех нас и могли узнать его. Дракон развлекался.

Грем развернул кресло и сел в него.

— В одной из глав этой книги Поллак описывает путешествие в дилижансе из Нью-Йорка в Нью-Хэвен летом 1873 года. Я хотел бы зачитать вам несколько абзацев. Это не займет слишком много времени.

Он открыл книгу и начал читать.

«Мои компаньоны в дилижансе начали проявлять признаки нервозности и беспокойства, как только мы стали приближаться к Хэмпстеду. Это была очаровательная деревушка, удачно расположенная на живописном побережье Коннектикута, но несколько месяцев назад полностью сгоревшая от ужасного пожара.

Мои спутники — добропорядочные американские граждане, любители эля и обладатели благословенного крепкого здоровья, отличных зубов и присущего республиканцам отсутствия избыточной впечатлительности — обнаружили, что не могут вынести даже упоминания Хэмпстеда, а уж тем более они были не в состоянии смотреть на него. Занавески дилижанса по их просьбе задержали так плотно, насколько это было возможно.

Вскоре мы въехали в это незадачливое место, в этот Хэмпстед. Все разговоры в дилижансе затихли. Две ехавшие со мною женщины с выражением страдания закрыли глаза, а их мужья не отводили взгляд от невидимого горизонта. Все четверо смертельно побледнели. Постепенно я осознавал, что моих спутников парализовал страх.

Чем больше нарастал охвативший их ужас, тем больше увеличивалось мое любопытство. Что, ради всего святого, могло вызвать такой сверхъестественный страх в этой прибрежной деревушке? Я решил сделать щелочку в занавеске и рассмотреть это место повнимательнее. Дилижанс двигался вдвое быстрее обычного, а мы пятеро были закуплены внутри. Как только я оказался прижатым к окну, я приподнял занавеску и посмотрел наружу. Одна из женщин застонала, и ее муж угрожающе поднял руку. Я опустил занавеску и успокоил его. Скорость дилижанса все увеличивалась и увеличивалась. Все мы начали дышать спокойнее, только когда пересекли границу Патчина.

Двумя ночами позже в моем временном жилище в университетском городке Нью-Хэвен я принял решение отложить намеченную встречу и задержаться в этом месте. Меня увлекло создание сказки. И на протяжении нескольких лихорадочных часов я набросал план романа «Ужас».

Грем закрыл книгу.

— Он посмотрел на Хэмпстед и через две ночи начал создавать роман «Ужас». Кто-нибудь читал его?

— Я читал, — ответил Ричард. — Я читал его в старших классах. В нем рассказывается о человеке, которому казалось, что он живет в городе, населенном одними мертвецами. В колледже один из моих преподавателей утверждал, что Поллак находился под сильным влиянием Джеймса Джойса.

— Что мог увидеть Поллак за несколько секунд? Мне кажется, я знаю, и думаю, что и вы тоже знаете. — Грем оглядел каждого из них.

— Я думаю, он увидел, или решил, что увидел,двигающиеся по улицам трупы. Потому что, по моему мнению, это именно то, что тогда произошло в Хэмпстед. И именно это происходит в нем сегодня. Ты сомневаешься, Ричард?

Ричард покачал головой.

— Я уже не могу сомневаться в этом после событий вчерашнего вечера.

— А вы, Пэтси? Табби?

Пэтси ответила:

— Я нет, не думаю, что я не согласна с вами.

Табби просто кивнул в знак согласия с Ричардом и Пэтси.

— Это Дракон, и Дракон в самом расцвете своего могущества. — Грем встал. — А сколько это, черт побери, сейчас времени? Четыре сорок. Поздноато для такого старика, как я. Вы, мои друзья, должны разрешить мне лечь, да поскорее. Правда, до этого мы должны решить, как нам изменить условия нашей домашней жизни. Мы просто не можем себе позволить и дальше жить врозь,

далеко друг от друга, как вы считаете? Нам нужно что-то придумать...

— Можно спросить? — Это был Табби.

Грем кивнул.

— Почему в какие-то годы Дракон становится более могущественным? Вот как сейчас?

— Полагаю, что я знаю ответ. — При этих словах Грем подошел к столу и выключил лампу. Гостиная немедленно заполнилась тенями. — В наших семьях в прошлом хотя бы один человек работал на Королевской Хлопковой. И члены наших семей, ну хотя бы по одному в каждой, остались в Хэмпстеде во время Черного Лета. Они остались сражаться с Драконом. И в конце концов они окружили его и убили. — Он скрестил руки на груди. — Но никогда Дракон не был так силен, как сейчас. Мне противно, мне ненавистно то, что я сейчас скажу, но я думаю, что это МЫ сделали его сильнее.

— А Дракон всегда мужчина? — спросила Пэтси.

— В книге Дороти Бах упоминается женщина по имени Эстер Пул, которая была заключена в Кенделл Пойнт в 1812 году «за вопиющие прегрешения». Нет, я не думаю, что Дракон всегда мужчина. Но я считаю, что он питается нами до тех пор, пока мы это ему разрешаем.

Все поднялись с мест. Табби подошел к Ричарду. Пэтси одиноко стояла в стороне около столика с пишущей машинкой Грема.

Грем открыл дверь и выпустил Ричарда и Табби из дома. Какое-то мгновение он смотрел им вслед, а потом повернулся к Пэтси.

— Я бы не хотела, чтобы вы считали меня развязной, — сказала она, — но мне бы очень хотелось сегодня остаться здесь.

Она улыбнулась ему, но лицо ее выглядело усталым, усталым до изнеможения.

— Как вы думаете, найдется у вас лишняя кровать для меня где-нибудь в библиотеке?

Грем в ответ улыбнулся.

— Да, одна найдется, она погребена под кипой книг. И как раз через холл от меня. У вас даже будет собственная ванная. Я сейчас принесу простыню и наволочку. Вы просто опередили меня, я собирался просить вас остаться.

— Я просто не вынесла бы, не смогла бы остаться в доме одна, особенно после сегодняшнего.

— Вам ни в коем случае не следует оставаться одной где бы то ни было, — сказал Грем, — да и никому из нас не следовало бы. Это слишком опасно. Мне нужно было знать, что случится в ту самую первую ночь, когда мы отправились к камню. На самом деле я уже знал, просто никак не мог поверить.

Пэтси неожиданно зевнула.

— Ой-ой-ой! Скорее идем наверх. Но я хочу дать вам еще один маленький совет. Ладно?

Она склонила голову набок:

— Валяйте.

— Если вы услышите, что кто-то сегодня ночью будет рваться к вам в дверь, не впускайте его.

Пэтси засмеялась и обвила руками шею Грэма.

IV ДНО ЗЕРКАЛА

1

На второй неделе августа, когда Табби Смитфилд готовился по примеру Грема Вильямса напасть в одиночку на Дракона, произошли два, казалось бы, не связанных между собою события, каждое из которых могло быть опасно для жизни всех людей Хэмпстеда, Хиллхэвена и Патчина. Эти на первый взгляд не связанные между собой события — сообщение доктора Чейни о «Доббин синдроме» и пресс-конференция доктора Теодора Вайса и доктора Вильяма Пирса в баттской гостинице — на самом деле были тесно связаны друг с другом. Хэмпстед и другие города продолжали жить так, словно ничего не случилось. Что лишний раз подтверждало их сумасшествие (если только такое подтверждение еще было необходимо).

Дюжина еще живых «прокаженных», устав прятаться в опустевших, покинутых домах, нашли пристанище в Йельском Медицинском Центре. Там доктор Чейни, наблюдая течение болезни, разработал совершенно блестящую систему поддержания их жизнью. Чейни изобрел хитроумную конструкцию из вспенивающейся пластмассы, приспособленную к меняющимся потребностям пациентов. Когда больные находились в последней стадии заболевания, их окружали особого рода поддерживающим приспособлением из плотной, но гибкой резины. Доктор Чейни считал, что вполне готов объявить о появлении «Доббин синдрома» в более значительном издании, чем «Ланцет». Последний, наверное, тянул бы с публикацией статьи и дальше, если бы не умер сам Доббин, именем которого и было названо это заболевание. Доктор Чейни пригласил в Нью-Хэвен журналиста медицинского отдела «Нью-Йорк Таймс» и, отправившись встречать его на вокзал, прихватил с собой кожаную папку с двенадцатью большими цветными фотографиями для того, чтобы немного подготовить газетчика к тому, что ему предстоит увидеть. Можно смело сказать, что за все время работы никогда ничто так не поражало журналиста, как вид Пэта Доббина, вернее, того, что от него осталось, содержащегося в специальном контейнере, напоминающем маленькую розовую ванну.

Тед Вайс и Билл Пирс прочли статью журналиста на экране компьютера в Монтане. После исчезновения и предполагаемой смерти генерала Ходжеса этот отдел был сокращен. В нем остались только они и секретарь. Шестнадцать дней назад демонтировали лабораторию, научных сотрудников перевели на другие заводы и установки «Телпро» или устроили на работу в различные университеты страны. Вайс и Пирс следили за демонтажем и полным

уничтожением проекта, возглавляемого ими около двух лет. Увольняли сотрудников, осторожно и бережно разливали по бутылкам и надежно закупоривали все оставшееся вещество ДРК-16. При этом они ясно понимали, что ДРК-17 им уже не удастся создать никогда. На восьмой день их пребывания в опустевшей безжизненной лаборатории грузовик «Телпро» с одетым в гражданскую одежду сержантом за рулем вывез прочь обложенные мягкими прокладками огромные контейнеры. Вайс и Пирс, тщательно упаковав, собственноручно уложили в эти контейнеры бутылки с ДРК-16. Сержант привстал на колесо и прикрепил к контейнеру табличку «Детали станков и оборудования».

— У вас есть какие-нибудь предположения по поводу дальнейшего использования этого вещества? — спросил Билл Пирс у начальника.

Они стояли около ворот и следили за грузовиком, свернувшим по пыльной дороге к шоссе. Расстояние уменьшало размеры грузовика, и он казался совсем маленьким. Определенные соображения у Вайса имелись:

— Я собираюсь выпить. Они положат все это в контейнер, потом в еще один, и в конце концов сбросят в море, надеясь, что эта штука так и пролежит вечно на дне. Но сообщения об этом вы не найдете.

— Удастся нам получить другой заказ, как вы думаете?

Грузовик был еще отлично виден и походил на игрушку размером со спичечный коробок.

— А как вы сами считаете? — Губы Вайса пересохли и потрескались, обнажив передние зубы, грязные от налипшей пыли.

— Я бы сказал, что у нас есть шанс.

— О, да! Особенно, если Ходжесу удастся стать бессмертным, — он провел языком по зубам.

— Помните Лео, а? Я надеюсь, что этот сукин сын получил то, что ему причиталось.

И вот еще через восемь дней их существования в заточении и забвении Пирс удивленно вскрикнул, прочитав на дисплее выдержки из последнего выпуска «Нью-Йорк Таймс». Вайс взглянул на него через открытую дверь кабинета, где он часами просиживал во вращающемся кресле.

— Они нашли Ходжеса? — лениво поинтересовался он.

— О, Бог ты мой, — вскричал Пирс, — скорее идите сюда и сами посмотрите.

Вайс, потягиваясь и пошатываясь, подошел к экрану. Но после первых абзацев статьи, написанной молодым репортером о Пэте Доббине и других, лень и усталость мгновенно улетучились. Он всегда помнил о столах и страданиях Тома Гэя за стеклянной стеной. И сейчас с новой силой они возникли в памяти благодаря зеленым буквам, мерцающим на черном экране компьютера.

— Ну что? Это действительно случилось. Разве я не предупреждал, а? — Он потер глаза и наклонился поближе к дисплею, как будто это могло изменить светящиеся на нем слова.

— Что будем теперь делать? — спросил Пирс. — Мне кажется, я знаю, что собираюсь делать. И я сделаю это, даже если вы не согласитесь со мной.

Вайс посмотрел на него, и на какое-то мгновение во взгляде его читался страх.

— Вы предвидите последствия? Не так ли?

— Нет, не предвижу. Ни я, ни вы. Но я думаю, что мы слишком долго бездействовали, сидя здесь. Я считаю, мы должны пригласить этого журналиста, его издателя и всех, кого сможем, и начать говорить правду.

Вайс опять провел языком по зубам и посмотрел на светящийся экран компьютера.

— Что ж, кажется, я с вами согласен.

Предвиденные доктором Теодором Вайсом последствия появились немедленно после импровизированной пресс-конференции в Бест Вестерне, на окраине Батта. Он и доктор Вильямс были уволены, и через полчаса их уже допрашивали в полицейском участке штата Монтана по переданному телексом требованию полиции штата Коннектикут.

Пресс-конференция протекала еще более бурно, чем можно было предполагать: телевизионные камеры буквально материализовались из воздуха, репортеры выкрикивали вопросы во всю силу голосовых связок, кто-то постоянно вбегал в помещение с наушниками на голове и новыми вопросами на губах.

— Каково это чувствовать, что вы убили всех этих детей? — спросила женщина в темных очках и коричневом пиджаке из оленьей кожи.

Вайс сглотнул. Он крутил в руках сигарету, хотя вообще никогда не курил.

— Этот факт, — сказал он, пытаясь честно отвечать на вопрос, — этот факт позволил мне и доктору Пирсу считать, что наша работа не имела отношения к трагедии в Коннектикуте. Результаты наших исследований были резко ограничены и действительно очень далеки от всего происходящего там. Я имею в виду утопившихся детей. — он побагровел. — Я до сих пор не верю, что наше вещество может быть ответственно за подобные вещи. Согласен, что звучит шокирующе, но у наших подопытных мы никогда не наблюдали склонности к самоубийству — ни к индивидуальному, ни к массовому.

— Кем были ваши подопытные? Приматы? — выкрикнул из задних рядов мужчина в мятой рубашке.

— Нет, мартышки, — сказал Вайс. — Мы наблюдали среди них очень высокий процент неожиданных мгновенных смертей. От пяти до восьми процентов, в зависимости от категории ДРК.

Аудитория буквально взорвалась шквалом вопросов, но Вайс ответил на единственный, который ему удалось расслышать.

— Да, я должен признать, что ДРК несет ответственность за определенную часть смертей в этом регионе в день аварии.

Билл Пирс встал. Он увидел входящих в помещение двух полицейских.

— А что теперь делать Хэмпстеду? — мужской голос прорвался сквозь новый взрыв шума, вызванного последним заявлением Вайса.

— Окружить себя непроницаемой оградой, — ответил Пирс.

Это была только первая из десятка пресс-конференций, связанных с событиями в Хэмпстеде и ДРК. Пресс-секретарь «Телпро» провел одну, потом вторую, потом третью, потом еще и еще. И на каждой он отрицал то, что именовал «голословным утверждением»; он защищал доклад, сделанный генералом Ходжесом, и обещал дать подробный отчет о событиях. Но фактически он не говорил ничего. Пресс-секретарь Пентагона выступал лишь дважды, но сказал не больше. Родители Гарни Вашингтона, одного из трех погибших молодых людей, дали пресс-конференцию в гостиной их дома и обвинили ученых «Телпро» в расизме. Секретарь министерства обороны в ответ на вопросы о хэмпстедской трагедии сказал:

— К счастью, мы в состоянии доказать свою полную непричастность к этому.

Ежедневные многолюдные демонстрации перед зданием «Телпро» вынудили нью-йоркскую полицию образовать кордоны перед подъездом к зданию, чтобы не создавать помех движению пешеходов по Пятьдесят девятой восточной улице. В Сенате был создан специальный подкомитет, который потребовал у «Телпро» грузовики папок и документов и тут же утонул в них. Бесконечно повторяя одну и ту же историю на протяжении недель, доктора Вайс и Пирс привлекли к себе внимание двух продюсеров. Журнал «Тайм» печатал постоянную колонку «Странные события в округе Патчин». «Ньюсуик» вопрошал: «Что делается в Хэмпстеде?»; «Может ли ДРК создавать убийцу?» — интересовался «Ньюсдэй». Как и предсказывал Грем Вильямс, проходящие поезда больше не останавливались на платформах Хэмпстеда, Гринбанка и Хиллхэвена. С тех пор как Пэт Доббин пожалел людей, доведенных до отчаяния настолько, что они толпились на платформах даже по субботам, — стало уже просто некого жалеть. Поезда мчались мимо опустевших станций. Порой какой-нибудь человек, причем не обязательно один и тот же, выскакивал на то место, откуда он привык уезжать на Центральный

вокзал Нью-Йорка. Костюм застегнут кое-как, волосы растрепаны, он сам не в состоянии объяснить, что он, собственно, здесь делает. Этот растерянный человек потирал синяки и ушибы на лице, нащупывал языком выбитый зуб, у него имелись смутные воспоминания о какой-то драке на стоянке автомобилей в Киддитауне (или в баре Норманда, или возле кассы в Гранд Юнион), но он совершенно не мог припомнить ни из-за чего началась драка, ни как она закончилась. Человек этот бешено слонялся по станции, он мог спрыгнуть на рельсы и копать между шпалами, а мог ни с того ни с сего раздеться догола, бессмысленно хохотать или бросить чемодан через окно вокзала... но чтобы он ни делал, шум, гром, блеск конройского экспресса, пролетающего мимо станции, пугал его до смерти.

Грем Вильямс не предвидел, что полиция штата заблокирует для Хэмпстеда и Патчина все въезды и выезды на шоссе. Но он мог бы предсказать заранее, что результат такой изоляции от штата будет почти незаметен, во всяком случае для самих городов. Жители Хэмпстеда больше не могли уехать в Нью-Йорк на машине, разве что по хайвею номер 1 добраться до полицейского поста в дальнем конце Патчина, а там получить разрешение на выезд за границу округа. Но жителям Хэмпстеда давно уже не хотелось никуда выезжать. Ко времени пресс-конференции Вайса все те, кто хотел уехать, уехали. Те же, кто остался, имели достаточно забот, чтобы не заниматься еще и путешествием к Блумингдейлу.

Даже для самых жестоких и безумных, даже для подростков, находивших дикую радость в разбрызгивании бензина по стенам деревянных домов и швырянии туда горящих спичек, даже для них Хэмпстед превратился в источник всевозможных страхов и угроз. Как будто все они стали и сами тайными «прокаженными», за которыми охотились, чтобы уничтожить их. Жители Хэмпстеда слышали по ночам странные голоса, доносящиеся с чердаков их домов или раздающиеся под окнами спален. Голоса казались почти знакомыми, вот-вот и ты узнаешь говорящего... но нет, сознание противилось узнаванию. Даже самые смелые, самые отчаянные тщательно запирали на ночь двери домов и не только домов, но и спален. Проходя по обсаженным деревьями улицам, люди старались смотреть только прямо перед собой; играя в гольф — молчаливо избегали определенных тропинок, потому что появились места, в которых человек чувствовал себя очень странно. И надо было просто держаться подальше от таких мест.

Все больше и больше дыр появлялось в ткани повседневной жизни, дыр, которые ранее заполняли люди. Арчи Монаген и его увесистый партнер Том Флин в последнюю неделю июля перестали приходить в контору. Их секретарши, наоборот, продолжали прихо-

доть на работу до тех пор, пока они не отпечатали последний земельный контракт, не сняли копии с последнего завещания, не заполнили последний банковский депозит. После этого они решили посмотреть, что делается в конторах других юридических фирм. В офисе фирмы Шабин, Шулер, Линк, Файн и Макфили секретарши притащили телевизор и целыми днями смотрели мыльные оперы и спортивные соревнования. Время от времени кто-нибудь отправлялся в лавку деликатесов купить что-нибудь вкусное. Шабин и Файн уехали из города в начале июня, Шулер неделей позже, Линка нашли убитым при так и невыясненных обстоятельствах возле ресторана «Фрамбуаз». Тело Макфили обнаружили позднее на том же самом месте поля для гольфа, где были найдены тела Арчи Монагена и Тома Флина. Так что неудивительно, что женщины чувствовали себя вместе увереннее и им нравилось проводить время в компании друг друга.

Вокруг дома Крелла на Пур Фокс-роад начали увядать растения. Никто этого не замечал, а потому и не доискивался до причин, но дикие яблони и одуванчики, дикий тмин и полынь начали усыхать, морщиться и чернеть. На Кенделл Пойнт растения тоже умирали, и порой казалось, что сама земля выдыхает какой-то грязно-серый дым — но может, быть это был обычный туман.

2

Озабоченный Табби Смитфилд шел в лучах предвечернего солнца вниз по Бич-трэйл. Прошло три дня с той долгой ночи в гостиной дома Грема. Все эти три дня Табби мучился, пытаясь принять трудное решение, но пока еще ничего не получалось. Мимоходом он сорвал с дерева и прикусил маленькую веточку. Он боялся, что из-за нерешительности и неуверенности скажет слишком много. А ему бы не хотелось обсуждать то, что было на уме, пока он сам окончательно не определится. Более того, ему бы хотелось обсудить решение с Пэтси, с одной лишь Пэтси, еще до разговора с двумя остальными. Немного удачи — и все может оказаться позади, и тем двоим уже не понадобится вмешиваться. Табби понимал, что ни Грем, ни Ричард никогда не допустят, чтобы он выступил против Дракона в одиночку.

Достигнув Бич-трэйл, Табби свернул налево. Он оглянулся через плечо и побежал через Маунт-авеню. Его охватило безотчетное, почти животное желание поскорее проскочить мимо осыпающихся почерневших домов. После нескольких секунд блаженства от быстрого и бездумного бега, он снова перешел на шаг. Мгновение спустя Табби вновь посмотрел назад, через плечо. Перед ним во всю длину расстилалась мягко изгибающаяся Маунт-авеню, обсаженная дубами, она спускалась к грейвсендскому пляжу. Табби остановился.

Сунув руки в карманы светло-коричневых джинсов, он внимательно всматривался в старые деревья, пытаясь убедиться в том, что никто не прячется за их толстыми стволами. Наконец он пожал плечами, повернулся и направился к своему родному дому.

Но упорное, постоянное ощущение, что кто-то крадется за ним, не оставляло его.

Хотя, как бы внимательно он ни смотрел вокруг, он видел только разбитую пыльную дорогу, старые массивные деревья, мерцающие на грядках возле кирпичных домов бессмертники. Тени от листьев дрожали на дороге. Табби опять двинулся вперед.

А назойливое чувство не исчезало.

С той памятной длинной ночи они обычно ели вместе. Грем и Ричард проводили часть времени, пытаясь выяснить, существует ли что-то общее между избранными Драконом людьми, есть ли какая-то закономерность в выборе жертв. Пэтси тоже обычно принимала участие в этих обсуждениях, делая вид, что она так же сильно заинтересована этим, как и мужчины. Но Табби замечал — ее внимание постоянно ускользает; она посылала ему исподтишка лукавые вопросительные взгляды. Он смущался и пытался сопротивляться, хотя сопротивляться чему бы то ни было, исходящему от Пэтси Макклауд, противоречило всем его чувствам. За едой Табби ел очень мало и почти не разговаривал.

Он может совершить это. История Грема о Бейтсе Крелле специально рассказывалась для него, рассказывалась кодом, который мог быть понятен только ему одному. Расшифрованный код означал, что только Табби Смитфилд, один из четырех, сможет уничтожить Дракона. Значит ли это, что он должен бороться в одиночку? Большая часть Табби хотела этого, хотелось утвердить себя перед остальными; поэтому он держал в секрете и попытку ограбления. Все эти мысли роились в голове Табби, вызывая чувство стыда и угнетения.

Он не хотел вспоминать о том, как полумертвый от страха, раненый, он спасся в фургоне Гарри Старбека. Но против желания, он все время возвращался в мыслях к этому моменту.

Грем специально подчеркнул, что во время встречи с Бейтсом Креллом он был ближе по возрасту к Табби, чем к остальным. И, главное, Грем считал, что он должен действовать в одиночку, а когда ему понадобится помощь, то он обретет ее. Самые ценные подарки, думал Табби, жизнь дарит тем, кто постоянно ждет их.

Когда он вспоминал о безжалостном огне, сгубившем отца, Табби чувствовал, что обязан убить Дракона. И только при обдумывании конкретных действий он не мог противостоять охватывавшему его страху — стоило только представить возвращение в дом Рен Ван Хорна, как желудок Табби сжимался от ужаса.

И вот Табби стоит перед железной оградой, глядя через пожелтевшую лужайку на дом, когда-то принадлежавший деду, — тот дом, который по желанию Монти Смитфилда должен был в свое время перейти к Табби. На этой земле три сотни лет назад Гидеон Винтер заложил основы событий, которые должны были бесповоротно изменить всю жизнь Табби. Для Табби именно это служило бесспорным доказательством того, что именно ему предназначено уничтожить старика в доме над грейвсендским пляжем. Сам факт его рождения в этом доме означал, что избран именно он.

— Да, — сказал Табби самому себе, — это мое дело убить Рен Ван Хорна.

На выгоревшую траву перед ним упала тень, и Табби вздрогнул — он полностью погрузился в раздумья. Он стремительно обернулся, чтобы увидеть хозяина тени, уверенный в том, что это Рен Ван Хорн следил за ним на Маунт-авеню и теперь собирается убить его. Но вместо доктора перед ним стоял тот единственный человек, которого он всегда был рад видеть.

— Ох, извини меня, — сказала Пэтси, — я тут кралась за тобой следом. Я не хотела испугать тебя, Табби.

— Господи, — только и смог выговорить Табби, — как хорошо. То есть, я имею в виду, вы действительно испугали меня. Ух! Я подпрыгнул, наверное, на целый фут.

— Прости меня, — повторила Пэтси, — я не должна была делать этого.

Они улыбнулись, и Табби покачал головой:

— Нет, нет, я сам виноват. Просто я стал слишком нервным. А что делают Ричард и Грем?

— То же, что делали, когда ты ушел. Разговоры, разговоры, разговоры. Мне кажется, что, несмотря на волнения, они отлично проводят время.

— И поэтому вы решили пойти за мной. Или это Грем приказал следить за тем, что я делаю?

Пэтси покачала головой:

— Нет. Конечно, Грем не посылал меня следить за тобой. А если бы и послал, то я послала бы его к черту. Я пришла, потому что хотела поговорить с тобой и подумала, что смогу тебя здесь найти, — никто меня никуда не посылал и я не думала шпионить. Ты веришь мне?

— Да, верю, — Табби улыбнулся ей.

ты ведь веришь мне, правда? это очень важно

верю, ты знаешь это, верю

но ты до сих пор скрываешь что-то...

Пэтси-и-и-и...

я думаю, что ты хочешь что-то сказать мне. я думаю тебе нужна помощь

да да да!

— Да, — повторил Табби, — мне нужна помощь, но только ваша.

моя — это единственная помощь, которую я могу предложить

— Вы знаете, что я имею в виду.

Она кивнула:

— Я только не понимаю зачем?

— Неужели вам никогда не случалось делать что-то, чего вы потом стыдились? Вы понимаете меня?

Лицо Пэтси порозовело.

и ты рискуешь нашими жизнями только потому, что чего-то стыдишься? Это все, что тебя заставляет...

— Нет, это не все, — заторопился Табби, — может быть, «стыдиться» не совсем верное слово.

— Держу пари, оно не так уж и плохо. — Она подошла ближе и положила руку ему на плечо.

— Что бы ты ни делал Табби, это никогда не будет для нас чем-то ужасным. Но ты не должен ни о чем умалчивать. Если ты что-то знаешь...

Их глаза встретились.

— Я понимаю. Я как раз думал об этом.

— Я наблюдала за тобой, когда Грем рассказывал о Бейтсе Крелле. Я знаю, что ты задумал. Ты хочешь убить Дракона, убить его сам, да? Так, как это тогда сделал Грем. Это все было просто написано на твоём лице...

Он кивнул. Если она смогла рассмотреть так много, значит, она уже знала самое важное.

— Я мог бы убить его. Если Грем смог сделать это, когда ему было только двадцать, я тоже смогу.

— Ты знаешь, кто он. — Пэтси перешла к сути дела.

— Я бы хотел принести вам его голову на блюде, очень хотел бы.

Они неожиданно замолчали. А потом, опередив Табби, Пэтси сказала:

— Я пойду с тобой. Давай вместе положим его голову на блюдо.

Табби колебался. Теперь она все равно не оставит его одного, настолько, чтобы он успел что-то сделать. Они с Пэтси должны убить Дракона вместе.

— Он убил отца, — произнес Табби. — Он виноват во всем, что произошло здесь. Я видел его лицо, когда мне было всего пять лет... я тогда был совсем малышом, но я видел, как он убил... Я хочу сделать это сегодня вечером. Да, сегодня вечером...

— У нас двоих шансы значительно вырастут, и мы принесем друг другу удачу, правда? — спросила Пэтси.

На ее лице Табби прочитал страх, точно такой же, какой испытывал сам. Но Пэтси достаточно сильна, чтобы справиться с ним. Табби решил.

— Скажи мне его имя, — попросила Пэтси.

— Это доктор, который живет в большом доме прямо над пляжем. Доктор Рен Ван Хорн.

— Ты уверен? Я не спрашиваю, как ты узнал... я просто хочу знать, ты уверен?

Табби кивнул. Постепенно страх на лице Пэтси уступал дорогу удивлению и доверию.

— Я действительно знаю это совершенно точно. Это он. Но вы должны пообещать, что ничего не скажете ни Грему, ни Ричарду.

— Следовало бы, — она взглянула на его непримиримое лицо, — но я не сделаю этого. Я обещаю.

— Итак, сегодня вечером, — повторил Табби.

— В шесть? В шесть тридцать? Я обычно выхожу погулять именно в это время. Я бы не хотела, чтобы Грем что-то заподозрил. И потом, мне хотелось бы взять кое-что из дома.

— Встретимся на улице. Ричард и Грем так заняты друг другом. Они и не заметят нашего отсутствия.

Пэтси нервно улыбнулась, признавая его правоту.

— Вы, правда, не расскажете остальным?

— Я обещала.

— Вы совершенно особенная — проговорил Табби.

Он неожиданно увидел ее в новом свете. Несмотря на разницу в возрасте и поле, Пэтси словно была частью его самого, как будто две одинаковые птицы запели одновременно свою песню. Пэтси стояла совсем рядом перед старым домом деда, на нее падал луч тусклого солнечного света. И Табби восхитился этой маленькой женщиной со скуластым лицом и первыми морщинками вокруг прекрасных карих глаз.

— Значит, в шесть часов, — повторил он.

Пэтси ушла и Табби долго смотрел ей вслед; она обернулась, помахала ему рукой и свернула на Бич-трэйл.

Табби направился к огромной воронке, заполненной обугленным деревом и черными останками того, что всего три дня назад было «Четырьмя очагами». Здесь теперь находилась могила отца. Табби поднимался по холму, когда внезапно его вновь охватило странное ощущение, что за ним кто-то идет. Но он решил не оборачиваться. Такую силу ему могли придать только Пэтси Макклауд и «Четыре очага».

— Который час, Ричард? Не пора ли нам вернуться в дом?

Ричард Альби, растянувшийся в садовом кресле, поднял руку и взглянул на часы.

— Без пяти шесть. Зачем идти в дом? Здесь так хорошо. Правда, скоро пора начать готовить обед.

Грем затянулся и выпустил толстую струю дыма.

— Дело в том, что здесь, на заднем дворе, я очень плохо соображаю. Мыслительный процесс для меня — это сугубо домашняя работа. Но если вы хотите побыть здесь еще немного, я с удовольствием присоединюсь. Интересно, где это Пэтси пропадает до сих пор?

— У вас есть я, — сказал Ричард, — а Пэтси, возможно, есть о чем поговорить с Табби.

— Ну что ж, — заметил Грем (он уже снял перевязь — в конце концов, локоть просто сильно ушиблен) и улегся в неустойчивое садовое кресло, разболтанное и обветшавшее, — они очень близки друг другу. Собственно, учитывая, сколько у них общего, так и должно быть. Жаль, вас не было здесь, когда они встретились в первый раз...

Ричард повернулся так, чтобы лучше видеть Грема, который сегодня был особенно элегантен в красном свитере и желто-коричневых брюках от сорокалетней давности костюма. За его спиной запущенный двор сражался с одичавшими растениями и давно не стриженной травой. Все это окружало сорок ярдов непроницаемой стены, сплошь увитой плющом.

— После того как Табби и Пэтси встретились, Пэтси помолодела лет на двадцать, — задумчиво произнес Грем. — У них есть что-то общее, чего мы никогда не поймем. Так же, как слепой от рождения человек никогда не поймет, что такое цвет. Но даже и это нам на пользу. Это часть нашего арсенала.

— Грем, — осторожно спросил Ричард, — что, по вашему мнению, все же будет с нами? Поверьте, я никогда не спросил бы вас при Табби или Пэтси. Имеем ли мы хоть какой-нибудь шанс?

— Несомненно, — кивнул Грем, — конечно, у нас есть шанс. Даже после Черного Лета людям удавалось уничтожить его. Сейчас это тяжелее — очень многое изменилось. Сто лет назад было совершенно неважно, что Хэмпстед отрезан от мира. Мы ели выращенную нами же пищу, понимаете? Здесь повсюду были фермы. Теперь мы оторваны от земли. И очень скоро супермаркеты опустеют, и тогда ситуация станет чертовски серьезной. Начнется бунт от нехватки пищи. Люди будут убивать друг друга из-за мяса и сахара. — Он снова затянулся и поднял сигару вверх. — Я, правда,

не знаю, допустит ли правительство такой ход вещей. Скорее всего, оно все же поможет нам продуктами, но в таком количестве, чтобы мы просто не умерли с голоду.

— Вы слышали в последних новостях эту историю про «Телпро»? Весь мир думает, что это и есть причина всего, что тут делается. Они считают, что это вещество сводит нас всех с ума. Я, пожалуй, согласен с этим. ДРК.

— Это одна из шуток истории, — грустно покачал головой Грем, — я имею в виду название. А может быть, это знак, что наш враг имеет против нас миллионы разного оружия. Понимаете. Ричард? Может быть, все это ДРК. А может быть, мы полностью сошли с ума.

— Вы и правда так думаете?

— Да нет. — Он собрался что-то добавить, когда за стеной деревьев раздался сильный взрыв. Оба мужчины выпрямились в шатающихся креслах.

— Что там, черт побери, происходит? — начал Грем.

Ричард вскочил, грохот нарастал с каждой секундой. Он казался таким сильным, словно рядом играла рок-группа и заполняла собой каждую частицу воздуха.

— Вставайте, — закричал Ричард, но Грем, странно гримасничая, лишь беспомощно взмахивал руками.

Наконец до Ричарда дошло, что Грем не может подняться со стула. Ричард протянул ему руку и помог подняться. Неведомо откуда налетевший горячий ветер надул парусом свободный свитер старика и взъерошил волосы Ричарда.

Звук вызвал у Ричарда ассоциацию с раскаленным металлом, который погружают в холодную воду; сейчас к этому звуку присоединился треск пламени. Грем поднялся как раз в тот момент, когда занялось огнем ближайшее дерево.

А Ричард застыл, судорожно вцепившись в запястье Грема, — разворачивающееся перед ним зрелище лишило его способности двигаться. Горячий ветер обжигал кожу, высокие стебли растений напоминали зажженные свечи. Стремительно падали с деревьев шары света, оставляя на земле черные дымящиеся дыры. Ричард стоял столбом, пока один из шаров не упал рядом с ним. В середине горящего круга стоял гигантский черный пес. Пригнув голову к земле, он злобно оскалился.

Ричард и Грем торопливо побежали к дому; в наступившей тишине слышалось клцанье клыков собаки. Казалось, что рычание доносится прямо из земли — низкий мощный вибрирующий звук. Зверь повернул к ним массивную морду. Ричард прикинул, что до задней двери остается буквально футов двенадцать — это три-четыре секунды. Грем двигался со всей возможной для него скоростью.

Никто из них не решался повернуться к псу спиной. А он ошети-
нился, припал к земле, густая шерсть поднялось дыбом на холке.

Собака все время скалилась, обнажив белые клыки. Длинные
нити слюны свисали с морды и падали на траву.

Если бы она бросилась на них, то мгновенно разорвала бы их в
ключья. Огромная черная голова поворачивалась от Грема к Ричарду
и потом опять к Грему.

Пес, припадая к земле, медленно приближался, не отводя от них
злобного взгляда. Ричард покрылся холодным потом, рубашка на
спине и подмышками стала мокрой. Капли пота стекали со лба,
заливали глаза, застилали зрение. Но он боялся даже мигнуть.
Гигантский пес все приближался, скалясь и рыча.

Наконец, не в силах более выносить неуверенность своей пози-
ции, не зная в точности расстояния до двери, Ричард рискнул
оглянуться и посмотреть через плечо. Он был потрясен — огромное
пространство отделяло их от словно улетевшего назад дома. А ведь
на самом деле задняя дверь находилась всего в нескольких футах от
него. Рычание раздавалось совсем рядом. Ричард подхватил Грема
как раз вовремя: он заметил разноцветное падающее на землю
пятно — у старика начались судороги.

Поддерживая и подгалкивая Грема, Ричард ввалился в дом. Они
оба упали — Грем сверху, Ричард под ним — на кухонный пол.
Собачья морда появилась в дверях, но грудь, стукнувшись о раму,
застряла.

— Захлопните, захлопните дверь! — заорал, перекатываясь по
полу, Грем.

Ричард, стараясь держаться подальше от блестящих зубов, под-
скочил к двери. Пес, рыча и оскалась, смотрел на него огромными,
как футбольные мячи, глазами. Из всех сил Ричард стукнул дверью
по собачей голове. Толстое дерево двери затрещало, столкнувшись
с костями собачьего лба. Зверь на мгновение отступил, а затем снова
бросился в атаку, сотрясая весь дом. Ричард услышал грохот в
дальних комнатах — это падали книги в библиотеке. Он собрал все
силы и вложил их в удар, пытаясь снова попасть дверью по голове
пса. На это раз собака заскулила. Сердце Ричарда чуть не выпрыг-
нуло из грудной клетки, но он опять нацелил дверь прямо в морду
пса. Толчок оказался такой силы, что он потерял равновесие и упал.

«Если он бросится на нас еще раз, то стена не выдержит», —
подумал Ричард.

Черные футбольные мячи глаз яростно впились в него. Он налег
на дверь и двинул ее прямо в скалящуюся морду.

Пес завизжал и попятился, оставляя позади себя четырехдюймо-
вый шлейф слюны. Ричард заметил и широкую ленту крови,
лившуюся из собачьего носа и пропитывающую шерсть на ее груди.

Красные струйки виднелись по обе стороны морды. Собака, отбегая от двери, жалобно визжала.

— Убирайся, — закричал Грем, — убирайся, ублюдок!

Гигантский пес лег на траву и тер обеими лапами морду. Ричард приоткрыл дверь, чтобы получше захлопнуть ее, захлопнул и запер на замок. Он до сих пор не мог слышать плач собаки во дворе. Звук был таким громким, будто в глотку зверя вделали три микрофона. Ричард обернулся к Грему.

Старик танцевал, седые волосы развевались:

— Вы видели? Нет, вы видели, как я всыпал этому сукиному сыну? — Он сделал еще несколько па, размахивая длинным изогнутым ножом из нержавеющей стали. — Я всадил эту штуку прямо в его чертов нос. Каково?

— Отличная работа, — одобрил Ричард, — я боялся, что он проломит стену кухни.

— А что он делает сейчас? До сих пор зализывает раны на лужайке?

Они подошли к окну. Пес лежал на ковре из растений. Заметив наблюдающих за ним людей, он поднялся, хрипло залаял и потряс головой, разбрызгивая по лужайке капли крови. Потом осмотрелся, выискивая предмет для нападения. Обнаружив брошенные на лужайке стулья, собака бросилась к ним, вцепилась в них зубами и трепала до тех пор, пока от них не остались только длинные деревянные планки и лохмотья пластикового сиденья.

— Может быть, выбраться отсюда через переднюю дверь? — спросил Ричард.

— И куда отправиться? — осведомился Грем. Вопрос, казалось, успокоил его. Он положил нож и провел по лицу дрожащей рукой. — Как вы полагаете, как далеко мы сможем уйти? Думаю, что нам не удастся даже перейти улицу.

Истекая кровью, гигантский пес трусил взад и вперед по лужайке, не спуская глаз ни с окна, ни с двери.

— Ну-ка, давайте попробуем кое-что, — предложил Грем. — Идите к передней двери и просто попробуйте выглянуть наружу. Посмотрим, что из этого получится...

Как только Ричард вышел из кухни, пес немедленно прекратил хождение по лужайке и поскакал вокруг дома. Грем пошел следом за Ричардом, который в эти минуты внимательно смотрел в дверное окошечко. Выглядывать наружу не было никакой необходимости. Пес выдавал весь свой репертуар повизгивания, подвываний и угрожающего рычания так громко, что Грему приходилось перекрикивать его, чтобы поговорить с Ричардом. Он решил не кричать, а просто похлопал Ричарда по плечу и кивнул в сторону кухни.

Пес, конечно, обогнал их, и когда они вошли на кухню, он уже бегал взад и вперед по заднему двору.

— Мы в ловушке, — сказал Ричард.

— Именно так, — согласился Грем. На какое-то мгновение сила характера изменила ему, и он стал похож на усталого клоуна в плохом гриме. — Имеете ли вы хоть малейшее представление, где Пэтси и Табби?

Ричард покачал головой.

— Это создание здесь специально для того, чтобы разделить нас с ними. Если бы оно смогло убить нас — прекрасно, но основная цель — не допустить, чтобы мы помогли Пэтси и мальчику. Гидеон Винтер знает, где они, Ричард. — В глазах Грема появилась боль. — Он пытается добраться до них. Готов поспорить, что на Табби произвела впечатление моя история о Бейтсе Крелле и он решил, что тоже может справиться с Драконом в одиночку.

— А Пэтси настояла на том, чтобы пойти вместе с ним.

— Чертов парень, — воскликнул Грем, — я знал, знал, знал, что он что-то скрывает от нас!

— А я не уверен в этом, — ответил Ричард и посмотрел наружу, где гигантский пес неуклюже мерил шагами лужайку.

— Если я в чем-то и уверен, то именно в этом. — Грем твердо посмотрел на Ричарда. — И потому нам необходимо вырваться отсюда.

— Боюсь, что ружья у вас нет?

— Ружья? — Грем наклонил голову и вытер ладони о красный свитер. — Ружье? Господи! Есть где-то. Охотничье ружье. И патроны к нему. Я не брал его в руки больше двадцати лет. Купил когда-то в Лондоне. Подождите, я сейчас поищу его.

Почесывая затылок, Грем вышел из кухни.

Ричард наблюдал за собакой. Продолжая бегать по лужайке, она в то же время внимательно прислушивалась к передвижениям Грема внутри дома. Через пару минут с чердака раздался голос Грема:

— Нашел!

Он вошел на кухню весь в пыли, держа в руках длинную двустволку.

— Лежала на чердаке в футляре, даже пылью не покрылась.

Он вручил двустволку Ричарду и положил на стол коробку с патронами.

— Можете попробовать. Я никогда не был особенно хорошим стрелком.

Ричард повертел ружье в руках. Сталь ствола тускло блестела, приклад украшал сложный орнамент.

— «Парди», — уважительно произнес Ричард. — Да, вы не обманули, когда сказали, что у вас есть охотничье ружье.

Он с интересом посмотрел на Грема, потом открыл двустволку и внимательно осмотрел стволы. Удовлетворенный осмотром, Ричард вложил в них два патрона и всыпал полную горсть к себе в карман.

— До сих пор не могу никого убивать, — вздохнул Грем. — Но в те далекие дни я был еще так молод, что, покупая даже ненужные вещи, старался выбирать самое лучшее.

Ричард приоткрыл кухонное окно, просунул в щель «Парди», взвел курок и стал поджидать, когда пес появится в поле его зрения.

4

Этим же вечером в шесть тридцать, в то самое время, когда Ричард Альби приготовился сделать второй выстрел в гигантского пса, Табби Смитфилд и Пэтси Макклауд стояли по внутреннюю сторону ворот имения Ван Хорна. Здесь не было видно никаких посаженных цветами лужаек. Густые деревья, под которыми Гарри Старбек имел обыкновение ставить фургон, отделяли и скрывали Табби и Пэтси от дома. На какое-то мгновение окна на длинном белом фасаде здания показались Табби глазами, и это настолько испугало его, что он застыл, не в силах двинуться с места. Он заставил себя вспомнить отца, стоящего на кухне, заставил себя вспомнить, как язык пламени охватил Кларка и тот отчаянно застонал. И тогда Табби нагнулся и подобрал на усыпанной сосновыми иглами земле изогнутую палку в полтора фута длиной. Затем повернулся к Пэтси и, собрав все силы, ободряюще улыбнулся ей.

— Ну и как мы собираемся все это проделать? — спросила Пэтси.

— Припомните, что рассказал Грем, — просто когда настанет нужный момент...

— Ага, значит, так просто и действуем. Стучим в дверь, и когда доктор Ван Хорн открывает ее, ты рассекаешь его пополам этим мечом, который ты только что подобрал.

— Да, именно что-то подобное, — подтвердил Табби. — Хотя не думаю, что мы будем стучать в его дверь. Наверное, есть какой-нибудь способ, чтобы проскользнуть в дверь незамеченными.

Он увидел, что морщинки вокруг рта Пэтси углубились.

— Почему вы смеетесь? Знаете, вы странная женщина.

— А ведь ты еще не знаешь и половины, мой дорогой.

— Не верится, что сейчас мы стоим здесь, улыбаемся, а через двадцать минут можем быть мертвы.

— Так, — продолжила Пэтси, — значит, я звоню в дверь. Затем ты выпрыгиваешь из кустов и рассекаешь его пополам.

— Глупости.

— А может, я выстрелю ему в сердце?

— Выстрелите?

Пэтси кивнула, засунув руку за пояс брюк. Когда она вытащила руку из под рубашки, то в ней оказался маленький пистолет.

— Может, все, что вы придумали, не так уж глупо, — признал Табби.

— Не можем ли мы подарить себе еще секунд тридцать?

— Но мы собирались положить его голову на блюдо, помните?

Мгновение они приглядывались друг к другу, измеряя силу страха, который испытывал каждый из них.

Ну что, пошли? Не плакать!

Они вместе вышли из убежища под соснами. По молчаливому соглашению они медленно обогнули здание с левой стороны, избегая появляться в поле зрения окон. Табби не пытался ни прятаться за попадающимися на пути деревьями, ни пригнуться к земле. Пэтси без всяких всхлипываний следовала на шаг позади него. Табби чувствовал ее рядом с собой, и теплота этого присутствия придавала ему силы.

Когда они почти вплотную приблизились к дому, Табби пришлось проползти несколько футов, но потом он поднялся и побежал к боковой стене. Прижимаясь спиной к длинным белым доскам дома, он увидел, как Пэтси скользнула и встала рядом с ним. Она запыхалась и сделала несколько глубоких вдохов. Пистолет она по-прежнему держала в руке.

— Куда теперь?

— Вокруг, к заднему входу.

Пэтси согнулась так, чтобы пройти незамеченной под двумя окнами первого этажа, остановилась за углом и кивнула Табби. Он пробрался следом. Пэтси бросила на него вопросительный взгляд и, когда он поравнялся с ней, указала на зеленую дверь на уровне земли. Он кивнул.

Замечательно.

Заперта?

Давай посмотрим.

Табби пронырнул мимо Пэтси и проскользнул в растущие почти у самых дверей кусты. По задней стороне дома тоже шел длинный ряд окон. Табби опустился перед дверью на колени. От кустов несся сильный назойливый запах недозрелых орехов. Табби положил руку на дверь и осторожно нажал на ручку. Зеленая дверь скрипнула и приоткрылась. Он поставил ногу в щель и, надавив на дверь посильнее, распахнул ее. Табби был готов с победным видом оглянуться на Пэтси, когда что-то огромное взметнулось из кустов и мертвой хваткой вцепилось в его запястье. Табби побелел от ужаса. Запястье сковала огромная грязная рука. Он оглянулся и увидел страшное в мертвом оскале лицо Дики Нормана.

Ричард пристроился на полу под подоконником, когда собака, кружащая по двору, попала в поле его зрения.

— Цельтесь в голову, — посоветовал Грем, — постарайтесь попасть так, чтобы рана была как можно опасней.

— А вы не думали о такой возможности, что этой дряни здесь вовсе нет? — Ричард осторожно положил палец на курок.

— Ну для меня она вполне реальна. И я думаю, что и эта дверь пострадала вполне реально.

— Да, что касается двери, эти щепки выглядят вполне реально, — сказал Ричард.

— И все же мне интересно, видит ли ее еще кто-нибудь, кроме нас.

— Вон она, она идет сюда, — закричал Грем, в возбуждении стаскивая с себя свитер. — Стреляй из обоих стволов, сынок. Мы делаем доброе дело...

Ричард взвел курок. Появилась массивная черная голова, и Ричард увидел, что пес заметил факт появления ружья. Он прекратил трусить по лужайке и, нагнув голову, двинулся прямо на Ричарда.

— Он нападает на ружье, Ричард, он нападает на ружье! Стреляй!

Ричард спустил курок.

В маленьком пространстве кухни звук выстрела походил на взрыв бомбы, а отдача приклада просто повалила Ричарда на стоящее позади него кресло. Он встал, осторожно вытянул ружье из окна и выглянул наружу, надеясь увидеть упавшего зверя.

Разъяренный пес бросился на окно, и Ричард услышал, как затрещала рама. Потом собака отступила, и стало видно, куда попали выстрелы — шерсть слегка дымилась в тех местах, где ее задела пули.

— Даже кровь не течет. — Ричард взглянул на Грема. — Да, я боюсь, что «Парди» не избавит нас от этой мрази.

— Постарайтесь целиться в глаза, — опять посоветовал Грем.

Собака бросилась на окно, на этот раз в нижней части разбилось стекло. И Ричард и Грем увидели, как выгнулась внутрь стена в том месте, куда пришелся основной удар зверя.

— Господи, да перезаряжайте же быстрее. Цельтесь в глаза.

Неподвижное лицо надвигалось на Табби — мертвая, похожая на резину кожа, глаза цвета болотной воды. Рука призрака легла

на плечо. Табби показалось, что Дики Норман хочет укусить его в лицо. Он чувствовал, что за углом дома Пэтси испытывает такой же шок и ужас, но он даже не мог крикнуть, чтобы она убежала, — он просто забыл об этом.

— Ты просто отличный маленький паршивец, Табби, — сказал Дики, — я знал, что ты придешь сюда, я знал, что ты поможешь.

— Поможешь, — механически повторил Табби и вдруг осознал, что чудовище держит его обеими руками, а Дики потерял руку в день смерти. Распувшее грязное лицо перед ним вдыхало и выдыхало затхлый воздух. Мертвым нет надобности дышать.

— Брюс? — спросил он.

— Ну да, конечно, — ответило грязное лицо.

— Пэтси, не стреляйте, не стреляйте! — заорал Табби изо всех сил.

— *Кто это?* — Пэтси опустила пистолет и появилась из-за огромной руки Брюса. Ему удалось остановить ее за секунду до того, как она собиралась всадить пулю в затылок Нормана.

— Это Брюс Норман, — объяснил Табби, — Дракон убил его брата.

Брюс равнодушно посмотрел на Пэтси, а затем на пистолет, который она все еще направляла прямо на него. Он отпустил запястье Табби и мягко коснулся оружия. Пэтси отшатнулась. Брюс, казалось, едва замечал ее, он опять перевел глаза на Табби.

— Отличный маленький паршивец, — повторил он.

Табби тряхнул головой:

— Пошли за угол. Брюс, там он не сможет нас увидеть.

Все еще опираясь на плечо Табби, Брюс последовал за ним к боковой стороне дома. Все трое опустились на колени на сухую траву лужайки.

— Ты пришел убить Ван Хорна? — спросил Табби.

— Я шел за тобой, — сообщил Брюс, — а ты ни разу меня не заметил. Ведь не заметил, так? Я знал, что ты придешь сюда, Табби. Мы убьем его.

— Доктор Ван Хорн убил вашего брата. — спросила Пэтси, но вопрос остался без ответа.

Перед Табби маячило огромное луннообразное лицо, серое от усталости, покрытое потками засохшего пота и брызгами грязи. Пожелтевшие редкие зубы во рту Брюса напоминали изгородь из штакетника. В длинных индейских волосах запутались сухие листья и комья земли.

— Я все еще слышу его, Табби, — глухо сказал Норман. — Мне кажется, будто он еще живет со мной в трейлере. Я слышу его шаги в гостиной. Это доводит меня. Из-за этого я сплю на улице, где придется. Уже несколько недель я не ночевал дома. И я вижу такие странные вещи... такие странные...

Зрачки Брюса расширились, казалось, что он ничего не видит вокруг.

— Я видел змею размером с дом и видел, как она проглотила маленького ребенка. А когда я спал на пляже, я видел мертвых ребятишек, выходящих из воды... И Табби, все это дерьмо выходит из него. Он насылает все это, — глаза Брюса потемнели. — И в конце концов я отправился спать на кладбище, прямо на могилу Дики. Вот куда я отправляюсь каждую ночь. Спать на могилу Дики.

— Ты считаешь Дики... — начал Табби, но остановился. Ему не хотелось знать, разговаривал ли Брюс по ночам с братом на грейвсендском кладбище. Но вот чего он при всем желании не мог не заметить — это того, что Брюс Норман больше всех был похож на Грема Вильямса в те времена, когда он убил Бейтса Крелла. Тяжесть перенесенных страданий давала ему несомненные права, хотя и заставляла сомневаться в его душевном здоровье. Правда, сама реальность их жизни не способствовала душевному здоровью.

— Пошли, мы сделаем это, — сказал он Брюсу. Круглое лицо улыбнулось.

Брюс повел их по деревянной лестнице в подвал, и Табби бесшумно закрыл за ними металлическую дверь. Остаток пути они прошли в полутьме. Подвал Ван Хорна состоял из множества коморок и комнатушек. В одних из них хранились дрова, в других — полуразлезшиеся ковры и раскладушки, на которых когда-то спали слуги. Норман свернул в узкий коридорчик и потянул за собой Табби.

— Нам нужно найти лестницу, Табби, — произнес он хриплым шепотом.

— Она здесь, — тихо сказал голос Пэтси.

В середине просторного подвального помещения стоял несоразмерно маленький отопительный котел. Над ним трубы парового отопления переплелись с паутиной электрических проводов, прикрепленных к горизонтальным балкам. Пэтси стояла у подножия широкой прямой лестницы, футах в пяти от котла отопления.

Брюс засопел, и они двинулись к лестнице, но Пэтси так неожиданно остановилась, что Табби налетел на шедшего впереди Нормана. Казалось, что этот человек сделан не из плоти, а из гранита и железа.

— Что? Что случилось?

— Табби! Посмотри на пистолет. Это тоже то самое, о чем рассказывал Грем. — На раскрытой ладони Пэтси играл пучок света, он то распрямлялся, то свивался в узел. Маленький пистолетик Пэтси окружало серебристое сияние, и он сверкал и отбрасывал широкие, как от проектора, пятна света на темный потолок погреба.

— Господи, — проговорила Пэтси.

А Табби не мог вымолвить ни слова, его охватил одновременно благоговейный страх и радость, ревность и нетерпение. Он уловил выражение искреннего удовольствия, появившегося на лице Брюса.

— Кажется, эта штука сработает, — наконец с трудом выдавил Табби, как бы только сейчас окончательно поверив в рассказ Грема.

Ослепительный луч света вспыхнул снова и на какое-то мгновение, на какую-то долю секунды зажегся всеми цветами радуги. И в тот же момент золотистый переливчатый свет засиял вокруг Брюса Нормана.

Потом все исчезло. Казалось, что пистолет вобрал свет в себя и спрятал его весь, до последнего отблеска в глубине ствола.

— Я убью этого мерзавца, — мрачно произнес Брюс, и Пэтси посторонилась, пропуская его вперед на лестницу.

Поднявшись, они попали в пустой холл и нерешительно замерли, остановившись перед открытой дверью. Табби осознал, что все еще держит в руках подобранную под елью изогнутую палку. Пэтси нервно оглядывалась по сторонам, изучая незнакомую обстановку. Брюс Норман пристально вглядывался в конец холла. Табби отвел взгляд с лица Пэтси и, осмотревшись, заметил странные, похожие на следы гигантской улитки полосы и потеки на стенах. Он уловил острый едкий запах. Брюс схватил его за руку.

— Он здесь, — возбужденно улыбаясь сказал он, повернулся и потянул Табби за руку к гостиной. В другой руке он держал пистолет.

Они почти вбежали, Пэтси — за ними, в просторную с высокими окнами комнату. Табби высвободил руку и сразу почувствовал, что-то в этой комнате не в порядке — здесь произошло нешуточное побоище: стулья перевернуты, на полу валяются лампы. И только потом он заметил покрывающее часть ковра и пола, похожее на амебу огромное пятно полузапекшейся крови.

— Дики, — взревел Брюс, и Табби стремительно повернулся назад.

В большом зеркале в красивой резной раме происходило что-то невероятное. Несмотря на крик Брюса, Табби не увидел в зеркале Дики, но в нем и не отражались ни комната, ни покрытые потеками стены, ни окна. В глубине зеркала бушевали молнии, создавая впечатление заполненного бурей пространства.

— Дики, — простонал Брюс, и все опять изменилось.

Внезапно Табби услышал гудение миллионов мух — такое же гудение он уже слышал однажды на грейвсендском пляже. Перекрывая жужжание, раздавался гул голосов, как будто тысячная толпа шумела за дверью.

В комнате потемнело (или это потемнело в глазах у Табби), и он осознал, что события вышли из-под контроля и что ни у него, ни у Пэтси, ни у Брюса нет шансов победить Ван Хорна.

Он пытался мысленно добраться до Пэтси, но его панические усилия разбивались о что-то ледяное и твердое.

Воздух наполнился мухами, и с трудом отгоняя их обеими руками от лица, он потерял Пэтси. Безумные, нечеловеческие голоса звучали у него в ушах. Он позвал Пэтси, но не смог даже расслышать собственный голос.

Кто-то вошел в комнату через ту же самую дверь, что и они. Табби отпрянул назад, больно ударившись о стеклянный столик и уронив на пол статуэтку танцовщицы. Он увидел, что Пэтси попятилась к окнам, и рванулся к ней.

— Итак, вы наконец-то здесь, мистер Смитфилд, — сказал кто-то или просто передал ему мысли, — и как вам тут нравится?

Табби повернулся к тому, кто спросил его. Он услышал как вновь прорычал имя брата Брюс. Воздух снова был чист. Голоса и звуки исчезли.

— Ты убил Дики, — закричал Брюс и поднял пистолет.

Только теперь Табби увидел, что Рен Ван Хорн превратился в «прокаженного». Причем заболевание зашло уже очень далеко. Омертвевшая кожа расплзлась и обвисла, Ван Хорн вынужден был уже носить перчатки.

— Вообще-то так оно и было, — ответил доктор. На его лице появилось подобие улыбки. — Прошлой ночью ты попал ко мне на последнюю вечеринку. Отличное времяпрепровождение, мистер Смитфилд.

— Вы умираете, — проговорил Табби, хотя и сам до конца не верил в это — мало ли какие новые фокусы с сознанием может придумать Дракон.

— Черт, ты уже умер, — Брюс нацелил пистолет на грудь врача и спустил курок.

Выстрел оказался тише, чем ожидал Табби, и походил на хруст сломанной ветки, маленькое серое облачко дыма курилось около дула. Доктор Рен Ван Хорн положил обе руки на грудь и сделал медленный длинный шаг назад, будто танцевал с кем-то невидимым фокстрот. Брюс выстрелил вновь, и Ван Хорн, скрючившись, с глухим стуком упал на пол.

Брюс опустил оружие и уронил его на залитый кровью ковер. Табби увидел, что Пэтси собирается подобрать его, и вновь повернулся к телу доктора, все еще пораженный той легкостью и стремительностью, с которой им удалось уничтожить Ван Хорна. Правая рука врача царапала ковер, пальцы впились в пушистый ворс. Табби понял, что пока рано праздновать победу: чудовища не исчезают так просто. Он подошел поближе к доктору и увидел

зловую гримасу на расплавленном лице. Рен Ван Хорн еще не умер, но он, без сомнения, умирал.

«Что ж, наконец все закончится, — повторял про себя Табби, подходя все ближе к телу врача. — Может быть, в этот раз Дракон погибнет по-настоящему... может быть круг замкнется». Табби подходил все ближе, он не обращал внимания на предупреждающий шепот Пэтси и не отрывал глаз от вцепившихся в ковер пальцев. Доктор Рен Ван Хорн повернул голову и посмотрел на него. Искореженное лицо светилось злобным удовольствием.

Внезапно, словно от этого взгляда Ван Хорна, тишину комнаты разбила какофония звуков. Табби вновь услышал громкое жужжание миллионов мух, отчаянные вопли о спасении и увидел тянущиеся к нему руки. «Нет!» — закричал он и, пробежав сквозь густой вонючий воздух, остановился прямо над телом доктора. Седые разметавшиеся по ковру волосы, страшное, поблескивающее лицо «прокаженного», властные сверкающие глаза.

От ярости и растерянности Табби что-то прокричал — ничего нельзя было расслышать в окружающем шуме и гудении — и, решив отомстить до конца за смерть отца, изо всех сил ударил Ван Хорна ногой в грудь. Нога провалилась в тело врача, как будто Табби ударил по куче песка. Он ощутил под ногой что-то мягкое, похожее на подушку, и прежде чем он успел выдернуть ногу из тела доктора, по ней потекла белая жидкость.

Менее чем через секунду в комнате установилась тишина. Все крики и вопли стихли: Табби стоял над, без сомнения, мертвым телом доктора Рен Ван Хорна, и теплая белая жидкость затекала ему в туфли.

Через высокие окна в комнату струился солнечный свет.

Внезапно мощный и громкий взрыв, не сравнимый по силе с выстрелом пистолета Пэтси, сотряс помещение. Табби прижал руки к ушам и отступил от трупа Ван Хорна — голова гудела и раскалывалась от взрывной волны. Кто-то закричал. Комната наполнилась дымом. Напротив него Пэтси указывала рукой на зеркало.

Табби повернул голову, глаза жег едкий дым, и непонимающе посмотрел на зеркальную поверхность — темнота, сгущающаяся в осколках разбитого зеркала, постепенно обретала форму. Позади Табби раздался новый вопль и затих. Табби опять повернулся и увидел, что произошло с Брюсом Норманом.

Зеркало взорвалось и тысячи осколков, разлетевшихся по комнате, впились в лицо Брюса. Длинные осколки торчали из груди и живота Нормана, словно иглы дикобраза, лицо стало неузнаваемым — его заливала кровь. Брюс зашатался и рухнул на пол.

Высокий худой мужчина с бледным продолговатым лицом вышел из-за зеркальной рамы. Над его черной одеждой вились облака дыма.

— Он... появился из зеркала, — услышал Табби ошеломленный голос Пэтси:

Гидеон Винтер медленно приближался к Табби, двигаясь между телами Рен Ван Хорна и Брюса Нормана. Табби окаменел, он не мог двинуться с места, над ним взвились черные руки: громко застучало сердце, в голове вспыхнула боль, и его жизнь куда-то утекла. Гидеон Винтер крепко обхватил мальчика.

7

Ричард дважды выстрелил в голову собаки — на темени и вокруг глаз зверя появилась дюжина дымящихся отверстий. Тем не менее животное вновь атаковало дом Грем. Оконная рама задрожала, и огромный кусок штукатурки обрушился на пол. По стене расплзлась сеть мелких трещин. Собака обежала дом и приготовилась к новой атаке. Ричард разрядил в зверя полный магазин и, доставая из кармана новые патроны, увидел, что на морде собаки запылали маленькие язычки пламени.

— Еще один удар, и она доберется до нас, — спокойно констатировал Грем. — Попробуйте, может, вам удастся отстрелить ей кончик носа, мне просто не приходит в голову ничего лучшего, что могло бы остановить ее.

— Я не думаю, что что-нибудь вообще в состоянии остановить ее, — сказал Ричард, — хотите попробовать?

Он посмотрел через плечо и увидел, как Грем отрицательно покачал головой.

— Доберитесь до носа. Помните, как она визжала, когда я всадил в нее нож?

— Как скажете, шеф. — Ричард приготовился к бою.

В это время зверь пригнулся к земле и наклонил голову, готовясь к новому штурму окна.

Собака ринулась вперед, и в эти секунды Ричард попытался прицелиться в черную точку посреди лохматой темной головы. Рука подрагивала; наконец он решился... палец медленно нажал на курок, сверкнула вспышка света. Темная черная стена перед окном стала блекнуть: практически мгновенно черный цвет превратился в серый, потом в светло-серый... и прежде чем Ричард успел снять палец с курка, он увидел, что страшное чудовище поблекло и растворилось в воздухе.

Ричард понемногу приходил в себя.

— Да, — выдохнул позади него Грем.

В момент последней атаки гигантский пес растаял и превратился в ничто, точно так же, как кот Билла Бенгли. Через секунду на лужайке перед домом остался только сгусток теплого воздуха, мягко задувающий через окно в комнату.

Ричард присел на корточки, он еле дышал.

— Это означает, что для Табби и Пэтси все закончилось, — произнес Грем у него над головой. — Какая бы чертовщина там ни происходила, всему конец. Я думаю, нам лучше выйти отсюда и посмотреть.

— Что посмотреть? Куда выйти? — Ричард был еще не уверен, что сможет нормально двигаться.

— Спросите что-нибудь полегче, — Грем положил руку на дрожащее плечо Ричарда.

Ричард заставил себя встать и взглянул на Грема. Старик спокойно улыбался ему.

— Вы действительно считаете, что я попал ему в нос? — К собственному удивлению Ричард обнаружил, что тоже может улыбнуться.

— Этот вопрос и вправду легче, но я бы не хотел отвечать на него, — сказал Грем, — Давайте выйдем наружу и посмотрим, что там делается.

Во дворе стояла плотная стена дыма. Осмотревшись, Ричард понял, что это горят и дымятся разбросанные по земле клочки собачьей шерсти. Стена кухни была практически разрушена. Трещины, дыры — наметанный глаз Ричарда определил, что ущерб составил примерно пятнадцать тысяч долларов.

— Не беспокойтесь об этом, давайте посмотрим, что делается в направлении пляжа, — предложил Вильямс.

Ричард с Гремом обошли дом и застыли не в силах оторвать взгляд от представшего перед ними зрелища. Гигантский смерч огня и дыма высотой футов в пятьдесят вился над Саундом.

— Во имя Господа, что это такое? — спросил Ричард.

Грем взглянул на него с мрачной решимостью:

— Я думаю, что это то место, где живет мой старый знакомый Рен Ван Хорн. Там нет больше ни единого дома, который был бы расположен ниже. И он ближе всех к берегу.

— Дом доктора? — Ричард вспомнил, что в первый раз увидел этот особняк, когда они с Лаурой проезжали мимо в машине Ронни Ригли, он тогда спросил о цене. А вместе с этим воспоминанием пришла еще одна мысль. Рен Ван Хорн был врачом Лауры.

— Я думаю, что наши друзья отправились на охоту на Дракона, — бросил Грем Вильямс и побежал к машине, Ричард еле поспевал за ним.

Ричард успел плюхнуться на сиденье, машина взревела, и через несколько минут мимо них уже мелькала Бич-трэйл. Грем мчал вперед, он не затормозил на углу Маунт-авеню, а просто резко повернул направо.

— Я думаю, что Рен был лечащим врачом Лауры, — сказал он.

— Да, — ответил Ричард.

— Я просто подумал вслух. Знаете, ведь единственными людьми, узнавшими убийцу, были женщины, которые открывали ему двери. Сколько мужчин знают, как выглядят гинекологи их жен?

— Господи, — проговорил Ричард, но даже он сам не мог понять, было ли это реакцией на слова Грема или на то захватывающее зрелище, которое открылось перед ними, когда они затормозили у ворот дома Рен Ван Хорна.

Все здание охватило ярко-белое пламя, вокруг него ветер раздувал струи дыма. Отсюда огромный огненный столб казался еще более впечатляющим, чем выглядел со стороны двора Грема.

— Бедный Рен, — произнес Грем, — он оказался не таким сильным, как Джонни Сэйр.

— Господи, — опять повторил Ричард.

Подъехав ближе к полыхающему пожару, Ричард заметил стоящую на лужайке перед домом Пэтси Макклауд — она дрожала, дрожала так, словно ее лихорадило; и когда он выбежал из машины и подбежал к ней, то увидел, что она плачет.

V ГРЕМ ЧЕРЕЗ ЗЕРКАЛО

I

А сейчас я вновь хочу сам поговорить с вами, потому что после того, как Ричард Альби и я выбежали из машины и подбежали к Пэтси, мы трое — Пэтси, Ричард и я — отправились в зазеркалье, где все было совершенно нереальным и тем не менее все стремилось убить нас. Например, такое событие, как нападение гигантской собаки, и когда Ричард спросил меня, не считаю ли я, что все это результат действия ДРК, я ответил «Нет». Все было совсем не так просто.

Все, что я могу сделать — это рассказать вам о том, что я видел собственными глазами. Вернее, думал, что вижу, был уверен, что вижу. Так я смогу оставаться честным, ну а если вы хотите поразмышлять на тему «реальности», займитесь этим на досуге.

Ричард успокаивал Пэтси и пытался выяснить, сумел ли Табби вовремя выбраться из дома. Я же смотрел на дом и пытался свкннуться с мыслью, что мой старший знакомый, вдовец Рен Ван Хорн, оказался нашим врагом. Я с трудом приходил в себя после этого удара. Доктор был частью Хэмпстеда, большей частью, чем я сам, он был одним из тех людей, кто выполняет свою работу с легкой непринужденностью, которая не оставляет равнодушным никого, кто соприкоснулся с ним. Он всегда казался изысканно изящным, с возрастом я понял, что это свойство души — для того чтобы так выглядеть после двадцати, нужна большая сила духа. Пациенты уважали и любили его; он был одним из тех, кто инстинктивно знает, как хорошо жить, но что более важно, Рен Ван Хорн был одним из моих людей. И Дракон превратил его в мусор. Я думал о том, как старый знакомый сгучался в двери, которые ему открывали женщины, как он подобрал Стоуни Фрайдгуд; я представлял себе все то, что его заставил сделать Дракон, и меня одолевали ужасные, смешанные чувства.

Ричард все еще старался вывести Пэтси из ужасного шока после пережитого; я подошел к ним и положил руку ей на плечо. Дом, стоящий перед нами, превращался в ничто; дома по Милл-лэйн, должно быть, все сгорели, а начало этому, я думаю, положила Королевская хлопковая. Пламя охватило и полностью окутало фасад дома. Откуда-то из окон первого этажа вырывался, казалось твердый огонь и с потрескиванием поднимался в воздух; через окна я видел, что нижние комнаты превратились в водоворот пламени. Мне слышались, а может быть, мне это показались, вопли о помощи,

доносившиеся из дома. Я посмотрел вверх, туда, где пламя и дым, соединившись вместе, поднимались высоко в небо, и в тот момент, когда Пэтси наконец подобрала первые слова, чтобы описать происшедшее, я увидел то, чего никогда не видел до того, хотя и описывал вам несколько раз. Огромная Огненная летучая мышь распростерла крылья над пожаром. Плечо Пэтси Макклауд подпрыгнуло у меня под рукой, кровь застучала сильнее то ли у нее, то ли у меня, и я понял, что моя рука тоже дрожит.

— Я думаю, Табби мертв, — сквозь слезы сказала Пэтси. — Его забрал Гидеон Винтер. И я совсем не могу добраться до него...

Она посмотрела на меня через плечо Ричарда:

— Я всегда могла добраться до него, всегда. Но теперь... там, где должен быть Табби, одна лишь холодная пустота.

Когда я вновь поднял голову, Огненной летучей мыши уже не было.

— Везде холод, — мы с Ричардом слышали отчаяние в ее голосе. Плечо Пэтси немного успокоилось, в отличие от моей руки... — Ничего нет.. Табби нигде нет...

Мы с Ричардом переглянулись и отвели Пэтси подальше от огня. Я увидел по лицу Ричарда, что смерть Табби Смитфилда действовала на него не менее сильно, чем на меня.

— Вы сказали, что Гидеон Винтер забрал Табби, — обратился я к Пэтси. На ее лице застыло выражение отчаяния и замкнутости, мне хотелось громко закричать или разбить что-то, чтобы сорвать эту маску с ее лица. — Значит, Табби успел выбраться из дома?

Они кивнула, и в первый раз у меня появилась надежда — я помнил о маленькой искореженной мумии, что лежала передо мной в овраге Кенделл Пойнт.

— Расскажите нам очень подробно, что произошло, Пэтси. Мы никогда не увидим Табби, если вы сейчас нам не поможете, — сказал я ей.

— Табби мертв, — проговорила она.

— Что ж, в таком случае я хочу похоронить его. Я должен быть в этом уверен. И я хочу убить Дракона, Пэтси. Я хочу разбить его на миллионы маленьких кусочков.

Она, казалось, наконец-то услышала меня, глаза расширились, она подняла голову и начала рассказывать о том, как они встретились с Табби около старого дома его деда, обо всем, что случилось после этого. Заканчивая, Пэтси сказала:

— Табби просто сморщился как-то... когда это существо коснулось его. Он стал белым. И потом они ушли... Я пыталась найти Табби, но не смогла... Я не нахожу ничего, кроме холода, холода, холода..

— Они ушли? — переспросил Ричард.

— Просто они пропали и все. И через мгновение вокруг меня полыхал огонь. Я побежала. Выбралась наружу, и тут появились вы.

— Они просто пропали, — задумчиво повторил Ричард. — Что же это означает? Грем, его убили или нет? Я думал, что если кто-то сокрушит Дракона так, как вы в свое время уничтожили Крелла, то всему настанет конец. Что же, черт побери, тут происходит?

— Я думаю, что так было всегда. — Я пытался разобраться, что нам следует теперь предпринять. — Похоже, что Гидеон Винтер не собирается сдаваться.

— Вы думаете, это был Гидеон Винтер?

— Мне ненавистно даже думать об этом, но я уверен. Сегодня он действительно стал сильнее, чем когда-либо, во всяком случае он достаточно силен, чтобы выжить после того, как уничтожено его тело. Но я понимаю, что произошло. Он забрал Табби, потому что хочет, чтобы мы пришли за ним. В этот раз он хочет собрать всех нас вместе и вместе всех уничтожить. Ведь он мог бы убить Пэтси. Но он хотел, чтобы мы услышали ее рассказ, и он хотел, он хочет, чтобы мы пришли к нему.

— Если бы мы знали, куда идти, — пробормотал Ричард.

— Думаю, что знаю, — ответил я, — Пэтси это не очень-то понравится.

Она вздохнула и уперлась взглядом в мое лицо — она понимала, что я прав, но инстинктивно сопротивлялась.

— О, — Ричард мягко обнял ее за плечи, — я, кажется, понял. — Он кивнул головой.

— Туда, где были убиты несколько мальчиков. И он, и я знаем это место. Дом Бейтса Крелла.

Я отвернулся от растерянного лица Пэтси и посмотрел на Саунд. Вода, которая должна была быть спокойной, начинала волноваться, на берег накатывали волны.

Я оглядел Пэтси и Ричарда. Она еще дрожала, но я видел, что постепенно сила возвращается к ней.

— Это не будет похоже на посещение дома в одиночку. — Хотя я совершенно не был уверен в этом. — Тем не менее я пойду туда. Я должен. Я думаю, что Табби все еще жив, — он сейчас служит приманкой для нас.

Я медленно возвращался по лужайке, впервые совершенно забыв о машине. Я решил не ехать к этому дому. Я хотел пройти пешком по той самой дороге, по которой прошел однажды в 1924 году. Пойдут они со мной или нет? Я твердо сделал несколько шагов, зная абсолютно точно, что ничто на земле не спасет меня, если я приду к нему один. Это был не 1924 год, игра изменилась. И в этот момент я услышал позади мягкие шаги и кто-то ухватил меня за локоть.

— Сумасшедший старый идиот, после всего, что произошло, вы собираетесь в одиночку куда-то отправиться? — Ричард негодовал.

Я увидел по одну сторону от себя Ричарда, по другую — Пэтси. И подумал, что мы похожи на компанию из книги «Волшебник страны Оз».

2

Только выбравшись на Маунт-авеню, я заметил, что Ричард пересчитывает лежащие в кармане патроны, и только тогда увидел, что он все еще держит мое ружье. Как всегда, когда он не работал, Ричард был одет тщательно, хотя и немного старомодно, — пиджак, строгие отутюженные брюки (даже я целыми днями ходил в джинсах). Обут он был в туфли, тогда как весь Хэмпстед носил кроссовки, даже те, кому в жизни не приходилось бегать дальше, чем к машине у подъезда. Как бы то ни было, но казалось, что ружье является его неотъемлемой частью — Ричард, старое «Парди» и элегантный деловой костюм подходили друг другу не меньше, чем Магритт к котелку. Присутствие Ричарда придавало мне уверенности в себе, словно Ричард Альби с ружьем в руках обладал неким могуществом.

Привлеченные столбом дыма и пламенем, вырывающимся из дома Ван Хорна, обитатели Маунт-авеню начали появляться на улице. Их лица выглядели такими напряженными, как будто они следили за движением канатоходца, что шел по проволоке без страховки.

Я не знал, как перенесу все предстоящее. Табби, жив ли он?

Практически одновременно мы шагнули на Пур Фокс-роад.

Небо изменилось. Мгновенно из сияюще-голубого оно превратилось в кроваво-красное. Пэтси замедлила шаг, я тоже остановился. Казалось, что небо над нами разрывается от безмерной ярости. Оно приобрело ярко-желтый оттенок, потом стало темно-синим, багряно-красным и, наконец, совсем черным. На этом черном небе сверкали две луны — одна багровая, другая — мертвенно-белая.

Пур Фокс-роад заливал лунный свет. Пэтси вцепилась в мою руку.

— Итак, вперед! — воскликнул Ричард.

И мы двинулись по направлению к дому Бейтса Крелла. За поворотом я увидел на ветвях одного из деревьев, что росли вдоль изгороди Академии, какую-то темную массу. Она словно гигантский кокон свисала с ветвей и медленно покачивалась из стороны в сторону. Ричард и Пэтси тоже заметили ее, и я почувствовал, как ногти Пэтси впились в мою руку. Секундой позже я понял, что с веток дерева свисало чье-то тело.

Тело повернулось так, что залитое серебристым светом лицо оказалось прямо перед нами. Ребра — сломаны, на груди — ножевая рана, а вся средняя часть тела представляла собой одну огромную черную дыру. Под ранами и кровоподтеками я узнал лицо Бобби Фрица. Страшно лицо, похожее на холлоуинскую маску, скалилось на нас и повторяло:

— Вы все мертвы, вы все мертвы.

Пэтси вскрикнула и, отвернувшись, протялась ко мне. Вспыхнули пламенем болтающиеся руки Бобби. Поток теплого воздуха поднял его волосы дыбом и через мгновение они с треском запылали.

Ричард оглянулся и сделал мне знак заклонить Пэтси от этого зрелища. Я встал между нею и пылающим телом, но она уже взяла себя в руки.

— Со мной все в порядке, — она твердо взглянула на меня, — не нужно мне помогать.

Она отпустила мою руку и оглянулась. Невольно я тоже оглянулся.

Тело Бобби Фрица охватило пламя, и оно вращалось, как механическая игрушка. Между языками пламени проследывало обуглившееся лицо.

Пэтси Макклауд упрямо качнула головой и повторила:

— Я в порядке, я же сказала, я в порядке. — И уверенно зашагала вперед.

Через несколько минут показался дом Крелла, огороженный свалкой старых поджигавшихся автомобилей. Мы замедлили шаги. Окна, или вернее черные дыры, когда-то бывшие окнами, светились красным светом. Но мы знали, что дом Крелла не горит. Теперь можно было не спешить, мы остановились.

Этот дом наводил на меня ужас даже в молодости, тогда, когда мне было двадцать и я был силен и крепок. Теперь же я знал об этом доме куда больше.

Ричард скользнул вперед и прошел по ковру сорняков прямо к входной двери. Я заметил, как он крепко сжал зубы и покрепче прижал к себе ружье. Пэтси направилась за ним. Я замыкал шествие.

Прикладом ружья Ричард подпихнул дверь. Пэтси нервно пригладила волосы и прикрыла голову руками. Красный свет упал нам на ноги.

Я не сразу сообразил, что Пэтси беспокоится о волосах из-за летучих мышей. Ричард обвел комнату дулом ружья, как бы выискивая того, кого следует немедленно застрелить. Примерно полдюжины потревоженных летучих мышей взвились в воздух. Ричард попытался отогнать их, взмахав прикладом, но парочка тварей, сделав круг по комнате, вылетела прямо на нас.

И тут я увидел развевающиеся рыжие волосы на голове пикирующей на Ричарда мыши. И внезапно до моего сознания дошло, что у зверьков белые человеческие лица. Я не хотел даже смотреть на них — я понимаю, что они окажутся мне знакомы, и это вызывало ужас значительно больший, чем свисающее с ветвей тело Бобби Фрица.

Ричард вскрикнул и опустил ружье дулом вниз — он узнал одно из белых крошечных лиц. В моем сознании возник Табби, и я, схватив Ричарда за руку, потащил его вглубь дома.

— Ведь сейчас день, — кричал я, — сейчас день

Через несколько минут, может, чуть больше, мы увидели настоящий солнечный свет, падающий в комнату и реальную голую неприглядность этого места. Треснувшие доски пола, потрескавшиеся стены, на всем — толстый слой пыли. Никаких летучих мышей. Пэтси заторопилась следом за мной, и я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы одолеть грех Бейтсов Креллов. Я просто разъярился! Гигантский пес! Летучие мыши с человеческими лицами! Две луны! Меня буквально выворачивало от всего этого.

Красн глаза я заметил какое-то движение и, повернув голову, двинулся вперед. Лес Макклауд собственной персоной в полосатой пижаме и изорванном халате стоял в дверном проеме, он спустил курок маленького пистолета. Из ствола направленного на меня и Пэтси вылетела длинная струя пламени и ударилась в стену справа от нас, не причинив вреда.

В возникшей темноте полыхнул выстрел, и Лес начал исчезать, тая прямо на глазах.

— Он исчез, — сказал я, не имея ни малейшего желания вновь испытывать неистовство.

Я слышал тяжелое дыхание Ричарда, слышал, как он перезарядил ружье, выбросив на пол стрелянную гильзу.

Нам было внове, что падающий на нас красный свет исходит из соседней комнаты, той самой из которой возник призрак Леса.

— Я знаю, куда мы должны идти дальше. — Пэтси искоса посмотрела на меня. Ее лицо, похудевшее и бесцветное, не принадлежало ни мужчине, ни женщине.

— Пэтси, — сказал я, — никто из нас не допустит, чтобы вы спустились вниз.

— Да. — подтвердил Ричард, — после того последнего случая — ни за что, Пэтси. Вы и так зашли слишком далеко — и этого вполне достаточно. Табби должен быть внизу, и мы найдем его.

— Табби мертв, — с печальной уверенностью ответила она, — я иду вместе с вами. Мы должны держаться вместе. Вы ведь были с этим согласны, Грем, разве нет? — С еще большей отвагой, чем прежде, Пэтси посмотрела мне в глаза.

— Пожалуй, я больше так не считаю.

— Ну тогда я так считаю, — она решительно вытащила из-за пояса пистолетик.

Мы с Ричардом удивились, потому что думали, что она оставила его в доме Ван Хорна.

— Если будет нужно, я воспользуюсь этой штукой. Мне кажется, одна пуля в нем еще осталась. А вы, ребята, вы можете, если хотите, подождать в сторонке.

Она снова выжидательно посмотрела на нас. Хрупкая и отважная, как далека она была от той женщины, что бежала навстречу трем мужчинам и мальчику в ту далекую ночь, когда первые птицы упали с неба. Да, Пэтси прошла за это время путь куда более длинный, чем прошел любой из нас.

— Ну что ж, тогда пошли. — Ричард сунул ружье подмышку. — Мы все хотим поскорее покончить с этим.

Он посмотрел на меня, и мне стало понятно, что, несмотря на спокойствие голоса, он тоже тронут до глубины души поведением Пэтси.

Она повернулась и направилась к кухне Бейтса Крелла. Ричард и я шли за ней почти вплотную. Дверь подвала все еще была распахнута, и стало ясно, что Пэтси права — красный свет идет именно оттуда. Он был очень интенсивным, и он пульсировал. Спуститься в подвал было все равно, что спуститься прямо в огромное пульсирующее сердце.

Я ступил на лестницу первым. Если чему-то суждено случиться, если эта лестница приготовила хитрые ловушки, то я хотел, чтобы это случилось со мной, а не с теми двумя. Быть шестидесятишестилетним — в этом есть свое преимущество. И все же я спускался очень медленно и осторожно, я буквально купался в красных лучах. Казалось, что от световой пульсации вибрируют ступени лестницы и старые проржавевшие перила.

Ричард шел за мной. Он тоже хотел оградить Пэтси от неизвестной опасности, таившейся в подвале. Мы осторожно продвигались по самому краю лестницы.

Я не знаю, что мы ожидали найти. Кошмарные создания Иеронима Босха, жадно пожирающие тело Табби, налетающего на нас Гидеона Винтера — все что угодно, но только не пустое пространство. Кафельная плитка, окаймляющая верх стен, отблескивала красным светом, наполняющим весь подвал. У дальнего конца стены стоял старый стол. Все.

— Табби здесь нет. — Ричард выглядел совершенно ошеломленным.

Разочарование старым подвалом, в котором нет ничего, кроме разбитого стола, охватило его, и он замер в центре помещения.

Пэтси подошла к одной из стен, а я приблизился к столу. Я был уверен, что мы попали туда, куда надо, и надеялся найти хоть какие-нибудь следы, которые могли привести нас к Табби.

Воздух вокруг нас стал плотнее. Шок от отсутствия шока, если так можно выразиться, постепенно проходил, и до нас стала доходить реальность этого места.

Подвал Крелла не был пуст. Он был переполнен — переполнен бесплотными эмоциями, существовавшими здесь сами по себе. Ужас, отчаяние, горе бились в воздухе. До лета 1980-го я бы не поверил в существование чего-то подобного — я бы посчитал это следствием чрезмерной впечатлительности. Но теперь, в подвале Крелла, я знал, что это — ужасная реальность, я чувствовал ужас этого места, чувствовал омерзительное удовольствие, доставляемое кому-то муками других. Мной овладело неудержимое желание как можно скорее выбраться отсюда. Я слышал как билось огромное сердце подвала, и на мгновение увидел, как пауки, огромные черные создания, отделяются от стен и кружат вокруг меня. На столе в агонии билось чье-то тело. Все это были картинки из прочитанных в детстве книг. Надо было поскорее выбраться отсюда.

Я подошел к Пэтси, когда земля подо мною затряслась так, что я не удержался на ногах и упал. Из-под пола протянулась рука. Последовал новый толчок — тут же из-под земли появилась еще одна рука, в нескольких футах от первой.

— Господи, уходим отсюда! — закричал Ричард, отбиваясь от рук дулом ружья.

— Я не думаю, что мы сможем добраться до лестницы, — покачала головой Пэтси, и я понял, что она имеет в виду. Поверхность пола между нами и лестницей усыпало что-то вроде сахарного песка.

— Вы не поверите, но здесь есть еще одна дверь, — сказал Ричард, указывая на ближайшую стену.

Плотно встроенную в бетонные блоки деревянную дверь оковывали широкие перекрещивающиеся металлические полосы. Безусловно раньше ее здесь не было: выглядела она так же зловеще и неприветливо, как и все остальные двери в доме Бейтса Крелла.

Ричард и я прошли вперед, пытаясь выяснить, сможем ли мы пробиться к лестнице, но только мы выбрались на чистое место, как тут же из-под земли появились голова и грудь мальчика-подростка.

Я вспомнил, что во время наших долгих бесед Ричард описывал мне свои галлюцинации — разверзающиеся кладбища, извергающие на поверхность мертвецов. Видения оказались правдой. Я собственными глазами увидел, *как действует Дракон*.

— Грем? Дверь? — спросил Ричард.

Возможно, он считал, что у нас в запасе есть одна-две минуты, чтобы добраться до лестницы, особенно если мчаться с черт знает какой скоростью, но, пожалуй, только он один и мог бы осилить это. Я не мог двигаться так быстро, да и Пэтси немного скисла.

Мы решили открыть эту дверь, хотя скорее всего нас ждала впереди еще одна камера пыток.

Ричард распахнул ее; я вынужден был пригнуться, чтобы не стукнуться лбом о косяк.

3

Вы знаете, почему я рассказываю вам эту историю от первого лица? Дело в том, что пересказать эти события от лица стороннего наблюдателя значило бы лгать и вам, и себе.

Тяжелая окованная железом дверь на самом деле *не существовала*. И хотя я прошел в нее и даже должен был пригнуться, чтобы не стукнуться о косяк, даже тогда я сознавал, что никакой двери в подвале Крелла не было. Ричард и Пэтси знали это так же хорошо, как и я. Была только мечта о двери, наша мечта, и в то же время способ, которым Дракон заманивал нас.

И еще одну вещь мы отчетливо понимали — опасность по другую сторону двери была ничуть не больше той, что поджидала нас в любом уголке волшебного домика Крелла. Эта дверь не была запасным выходом, но мы сами выбирали путь и знали, что дороги назад нет.

Мы оказались в воняющем грязью туннеле, настолько узком, что должны были пробираться друг за другом поодиночке. Первый — Ричард, потом Пэтси, за ней — я. Я провел по изогнутой стенке туннеля рукой и сразу же отдернул ее. Влажная, губчатая, упругая как резина — она казалась живой тканью. Далеко впереди перед Ричардом за поворотом туннеля пробивался тусклый свет, обещая нам возможность оказаться где-нибудь на поверхности, в районе Пур Фокс-роад, или на болотах, позади нее. По мере движения туннель расширялся, и наконец мы смогли идти рядом.

— Я надеюсь, что мы сможем скоро выбраться отсюда, — сказала Пэтси, — куда-нибудь наружу.

Я вздрогнул.

— Ох, и воняет же здесь, — снова заговорила Пэтси, — прямо как в сточной трубе.

— Плевал я на все запахи, пока не выберусь из этого дома, — мрачно сказал Ричард. — И потом, вы же знаете обо всех убитых женщинах, не всех же он выбросил за борт. И вообще, он убил куда больше людей, чем мы догадываемся.

Я был вполне согласен с ним. До нашего проникновения в эту дверь из раскрывшихся могил в подвале возникло не меньше тринадцати или четырнадцати женщин и детей. Мы дошли до поворота туннеля и, пройдя его, оказались в ослепительно ярком свете. Он резал глаза и заставлял щуриться. Немного привыкнув к ослепляющему сиянию, я различил прямо перед собой у стены туннеля какую-то фигуру.

— Кто вы? — спросил Ричард, подымая ружье. Мы продолжали двигаться вперед.

И тут у меня появилась идея, я понял, куда мы попали и что представляет собой этот туннель.

Мы подошли достаточно близко, чтобы можно было разобрать, что перед нами стоит женщина. И еще до того, как мы смогли рассмотреть черты ее лица и детали одежды, стало понятно, что она плачет.

— Пэтси?! — позвала женщина.

Пэтси не ответила. Она крепче взялась левой рукой за мою руку, а правой — за руку Ричарда. Постепенно прояснились черты некрасивого упрямого лица. Большие черные очки. Редкие волосы. На женщине был надет бесформенный твидовый костюм, и по лицу ее не было заметно, что она так уж много плакала.

— Господи! Мэрилин Формен! — Пэтси узнала призрак.

— Убирайтесь отсюда! Убирайтесь! Вы уже мертвы, так же как и мальчик, чем дальше вы пойдете, тем будет хуже.

Пэтси застонала, склонила голову и потащила за собой меня и Ричарда.

Мы прошли мимо женщины. Она уперлась руками в бока и отодвинулась к стене туннеля, освобождая нам дорогу. Я провел рукой по ее кисти и ощутил глущий холод.

Мы оставили ее позади, и Пэтси увлекла нас вперед, таща за руки, словно мать, которая тянет за собой непослушных детей. Пэтси внезапно остановилась и ослабила хватку. Я осмотрелся. Ричард Альби сделал то же самое. Туннель был пуст.

— Вы видели эту безобразную маленькую женщину, похожую на учительницу младших классов? Она действительно советовала нам убираться назад? — спросила Пэтси.

— Да, мы видели безобразную маленькую женщину, и она действительно советовала нам убраться назад, — подтвердил Ричард.

— Господи, если мы сходим с ума, то по крайней мере вместе, — вздохнула Пэтси.

Мы сделали еще несколько шагов, и свет усилился. Пэтси отшатнулась. Мои глаза отвердели, будто их сварили вкрутую. Я сделал несколько неуверенных шагов вслепую, и когда смог наконец

открыть ноющие от боли глаза, то был счастлив, что не одинок в бредовых иллюзиях.

Казалось, что мы выбрались из туннеля и находимся в комнате с длинными книжными полками по стенам, но в ней стояла та же вонь сточной канавы. Пэтси и Ричард придвинулись ко мне. Мне казалось, что они уже знают, что это за комната. Я взглянул на ряды книг — они были знакомы мне. И так же как подвал дома Крелла, комнату переполняли горе, страх и тревога. Мы попали в одно из Гиблых Мест. Медленные капли клея капали с корешков книг. В комнате стояла жара.

— Где же мы? Что это за ужасное место? — спрашивал я себя.

Затем я заметил знакомый столик для пишущей машинки, стоящий в дальнем углу перед знакомым окном. Окно было темным. Я повернулся к Ричарду, чтобы он опроверг мою догадку, но позади его встревоженного лица я разглядел прикрепленный к книжным полкам плакат «Гленда». Мы находились в увеличенной раза в три копии моей гостиной. Гиблое Место было моей гостиной.

— Грем, — начал Ричард, — ты не...

— Не что? — проскрипел голос из дальнего конца комнаты.

Он тоже показался мне знакомым. Я повернулся, чтобы рассмотреть коренастого мужчину в двубортном костюме с темной щетиной на лице, стоящего за моим письменным столом. Он.

— Так что, ты не хочешь, чтобы твой розовый друг понял, что с ним случилось, Вильямс? Ты — грязный коммунист. А твои друзья знают об этом?

— Я никогда не был настоящим коммунистом и уж тем более грязным комму...

— Ты просто слабак, — он захохотал, — ты пьяница. Грязный пьянчуга. Ты оставил двух жен, знают ли об этом твои друзья? Знают о твоём вранье, об обманах? У меня здесь список всех ваших, мистер Вильямс, достижений как коммуниста и как бабника. Это омерзительные достижения, Вильямс, это свидетельство моральной деградации. Ты омерзителен, потому что ты слабак. Никчемный пьяный коммунистический предатель!

— Я пил — это правда, — отрешенно подтвердил я, — и жен своих я обманывал, это тоже правда, хотя и они, случалось, наставляли мне рога. Но я никого не бросал...

Небритое наглое лицо неожиданно оказалось в футе от меня:

— Слабак и предатель. — До меня доходила тошнотворная смесь запаха лука и спиртного. — Разве ты не понимаешь, что Табби Смитфилд был бы жив, если бы не ты со своими дурацкими фантазиями?

Я поднял руку, чтобы ударить по этой наглой роже. Но раньше, чем мой кулак коснулся его лица, оно превратилось в физиономию

ухмыляющегося красного Дьявола. Теперь он стал не меньше чем на два фута выше меня. Он наклонился ко мне, ухмыляясь и облизываясь раздвоенным языком. От него веяло обжигающим жаром, и я почувствовал, что Ричард тянет меня назад. Я уже не думал о том, чтобы кого-нибудь ударить, — назад, назад, только назад. И если бы я не начал переставлять ноги, то Ричард оттащил бы меня волоком. Горящий демон дотянулся до меня, его рука находилась так близко, что я мог разглядеть тысячи тысяч огоньков, из которых она состояла. Огни так тесно и плотно прижимались друг к другу, что образовывали цельное тело, плоть. Он мог бы полностью расплющить мое лицо, если бы сжал его этими руками. Но Ричард, действуя со скоростью торнадо, сумел оттолкнуть меня назад, и красные руки лишь на мгновение мелькнули передо мной. Они успели схватить мою руку, ту самую, которой я замахнулся на Дьявола. Тысячи раскаленных кинжалов вонзились в кожу, едкая кислота хлынула в мои раны. Я невольно застонал и перед тем, как погрузиться во мрак, услышал довольное хихиканье.

Мы вернулись в туннель, запах стал еще более омерзительным. Впереди вновь мерцал тусклый свет, освещающий мясистые стены коридора.

— Грем, как ты? — спросил Ричард.

Я не мог смотреть на него, по моему лицу он узнал бы правду.

— Все в порядке, — ответил я.

Что ж, это почти правда, это то, что должно быть правдой. Я понимал, что только что подошел к смерти намного ближе, чем когда-то на Кенделл Пойнт. Передо мной все еще парила огромная ухмыляющаяся красная физиономия. Один только я знал, как я испугался... так испугался, что не двинулся бы с места, если бы не Ричард. Казалось, что по той руке, до которой дотронулся монстр, проехал танк.

— Ты, правда?.. — неуверенно спросила Пэтси

— Я никогда никого не убивал. Господи, никогда. Когда-нибудь я расскажу вам историю моих браков.

Но даже сказав это, я все равно увидел перед собой скалящуюся красную рожу, увидел ее так близко, что во мне опять начал подниматься первобытный страх. Сатана! Он никогда не существовал, разве что как метафора.

Я вспомнил, что говорил в Лондоне: «Дьявол загрязняет водоемы по всей Америке».

Да, я понял. Я почувствовал, что снова могу двигаться.

— Как вы думаете, что там впереди? — задал я им вопрос.

— Мне бы не хотелось узнавать это, — сказал Ричард.

Мы шли вперед. Рука моя болела. Мы блуждали по туннелю, и наконец я увидел, что он почти исчез.

В этот раз нам не пришлось делать петлю, нас не ослепила внезапная вспышка света — не произошло ничего из того, что мы ожидали. Вместо этого туннель начал расширяться и свет постепенно становился все более ярким. Мы спускались по склону. Он тоже становился все более крутым, и мы вынуждены были замедлить движение и периодически ползли вниз на коленях. Через некоторое время туннель выровнялся, и мы попали в помещение, напоминающее огромный сводчатый зал. Здесь мы увидели первых мертвых людей.

Голые и жирные, они стояли вдоль стен этого огромного зала — старики и старухи, застывшие словно манекены. Глаза закрыты, бледно-белая кожа. Старые полусгнившие куски плоти. Среди них я заметил моих старых знакомых по пляжу Гарри и Бэйба Циммеров. Я поскорее отвел взгляд. Когда мы прошли мимо, то я увидел, что они ужасающе медленно поворачиваются мне вслед.

— О, нет! — Я увидел, что ждет нас впереди.

Повернувшись лицом к нам, у входа в зал стоял доктор Норм Хугхарт, такой же белый и такой же мертвый, как и Циммеры. Его маленькая ленинская борода сейчас обросла и выглядела запущенной. Так же как и Циммеры, он двигался так, словно плыл под водой. Внутри живота Хугхарта извивался белый толстый червь. А позади Нормы, как будто в замедленном кино, двигались тысячи мертвецов.

Мы прошли мимо Хугхарта вдоль этого страшного сборища мертвых. Мои нервы были на пределе — я не хотел никого видеть, я не хотел смотреть в их лица, я хотел только поскорее миновать это ужасное место.

Похоже, что сейчас нам не угрожала реальная опасность — мертвецы двигались так медленно, что даже я мог бы легко сбежать от них. Скорее Он хотел поиграть на наших нервах, заставить бояться, а может, и немного смягчить наши сердца. Сотни мертвецов умоляли нас спасти их — вывести наверх на поверхность земли. Мы не могли помочь, но, слыша эти мольбы и стенания, ощущали на душе тяжесть. Гидеон Винтер хотел ослабить нас жалостью, ослабить Пэтси и Ричарда, потому что со мной было почти покончено, и потом убить. Конечно же, нам было очень жаль этих несчастных. Их было столько, что протянутые к нам руки нельзя было разглядеть, так они переплелись между собой.

Посреди этого зала было установлено нечто напоминающее бассейн, заполненный серой вязкой жидкостью, над ним поднимался едкий пар. Ричард повел нас по самому краю этого страшного пруда, стараясь одновременно следить за тем, чтобы ни один из мертвецов не смог до нас добраться. Я заставлял себя передвигать ноги. Часть

меня устала настолько, что готова была все бросить и лечь прямо здесь. В нескольких футах впереди нас Ричард остановился:

— Нет, нет, нет, это неправда. — Казалось, что Ричард ведет с кем-то спор.

Я автоматически посмотрел на бассейн. К его краю подползало тело, медленно, но упрямо оно пыталось выбраться на пол. Тело было детским. А под серой мерцающей поверхностью виднелись еще сотни трупов; вот уже чья-то голова появляется над водой и старается подплыть к краю. Я узнал этого мертвеца. Я видел Леса Макклауда в проеме двери на кухне Бейтса Крелла, поэтому опознание не заняло много времени. Я перевел глаза на детское тело и мне хватило доли секунды, чтобы узнать лицо. Сердце и глаза работали одинаково быстро. Мертвое тело было телом Табби Смитфилда. Огромный белый червь уже обвился вокруг его ног, по шее ползало несколько мух.

Наконец я согласился, что существует вероятность, что Табби мертв. Жалкое маленькое тело медленно перекатилось в сторону от бассейна. Я застонал, и тусклый свет, заливающий помещение, стал красным. Тела стали корчиться от боли, белые черви раздулись и постепенно стали приобретать тот же красный оттенок, что и свет. Вокруг нас стоял стон сотен мертвецов.

Двое загородили нам путь. Я увидел рыжие волосы и узнал женщину-репортера, которая стояла рядом со мной над телом Джонни Сэйра. Сара Спрай. Один ее глаз был закрыт, и это придавало ей вид жестокого и опасного пирата.

— Вы проиграли, — прошипела она, — вы проиграли Грем, ты мертв.

Стоящий позади нее мужчина прокричал: «Мертв! Мертв!»

Что-то жирное и белое упало сверху на Пэтси и прижало ее к полу. Ричард и я замерли от этой неожиданной атаки и, казалось, простояли так несколько минут.

Я не сразу понял, что то, что свалилось на Пэтси, не было одним из раздувшихся белых червей — это было человеческое тело. В это мгновение она закричала и попыталась подняться, но мертвец придавил ее обратно к полу. Посреди его тела зияла огромная и страшная рана, от ягодиц остались лишь белые лохмотья. Пэтси вновь закричала. Я попытался оторвать его за плечо, но это было все равно, что пытаться подвинуть бетонный блок. Он поднял голову и оскалится, и я узнал Арчи Монагена. Он убивал Пэтси, а я не мог остановить его. Я вцепился ему в уши и опять попытался оттянуть назад. Я изо всех сил ударил мертвеца по голове. Но Пэтси все еще была крепко придавлена к полу.

— Отойди, Грем, — проорал Ричард. — Сколько раз повторять? Отойди!

— А? — Я наконец увидел, что Ричард целится в голову Арчи.

— В сторону! — прокричал Ричард, и я отступил назад.

Ричард нажал на курок «Парди».

Голова Арчера разлетелась на куски. Кости, внутренности, серая кожа усеяли поверхность бассейна. Тело Монагена медленно словно мертвый краб сползло с Пэтси. Ружье сверкало в руках Ричарда.

Мы помогли Пэтси подняться, и она взяла нас за руки. Вокруг все погружалось в красную темноту.

Пэтси все еще опиралась на наши руки.

— Мы должны бежать, — сказал Ричард.

Через минуту мы бежали по узкому коридору, еще более узкому, чем раньше. Пэтси и Ричард двигались впереди. Шаг Пэтси был спокойным и быстрым, но я видел, как дрожат ее руки. Запах туннеля становился все более тяжелым, повсюду начали вспыхивать маленькие языки пламени. Дверь в подвале дома Бейтса Крелла привела нас в чрево мира и в чрево зеркала. Я знал, что скоро она приведет нас и к Гидеону Винтеру. И мы трое должны знать, что следующей наступит очередь Ричарда.

VI КЕНДЕЛЛ ПОЙНТ

1

Ричард Альби всегда хорошо ориентировался, но здесь, под землей, даже он сам был удивлен собственными способностями. Когда они вышли из подвала Бейтса Крелла, то прошли через северную стену, потом сделали поворот на восток и все еще двигались в северо-восточном направлении. Их путь лежал к Кенделл Пойнт: могила Гидеона Винтера казалась неминуемым местом окончательной битвы. Но Ричард не хотел, чтобы его друзья догадывались об этом.

И Грем Вильямс, и Пэтси Макклауд словно наполовину окаменели после того, что с ними произошло. В основном этот ступор был вызван тем ужасным видением мертвого, страшного тела Табби, что предстало перед ними на краю серого бассейна. Ни Грем, ни Пэтси не выжили бы в туннеле, если бы не Ричард : когда на Пэтси упал труп, Грем только беспомощно наносил удары по голове мертвеца — он еще не пришел в себя после происшедшего с ним. Совершенно ясно, что Винтер приготовит для него, Ричарда, какую-то страшную пытку, намного более страшную, чем Главная Мертвецкая, из которой им удалось сбежать. Ричард боялся, что Пэтси не сможет помочь ему — похоже, что сейчас все ее силы уходили на то, чтобы не упасть в обморок.

Ричард не обольщался: что бы ни произошло, он может рассчитывать только на себя, да к тому же придется еще приглядывать и защищать Пэтси и Грема.

Впереди тускло мерцал свет, и Ричард ощутил, как непроизвольно напряглись мышцы. Там, впереди, его ждет испытание. Он еле удержал себя, чтобы немедленно не повернуться и не побежать обратно, назад, побежать так быстро, как он только сможет. Но они продолжали идти вперед, и свет постепенно отступал.

Пэтси взяла его под руку. Свет, не ярче детского ночника, с каждым шагом удалялся от них. Ричард покрепче прижал к себе руку Пэтси; его сердце стучало и билось о ребра, словно пойманная в силки птица. Еще один шаг вперед — и тусклый свет вновь отдалился. Ричарду пришла в голову нелепая мысль — выстрелить в это тусклое мерцание и посмотреть, что из этого получится. Светящееся пятно отступало. Где же он все-таки видел его? Часть какой-то декорации? Да, именно так. Просто декорации. Теперь свет больше не отступал от них. Стены туннеля расширились, появились неясные тени каких-то предметов. Тусклый источник света оказался

действительно детским ночником. Возле двери стояли лыжи, на стене висел выпел какого-то колледжа. Обычная мальчишеская комната, заполненная, несомненно, реальными вещами. Если он двинет ногой по тому стулу, то сильно ушибется. Если выкинет лыжи в окно, то они упадут на самую обычную лужайку перед домом. Ричард слышал знакомые звуки, доносившиеся откуда-то снизу — там хлопотали и шумели режиссер, помощники режиссера, операторы, гримеры, словом все, кто в те годы был его настоящей семьей. От окна доносился звук летнего мушиного жужжания.

Лишь на несколько секунд раньше остальных Ричард заметил два тела, что лежали, повернутые друг к другу, на широкой кровати, — Табби и Лаура. Страшные, искромсанные тела, под содранной кожей виднелись мышцы и внутренности. Господи, смогут ли Пэтси и Грем вынести это зрелище? Ричарду хотелось собственными руками прикрыть их глаза.

— О, Ричард, — воскликнула Пэтси. Он понимал, что сейчас ее больше всего тревожит его состояние.

Откуда-то появился серый кот, и Ричард вновь напрягся. Кот подошел и уставился на него немигающими желтыми глазами. А через мгновение перед ними возник Билли Бентли.

2

Ричард отошел от Пэтси и внимательно посмотрел в наглое ухмыляющееся лицо Билли.

— Ты — Гидеон Винтер, — вызывающе бросил он.

Билли еще шире улыбнулся, он явно развлекался:

— Нет еще. Я еще не он. Ты сам увидишь, братишка.

— Нам нужен Табби Смитфилд. Мне нет дела до того, кто ты такой. Но я требую, чтобы ты вернул Табби, — решительно сказал Ричард.

Билли поднял брови.

— Живым или мертвым, но ты вернешь его нам!

— Так же, как я вернул тебе твою сексуальную женушку? — прозвучал издевательский вопрос, — Значит, тебе это понравилось.

При этих словах кот открыл пасть и расхохотался женским голосом.

Что-то стукнулось о пол, прямо перед Билли: кот подпрыгнул, фыркнул и исчез, а модель аэроплана еще долго крутилась на полу, прежде чем замереть. Грем шагнул вперед и встал рядом с Ричардом. В руке Альби блеснуло старое ружье.

Билли Бентли в притворном ужасе всплеснул руками:

— О, сжался, о милосердии тебя молю, о милосердии.

— Нам нужно тело Табби. — Ричард не собирался сдаваться.

— Ну так держи его, — он великодушным жестом указал на мертвые тела на кровати, — но прежде чем ты уйдешь, с тобой очень хочет кое-кто встретиться. Ты и сам очень хочешь встретить этого человека. Чистая правда, без шуток.

— Я не хочу, — начал было Ричард, но пространство вокруг начало неожиданно меняться, расширяясь и удлинняясь, и он понял, что его желание, или, наоборот, нежелание, не имеет никакого значения. Вдалеке, освещенные точно на сцене, сидели за старинным обеденным столом мужчина и женщина. Они с нежностью смотрели на него, и Ричард против собственного желания ощутил, как его тронула их искренность и теплота. Их отношение к нему казалось настоящим. Рут Бранден действительно нежно любила его. Ему было четырнадцать, когда она умерла, и эта ранняя смерть лишила его возможности даже помнить «маму» в зрелые годы. В четырнадцать Ричард обожал ее, теперь он понимал, почему — она была красивой женщиной, умной и доброй. То была красота души, неспособной к обману. Дракон выполнил домашнее задание.

Напротив Рут Бранден сидел незнакомый мужчина, но он был незнаком лишь в формальном, терминологическом смысле этого слова. Сердцем, душой, всеми клетками тела Ричард чувствовал, инстинктивно знал, что этот коренастый человек с густыми седыми волосами — его отец Майкл Альби. У него были добрые, хотя и несколько грубоватые черты лица, и он походил то ли на моряка, то ли на незадачливого поэта. Во взгляде отца перемешались любопытство, сочувствие, насмешка и осторожность. Да, Дракон великолепно выполнил домашнее задание. Сидевший перед Ричардом человек быстро и уверенно овладевал его эмоциями. Понимая умом, что происходит, Ричард пытался противостоять этому, но сам вид Майкла лишал его сил.

Отец встал из-за стола и подошел к Ричарду. Они были одного роста.

— Папа с тобой, Ричард, папа с тобой, и теперь все и всегда будет хорошо. Брось это дурацкое ружье. Оно же все равно не заряжено, правда?

Ричарда охватили самые разные чувства; услышав собственный крик, он поразился прозвучавшей в нем злобе:

— Оставь меня в покое, убирайся отсюда к черту!

Но отец только улыбнулся в ответ:

— У тебя мои гены, мой мальчик. Сколько же в тебе моего. Это самое главное. И как-никак мы снова вместе.

Ричард старался не смотреть в ласковое усталое лицо. Рут Бранден превратилась в сидящий у стола скелет, одетый в домашнее платье и передник с оборочками. Отец и Билли Бентли медленно

приближались к нему. А ему, Ричарду, было всего лишь десять лет. У него тонкие, слабые руки, и он должен высоко задира́ть голову, чтобы взглянуть в лицо отца.

— Брось эту проклятую штуку, парень, — раздался голос Билли. — Ты что, не понимаешь? Мы вернулись. Господи, мы вернулись. И теперь мы вечно будем вместе.

Ричард чувствовал, что Пэтси и Грем стараются оттащить его назад.

— Я хочу видеть Табби, — выдавил Ричард с трудом.

Но он услышал только тонкий высокий голос десятилетнего мальчика. Он попытался поднять ружье и прицелиться, но оно казалось слишком тяжелым для рук подростка. А может и правда, оно незаряжено? Ричард беспомощно оглянулся и увидел отца. Тот смотрел на него с нежностью, как будто он впрямь гордился своим маленьким сыном.

— Что за черт, парень? Что ты тут несешь? — прошептал Билли. — Ты же знаешь, что случилось с тем мальчишкой. Ты же сам видел его на кровати.

И Ричард понял, что Табби действительно погиб. Табби погиб, все потеряно. Собственные руки слишком слабы, чтобы удержать ружье, а приклад может просто переломать плечо.

— Я тебе еще кое-что расскажу, парень. То, что ты видел там — это то, что должно было случиться с тобой в Провиденсе. Но ты сбежал, и мне пришлось поработать не с тобой, а с твоей женой.

Комната померкла, все закружилось. Ричард пошатнулся — слабые руки сжимали тяжелый меч, он попытался проткнуть им ненавистное лицо Билли. Но тот ускользнул.

— Тебе это ни к чему, — мягко сказал отец, указывая на сверкающий меч, — слишком тяжело для такого маленького мальчика.

Тяжелый металл был холоден как лед, холод обжигал пальцы. Ричард выронил меч. Зазвенев, он упал на пол. Майкл Альби засмеялся и наклонился, чтобы поднять его.

Ричард закричал и краем глаза увидел, как Пэтси Макклауд поднимает свой маленький пистолет. Перед глазами Ричарда бежали замедленные кадры кинофильма: медленно поднимается пистолет, дуло медленно направляется в лицо отца, медленно нажимают на курок пальцы Пэтси.

Ричарду показалось, что взрыв раздался у него в голове.

В груди отца появилась огромная дыра. Ричард понимал, что Пэтси спасла его. Из раны вырвались дым и языки пламени. Ричард опять стал взрослым. Из груди отца вылетел рой мух, их обволакивала струя черного дыма.

От боли и ярости отец скрежетал зубами. Ричард наклонился, чтобы поднять меч. Но как только его пальцы обхватили рукоятку,

Майкл Альби превратился в огромную кровавую волну. Она нависла над ними, замерла и через мгновение рухнула вниз; одежду, волосы, глаза и рты залила густая соленая кровь.

3

Ричард открыл глаза и сразу увидел Пэтси, которая растерянно оглядывалась по сторонам: позади нее дюжина белых елей тянула мохнатые ветки в серое небо. На каменистый берег с шумом накатывали волны, и сквозь деревья виднелась темная поверхность Саунда. Наступал прилив. Ричард стоял, поставив одну ногу на огромный камень и погрузив другую в желтый пушистый ковер сорняков. Пэтси молча разглядывала зажатый в руке пистолетик, потом резким движением отбросила его на серые валуны. Пистолет пропал из вида в густом переплетении крапивы и лопухов. Ричард чувствовал, как легкий морской ветер ласково обдувает лицо, чувствовал свежий аромат соленой воды и зеленой травы. Репейники, раскачивая коричневыми головами, цеплялись за ткань брюк.

Повернувшись, Ричард посмотрел на простирающуюся внизу долину. Она расположилась так низко, что он не мог даже рассмотреть за крутыми склонами ее дно. Довольно далеко вдали виднелось длинное белое здание с большими темными окнами, только в нескольких окошках наверху мерцали огоньки.

Грем Вильямс в грязной, запачканной одежде сидел, привалившись спиной к огромному корню дерева. Ричард взглянул на растущие за спиной Пэтси ели — они бессильно опустили ветви к земле, словно потерпев поражение в невидимой битве. Саунд глухо шуршал о каменистый берег.

— Мы на Кенделл Пойнт, — произнес Ричард.

— Да, — тяжело дыша подтвердил Грем, — и он тоже здесь. Разве вы не чувствуете это? Гидеон Винтер принес Табби сюда. Он ждет нас.

— Табби мертв, — бесцветным голосом сказала Пэтси.

— Не верю в это. Винтер хочет, чтобы мы погибли здесь все вместе, и я думаю, что он приложит максимум усилий для этого. Ведь именно потому мы и пришли сюда, верно?

— Да, — задумчиво ответил Ричард, — наверное.

— Что ж, — Грем откинулся на огромный корень, — я думаю, что очень скоро он появится перед нами.

Вильямс покрутил головой, словно ожидая, что Гидеон Винтер выйдет к нему из Саунда:

— Я испытываю к нему намного меньше почтения, чем раньше. Он ведь просто воспользовался тем, что мы сами ему дали. Он не

знает ничего, кроме того, что мы сами ему рассказали. Пэтси видит мертвецов, вот он ей и показал своего рода Хилтон, набитый мертвыми людьми. Тебе он показал «Папа с тобой». Так что и его сила похоже ограничена, не так ли?

— Ограничена? Ты и впрямь так считаешь? — голос раздался из-за спины Пэтси, откуда-то из-под высоких елей.

«Этот голос не похож на человеческий, — подумал Ричард, — совсем не похож. Слишком густой и слишком елейный». В ушах отдавался гул, как будто кто-то говорит через мощный микрофон.

— Мои дорогие дети!

Грем попытался вскочить, как только услышал первое слово. И он, и Пэтси, и Ричард замерли, вглядываясь в гигантское темное пятно, что медленно выплывало из тени самой высокой ели. Постепенно пятно обретало форму, и наконец они увидели того, кто разговаривал с ними.

Неужели это произошло? Могло ли это действительно произойти? Это было так же невозможно, как и все другое, что с ними случилось. Но сейчас обычным светлым днем они втроем стояли посреди обычного, самого что ни на есть реального пейзажа. Вначале перед ними появилось его лицо, раза в два больше человеческого, с гротескно преувеличенными чертами; оно было настолько огромным, что, казалось, являло собой настоящую карту порока: длинные острые уши, ярко-черные блестящие глаза, мощный крючковатый нос, широкий поднятый вверх подбородок и человеческий череп — по-своему это создание даже было красиво. Длинный мясистый язык извивался между толстыми изогнутыми губами. Фигура придвигалась, и вместе с ней приближалась тошнотворная вонь — смесь запаха разложения, мочи и экскрементов. Вниз от талии уходили мускулистые козлиные ноги с копытами. Табби Смитфилд беспомощно висел на плече монстра. Дьявол рассмеялся, взглянув на их ошеломленные лица, и отставил одну из ног в сторону. Мощная струя жидкости обрушилась на высокую траву, образовав ручейки; в моче монстра плавали тысячи маленьких подвижных существ, но Ричард не хотел смотреть на них — он не мог отвести глаз от Табби.

Пэтси Макклауд послала безмолвный крик (*Табби! Табби!*), но в ответ доносилась лишь холодная пустота, которую она одновременно и ожидала, и боялась.

— Отдай его нам! — неожиданно прокричал Грем.

Дьявольское создание хитро покосилось на него, сняло тело Табби с плеча и одной рукой перекинуло мальчика на коричневый маленький холм.

— Как хотите. — Дьявол начал медленно двигаться по направлению к ним.

Внезапно вновь потемнело, точно так же, как когда они ступили на Пур Фокс-роад. Дьявол, хихикая, подходил все ближе и ближе. Грем, Пэтси и Ричард бросились к застывшему телу мальчика. И в ту же минуту на их пути вскипели высокие волны и с шумом и грохотом обрушились на каменистое побережье Кенделл Пойнт. Огромная бесформенная масса закрыла небо. Ричард полез в карман за патронами от ружья, но не нашел ни одного — видимо, они потерялись где-то в туннеле. Надеясь на чудо, как еще назвать то, что произошло с ним перед Билли Бенгли, он поднял «Парди» вверх. Но ружье отказалось превращаться даже в бойскаутский нож, не говоря уже о мече.

Пэтси и Грем опустили около Табби на колени. Грем осторожно перевернул мальчика на спину. Пэтси вновь попыталась мысленно связаться с Тобби и на этот раз поняла, что он без сознания.

(...)

— Господи, он жив, — она произнесла это так быстро, что предложение превратилось в одно длинное слово, и громко расплакалась.

— Конечно, — спокойно подтвердил Грем, но и у него глаза подозрительно увлажнились.

— Смотрите, — прокричал неожиданно Ричард, — смотрите, что происходит!

В лунном свете расплывчатый огромный силуэт Дьявола начал изменяться. Козлиное тело росло, вытягивалось вверх, в темных сорняках прошуршал массивный лысый хвост. Даже Пэтси, полностью поглощенная Табби, посмотрела вверх: она увидела странную голову с длинными смертоносными челюстями, напоминающую голову огромной рептилии, злобные глубоко поставленные маленькие глазки... Она уже видела такое... Дороти Бах в «Истории Патчина»... в гостиной Грема.

Дракон? Какой... Дракон, Пэтси? — Грудная клетка Табби двигалась, он начинал дышать, но глаза приоткрылись еле-еле — только Пэтси разглядела эту крохотную щелочку.

— Какой?

— Дракон, — проговорил Ричард, как будто слышал мысленные переговоры Пэтси и Табби. — Какого черта...

Позади с треском упала одна из елей — словно чья-то невидимая гигантская рука выдернула ее из земли. Земля задрожала.

— Двигаемся, — приказал Ричард. Упало еще одно дерево, и они ощутили мощный толчок. Ричард опустился на колени и подхватил Табби. Мальчик лишь что-то сонно пробормотал.

Глубокий разлом пропорол землю, раздался свистящий звук падающей в щель земли — трещина неумолимо приближалась к ним. Сбоку, футах в пятнадцати от себя, Ричард заметил круглый куст диких рододендронов, что рос на крутом отвесном склоне.

— Прыгай! — прокричал позади него Грем, и он наконец решился, буквально за несколько мгновений до того, как земля разверзлась перед ним.

Ричард пробежался и вместе с Табби совершил самый дальний прыжок в своей жизни. Коснувшись земли, Ричард не удержал равновесие и упал на колени. Они с Табби лежали на серой каменистой земле. Он повернул голову назад и увидел, как огромная расщелина поглотила несколько елей.

— Ты хочешь меня убить, Ричард? — прошептал Табби.

Ричард крепко прижал его к груди.

Из глубокого разлома вылетела длинная стрела пламени, прорезала гущу деревьев, и через мгновение повсюду полыхал огонь. Табби вновь прикрыл глаза и заснул, как маленький ребенок, положив голову на плечо Ричарда.

Осторожно оглябая языки пламени, к ним пробирались Пэтси и Грем. Грем присел рядом, а Пэтси забрала мальчика к себе на колени. Что-то холодное и гладкое коснулось ладони Ричарда, он вздрогнул — в руке поблескивало «Парди».

— Я не знаю, что сказать тебе — произнес старик, — но ты понимаешь, что мы должны делать, если хотим когда-нибудь выбраться отсюда.

— Да, понимаю. Мы должны убить его. Мы должны спуститься в долину и уничтожить его. Но как, черт побери, сделать это?

— Я думал, что ты спросишь что-нибудь полегче, — ответил Грем.

В раздумье Ричард поднялся и медленно пошел по направлению к маленькой Долине Дракона: размахивая ружьем, словно мечом, он не проживет и пяти секунд. Дракон просто дохнет на него, и сначала кожа Ричарда покраснеет, потом почернеет, а потом просто не останется ни волос, ни глаз. И тогда Дракон примется за Пэтси, Грема и Табби. Из этого получились бы очень интересные некрологи для «Таймс», разве только мы не уьем того, о ком «Таймс» вряд ли вообще когда-нибудь узнает, подумал он.

— Я понимаю, что это необходимо, но я просто хочу знать, как это сделать, — продолжал Ричард.

Грем кивнул.

— Черт... Как Табби?

Пэтси осторожно положила мальчика на землю:

— Ему немного лучше.

Ричард увидел светлое радостное лицо женщины и на мгновение позавидовал Табби Смитфилду — он бы и сам не прочь был оказаться в этих объятиях и увидеть обращенную к себе нежную улыбку. Пэтси взглянула на него, и Ричард ощутил странное чувство удовольствия, грусти и радости, как будто она могла так же легко услышать его мысли, как и мысли мальчика.

— Что же нам делать? — спросил он вновь.

Над ними пролетела огромная Огненная летучая мышь — запылали свечи еще нескольких елей.

— Я думаю, что Табби не следует спать, — сказал Ричард.

— Я постараюсь что-нибудь придумать. Я думаю, что попрошу его спеть, — ответила Пэтси.

— Спеть? Что спеть?

— То, что ему захочется.

Огненные стрелы упали совсем рядом.

— Почему бы нет? — Ричард неожиданно ощутил тяжесть меча, который он когда-то нес на руках. — Попробуй, попробуй, Пэтси.

Пэтси приблизила рот к уху Табби и прошептала:

— Спой нам, Табби. Спой первую песенку, что придет тебе в голову... и мы подпоем тебе.

— Надо надеяться, что это не будет рок-н-ролл, — проворчал Грем.

— Не имеет значения, — ответил Ричард.

— Спой нам, Табби, — снова шепнула Пэтси.

В этот момент, как позднее рассказывал Табби, что-то давно забытое всплыло из глубин памяти — старая детская песенка времен его жизни на Маунт-авеню. Ее пела ему в далеком детстве мать, пела задолго до всех страшных событий: Табби Смитфилд был тогда маленьким мальчиком и была у него тогда прелестная мама, играющий в теннис отец и любящий дед. Табби не подозревал, какие ассоциации вызовет этот напев у Ричарда Альби, он просто снова оказался в детстве, в старом доме деда.

Сначала еле слышно, а потом все громче Табби запел песенку из сериала «Папа с тобой»:

*Когда сквор-сквор-скворчишка
Прилетит в свой домишко
к нашему окну*

Ричард вздрогнул и впился глазами в лицо мальчика. Грем Вильямс закончил удивительно низким басом:

*Перестанешь ты рыдать
Лишь начнет он напевать
песенку веселую свою*

Спокойно лежащее на коленях Ричарда ружье внезапно задрожало, как попавшая в сети птица, и ему пришлось крепко сжать его, чтобы оно не упало. Звонкий голос Пэтси присоединился к остальным:

...Ты проснись, проснись, засоня.

В те годы, когда он участвовал в сериале «Папа с тобой», Ричард никогда особенно не любил эту песню, ему никогда не была понятна ее простая, незатейливая лиричность. Но он присоединился к хору:

...Солнце красное встает

В воображении Ричарда возникла Пур Фокс-роад. Ружье неожиданно ярко сверкнуло.

— Вы просто гений, Пэтси! Как вы догадались? — воскликнул Ричард.

— Это могло быть что угодно. Неважно что, главное, чтобы мы делали это вместе, — произнес Грем.

— Давайте продолжим. Не останавливайтесь! — Пэтси посмотрела на Табби. — Громче, Табби! Давай!

И вновь, припоминая забытые строки, они вчетвером запели простую детскую песенку:

*Когда сквор-сквор-скворчишка
Прилетит в свой домишко
к нашему окну
Перестанешь ты рыдать
Лишь начнет он напевать
песенку веселую свою
Ты проснись, проснись, засоня
Вон скворец уже поет
Одевайся, умывайся
Солнце красное встает*

Ричард встал, внимательно прислушиваясь к звенящим словам. В его руках сверкал огромный тяжелый меч. Он не заметил, происшедшей замены, не заметил как исчезло старое «Парди». Во рту у него пересохло. Он громко повторил вслух: «Засоня». Голоса остальных продолжали напевать песенку, но вскоре умолкли. Перед ними маячило, совсем как гигантский пес во дворе Грема, огромное темное создание.

Ричард двинулся ему навстречу. У него за спиной звучал одинокий голос Пэтси:

*Та-ра-ра-та ра-ра-рам
Я тихо иду по лугам
Блестят под дождем цветы
Идут за часами часы*

Долина изменилась. Глубокий разлом в земле напоминал теперь пещеру, усеянную листьями. Впервые у Ричарда появилась надежда на то, что хоть кто-нибудь из них выберется с Кенделл Пойнт живым.

...И снова как в детстве пою, —

вторили друг другу Пэтси и Табби, —

я песню простую свою.

4

Не переставая петь, Пэтси встала и внимательно следила теперь за тем, как Ричард приближался к пещере Дракона. Ее до боли трогала та простая уверенность, с какой он приближался к страшному месту. Как будто он собирается просто проверить кормушки для птиц. С таким же спокойным, деловитым видом он, наверное, шагнул бы даже на виселицу. Она знала, что он не будет оглядываться. Ричард прошел между двумя огромными валунами, отмечающими вход в пещеру, и действительно не оглянулся. Он начал спускаться вниз по склону. Пэтси неожиданно услышала обращенные к ней мысли Ричарда. Несколько мгновений назад она уже испытала это, когда укачивала на руках Табби. Она понимала, что ему безумно хочется оглянуться и взглянуть на них еще хоть раз. Только присутствие Табби удержало ее от слез.

Пэтси старалась думать только о песне. Ей было так страшно, она так волновалась за Ричарда, что пение служило своего рода терапией. Пэтси старалась взять себя в руки, и пока ей удалось не сорваться в истерику, но сдержатъ дрожь она уже не могла. А после того как она услышала мысли Ричарда, Пэтси с трудом могла управлять собственными эмоциями.

Она обняла Табби за плечи. Меч сверкал в руках Ричарда и вместе с ним погружался все дальше в мрак пещеры. Еле слышный голос Грема прямо пел:

Ты вставай, вставай, засоня

Пэтси дрожала все сильнее, по рукам и коленям побежали мурашки.

— Я не вынесу этого, — простонал Табби.

Пэтси посмотрела на небо и обнаружила, что то, что она принимала за две луны, на самом деле было солнцем и луной.

Красное солнце и белая луна. Их собиралась поглотить огромная кроваво-красная пасть.

Живи, люби и смейся. И счастлив будь...

И все они навсегда исчезнут из этого мира.

— Я иду с ним, — решил Табби, — я просто не в силах терпеть все это здесь.

— Ты еще очень слаб, мой мальчик, — сказал Грем.

— Нет, я в порядке, — возразил Табби, — и потом мне здесь просто нелегко. Я иду с Ричардом.

Он сделал несколько шагов и оглянулся на Пэтси:

Я должен!

Ох, Табби...

Табби решительно зашагал к валунам. Из пещеры доносилось ворчание и глухой рев. Разве Дракон не предупреждал их не заходить слишком далеко? Еще в ту первую ночь в доме Грема?

— Я должна идти с ним, — Пэтси беспокойно посмотрела на Грема. Потом открыла рот, чтобы еще что-то добавить, но передумала. Все уже обговорено, все сказано. К чему повторяться?

Рядом с Гремом она чувствовала себя в безопасности. Как тяжело заставить себя встать и отойти от него. Но она поднялась и пошла следом за Табби. Первые шаги давались с трудом, но потом она даже смогла побежать.

— К черту все! А что же я?! Я присоединяюсь к компании. И уж никто не упрекнет меня в медлительности, — решил Грем.

Табби замедлил шаг и ждал их, засунув руки глубоко в карманы брюк.

— Ох, как хорошо, — с облегчением выдохнул мальчик.

Они подошли к валунам и ощутили страшный жар. Пэтси дотронулась до одного из камней — от него исходило обжигающее тепло. Половину насыпи, ведущей к темному входу, охватил огонь. Горел маленький колючий кустарник, казалось, что земля цветет языками пламени. Ричард Альби был едва виден в глубине спуска в пещеру. Он словно пробирался сквозь огонь.

Из пещеры валил серо-белый дым; Пэтси заметила, что Ричард на мгновение заколебался, но потом упрямо двинулся вперед.

Табби прыгнул на кромку насыпи и, поскользнувшись, полупробежал-полупроехал пять-шесть футов вниз; осыпающийся гравий и куски засохшей земли тонули в широкой ленте огня. Грем немедленно последовал за мальчиком, но он двигался медленнее и осторожнее, тщательно выбирая место для каждого следующего шага.

Раскинув для равновесия в обе стороны руки, Пэтси шла по самой кромке. Она делала маленькие шажки, стараясь закрепить в насыпи левой ногой, а правой спускаясь на шесть-семь дюймов вниз. Когда

мелкие камешки и песок сыпались из-под ног, Пэтси вздрагивала и на мгновение останавливалась. Из пещеры повалили новые клубы дыма. Но теперь дым не рассеивался и не поднимался вверх. Создавалось впечатление, что он вполне осмысленно надвигается на них, преследуя свою неведомую цель. Пэтси задрожала, словно она стояла на пронизывающем ветру, и сделала еще один осторожный шаг вниз.

— О, черт! — Грем поскользнулся и, потеряв равновесие, рухнул вниз, увлекая за собой поток грязи и мелких камней.

Внутри дымового облака появилось нечто огромное и многорукое — беспрестанно двигаясь и грохоча, оно извергало все новые и новые клубы белого дыма. В то мгновение, когда Пэтси решила позвать остальных, облако распалось на две части и появившийся из него черный туман заполнил пространство. Черный туман непрерывно двигался. Отдельные его части, величиной с небольших птиц, появлялись, исчезали и возникали вновь. Казалось, что черное облако поглотило тысячи существ. Пэтси рассмотрела кожистые перепончатые крылья и содрогнулась, представив тысячи летучих мышей. Вьющаяся, скрежещущая стайка тварей кружилась над большим камнем, на его поверхности немедленно зажглось жидкое пламя, образуя мощный желтоватый поток, который, стекая, направлялся дальше, в глубь пещеры.

Летучие мыши приближались, стали видны острые коготки, змеиные длинные шеи. Это были детеныши Дракона — детеныши Дракона. Не летучие мыши.

Все будет в порядке, — успокоил ее Табби.

Ты уж больше не умирай...

Только сейчас Пэтси поняла, что дрожь вызвана страхом лишь отчасти. К этому примешивались торжество, радость, ликование от того, что Табби остался жив после похищения Гидеоном Винтером. Пэтси не отдавала себе отчет, что с тех пор, как Табби открыл глаза, его мысли превратились и в ее мысли. Не мысленные послания, которыми они обменивались и до того, а именно мысли. Все, о чем он думал, молнией проносилось в ее сознании. А совместное пение еще больше сблизило их.

Пэтси начала петь. Она пела очень тихо и неуверенно. С одной стороны, она не могла не чувствовать глупости такого поступка — петь среди огня, бушующего у входа в пещеру чудовища. В подобной ситуации женщине полагается терпеливо ждать, когда ее спасут.

Но разве не так поступала она все время своего замужества, когда Лес становился все более ожесточенным и ненадежным, все более опьяненным своими успехами? Она просто молча ждала, когда ее спасут.

До Пэтси донесся встревоженный, испуганный, но все еще упорный поток мыслей: по стилю, по тональности она узнала голос Грема Вильямса. То ли он сам думал без слов, то ли она не улавливала их. Но все было понятно и без слов:

*Когда сквор-сквор-скворчишка
Прилетит в свой домишко
к нашему окну*

Ее высокий чистый голос улетал ввысь, с каждым словом он становился все сильнее. Пятью футами ниже по склону Грем Вильямс удивленно и раздраженно взглянул на Пэтси. Он старался быть как можно незаметнее и двигаться как можно тише. Грем считал, что единственным оружием, кроме меча, является неожиданность появления. Песня Пэтси служила объявлением Гидеону Винтеру о том, что они четверо ждут у входа в пещеру.

*Перестанешь ты рыдать
Лишь начнет он напевать
Песенку веселую свою*

По мере того как голос Пэтси становился громче, Грем чувствовал себя уверенней и крепче. Голос будто физически поддерживал его. Он с легкостью, как в молодости, прошел несколько футов. Грем ощущал, что в эти мгновения рушатся барьеры — барьеры пола и возраста, красоты и безобразия, барьеры совершенно разного жизненного опыта — потому что Пэтси была рядом с ним.

И Грем первым из всех понял: что бы не совершил мечом Ричард, спасет их именно Пэтси.

Пой, Табби, пой, — послала она молчаливую просьбу, и в ту же секунду мальчик подхватил песню.

Теперь Пэтси слышала всех. Немузыкальное гудение Грема, поток тревожных мыслей Ричарда, чистый голос Табби. Темная туча детенышей Дракона устремилась ей навстречу, но не долетев трех-четырех футов до вершины холма, сделала круг и унеслась прочь.

Пэтси поняла, что дело заключалось не в самой песне, — важен был сам факт совместного пения, именно он продемонстрировал Дракону их могущество. Она произнесла вслух:

— Живи, люби и смейся. И счастливым будь.

Пэтси прошла примерно половину склона, когда она заметила, что Ричард подошел вплотную к входу в пещеру. Она остановилась, внимательно наблюдая за ним и пытаясь одновременно принять наилучшее решение, которое ей позволяли сделать талант и энер-

гия. Пэтси ощущала себя гигантской сетью — она должна подхватить и спасти друзей, если они упадут. Пэтси слышала их мысли, их голоса.

Внезапно запах дыма, горящих растений, расплавленной смолы сменился запахом рыбы.

Рядом с ней возник обнаженный чернобородый мужчина. Он улыбался, но эту улыбку никак нельзя было назвать приятной. Огромный шрам рассекал его живот. Запах рыбы исходил от него и, казалось, пропитал каждую клеточку тела. Пэтси ощутила исходящую от него волну страсти: мрачная, извращенная страсть, но от этого еще более властная.

За грозной фигурой Бейтса Крелла у самого входа в пещеру появилась рогатая голова Дракона.

Улыбка Крелла превратилась в еще менее приятную, глаза мрачно блеснули. Черные, с зеленым отливом, с красными прожилками пронзительные глаза. Воздух содрогнулся, и перед Пэтси возник трехфутовый столб пламени, в котором покачивалась голова Дракона. Бейтс Крелл исчез, но вылезший из пещеры Дракон смотрел на Пэтси его черными глазами.

— Когда сквор... — слова замерли на губах. Пэтси слишком испугалась, чтобы петь, да и все остальные примолкли в ее сознании. Дракон приближался.

— Сквор... скворчишка, — прозвенел голос Табби.

А потом раздалось и монотонное гудение Грема, наполовину крик, наполовину пение:

— Прилетит в свой домишко...

Она услышала и голос Ричарда.

Дракон отдернул голову, и в этот момент маленькое крылатое тельце упало с неба к ее ногам. Детеныш Дракона. Он сложил крылья и прополз несколько дюймов по склону. Содрогаясь от отвращения, Пэтси подошла поближе. Он был не больше мыши. Она подняла ногу и опустила ее на маленького Дракончика. Раздался хруст, словно от раздавленного таракана

— Перестанешь ты рыдать, — простонал Табби, — как начнет он напевать...

Их голоса стремились к ней и сливались воедино. Перед Пэтси внезапно возникло видение: они с Табби стоят перед старым домом Смитфилдов. Ничего загадочного. То испытание, которому подверглась она, увидев Бейтса Крелла, грозит сейчас кому-то из друзей. Пэтси оглянулась. Ричард Альби. Только какие-то двадцать футов отделяли его от Дракона.

Сознание Пэтси открылось для всех. Она расправила крылья — огромные, намного большие, чем у Огненной летучей мыши. Пэтси словно распахнула тело, она чувствовала каждую мышцу, каждый

сосуд на коже. Когда-то от скуки и тоски она составила список мужчин, близость с которыми была бы ей приятна. Но сейчас из всех мужчин мира для нее существовали только Ричард Альби, Грем Вильямс и Табби Смитфилд. Только их могла она укрыть под своими крыльями.

Детеныши Дракона падали на землю вокруг Пэтси, и она неустанно давила их, но они продолжали падать и падать, совсем как птицы в начале этого страшного лета.

Когда она наступала на них, они вспыхивали, рассыпая искры огня и клубы дыма.

5

Ричард стоял в двадцати футах от входа в пещеру. Пение Пэтси раздавалось в сознании еще громче прежнего. Это не был обычный голос — так звучало его собственное сердце, так стучала кровь в сосудах. Перед ним закачалась огромная зеленовато-серая голова Дракона. Ричард отчетливо слышал издаваемое им урчание и глухие удары, с которыми падали на землю детеныши.

Альби поднял меч, пытаясь рассчитать, удастся ли ему подойти поближе и подобраться к длинной шее твари до того, как она придет в себя после первого удара.

— Ричард... Ричард...

Пэтси вошла в голову, тело, сердце, ребра, легкие, глаза и руки Ричарда. Голос звучал в его мозгу, ее чувства стали его чувствами. Ричарду казалось, что еще немного, и он сможет полететь — Пэтси освободила его от земного притяжения.

Ричард заметил двух упавших с неба Дракончиков, похожих на умирающих летучих мышей, но при этом он не мог понять, чьими глазами он смотрит на них — своими или ее.

Еще один детеныш величиной с белку с звуком разорвавшегося бумажного пакета упал к его ногам, вспыхнуло пламя, от коричневой шкурки пошел дым. Грем Вильямс и Табби Смитфилд, напевая дурацкую песенку, стояли у входа в пещеру. Дракончика у ног Ричарда окутало толстое облако дыма, оттуда доносились писк и поскуливание.

Меч в руке Ричарда отсвечивал золотом, а рукоятка согревала руку. Дыхание Пэтси расширяло легкие. Табби и Грема окружало золотисто-красное сияние, исходившее от меча.

На валун упал маленький Дракончик и распался на пылающие части.

Грем успел подумать: «Этого не может быть», как тяжелое огромное тело Дракона закрыло вход в пещеру, а немигающие глаза

остановились на Ричарде. Длинная пасть распахнулась. Ричард отскочил в сторону, нога попала во что-то скользкое и горячее. Его преследовал взгляд немигающих глаз.

На мгновение Ричард застыл от непереносимого ужаса, но дыхание Пэтси вновь наполнило легкие, и он выкрикнул:

— Перестанешь ты рыдать...

Он забыл слова, забыл их порядок в песенке. Перед ним в розовой комнате стояла обнаженная Пэтси, а позади нее обнаженная Лаура. Лаура с маленьким прелестным животом беременной женщины.

Отовсюду до Ричарда доносился женский смех. Он с трудом произнес:

— Вставай, засоня...

И поднял меч.

Земля содрогнулась. Между камнями забили черные фонтаны воды. Смесь жидкой грязи и камней хлынула вниз по склону холма. Ричард пошел прямо на застывшего Дракона. В голове крутились слова: «Вставай, вставай, засоня». Валуны, словно маленькие плотины, задерживали вонючую жидкость. По-прежнему отовсюду звучал женский смех, но Ричард ясно сознавал, что это не опасно. Он знал, что эта черная мерзость из гроба Эммы Бовари. Они с Лаурой так и не дочитали эту книгу, среди тысячи других недочитанных книг и недоделанных дел. На Ричарда надвинулась высокая стена пламени. Но он смело устремился вперед — оно бессильно помешать ему.

Остальные видели только шагающего прямо на Дракона Ричарда Альби, шагающего сквозь пылающую завесу пламени так, будто ее просто не было, будто на нем был одет огнеупорный костюм. Они видели, как он взмахнул мечом в глубине огненного столба, они слышали, как он закричал:

— Вставай, засоня!

И опустил меч.

Ричард не слышал — он не отдавал себе отчета в том, что произнес. Шумное разъяренное дыхание Дракона оглушало его. Зубы зверя походили на железные копыя, от него воняло смертью и разложением. Ричард все ближе подбирался к мерзкой твари, и наконец меч вонзился в серо-зеленую плоть. Из небольшой раны полыхнуло пламя, и Дракон с рычанием отпрянул назад. Ричард опять приблизился, но на этот раз огромные челюсти едва не захватили его. Альби успел всадить меч в разинутую пасть. Вытащив его, он отпрыгнул в сторону, еле успев уклониться от стремительного выпада Дракона. На этот раз он вонзил оружие в нижнюю челюсть зверя. Тварь застонала от боли и снова бросилась вперед. На этот раз Ричард отступил и (как много раз представлял в воображении)

поднял меч и вогнал его глубоко в глотку Дракона. Целая река пламени вырвалась из его пасти.

Разъяренный, изнемогающий от боли зверь метнулся вперед, к Ричарду, но он схватил меч обеими руками, собрал воедино всю силу мышц и вложил ее в самый сильный удар в своей жизни — он опустил меч чуть ниже изгиба длинной мощной шеи. Жидкое пламя опалило руки, он зажмурил глаза. Когда Ричард открыл их, Дракон уже не существовал — на его месте бушевал столб, нет, гора огня.

Ричард попятился назад и выронил меч, на землю упало старенькое «Парди». Очень устало он произнес:

— Ты вставай, вставай...

И упал на колени.

6

Табби и Грем, дрожа от волнения, пробирались между камнями. Ричард стоял на коленях с низко опущенной головой.

— Ричард? — голос Грема был полон тревоги.

Ричард вздрогнул. Он даже не мог заставить себя поднять на них глаза.

— С тобой все в порядке? — спросил Табби.

— Нет, — еле слышно ответил Ричард.

— Ричард, вы сделали это, — Грем старался, чтобы голос звучал спокойно.

— Что я сделал? — Ричард похоже обращался к камню.

— Я скажу вам что. Вернее нет, лучше покажу. Только подымите глаза, — взволнованно сказал Грем.

Ричард медленно поднял голову. Казалось, он не вполне сознает, где находится, лицо выглядело старше лет на пятнадцать. Длинные морщины пролегли на щеках, он был смертельно бледен и, не переставая, дрожал.

— Снова наступил день. — Только теперь все заметили, что в небе сияет солнце.

Ричард провел дрожащей рукой по лбу:

— Надеюсь, что выгляжу не хуже вас, мальчики? Что вы тут хотели мне показать?

— О, кто идет, — немного застенчиво и нервно проговорил Грем.

По склону спускалась Пэтси. Табби покачивался, словно в гипнотическом сне. Грем помог Ричарду подняться. Пэтси почти одолела спуск, но споткнулась и галька, осколки камней, комья земли с гранитом посыпались из-под ног. Она покраснела.

— Ох, Пэтси, как вы? — Табби попытался заговорить с ней только их собственным мысленным способом, но его мысли больше

не передавались ей. Он послал ей приветствие, но тут же почувствовал, что оно не принято. Эта способность изменила им.

Земля под ногами задрожала, но они не замечали этого.

— Я хочу, чтобы вы увидели... — дрожащий голос Грема не успел договорить.

— Держите меня! — закричала Пэтси и протянула им руки.

Все четверо они обняли друг друга, и теперь никто из мужчин не мог избежать чувства, что он *принадлежит* Пэтси Макклауд, что он превратился в часть ее существа. Наконец Пэтси отступила назад, и их руки разомкнулись.

— Что вы хотели показать мне, Грем, дорогой?

Грем покраснел. Он показал на расщелину в скале, где находилось убежище Дракона. Она исчезла, исчезли и маленькие Дракончики. На склоне холма лежал небольшой скелет. Ноги, короткие и деформированные, были раскинута в стороны, череп, непомерно большой и длинный, казалось, предназначался другому телу. На темени и затылке виднелись четыре дыры величиной с монетку.

Камни под ногами отчетливо зашатались, сначала в одну сторону, потом в другую. Земля опять содрогнулась, и с дальнего конца Кенделл Пойнт раздался грохот. Мелкие и крупные камни катились вниз с вершины холма.

Пэтси первой посмотрела наверх. Ричард схватил ее за руки и потянул к вершине. Он был уверен, что Грем и Табби следуют за ними. Он вытащил Пэтси на дорогу и, убедившись, что она в безопасности, сказал:

— Ждите здесь.

Он повернулся, чтобы помочь Грему. Взглянув на Кенделл Пойнт сверху, он увидел, что большая часть мыса откололась и ушла в залив Лонг-Айленд. Ричард торопливо сбежал по склону и наткнулся на Табби Смитфилда, который практически тащил Грема на себе. Ричард взял старика под руку с другой стороны, и они бесцеремонно поволокли его наверх.

— Тысяча благодарностей, — задыхаясь, повторял Грем.

Они присоединились к Пэтси, и все вместе следили за тем, как исчезал Кенделл Пойнт. Землю взрывали все новые трещины. Огромные валуны, из-за которых появился Дракон, с грохотом упали в воду. Стволы безумно раскачивающихся сосен трещали; при очередном толчке они исчезли, провалившись в глубокую расщелину. Скелет Гидсона Винтера содрогался на склоне холма — руки и ноги двигались, как живые. Скелет на мгновение задержался на обрыве и через секунду скатился в воду. Рухнувшая вслед за ним скала навсегда погребла его под обломками.

Трещина в земле углублялась и постепенно приближалась к ним. Они торопливо отбежали к дальнему повороту дороги.

— Господи! — Табби махнул в сторону длинного белого здания, стоявшего в начале Кенделл Пойнт.

Трещина с нарастающей скоростью захватывала все большее пространство, еще немного, и она подобрется к дому. Густая пыль заволокла задний двор — с шумом и треском рухнула стена дома. Сам дом слегка накренился вперед, потом вбок — раздался скрежет ломающихся труб, грохот кирпичей, скрип досок. В распахнувшиеся настежь двери выбежали три молодые женщины и четверо или пятеро мужчин. Двое из них держали в руках пивные бутылки. Маленькая испуганная компания добежала до середины дороги и замерла, наблюдая за тем, как рушится дом.

Упавшие стены открыли для обозрения паркетный пол и изогнутый бар из полированного дерева. В одной из комнат верхнего этажа из стороны в сторону раскачивался желтый абажур — как будто им играл шаловливый ребенок. Потом дом застонал, и тысячи деревянных досок выскочили из пазов; строение рухнуло и пропало в поглотившем его разломе.

Избежавшие гибели люди обернулись к четырем друзьям. Одна из женщин и двое мужчин двинулись по направлению к ним. В первый раз Табби, Пэтси, Ричард и Грем увидели на лицах то удивление и восхищение, которое позже стало для них привычным.

— Господи! — Один из мужчин повернулся.

Маленькие домишки, что стояли неподалеку от белого здания, подпрыгивали, словно заводные игрушки. От них отваливались куски крыш и стен. Расширяющийся разлом, в котором исчез белый дом, подталкивал их к полоске песка, которая когда-то была пляжем, а потом дальше в воду.

С другого края Кенделл Пойнт, от Гринбанка и Маунт-авеню, донеслась серия звуков, которая свидетельствовала о том, что еще несколько домов встретили преждевременную смерть. Камни, дерево, стекло — все скрипело и скрежетало, распадалось и ломалось. Болты и скрепы, рассчитанные на сотни лет, выпадали и лопались. Трещала мебель, бился кафель, изгибалось железо, разбивался фарфор.

И вдруг все прекратилось. Настала блаженная тишина, нарушаемая только шорохом набегающих на песок волн. Несколько камней скатилось по склону.

Группа из бара откровенно разглядывала Ричарда и с благоговением смотрела на Пэтси.

— Ну что ж, пошли домой, — сказал Грем.

Табби спросил у него, не разрушен ли и Гринбанк.

— Скоро узнаем. Давайте держаться вместе, когда будем проходить мимо тех людей.

Они втроем окружили Пэтси и двинулись вперед. Никто даже не попытался с ними заговорить, но они ощутили смущение, охватившее компанию из бара.

Когда с левой стороны склона на дорогу вышел Бобо Фарнсворт, они остановились.

7

Бобо остановился в шести футах от дороги. Голубая форма заляпана грязью, одна из брючин промокла и прилипла к ноге. Он казался немного смущенным, как будто был не совсем уверен в том, можно ли подойти к этой четверке. Бобо взглянул на Пэтси, потом на Ричарда, потом опять на Пэтси.

— Я хотел увидеть вас, — наконец проговорил он.

Неуверенность, написанная на его лице, странным образом сочеталась со страдальческим выражением. Он опять внимательно посмотрел на Пэтси Макклауд и, словно извиняясь, подошел поближе.

— Что случилось, Бобо? — спросил Ричард.

Стоящие перед молчаливым Бобо люди хотели одного — чтобы он поскорее объяснился и ушел. Каждый из них искренне любил этого высокого полицейского и в другое время был бы рад его компании. Но только не сейчас, когда изможденные, взволнованные они спешили уединиться после пережитых на Кенделл Пойнт событий: так обособлены и замкнуты бывают влюбленные. Бобо Фарнсворт сейчас вторгнулся в чужой мир. Пэтси, Грем, Ричард и Табби мечтали поскорее собраться в одной комнате и крепче закрыть за собой дверь.

— У меня закончился бензин, а сейчас его не найти во всем городе... Машина осталась довольно далеко отсюда, но я подумал, что смогу добраться пешком. Я бежал с середины Маунт-авеню и весь путь через Хиллхэвен, чтобы попасть сюда. — Он вновь бросил взгляд на Пэтси. — Не спрашивайте меня как, но я знал, что вы все придете сюда... и подумал, что должен быть с вами... — Неожиданно он прижал ладони к глазам. — Я думаю, что Ронни умирает. Может быть, она уже мертва. Вчера вечером я знал, что она почти умерла. — Бобо оторвал руки от лица. — Сегодня утром она сказала, чтобы я ушел. Она не хочет, чтобы я оставался с ней.

Бобо внимательно рассматривал гравий на дороге, пытаясь скрыть страдальческое выражение лица.

— Я боюсь возвращаться к ней. Я не выдержу, если приду и застану ее мертвой.

— Я думаю, вы обнаружите, что ей легче, — успокоил его Грем. — Я уверен в этом. И я думаю, что она будет рада видеть вас.

Это оказалось верным на пятьдесят процентов.

— Вы так думаете? — переспросил Бобо.

— Я же сказал вам.

Полицейский кивнул. И очень серьезно сказал:

— Спасибо вам. Спасибо за все, я имею в виду.

Никто из них не отвечал. Бобо немного отступил и предложил:

— Что ж, я думаю, мы вернемся обратно вместе.

— Если вы не против, — вежливо ответил Ричард.

В молчании они дошли до Маунт-авеню. Бобо все время шагал быстрее, он несколько раз оборачивался и останавливался, поджидая четверку.

— Вы можете идти вперед, Бобо, — предложил Грем, — мы понимаем, что вам не терпится вернуться к Ронни.

— Нет, я лучше пойду с вами, — спокойно ответил Бобо.

К тому времени, когда они добрались до хиллхэвенского пляжа, Ричард практически нес Табби на руках. Грем и Пэтси, поддерживая друг друга под руки, с целеустремленностью автоматов шагали по Бич-трэйл. Никто из них даже не пытался отвечать на робкие попытки Бобо завести разговор. «Скоро мы доберемся, Пэтси», — один только раз произнес Грем. «Конечно», — вступил в разговор Фарнсворт. Наконец они подошли к патрульной машине Бобо, что стояла под деревьями на обочине дороги.

— Чертова коробка, — Бобо с силой хлопнул по крыше автомобиля.

Они прошагали в молчании еще двадцать ярдов, и Бобо воскликнул:

— Господи! Взгляните, что делается!

Дом Монти Смитфилда обрушился, образовав зияющую брешь в пейзаже. Из разбитых труб хлестала вода, торчали бетонные сваи фундамента. В воздухе висело густое, словно дым, облако пыли.

— Господи! — повторил Бобо. — Страшный дом. Похоже, что он ушел под воду. Видимо, это землетрясение разрушило его. — Он шагнул на траву, что тянулась до самого забора. — Надеюсь, что другие дома не пострадали.

— Думаю, этот будет единственным, — произнес Грем.

— Я действительно должен посмотреть, что происходит там. Может быть, кому-нибудь нужна помощь. — Бобо заколебался, ему явно не хотелось отставать от них. — Вы все пойдете домой, да?

— Абсолютно точно, — заверил его Грем.

Им оставалось пройти совсем небольшое расстояние до конца Бич-трэйл.

— Почему вы считаете, что разрушен только этот единственный дом? — неожиданно спросил Бобо.

— До свидания, Бобо. Ты хороший парень. Все будет в порядке. — Грем не мог сейчас отвечать на вопросы.

— Я видел вас... я видел вас на Кенделл Пойнт, — Бобо замер, похоже, что он с первой минуты встречи собирался сказать именно это.

Даже Пэтси и Табби сейчас смотрели на него.

— Я стоял так высоко, что видел все, что происходило на дне долины. Что было там? Вы сражались с кем-то? Что это было?

— А что вы видели? — задал вопрос Ричард; Грем, Пэтси и Табби инстинктивно придвинулись к Альби.

— Как будто какое-то животное... Огромное... и... мне показалось... но у него было человеческое лицо?

— Я бы и сам хотел знать это, — мягко сказал Ричард, — честное слово, Бобо, я бы и сам хотел знать это.

Бобо молчал, наконец он неуверенно произнес:

— Я думаю, мне надо проверить, что осталось от этого дома. — Он направился к забору, — Позаботьтесь о леди.

— До встречи. — Они не видели, что Бобо долго смотрел им вслед, до тех пор, пока они не свернули с Бич-трэйл.

Грем толкнул дверь, и они прошли внутрь. Пэтси с трудом держалась на ногах, голова ее поникла, и она извиняющимся тоном прошептала:

— Простите. У меня просто нет сил. Абсолютно нет сил.

Ричард и Табби столкнулись в узком проходе между книжными шкафами, одновременно бросившись к ней на помощь. Но Грем успел первым: он взял ее под руку и провел в гостиную.

— Я просто хочу немного полежать, — сказала Пэтси.

Грем помог ей сесть на диван. Глаза Пэтси мгновенно закрылись. Грем осторожно уложил ее и накрыл теплым пледом. Даже во сне лицо Пэтси оставалось напряженным, резко выдавались скулы, оно казалось изможденным.

— Ты можешь сесть, Табби. Она проспит несколько часов и никуда сейчас не уйдет, — сказал Грем и позвал Табби и Ричарда в комнату.

— Я тоже. — Табби неуверенно прошел к столику, на котором стояла пишущая машинка, замер возле него на несколько секунд, но, передумав, вернулся к изголовью дивана.

Ричард тоже не мог заставить себя отойти от Пэтси, он внимательно смотрел на нее, стоя около кресла Грема.

— Вы, ребята, похожи на львов, которые мечутся по библиотеке. Сделайте мне одолжение и присядьте. Никто никуда ведь сейчас не собирается идти. Я согласен с Табби, — произнес Грем.

— Хорошо. — Ричард опустился в кожаное кресло.

Табби сел рядом с диваном — он находился так близко от нее, что мог в любой момент дотронуться до ее волос.

— Я собираюсь немного выпить. И тоже пойду прилягу. Я чувствую себя так, будто не спал три дня подряд. Но я рассчитываю на то, что вы оба останетесь здесь, пока мы не разработаем дальнейшие планы.

— Я не хочу никаких планов, — проговорил Ричард.

— Договорились, — Грем улыбался. — Здесь полно комнат... В комнатах наверху за последние пятнадцать лет я не был ни разу. Что ж, я рад.

— Я тоже остаюсь здесь? — взволнованно спросил Табби.

— Если ты попытаешься куда-нибудь уйти, я просто посажу тебя на цепь около моего стола, — пригрозил Грем. — Хорошо. Значит, мы договорились. Кто еще хочет выпить? У меня есть немного того джина, который так любит Пэтси.

Втроем они одновременно посмотрели на Пэтси, спокойно спящую под пледом.

— С удовольствием, — согласился Ричард.

— Я тоже хочу немного, пожалуйста, — попросил Табби.

— Сегодня можно все. — Грем медленно вышел на кухню и начал колоть лед в стаканы.

Табби вспомнил Беркли Вудхауз, которая колола лед о раковину на кухне в «Четырех очагах»; мальчик крепче обхватил колени руками и затих.

— Ричард?

— Да?

— Мы правда останемся здесь на какое-то время?

— Да.

— Все вместе?

— Все вместе.

— Знаешь, а мне никуда и не хочется сейчас идти.

— Я понимаю. Мы все чувствуем это, Табби.

— Думаешь, этот полицейский Бобо действительно видел зверя с человеческим лицом?

Ричард откинулся на спинку стула.

— Знаешь, мы можем провести весь остаток жизни, обсуждая происшедшее на Кенделл Пойнт. Сейчас еще рано, Табби. Я даже не знаю, что и подумать.

Грем пришел из кухни с тремя стаканами, наполненными льдом и светлой жидкостью.

— Да, Табби, еще, и правда, рановато. Я тебе долил в стакан немного воды.

Он поставил стаканы на столик.

— Я сейчас вернусь. Пока у меня есть смелость, я должен еще кое-что сделать.

Табби глотнул джин и скривился.

— Ричард, тебе это правда нравится?

— Отличный джин.

На лестнице раздавались медленные шаги Грема.

— Куда он пошел?

— Спросим, когда он вернется.

— Я думаю, что никогда не смогу оставить Пэтси, — сказал мальчик.

— Да, а я, по-моему, никогда не смогу подняться с этого кресла.

Грем спустился по лестнице, неся в руках довольно толстую стопку исписанной бумаги высотой дюймов в восемь. Через несколько мгновений Табби и Ричард увидели, как он бросил все эти листы в высокое пластиковое мусорное ведро.

На лице Грема читалось облегчение, он уселся за стол и отпил из стакана.

— Великолепно, — он посмотрел на стакан, потом на Пэтси, — только что я обрел свободу. Я столько времени потратил на эту книгу, что не заметил, как год назад она умерла. Я просто продолжал работать по инерции. Сейчас мне даже не хочется на нее смотреть.

— Вы выкинули книгу? — изумленно переспросил Табби.

— Я написал тринадцать книг, — спокойно ответил Грем, — и когда-нибудь сделаю четырнадцатую. — Он с удовольствием отхлебнул новую порцию джина. — По-моему, сейчас я не хочу ничего, кроме как помогать вам заботиться о Пэтси.

Они надолго замолчали — тишина тянулась, тянулась и с каждой секундой наполнялась их мыслями и чувствами. Они трое разглядывали спокойно дремлющую под пледом женщину.

Табби уткнул голову в колени: у него задрожал подбородок и увлажнились глаза.

— Все в порядке, — сказал Грем, — все уже прошло.

Табби поднял голову и вновь посмотрел на Пэтси.

— Она... — он не закончил предложение, — она... — он не мог сказать.

— Я понимаю, она вышла за нас замуж, — произнес Ричард.

Табби порывисто вскочил и поцеловал Пэтси в щеку. Ричард поставил стакан на столик, поднялся и, обойдя диван, прижал губы к ее лбу. Грем подошел к Пэтси и поцеловал ее куда-то над левой бровью. Это походило на ритуал и, казалось, означало что-то очень важное и серьезное. Они безмолвно стояли над спящей женщиной.

Грем вздохнул и подошел к стулу, что стоял рядом с пишущей машинкой. Табби опять уселся у изголовья дивана. Ричард вытянулся в старом потертom кресле. Они не разговаривали. Грем допил

джин, теперь он чувствовал, как болит грудь, как гудят ноги. Никогда за многие годы работы (он вспомнил о листах бумаги, что валялись в мусорном ведре) он не ощущал себя таким уставшим, но он никогда и не бывал так счастлив. Каждый из них, сидевших в полумраке гостиной, светился от радости и удовлетворения — светился, точно меч в руках Ричарда на Кенделл Пойнт. Интересно, как это место и они сами смотрятся со стороны? Но сейчас, в эти секунды, это не имело значения. Он никогда еще не был так счастлив: казалось, он перенесся в загадочное королевство — яркий, солнечный мир, где играют боги. Глаза оставались открытыми, но Грем чуть не уронил стакан. Ричард и Табби давно заснули. Грем поднялся со стула, отнес стаканы на кухню и вытащил из мусорного ведра часть рукописи. А потом поднялся по лестнице. Внизу, в гостиной, раздавалось сонное, спокойное дыхание его утомленных и счастливых друзей.

ПОСЛЕ ЛУНЫ

После того как поднялась луна и все встало на место, Хэмпстед довольно долго приходил к себя, выбираясь из лихорадки и бреда; видения, возникающие за открывающимися дверями домов, в глубине кладовок и на улицах города, возвращались обратно в сознание жителей. Хэмпстед понемногу оживал и присоединялся к окружающему миру, а мир не просто был готов принять его обратно — он обрушил на город свое настойчивое и назойливое внимание. Хэмпстед, как всякий, кто перенес тяжелую болезнь, был бледным и худым, но голос города стал нормальным. Заселялись и оживали кварталы, отовсюду стекались сюда репортеры, писатели, операторы.

Практически каждый житель давал интервью или снимался журналистами, и четверо в доме Грема Вильямса не составляли исключения. В это время, когда жизнь скорее имитировала нормальность, чем была таковой, Пэтси, Ричард, старик и мальчик пришли к выводу, что то, что с ними происходит сейчас, не менее странно, чем то, что случилось раньше.

Ричард назвал это «звездной болезнью». Чаще все протекало спокойно и пассивно: если Ричард стоял на углу Мейн-стрит и ждал, когда сменится свет на светофоре, то трое стоящих неподалеку людей вдруг оборачивались и подходили к нему. В зависимости от характера они смотрели на него или восхищенно, или спокойно; они хотели заговорить с ним, но не решались. Да они наверняка и сами не знали, что хотели ему сказать. Многие потом долго шли за ним следом по Маунт-авеню.

Однажды, когда Пэтси делала покупки у наполовину опустошенного Гринблата, какая-то пожилая дама, чьи запястья увешивали тяжелые золотые браслеты, несколько раз погладила ее по руке, ощупывая при этом ее кофту. Другая молодая женщина бросилась обнимать Табби на городской стоянке машин возле небоскреба Анхальта. «Я начинаю понимать Фрэнка Синатру», — сказал как-то Ричард, но на самом деле он понимал, что просто многие люди обладают частицей способностей Пэтси и Табби, по крайней мере, той их частью, что позволяла разглядеть особую просветленность четырех людей.

Но им это очень не нравилось. Они нуждались только друг в друге. Стоило выйти за порог дома, как перед ними возникала личность или с карандашом и блокнотом, или с камерой и микрофоном и начинала задавать вопросы; самая большая трудность состояла в том, чтобы ответы не походили на ответы безнадежно психически больных людей. Они не могли себе позволить обсуждать то, что в действительности их волновало, — Гидеона Винтера и страшные события, которые им

довелось пережить. Похоже, что всех остальных беспокоила только юридическая ответственность корпорации «Телпро», реакция Министерства Безопасности и тому подобное. Но ни Ричард, ни трое его друзей не собирались углубляться в эти темы.

— Я считаю, что город понемногу приходит в себя, — ответил Ричард на вопрос «Си-Би-Эс». — Странно, но большинство были так заняты делами, что просто не помнят, что происходило здесь этим летом.

— Я боюсь, что так сосредоточилась на личных проблемах, что попросту не заметила прошедшего лета, — сообщила «Ньюсуик» Пэтси. — Я не собираюсь возбуждать судебное дело.

— Мы неплохо провели время летом, — делился впечатлениями с «Эн-Би-Си» Грем, — но нас чертовски плохо снабжали этим (би-и-и-п) бензином.

— В этом году было лето? — спросил Табби у «Айвитнес Ньюс».

Через неделю вопросы и интервью стали утихать, а через две недели они превратились в обычных заурядных жителей и были очень этому рады.

Поезда опять останавливались на станциях Хиллхэвена, Гринбанка и Хэмпстеда. Гринблат и другие супермаркеты пополнились свежими продуктами, как только товарные склады обнаружили, что Хэмпстед более не представляет угрозы их трейлерам. На третьей неделе сентября были застеклены все окна на Мейн-стрит. А через неделю после того, как Грем и Ричард отремонтировали полуразвалившуюся дверную раму на кухне, Грем заметил сидящего на дереве воробья. Еще через несколько дней после этого птицы вернулись в Хэмпстед — галки, кардиналы, скворцы, зяблики, дрозды и солидные серые вороны.

Однажды утром Грем и Пэтси, прогуливаясь вдоль берега, повстречали Эвелин Хугхарт; она вышла из машины, и Грем окликнул ее:

— Привет, Эви, приятно опять видеть тебя.

Она посмотрела на часы, потом на него и произнесла:

— Правда? — И пошла по направлению к своему дому.

— Теперь я знаю, что все вернулось на свои места, — проговорил Грем.

Чарли Антолини вызвал маляров и вынес из дома всю разукрашенную им мебель: телевизор, два дивана, стулья, огромный обеденный стол — все светилось ярко-розовым светом. Но вид этой веселой мебели вызвал у Грема воспоминания, связанные с прошедшим летом. Он вспомнил запах, который ударил ему в лицо, когда он перевернул тело Норма Хугхарта; вновь ощутил солоноватый привкус слез на щеках Пэтси, когда он поцеловал ее. Через двадцать минут гудвилльский грузовик увез мебель.

Иногда опечатки в «Хэмпстедской газете» навевали на Грема воспоминание о прошедших днях, днях, когда рухнули и превратились в ничто все правила и устои человеческой жизни, но опечаток теперь было не больше, чем всегда. Единственным отличием сентябрьских номеров «Газеты» от майских или апрельских было отсутствие колонки слухов и новостей: Сара Спрай не была великим писателем, но она доказала, что незаменима.

Через пять недель после той ночи, когда Грем поднялся по лестнице, оставив в гостиной спящих друзей, Ричард и Табби перешли улицу и подошли к дому Альби. Им пришлось отколоться от компании, о чем они, понимая необходимость этого шага, тем не менее глубоко сожалели. Увы, дом Грема никак не мог вместить четырех взрослых обитателей. Летом в комнатах верхнего этажа можно было изжариться, а зимой — превратиться в ледышку. Пэтси спала на диване в гостиной, а Табби ночевал на полу маленькой обшарпанной комнатухи при кухне. Грему явно не доставало привычного уединения. Ричарда же волновала заброшенность собственного дома: он хотел либо поселиться в нем, либо продать. Неодолимая потребность все время находиться в обществе друг друга заметно уменьшилась. Мир людей, реальная каждодневная жизнь настойчиво звали к себе, и понемногу они начинали откликаться. Табби снова пошел в школу — Ричарду хотелось, чтобы у мальчика были нормальные, удобные условия для домашних занятий. Сам Ричард мечтал о регулярной работе, он просто не мог vzdalчивать все ча Джона Рема. Быть может, Грем иногда слишком много командовал, быть может, сам Ричард бывал иногда нетерпелив. Отцы. Дети.

Старик, собственно, никогда и не думал, что Ричард продаст свой дом, поэтому он совершенно не удивился, когда Ричард сообщил, что намерен сохранить его.

— Ты собираешься усыновить Табби? — спросил Вильямс.

— Мне бы очень хотелось. — Впервые Ричард сознательно начал это.

— Правильно, — кивнул Грем.

А вот о Пэтси он его так и не спросил. Они все очень любили ее, но эта любовь таинственным образом не переносила никаких физических проявлений. То, что сделала для них Пэтси на Кенделл Пойнт, закрыло этот вопрос навсегда.

Как нередко водится в жизни маленьких городков, обитатели двух домов часто обедали вместе, вместе гуляли, вместе смеялись во время вечерних коктейлей и даже порой вместе ходили в кино. Ричард не обнаружил никаких препятствий к усыновлению Табби и в конце октября занялся юридическими формальностями. Грем и Пэтси отлично ладили друг с другом как отец с дочерью.

Но неожиданно Грем заметил, что они поменялись ролями. Теперь не он заботился о Пэтси, а наоборот, Пэтси нежила, охраняла, почти что нянчила его. Это приводило Грема в ужасное смущение, ему совершенно не хотелось очутиться в таком положении. Так же как и Ричард, он мечтал о возвращении к работе. И тут Пэтси приняла свое собственное решение.

Перед Рождеством Грем и Ричард распивали коктейли в гостиной Грема. Единственным напоминанием о Рождестве была стоящая на книжной полке искусственная елка. Грем теперь жил один. Надо сказать, что он испытывал определенное (тайное) удовольствие от того, что самая любимая на свете женщина больше не заставляет его каждое утро завтракать. Ричард тоже был один. Табби упросил его разрешить ему вместе с семьей школьного приятеля отправиться на неделю в Аспин. Так что они праздновали Рождество в обществе друг друга. Ричард поджарил утку и принес две бутылки отличного вина.

— Эй, дружище, — запротестовал Грем, — я ведь экс-алкоголик. Целую бутылку мне уже не осилить.

Он тщательно принарядился к празднику: откопал на чердаке зеленый бархатный смокинг с черными атласными лацканами, одел ярко-синюю тщательно выглаженную рубашку с золотистыми пуговицами и вязаный полосатый галстук; с черных туфель он даже не потрудился смахнуть пыль.

— Тогда кончайте глотать джин, — посоветовал, улыбаясь, Ричард.

— Я специально хранил его для такого случая, — с притворной обидой заявил Грем.

На какое-то мгновение к ним как бы присоединилась Пэтси — так живо их шутивая перебранка оживила воспоминания о ней.

Грем прервал молчание:

— Что слышно у Табби?

— Он звонит каждый день; я говорил с ним как раз перед тем, как прийти. Он отлично проводит время. Я очень скучаю без него, но рад, что разрешил ему эту поездку.

Они опять замолчали, и каждый знал, о чем думает другой, — о Пэтси.

— Грем, — наконец сказал Ричард, — я до сих пор не понимаю, что же все-таки произошло. Я думал, что со временем смогу разобраться во всем этом лучше. Мне кажется, что, может быть, мы недооценили роль «Телпро» во всем, что происходило.

— Что ж, — задумчиво произнес Грем, — «Телпро» действительно сыграла свою роль. Но я думаю, что Гидеон Винтер уцепился за нее из-за названия этого вещества — ДРК. С другой стороны, название может быть простым совпадением, а авария — аварией. И

Гидеон Винтер только постарался извлечь из этого свою выгоду. Есть, правда, еще один вариант, но он мне уж очень не нравится.

— Что мы частично ответственны за эту так называемую аварию? — полуутвердительно-полувопросительно сказал Ричард.

— Во всяком случае, мы помогли распространить эту ядовитую гадость по всему округу Патчин. Вспомните, что говорил этот ученый, Вайс. — Лицо Грема выразило отвращение. — Думаю, что когда Дракон понял, что случилось, он просто не мог поверить в такую удачу. Все это делало его могущественнее и сильнее. Он вполне мог устроить еще одно Черное Лето. Черт! Я думаю, что он и устроил его.

— Значит, вы все-таки думаете, что это был Дракон? Вы действительно так считаете?

— Но ведь вы же сами убили его, разве нет?

— Я думаю, что бы это ни было, его убила Пэтси.

Ричард помолчал.

— Вы должны описать все, всю эту историю, Грем. Описать так, как видели ее мы. Это нужно для всех нас.

— Это было бы, конечно, хорошо. Но боюсь, что появится искушение и захочется придумать разные вещи. Например, я должен буду придумать диалоги, придумать, что произошло с другими людьми. Очень скоро это все превратится в роман.

— Прекрасно, и роман подойдет.

— Нет. Невозможно. Мы много беседовали с вами и Пэтси, но я ведь даже не знаю, что вы делали в мае и июне. Я должен буду придумать и это.

— Я дам вам мои дневники, — пообещал Ричард.

— Ну что ж, я подумаю.

— Пэтси тоже вела дневник, — улыбнулся Ричард.

— Я знаю. Я подумаю над этим.

На следующее утро Грем позвонил Ричарду и попросил занести ему дневники.

Спустя два года, как раз перед тем, как Грем Вильямс закончил великолепную книгу «Парящий дракон», Ричард повез жену, малыша и Табби Смитфилда на короткие каникулы во Францию. Он завершил две большие реставрационные работы в Новой Англии и собирался скоро приступить к новой — в Виржинии. Французская ассоциация архитекторов пригласила Ричарда на съезд, и он использовал эту возможность, чтобы показать своей новой семье Париж. Жена, которая была моложе его на десять лет, работала в музее Современного Искусства и прекрасно говорила по-французски. Они собирались вернуться домой за два дня до начала занятий Табби на первом курсе Коннектикутского университета. Малышу исполни-

лось три месяца, и он еще не знал никаких расписаний, кроме расписания кормления.

Ричард водил их по музеям, паркам и ресторанам. Бесконечно счастливый и благодарный, он гулял по улицам Парижа — Табби и жена по сторонам, веселый малыш в коляске. Если одни силы заставили его пережить лето 1980 года, то другие подарили ему эту радость.

За два дня до возвращения Ричард, толкая перед собой коляску, вышел из центральных дверей гостиницы «Интерконтиненталь» и без всякой определенной цели свернул к Вандомской площади. Жена и Табби отправились за покупками, а ему хотелось, чтобы малыш подышал воздухом, да и потом он понимал, что время их пребывания в Париже подходит к концу, и ему не хотелось терять ни единой оставшейся минуты. Он неторопливо шагал по площади, любуясь витринами магазинов, и опять-таки без всякой определенной цели двинулся по направлению к Гранд Опера. Через пять или шесть кварталов он решил, что неплохо бы выпить пива и посмотрел по сторонам в поисках кафе.

Ричард повернул на незнакомую улицу и увидел на следующем углу столики под тентами. Он вкатил коляску в кафе и уселся за крайним из столов. Малыш гукал и лепетал, колотя кулачками по висящим игрушкам. Ричард сделал заказ на ужасном французском языке и огляделся. Он от души надеялся на то, что здесь нет ни одной обожающей детей дамы, которая примется охотиться над его сыном и которой придется отвечать, судорожно составляя на незнакомом языке любезные фразы. Это испортило бы удовольствие и от пива, и от прогулки. В этот момент Ричард заметил на другом конце кафе полного седого мужчину. Безумное лето 1980 года вновь ожило, ему показалось, что он сходит с ума. Ричард знал, что уже видел это лицо. Он застыл, парализованный страхом. Дракон, Дракон показывал ему этого человека в том бесконечном туннеле, где пытался убить его.

Прошло несколько казавшихся бесконечными минут, и Ричард осознал, что седой человек не собирается предпринимать никаких действий. подобных тем. Это был самый обычный мужчина, а не очередная игрушка Гидеона Винтера. Но все же он так же походил на старого моряка или романтического поэта, как и тот, с кем Ричард повстречался тогда в страшном туннеле. Должно быть, отец Ричарда был бы хорошим собеседником и добрым собутыльником; наверное, он и работал совсем неплохо, а срывы, видимо, объяснялись тяжелыми переживаниями. И друзей он должен был иметь немало. Ричарду даже показалось, что этот седоволосый мужчина похож на него самого. Лет через двадцать пять он, наверное, будет так выглядеть сам.

Ричард вынул малыша из коляски и подошел, держа его на руках, к дальнему столику. Крепко обняв сына и чувствуя, как стучит его сердце, Ричард произнес:

— Майкл Альби, познакомьтесь с Майклом Альби.

Мужчина удивленно взглянул на Ричарда. Это был вовсе не его отец. Он совершенно не напоминал человека из туннеля. Типичный парижский буржуа — он казался даже оскорбленным выходкой Ричарда. Малыш начал плакать. Загадка за загадкой. Тайна за тайной.

Ричард торопливо шел в направлении «Интерконтиненталя». И почти сразу же заблудился. Это был единственный случай в жизни, когда его способность ориентироваться изменила ему. В конце концов он сдался и остановил такси, тем более что малыш плакал все громче и громче, требуя свою порцию молока.

Ричард не стал рассказывать своей способной, привлекательной и чуть агрессивной жене о встрече с «отцом» — из рассказов она давно усвоила, что его родители умерли. Но он не чувствовал себя спокойно до тех пор, пока огромный французский авиалайнер не приземлился в аэропорту Кеннеди. Тайна за тайной.

Пэтси Макклауд исчезла из их жизни, хотя никто из них не хотел и не мог с этим примириться. Когда Пэтси жила в доме Грема, она довольно часто отправлялась на одинокие ночные прогулки. Грем Вильямс обычно шел спать в десять часов вечера, и он никак не мог воспрепятствовать этим необъяснимым уходам, так как узнавал о них только по хлопанью гаражной двери, будившему его в три, четыре часа ночи. Но как бы поздно Пэтси ни возвращалась, утром, свежая и отдохнувшая, она встречала его на кухне свежесваренным кофе и приготовленным завтраком. Она всегда требовала, чтобы он съел эти завтраки, особенно яйца — он должен помнить о пользе яиц.

Потом в один прекрасный день она сообщила Грему, что встретила понравившегося ей мужчину. Юрист из Чикаккуа, Нью-Йорк, вдовец. Они встретились с Пэтси еще несколько лет назад на Мартинике, где она с Лесом и несколькими парами из их компании проводили отпуск. Этот человек увидел ее фото в «Ньюсуик», узнал номер телефона и сумел дозвониться до нее в один из тех редких дней, что она проводила в доме на Чарльстон-роад. Его звали Артур Поверс. Пэтси особенно ценила в нем то, что он вполне серьезно, без тени насмешки отнесся к рассказам о событиях предыдущего лета.

Через Ронни Ригли Пэтси удачно продала дом — Хэмпстед по-прежнему оставался комфортабельной спальней Нью-Йорка: прошлые проблемы с химическим производством не смогли всерьез изменить ситуацию — цены на недвижимость были довольно высокие. Кроме того, Лес имел страховой полис. Так что если бы она и

потеряла что-то на продаже дома, то у нее оставалась сумма, ничуть не меньшая по размеру, чем губительное наследство Смитфилда.

Рождество 1980-го Пэтси провела в Чипаккуа с Артуром Поверсом.

Но уехала она еще раньше. После пяти-шести недель, прожитых у Грема, она отправилась в Нью-Йорк погостить у школьной приятельницы. Они с Гремом скучали друг без друга. Пэтси часто звонила.

— Я люблю вас, — говорила она в телефонную трубку, — я люблю вас, потому что не любить вас я не могу.

При этих словах Грему до боли хотелось, чтобы она вернулась и снова жила вместе с ним, пусть даже закармливая его ненавистными завтраками.

Через двенадцать дней пришла открытка. С какого-то острова, чье название смазал почтовый штемпель. Как пристально ни вглядывался Грем в волнистые черные линии штемполя, разобрать надпись под ними он не смог. Открытка гласила: «А. П. — просто находка. Я так скучаю по вам всем. Песок белый, солнце горячее. Восхитительно. Выпейте martini и вспомните обо мне. С любовью. П.»

Картинка на открытке изображала заходящее солнце, пальмы и ярко-синее море. Тщательный анализ позволил установить британское происхождение марки. Британия? Бермуды? А может, Грему просто показалось это.

Пэтси звонила ему из Чипаккуа. Она как всегда была очень нежной, но немного торопилась. Они с Артуром подумывали о покупке дома.

— Наша нынешняя квартира, Грем, вроде вашей, а я ведь капризна и нуждаюсь в уединении.

Она послала извещение о свадьбе, на котором был напечатан обратный адрес: Вудлен Глен, 28, Чипаккуа, Нью-Йорк.

«Снова замужем, но по-прежнему Пэтси Макклауд. Люблю вас всех навсегда и навечно», — так было написано в приложенной записке.

А потом она пропала. Полностью пропала.

Однажды на вечеринке в Нью-Йорке Ричард повстречался с женщиной, которая впоследствии стала его женой. Он поинтересовался, не бывала ли она в Хэмпстеде.

— Лондон? Конечно, бывала.

— Нет не Лондон. Коннектикут.

— А разве в Коннектикуте еще живут люди?

Люди выжили и продолжали жить. Табби влюбился в девочку из класса, но безответно. Потом влюбился в другую. Грем трудился над книгой. Ричард проводил все больше времени с встреченной в Нью-Йорке женщиной, наконец пригласил ее к себе и познакомил с Табби. А Пэтси пропала.

Она вышла замуж за адвоката по имени Артур Поверс и жила в Чипаккуа. А может, и не вышла, и не жила. Однажды ночью Грем пытался узнать номер ее телефона через справочную Вестчестерского района. Однако ему сообщили, что ни Патриция Макклауд, ни Артур Поверс не зарегистрированы в Чипаккуа. Ричард написал ей письмо о Табби, о себе, о своем намерении вновь жениться, но письмо, отосланное на адрес Вудлен Глен 28, Чипаккуа, вернулось со штампом: АДРЕС НЕИЗВЕСТЕН.

Она снилась им всем. Ричард увидел ее во сне в ночь перед свадьбой. Пэтси стояла на склоне холма и улыбалась. Он понял, что она желала ему счастья.

В ночь, когда родился сын, в четыре часа утра зазвонил телефон.

— Что-то хорошее случилось у вас сегодня, — произнес дорогой голос.

— Пэтси! Как замечательно. У меня родился сын. Но как, ради всего святого, ты узнала об этом?

— У нас, женщин из рода Тейлоров, свои секреты. Я так счастлива сейчас. А ты?

— Я? Да я готов напиться от счастья! Я так рад!

— Отлично. Я радуюсь с тобой и счастлива твоим счастьем, Ричард.

— Я послал тебе письмо, — начал было Ричард. Но Пэтси заговорила одновременно с ним и они не разобрали слов друг друга.

— Прости, — сказали они хором.

Пэтси заторопилась:

— Я должна бежать, — прозвенел ее чистый голос, — я так рада, что ты уже отец.

— Пэтси, какой у тебя номер телефона? Мы пытались дозвониться до тебя...

— Мы сейчас как раз меняем его. Я сообщу тебе, как только его установят.

— Пожалуйста, Пэтси. Я так хочу увидеть тебя. И Грем тоскует. И Табби хочет многое рассказать, особенно про свою подружку.

Она засмеялась:

— Отлично. Ты сделал тогда большое дело.

— Мы сделали тогда большое дело, — поправил Ричард, но телефон уже отключился.

Он взял дракона, змия древнего, который есть дьявол и сатана, и сковал его на тысячу лет.

С о д е р ж а н и е

ДРАКОН

Перевод М.Гачиной и Н.Вайсфельд

Введение	7
Часть первая	25
Часть вторая	181
Часть третья	335

Литературно-художественное издание

Питер Страуб

ДРАКОН

Выпуск 18

Сдано в набор 28.10.93. Подписано в печать 11.02.94 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 25 п.л. Печать офсетная. Тираж 50 000 экз.
№ Заказа 56.

ЛР №061592 от 7.09.92
Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г.Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

КЛАЙВ БАРКЕР

В качестве приложения к серии «Мастера остросюжетной мистики» издательство «КЭДМЭН» выпускает собрание сочинений известного английского писателя Клайва Баркера в восьми томах.

Клайв Баркер знаменует собой новую эру в мировой литературе. Критики сравнивают его с Кингом и Толкиеном, поскольку он блестяще совмещает стили «horror» и «fantasy».

По романам Клайва Баркера поставлены известные фильмы «HELLRAISER» (Восставший из ада) и «NIGHTBREED» (Ночной народ).

Содержание томов:

1 том	Племя тьмы. Восставший из ада
2 том	Явление тайны
3 том	Проклятая игра
4 том	Книга крови I
5 том	Книга крови II
6-7 тома	Имаджика
8 том	Сотканный мир

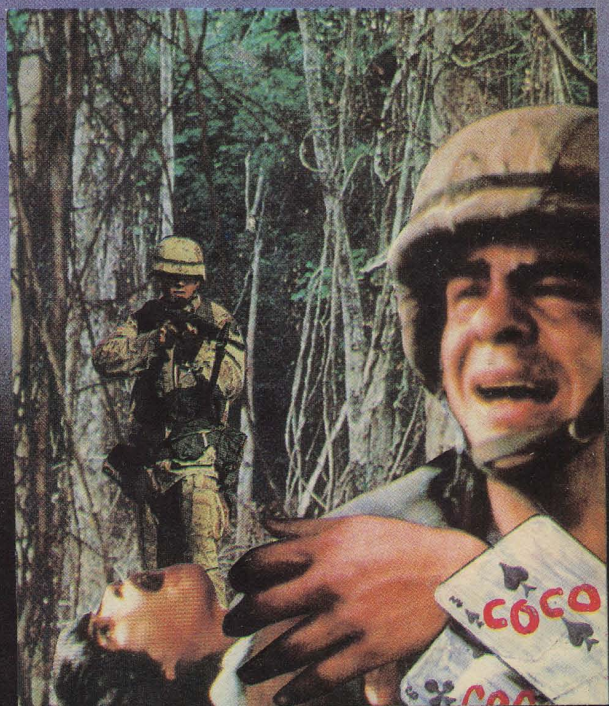
Все права на издание на русском языке произведений Клайва Баркера принадлежат издательству «КЭДМЭН»

По вопросам приобретения книг
издательства «КЭДМЭН»
обращайтесь к дилерам:

Москва	(095)	360-99-40 378-27-57 208-21-87
Санкт Петербург	(812)	224-44-53 156-81-63
Воронеж	(073)	2-50-40-24
Ярославль	(085)	2-44-58-88 2-23-21-41
Калуга	(084)	22-3-14-44
Львов	(032)	2-52-63-73

ПИТЕР СТРАУБ

В следующем выпуске
нашей серии
вы встретитесь с новым
остросюжетным романом
Питера Страуба